

Крещение огнем
Башня Ласточки

Крещение огнем
Башня Ласточки

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Анджеу
Санковский

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRZEJ
SAPKOWSKI

Chrzest ognia
Wieża Jaskółki

АНДЖЕЙ

САПКОВСКИЙ

**Крещение огнем
Башня Ласточки**

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

Серия основана в 1999 году

Andrzej Sapkowski
CHRZEST OGNIА
1996

WIEŻА JASKÓŁKI
1997

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с польского Е.П. Вайсброта

Художник А. Дубовик

Публикуется с разрешения издательства Nowa Publishers
и литературного агентства Александра Корженевского.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

© Andrzej Sapkowski, 1996, 1997
© Перевод. Е.П. Вайсброт, 1997, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2000

Крещение огнем

*Крещение огнем —
в громе, в полях сражений
вспомни об нем.
Не было завершенья —
войны вершились пламенем,
шли племена —
на битвы.
Больно по мне бил
голос набата,
страшная правда преданий,
ответ огня рыжего.
Но вы — не предали,
братья мои по оружию... **

«Dire Straits»

* Перевод с английского Н. Эристави.

...И сказала гадалка ведьмаку: «Вот тебе мой ответ — обуй ботинки с подошвами железными, возьми в руку посох железный. Иди в тех железных ботинках на край света, а дорогу перед собой посохом ощупывай, слезой окропляй. Иди сквозь огонь и воду, не останавливайся, не оглядывайся. А когда сотрутся подошвы железные, изотрется посох железный, когда от ветра и жары иссохнут очи твои так, что боле ни одна слеза из них истечь не сможет, тогда на краю света найдешь то, что ищешь и что любишь. Может быть».

И пошел ведьмак сквозь огонь и воду и не оглядывался. Но не взял ни башмаков железных, ни посоха. А взял только свой меч ведьмачий. Не послушался он слов гадалки. И хорошо сделал, ибо была это плохая гадалка.

Флоуренс Деланной.
«Сказки и предания»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В кустах дебоширили птицы.

Склон балки покрывала плотная, густая масса ежевики и барбариса — идеальное место для гнездовья и кормежки, поэтому неудивительно, что тут прямо-таки кишмя кишела птица. Самозабвенно расточали трели зеленушки, щебетали чечетки и славки-завирушки, то и дело раздавалось звучное «теньк-теньк» зяблика. «Зяблик тенькает к дождю», — подумала Мильва, невольно взглянув на небо. Туч не было. Но зяблики всегда тенькают к дождю. А немного бы дождя не помешало.

Место напротив устья котловинки было прекрасной позицией, обещавшей удачную охоту, особенно здесь, в Брокилоне, пристанище всякой живности. Владеющие обширным лесным районом дриады охотились очень редко, а человек отваживался заходить сюда и того реже. Жаждающий мяса и шкур ловчий сам становился объектом ловли. Брокилонские дриады были безжалостны к пришельцам. Мильва имела случай убедиться в этом на собственной шкуре.

Чего-чего, а уж зверья в Брокилоне было предостаточно. Однако Мильва сидела в засаде уже больше двух часов, а на расстоянии выстрела еще никто не появлялся. Охотиться на ходу она не могла — стоявшая месяцами сушь выстлала почву хворостом и листьями, хрустевшими при каждом шаге. Сейчас только неподвижность в засаде могла завершиться успехом и принести добычу.

На лук присела бабочка адмирал. Мильва не стала ее пугать. Наблюдая за тем, как бабочка складывает и раскрывает крылышки, она одновременно смотрела на лук, новое приобретение, которому все еще не могла нарадоваться. Она была, как говорится, лучницей от Бога, обожала хорошее оружие. А то, которое сейчас держала в руке, было лучшим из лучших.

За свою жизнь Мильва сменила множество луков. Она училась стрелять из обыкновенных ясеневых и тисовых, но быстро отказа-

лась от них в пользу чутко реагирующих на малейшее движение руки ламинированных, которыми пользуются дриады и эльфы. Эльфы луки были короче, легче и удобнее, а благодаря комбинации дерева и сухожилий животных гораздо «скоростнее», чем тисовые, — выпущенная из них стрела достигала цели быстрее и летела по более пологой траектории, что значительно уменьшало возможность сноса ветром. Самые лучшие экземпляры такого оружия с четверным изгибом носили у эльфов название *zeřnar*, потому что изогнутые плечи и грифы лука напоминали именно такой рунический знак. Мильва пользовалась зефарами уже несколько лет и считала, что вряд ли найдется лук, который бы превосходил их.

Но наконец напала и на такой. Было это, конечно, в Цидариссе, на Морском базаре, славившемся богатым выбором удивительных и редких товаров, которые моряки привозили из самых дальних уголков мира, отовсюду, куда только добирались их когти и галеоны. Мильва всякий раз, как только выпадала возможность, посещала базар и осматривала заморские луки. Именно там она приобрела лук, который, как она решила, послужит ей долгие годы, изготовленный в Зеррикании зефар, усиленный шлифованным рогом антилопы. Этот лук она считала идеальным. Целый год. Потому что год спустя, на том же самом лотке, у того же самого купца увидела другое чудо.

Лук пришел с дальнего севера. Прекрасно сбалансированное оружие шестидесяти двух дюймов в размахе, плоские ламинированные плечи, склеенные из перемежающихся слоев благородной древесины, вываренных жил и китового уса. От лежавших рядом экземпляров его отличала не только конструкция, но и цена — и цена-то и обратила на себя внимание Мильвы. Однако стоило ей взять лук в руки и испробовать, как она, не колеблясь и не торгуясь, заплатила все, что требовал купец. Четыреста новиградских крон. Конечно, такой сногшибательной суммы при ней не было. Она тут же продала свой зерриканийский зефар, связку собольих шкурок и чудесной работы эльфийский медальончик — коралловую камею, обрамленную речными жемчугами.

Но не сожалела. Никогда. Лук был невероятно легкий и идеально меткий. Хотя и не очень размашистый, он таил в своих композитных плечах сильный удар. Снабженный прикрепленной к очень точно изогнутым грифам шелково-конопляной тетивой, он при двадцатичетырехдюймовом натяжении давал шестьдесят пять фунтов силы. Правда, существовали луки, дававшие даже восемьдесят, но Мильва считала это перебором. Выпущенная из ее «китовой» шестидесятипятидюймовой стрела преодолевала расстояние в двести футов за время между двумя ударами сердца, а на ста шагах сохраняла силу, вполне достаточную, чтобы запросто уложить оленя. Человека же, если он был без лат, прошивала насквозь. На зверя

крупнее оленя и на тяжеловооруженных людей Мильва охотилась редко.

Бабочка улетела. Зяблики по-прежнему шебуршились в кустах. И по-прежнему ничто не выходило на выстрел. Мильва оперлась бедром о ствол сосны и принялась вспоминать. Так просто, чтобы убить время.

Впервые она встретилась с ведьмаком в июле, через две недели после событий на острове Танедд и начала войны в Доль Ангре. Мильва возвращалась в Брокилон после почти двадцатидневного отсутствия. Она привела остатки команды скоя'таэлей, разгромленной в Темерии, когда белки пытались пройти на территорию охваченного войной Аэдирна. Команда думала присоединиться к восстанию, поднятому эльфами в Доль Блатанна. Им не повезло. Если б не Мильва, с ними было бы покончено. Но они нашли Мильву и убежище в Брокилоне.

Сразу по приезде она узнала, что в Коль Серрае ее срочно ждет Аглайиса. Мильва немного удивилась. Аглайиса стояла во главе брокилонских целительниц, а глубокая, богатая горячими источниками и пещерами котловина Коль Серрая была местом лечебниц.

Однако она откликнулась на вызов, думала, речь идет о каком-нибудь лечащемся эльфе, который хочет с ее помощью связаться со своей командой. Увидев же раненого ведьмака и узнав, в чем дело, прямо-таки взбеленилась. Выскочила из грота с развевающимися волосами и все возмущение выместила на Аглайисе.

— Он меня видел! Видел мое лицо! Ты понимаешь, чем мне это грозит?

— Нет, не понимаю, — холодно ответила целительница. — Это Gwynbleidd, ведьмак. Друг Брокилона. Он здесь с новолуния. Уже четырнадцать дней. И пройдет еще какое-то время, прежде чем он сможет встать и нормально ходить. Ему нужны вести из мира, вести о его близких. Доставить их можешь только ты.

— Вести из мира? Да ты в своем уме, духобаба?! Ты хоть знаешь, что творится сейчас на свете за границами твоего спокойного леса? В Аэдирне — война! В Бругге, в Темерии и в Редании неразбериха, великая ловитва! За теми, кто поднял восстание на Танедде, гоняются повсюду. Кругом полным-полно шпионов и ан'гиваров. Хватит одного слова, достаточно губы скривить где не надо, и уже палач в яме тебя каленым железом пришпарит. И что, мне идти на разведку, выпытывать, известия собирать? Шею подставлять? И ради кого? Ради какого-то паршивого ведьмака? Он мне что, брат, сват? Нет, ты точно разума лишилась, Аглайиса!

— Ежели ты намерена и дальше орать, — спокойно прервала дриада, — то идем поглубже в лес. Ему нужен покой.

Мильва невольно оглянулась на выход из грота, в котором только что видела раненого. «Хорош парень, — невольно поду-

мала она. — Правда, худ, кожа да кости... Башка белая, но живот плоский, словно у парнишки, — видать, труд ему друг, а не солонина с пивом...»

— Он был на Танедде, — отметила, не спросила она. — Бунтовщик.

— Не знаю, — пожала плечами Аглайиса. — Раненый. Нуждается в помощи. До остального мне дела нет.

Мильва отмахнулась. Целительница славилась нелюбовью к болтовне. Но Мильва успела наслушаться сообщений дриад с восточных границ Брокилона, знала уже все о событиях двухнедельной давности. О рыжеволосой чародейке, явившейся одновременно с магической вспышкой в Брокилон, о калеке со сломанной рукой и ногой, которого она притащила в лес и который оказался ведьмаком, гвинблейддом, Белым Волком, как его называли дриады.

Вначале, рассказывали дриады, неизвестно было, что делать. Залепанный кровью ведьмак то кричал, то терял сознание. Аглайиса делала ему временные перевязки, чародейка ругалась. И плакала. В последнее Мильва совершенно не верила — кто-нибудь хоть раз видел плачущую чародейку? А потом пришел приказ из Дуэн Канэлли, от Среброглазой Эитнэ, владычицы Брокилона. Чародейку отпустить. Ведьмака лечить.

И его лечили. Мильва видела. Он лежал в гроте, в лохани, полной воды из волшебных брокилонских источников, его укрепленные в шинах и на вытяжках конечности были опутаны плотным покровом из лечебных вьюнов конинхаэли и побегов пурпурного окопника. Волосы белые, ровно молоко. Он был в сознании, хотя те, кого лечили конинхаэлью, обычно чуть ли не трупом валяются, бредят, их устами говорит магия...

— Ну? — Невыразительный голос целительницы вырвал ее из задумчивости. — Так как? Что ему сказать?

— Чтобы шел ко всем чертям, — проворчала Мильва, поправляя оттянутый кошель и охотничьим ножом пояс. — И ты туда же, Аглайиса.

— Твоя воля. Я не принуждаю.

— Верно. И не принудишь.

Она не оглядываясь пошла в лес меж редких сосен. Она была зла.

О ночных событиях на острове Танедд в первое июльское новолуние Мильва знала из бесконечных разговоров скоя'таэлей.

Во время Большого Сбора чародеев на острове вспыхнул мятеж, пролилась кровь, полетели головы. Армия Нильфгаарда как по сигналу ударила на Аэдири и Лирию, началась война. А в Темерии, Редании и Каэдвене все сосредоточилось на Белках. Во-первых, потому что, кажется, взбунтовавшимся чародеям на Танедде пришла на помощь команда скоя'таэлей. Во-вторых, потому что вроде бы какой-то то ли эльф, то ли полуэльф кинжалом прикон-

чил Визимира, реданского короля. Повсюду бурлило, словно в котле. Кровь эльфов текла рекой...

«Да, — подумала Мильва, — может, и верно болтают жрецы, мол, конец света и судный день уж рядом. Мир в огне, человек не только эльфу волк, но и человеку, брат на брата с ножом идет... А ведьмак лезет в политику и пристает к бунтовщикам. Ведьмак, который только для того существует, чтоб по миру болтаться и вредящих людям мөнстров кончать. Сколь существует мир, ведьмаки никогда не давали себя втянуть ни в политику, ни в войны. Недаром же сказывают сказку о глупом короле, который хотел ситом воду носить, зайца гонцом сделать, а ведьмака воеводой посадить. А тут, нате вам, ведьмак в мятеже супротив короля пострадал, в Брокилоне от кары хорониться вынужден. Нет, и впрямь конец света пришел. Точно!»

— Здравствуй, Мария.

Мильва вздрогнула. У стоящей при сосне дриады глаза и волосы были цвета серебра. Заходящее солнце окружало ее голову кроваво-красным ореолом на фоне пестрой стены леса. Мильва опустилась на одно колено, низко склонила голову.

— Здравствуй, госпожа Эитнэ.

Владычица Брокилона засунула за лыковый поясок золотой ножик в форме серпа.

— Встань. Пройдемся. Хочу с тобой поговорить.

Они долго шли по заполненному тенями лесу, маленькая среброволосая дриада и высокая девушка с льняными волосами. Ни та, ни другая не прерывали молчания.

— Давно ты не заглядывала в Дуэн Канэлль, Мария, — сказала наконец дриада.

— Времени не было, госпожа Эитнэ. До Дуэн Канэлли от Лен-точки долгая дорога, а я... Ты же знаешь.

— Знаю. Устала?

— Эльфам нужна помощь. Ведь я помогаю им по твоему приказу.

— По моей просьбе.

— Во-во. По просьбе.

— Есть у меня еще одна.

— Так я и думала. Ведьмак небось?

— Помоги ему.

Мильва остановилась, отвернулась, резким движением отломила зацепившуюся за платье веточку жимолости, повертела в пальцах, кинула на землю.

— Уже полгода, — сказала она тихо, глядя в серебристые глаза дриады, — я рискую головой, провожу в Брокилон эльфов из разгромленных команд. А как токо передохнут, раны подлечат, вывожу обратно... Мало тебе? Недостаточно я сделала? Каждое новолуние темной ночью на тракт отправляюсь... Солнца уже боюсь, ровно летучая мышь или сова какая...

— Никто не знает лесных тропок лучше тебя.

— В дебрях мне не узнать ничего. Ведьмак вроде бы хочет, чтобы я вести собирала, к людям пошла. Это бунтовщик, на его имя у ан'гиваров уши наставлены. Мне самой никак невозможно в городах показываться. А вдруг кто распознает? Память о том еще жива, не засохла еще та кровь... А много было тогда крови, госпожа Эйтнэ, ох, много.

— Немало. — Серебристые глаза пожилой дриады были чужими, холодными, непроницаемыми. — Немало, правда твоя.

— Если меня узнают, на кол натянут.

— Ты осммотрительна... Ты осторожна и внимательна.

— Чтобы добыть сведения, о которых просит ведьмак, надо забыть об осторожности. Надо расспрашивать. А сейчас любопытствовать опасно. Если меня схватят...

— У тебя есть контакты.

— Умучают. Заистязают. Либо сгноят в Дракенборге...

— Ты — мой должник.'

Мильва отвернулась, закусил губу.

— Да, должник, — сказала она горько. — Не забыть.

Она прикрыла глаза, лицо вдруг сморщилось, губы дрогнули, зубы стиснулись сильнее. Под веками призрачным, лунным светом той ночи бледно забрезжило воспоминание. Неожиданно вернулась боль в шиколотке, схваченной ременной петлей, боль в выворачиваемых суставах. В ушах загудели листья резко распрямляющегося дерева... Крик, стон, дикое, сумасшедшее метание и жуткое чувство охватившего ее страха, когда она поняла, что ей не освободиться... Крик и страх, скрип веревки, раскачивающиеся тени, неестественная, перевернутая земля, перевернутое небо, деревья с перевернутыми кронами, боль, бьющаяся в висках кровь... А на рассвете — дриады, вокруг, веночком... Далекий серебристый смех... Куколка на веревочке! Дергайся, дергайся, куколка, головкой книзу... И ее собственный, но чужой визгливый крик. А потом тьма.

— Да, должник. Конечно, — повторила она сквозь стиснутые зубы. — Да, конечно, я же всяк, снятый с веревки. Похоже, пока я жива, мне с этим долгом не расплатиться.

— У каждого свой долг, — сказала Эйтнэ. — Такова жизнь, Мария Барринг. Долги и кредиты, обязательства, благодарности, расплаты. Что-то кому-то должен сделать. А может, себе самой? Ведь если по правде, то каждый всегда расплачивается с самим собой, а не с кем-то. Любой долг мы выплачиваем самим себе. В каждом из нас сидит кредитор и должник одновременно. Главное — уравновесить этот счет. Мы приходим в мир как частица данной нам жизни, а потом все время только и знаем, что расплачиваемся за это. С самим собою. Для того, чтобы в конце концов сошелся баланс.

— Тебе дорог этот человек, госпожа Эйтнэ? Этот... ведьмак?

— Дорог. Хоть он и сам этого не знает. Возвращайся в Коль Серрай, Мария Барринг. Иди к нему. И сделай то, о чем я прошу.

В котловинке хрустнул хворост, скрипнула ветка. Громко и зло прозвучал крик сороки, взлетели зяблики, мелькнув белыми правильными перышками. Мильва затаила дыхание. Наконец-то!

«Чек-чек, — крикнула сорока. — Чек-чек-чек». Снова скрипнула ветка.

Мильва поправила вытертый до блеска, на славу послуживший кожаный наплечник на правом предплечье, вложила кисть руки в прикрепленную к грифу лука петлю. Вынула стрелу из плоского колчана на бедре. Автоматически, по привычке проверила острие и оперение. Стержни стрел она покупала на ярмарках, выбирая в среднем одну из десятка предложенных, но перья прилаживала всегда сама. У большинства готовых стрел были слишком короткие воланы и укреплены они были по оси стрелы, а Мильва пользовалась исключительно стрелами со спиральными воланами длиной не менее пяти дюймов.

Она наложила стрелу на тетиву и уставилась на выход котловинки, в зеленеющее между стволами пятно барбариса, отягощенного гроздьями красных ягод.

Зяблики улетели недалеко и снова принялись тень-тенькать. «Ну иди же, козочка, — подумала Мильва, приподнимая и натягивая лук. — Иди. Я готова».

Но косули пошли по балке в сторону болотца и источников, питающих ручьи, впадающие в Ленточку. Из котловинки вышел козел. Стройный, на глаз фунтов сорока весом. Он поднял голову, застриг ушами, потом повернулся к кустам, сорвал ветку.

Стоял он удачно — задом. Если б не ствол, заслонявший цель, Мильва выстрелила бы, не раздумывая. Даже попав в живот сзади, стрела прошла бы его и добралась до сердца, печени или легких. Попав в бедро, она рассекла бы артерию, животное тоже должно было бы вскоре пасть. Мильва ждала, не освобождая тетивы.

Козел снова поднял голову, сделал шаг, вышел из-за ствола и слегка повернулся. Мильва, удерживая тетиву в полном натяжении, мысленно выругалась. Выстрел в переднюю часть тела был нежелателен: наконечник вместо легкого мог угодить в живот. Она ждала, сдерживая дыхание, уголком губ чувствуя соленый привкус тетивы. Это было еще одно большое, прямо-таки неоценимое достоинство ее лука — пользуясь она более тяжелым или не столь тщательно изготовленным оружием, она не смогла бы так долго держать его в натяжении, не рискуя утомить руку и снизить точность выстрела.

К счастью, козел наклонил голову, сорвал выступающую из мха траву и повернулся боком. Мильва спокойно вздохнула, прицелилась в область легкого и мягко отпустила тетиву.

Однако ожидаемого звука ломаемого наконечником ребра она не слышала. Козел подпрыгнул, взвизгнул и скрылся, сопровождаемый хрустом сухих веток и шорохом листьев.

Несколько ударов сердца Мильва стояла неподвижно, окаменевшая, словно мраморная статуя лесной русалки. Лишь когда все звуки утихли, она отвела правую руку от щеки и опустила лук. Отметив в памяти, куда побежало животное, спокойно села и оперлась спиной о ствол. Она была опытной охотницей, браконьерствовала в господских лесах с малых лет, первую косулю уложила, когда ей было одиннадцать, первого четырнадцатилетнего оленя — по невероятному охотничьему везению — в день своего четырнадцатилетия. А опыт говорил, что никогда не следует спешить за подстреленным животным. Если попала хорошо, козел должен пасть не больше чем в двухстах шагах от устья котловинки. Если попала хуже — поспешность может испортить дело. Неудачно подстреленное животное, если его не тревожить, после панического бегства немного успокоится и пойдет тише. Если же преследовать и пугать — помчится сломя голову и остановится, лишь когда вымотается вконец.

Так что в распоряжении у Мильвы было никак не меньше полчасика. Она прикусила сорванный стебелек и снова задумалась. Вспоминала.

Когда через двенадцать дней она вернулась в Брокилон, ведьмак уже ходил. Слегка прихрамывал и немного тянул бедро, но ходил. Мильва не удивилась — она знала о чудесных целительных свойствах лесной воды и травы, именуемой конинхазелью. Знала также способности Аглайисы, неоднократно была свидетельницей прямо-таки мгновенного исцеления раненых дриад. А слухи о невероятной выносливости и стойкости ведьмаков тоже, видать, не были высосаны из пальца.

Она не пошла в Коль Серрай сразу по прибытии, хоть дриады напоминали, что Gwynbleidd нетерпеливо ждал ее возвращения. Тянула умышленно, все еще недовольная поручением, намеренно показывала, что сначала должна провести в лагерь эльфов из очередной команды белок. Пространно рассказала обо всем случившемся в пути, сообщила дриадам, что люди блокируют границу вдоль Ленточки. Лишь когда ей напомнили в третий раз, она испугалась, переделалась и отправилась к ведьмаку.

Он ждал на опушке, там, где росли кедры. Прохаживался, время от времени приседал, пружинисто выпрямлялся. Видимо, Аглайиса назначила ему упражнения.

— Какие вести? — спросил он сразу же, как только они поздоровались. Холод в его голосе ее не обманул.

— Война, пожалуй, идет к концу, — ответила она, пожав плечами. — Нильфы, говорят, вконец разгромили Лирию и Аэдири. Вердэн не поддался, и король Темерии заключил союз с нильф-

гаардским императором. Эльфы в Долине Цветов собственное государство заложили. А вот ская'таэли из Темерии и Редании туда не ушли. Продолжают биться...

— Я не об этом.

— Нет? — Она изобразила удивление. — Ах, верно. Да, заглянула я в Дорьян, как ты просил, хоть и пришлось хороший криук сделать. А тракты нынче опасны.

Она оборвала, потянулась. На этот раз он ее не торопил.

— Слушай, а этот Кодрингер, — наконец спросила она, — которого ты велел навестить, был твоим другом?

Лицо ведьмака не дрогнуло, но Мильва знала, что он понял с полуслова.

— Нет. Не был.

— Это хорошо, — облегченно вздохнула она. — Потому как его уже среди живых нет. Сгорел вместе со своим домом, осталась вроде бы труба и половина передней стены. Весь Дорьян гудом гудит от слухов. Одни болтают, что Кодрингер занимался черно-книжничеством и яды варил, что у него с дьяволом уговор был, так что чертов огонь его поглотил. Другие говорят, мол, сунул он, как обычно, нос и пальцы не в ту дырку. А кому-то это не понравилось, вот его и уколошили и огонь подкинули, чтоб следы замести. А ты как думаешь?

Ни ответа, ни эмоций на посеревшем лице ведьмака она так и не дождалась. Поэтому продолжала, сохраняя язвительный и грубоватый тон:

— Интересно, что пожар и гибель Кодрингера случились в первое июльское новолуние, точно как мятеж на Танедде. Ну, прямо так, будто б кто догадался, что как раз Кодрингер знает чего-то о бунте и его станут пытать о подробностях. Будто кто-то хотел ему заранее рот зашнуровать навеки, язык удержать. Что на это скажешь? Э, вижу, ничего! Ишь, неразговорчивый какой! Тогда я тебе скажу: опасное твое дело, все это твои вынюхивания да расспрашивания. Может, кто-нито еще и другие рты и уши, кроме кодрингеровых, захочет прикрыть. Так я думаю.

— Прости, — сказал он, немного помолчав. — Ты права. Я подверг тебя риску. Это было слишком опасное задание для...

— Для девки, верно? — Она дернула головой, резким движением отбросила с плеча все еще влажные волосы. — Это, что ль, ты хотел сказать? Тоже мне, фрайер сыскался! Заруби себе на носу, что хоть я и сидя отливаю, все равно мой кафтан не зайцем, а волком оторочен! Не шей мне труса, ты меня не знаешь!

— Знаю, — сказал он тихо и спокойно, не прореагировав на ее злость и повышенный тон. — Ты — Мильва. Водишь сквозь облавы в Брокилон белок. Мне известно твое мужество. Но я легкомысленно и себялюбиво подверг тебя риску...

— Дурень! — грубо оборвала она. — О себе беспокойся, не обо мне. О девчонке беспокойся!

Она насмешливо улынулась, потому что на этот раз лицо у него изменилось. Она намеренно помолчала, ожидая дальнейших вопросов.

— Что тебе известно? — наконец спросил он. — И от кого?

— У тебя — Кодрингер, — фыркнула она, заносчиво подняв голову. — У меня свои знакомцы. Такие, у которых быстрые глаза и чуткие уши.

— Говори, Мильва. Пожалуйста.

— После заварушки на Танедде, — начала она, переждав секунду, — закипело повсюду. Ловля предателей началась. Особенно тех чародеев, которые за Нильфгаардом пошли, как и других продажных... Некоторых поймали. Другие канули, будто камень в воду. Не надо большого ума, чтобы угадать, куда они подались, под чьими перьями спрятались. Но охотились не токо на чародеев и предателей. В мятеже на Танедде взбунтовавшимся чародеям помогала команда белок, ими известный Фаоильтиарна верховодил. Ищут его. Отдан приказ каждого схваченного эльфа пытаться, о команде Фаоильтиарны выпрашивать.

— Кто он, Фаоильтиарна этот?

— Эльф, ская'таэль. Мало кто людям в печенку залез, как он. Большая цена за его голову назначена. Но ищут не только его. Ищут еще какого-то нильфгаардского рыцаря, что на Танедде был. И еще...

— Ну, говори.

— Ангивары о ведьмаке по имени Геральт из Ривии выпрашиваю. И о девушке по имени Цирилл. Этих двух велено живьем брать. Под страхом смерти у их обоих волос с головы упасть не должен, пуговицу с платья сорвать не имеют права. Хо! Здорово же ты, видать, мил их сердцу, коли так о твоём здоровье пекутся...

Она осеклась, увидев его лицо, с которого мгновенно сползло нечеловеческое спокойствие. Поняла, что хоть и старалась, но не сумела нагнать на него страха. Во всяком случае, за его собственную шкуру. Неожиданно ей стало стыдно.

— Ну, с этим преследованием-то они впустую шебуршатся, — сказала она уже мягче, но все еще с чуть насмешливой ухмылкой. — Ты в Брокилоне в безопасности. Да и деваху они тоже живой не получают. Когда они развалины на Танедде да на магической башне, которая обвалилась, перелопачивали... Эй, что с тобой?

Ведмак покачнулся, оперся о кедр, тяжело опустился рядом с деревом. Мильва отскочила, напуганная бледностью, которая вдруг покрыла его лицо.

— Аглайса! Сирисса! Фаувэ! Ко мне, живо! У, хрен чертов, помирать он, что ль, собрался! Эй ты, ведьм!

— Не зови их... Со мной все в порядке... Говори... Я хочу знать.

Мильва вдруг поняла.

— Ничего они в развалинах не нашли! — крикнула она, чувствуя, как тоже бледнеет. — Ничего! Хотя каждый камень осмотрели и волшебствовали — ничего не нашли...

Она смахнула испарину со лба, жестом остановила сбежавшихся на крик дриад. Схватила ведьмака за плечи, наклонилась над ним так, что ее длинные светлые волосы упали ему на побледневшее лицо.

— Ты неверно понял, — быстро, нескладно повторяла она, с трудом отыскивая нужные слова в толчее тех, что так и рвались на язык. — Я токо хотела сказать, что... Ты неверно меня понял. Ведь я... ну откуда мне было знать, что ты аж так... Я не так хотела. Я токо о том, что девушка... Что ее не найдут, потому как она бесследно исчезла, все одно как те чародеи... Прости.

Он не ответил. Глядел в сторону. Мильва закусила губу, сжала кулаки.

— Через три дня я уезжаю из Брокилона, — сказала она тихо после долгого, очень долгого молчания. — Как токо месяц пойдет на ущерб и ночки малость темнее станут. Через десять дней вернусь, может, раньше. Сразу после Ламмаса, в первых днях августа. Не волнуйся. Землю перерою, но дознаюсь для тебя обо всем. Ежели кто хоть что-нибудь знает о той девочке, ты тоже будешь знать.

— Спасибо, Мильва.

— Через десять дней... Gwynbleidd.

— Меня зовут Геральт, — протянул он руку.

Она пожала, не задумываясь. Крепко.

— Меня зовут Мария Барринг.

Кивком и тенью улыбки он поблагодарил за откровенность: она знала, что он это оценил.

— Будь осторожна, прошу тебя. Задавая вопросы, смотри, кому задаешь.

— За меня не беспокойся.

÷ Твои информаторы... Ты им доверяешь?

— Я не доверяю никому.

— Ведьмак в Брокилоне. У дриад.

— Так я и думал. — Дийкстра скрестил руки на груди. — Но хорошо, что подтвердилось.

Он немного помолчал. Леннеп облизнул губы. Он ждал.

— Хорошо, что подтвердилось, — повторил шеф тайных служб королевства Редании, задумавшись так, словно говорил сам с собой. — Всегда лучше, когда уверен. Эх, если б еще оказалось, что Йеннифэр... Чародейка не с ним, Леннеп?

— Простите. — Разведчик вздрогнул. — Нет, светлейший господин. Нет. Что прикажете? Если хотите получить живьем, я выманю его из Брокилона. А ежели вам милее мертвяк...

— Леннеп, — Дийкстра поднял на агента холодные бледно-голубые глаза, — не надо усердствовать. В нашем деле излишнее усердие не оправдывается. Зато всегда подозрительно.

— Господин, — слегка побледнел Леннеп, — я только...

— Знаю. Ты только спросил, что я прикажу. Приказываю: оставь ведьмака в покое.

— Слушаюсь. А как с Мильвой?

— И ее тоже. Пока что.

— Слушаюсь. Можно идти?

— Иди.

Агент вышел, осторожно и тихонечко притворив за собой дубовую дверь кабинета. Дийкстра долго молчал, уставившись в наваленные на столе карты, письма, доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

— Ори.

Секретарь поднял голову, откашлялся. Молчал.

— Ведьмак в Брокилоне.

Ори Ройвен снова кашлянул. Невольно глянул под стол, на ноги шефа.

— Точно. Этого я ему не забуду, — буркнул тот. — Две недели не мог из-за него ходить. Опозорился перед Филиппой. Словно пес скулил и вымаливал у нее чертovy чары, иначе хромал бы до сих пор. Ну что ж, сам виноват, недооценил. Хуже всего, что не могу ему сейчас отплатить, добраться до его ведьмачьей задницы! У самого времени нет, а использовать в личных интересах моих людей не могу. Ведь верно, Ори, не могу?

— Кхе-кхе...

— Нечего покашливать. Сам знаю. Эх, черт побери, как же власть развращает! Как искушает воспользоваться ею! Как легко забыться, когда она у тебя есть! Но стоит забыться раз, конца не видать... А что, Филиппа Эйльхарт все еще сидит в Монтекальво?

— Да.

— Бери перо и чернила. Продиктую письмо к ней. Пиши... А, черт, никак не сосредоточусь. Что там за крики, Ори? Что там творится на площади?

— Жаки закидывают камнями резиденцию нильфгаардского посла. Мы им за это, кхе-кхе, заплатили. Мне кажется.

— Ага. Ну ладно. Прикрой окно. Завтра пусть идут забрасывать камнями филиал банка краснoлюда Джианкарди. Он отказался открыть мне счет.

— Джианкарди, кхе-кхе, перечислил значительные суммы в военный фонд.

— Да? Тогда пусть закидывают те банки, которые не перечислили.

— Все перечислили.

— Ну и нуден же ты, Ори. Пиши, говорю. «Милейшая Филь, свет очей моих...» Черт, постоянно забываю. Возьми новый лист. Готов?

— Так точно, кхе-кхе...

— «Дорогая Филиппа. Трисс Меригольд, вероятно, тоскует по ведьмаку, которого телепортировала с Танедда в Брокилон, делая из этого факта глубокую тайну даже от меня, что меня жестоко огорчило. Успокой ее. Ведьмак уже чувствует себя хорошо. Начал посылать из Брокилона эмиссаров с заданием искать следы княжны Цириллы, мазельки, которая тебя так интересуется. Наш друг Геральт явно не знает, что Цирилла пребывает в Нильфагаарде, где готовится к браку с императором Эмгыром. Мне хотелось бы, чтобы ведьмак спокойно сидел в Брокилоне, поэтому я постараюсь, дабы это известие дошло до него». Написал?

— Кхе-кхе, «дошло до него».

— С новой строки. «Меня интересует...» Ори, вытри перо, черт побери! Мы ведь Филиппе пишем, не в королевский совет. Письмо должно выглядеть эстетично! С новой строки. «Меня интересует, почему ведьмак не ищет контактов с Йеннифэр. Не хочется верить, что такая граничащая с помешательством страсть столь неожиданно утасла, вне зависимости от политических пристрастий его идеала. Прости за невольный каламбур. С другой стороны, если окажется, что именно Йеннифэр доставила Цирилле Эмгыру и если найдутся тому доказательства, я с удовольствием спешествовал бы тому, чтобы эти доказательства попали ведьмаку в руки. Проблема разрешилась бы сама собой, в этом я уверен, а вероломная черноволосая красотка потеряла бы покой. Ведьмак не любит, когда кто-нибудь прикасается к его девчужке. Артауд Терранова однозначно убедился в этом на Танедде. Хотелось бы верить, Филь, что у тебя нет доказательств предательства Йеннифэр и ты не знаешь, где она скрывается. Мне было бы ужасно неприятно, если бы оказалось, что это очередной от меня секрет. У меня от тебя нет тайн...» Ты почему хихикаешь, Ори?

— Так просто, кхе-кхе.

— Пиши! «У меня нет от тебя тайн, Филь, и я рассчитываю на взаимность. Остаюсь с глубоким уважением», ну и т.д. и т.п. Давай подпишу.

Ори Ройвен посыпал письмо песочком. Дийкстра уселся поудобнее, завертел мельницу пальцами сплетенных на животе рук.

— А Мильва, которую ведьмак посылает на слежку, — проговорил он. — Что можешь о ней сказать?

— Она, кхе-кхе, — кашлянул секретарь, — занимается переброской в Брокилон групп скоя'тазлей, разбитых темерскими войсками. Выводит эльфов из облав и котлов, обеспечивает им отдых и возможность формировать новые боеспособные команды...

— Не ублажай меня общедоступными сведениями, — прервал Дийкстра. — Деятельность Мильвы мне известна. Кстати, я собираюсь ее использовать. Если б не это, давно бы кинул ее на сожращание темерцам. Что ты можешь сказать о ней самой? О Мильве как таковой?

— Родилась она, мне кажется, в какой-то захудалой деревушке в Верхнем Соддене. Вообще-то ее зовут Мария Барринг. Мильва — прозвище, которое ей дали дриады. На Старшей Речи означает...

— Знаю. Каня — Коршун, — прервал Дийкстра. — Дальше.

— В роду с незапамятных времен — охотники. Лесные люди, запанибрата с дებрями. Когда сына старого Барринга затоптал сохатый, старик выучил лесному ремеслу дочку. Когда он умер, мать снова вышла замуж. Кхе-кхе... Мария не ладила с отчимом и сбежала из дома. Тогда, мне кажется, ей было шестнадцать лет. Отправилась на север, жила охотой, но баронские лесничие не давали ей житья, преследовали и травили, словно зверя. Тогда она принялась браконьерствовать в Брокилоне, и там, кхе-кхе, на нее напали дриады.

— И вместо того чтобы прибить, пригрели, — буркнул Дийкстра. — Признали своей... А она отблагодарила. Стакнулась с брокилонской ведьмой, со старой Среброокой Эитнэ. Мария Барринг умерла, да здравствует Мильва!.. Сколько раз она ходила, прежде чем люди из Вердэна и Керака спохватились? Три?

— Кхе-кхе... Четыре, мне кажется... — Ори Ройвену постоянно что-то казалось, хотя память у него была безупречная. — Всего было что-то около сотни человек, тех, что особенно рьяно охотились за духобабьими скальпами. И долго они не могли сообразить, потому что время от времени Мильва кого-нибудь из них выносила из бойни на своем горбу, а уцелевший до небес восхвалял ее мужество. Только после четвертого раза, в Вердэне, мне кажется, кто-то хватил себя по лбу. Как же так получается, кхе-кхе, что провожатая, которая людей против духобаб сзывает, сама всякий раз живьем уходит? И вылезло шило из мешка, поняли людишки, что провожатая-то ведет, да только в западню, прямо под стрелы поджидающих в засаде дриад...

Дийкстра отодвинул на край стола протоколы с допросами. Ему почудилось, что пергамент все еще воняет камерой пыток.

— И тогда, — догадался он, — Мильва исчезла в Брокилоне, словно сон златой. Но до сих пор в Вердэне трудно сыскать охотника ходить на дриад. Старая Эитнэ и юная Коршунка проделали недурственную работенку. И после этого они еще осмеливаются утверждать, будто провокации — наше, человеческое изобретение. А может...

— Кхе-кхе? — закашлялся Ори Ройвен, удивленный оборванной фразой и затянувшимся молчанием шефа.

— А может, наконец-то начали учиться у нас, — закончил холодно главшпик, глядя на доносы, протоколы допросов и смертные приговоры.

Не увидев нигде следов крови, Мильва забеспокоилась. Вдруг вспомнила, что козел шагнул в тот момент, когда она выстрелила. Шагнул или собирался шагнуть — одно на одно выходило. Пошевелился, и стрела могла попасть в живот спереди. Мильва выругалась. Выстрел в живот, проклятие и позор для охотника! Неудача! Тьфу-тьфу, не повезло!

Она быстро подбежала к склону долинки, внимательно выискивая следы крови среди ежевики, мха и папоротника. Искала стрелу. Снабженная четырехгранным наконечником, наточенным так, что острия граней сбрасывали волоски на предплечье, стрела, выпущенная с пятидесяти шагов, должна была пробить козла навывлет.

Наконец увидела, нашла и облегченно вздохнула. Трижды сплюнула, радуясь удаче. Напрасно опасалась, было даже лучше, чем она предполагала. Стрела не была обляпана клейким и вонючим содержимым желудка. Не было на ней и следов светлой, розовой и пенистой легочной крови. Весь стержень покрывал темный богатый пурпур. Стрела пронзила сердце. Мильве не надо было подкрадываться, ее не ожидал долгий поход по следам. Козел, несомненно, лежал мертвый в чаще, не больше чем в ста шагах от полянки, в том месте, которое ей укажет кровь. А получивший в сердце козел должен был, сделав пару прыжков, истекать кровью, так что след найдется.

Пройдя десяток шагов, она действительно нашла след и направилась по нему, снова погружаясь в мысли и воспоминания.

Данное ведьмаку обещание она выполнила. Вернулась в Брокилон даже раньше, чем думала, спустя пять дней после праздника жатвы, через пять дней после новолуния, начинающего у людей месяц август, а у эльфов Ламмас, седьмой, предпоследний саваед года.

На рассвете переправились через Ленточку она и пятеро эльфов из команды, которую она вела. Вначале было девять конных, но солдаты из Бругге все время преследовали их, а за три стоянки до реки нагнали и отстали только перед самой Ленточкой, когда в утреннем тумане на правом берегу замаячил Брокилон. Солдаты боялись Брокилона. Это спасло Мильву и эльфов. Они переправились. Исхудавшие, израненные. И не все.

У нее было для ведьмака известие, но, думая, что Gwinbleidd все еще находится в Коль Серрае, она собиралась пойти к нему только к обеду, выпавшись как следует. Поэтому сильно удивилась, когда он неожиданно возник из тумана, словно дух лесной.

Молча присел рядом, глядя, как она устраивает себе лежанку, расстилает попону на куче веток.

— Ну тебя и принесло, — сказала она укоризненно. — Слушай, ведьмак, я с ног валюсь. День и ночь в седле, задницы не чувствую, а вымокла до пупка, потому как мы на заре, словно волки через прибрежные ивняки продирались.

— Прошу тебя! Ты что-нибудь узнала?

— Узнала, — хмыкнула она, расшнуровывая и скидывая промокшие, упирающиеся сапоги. — Без особого труда, об этом кричат повсюду. Что ж ты не сказал, что твоя дева такая важная птица? Я-то думала, падчерица твоя, заморыш какой-нито, сирота, судьбой обиженная. А тут — глядь: цинтрийская княжна! Хо-хо! А может, и ты князь переодетый, а?

— Пожалуйста, говори.

— Не достанется уже твоя Цирилла королям, потому что, говорят, из Танедда прямиком в Нильфгаард сбежала. Не иначе как вместе с теми магиками, что королей предали. А в Нильфгаарде император Эмгыр ее с помпой принял. И знаешь что? Навроде как ожениться с ней надумал. А теперь дай мне отдохнуть. Если хочешь, поговорим, когда выплусь.

Ведьмак молчал. Мильва развесила мокрые онучи на разлапистой ветке, так, чтобы их достало восходящее солнце, дернула застежку пояса.

— Раздеться хочу, — буркнула она. — Ну чего стоишь? Приятных-то сообщений, мнится мне, не ожидал? Ничего тебе не угрожает, никто о тебе не спрашивает, неинтересен ты стал шпикам. А твоя девица сбежала, слышь, от королей, императрицей будет...

— Сведения верные?

— Нонче ничего верного нету, — зевнула Мильва, присаживаясь на лежанке. — Разве что солнышко каждый день по небу с востока на закат плывет. А что болтают о нильфгаардском императоре и княжне из Цинтры, то должно быть правдой, уж больно много разговоров о них.

— Откуда вдруг такой неожиданный интерес?

— А ты будто не знаешь? Как-никак она Эмгыру в приданое кус земли притащит. Слушай, да она ж и моей госпожой станет, потому как я ж из Верхнего Соддена, а весь Содден, оказывается, ее лен! Тьфу, ежели в ее лесах олененка уложу, а меня прихватят, то по ейному приказу и повесить могут... Ну и поганый же мир! Зараза, глаза у меня слипаются...

— Последний вопрос. Из тех чародеев... Ну, из тех чародеев, которые предали, кого-нибудь поймали?

— Нет. Но одна магичка, говорят, жизни себя лишила. Вскоре после того, как пал Венгерберг, а каэдвенские войска вступили в АэдиРН. Не иначе как с огорчения или со страха перед казнью...

— В группе, которую ты привела, были свободные лошади? Какую-нибудь эльфы мне дадут?

— Ага, в дорогу тебе не терпится, — проворчала Мильва, закутываясь в попону. — Думается, знаю куда...

Она замолчала, пораженная выражением его лица. Неожиданно поняла, что принесенное ею известие вовсе не было удачным. И тут вдруг сообразила, что ничего, ну ничегошеньки не понимает. Вдруг, неожиданно, как-то невзначай почувствовала потребность сесть с ним рядом, засыпать его вопросами, выслушать, узнать, быть может, что-то посоветовать. Она сильно потеряла костяшкой указательного пальца уголок глаза. «Я устала, — подумала она. — Смерть всю ночь наступала мне на пятки. Мне необходимо отдохнуть. В конце концов, какое мне дело до его горестей и печалей? Какое мне вообще до него дело? И до той девчонки? К чертовой матери и его, и ее! Зараза, из-за всего этого совсем сон пропал...»

Ведьмак встал.

— Так дадут мне лошадь? — повторил он.

— Бери любую. Только не лезь эльфам на глаза. Потрепали нас на переправе, окровавили... А вороного не тронь. Мой он, вороной-то... Ну чего стоишь?

— Спасибо за помощь.

Она не ответила.

— Я твой должник. Как мне расплачиваться?

— Как? Очень просто — уйди ты наконец! — крикнула она, приподнимаясь на локте и резко дернув попону. — Я... Я выспаться должна! Бери коня... И езжай. В Нильфгаард, в пекло, ко всем чертям, мне все едино! Уезжай! Оставь меня в покое!

— За все, что задолжал, расплачусь, — тихо сказал он. — Не забуду. Может, когда-нибудь случится так, что тебе потребуется помощь. Опора. Плечи. Руки. Крикни тогда, крикни в ночь! И я приду.

Козел лежал на краю склона, губчатого от бьющих всюду родников, густо заросшего папоротником, вытянувшийся, с остеклевшим глазом, уставившимся в небо. Мильва видела огромных клещей, впившихся в его светло-льняное брюхо.

— Придется вам поискать себе кровушку в другом месте, стервецы, — буркнула она, засучивая рукава и доставая нож. — Эта уже остыла.

Ловкими и быстрыми движениями она вспорола кожу от грудины до анального отверстия, умело отделила слой жира, испачкав руки до локтей, отрезала пищевод, вывалила наружу внутренности. Врезала желудок и желчный пузырь, ища безоары. В магические свойства безоаров она не верила, но хватало дурней, которые верили и платили за эти комочки свалявшейся шерсти.

Потом подняла козла и уложила на валявшийся неподалеку ствол распластанным животом к земле, чтобы стекла кровь. Вытерла руки пучком папоротников.

Села рядом с добычей.

— Спятивший, сумасшедший ведьмак. Псих, — сказала она тихо, вглядываясь в нависшие в ста футах над ней кроны брокилонских сосен. — Отправляешься в Нильфгаард за своей девкой. Отправляешься на край света, который полыхает огнем, и даже не подумал о том, чтобы прихватить с собой провизии. Я знаю, тебе есть ради чего жить. А чего есть?

Сосны, конечно, не отвечали и не прерывали монолога.

— Я думаю так, — продолжала Мильва, выбирая ножом кровь из-под ногтей. — Нет у тебя ни одного шанса отыскать твою девушку. Ты не доберешься не то что до Нильфгаарда, а даже и до Яруги. Я думаю, не дойдешь даже до Соддена. Мнится мне, смерть тебе прописана. На твоей морде она выписана, из глаз твоих паскудных глядит. Достанет тебя твоя смерть, чокнутый ведьм, ох, быстро достанет. Ну, козлик мой не даст тебе помереть с голоду. А это тоже что-то! Так я думаю.

Видя входящего в зал аудиенций нильфгаардского вельможу, Дийкстра незаметно вздохнул. Шилард Фиц-Эстерлен, посол императора Эмгыра вар Эмрейса, имел привычку вести разговоры на дипломатическом языке и обожал вплетать во фразы всяческие языковые диковинки, понятные только дипломатам и ученым. Дийкстра обучался в оксенфуртской академии и хоть не получил звания магистра, основы напыщенного университетского сленга знал. Однако пользовался им неохотно, ибо в глубине души терпеть не мог помпы и всяческих форм претенциозного церемониала.

— Приветствую вас, ваше превосходительство.

— Милостивый государь граф, — церемонно поклонился Шилард Фиц-Эстерлен. — Ах, благоволите простить. Возможно, следовало бы сказать: светлейший князь? Ваше высочество регент? Ваше высокопревосходительство государственный секретарь? Клянусь честью, ваше высокопревосходительство, почести сыплются на вас таким градом, что, ей-богу, не знаю, как вас и титуловать, чтобы не нарушить протокола.

— Лучше всего будет: «Ваше королевское величество», — скромно ответил Дийкстра. — Вы же знаете, ваше превосходительство, что короля играет свита. И вам, думаю, не чужд тот факт, что стоит мне шепнуть: «Подсказывать!» — как третогорские дворяне немедленно спрашивают: «Как высоко?»

Посол знал, что Дийкстра преувеличивает, но не так уж сильно. Принц Родовид был еще малолеткой, королева Гедвига пришиблена трагической смертью супруга, аристократия напугана, одурела, вся в склоках и разбилась на фракции. Фактически в Реда-

нии правил Дийкстра. Дийкстра мог запросто получить любой титул и государственный пост. Ему стоило только захотеть. Но Дийкстра не хотел. Ничего.

— Ваше высокопревосходительство изволили меня вызвать, — сказал, немного помолчав, посол, — минуя министра иностранных дел. Чему я обязан такой честью?

— Министр, — Дийкстра возвел очи горе, — отказался от своих функций по состоянию здоровья.

Посол сокрушенно покачал головой. Он прекрасно знал, что министр иностранных дел сидит в темнице, а будучи трусом и идиотом, несомненно, выдал Дийкстре все о своем не вполне невинном флирте с нильфгаардской разведкой, как только увидел «инструментарий», любезно продемонстрированный ему перед началом допроса. Он знал, что сеть, организованная агентами Ваттье де Ридо, шефа императорской разведки, была разгромлена и все нити оказались в руках Дийкстры. Знал также, что нити эти вели напрямую к его собственной персоне. Но его персона была под защитой дипломатического иммунитета, а обязанности посла принуждали его вести игру до конца. Тем более после странных зашифрованных инструкций, которые недавно прислали в посольство Ваттье и коронер Стефан Скеллен, имперский агент по специальным поручениям.

— Поскольку преемник министра иностранных дел еще не назначен, — продолжал Дийкстра, — на меня возложена малоприятная обязанность проинформировать вас, ваше превосходительство, что вы признаны в королевстве Реданском персоной нон грата.

Посол поклонился.

— Весьма сожалею, — сказал он, — что чреватые взаимным отзывом послов последствия вызваны проблемами, непосредственно не затрагивающими ни королевства Реданского, ни империи Нильфгаарда. Империя не предпринимала никаких враждебных Редании шагов.

— Если, конечно, не считать блокады устья Яруги и островов Скеллиге для наших кораблей и товаров. А также вооружения и поддержки банд скоя'таэлей.

— Это, ваше превосходительство, злостные инсинуации.

— А концентрация имперских сил в Вердэне и Цинтре? А рейды вооруженных банд на Содден и Бругге? Содден и Бругге — темерские протектораты, а мы, ваше превосходительство, в союзе с Темерией, так что нападение на Темерию — это нападение на нас. Остаются также проблемы, касающиеся непосредственно Редании: мятеж на острове Танедд и бандитское покушение на короля Визимира. И роль, которую империя сыграла в этих событиях.

— Quod attinet* инцидента на Танедде, — развел руками посол, — я не уполномочен высказывать свое мнение. Его импера-

* Что касается (лат.). — Здесь и далее примеч. пер.

торскому величеству Эмгыру вар Эмрейсу чужды закулисные игры и сведение личных счетов между вашими чародеями. Я весьма сожалею о том, что наши протесты относительно вашей пропаганды, всячески пытающейся навязать общественному мнению иной взгляд на вещи, дают исчезающе малый эффект. Пропанды, распространяемой, позволю себе заметить, не без поддержки властей королевства Реданского.

— Ваши протесты поражают и безмерно удивляют меня, — улыбнулся Дийкстра. — Кстати, император отнюдь не скрывает, что при его дворе находится цинтрийская герцогиня, похищенная именно на Танедде.

— Цирилла, королева Цинтры, — с нажимом поправил Шиллард Фиц-Эстерлен, — была не похищена, но искала в империи убежища. Здесь нет ничего общего с инцидентом на Танедде.

— Серьезно?

— Инцидент на Танедде, — продолжал с каменной физиономией посол, — вызвал неудовольствие императора. А коварное покушение какого-то сумасшедшего на жизнь короля Визимира — его искреннее возмущение. Еще большее возмущение и отвращение вызывает распространяемая в обществе мерзкая сплетня о якобы скрывающихся в империи истинных подстрекателях названных преступлений.

— Изоляция истинных подстрекателей, — медленно проговорил Дийкстра, — положит конец сплетням. Будем надеяться. А их изоляция и восстановление справедливости — вопрос времени.

— *Justitia fundamentum regnorum*, — серьезно согласился Шиллард Фиц-Эстерлен. — *A crimen horribilis non potest non esse punibile**. Ручаюсь, что его императорское величество также желает, чтобы стало так.

— Император в силах выполнить это желание, — как бы нехотя проговорил Дийкстра, скрешивая руки на груди. — Одна из вдохновительниц заговора, Энид ан Глеанна, до недавнего времени — чародейка, известная под именем Франческа Финдабаир, с императорского благословения разыгрывает из себя королеву марионеточного государства эльфов в Доль Блатанна.

— Его императорское величество, — холодно поклонился посол, — не может вмешиваться в дела Доль Блатанна, независимого государства, признанного всеми сопредельными.

— Но не Реданией. Для Редании Доль Блатанна — по-прежнему часть королевства Аэдирн. Хотя совместно с эльфами и Каздвенном вы растащили Аэдирн по кускам, хоть от Лирии не осталось *lapis super lapidem***, вы слишком поспешно вымарали эти королевства с

* Правосудие — основа государства... А ужасные преступления не должны оставаться безнаказанными (*лат.*).

** камня на камне (*лат.*).

карты мира. Слишком быстро и поспешно, ваше превосходительство. Однако сейчас не время и не место дискутировать на сей счет. Пусть себе Франческа Финдабаир пока что правит, истина и справедливость восторжествуют. А как с другими бунтовщиками и организаторами покушения на короля Визимира? Что с Вильгефорцем из Рогтевеена, что с Йеннифэр из Венгерберга? Есть основания полагать, что после провала путча они сбежали в Нильфгаард.

— Уверяю вас, — поднял голову посол, — это не так. И если б такое случилось, ручаюсь, кара их не минует.

— Они виновны не перед вами, следовательно, не вам их карать. Искренность желания осуществить возмездие, являющееся, как ни говорите, *fundamentum regnorum**, император Эмгыр докажет, выдав нам преступников.

— Нельзя отказывать в справедливости вашему требованию, — признал Шилиярд Фиц-Эстерлен, изобразив на лице смущенную улыбку. — Однако этих персон нет в империи, это *primo***. *Secundo****, если б они даже туда попали, то существует *impediment*****. Экстрадицию совершают по приговору суда, в данном случае вынесенному имперским советом. Надеюсь, вы, ваше превосходительство, не станете возражать, что разрыв Реданией дипломатических отношений — акт недружелюбный, и трудно рассчитывать на то, что Совет выскажется в пользу экстрадиции персон, ищущих убежища, если таковой экстрадиции домогается недружественное государство. Это был бы случай беспрецедентный. Разве что...

— Что?

— Разве что создать такой прецедент?

— Не понимаю.

— Если б королевство Реданское согласилось выдать императору его подданного, арестованного у вас обыкновенного бандита, император и его Совет имели бы основания ответить взаимностью на такой жест доброй воли.

Дийкстра долго молчал, казалось, он дремлет или размышляет.

— О ком идет речь?

— Имя преступника... — Посол прикинулся, будто пытается вспомнить, потом открыл сафьяновую папочку с документами. — Простите, *memoria fragilis est******... Ага, вот. Некий Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. За ним числятся немалые преступления. Он разыскивается за убийство, дезертирство, *gertus ruellae******, изнасилование, воровство и подделку документов. Скрываясь от гнева императора, он сбежал за границу.

* основой государства (лат.).

** первое (лат.).

*** второе (лат.).

**** препятствие (лат.).

***** память подводит (лат.).

***** похищение девочек (лат.).

— В Реданию? Далекий же он выбрал путь.

— Ваше превосходительство, — слегка улыбнулся Шилард Фиц-Эстерлен, — вы, насколько мне известно, не ограничиваете своих интересов только лишь Реданией. Мы ничуть не сомневаемся, что, если б преступник был схвачен в одном из союзных Редании королевств, вы, ваше превосходительство, знали б об этом из донесений своих многочисленных знакомых.

— Как, говорите, зовут преступника-то?

— Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

Дийкстра долго молчал, притворяясь, будто копается в памяти, наконец сказал:

— Нет, знаете ли, никого с подобным именем не арестовывали.

— Серьезно?

— Моя memoria в таких вопросах fragilis не бывает. Сожалею, ваше превосходительство.

— Взаимно, — холодно ответил Шилард Фиц-Эстерлен. — Особенно сожалею, поскольку взаимная экстрадиция преступников при таких условиях представлялась бы осуществимой. Не смею дольше задерживать ваше внимание. Желаю здоровья и успехов.

— Взаимно. Прощайте, ваше превосходительство.

Посол вышел, проделав несколько весьма сложных церемониальных поклонов. —

— Поцелуй меня в sempiternum meam, хитрец, — проворчал Дийкстра, скрещивая руки на груди. — Ори! Вылезай!

Красный от долго сдерживаемого кашля секретарь вышел из-за портьеры.

— Филиппа все еще торчит в Монтекальво?

— Да, кхе-кхе. И с нею госпожи Ло-Антиль, Меригольд и Мец.

— Через день-два может начаться война, через минуту вспыхнет граница на Яруге, а эти бабы заперлись в какой-то зачуханной развалюхе. Бери перо, пиши. «Возлюбленная Филь...» А, холера!

— Я написал: «Дорогая Филиппа».

— Прекрасно. Пиши дальше. «Возможно, тебе будет интересно узнать, что чудака в шлеме с перьями, который скрылся с Танедда столь же таинственно, сколь и появился, зовут Кагыр Маур Дыффин, он сын сенешаля Кеаллаха. Этого странного типа ищем не только мы, но, как выяснилось, и служба Ваттье де Ридо, и люди того курвиного сына...»

— Госпожа Филиппа, кхе-кхе, не любит таких выражений. Я написал «каналы».

— Пусть будет каналы... «этой каналы Стефана Скеллена. Ты знаешь не хуже меня, дорогая Филь, что разведслужбы империи активно разыскивают только тех агентов и эмиссаров, которые вызвали особое недовольство Эмгыра. Тех, которые, вместо того чтобы выполнить приказ или сгинуть, предали и приказа не выполнили. Поэтому проблема выглядит достаточно странно, как-

никак мы были уверены, что приказы, данные Кагыру, касались поимки княжны Цириллы и доставки ее в Нильфгаард». С новой строки. «Станные, но обоснованные подозрения, возникшие у меня в связи с этим делом, а также довольно удивительные, но не лишённые смысла теории, которые у меня есть, я хотел бы обсудить с тобой один на один.

С выражением глубокого уважения *et cetera, et cetera**...»

Мильва поехала на юг, прямо, не сворачивая, сначала по берегу Ленточки, через Выжиги, потом, переправившись через реку, по подможкам ярам, покрытым мягчайшим ярко-зеленым ковром кукушкина льна. Она исходила из того, что ведьмак, не зная местности так хорошо, как она, не станет рисковать и не переправится на берег, занятый людьми. Срезав огромный, выпучившийся в сторону Брокилона изгиб реки, она вполне могла бы нагнать его в районе порогов Кеанн Трайс. Двигаясь быстро и не останавливаясь, могла даже перегнать.

Зяблики не ошибались, когда звенели. Небо на юге явно хмурилось. Воздух стал плотным и тяжелым, комары и мошкара сделались чертовски нахальными и настойчивыми.

Когда она спустилась в пойму, заросшую еще увешанным зелеными орехами орешником и голой, чернявой крушиной, почувствовала: она здесь не одна. Не услышала. Почувствовала. Знала — это эльфы.

Придержала коня, чтобы укрывшиеся в чаще лучники могли как следует ее рассмотреть. Затаила дыхание. В надежде, что терпения у них хватит.

Над перекинутым через спину коня козлом брэнчала муха.

Шелест. Тихий свист. Она просвистела в ответ. Скоя'таэли словно духи выглянули из зарослей, а Мильва только теперь вздохнула свободно. Она их знала. Они были из команды Коиннеаха Де Рео.

— Hael, — сказала она, слезая с коня. — Que'ss va?

— Ne'ss, — сухо ответил эльф, имени которого она не помнила. — Caemm.

Неподалеку на поляне расположились остальные. Их было не меньше тридцати, больше, чем во всей команде Коиннеаха. Мильва удивилась. Последнее время отряды белок скорее таяли, нежели росли. Встречавшиеся теперь команды были кучками истекающих кровью, взбудораженных, едва державшихся в седлах и на ногах голодранцев. Эта команда была другой.

— Cead, Coinneach, — поздоровалась она с приближающимся командиром.

— Ceadmil sor'ca.

* и т.д. и т.д. (лат.).

Sog'sa. Сестренка. Так ее называли те, с которыми она была в дружбе, когда хотели выразить ей уважение и симпатию. Хотя они, как ни говори, были на много-много зим старше ее. Сначала она была для эльфов просто Dh'oine, человеком. Позже, когда она уже регулярно им помогала, стали называть ее Aen Woodbeanna, «девушка из леса». Еще позже, узнав лучше, стали на манер дриад именовать Мильвой, Коршуном. Ее настоящее имя, которое она выдавала только самым близким, отвечая взаимностью на подобные жесты с их стороны, эльфам не нравилось, они выговаривали его как «Meag'ya» со слабой гримасой, словно оно ассоциировалось в их языке с чем-то неприятным. И сразу переходили на «sog'sa».

— Куда направляетесь? — Мильва взглянула внимательнее, но по-прежнему не видела ни раненых, ни больных. — На Восьмую Версту? В Брокилон?

— Нет.

Слишком хорошо зная эльфов, она воздержалась от дальнейших расспросов. Ей достаточно было нескольких взглядов на неподвижные, застывшие лица, на преувеличенное, демонстративное спокойствие, с каким они приводили в порядок экипировку и оружие. Достаточно было внимательно заглянуть в глубокие, бездонные глаза, чтобы понять: они шли в бой.

Небо на юге темнело, затягивалось туманами.

— А ты куда направляешься, sog'sa, — спросил Коиннеах, потом быстро кинул взгляд на перевешенного через спину коня козла и слабо улыбнулся.

— На юг, — холодно сказала она, давая понять, что он ошибается. — К Дришоту.

Эльф перестал улыбаться.

— По человечесьему берегу?

— По крайней мере до Кеанн Трайса, — пожала она плечами. — У порогов наверняка перейду на брокилонскую сторону, потому что...

Она обернулась, услышав храп коней. Новые скоя'таэли присоединились к команде, и без того уже необычно многочисленной. Новых Мильва знала еще лучше.

— Чиаран! — тихо вскрикнула она, не скрывая изумления. — Торувьель! Вы что тут делаете? Едва успела вывести вас в Брокилон, а вы снова...

— Ess'sgeasa, sog'sa, — серьезно сказал Чиаран аэп Деарб. Появка, наложенная ему на голову, пропиталась кровью.

— Так надо, — повторила вслед за ним Торувьель, осторожно, чтобы не повредить висящей на перевязи руки, слезая с коня. — Пришли сообщения. Мы не можем сидеть в Брокилоне, когда на счету каждый лук.

— Если б я знала, — надула губы Мильва, — не стала б трудиться ради вас. Не подставляла бы шею на переправе.

— Известия поступили только вчера ночью, — тихо пояснила Торувьель. — Мы не могли... Мы не можем в такой момент оставить наших братьев по оружию. Не можем, пойми это.

Небо темнело все больше. На этот раз Мильва явно услышала далекий гром.

— Не ездь на юг, *sor'sa*, — сказал Коиннеах Де Рео. — Идет буря.

— Что мне буря... — Она осеклась, внимательно глянула на него. — Ха! Так вот какие вести до вас дошли? Нильфгаардцы, да? Переправляются через Яругу в Соддене? Бьют на Бругте? Вот почему вы двинулись?

Он не ответил.

— Как в Доле Ангре, — заглянула она ему в темные глаза. — Снова нильфгаардский император использует вас, чтобы вы огнем и мечом творили замешательство на тылах людей. А потом император с королями мир заключит, а вас выгонят взащей. Сами же и сгорите в огне, который распалите.

— Огонь очищает. И закаляет. Сквозь него надо пройти. *Aenue'll'hael, all'ea, sor'sa*? По-вашему: «крещение огнем».

— Мне милше другой огонь. — Мильва толкнула козла и сбросила его на землю, под ноги эльфам. — Такой, что под котлом потрескивает. Берите, чтобы в походе с голоду не ослабнуть. Мне он уже ни к чему.

— Не поедешь на юг?

— Поеду.

«Поеду, — подумала она, — поеду быстро. Надо предупредить дурного ведьмака, упредить, в какую заварушку он прет. Надо его повернуть обратно».

— Не ездь, *sor'sa*.

— Отстань, Коиннеах.

— С юга идет буря, — повторил эльф. — Идет страшная буря. И большой огонь. Схоронись в Брокилоне, сестренка, не ездь на юг. Ты сделала для нас очень много, больше уже сделать не сможешь. И не должна... Мы — должны. *Ess'tedd, esse creasa*. Нам пора. Прощай.

Воздух был тяжелый и плотный.

Телепроеекционное заклинание было очень сложным, произносить его надо было совместно, соединив руки и мысли. И даже тогда усилие оказалось чертовски большим. Да и расстояние было немалое. Стиснутые веки Филиппы Эйльхарт дрожали, Трисс Меригольд тяжело дышала, на высоком лбу Кейры Мец выступила испарина. Только на лице Маргариты Ло-Антиль не заметно было утомления.

В скупо освещенной комнате вдруг сделалось очень светло, темные панели стен покрыла мозаика разблесков. Над круглым

столом повис горящий молочным светом шар. Филиппа Эйльхарт dokonчила заклинание, и шар опустился напротив, на один из двенадцати стоящих вокруг стола стульев. Внутри шара возникла туманная фигура. Изображение дрожало, проекция была не очень стабильной. Но быстро становилась все четче.

— Дьявольщина, — буркнула Кейра, вытирая лоб. — Что они там, в Нильфгаарде, не знают ни гламации, ни украшающих чар?

— Скорее всего нет, — ответила Трисс уголком губ. — О моде, пожалуй, тоже никогда не слышали.

— И ни о чем вроде макияжа, — тихо сказала Филиппа. — А теперь ша, девушки. И не глазейте на нее. Надо стабилизировать проекцию и поприветствовать нашу гостью. Поддержи меня, Рита.

Маргарита Ло-Антиль повторила формулу заклинания и жест Филиппы. Изображение несколько раз дрогнуло, утратило туманную шаткость, контуры и цвета обострились. Теперь чародейки могли получше рассмотреть фигуру, разместившуюся по противоположную сторону стола. Трисс закусил губу и многозначительно подмигнула Кейре.

У женщины в проекции было белое лицо с нездоровой кожей, неопределенные, невыразительные глаза, тонкие губы и слегка кривоватый нос. На голове — странная конусовидная, немного помятая шляпа. Из-под мягких полей ниспадали темные, казавшиеся не очень чистыми волосы. Впечатление непривлекательности и неряшливости усиливалось черной, свободной и бесформенной одеждой с потрепанной серебряной вышивкой на плече. Рисунок изображал полумесяц, окруженный звездами, и был единственным украшением нильфгаардской чародейки.

Филиппа Эйльхарт встала, стараясь не слишком демонстрировать бижутерию, кружева и декольте.

— Почтенная госпожа Ассирэ, — проговорила она. — Приветствуем тебя в Монтекальво. Чрезвычайно рады, что ты согласилась принять наше приглашение.

— Обыкновенное любопытство, — неожиданно приятным и мелодичным голосом ответила чародейка из Нильфгаарда, автоматически поправляя шляпу. Рука у нее была худая, покрытая желтыми пятнами, ногти обломанные и неровные, явно обгрызенные... — Обыкновенное любопытство, — повторила она, — последствия которого могут, кстати, быть для меня трагическими. Я хотела бы услышать объяснения.

— Незамедлительно приступаю, — кивнула Филиппа, подав знак остальным чародейкам. — Однако вначале позволь вызвать проекции других участников собрания и представить всех друг другу. Прошу немного терпения.

Чародейки вновь соединили руки. Воздух в комнате зазвенел натянутой струной, из-под кесонного потолка на стол опять опустился светящийся туман, заполняя помещение мерцающими те-

нями. Над тремя из незанятых стульев выросли пульсирующие светом сферы, внутри сфер замаячили очертания фигур. Первой возникла Сабрина Глевиссиг в бирюзовом, вызывающе декольтированном платье с огромным ажурным стоячим воротником, создающим изумительное обрамление для фантазийно уложенных и забранных в бриллиантовую диадему волос. Рядом с ней проявилась из млечного тумана проекция Шеалы де Танкарвилль в черном, обшитом жемчугом бархате и боа из черно-бурой лисы на шее. Магичка из Нильфгаарда нервно облизнула тонкие губы. «Подожди Францеску, — подумала Трисс. — Увидишь Францеску, черная крыска, так глаза у тебя на лоб полезут».

Францеска Финдабаир не подвела. Ни роскошным платьем цвета бычьей крови, ни гордой прической, ни рубиновым колье, ни глазами серны, подчеркнутыми ярким эльфийм макияжем.

— Приветствую всех дам, — сказала Филиппа, — в замке Монтекальво, куда я позволила себе пригласить вас для обсуждения неких проблем весьма серьезного свойства. Я искренне сожалею, что встречаемся мы в виде телепроекций. Однако встретиться непосредственно пока что не позволяют ни время, ни разделяющие нас пространства, ни ситуация, в которой мы все оказались. Я — Филиппа Эйльхарт, владелица этого замка. В качестве инициатора собрания и хозяйки позволю себе представить всех. Справа от меня сидит Маргарита Ло-Антиль, ректор академии в Аретузе. Слева от меня — Трисс Меригольд и Кейра Мец из Каррерраса. Дальше — Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга, Шеала де Танкарвилль, прибывшая из Крейдена в Ковире, Францеска Финдабаир, известная также как Энид ан Глеанна, теперешняя властительница Долины Цветов, Доль Блатанна. И наконец, Ассирэ вар Анагид из Виковаро в Нильфгаардской империи. А теперь...

— А теперь я попрошаюсь! — рывкнула Сабрина Глевиссиг, указывая унизированной перстнями рукой на Францеску. — Ты слишком далеко зашла, Филиппа! Я не намерена сидеть за одним столом с этой чертовой эльфой, даже в виде иллюзии! Кровь на стенах и паркетах Гарштанга еще не успела засохнуть! А кровь эту пролила она. Она и Вильгефорц!

— Попрошу соблюдать приличия. — Филиппа обеими руками оперлась о край стола. — И спокойствие. Выслушайте то, что я имею сказать. Ни о чем больше я не прошу. Когда закончу, каждая из вас решит, остаться или уйти. Проекция — добровольная, ее можно прервать в любой момент. Единственное, о чем я прошу тех, кто решит уйти, это соблюсти нашу встречу в тайне.

— Я знала! — Сабрина пошевелилась так резко, что на мгновение выпала из проекции. — Тайная встреча! Тайные договоры! Короче говоря, разговор! И, думаю, ясно, против кого. Ты что, смеешься над нами, Филиппа? Требуешь удержать все в тайне от наших королей, от коллег, которых не сочла нужным пригласить. А

там вон сидит Энид Финдабаир, по милости Эмгыра вар Эмрейса распоряжающаяся в Доль Блатанна, владычица эльфов, которых активно и вооруженно поддерживает Нильфгаард. С каких это пор чародеи из Нильфгаарда перестали слепо слушаться своих владык и рабски подчиняться императорской власти? О каких секретах мы тут говорим? Если она здесь, то с согласия и ведома Эмгыра! По его приказу. В качестве его глаз и ушей!

— Я возражаю, — спокойно сказала Ассирэ вар Анагид. — Никто не знает, что я участвую во встрече. Меня просили соблюсти тайну, я ее соблюла и блюсти буду. Также и в своих личных интересах. Ибо если это станет известно, мне не сносить головы, поскольку на этом зиждется низкопоклонство чародеев в Империи. У них на выбор либо низкопоклонство, раболепие, угодничество, либо эшафот. Я пошла на риск. Я возражаю против того, что якобы прибыла сюда в качестве шпиона. Доказать это я могу лишь одним: собственной смертью. Достаточно нарушить тайну, о которой просит госпожа Эйльхарт. Достаточно, чтобы весть о нашей встрече вышла за пределы этих стен, и я распрощаюсь с жизнью.

— Для меня разглашение тайны тоже могло бы иметь малопривлекательные последствия, — очаровательно улыбнулась Франческа. — У тебя отличная возможность отыгаться, Сабрина.

— Я расплачусь другим способом, эльфа. — Черные глаза Сабрины грозно вспыхнули. — Если секрет выйдет на явь, то не по моей вине либо неосторожности. Ни в коем случае не по моей!

— Ты на что-то намекаешь?

— Конечно, — вклинилась Филиппа Эйльхарт. — Конечно, Сабрина намекает. Она тонко напоминает дамам о моем сотрудничестве с Сигизмундом Дийкстрой. Словно сама не связана с разведкой короля Хенсельта!

— Есть разница, — буркнула Сабрина. — Я не была три года любовницей Хенсельта! А тем более его разведки!

— Достаточно! Замолкни!

— Поддерживаю, — неожиданно громко сказала Шеала де Танкарвилль. — Заткнись, Сабрина. Довольно болтать о Танедде, шпионских и внесупружеских аферах. Я прибыла не для того, чтобы участвовать в склоках или выслушивать взаимные упреки и замечания. Меня также не привлекает роль арбитра, и если меня пригласили ради этого, то заявляю, что это ход впустую. Я, по правде говоря, подозреваю, что участвую в сборище напрасно, что теряю время, которое с трудом урвала от своей исследовательской работы. Однако воздержусь от преждевременных предположений. Предлагаю наконец дать высказаться Филиппе Эйльхарт. Надо в конце концов узнать цели и причины нашего сборища. Роли, в которых нам предстоит выступать. Тогда мы без лишних эмоций решим, продолжать ли спектакль, или опустить занавес. Тайна, о которой нас попросили, разумеется, обязывает нас всех. Что же касается

последствий для тех, кто тайну не сохранит, то я, Шеала де Танкарвилль, займусь этим лично.

Ни одна из чародеек не пошевелилась и не произнесла ни слова. Трисс ни на миг не усомнилась в серьезности предупреждения Шеалы. Отшельница из Ковира не привыкла бросать слова на ветер.

— Говори, Филиппа, а многоуважаемое собрание прошу соблюдать тишину, пока Филиппа не даст знать, что закончила.

Филиппа Эйльхарт встала, шурша платьем.

— Уважаемые сестры, — сказала она. — Ситуация серьезна. Магия в опасности. Трагические события на Танедде, к которым я мысленно возвращаюсь с сожалением и нежеланием, доказали, что результаты сотен лет бесконфликтного сотрудничества мгновенно рассыпаются в прах, стоит заговорить личным интересам и чрезмерным, неумным амбициям. Теперь мы имеем разброд, несогласие, взаимную вражду и недоверие. Происходящее начинает ускользать из-под контроля. Чтобы контроль восстановить, не допустить стихии возобладать, необходимо взять в крепкие руки правила этого терзаемого штормами корабля. Я, госпожа Ло-Антиль, госпожа Меригольд и госпожа Мец уже обсудили проблему и достигли согласия. Восстановить уничтоженные на Танедде Капитул и Совет недостаточно. Да, впрочем, их и не из кого восстанавливать, к тому же нет гарантий, что в них с самого начала не угнездится болезнь, которая уничтожила предыдущие. Необходима совершенно иная, секретная организация, которая будет служить исключительно делу магии. Которая совершит все возможное, чтобы не допустить катаклизма. Ибо погибнет магия — погибнет этот мир. Так же, как много веков назад мир прежний, лишившись магии и несомого ею прогресса, погрузился в хаос и мрак, захлебнулся в крови и варварстве. Всех присутствующих здесь дам мы приглашаем примкнуть к нашей инициативе, принять активное участие в работах предлагаемого тайного сообщества. Мы позволили себе пригласить вас, чтобы услышать ваше мнение по этому вопросу. Я кончила.

— Благодарим, — кивнула Шеала де Танкарвилль. — Если позволите, я продолжу. Мой первый вопрос, дорогая Филиппа, таков: почему я? Зачем сюда позвали меня? Я неоднократно отказывалась от выдвижения моей кандидатуры в Капитул, я отказалась от кресла в Совете. Во-первых, меня поглощает моя работа. Во-вторых, я считала и считаю, что в Ковире, Повиссе и Хенгфорсе есть другие, более достойные этой чести. Я спрашиваю, почему сюда пригласили меня, а не Кардуина? Не Истредда из Аэдд Гинваэля, Тугдуэля или Зангениса?

— Потому что они — мужчины, — ответила Филиппа. — Организация же, которую я имею в виду, должна состоять исключительно из женщин. Госпожа Ассирэ?

— Я снимаю свой вопрос, — улыбнулась нильфгаардская чародейка. — Он совпадал с вопросом госпожи де Танкарвилль. Ответ меня удовлетворяет.

— Попахивает бабским шовинизмом, — язвительно бросила Сабрина Глевиссиг. — Особливо в твоих устах, Филиппа, после того, как ты изменила свою... ориентацию. Я ничего не имею против мужчин. Больше того, я обожаю мужчин и жизни без них себе не представляю. Но... После недолгого обдумывания... В принципе это разумная концепция. Мужчины психически нестабильны, слишком поддаются эмоциям, на них нельзя положиться в критический момент.

— Это верно, — спокойно согласилась Маргарита Ло-Антиль. — Я постоянно сравниваю результаты адептов из Аретузы с достижениями мальчиков из школы в Бан Арде, и сравнение неизменно склоняется в пользу девочек. Магия — это терпение, тонкость, интеллект, рассудительность, выдержка, а также покорное, но спокойное принятие поражений и неудач. Мужчин губит амбиция. Они всегда хотят чего-то такого, о чем прекрасно знают, что это невозможно и недостижимо. А возможного и достижимого не замечают.

— Достаточно, достаточно, достаточно! — воскликнула Шеала, не скрывая усмешки. — Нет ничего более опасного, нежели научно обоснованный шовинизм, стыдись, Рита. Однако же... Да, я тоже считаю правильным предложенную однополую структуру этого... конвента или, если угодно, логи. Как нам сказали, речь идет о будущем магии, а магия — дело слишком серьезное, чтобы ее судьбу доверить мужчинам.

— Если позволите, — мелодично проговорила Франческа Финдабаир, — я хотела бы ненадолго прервать дискуссию о вполне естественном и несомненном доминировании нашего пола, а сосредоточиться на вопросах, касающихся предложенной инициативы, цель которой по-прежнему мне не до конца ясна. Выбранный же момент не случаен и вызывает ассоциации. Идет война. Нильфгаард разгромил и припер северные королевства к стенке. Так не скрывается ли под общими словами, которые я здесь слышала, понятное желание обратиться к ситуации? Разгромить и прижать к стенке Нильфгаард? А потом взяться за наглых эльфов? Если да, дорогая Филиппа, то мы не найдем общего языка.

— Это что, та причина, ради которой меня сюда пригласили? — спросила Ассирэ вар Анагьд. — Я особого внимания политике не уделяю, но знаю, что императорская армия одерживает в войне победы над вашими войсками. Кроме госпожи Франчески и госпожи Танкарвилль, подданной нейтрального королевства, все остальные дамы представляют враждебные Нильфгаардской империи государства. Как мне следует понимать слова о солидарности магичек? Как призыв к измене? Сожалею, но в этой роли я себя не вижу.

Закончив, Ассирэ наклонилась, словно тронула что-то, не уместившееся в проекции. Трисс показалось, что она слышит мурлыканье.

— Да с ней еще и кот, — шепнула Кейра Мец. — Ручаюсь, черный...

— Тише, — прошипела Филиппа. — Дорогая Франческа, уважаемая Ассирэ. Наша инициатива должна быть абсолютно аполитичной, это наше основное положение. Руководствоваться мы будем не интересами рас, королевств, королей и императоров, а благом магии и ее будущим.

— Руководствуясь благом магии, — Сабрина Глевиссиг насмешливо ухмыльнулась, — мы, я думаю, не должны забывать о благосостоянии магичек? А ведь нам известно, как относятся к чародеям в Нильфгаарде. Мы тут себе будем спокойно болтать, а когда Нильфгаард победит и мы попадем под власть императора, то все мы будем выглядеть так же, как...

Трисс беспокойно пошевелилась. Филиппа еле слышно вздохнула. Кейра опустила глаза. Шеала сделала вид, будто поправляет боа. Франческа закусила губу. Лицо Ассирэ вар Анагид не дрогнуло, но покрылось легким румянцем.

— Всех нас будет ждать малоприятная судьба, хотела я сказать, — быстро закончила Сабрина. — Филиппа, Трисс и я, все мы были на Содденском холме. Эмгыр рассчитается с нами за то поражение, за Танедд, за всю нашу деятельность. Но это только одно из сомнений, которые вызывает у меня декларируемая аполитичность предполагаемого конвента. Означает ли участие в нем незамедлительное отречение от действительной и, как ни говори, политизированной службы, которую мы сейчас несем при наших королях? Или же мы должны будем остаться на своих местах и служить двум господам: магии и власти?

— Когда кто-то уверяет меня, что он не интересуется политической, — усмехнулась Франческа, — я всегда спрашиваю: которая из политик имеется в виду? Конкретно.

— А я знаю, что наверняка не та, которую ведет вопрошающий, — сказала Ассирэ вар Анагид, глядя на Филиппу.

— Я вне политики, — подняла голову Маргарита Ло-Антиль. — И моя школа тоже. Я имею в виду все существующие типы, роды и разновидности политики.

— Милые дамы, — заговорила долго молчавшая Шеала. — Помните, что вы пол доминирующий. Так что не ведите себя как девчонки, которые через весь стол тянут к себе блюдо со сладостями. Предложенные Филиппой принципы абсолютно понятны. По крайней мере мне, а у меня не так уж много оснований считать вас менее сообразительными. За стенами этой залы можете быть кем угодно, служить кому и чему желаете столь верно, сколь хотите.

Но когда конвент соберется, мы должны будем заниматься исключительно магией и ее будущим.

— Именно так я себе все и представляю, — подтвердила Филиппа Эйльхарт. — Знаю, что проблем множество, что есть сомнения и неясности. Обсудим их при следующей встрече, в которой все мы примем участие уже не как проекции или иллюзии, а, так сказать, во плоти. Присутствие будет считаться не формальным актом присоединения к конвенту, а жестом доброй воли. Возникнет ли вообще такой конвент, мы примем решение сообща. Мы все. На равных правах.

— Мы все? — повторила Шеала. — Я вижу здесь пустые стулья, полагаю, их поставили не случайно.

— Конвент должен состоять из двенадцати чародеек. Я хотела бы, чтобы кандидатку на одно из пустующих пока стульев предложила нам и представила на следующем сборе госпожа Ассирэ. В Нильфгаардской империи наверняка сыщется еще хотя бы одна достойная чародейка. Другое место я оставила для тебя, Франческа. Чтобы ты как единственная чистокровная эльфка не чувствовала себя одинокой. Третье...

Энид ан Глеанна подняла голову.

— Прошу выделить два места. У меня две кандидатуры.

— Кто-нибудь из дам возражает? Если нет, я тоже не против. Сегодня у нас пятое августа, пятый день после новолуния. Встретимся снова на второй день после полнолуния, дорогие единомышленницы. Через четырнадцать дней.

— Минутку, — прервала Шеала де Танкарвилль. — Одно место все же остается пустым. Кто будет двенадцатой чародейкой?

— Это как раз и станет первой задачей, которой займется ложа, — таинственно улыбнулась Филиппа. — Через две недели я вам скажу, кто должен сесть на двенадцатый стул. А потом мы совместно подумаем, как это осуществить. Вас удивит моя кандидатура и эта особа. Потому что это не обычная особа, уважаемые коллеги. Это Смерть или Жизнь. Разрушение или Возрождение. Порядок или Хаос. Все зависит от точки зрения.

Вся деревня высыпала на улицу, чтобы поглазеть на проезжающую банду. Тузек вышел вместе со всеми. У него была масса работы, но удержаться он не мог. Последнее время много чего говорили о Крысах. Прошел даже слух, будто всех их схватили и вздернули. Однако слух оказался ложным, доказательство чему демонстративно и не спеша как раз двигалось через всю деревню.

— До чего ж наглые, — изумленно шептал кто-то за спиной у Тузека. — Надо ж, посередь деревни прут...

— Вырядились-то будто б на свадьбу...

— А кони? Какие кони-то! И у нильфгаардцев таких не сыщешь!

— Э! Краденые. Крыси у всех конёв забирают. Коня-то теперича всюду продашь запросто. А самых лучших себе оставляют...

— Тот, вона, впереду который, гляньте-ка, энто Гиселер... Атаман ихний.

— А подле него, на каштанке, эльфка. Искра, стало быть.

Из-за забора выскочила дворняга, зашлась лаем, увиваясь подле передних ног Искриной кобылы. Эльфка тряхнула буйной гривой темных волос, развернула коня, сильно наклонилась и стегнула собаку нагайкой. Дворняга заскулила и, трижды перевернувшись в воздухе, шлепнулась в пыль, а Искра плюнула на нее. Тузек с трудом сдержал проклятие.

Стоявший рядом кмет продолжал шептать, незаметно указывая на других Крыс, медленно едущих по деревне. Тузек и не хотел бы слышать, да приходилось. Не затыкать же уши. Он знал сплетни и слухи не хуже других, без труда догадывался, что тот вон, со спутанными, доходящими до плеч соломенными волосами, который грызет яблоко, это Кайлей, широкоплечий — Ассе, а тот, что в вышитом полукожухе, — Рееф.

Дефиладу замыкали две девушки, едущие бок о бок, держась за руки. Та, что повыше, на гнедом коне, острижена словно после тифа, кафтанчик распахнут, кружевная блузка просвечивает идеальной белизной, колье, браслет и серьги брызжут слепящими искрами.

— А стриженная, энто Мистля... — услышал Тузек. — Обвесилась стекляшками, ровно елка на Йуле...

— Говорят, прибила больше людей, чем вёсен считает...

— А другая? На пегой? Ну, та вон, с мечом на спине?

— Фалькой ее кличут. С того лета с Крысами ходит. Тоже, говорят, не золото...

«Не золото» было, по оценке Тузека, немногим старше его дочери Миленки. Пепельные волосы молоденькой бандитки космами выбивались из-под бархатного берета, украшенного надменно покачивающимся пучком фазаньих перьев. На шее у нее пылал шелковый платочек цвета мака, завязанный фантазийным бантом.

Среди выбежавших из домишек кметов неожиданно возникло движение, потому что схавший первым Гиселер вдруг придержал коня и ленивым движением кинул звонкий мешочек к ногам опирающейся на клюку бабки Микитки.

— Дай тебе Бог счастья, сыночек милостивый, — взывала бабка Микитка. — Чтоб ты здоровенький был, благодетель ты наш, чтоб ты...

Переливчатый смешок Искры заглушил Микиткино бормотание. Эльфка молодецки перебросила правую ногу через луку, полезла в кошель и с размаху сыпанула в толпу горсть монет. Рееф и Ассе последовали ее примеру, самый настоящий серебряный дождь

обрушился на песчанистую дорогу. Кайлей, хохоча, бросил в копошащихся над деньгами людей огрызок яблока.

— Благодетели!

— Соколики вы наши!

— Да продлятся дни ваши!!!

Тузек не последовал за другими, не повалился на колени выгребать монеты из песка и куриного помета. Он по-прежнему стоял у ограды, глядя на медленно проезжающих девушек. Младшенькая, та, что с пепельными волосами, заметила его взгляд и выражение лица. Отпустила руку стриженной, хлестнула лошадь, боком наехала на него, приперев к забору и чуть не задев стремянами. Он увидел ее зеленые глаза и задрожал. Столько в них было злобы и холодной ненависти.

— Брось, Фалька! — крикнула стриженная.

Это было ни к чему. Зеленоглазая бандитка удовольствовалась тем, что приперла Тузeka к забору, и поехала за Крысами, даже не повернув головы.

— Благодетели!

— Соколики!

Под вечер в деревню влетели вызывающие ужас Черные конники из форта под Фэн Аспрой. Звенели подковы, ржали кони, бряцало оружие. Солтыс и другие испытываемые кметы ввали, будто нанятые, направляли погоню на ложный след. Тузeka никто ни о чем не спрашивал. И хорошо.

Вернувшись с пастбища и зайдя во двор, он услышал голоса. Распознал щебетание двойняшек колесника Згарба, ломкие фальцеты соседских мальчишек. И голос Миленки. «Играют», — подумал он, вышел из-под поленницы и остолбенел.

— Милена!

Миленка, его единственная выжившая дочка, его счастье, перевесила себе через плечо палку на шнурке, изображающую меч. Волосы распустила, к шерстяной шапочке прицепила петушиное перо, на шею намотала материнский платочек. С удивительным, фантазийным бантом.

Глаза у нее были зеленые.

Тузек никогда прежде не бил дочери, никогда не пускал в ход отцовский ремень.

Сегодня он сделал это впервые.

На горизонте сверкнуло. Порыв ветра бороной прошелся по поверхности Ленточки. «Будет буря, — подумала Мильва, — а после бури наступит ненастье. Зяблики не ошибались».

Она прищипорила коня. Чтобы нагнать ведьмака до бури, надо поспешить.

Я был знаком в жизни со многими военными. Знавал маршалов, генералов, воевод и гетманов, триумфаторов многочисленных кампаний и битв. Слушал их рассказы и воспоминания. Видывал их склоненными над картами, выписывающими на них разноцветные черточки и стрелки, разрабатывающими планы, обдумывающими стратегию. В этой бумажной войне все получалось прекрасно, все работало, все было ясно и в идеальном порядке. Так должно быть, поясняли военные. Армия — это прежде всего порядок и организованность. Армия не может существовать без порядка и организованности.

Тем поразительнее, что реальная война — а несколько реальных войн мне видеть довелось — с точки зрения порядка и организованности удивительно походит на охваченный пожаром бордель.

Лютик. «Полвека поэзии»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хрустально чистая вода Ленточки переливалась через грань порога мягкой гладкой дугой, потом шумным и вспененным каскадом рушилась между черными, как оникс, камнями, ломалась на них и исчезала в белой кипени, из которой разливалась в обширные плесы, такие прозрачные, что виден был каждый камушек в разноцветной мозаике дна, каждая зеленая косичка колеблющихся в потоке водорослей.

Оба берега покрывал ковер гореца, в котором извивались плющи, гордо выставляющие на горлышках белые жабо. Кусты над горцами переливались зеленым, коричневым и охрой и выглядели на фоне елей так, словно их посыпали серебряным порошком.

— Да, — вздохнул Лютик. — Это прекрасно.

Огромная темная форель попыталась прыгнуть через ступень водопада. Какое-то мгновение она висела в воздухе, трепеща плавниками и метя хвостом, потом тяжело упала в пену кипящей круговерти.

Темнеющее на юге небо перечеркнула разлапистая молния, эхо далекого грома прокатилось по стене леса. Гнедая кобыла ведьмака заплесала, мотнула головой, ощерилась, пытаясь выплюнуть удила. Геральт сильно натянул поводья, кобыла, танцующая, попятилась, звеня подковами по камням.

— Тпру! Тпруу! Видал, Лютик? Чертова балерина! Нет, при первой же okazji освобожусь от этой скотины! Провалиться мне, обменяю хоть на осла!

— И как думаешь, скоро выпадет такой случай? — Поэт почесал горящую от комариных укусов шею. — Правда, дикий ландшафт этой долины дает нам ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, но для разнообразия я охотно заглянул бы в какой-нибудь не столь эстетичный трактир. Скоро неделя, как мы услаждаемся романтической природой, пейзажами и далекими горизонтами. Что-то я затосковал по закрытым помещениям. Особенно таким, в которых подают горячую пищу и холодное пиво.

— Придется потосковать еще некоторое время, — повернулся в седле ведьмак. — Возможно, твои страдания смягчит сознание того, что я тоже малость тоскую по цивилизации. Ты же знаешь, я торчал в Брокилоне ровно тридцать шесть дней. И ночей, во время которых романтически улаждающая природа подмораживала мне зад, ползала по спине и оседала росой на носу... Тпррру! Зараза! Ты перестанешь наконец прыгать, треклятая кобылятина?

— Слепни ее кусают. Эти гадины сделались злыми и кровавыми, как всегда перед бурей. На юге громыхает и сверкает все чаще.

— Я заметил. — Ведьмак взглянул на небо, сдерживая расплывшуюся лошадь. — Да и ветер изменился. Морем отдаст. Смена погоды, не иначе. Ну, поехали. Подгони своего сонного мерина.

— Моего жеребца зовут Пегас.

— Само собой! Знаешь что? Мою эльфью кобылу тоже надо бы как-то назвать. Хммм...

— Может, Плотвичка? — съехидничал трубадур.

— Плотва? — согласился ведьмак. — А что, звучит.

— Геральт?

— Слушаю.

— У тебя в жизни была хоть одна лошадина, которую не называли бы Плотва?

— Нет, — ответил ведьмак после недолгого раздумья. — Не было. Подгони своего кастрированного жеребца, Лютик. Путь дальний.

— И верно, — буркнул поэт. — Нильфгаард... Как думаешь, сколько верст?

— Много.

— До зимы доберемся?

— Сначала до Вердэна. Там обсудим... некоторые проблемы.

— Какие? Думаешь отделаться от меня? Как бы не так! Я буду тебя сопровождать! Так я решил.

— Посмотрим. Я же сказал, сначала надо добраться до Вердэна.

— А далеко еще? Ты эти места знаешь?

— Знаю. Мы у порогов Кеанн Трайса, перед нами место, которое называется Седьмая Верста. А вон те горки за рекой — Совиные Холмы.

— А мы едем на юг, вниз по течению? Ленточка впадает в Яругу где-то в районе крепости Бодрог...

— Мы поедем на юг, но по тому берегу. Ленточка сворачивает к западу, мы поедем лесами. Я хочу добраться до места, которое называется Дришот, то есть Треугольник. Там сходятся границы Вердэна, Бругге и Брокилона.

— А оттуда?

— К Яруге. И к устью. В Цинтру.

— А потом?

— А потом видно будет. Если это вообще возможно, заставь своего Пегаса идти хоть немного быстрее.

Ливень настиг их на переправе, на самой середине реки. Сначала поднялся сильный ветер, прямо-таки ураганными порывами вороша волосы и плащи, сеча лица листьями и веточками, сорванными с прибрежных деревьев и кустов. Криками и ударами пяток они подгоняли лошадей и, вспенивая воду, двигались к берегу. Когда ветер неожиданно утих, они увидели движущуюся на них стену дождя. Поверхность Ленточки побелела и закипела, словно кто-то с неба кидал в реку миллиарды свинцовых шариков.

Еще не добравшись до берега, они уже здорово вымокли. Быстро укрылись в лесу. Кроны деревьев образовали над головами плотную зеленую крышу, но это была не та крыша, которая могла бы укрыть от такого ливня. Дождь быстро иссек и наклонил листья, спустя минуту в лесу лило ничуть не хуже, чем на открытом пространстве.

Они завернулись в плащи, подняли капюшоны. Меж деревьев воцарилась тьма, освещаемая только все более частыми сполохами молний. То и дело громыхало, протяжно и оглушительно. Плотва пугалась, фыркала и плясала. Пегас хранил невозмутимое спокойствие.

— Геральт! — вскрикнул Лютик, пытаясь перекрыть очередной развал грома, катящийся по лесу гигантской телегой. — Давай остановимся! Спрячемся где-нибудь!

— Где? — крикнул тот в ответ. — Езжай!

И они ехали.

Спустя какое-то время дождь заметно ослаб, ветер опять зашумел в кронах деревьев, раскаты громов перестали сверлить уши. Они выехали на тропу, бегущую через густой ольховник. Потом на поляну. На поляне вздымался гигантский бук, под его ветвями, на толстом и просторном ковре из коричневых листьев и орешков, стоял запряженный парой мулов воз. На козлах сидел возница и целился в них из арбалета. Геральт выругался. Слова заглушил раскат грома.

— Опустит самострел, Кольда, — сказал невысокий человек в соломенной шляпе, отворачиваясь от ствола бука, подпрыгивая на одной ноге и застегивая штаны. — Мы не этих ждем. Но все одно — клиенты. Не пугай клиентов, Кольда. Времени у нас маловато, но поторговать всегда успеем!

— Кой черт? — проворчал Лютик за спиной у Геральта.

— Подъезжайте ближе, господа эльфы! — крикнул человек в шляпе. — Не бойтесь, я свой. N'ess a tearth! Va, Seidhe, Ceadmil! Я свой, понимаешь, эльф? Поторгуем? Ну, подъезжайте сюда, под буковину, тута не так льет на голову!

Геральт ошибке не удивился. Они с Лютиком были закутаны в серые эльфьи плащи. На нем самом была полученная от дриад куртка с любимым эльфами лиственным мотивом, а сидел он на коне с типично эльфьей сбруей и характерно украшенными трензелями. Лицо частично заслонял капюшон. Что до красавчика Лютика, так того уже и раньше не раз принимали за эльфа или полуэльфа, особенно после того, как он отпустил волосы до плеч и взял привычку изящно завивать их на железках.

— Поосторожнее, — буркнул ведьмак, — слезай. Ты — эльф. Не раскрывай пасти без надобности.

— Это почему же?

— Это гавенкары.

Лютик тихонько зашипел. Он понимал, чем тут пахнет.

Всем правили деньги, спрос вызывал предложение. Рыскающие по лесам скоя'таэли собирали годную на продажу, но ненужную им добычу, однако страдали от недостатка оружия и экипировки. Так родилась лесная разъездная торговля. На просеки, тропы и поляны втихую заявлялись телеги торгующих с белками спекулянтов. Эльфы называли их hav'saagen, словом непереводимым, но как-то сочетающимся с хищным корыстолюбием. Меж людей укоренился термин «гавенкары», и слово это в ушах Геральта по крайней мере звучало еще паскуднее. Потому что паскудными были и эти люди. Жесткие и беспощадные, не отступающие ни перед чем, даже перед убийством. Схваченный солдатами гавенкар не мог рассчитывать на милосердие. А потому и сам не привык его проявлять. Встретив на пути кого-то, кто мог бы выдать его солдатам, он не раздумывая хватался за самострел либо нож.

Так что влипли они — лучше не придумаешь. К счастью, гавенкары приняли их за эльфов. Геральт плотнее заслонил лицо капюшоном и начал подумывать о том, что будет, когда маскарад раскроется.

— Ну, дает! — потер руки торгош. — Льет, словно кто в небе дырку пробуравил. Паршивый tedd, ell'ea? Ну ничего, для торговли нет плохой погоды. Есть только скверный товар или скверные денежки, хе-хе! Понял, эльф?

Геральт кивнул. Лютик буркнул что-то нечленораздельное из-под капюшона. На их счастье, презрительная нелюбовь эльфов к общению с людьми была широко известна и никого не удивляла. Однако возница не отложил самострел, а это был недобрый знак.

— Вы от кого? Из какой команды? — Гавенкар, как и всякий серьезный торговец, не дал сбить себя с толку сдержанностью и неразговорчивостью клиентов. — От Коиннеаха Де Рео? От Ангуса Бри-Кри? Или, может, от Риордаина? Риордаин, к примеру, неделю назад под корень вырубил королевских коморных, с обозом идущих, а в обозе-то дань была собранная. Монета, не хламье какое. Я не беру в оплату ни деготь, ни зерно, ни окровавленную

одежу, а из добычи токмо норку, соболя аль горноста. Но милей всего мне монетка, камушки да драгоценности! Ежели есть — можно поторговаться. У меня товарец — первый сорт! *Evelienn vara en ard scedde, ell'ea*, понял, эльф? Все есть. Гляньте.

Торгаш подошел к возу, приподнял край тента. Они увидели мечи, луки, пучки стрел, седла. Гавенкар покопался в товаре, вытащил одну из стрел. Наконечник был зазубренный и надпиленный.

— У других такого не сыщете, — сказал он хвастливо. — Другие купцы с перепуту в штаны накладывают, хвосты подожмут, потому как за такие стрелочки лошадками напополам разрывают, ежели кого с ними прихватят. Но я-то знаю, что белкам любо, клиент — наш хозяин, а торговлишки без риска не бывает, только б профитик был! У меня разбрызгивающие наконечники, девять оронов за дюжину. Разнесут так, что кусочков не соберешь! *Naev'de aen tvedeane, ell'ea*, понял, *Seidhe*? Клянусь, не обдираю, сам зарабатываю малость самую, головками деток своих клянусь. Ежели три дюжины сразу возьмете, шесть процентов скину с цены. Случайность, клянусь, чистейшая случайность... Эй, *Seidhe*, а ну, прочь от фургона!

Лютик испуганно отдернул руку от тента, глубже натянул капюшон.

Геральт неведомо который раз проклял про себя неумную любознательность барда.

— *Mir'me vara*, — забормотал Лютик, просительно поднимая руки. — *Squaess'me*.

— Ладно, ничего, — осклабился гавенкар. — Но туда нельзя заглядывать, потому как там на возу другой товар тожить есть. Но не на продажу, не для *Seidhe*. Заказной, хе-хе. Ну, мы тут болтаем... Кажите денежки.

«Начинается», — подумал Геральт, глядя на натянутый самострел возницы. У него были основания полагать, что наконечник стрелы вполне мог быть гавенкарской «случайно приобретенной», разбрызгивающей штучкой, которая, попав в живот, выходила из спины в трех, а порой и четырех местах, превращая внутренности подстреленного в весьма неприятный гуляш.

— *N'ess tedd*, — сказал он, подражая певучему акценту. — *Tearde. Mireann vara, va'en vort*. Вернемся с командой, тогда торговля. *Ell'ea*? Понял, *Dh'oine*?

— Понял, — сплюнул гавенкар. — Понял, что вы нагишом. Товар-то взять хотите, а наличных — тю-тю. Пшли прочь! И не возвращайтесь, потому как у меня тут с важными особами встреча назначена. Вам лучше тем особам на глаза не попадаться. Двигайте...

Он осекся, услышав храп коня.

— А, чтоб тебя! Поздно! Они уже здесь. А ну, лбы под капюшоны, эльфы! Не шевелиться и чтоб мне ни гу-гу! Кольда, дуб стоеросовый, отложи арбалетину, да живей!

Шум дождя, громыхание грома и ковер листьев заглушали стук копыт, благодаря чему наездникам удалось подъехать незаметно и окружить бук мгновенно. Это не были скоя'таэли. Белки не носили лат, а восемь окруживших дерево конников поскверкивали металллом шлемов, наплечников и кольчуг, залитых дождем.

Один из них медленно приблизился, вырос над гавенкаром, словно гора. Сам он был нормального роста, но сидел на могучем боевом жеребце. Защищенные латами плечи прикрывала волчья шкура, лицо заслонял шлем с широким выступающим наносником, доходящим до нижней губы. В руке чужак держал грозно выглядывший чекан.

— Ридокс! — крикнул он хрипло.

— Фаоильтиарна! — отозвался торговец ломким голосом.

Наездник подъехал еще ближе, наклонился в седле. Вода струей стекала со стального наносника прямо на карваш и зловеще блестящий клюв чекана.

— Фаоильтиарна! — повторил гавенкар, кланяясь в пояс. Он снял шляпу, дождь мгновенно плотно прилепил к черепу его реденькие волосики. — Фаоильтиарна! Я свой, пароль и отзыв знаю... От Фаоильтиарны еду, Ваше превосходительство... Жду вот тут, как было договорено...

— А это кто такие?

— Эскорт мой. — Гавенкар наклонился еще ниже. — Ну энти, эльфы...

— Пленник?

— На возу. В гробе.

— В гробу?! — Гром частично заглушил яростный рев наездника с чеканом. — Это тебе даром не пройдет! Господин Ридо ясно приказал: пленник должен быть доставлен живым!

— Так живой же он, живой, — спешно пробормотал торговец. — Как приказано! В гроб мы его запихали, но живой он... Не я приду-мал с гробом-то, Ваше превосходительство... Это Фаоильтиарна...

Конник хлопнул чеканом по стремени, дал знак. Трое конных спрыгнули с седел и стащили тент с фургона. Когда они выкинули на землю седла, попоны и связки упряжи, Геральт при свете молнии действительно увидел гроб из свежеструганной сосны. Однако не приглядывался особо внимательно, чувствуя покалывание в кончиках пальцев. Он уже знал, что увидит через минуту.

— Как же так, ваша милость? — проговорил гавенкар, глядя на раскиданные по мокрой траве товары. — Добро мое с возу вон?

— Беру все. Вместе с упряжкой.

— Аааа. — На заросшую щетиной физиономию торговца вы-ползла слащавая улыбочка. — Энто другая разница. Энто будет... Дайте подумать. Пять сотен, с позволения вашей милости, ежели в гемерской валюте. Если же вашими флоренами, то сорок пять.

— Гляди, не продешеви! — фыркнул конный, отвратительно ухмыляясь из-за наносника. — А ну, подойди ближе.

— Осторожнее, Лютик, — прошипел ведьмак, незаметно растегивая застежку плаща.

Громыкнуло.

Гавенкар подошел к наезднику, наивно рассчитывая на самую большую торговую сделку в своей жизни. И это действительно была сделка его жизни, может, не самая лучшая, но уж наверняка последняя. Наездник приподнялся на стременах и с размаху всадил ему чекан в полысевшее темечко. Торговец упал, не издав ни звука, задергался, замахал руками, вспахал каблуками мокрый ковер листьев. Кто-то из копавшихся в телеге закинул ремень на шею вознице, затянул, второй подскочил, ткнул кинжалом.

Один из конников рывком поднял арбалет, целясь в Лютика. Однако у Геральта в руке уже был меч, выброшенный из телеги гавенкара. Перехватив оружие посередине лезвия, он метнул его как копье. Прошитый насквозь арбалетчик свалился с коня, все еще с выражением безбрежного изумления на лице.

— Беги, Лютик!

Лютик подскочил к Пегасу и диким прыжком взлетел к седлу. Однако прыжок оказался излишне диким, а поэт недостаточно ловким. Он не сумел удержаться за луку и шмякнулся на землю по другую сторону лошади. Это спасло ему жизнь, клинок меча напавшего на него наездника рассек воздух над ушами Пегаса. Мерин испугался, рванул, столкнулся с конем противника.

— Это не эльфы! — рывкнул наездник в шлеме с наносником, тоже выхватывая меч. — Живыми брать! Живыми!

Один из тех, кто, выполняя приказ, соскочил с телеги, замешкался. Однако Геральт уже успел выхватить собственный меч и не терял ни секунды. Запал двух оставшихся несколько остудил хлынувший на них фонтан крови. Геральт воспользовался этим и прикончил второго. Но конники уже подскочили к нему. Он вывернулся из-под их мечей, парировал удар, сделал вольт и в этот момент почувствовал сильную боль в правом колене, почувствовал, что падает. Он не был ранен. Просто вылеченная в Брокилоне нога без всякого предупреждения перестала слушаться.

Замахнувшийся на него секирой пеший вдруг крикнул и завертелся, словно кто-то его сильно толкнул. Прежде чем упасть, ведьмак увидел стрелу с длинными перьями, впившуюся в бок нападающего до половины стержня. Лютик крикнул. Гром заглушил его крик.

Вцепившийся в колесо телеги Геральт увидел при свете молнии светловолосую девушку с натянутым луком, выбегающую из ольховника. Конники тоже заметили ее. И не могли не заметить, потому что в этот момент один из них перевалился через конский круп, получив в кадык стрелу, превратившую его горло в кровавое

месиво. Трое остальных, в том числе командир в шлеме с наносником, сразу же оценили опасность, с криком помчались к лучнице, прячась за шеями лошадей. Они думали, что конские шеи будут достаточной защитой от стрел. Они ошибались.

Мария Барринг по прозвищу Мильва натянула лук. Она целилась спокойно, прижав тетиву к щеке. Первый из атакующих вскрикнул и сполз с коня, ступня застряла в стремях, и подкопанные копыта раздавили его. Второго стрела прямо-таки смела с седла. Третий, командир, был уже близко, поднялся в стремях, занес меч для удара. Мильва даже не дрогнула. Бесстрашно глядя на нападающего, натянула лук и с пяти шагов всадила ему стрелу прямо в лицо, рядом со стальным наносником. Стрела прошла навывлет, сбросив шлем. Конь не остановился. Наездник, лишившийся шлема и значительной части головы, еще несколько мгновений сидел в седле, потом медленно наклонился и свалился в лужу. Конь заржал и помчался дальше.

Геральт с трудом встал, помассировал ногу, которая хоть и болела, но — о диво — казалась вполне дееспособной. Он мог спокойно встать на нее, мог ходить. Рядом, сваливая с себя придавивший его труп с развороченным горлом, поднимался с земли Лютик. Лицо поэта цветом могло соперничать с негашеной известью.

Мильва приблизилась, попутно выдергивая стрелу из тела убитого.

— Благодарю тебя, — сказал ведьмак. — Лютик, поблагодари. Это Мильва Барринг. Мы обязаны ей жизнью.

Мильва вырвала стрелу из другого трупа, осмотрела окровавленный наконечник. Лютик что-то невнятно промямлил, склонился в учтивом, но несколько дрожащем поклоне, затем упал на колени, и его вывало.

— Кто такой? — Лучница вытерла наконечник о мокрые листья, сунула стрелу в колчан. — Друг твой, что ли, ведьмак?

— Да. Его зовут Лютик. Он поэт.

— Поэт. — Мильва поглядела на сотрясаемого сухими уже позывами трубадура, потом подняла глаза. — Ежели так, то понимаю. А вот чего не понимаю, так это пошто он тут блюет, вместо того чтобы где в тишине рифмы складывать. Впрочем, мне-то что. Не мое дело.

— В определенной степени твое. Ты спасла ему шкуру. Мне тоже.

Мильва протерла мокрое от дождя лицо, на котором все еще можно было увидеть отпечаток тетивы. Хоть стреляла она несколько раз, отпечаток был только один — тетива постоянно прижималась к одному и тому же месту.

— Я уже сидела в ольховнике, когда ты трепался с гавнюкаром, — сказала она. — Не хотела, чтобы шельма меня видел, да и нужды не было. А потом приехали другие и пошла сеча. Несколь-

ких ты здорово разделал. Умеешь мечом крутить, ничего не скажешь. Хоть ты и хромой. Надо было тебе еще в Брокилоне посидеть, лечить ногу-то. Попортишь, так до конца жизни спотыкаться будешь, соображаешь, думаю?

— Переживу.

— И мне так мнится. Потому как я ехала следом, чтобы предупредить. И завернуть. Ничего не получится из твоей езды. На юге война. От Дришота идут на Бругге нильфгаардские войска.

— Откуда знаешь?

— А хоть бы и оттуда. — Девушка широким взмахом указала на трупы и коней. — Это ж нильфы. Похуже гавнюкаров будут. Солнце на шлемах видишь? Шитье на попонах? Собирайтесь, берем ноги в руки, того и гляди сюда новые нагрянут. Эти тут разъездом. Разведкой.

— Не думаю, — покачал головой Геральт, — что разведка или передовой отряд. За другим они приехали.

— Это за чем же?

— За этим, — указал он на лежащий в телеге гавенкаров потемневший от воды сосновый гроб.

Дождь поутих, греметь перестало. Буря перемещалась к северу. Ведьмак поднял валяющийся среди листьев меч, запрыгнул на воз, ругаясь втихую, потому что колено все еще давало о себе знать.

— Помоги открыть.

— Ты что, мертвяка хочешь... — Мильва осеклась, видя просверленные в крышке отверстия. — Холера! Гавнюкар живца в ящике вез?

— Какой-то пленник. — Геральт поддел мечом крышку. — Гавенкар здесь ждал нильфгаардца, чтобы передать ему. Они обменялись паролем и отзывом...

Крышка со скрипом оторвалась, явив человека с кляпом во рту, за руки и за ноги привязанного ременными петлями к боковинам гроба. Ведьмак наклонился. Присмотрелся внимательнее. Потом еще раз, еще внимательнее. И выругался.

— Ну, извольте, — проговорил он протяжно. — Сюрпризец! Кто бы ожидал?

— Знаешь его, что ль, ведьмак?

— Встречались, — неприятно усмехнулся он. — Спрячь нож, Мильва. Не разрезай ему пут. Это, похоже, внутренняя нильфгаардская проблема. Нам не следует вмешиваться. Оставим все как есть.

— Да хорошо ли я слышу? — проговорил из-за их спин Лютик. Он все еще был бледен, но любопытство пересилило другие чувства. — Хочешь оставить в лесу связанного человека? Догадываюсь, ты узнал кого-то, с кем был на ножах, но ведь это пленник, черт побери! Он был узником людей, которые напали на нас и чуть было не прикончили. Он враг наших врагов, а враги наших врагов...

Люттик замолчал, видя, что ведьмак вытаскивает из-за голенища складной нож. Мильва тихо кашлянула. Темно-голубые, прикрытые до сих пор от дождя глаза связанного человека расширились. Геральт наклонился и разрезал петлю на его левом плече.

— Глянь, Люттик, — сказал он, взяв пленника за кисть и поднимая ее. — Видишь шрам на руке? Это его Цири рубанула. На острове Танедд, месяц назад. Это нильфгаардец. Приехал на Танедд специально, чтобы увести Цири. Она дала ему мечом, спасая от похищения.

— Коту под хвост вся ейная работня, — буркнула Мильва. — Чего-то тут, сдается, не играет. Ежели этот нильф твою Цирю с острова для Нильфгаарда увести хотел, то как он в гроб-то попал? Почему его гавнюкар нильфам как раз же и выдавал? Вытащи у него кляп из пасти, ведьмак. Может, он чего скажет?

— Нет у меня никакого желания его слушать, — глухо ответил ведьмак. — У меня уже сейчас рука чешется ткнуть его мечом. Едва сдерживаюсь. А если он еще и заговорит, не сдержусь. Я вам не все о нем сказал.

— Ну и не сдерживайся, — пожала плечами Мильва. — Сдерживаться вредно. Ткни, ежели это такой негодяй. Только побыстрей, время торопит. Я ж говорила, вот-вот нильфы нагрянут. Я — за своим конем.

Геральт выпрямился, отпустив руку связанного. Тот тут же выдернул изо рта кляп и сплюнул. Но не заговорил. Ведьмак кинул ему нож на грудь.

— Не знаю, за какие грехи запихали тебя в этот сундук, нильфгаардец, — сказал он. — И мне это до свечки. Оставляю тебе нож, освобождайся сам. И жди здесь своих или убегай в леса, воля твоя.

Пленник молчал. Сейчас, связанный и засунутый в деревянный ящик, он выглядел еще более жалким и беззащитным, чем на Танедде, а там Геральт видел его на коленях, в луже крови, раненого, трясущегося от страха. Да и казался он гораздо моложе. Ведьмак не дал бы ему больше двадцати пяти лет.

— Я подарил тебе жизнь на острове, — добавил он. — Дарю и сейчас. Но в последний раз. При следующей встрече прикончу как собаку. Запомни. Если тебе вдруг вздумается уговорить своих дружков погнаться за нами, прихвати гроб с собой. Пригодится. Поехали, Люттик.

— А ну, быстро! — крикнула Мильва, возвращаясь галопом с ведущей на запад тропы. — Да не сюда! В леса, сучья мать, в леса!

— Что случилось?

— От Ленточки конники идут. Большой кучей! Нильфы! Ну, чего глазееете? По коням, пока нас не окружили!

* * *

Бой за село шел уже битый час, а конца все еще видно не было. Пешие, обороняющиеся из-за каменных стенок, заборов и баррикад, сложенных из телег, отразили уже три атаки конницы, наступавшей на них по дамбе. Ширина дамбы не позволяла конникам организовать фронтальный нажим, а обороняющейся пехоте давала возможность уплотнить оборону. В результате волны конницы всякий раз разбивались о баррикаду, из-за которой отчаявшиеся, но ожесточенные кнехты осыпали плотные ряды конников градом стрел из луков и арбалетов. Кавалеристы сбились в кучу, и тогда защитники набрасывались на них, колотя бердышами, гизармами и коваными боевыми цепами. Конница отступала к прудам, оставляя трупы людей и лошадей, а пехотинцы вновь прятались за баррикадой и покрывали врага страшными ругательствами. Спустя какое-то время конница восстанавливала порядок и атаковала снова.

И все повторялось.

— Интересно, кто с кем дерется? — в очередной раз невнятно спросил Лютик, мусоливший во рту сухарь, который выклянчил у Мильвы.

Они сидели на самом краю обрыва, хорошо укрытые в можжевельнике, и могли наблюдать за боем, не опасаясь, что их самих кто-нибудь заметит. Точнее говоря, не то чтобы могли, а просто вынуждены были наблюдать. Другого выхода у них не было. Впереди кипел бой, позади горели леса.

— Нетрудно угадать, — наконец неохотно решился ответить Геральт на вопрос Лютика. — Конники — нильфгаардцы.

— А пешие?

— А пешие — не нильфгаардцы.

— Конники — регулярная кавалерия из Вердэна, — сказала Мильва, до той поры утрюмая и подозрительно неразговорчивая. — Шахматные клетки на пополах. А те, что в деревне, — бругтенские наемники. По хоругови выдавать.

Действительно, ободренные очередным успехом кнехты подняли над шанцем зеленый штандарт с белым крестом, плечи которого раздваивались на концах. Геральт смотрел внимательно, но раньше штандарта не видел, защитники поднимали его только теперь. Видимо, в начале боя он где-то затерялся.

— И долго мы будем сидеть? — спросил Лютик.

— Глянь-ка! — буркнула Мильва. — Спрашивает! Посмотри сам-то! Куды ни глянь — всюду хреново.

Лютику не надо было ни смотреть, ни оглядываться. Весь горизонт был исполосован столбами дыма. Плотнее всего дымило на севере и западе, где чья-то армия поджигала леса. Многочисленные дымы вздымались в небо и на юге, там, куда они направля-

лись, когда путь им преградил бой. Но за тот час, что они провели на обрывистом холме, дымы поднялись и на востоке.

— Однако ж, — начала лучница после недолгого молчания, взглянув на Геральта, — интересует меня, ведьмак, и здорово интересует, что ты теперь собираешься делать. За нами Нильфгаард и горящие леса, что перед нами — сам соображаешь. Так какие же у тебя планы?

— Мои планы не изменились. Пережду бой и отправлюсь на юг. К Яруге.

— Не иначе как тебе разум отшибло, — скривилась Мильва. — Видать же, что дется. Голым же глазом видать, что это не какая-то там драчка ничьих мужиков, а, как говорится, война. Нильфгаард на пару с Вердэном прет. На юге уж верняком Яругу перешли, не иначе уж весь Бругге, а может, и Содден в огне...

— Я должен добраться до Яруги.

— Ладно! А потом?

— Найду лодку, пойду вниз, попробую дойти до устья. Потом корабль. Должны же оттуда, черт побери, плавать какие-нито корабли...

— В Нильфгаард, что ли? — фыркнула Мильва. — Планы, значит, не изменились.

— Ты не обязана меня сопровождать.

— Ясно, не обязана. И хвала богам, потому как я смерти не ищу. Бояться-то я ее не боюсь, но скажу тебе: дать себя прикончить невелика штука.

— Знаю, — ответил он спокойно. — Есть опыт. Не шел бы в ту сторону, коли не нужда. Но — нужда, вот и иду. Ничто меня не удержит.

— Хо! — окинула она его взглядом. — А голосок, словно кто ножом по дну старого котла скребет. Если б тебя император Эмгыр услышал, в штаны б, ей-бо, напустил со страху. Ко мне, стража, ко мне, свита моя императорская, беда, беда-то какая, слышь, уж тут к нам, в Нильфгаард, ведьмак челном прет. Вот-вот тута будет, жизни и короны лишит! Все! Погибнул я, несчастный!

— Перестань, Мильва.

— Факт! Сам час тебе правду в глаза сказать. Да пусть меня полинялый кролик на пне отдерет, если я когда дурнее тебя парня видала! Едешь у Эмгыра свою девку выдирать? Которую Эмгыр в императрицы высмотрел? Которую у королей отобрал? У Эмгыра коготь что надо, чего уцепит, того не отпустит. Короли с ним не управились, а ты хочешь?

Ведьмак не ответил.

— В Нильфгаард, стало быть, намылился, — повторила Мильва, покачав головой. — С императором воевать надумал, невесту у него отбить. А ты подумал, как все может обернуться? Вот ты доехал, вот свою Цирю в дворцовых покоях отыскал, всю в злате и

шелках, ну и что ты ей скажешь? Пошли, мол, милая, со мной, что тебе императорский трон, вдвоем в шалаше заживем из души в душу, перед новолунием кору грызть будем. Ты глянь на себя, хро-мой оборвыш. Ты даже капор и опорки у дриад получил после какого-то эльфа, который от ран помер в Брокилоне. Ты знаешь, что будет, когда тебя твоя мазелька увидит? В очи тебе плюнет, высмеет, драбантам велит тебя взашей за порог выкинуть и собаками затравить!

Мильва говорила все громче, под конец почти кричала. Не только от злости, но чтобы перекричать усиливающийся гул. Снизу орали десятки, может, сотни глоток. На бруггенских кнехтов навалилась очередная атака. Но теперь с двух сторон одновременно. Одетые в синие туники с черно-белыми клетками на груди вердэнцы гарцевали впереди, а из-за пруда, заходя защитникам с фланга, вылетел сильный отряд наездников в черных плащах.

— Нильфы, — кратко бросила Мильва.

Теперь у бруггенской пехоты не было никаких шансов выстоять. Кавалеристы прорвались через преграды и мгновенно разнесли защитников мечами. Штандарт с крестом упал. Часть пехотинцев бросила оружие и сдалась, часть пыталась бежать к лесу. Но оттуда налетел третий отряд, ватага разномастно одетых легковооруженных конников.

— Соя'таэли, — поднявшись, сказала Мильва. — Теперь-то ты понял, что творится, ведьмак? Дошло до тебя? Нильфгаард, Вердэн и белки вкупе. Война. Как в Аэдирне месяц назад.

— Это рейд, — покрутил головой Геральт. — Грабительский налет. Только конница, никакой пехоты...

— Пехота форты и укрепленные замки берет. Вон те думы, думаешь, откуда? Из коптилен?

Снизу, от деревушки, до них долетали дикие, отчаянные вопли беглецов, которых догоняли и приканчивали белки. С крыш поднялись думы и огонь. Сильный ветер подсушил солому после утреннего ливня, пожар мгновенно перекидывался на соседние домишки.

— Вот, — буркнула Мильва, — конец селу. А ведь токо-токо отстроились опосля той войны. Два года в поте лица ставили, а сгорит за пару часов. Научиться б пора!

— Чему? — быстро спросил Геральт.

Она не ответила. Дым от пылающей деревушки взбивался высоко, добрался до обрыва, щипал глаза, выжимал слезы. Со стороны пожара долетели крики. Лютик вдруг побелел как полотно.

Пленных сбили в кучу, взяли в кольцо. По приказу рыцаря в шлеме с черным султаном конники принялись сечь и рубить безоружных. Падающих топтали лошадьми. Кольцо сжималось. Крики, долетавшие до обрыва, перестали походить на человеческие голоса.

— И мы пойдем на юг? — спросил поэт, выразительно глядя на ведьмака. — Через пожары? Туда, откуда являются эти мясники?

— Сдается мне, — не сразу ответил Геральт, — выбора у нас нет.

— Есть, — сказала Мильва. — Я могу провести вас лесами за Совиные Холмы и обратно до Кеанн Трайса. В Брокилон.

— Через пылающие леса? Сквозь огонь, от которого мы едва убежали?

— Все вернее, чем дорогой на юг. До Кеанн Трайса не более четырнадцати верст, а я знаю тропки.

Ведмак глядел вниз, на гибнущую в огне деревню. Нильфгардцы уже управились с пленными, конники выстраивались в походную колонну. Разношерстная ватага скоя'тазлей двинулась по тракту, ведущему на восток.

— Я не возвращусь, — ответил Геральт жестко. — А вот Лютика в Брокилон проводи.

— Нет! — запротестовал поэт, хоть лицо его все еще не обрело своего нормального цвета. — Еду с тобой.

Мильва махнула рукой, подняла колчан и лук, сделала шаг в сторону лошадей, неожиданно повернулась.

— К дьяволу! Слишком долго и слишком часто я эльфов от гибели спасала. Не можно мне теперь глядеть, как кто гибнет. Провожу вас до Яруги, психи шальные, токо не южным путем, а восточным.

— Там же леса горят!

— Провожу через огонь. Привыкла.

— Ты не должна этого делать, Мильва.

— И верно, не должна! Ну, в седла! Двигайтесь наконец!

Уехали недалеко. Кони с трудом передвигались в чаще заросших стежкам, а пользоваться дорогами они не отваживались — отовсюду долетал топот и гул перемещающихся войск. Сумрак застал их среди заросших кустарником балок, и тут они остановились на ночлег. Дождь перестал. Небо было светлым от пожаров.

Они отыскивали сравнительно сухое место, присели, обернувшись накидками и попонами. Мильва отправилась разведать окрестности. Как только она отошла, Лютик дал волю долго сдерживаемому любопытству, которое возбуждала в нем брокилонская лунница.

— Девушка — прямо лань, — бурчал он. — Везет тебе на такие знакомства, Геральт. Стройная и ладная, не ходит — танцует. По мне, так немного узковата в бедрах, а в плечах чуточку мощновата, но ведь женщина, женщина... Яблочки впереди, того и гляди, хо-хо... рубашка лопнет...

— Заткнись, Лютик.

— В пути, — мечтательно закатил глаза Лютик, — мне случилось нечаянно коснуться. Бедро, скажу тебе, словно мрамор. Мда, не скучал ты тот месяц в Брокилоне...

Мильва, которая в этот момент вернулась из разведки, услышала театральный шепот и заметила взгляды.

— Обо мне треплешься, поэт? Че-то ты на меня пялишься, едва я отвернусь? Птица мне на спину наклала?

— Никак не можем надивиться твоему искусству лучника, — осклабился Лютик. — Думаю, на стрелецких состязаниях у тебя б конкурентов не было.

— Давай-давай, трепись.

— Читал я, — Лютик многозначительно глянул на Геральта, — что самых лучших лучниц можно найти среди зерриканок, в степных кланах. Некоторые вроде бы отрезают себе левую грудь, чтобы не мешала натягивать лук. Бюст, говорят, мешает тетиве.

— Не иначе, какой виршеплет навроде тебя выдумал, — прыснула Мильва. — Сидит себе и от нечего делать придумывает всякую ослиную дурь, перо в горшок ночной макает, а люди глупые верят! Что, сиськами, что ль, стреляют-то? Или как? К щеке тетиву натягивают, боком стоя, вот так. Ни за чего тетива не задевает. Что отрезают — глупость, выдумка пустоголовых бездельников навроде тебя, которым вечно одни бабьи титьки снятся.

— Благодарю за сердечные слова о поэтах и поэзии. И за лекцию о лучниках. Хорошее оружие лук. Знаете что? Я думаю, именно в этом направлении будет развиваться военная наука. В будущих войнах биться будут на расстоянии. Изобретут такое оружие, что противники смогут запросто убивать друг друга, вообще не видя, кого убивают!

— Дурь одна... — кратко оценила Мильва. — Лук — хорошая штука, но война — это мужик супротив мужика, на длину меча. Тот, что крепче, слабаку башку пополам. Всегда так было и так будет. А когда кончится, то и войнам конец. А пока что — видел, как воюют? В той деревне, возле дамбы. Эх, что трепаться впустую. Пойду гляну. Кони храпят, ровно б волк где поблизости крутит...

— Ну — лань и лань! — Лютик проводил ее взглядом. — Хммм... Однако, возвращаясь к упомянутой деревне у дамбы и к тому, что Мильва твоя сказала, когда мы на обрыве сидели... Ты не считаешь, что она была малость права?

— Относительно чего?

— Относительно... Цири. — Поэт слегка запнулся. — Наша прелестная и быстрострельная дева, похоже, не уразумела ваших взаимоотношений, думает, как мне кажется, что ты намерен соперничать с нильфгаардским императором в борьбе за ее руку. Что в этом истинная причина твоего похода в Нильфгаард.

— Стало быть, относительно этого она не права. А относительно чего права?

— Погоди, не заводись. Но взгляни правде в глаза. Ты пригубил Цири и считаешь себя ее опекуном. Но это ведь не обычная девушка. Она — королевское дитя, Геральт. Ей, как ни говори, положен трон. Дворец. Корона. Не знаю, конечно, нильфгаардская ли. Не знаю, лучший ли для нее муж Эмгыр...

— И верно. Не знаешь.

— А ты знаешь?

— Ясное дело — потихоньку приближаешься к выводам, — сказал ведьмак, плотнее заворачиваясь в попону. — Не старайся очень-то. Я знаю, что это за вывод. Нет смысла спасать Цири от судьбы, писанной ей при рождении. Ибо спасенная Цири вполне может приказать драбантам скинуть нас с лестницы. А посему — оставим ее в покое. Так?

Лютик раскрыл рот, но Геральт не дал ему заговорить.

— Девочку, — начал он все сильнее изменяющимся голосом, — поймал не дракон или злой волшебник, не пираты похитили ее ради выкупа. Она не сидит в башне, в застенке или в клетке, ее не пытаются и не морят голодом. Все совсем наоборот. Она спит на дамасте, ест с серебра, носит шелка и кружева, вся увешана драгоценностями, того и гляди ее коронуют. Короче говоря, она счастлива. А какой-то ведьмак, которого злой рок когда-то случайно поставил у нее на пути, надумал это счастье порушить, уничтожить, растоптать дырявыми опорками, которые ему достались в наследство от какого-то дохлого эльфа. Так?

— Не это я имел в виду, — буркнул Лютик.

— Да не к тебе он обращается. — Мильва неожиданно вынырнула из мрака и после недолгого колебания присела рядом с ведьмаком. — Ко мне. Это мои слова так его допекли. По злобе я говорила, не подумавши... Ты уж прости, ведьм. Знаю я, как бывает, когда в живую рану коготь всадить... Ну, не злись. Больше я так не сделаю. Простишь? Или надо тебя ради прощения... пригубить?

Не ожидая ответа или разрешения, она сильно обняла его за шею и поцеловала в щеку. Он крепко сжал ей руку.

— Придвинься, — откашлялся он. — И ты тоже, Лютик. Рядом теплее будет!

Молчали долго. По светлomu от зарев небу двигались облака, то и дело заслоняя помигивающие звезды.

— Хочу вам кое-что сказать, — наконец проговорил Геральт. — Но поклянитесь, что не станете смеяться.

— Давай.

— Видел я странные сны. В Брокилоне. Сначала думал — бред. Что-то с головой. Понимаете, на Танедде меня здорово треснули по лбу. Но несколько ночей я видел один и тот же сон. Постоянно один и тот же.

Лютик и Мильва молчали.

— Цири, — продолжал он, — не спит во дворце под парчовым балдахином, а едет на лошади через какую-то пыльную деревушку... Кметы указывают на нее пальцами. Называют именем, которого я не знаю. Лают собаки. Она не одна. Есть там и другие. Какая-то коротко остриженная девушка держит Цири за руку... Цири ей улыбается. Не нравится мне ее улыбка. Не нравится мне ее яркий макияж... А больше всего не нравится мне то, что за ней следом плетется смерть...

— Тогда где же эта девушка? — заурчала Мильва, словно кошка прижимаясь к нему. — Не в Нильфгаарде?

— Не знаю, — с трудом ответил он. — Но один и тот же сон я видел несколько раз. Проблема-то в том, что я не верю в такие сны.

— Ну и глупо. Я верю.

— Не знаю, — повторил он. — Но чувствую. Перед ней огонь, а за ней смерть. Мне надо спешить.

На рассвете снова пошел дождь. Не так, как вчера, когда буря сопровождалась сильным, но кратким ливнем. Сейчас небо посерело и затянулось свинцовым налетом. Начало моросить: мелко, ровно, докучливо.

Они ехали на восток. Мильва вела. Когда Геральт обратил ее внимание на то, что Яруга находится на юге, лучница обрезала его и напомнила, что ведет она и она сама знает, что делает. Больше он не заговаривал. В конце концов важно было, что они едут. Направление особого значения не имело.

Ехали молча, мокрые, озябшие, ссутулившись в седлах. Придерживались лесных тропок, проскальзывали вдоль вырубок, пересекали тракты. Слыша стук копыт проходившей по дорогам кавалерии, углублялись в чащу. Широкой дугой обходили гул и рев боев. Проезжали мимо полыхающих деревень, мимо дымящихся и тлеющих пожарищ, мимо поселков и мыз, от которых остались только черные квадраты выгоревшей земли и резкая вонь промоченной дождем гари. Спутгивали стаи ворон, обжираться трупами. Миновали группы и колонны сгибающихся под тяжестью тюков и сундуков, бегущих от войны и пожара кметов, отупевших, отвечающих на вопросы только испуганным, ничего не понимающим и не выражающим взглядом пустых от несчастья и ужаса глаз.

Они ехали на восток, в огне и в дыму, в мороси и тумане, а перед их глазами разворачивался гобелен войны, сменялись картины.

Была картина с журавлем, вознесшим черную стрелу посреди руин спаленной деревушки. На журавле висел нагой труп. Головой вниз. Кровь из разрубленной промежности и живота стекала ему на грудь и лицо, сосульками свисала с волос. На спине трупа была видна руна «Ард». Вырезанная ножом.

— An'givate, — сказала Мильва, откидывая мокрые волосы с шеи. — Здесь были белки.

— Что значит an'givate?

— Доносчик.

Была картина с сивой лошадей в черной попоне. Животное, покачиваясь, ступало по краю побоища, пробираясь между навалами трупов и вбитыми в землю обломками копий, тихо и со свистом ржало и волочило за собой вывалившиеся из распоротого брюха внутренности. Добить лошадей они не могли — кроме нее, по полю шатались обдирающие трупы мародеры.

Была картина с распятой девушкой, лежащей недалеко от спаленного крестьянского двора, голой, окровавленной, глядящей в небо остекленевшими глазами.

— Говорят, драка — мужская доля, — проворчала Мильва. — А над бабой не сжальтесь, обязательно должны поизмываться. Герои, собачья масть!

— Ты права. Но этого не изменишь.

— Я уже изменила. Сбежала из дому. Не хотела подметать халупу и драить полы. И ждать, когда придут, халупу подпалят, а меня разложат на полу и...

Она не закончила, подогнала коня.

А потом была картина со смолокурней. Вот тогда-то Лютик выблевал все, что в тот день съел, то есть сухарь и половину вяленой трески.

В смолокурне нильфгаардцы — а может, скоя'таэли — расправились с большой группой пленников. Сколько их было в этой большой группе, невозможно было сосчитать даже приблизительно. Потому что для расправы послужили не только стрелы, мечи и копья, но и найденный в смолокурне лесорубский инструмент: топоры, струги и пилы.

Были и другие картины, но Геральт, Лютик и Мильва их уже не запомнили. Выкинули из памяти.

Стали невосприимчивыми.

За следующие два дня не проехали и двадцати верст. Шел дождь. Почва, возжаждущая после летней суши воды, упиалась до пересыта, лесные дорожки развезло. Туман и испарения не позволяли видеть дымы пожаров, но запах гари указывал на то, что войска все еще недалеко и продолжают жечь все, что берет огонь.

Беженцев они не видели. Шли по лесам одни. Во всяком случае, так им казалось.

Геральт первым услышал храп идущего за ними следом коня. С каменным лицом завернул Плотву. Лютик раскрыл было рот, но Мильва жестом велела ему молчать, вынула лук из сайдака при седле.

Едущий следом за ними человек появился из зарослей. Увидел, что его ожидают, и остановил коня, гнедого жеребца. Так они и стояли в тишине, прерываемой только шумом дождя.

— Я запретил тебе ехать за нами, — наконец сказал ведьмак.

Нильфгаардец, которого Лютик последний раз видел засунутым в гроб, устоял на мокрую гриву коня. Поэт едва узнал его, одетого в кольчугу, кожаный кафтан и плащ, несомненно, позаимствованный у одного из убитых гавенкаров. Однако он запомнил молодое лицо, которое с момента приключения под букром еще не успела изменить скупая растущая борода.

— Я запретил, — повторил Геральт.

— Запретил, — наконец признал юноша. Говорил он без нильфгаардского акцента. — Но я должен.

Геральт прыгнул с коня, бросил поводья поэту. И вытянул меч.

— Слезай, — сказал он спокойно. — Вижу, ты уже приобрел себе железяку. Это хорошо. Я не хотел кончать тебя, когда ты был безоружным. Теперь — другое дело. Слезай.

— Я не стану с тобой биться. Не хочу.

— Догадываюсь. Как и все твои соплеменники, предпочитаешь другой вид драки. Такой, как в той смолокурне, рядом с которой тебе пришлось проехать, следуя за нами. Слезай, говорю.

— Я — Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах.

— Меня не интересует твое имя. Я приказал слезть.

— Не слезу. Я не хочу с тобой биться.

— Мильва, — кивнул ведьмак лучнице. — Окажи мне любезность, убей под ним коня.

— Нет! — Нильфгаардец поднял руку, прежде чем Мильва наложила стрелу на тетиву. — Нет, пожалуйста, не надо. Я слезу.

— Так-то оно лучше. А теперь доставай меч, сопляк.

Юноша скрестил руки на груди.

— Убей меня, если хочешь. Если не хочешь сам — прикажи своей эльфке застрелить меня из лука. Я не стану с тобой биться. Я Кагыр Маур Дыффин... сын Кеаллаха. Я хочу... Я хочу присоединиться к вам.

— Уж не ослышался ли я? Повтори.

— Хочу к вам присоединиться. Ты ищешь девочку. Я хочу тебе помочь.

— Псих ненормальный, — повернулся Геральт к Мильве и Лютику. — Он спятил. Чокнутый какой-то.

— В сам раз для нашей компании, — буркнула Мильва. — Прямо тютелька в тютельку подошел бы.

— Обдумай его предложение, Геральт, — съехидничал Лютик. — Как-никак, нильфгаардский дворянин. Может, с его помощью нам будет легче пробраться в...

— Попридержи язык, — прервал его ведьмак. — Ну, давай, доставай меч, нильфгаардец.

— Я не буду биться. И я не нильфгаардец. Я из Виковаро. Меня зовут...

— Мне плевать, как тебя зовут. Доставай оружие.

— Нет.

— Ведьмак, — Мильва наклонилась в седле, сплюнула на землю, — время идет, а дождь мочит. Нильф не хочет с тобой биться, а ты, хоть и строишь зверские рожи, не зарубишь его так, за здорово живешь. И что, будем тут торчать, покуда не обделаемся? Всажу его гнедому стрелу в пах и едем дальше. Пёхом он за нами не поспеет.

Кагыр, сын Кеаллаха, одним прыжком подскочил к гнедому жеребцу, запрыгнул в седло и помчался назад, криком подгоняя коня. Ведьмак какое-то время глядел ему вслед, потом сел на Плотву. Молча. И не оглядываясь.

— Старею, видать, — буркнул он немного погодя, когда Плотва поравнялась с вороным конем Мильвы. — Принципы наружу вылезли.

— У стариков это бывает. — Лучница с сочувствием глянула на него. — И часто вылезают? Отвар из медуницы, говорят, помогает. И вправлять надо. А пока — клади себе подушечку под зад.

— Принципы, — серьезно пояснил Лютик, — не геморройные шишки, Мильва. Ты путаешь понятия.

— А кто их там поймет, треп-то ваш заумный! Болтаете, болтаете, одно токо и умеете! А ну, дальше! Езда!

— Мильва, — немного погодя спросил ведьмак, прикрывая лицо от секущего на галопе дождя. — Убила б ты под ним коня?

— Нет, — неохотно призналась она. — Чем конь-то виноват? Да и нильф энтот... Какого черта он за нами увязался? Пошто говорит, что должен?

— Чтoб меня черти взяли, если знаю.

Дождь не прекращался, когда лес неожиданно кончился и они выехали на тракт, бегущий среди холмов с юга на север. Или наоборот, в зависимости от точки зрения.

То, что они увидели на тракте, их не удивило. Такое уже было. Перевернутые и развороченные телеги, конские трупы, раскиданные тюки, вьюки и лубяные кораба. И изувеченные, застывшие в разных позах тела, которые еще недавно были живыми людьми.

Подъехали ближе, без опаски, так как ясно было, что бойня произошла не сегодня, а вчера или позавчера. Они уже научились распознавать такие штуки, а может, чувствовали их простым животным инстинктом, который пробудился и обострился в них за прошедшие дни. Научились они и осматривать побоища, потому

что иногда — правда, редко — среди пораскиданных пожитков удавалось найти немного съестного либо мешок фуража.

Остановились у крайнего фургона разгромленного обоза, спихнутого в ров и как бы присевшего на ступицу поломанного колеса. Под фургоном лежала полная женщина с неестественно вывернутой шеей. Ворот куртки покрывали размытые дождем струйки застывшей крови из разорванной мочки уха, из которой выдрали сергу. На тенте фургона виднелась надпись: «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Сыновей поблизости не было.

— Это не кметы, — стиснула зубы Мильва. — Это купцы. С юга шли, от Диллингена и Бругге, тут их и накрыли. Скверно, ведьмак. Я уж мнила тут к югу свернуть, а теперь, ей-бо, не знаю, что делать. Диллинген и весь Бругге уж точно в нильфгаардских руках, здесь нам к Яруге не пройти. Надо дальше на восток двигаться, через Турлуг. Там леса и безлюдье, туда армия не пойдет.

— Дальше на восток я не поеду, — возразил Геральт. — Мне необходимо попасть на Яругу.

— И попадешь, — неожиданно спокойно ответила она. — Но по более безопасному пути. А двинешь отсюда на юг, прямо в зубы нильфам попадешь. И ничего не выгадаешь.

— Время выгадаю, — буркнул он. — А если ехать на восток, значит, снова его упущу. Говорил же — не могу я себе этого...

— Тише! — вдруг сказал Лютик, поворачивая коня. — Перестаньте на минуту болтать.

— Что такое?

— Слышу... пение.

Ведьмак покачал головой. Мильва хихикнула.

— Чудится тебе, трубадуй.

— Тихо, сказал! Заткнитесь! Кто-то поет, говорю же. Не слышите?

Геральт скинул капюшон, который Мильва обозвала капором. Мильва тоже прислушалась, потом глянула на ведьмака и молча кивнула.

Музыкальный слух не подвел трубадура. То, что казалось невозможным, оказалось правдой. Они стояли в сердце леса под морсящим дождем, на дороге, усеянной трупами, и слышали пение. Кто-то приближался с юга и пел бодро и весело.

Мильва дернула поводья вороного, готовая бежать, но ведьмак жестом остановил ее. Его это заинтересовало. Потому что доносящееся до них пение не было грозной, ритмичной, гудящей многоголосицей марширующей пехтуры или задорной песенкой конников. Оно не вызывало страха. Совсем наоборот.

Дождь шумел в листве. Уже можно было различить слова песенки. Веселой песенки, казавшейся в этой панораме войны и смерти чем-то чуждым, неестественным и совершенно неуместным.

Гляньте, там в бору-борочке
да волчишко пляшет,
Зубья шерит, резво скачет
и хвостиком машет.
Ты чего такой веселый, бестия лесная?
Иль жены не подыскалось?
Не нашлась такая?
Ум-та, ум-та, у-ху-ха!

Люттик вдруг рассмеялся, вытащил из-под мокрого плаща лютню, не обращая внимания на шипение ведьмака и Мильвы, рванул струны и подхватил во весь голос:

Гляньте, серый волк патлатый
стонет под горою,
Морда в землю, хвост
под брюхом и слеза рекою.
Ты чего такой унылый, бестия лесная?
Ох, женился я по дури!
Ох, судьбина злая!

— Ум-та, ум-та, у-ху-ха! — подхватили совсем близко многочисленные голоса.

Раздался дружный смех, кто-то пронзительно засвистел на пальцах, и из-за поворота показалась удивительно живописная, идущая гуськом компания, разбрызгивающая грязь ритмичными ударами тяжелых сапожищ.

— Краснолюды, — вполголоса отметила Мильва. — Но не из белок. Бороды не заплетены.

Их было шестеро. В коротких, переливающихся всеми оттенками серого и коричневого плащах с капюшонами, какие краснолюды обычно носят во время ненастья. Геральт знал, что такие плащи совершенно не пропускали воды, поскольку из года в год они пропитывались дегтем, покрывались дорожной пылью и остатками жирной пищи. Практически такая одежда переходила от отца к старшему сыну, поэтому пользовались ею, как правило, исключительно краснолюды зрелого возраста. А зрелости краснолюд достигал тогда, когда борода доходила ему до пояса, что обычно случалось годам к пятидесяти.

Ни один из приближающихся на молодого не походил. Но и на старого тоже.

— Людей ведут, — буркнула Мильва, движением головы указывая Геральту на группу, выходящую из леса вслед за шестеркой краснолюдов. — Не иначе, как беженцев, глянь, все поклажей увешаны.

— Да и сами тоже неплохо нагружены, — заметил Люттик.

Действительно, каждый краснолюд тащил груз, под которым запросто свалился бы не только человек, но и конь, что послабее.

Кроме обычных наспинных мешков и котомок, Геральт заметил небольшие туюски, солидный медный котел и что-то вроде маленького сундука с ящиками. Один нес на плече колесо от телеги.

Передний шел налегке. За пояс у него был засунут небольшой топорик, за спиной — длинный меч в ножнах, обернутых полосатыми кошачьими шкурками, на плече зеленый мокрый взъерошенный попугай. Именно передний с ними и поздоровался.

— Приветствую! — рявкнул он, останавливаясь посередине дороги и упираясь руками в бока. — Времена такие, что лучше волка повстречать в бору, чем человека, а если уж выпало человека, то сподручней встречного стрелой из самострела попотчевать, чем добрым словом поприветствовать! Но кто песней здоровается, кто музыкой представляется, тот, видать, свой мужик. А может, и своя баба, прошу прощения у милой дамы! Приветствую. Я — Золтан Хивай.

— Я — Геральт, — представился после недолгого колебания ведьмак. — Пел Лютик. А это — Мильва.

— Крррва мать! — проскрипел попугай.

— Захлопни клюв! — буркнул на птицу Золтан Хивай. — Прощения прошу. Мудрая эта заморская птица, но невоспитанная. Десять талеров за чудака отдал. Фельдмаршал Дуб зовется. А это остальная моя компания: Мунро Бруйс, Язон Варда, Калев Страттон, Фиггис Мерлуццо и Персиваль Шуттенбах.

Персиваль Шуттенбах был не краснолюд. Вместо всклокоченной бороды из-под мокрого капюшона выступал длинный и острый нос, безошибочно указывающий на принадлежность владельца старой и благородной расе гномов.

— Эти, — указал Золтан Хивай на сбившихся неподалеку в кучку людей, — беженцы из Кернова. Одни бабы с ребятней. Больше их было, но Нильфгаард окружил их три дня тому, вырезал и рассеял. Мы наткнулись на них в лесах и теперь вот сообща идем.

— Смело идете, — позволил себе заметить ведьмак. — По дороге с песнями.

— Не думаю, — тряхнул бородой краснолюд, — что топать с плачем было бы лучше. От Диллингена шли лесами, тихо и скрытно, а когда войска прошли, выбрались на тракт, чтобы время нагнать. — Он осекся, глянув на побоище.

— К таким картинкам, — указал он на трупы, — мы уже привыкли. От самого Диллингена, от Яруги на трактах одна смерть... Вы из этих?

— Нет. Купцов нильфгаардцы вырезали.

— Нет. Не нильфгаардцы, — покрутил головой краснолюд, равнодушно глядя на убитых. — Скоя'таэли. Регулярное войско не тратит времени на то, чтобы стрелы из трупов вытаскивать. А хорошая стрела полкроны стоит.

— Ишь, разбирается, — буркнула Мильва.

— Куда идете?

— На юг, — тут же ответил Геральт.

— Не советую. — Золтан Хивай снова покачал головой. — Там сплошь ад, огонь и гибель. Диллинген уже наверняка захвачен, все крупные силы Черных переходят Яругу, того и гляди зальют всю долину на правом берегу. Сами видите, они уже перед нами, на севере, идут на город Бругге. Стало быть, единственно разумное направление бегства — восток.

Мильва многозначительно глянула на ведьмака, а ведьмак воздержался от комментариев.

— Мы, к примеру, на восток направляемся, — продолжал Золтан Хивай. — Единственный шанс — это спрятаться за фронт, а с востока, от реки Ины, в конце концов двинутся темерские войска. Думаем идти туда лесными просеками до Холмов Турлуга, потом Старой Дорогой до Соддена, до реки Хотли, что в Ину впадает. Хотите, пойдемте вместе. Если не помешает, что медленно идём. У вас кони, а нас беженцы задерживают здорово.

— Вам, гляжу, — проговорила Мильва, проницательно глядя на него, — это вроде бы не мешает. Краснолюды даже с грузом тридцать верст в день может отмахать без малого, сколь и конный человек. Я знаю Старую Дорогу. Без беженцев вы бы у Хотли за три дня были.

— Это ж бабы с детьками. — Золтан Хивай выставил бороду и живот. — Мы их на милость судьбы не кинем. Иль посоветуете что другое? Э?

— Нет, — сказал ведьмак. — Не посоветуем.

— Рад слышать. Значит, не подвел меня первый взгляд. Ну, так как? Вместе идем?

Геральт глянул на Мильву, лучница кивнула.

— Добро. — Золтан Хивай заметил это. — Стало быть, в путь, пока нас тут на тракте какой-нито разъезд не прихватил. Но прежде... Язон, Мунро, осмотрите телеги. Ежели что полезного там осталось — забрать. Фиггис, проверь, годится ль наше колесо к той вон малой фуре. Она б нам была в сам раз.

— Годится! — крикнул через минуту тот, что тащил колесо. — Словно от ней и было.

— Ну, видишь, дурья башка? Дивился, когда я тебе вчера велел колесо взять и тащить! Приспособляй! Помоги ему, Калёб!

Удивительно быстро снабженный новым колесом воз покойницы Вэры Лёвенхаупт со снятым тентом и без ненужных элементов вытащили из рва на дорогу. Мгновенно свалили на него весь груз. Подумав, Золтан Хивай приказал посадить на телегу детей. Распоряжение было выполнено без энтузиазма — Геральт заметил, что беженки косо глядят на краснолюдов и предпочитают держаться от них подальше.

Лютик с явным неудовольствием поглядывал на двух краснолюдов, примерявших снятую с трупов одежду. Остальные шныряли среди телег, но, видно, ничего стоящего не нашли. Золтан Хивай свистнул на пальцах, дав знак, что пора уже кончать «промысел», затем глазом профессионала окинул Плотву и вороного Мильвы.

— Верховые, — отметил он, с неудовольствием шмыгнув носом. — Значит, не годятся. Фиггис, Калерб — за дышла. Будем меняться в упряжи. Марш!

Геральт был уверен, что краснолюды бросят телегу, как только та порядком увязнет на раскисших просеках, но ошибся. Низкорослые парни были сильны как быки, а ведущие на восток лесные дороги оказались травянистыми и не очень топкими.

Дождь шел без перерыва. Мильва стала утрумой, вялой, а если и заговаривала, то только чтобы сказать, что у лошадей вот-вот полопается размякшая роговина на копытах. Золтан Хивай в ответ облизывался, осматривал копыта и утверждал, что он крупный дока по части приготовления конины, чем доводил Мильву до бешенства.

Они выдерживали постоянный строй, в центре которого двигалась телега. «Тягачи» время от времени менялись. Перед телегой вышагивал Золтан, рядом с ним ехал на Пегасе Лютик, дружески препиравшийся с попугаем. За телегой следовали Геральт с Мильвой, а в хвосте ташились шесть женщин из Кернова.

Вел, как правило, Персиваль Шуттенбах, длинноносый гном. Уступая краснолюдям ростом и силой, он был их ровней по выносливости, а ловкостью даже значительно превосходил. Во время движения постоянно петлял, шепуршил по кустам, выбегал вперед и исчезал, затем неожиданно появлялся и нервными, обезьяньими жестами издали давал понять, что все в порядке, можно идти дальше. Иногда подходил и быстро докладывал о преградах на пути. Всякий раз, возвращаясь, приносил четверке сидевших на возу детей горсть орехов, ягод либо какие-нибудь странные, но явно вкусные корешки.

Шли они чудовишно медленно, пробирались по просекам и вырубкам три дня. Не встретили армии, не видели ни дымов, ни пожарищ. Однако одиноки не были. «Разведчик» Персиваль то и дело докладывал о скрывающихся в лесах группах беженцев. Несколько таких групп они миновали, причем быстро, потому что вид вооруженных вилами и дубинами людей как-то не вызывал желания вступать с ними в контакт. Правда, кто-то из краснолюдов все-таки предложил попытаться переговорить и оставить одной группе женщин из Кернова, но Золтан воспротивился, а Мильва его поддержала. Женщины тоже явно не горели желанием покинуть компанию. Это было тем удивительнее, что к краснолюдям они относились с очевидным страхом и неприязнью, почти не разговаривали с ними и на каждой стоянке держались особняком.

Геральт объяснял поведение женщин трагедией, которую они недавно пережили, но при том подозревал, что причиной неприязни могли быть и свободные нравы краснолюдов. Золтан и его компания ругались так же непристойно и часто, как и попугай по имени Фельдмаршал Дуб, но при этом репертуар у них был несравнимо богаче. Распевали скабрёзные песенки, в чем им активно помогал Лютик. Плевались, сморкались в руку и пускали громкие ветры, становившиеся, как правило, поводом для смеха, шуток и соперничества. В кусты ходили исключительно по большой нужде, а малую справляли, не затрудняя себя долгим хождением. Последнее наконец разобрало Мильву, которая крепко отчитала Золтана, когда тот утром отлил на еще теплый пепел костра, совершенно не стесняясь зрителей и не обращая внимания на поднявшуюся вонь. Получив от Мильвы выговор, Золтан несколько не смутился и сообщил, что скрывать такого рода действия могут только двуличные, коварные и склонные к доносу типы, по каковым действиям таковых обычно и узнают. Однако красноречивые пояснения краснолюда не произвели на лучницу никакого впечатления. Она угостила краснолюдов богатым букетом ругательств и несколькими вполне конкретными обещаниями, что явно возымело действие, потому что все стали послушно ходить в кусты. Однако чтобы не попасть в разряд двуличных и коварных доносителей, делали это коллективно.

Зато новое общество совершенно изменило Лютика. Поэт был с краснолюдами запанибрата, особенно когда оказалось, что некоторые слышали о нем и даже знают его баллады и куплеты. Лютик старался не уступать золтановой компании ни в чем. Носил стеганую куртку, которую выклянчил у краснолюдов, изрядно потрепанную шапочку с пером заменил на лихой куний колпак. Перепоясавшись широким, украшенным латунью поясом, за который заткнул полученный в подарок нож вполне разбойничьего вида. Нож этот, как правило, колол его в пах при каждом наклоне. К счастью, убийственное оружие вскоре где-то потерялось, а другого ему получить уже не удалось.

Они шли густыми лесами, покрывающими склоны Турлуга. Леса казались вымершими, никаких признаков животных, видимо, распутанных войсками и беженцами. Не за чем было поохотиться, но, к счастью, пока что голод им не грозил. Краснолюды прихватили с собой достаточно припасов. А когда они кончились — а кончились они вскоре, потому что ртов было много, — Язон Варда и Мунро Бруйс, едва стемнело, исчезли, прихватив пустой мешок. Под утро они вернулись уже с двумя мешками, полными под завязку. В одном оказался овес для лошадей, в другом — крупа, мука, сушеная говядина, только-только початый крут сыра и даже огромный сычуг — деликатес в виде фаршированного ливером сви-

ного желудка, спрессованного между двумя дощечками вроде меха для раздувания огня в печи.

Геральт догадывался, откуда берется добыча. Сразу комментировать не стал, но дождался подходящего момента. Когда он оказался с Золтаном один на один, то вежливо спросил, не видит ли тот чего-нибудь неприличного в ограблении других беженцев, голодных не меньше них и наравне с ними бьющихся за выживание. Краснолюд серьезно ответил, что да, ему страшно стыдно, но такой уж у него характер.

— Мой колоссальный недостаток, — пояснил он, — в неизбывной доброте. Я прямо-таки не могу не творить добро. Однако я — краснолюд разумный и рассудительный и знаю, что быть добрым ко всем невозможно. Если я попробую быть добрым ко всем, ко всему миру и всем населяющим его существам, то это будет то же самое, что капля пресной воды в соленом море, другими словами: напрасное усилие. Поэтому я решил творить добро конкретное, такое, которое не идет впустую. Я добр к себе и своему непосредственному окружению.

Больше вопросов Геральт не задавал.

На одной из стоянок Геральт и Мильва долго беседовали с Золтаном Хиваем, неисправимым и закоренелым альтруистом. Краснолюд был в курсе того, как проходят военные действия. Во всяком случае, так казалось.

— Наступление, — отвечал он, останавливая то и дело скрипяще сквернословящего Фельдмаршала Дуба, — началось с Дришота, на рассвете седьмого дня после Ламмаса. Вместе с нильфгаардцами шли союзные им вердэнские войска, потому что Вердэн, как вы знаете, теперь стал имперским протекторатом. Армии шли быстро, поджигая по пути все деревни за Дришотом и сметая размещенные там бругтенские гарнизоны. А на крепость Диллинген из-за Яруги напали нильфгаардские Черные пехотинцы. Они перешли реку в совершенно неожиданном месте. Навели мост на лодках, за полдня навели, верите?

— Тут во все поверишь, — проворчала Мильва. — Вы были в Диллингене, когда началось?

— Неподалеку, — уклончиво ответил краснолюд. — Когда до нас дошли вести о нападении, мы уже были на пути к городу Бругге. На тракте возник страшный бедлам, от беженцев не продохнешь, одни жмут с юга на север, другие — наоборот. Забили тракт, тут мы и уперлись. А нильфгаардцы, как оказалось на поверку, были и за нами, и перед нами. Вероятно, разделились те, что шли от Дришота. Думается мне, большой конный разъезд пошел на северо-восток, как раз к городу Бругге.

— Значит, Черные уже находятся к северу от Турлуга. Получается, что мы в самой середине, между разъездами. В пустоте.

— Ага, в середине, — согласился краснолюд. — Да не в пустоте. Императорским ратям фланги прикрывают белки, вердэнские волонтеры и всякие вольные группы, а эти похуже нильфгаардцев будут. Такие-то Кернов и спалили и нас чуть было не сцапали, мы едва успели в леса дунуть. Нам туда нельзя носа высунуть из пуши. И все время надо быть настороже. Вот дойдем до Старой Дороги, а оттуда по берегу Хотли до Ины, а уж на Ине должны напасть на темерские войска. Солдаты короля Фольгеста, верно, тоже уже отряхнулись от неожиданности и дали отпор нильфгаардцам.

— Хорошо б, — сказала Мильва, глядя на ведьмака. — Однако ж секрет в том, что нас важные дела на юг гонят. Мы-то думали от Турлуга на юг двинуть, к Яруге.

— Не знаю, какие такие дела гонят вас в те стороны. — Золтан подозрительно зыркнул на них. — Однако, видать, шибко важные и срочные, ежели ради них шеей рисковать собрались.

Он понизил голос, переждал, но никто не спешил с пояснениями. Краснолюд почесал зад, кашлянул, сплюнул и наконец сказал:

— Я не удивлюсь, если окажется, что нильфгаардцы уже держат в кулаке оба берега Яруги аж до самого до устья Ины. А вам в какое место у Яруги надо?

— Ни в какое конкретно, — решил ответить Геральт. — Лишь бы к реке. Хочу на лодке к устью поплыть.

Золтан глянул на него и рассмеялся. Однако тут же умолк, сообразив, что это была не шутка.

— Надо признать, — сказал он, помолчав, — дорожка у вас что надо! Только забудьте об этом. Весь южный Бругге в огне, не успеете добраться до Яруги, вас или на кол посадят, или в плен возьмут и погонят в Нильфгаард. А если вы каким-то чудом все же дотопадете до реки, то спуститься к устью у вас нет никакой возможности. Я уже сказал о мосте на лодках, перекинутом из Цинтры на бруггский берег. Этот мост, говорю вам, стерегут днем и ночью, там никто по реке не проплывет, разве что лосось. Вашим срочным и важным делам следует поубавить в срочности и важности. Выше задницы не подскочишь. Я имею в виду ваши дела.

Выражение лица и взгляд Мильвы явно свидетельствовали, что ей тоже так мнится. Геральт не комментировал. Чувствовал он себя отвратительно. Кость левого предплечья и правое колено все еще грызли невидимые клыки тупой, раздражающей боли, которую еще больше усиливала всеприсутствующая влага. Докучали также мучительные, удручающие, невыразимо неприятные ощущения, ошущения чуждые, которых никогда раньше он не испытывал и с которыми не умел справиться.

Бессилие и отчаяние.

Через два дня дождь прекратился, выглянуло солнце. Леса вздохнули испарениями и быстро рассеивающимися туманами,

птицы принялись активно навестывать упущенное. Золтан повеселел и объявил стоянку подольше, после которой пообещал идти быстрее и добраться до Старой Дороги всего за один день.

Женщины из Кернова разукрасили все окружающие ветки черню и серостью развешанной для сушки одежды, а сами в одних ночных рубашках, собранных у шеи, стыдливо укрылись в кустах и занялись стряпней. Раздетые догола ребятишки разыгрались, самыми причудливыми способами нарушая благородный покой исходящей паром пуши. Лютик отсыпался. Мильва исчезла.

Краснолюды отдыхали активно. Фиггис Мерлуццо и Мурро Бруйс отправились на поиски грибов. Золтан Хивай, Язон Варда, Калек Страттон и Персиваль Шуттенбах уселись неподалеку от телеги и без передыху резались в гвинт — их любимую карточную игру, которой отдавали каждую свободную минуту даже в предыдущие дождливые вечера.

Ведьмак иногда подсаживался и болел, теперь поступил так же. Сложных правил этой типично краснолюдской игры он по-прежнему не мог уразуметь, но восхищался исключительно старательным исполнением карт и картинками фигур. В сравнении с теми, которыми пользовались люди, карты краснолюдов были истинным шедевром полиграфии. Геральт в который уже раз убеждался, что техника бородатого народца ушла далеко вперед не только в области горного промысла и металлургии. То, что в конкретной, карточной отрасли способности краснолюдов не обеспечили им монополии на рынке, объяснялось лишь тем, что у людей карты были не столь популярны, как кости, а наиболее активные представители человеческой расы менее всего обращали внимание на эстетику. Люди, за которыми ведьмаку довелось наблюдать не раз, как правило, резались в истрепанные, замусоленные картонки, настолько грязные, что прежде чем сделать ход, картежникам приходилось их с трудом отлеплять от пальцев. Фигуры были изображены так неряшливо, что отличить, например, даму от валета можно было лишь благодаря тому, что валет сидел на коне. Впрочем, конь больше напоминал покалеченного хорька.

Картинки на картах краснолюдов исключали подобные ошибки. Окоронованные короли, которых краснолюды именовали «выжниками», были явно королевских статей, дамы — или «бабы» по краснолюдской терминологии — грудасты и красивы, а вооруженные алебардами валеты — «нижники» — лихо усаты.

Солнце пригревало, лес парил. Геральт болел.

Основным принципом краснолюдского гвинта было что-то напоминающее торг на конском рынке — как интенсивностью, так и напряженностью голосов торгующихся. Затем пара, объявляющая самую высокую «цену», старалась получить как можно больше взятка, чему другая пара игроков всячески мешала. Игра протекала громко и шумно, а рядом с каждым игроком лежала

толстая палка. Пользовались палками довольно редко, но хватались за них часто.

— Ты чего делаешь, зуб те в корень! Дуб хреновый! Ты почему листьями пошел заместо сердец? Я чего, задарма в сердцах гвинтовал? У-ух, взял бы дрын и огрел бы тебя по дурной башке!

— Дык у меня ж было четыре листа с нижником. Я думал набрать!

— Аккурат четыре! Небось собственный хер присчитал, карты-то меж ног держал. Ты хоть малость-то думай, Страттон, тут тебе не университет какой! Тут в карты играют! Да при хорошей-то карте и свинья выиграет. Сдавай, Варда.

— Лепня в звонах.

— Мала куча в шарах.

— Ширыл выжник в шарах, да осталось ох да ах! Дубль в листах.

— Гвинт!

— Не дрыхни, Калейб! Дубль с гвинтом был! Что нахмурился?

— Больша куча в звонах!

— Хааа! Пас! Ну и чего? Никто не гвинтует? Поджали хвосты, сынки? Вистуй, Варда. Персиваль, перец старый, ежели ему еще раз подмигнешь, так тресну меж глаз, до зимы не проморгаешься!

— Нижник!

— Баба!

— А я по ней выжником! Баба, тоже мне! Бью и ха-ха, еще у меня сердца есть, на черный час приберет! Нижник, десята, девята...

— И хрен с ними! А я козырем. Кто без козырей, тому... Ха-ха! И в кучу! Ага, Золтан! Вот те в пуп!!!

— Видали его, гнома тырканого! И-эх! Взял бы дрын...

Прежде чем Золтан сумел воспользоваться палкой, из леса донесся дикий визг.

Геральт вскочил первым. Вырутался на бегу, потому что колено снова прошила боль. Тут же следом мчался Золтан Хивай, схватив с телеги свой обмотанный кошачьими шкурками меч. Остальные краснолюды и Персиваль Шуттенбах кинулись за ним, вооружившись палками, последним трусил Лютик, разбуженный криком. Сбоку, из леса выскочили Фиггис и Мунро. Бросив корзинки с грибами, оба краснолюда подхватили на руки и оттащили убегающих детей. Неведомо откуда появилась Мильва, на ходу вытаскивая стрелу из колчана и указывая ведьмаку место, откуда донесся крик. Впрочем, Геральт и без того слышал, видел и уже знал, в чем дело.

Кричала веснушчатая лет девяти девушка с косичками. Она стояла словно истукан в нескольких шагах от кладки сгнивших стволов. Геральт подскочил, схватил ее под мышки, прерывая дикий писк и одновременно уголком глаза ловя шевеление между стволами. Быстро попятился, налетев на Золтана и его краснолю-

дов. Мильва, которая тоже заметила движение среди стволов, натянула лук.

— Не стреляй, — прошипел он. — Забирай отсюда ребенка! Быстро! А вы — назад. Только спокойно. Никаких резких движений.

Вначале им казалось, что пошевелилась одна из гнилых колод, словно собиралась слезть с нагретой солнцем кладки и поискать тени среди деревьев. Лишь присмотревшись внимательнее, можно было заметить нетипичные для колоды элементы — прежде всего четыре пары тонких лап с шишковатыми суставами, поднимающихся над грязным, покрытым точками и поделенным на рачьи сегменты панцирем.

— Только спокойно, — тихо повторил Геральт. — Не провоцируйте его. Не обманитесь его кажущейся неподвижностью. Он не агрессивен, но способен двигаться молниеносно. Если почувствует угрозу, может напасть, а против его яда противоядия нет.

Существо потихоньку вползло на колоду. Посматривало на людей и краснолюдов, медленно вращая сидящими на стебельках глазами. И почти не двигалось. Чистило концы лап, поочередно приподнимая их и старательно обшипывая вызывающими уважение острыми жвалами.

— Столько крика, — вдруг спокойно бросил Золтан, вставая рядом с ведьмаком, — я уж подумал было, это и впрямь что-то страшное. К примеру, кавалерист из вердэнских добровольцев. Или прокуратор. А это, глянь-ка, просто шибко выросший паучий рачище. Надо признать, интересные формы ухитряется принимать природа.

— Уже не ухитряется, — ответил Геральт. — То, что там сидит, это гловоглаз. Творение Хаоса. Вымирающий реликт, оставшийся после Сопряжения Сфер, если ты знаешь, о чем я говорю.

— Представь себе, знаю, — посмотрел ему в глаза краснолюд. — Хоть и не ведьмак и не спец по Хаосу и таким зверушкам. М-да, интересно, что ты, ведьмак, теперь сотворишь с этим... послесопряженным реликтом. Точнее говоря, любопытно, как? Воспользуешься собственным мечом или предпочтешь мой сгилль?

— Хорошее оружие. — Геральт глянул на меч, который Золтан вытянул из лаковых ножен, обмотанных кошачьими шкурками. — Но оно не понадобится.

— Интересно, — повторил Золтан. — А мы, стало быть, будем стоять и тарашиться друг на друга? Ждать, пока реликт почувствует угрозу? А может, повернуться и призвать на помощь нильфгаардцев? Ну, что предлагаешь, изничтожитель чудовищ?

— Принесите с телеги черпак и крышку от котла.

— Чего-чего?

— Не спорь со спецом, Золтан, — бросил Лютик.

Персиваль Шуттенбах кинулся к телеге и мгновенно доставил требуемое. Ведьмак подмигнул компании и изо всех сил принялся колотить черпаком по крышке.

— Хватит! Кончай! — чуть ли не сразу заорал Золтан Хивай, зажимая уши руками. — Черпак, дьявол тебя раздери, ломаешь! Сбежал рак-то! Сбежал уже, дуб хреновый.

— Еще как сбежал! — восхитился Персиваль. — Аж пыль столбом. Мокрель кругом, а за ним пыль, чтоб я сдох!

— У гловоглаза, — холодно пояснил Геральт, возвращая краснолюду немного помятые кухонные принадлежности, — невероятно чуткий и нежный слух. Ушей нет, а слышит он, я бы сказал, всем собой. Особенно он не переносит металлических звуков. Ему больно...

— Даже в жопе, — прервал Золтан. — Знаю, у меня тоже за-свербило, когда ты принялся дубасить по крышке. Если у чуда слух получше моего, то я ему сочувствую. Надеюсь, он не вернется? Дружков не приведет?

— Не думаю, чтобы на свете осталось много его дружков. Да и сам гловоглаз теперь наверняка не скоро вернется в эти места. Бояться нечего.

— О чудах спорить не стану, — погрустнел краснолюд. — Но твой концерт на жестяных инструментах был, думаю, слышен аж на островах Скеллиге. Возможно, какие-нибудь меломаны уже прут в нашу сторону, лучше б они нас тут не застали, когда притопают. Сворачиваем стоянку, парни! Эй, девки, одеваться и пересчитать детишек! Отправляемся! Живо!

Когда остановились на ночлег, Геральт решил выяснить неясности. На сей раз Золтан Хивай не сел играть в гвинт, так что отвести его в сторону для откровенного разговора было нетрудно. Геральт начал сразу, без предисловий:

— Говори, откуда ты знал, что я ведьмак?

Краснолюд вылутился на него и плутовато ухмыльнулся.

— Конечно, можно похвалиться наблюдательностью. Можно бы сказать, мол, заметил, как изменяются твои глаза в сумерках и на полном солнце. Можно бы показать, что я краснолюд бывалый и слышал кое-что о Геральте из Ривии. Но правда гораздо банальнее. Не гледи волком. Ты — скрытный, но твой дружок бард поет и треплется, рот у него не закрывается. Оттуда и знаю, какая у тебя профессия.

Геральт воздержался от следующего вопроса. И правильно сделал.

— Ну ладно, — продолжал Золтан. — Лютик выболтал все. Видать, почувствовал, что мы ценим откровенность, а то, что мы к вам относимся по-дружески, ему и чувствовать не было нужды, потому как мы своего отношения не скрываем. Короче: я знаю,

почему ты так спешишь на юг. Знаю, что за срочные и важные дела ведут тебя в Нильфгаард. Знаю, кого ты намерен там искать. И не только из трепотни поэта. Перед войной я жил в Цинтре и слышал рассказы о Ребенке-Неожиданности и беловолосом ведьмаке, которому эта Неожиданность была предназначена.

Геральт не прокомментировал и на этот раз.

— Остальное, — продолжал краснолюд, — уже действительно вопрос наблюдательности. Ты пожалел того обраковевшего отвратника, хотя ты — ведьмак, а ведьмаки на то и созданы, чтобы таких чудов выкорчевывать. Но чуд ничего твоей Неожиданности не сделал, потому ты и пожалел меча, прогнал его только, дубася по крышке. Потому как ты сейчас не ведьмак вовсе, а благородный рыцарь, который спешит на выручку похищенной и оскорбленной девушке.

Вот ты все сверлишь меня глазами, — добавил он, так и не дождавшись ответа. — Подвохи выискиваешь, боишься, как бы вылезший на явь секрет против тебя не обернулся. Не грызи себя. Вместе дойдем до Ины, помогая друг другу, поддерживая взаимно. У тебя такая же цель, как у нас: продержаться и жить. Чтобы благородную миссию продолжать. Или жить обычно, но так, чтобы в смертный час не устыдиться. Ты думаешь, что сам изменился? Что мир изменился? А ведь он, мир-то, каким был раньше, таким и остался. И ты тоже. Не грызи себя.

И не думай отделяться от нас, — продолжал Золтан монолог, не обескураженный молчанием ведьмака, — я о том, чтобы идти в одиночку на юг, через Бругге и Содден к Яруге. Надо поискать другой путь в Нильфгаард. Хочешь, посоветую...

— Не советуй. — Геральт помассировал колено, которое болело уже несколько дней. — Не советуй, Золтан.

Он нашел Лютика, сидевшего рядом с режущимися в гвинт краснолюдями. Молча взял поэта за рукав и оттянул в лес. Лютик сразу сообразил, чем дело пахнет, достаточно было одного взгляда на лицо ведьмака.

— Трепло, — тихо сказал Геральт. — Болтун. Фонтан красно-речия, черт поberi! Язык бы тебе тисками зажать, болван. Удила в зубы засунуть.

Трубадур молчал, но выражение лица у него было гордое.

— Когда народ увидел, что я начал с тобой появляться, — продолжал ведьмак, — некоторые умники дивились такому знакомству. Их поражало, что я позволяю тебе путешествовать со мной. Советовали, грабанув тебя где-нито на безлюдье, задушить, выкинуть в яму от выкорчеванного дерева и присыпать ветками и листьями. Ей-богу, жалею, что не послушался доброго совета.

— Неужто такой уж большой секрет, кто ты и что собираешься делать? — неожиданно вспыхнул Лютик. — И что, мы все время

должны это скрывать и притворяться? А краснолюды... Они же вроде бы совсем наша компания...

— У меня нет компании, — буркнул ведьмак. — Нету. И я не хочу, чтобы она была. Мне она не нужна. Понял?

— Что ж не понять? — проговорила у него за спиной Мильва. — И я тоже понимаю. Никто тебе не нужен, ведьмак. Ты это часто показываешь.

— Я не веду необъявленную войну, — резко обернулся он. — Мне не нужна компания удальцов, я иду в Нильфгаард не для того, чтобы спасти мир, низвергнуть империю зла. Я иду к Цири. Поэтому могу идти в одиночку. Простите, если это нехорошо прозвучит, но остальные меня не интересуют. А теперь уходите. Я хочу побыть один.

Когда он обернулся, оказалось, что ушел только Лютик.

— Я снова видел сон, — бросил он кратко. — Мильва, я теряю время. Я теряю время! Я ей нужен. Ее нужно спасти.

— Говори, — сказала она тихо. — Выкинь это из себя. Хоть и было страшно, выкинь!

— Это не было страшно. В моем сне... Она плясала. Плясала в какой-то забитой дымом халупе. И была, черт возьми, счастлива. Играла музыка, кто-то что-то выкрикивал... Вся халупа ходуном ходила от крика и хохота... А она плясала, плясала, дробила каблучками... А над крышей этой чертовой халупы, в холодном ночном воздухе... плясала смерть. Мильва... Мария... Я ей необходим.

Мильва отвела глаза.

— Не только ей, — шепнула она.

Так, чтобы он не услышал.

На следующей стоянке ведьмак заинтересовался сигиллем, мечом Золтана, на который успел мельком взглянуть во время встречи с гловоглазом. Краснолюд спокойно развернул кошачьи шкурки и вынул меч из лаковых ножен.

Меч был длиной около сорока дюймов, а весил не больше тридцати пяти унций. Покрытый на значительной длине таинственными руническими письменами голубоватый клинок был таким острым, что при определенном навыке им можно было бриться. У двенадцатидюймовой, покрытой перекрещивающимися лоскутами ящеринной кожи рукояти вместо оголовья был цилиндрический латунный хомут, гарда была небольшая и мастерски выполненная.

— Хороша вещь. — Геральт прокрутил сигиллем короткую шипящую мельницу, изобразил быстрый удар слева и молниеносный переход к защите из второй позиции декстера. — Да, отличная железяка.

— Ха! — фыркнул Персиваль Шуттенбах, — железяка! Посмотри как следует, а то еще чего доброго назовешь его хреновиной.

— Когда-то был у меня меч получше.

— Не спорю, — пожал плечами Золтан. — Потому что он наверняка был выкован в наших краях. Вы, ведьмаки, умеете мечами размахивать, а сами делать-то их не научились. Такие мечи только у нас покупают, в Махакаме, у горы Карбон.

— Краснолюды варят сталь, — добавил Персиваль, — и куют слоистые оголовки. А шлифовкой и оттачиванием занимаемся мы, гномы. В наших мастерских. По нашей, гномовой технологии, в точности как некогда мы делали наши гвихиры, лучшие мечи на свете.

— Меч, который я ношу сейчас, — обнажил Геральт клинок, — взят в Брокилоне, в катакомбах на Крааг Ане. Я получил его от дриад. Первокласное оружие и вовсе не краснолюдское и не гномово. Это эльфье оружие, ему лет сто, а то и двести.

— Ничего он не понимает в этом! — воскликнул гном, взяв меч в руку и проведя по лезвию пальцами. — Окончание эльфье, верно. Рукоять, гарда и оголовок. Эльфы травили, гравировали и вообще украшали. Но ковали клинок и точили в Махакаме. И верно, сделали это несколько веков назад, потому как сразу видно, что это сталь второсортная, да и обработка примитивная. Вот, глянь на сигилль Золтана, разницу видишь?

— Вижу. Мой выглядит не хуже.

Гном хмыкнул и махнул рукой. Золтан высокомерно усмехнулся.

— Оружие, — пояснил он менторским тоном, — должно рубить, а не выглядеть. И оценивают его не по тому, как оно выглядит. Дело в том, что твой меч — обычная композиция стали и железа, а у моего сигилля клинок выкован из металла с присадками графита и буре...

— Современная технология! — не выдержал Персиваль, немало горячась, поскольку дискуссия явно переходила на хорошо знакомые ему вопросы. — Конструкция и композиция клинка, многослойный мягкий сердечник, окованный твердой, а не мягкой сталью...

— Помаленьку, помаленьку, — придержал его краснолюд. — Metallурга ты из него, Шуттенбах, все равно не сделаешь, не утомляй его деталями. Я ему попроще объясню. Добрую, твердую магнетитовую сталь, ведьмак, наточить невероятно трудно. Почему? Потому что она твердая! Ежели не владеешь технологией, как не владели ею некогда мы, а вы не владеете и по сей день, а острый меч получить хочется, то упроченный сердечник по ребрам оковывают мягкой сталью, которая легче поддается обработке. Именно такой упрощенной методой изготовлен твой брокилонский меч. Современные клинки изготавливают наоборот — мягкий сердечник, твердое острие. Обработка отнимает много времени и, как я уже сказал, нуждается в совершенной технологии. Но в результате полу-

чают клинок, которым можно рассесть подброшенный в воздух батистовый платочек.

— Твоим сигиллем такой фокус проделать можно?

— Нет, — усмехнулся краснолюд. — Так отточенные экземпляры можно по пальцам пересчитать, и редко какой из них выходит за пределы Махакама. Но ручаюсь, скорлупа того шершавого краба практически не выдержала бы удара сигиллем. Ты разделал бы его на кусочки и даже не притомился б.

Дискуссия о мечах и металлургии продолжалась еще некоторое время. Геральт слушал с интересом, делился собственными наблюдениями, пополнял знания, спрашивал о том о сем, осматривал и опробовал Золтанов сигилль. Он еще не знал, что назавтра ему придется подкрепить теорию практикой.

Первым сигналом, что поблизости живут люди, была стоящая в окружении щепок и коры ровная поленница дров, обнаруженная на вырубке идущим впереди Персивалем Шуттенбахом.

Золтан остановил группу и выслал гнома на дальнюю разведку. Персиваль скрылся, а спустя полчаса примчался, возбужденный и задыхающийся, уже издалека размахивая руками. Подбежал, но вместо того чтобы сразу приступить к докладу, ухватил пальцами длинный нос и громко, со звуком, которому позавидовала бы чабанья трембита, высморкался.

— Не путай зверей, — буркнул Золтан Хивай. — И говори, что там впереди?

— Мыза, — выдохнул гном, вытирая пальцы о полы украшенного многочисленными карманами кафтана. — На поляне. Три хаты, овин, двора клетей под дерном... На дворе псина, а из трубы — дым. Чего-то там готовят, похоже, овсянку, к тому ж на молоке.

— Ты что, на кухне был? — засмеялся Лютик. — В горшки заглядывал? Откуда знаешь, что овсянка?

Гном, несмотря на свой малый рост, свысока взглянул на него, а Золтан гневно фыркнул.

— Не обижай его, поэт. Он унюхает жратву за версту. Если сказал — овсянка, значит, овсянка. Черт. Не нравится мне это.

— Почему ж? Я, к примеру, овсянку люблю. С удовольствием бы съел.

— Золтан прав, — сказала Мильва. — А ты помалкивай, Лютик, это тебе не поэзия. Ежели овсянка на молоке, значит, там корова есть. А кмет, стоит ему узреть дымы, перво-наперво хватает корову и прет в пущу. Почему этот аккурат не смылся? Сворачиваем в лес, обойдем стороной. Скверно все это пахнет.

— Не шебуршись, не шебуршись, — буркнул краснолюд. — Сбежать всегда успеем. А может, уж войне конец? Может, двинулась наконец темерская армия? Что мы тут знаем, в пуще? Может, уж где победная битва прошла, может, отогнали Нильфгаарда,

может, фронт уж у нас позади, кметы и коровы по домам воротились? Надо проверить, разведать. Фиггис, Мунро, тут останетесь, да глаза пошире. А мы сообразим разведку. Если будет безопасно, прокричу ястребом-перепелятником.

— Ястребом-перепелятником? — обеспокоенно пошевелил бородой Мунро Бруйс. — Да ты ж в подражании птичьим голосам ни уха ни рыла, Золтан.

— О том и речь. Как услышишь странный, ни на что не похожий крик — значит, я. Веди, Персиваль. Геральт, пойдешь с нами?

— Все пойдем, — слез Лютик с седла. — Если это засада, большой группой безопаснее.

— Оставляю вам Фельдмаршала. — Золтан снял попугая с плеча и подал Фиггису Мерлуццо. — Этот военачальничек хренов может ни с того ни с сего начать матом садить, и тогда прости-прощай скрытный подход. Пошли.

Персиваль быстро вывел их на опушку, в густые кусты дикой сирени. За кустами местность немного опускалась, там были навалены кучи выкорчеванных пней. Дальше раскинулась большая поляна. Они осторожно выглянули.

Сообщение гнома было абсолютно точным. В центре поляны действительно стояли три хаты, овин и несколько крытых дерном клетей. Посреди двора отливала всеми цветами радуги огромная лужа навозной жижи. Постройки и небольшой прямоугольник запущенного огорода были обнесены низким, частично развалившимся заборчиком, за заборчиком метался грязный пес. Над одной из халуп подымался дым, лениво ползая по провалившейся крыше.

— И верно, — шепнул, приняхавшись, Золтан, — аппетитно чем-то пахло. Особенно после того, как ноздри к вони погорелья привыкли. Обузданных лошадей не видеть, это хорошо, потому как не исключаю, что тут какие-нито бездельники пристали и стряпней занялись. Хммм... похоже, не опасно тут.

— Пойду туда, — заявила Мильва.

— Нет, — возразил краснолюд. — Ты больно уж на бельчиху смахиваешь. Если тебя увидят, могут испугаться, а в страхе люди бывают непредсказуемыми. Пойдут Язон и Калев. А ты держи лук наготове, в случае чего защитишь их. Персиваль, жми к остальным. Будьте готовы, ежели придется отход трубить.

Язон Варда и Калев Страттон осторожно вышли из кустов, медленно, внимательно поглядывая по сторонам, двинулись к постройкам.

Собака унюхала их сразу, яростно залаяла, заметалась по двору, не обращая внимания на ласковое почмокивание и посвистывание краснолюдов. Дверь хаты распахнулась. Мильва тут же подняла лук и мягко натянула тетиву. И тут же ее отпустила.

На порог выплыла невысокая полненькая девочка с длинными косами. Что-то крикнула, размахивая руками. Язон Варда развел руки, что-то крикнул в ответ. Девочка принялась кричать, они слышали крик, но не могли различить слов.

Но до Язона и Калеба слова эти, видимо, дошли и произвели впечатление, потому что оба краснолюда, словно по команде, выполнили военный маневр «Кру-у-гом!» и кинулись обратно в кусты. Мильва снова натянула лук и принялась водить стрелой, выискивая цель.

— В чем дело, язви их? — прошипел Золтан. — Что такое? От кого они так прут? Мильва?

— Заткнись, — зашипела лучница, продолжая водить стрелой от хаты к хате, от клетки к клетке. Но никак не могла отыскать цели. Девочка с косами скрылась в хате, захлопнула за собой дверь.

Краснолюды мчались, словно все демоны Хаоса гнались за ними. Язон что-то вопил, может, рутался. Лютик вдруг побледнел.

— Он кричит... О мать Божья!

— Что еще... — Золтан осекся, потому что Язон и Калеб уже подбежали, красные от усилия. — В чем дело? Ну!

— Там зараза... — выдохнул Калеб. — Черная оспа...

— Вы к чему-нито прикасались? — Золтан Хивай быстро попытался, чуть не перевернув Лютика. — Говорю, прикасались к чему-нито?

— Нет... Псина подойти не дала...

— Будь она благословенна, собака траханая. — Золтан воздел очи горе. — Дайте ей, боги, долгую жизнь и гору костей повыше Карбона. Девчонка та, толстая... на ней были коросты?

— Нет. Она здоровая. Больные в крайней хате лежат, ее родня. А много уже померло, крикнула. Ай-яй! Золтан, ветер-то на нас дул!

— Ну, кончайте зубами лязгать, — сказала Мильва, опуская лук. — Если заразных не трогали, ничего с вами не станет, нечего трястись. Если вообще правда с этой оспой. Девка просто могла вас напугать.

— Нет, — возразил Язон, все еще дрожа. — За клетью яма... В ней трупы. Девчонка не в силах мертвяков хоронить, вот в яму и кидает.

— Ну, — Золтан потянул носом, — вот те и овсянка, Лютик. У меня что-то отбило желание. Убираемся отсюда, живо.

Со стороны построек разлился пес.

— Прячьтесь, — прошипел ведьмак, опускаясь на колени.

Из вырубки с правой стороны поляны вылетела группа всадников, свистя и не сдерживая галопа, объехала постройку, потом ворвалась во двор. Наездники были вооружены, но одеты разношерстно и бестолково, да и вооружение, казалось, тоже было собрано с бору по сосенке. И не в цейхгаузе, а на поле боя.

— Тринадцать, — быстро пересчитал Персиваль Шуттенбах.

— Кто такие?

— Не нильфгаардцы и не регулярные войска, — оценил Золтан. — И не скоя'таэли. Похоже, волонтеры. Тык вольные охотники.

— Или мародеры.

Конники кричали, рыскали по подворью. Собака получила по спине древком копыя и сбежала. Девочка с косами выскочила на порог, крикнула. Но на этот раз предупреждение не действовало или его просто не приняли всерьез. Один из конных подлетел, схватил девочку за косу, стащил с порога, поволок через лужу. Другие прыгнули с лошадей, помогли, выволокли девочку на край подворья, содрали с нее рубашку и повалили на кучу перегноя. Девчушка отчаянно сопротивлялась, но силенки у нее были не те. Только один мародер не присоединился к потехе, стерег лошадей, привязанных к забору. Девочка пронзительно и протяжно крикнула. Потом коротко, болезненно. И больше ее слышно не было.

— Вояки! — Мильва вскочила. — Герои, курвины дети!

— Оспы не боятся, — покрутил головой Язон Варда.

— Страх, — пробормотал Лютик, — свойство людей. А в этих не осталось ничего человеческого.

— Кроме кишок, — прохрипела Мильва, тщательно накладывая стрелу на тетиву, — которые я им сейчас пропору, сволочам.

— Их тринадцать, — многозначительно проговорил Золтан Хивай. — И у них кони. Ну, свалишь одного, двух, остальные нас окружают. Кроме того, это может быть разъезд. Хрен их знает, какая сила за ними тянется.

— А что, спокойно глядеть?

— Нет. — Геральт поправил меч на спине и повязку на волосах. — С меня довольно. У меня бездеятельность уже вот где сидит. А они разбежаться не должны. Видишь того, что коней держит? Когда я туда подойду, сбивай его с седла. Если удастся, то и еще одного. Но только, когда я подойду.

— Останется одиннадцать, — повернулась лучница.

— Я считать умею.

— И еще оспа, — буркнул Золтан Хивай. — Пойдешь туда, притащишь заразу... Дьявольщина, ведьмак! Подвергаешь всех нас опасности из-за... Мать твою, это ж не та девчонка, которую ты ищешь!

— Заткнись, Золтан. Возвращайтесь к телеге, спрячьтесь в лесу.

— Я с тобой, — хрипло бросила Мильва.

— Нет. Прикрывай издали, так будет больше пользы.

— А я? — спросил Лютик. — Что делать мне?

— Что обычно. Ничего.

— Ты спятил, — буркнул Золтан. — Один на такую кучу... Что с тобой? В героя нацелился играть, в избавителя девиц?

— Заткнись, сказал.

— А, хрен с тобой. Погоди. Давай сюда свой меч. Их много, лучше, если тебе не придется повторять удары. Возьми мой сгилль. Им достаточно рубануть один раз.

Ведьмак не колеблясь молча взял оружие краснолюда. Еще раз указал Мильве на мародера, присматривавшего за лошадьми. Потом перепрыгнул через выкорчеванный пенёк и быстрыми шагами направился к хатам.

Светило солнце. Кузнечики выпрыгивали из-под ног.

Стережущий коней человек заметил его, вытянул копье из кольца при седле. Волосы у него были очень длинные, спутавшиеся, падающие на рваную, чиненную ржавой проволокой кольчугу. Ботинки — новенькие, с блестящими застёжками, видимо, недавно сорванные с кого-то.

Часовой крикнул, из-за забора вышел второй мародер. У этого пояс с мечом висел на шее, и свободными руками он застегивал штаны. Геральт был уже совсем рядом. Со стороны кучи перегной доносился хохот занятых девочкой мужиков. Он дышал глубоко, и каждый вдох усиливал в нем жажду убийства. Он мог бы успокоиться, но не хотел. Хотел получить хоть немного удовлетворения.

— А ты кто? Стой! — крикнул длинноволосый, взвешивая копье в руке. — Чего тут надо?

— Мне надоело смотреть.

— Чевооооо...

— Тебе имя Цири ни о чем не говорит?

— Да я те...

Больше мародер не успел сказать ничего. Украшенная серыми перьями стрела попала ему в середину груди и скинула с седла. Прежде чем он упал на землю, Геральт услышал шум перьев другой стрелы. Второй солдат получил наконечником в живот, низко, между руками, державшими ширинку. Он взвыл зверем, согнулся пополам и полетел спиной на забор, ломая и валя жерди.

Прежде чем остальные опомнились и схватились за оружие, ведьмак уже был среди них. Краснолюдский меч замерцал и запел, в пении его легкой как перышко и острой как бритва стали была слышна дикая жажда крови. Ведьмак почти не чувствовал сопротивления тел, которые рубил. Кровь брызнула ему на лицо, вытирать ее было некогда.

Если даже мародеры сначала и думали о борьбе, то вид трупов и потоков крови быстро заставил их об этом забыть. У одного штаны были спущены до колен, он даже не успел их подтянуть, получил в шейную артерию и рухнул навзничь, смешно раскачивая так и не удовлетворенной мужской гордостью. Другой, совсем еще сопляк, заслонил голову обеими руками, а сгилль отсек обе в кистях. Остальные рассыпались, разбежались в разные стороны. Ведьмак догонял их, проклиная боль, которая снова забилась в колене. Он надеялся, что нога не откажет.

Двух он еще успел прижать к оgrade, они пытались защищаться, заслониться мечами. Но, парализованные ужасом, делали это неловко. Лицо ведьмака снова обагрилось кровью, бьющей из разрубленных краснолюдским клинком артерий. Но остальные мародеры воспользовались моментом, успели отбежать и уже заскакивали на коней. Один, получив стрелу, тут же свалился, дергаясь и извиваясь, как вытщенная из сети рыба. Двое других пустили лошадей в галоп. Но убежать успел только один, потому что на поле боя появился Золтан Хивай. Краснолюд раскрутил топор и кинул его, попав одному из убегающих в середину спины. Мародер взвыл, вывалился из седла, дрыгая ногами. Последний живой прижался к конской шее, перелетел через переполненную трупами яму и помчался к вырубке.

— Мильва! — одновременно крикнули ведьмак и краснолюд.

Лучница, уже бежавшая к ним, остановилась, замерла, расставила ноги, опустила натянутый лук и начала его медленно поднимать все выше и выше. Они не услышали звона тетивы. Стрелу увидели лишь тогда, когда она достигла вершины дуги и помчалась вниз. Седок свесился с коня, из плеча у него торчала оперенная стрела. Но он не упал. Выпрямился и продолжал криком подгонять лошадь.

— Ну, да! — изумленно охнул Золтан Хивай. — Ну — выстрел!

— В жопу такие выстрелы. — Ведьмак отер кровь с лица. — Сбежал сукин сын и приведет дружков.

— Она ж попала! А было шагов двести!

— Могла целиться в коня.

— А конь-то в чем виноват? — зло прошипела Мильва, подходя к ним. Сплюнула, глядя на наездника, исчезающего в лесу. — Промазала в голодранца, потому что задыхалась чуток... Ладно, гад, сматывайся с моей стрелой! Чтоб тебе подохнуть!

Из просеки до них донеслось лошадиное ржание и сразу после этого дикий визг убиваемого человека.

— Хо-хо! — Золтан глянул на лучницу с изумлением. — Далеко-то он не ушел! Недурно работают твои шипы! Отравленные? Иль, может, чары? Потому как если даже этот сукин кот оспу подхватил, то болезнь, думаю, так быстро не возьмет!

— Это не я. — Мильва понимающе глянула на ведьмака. — И не оспа. Но, мнится мне, я знаю → кто.

— Я тоже. — Краснолюд закусил ус и мимолетно ухмыльнулся. — Я заметил, что вы постоянно оглядываетесь, знаю, что кто-то за вами тайком идет. На гнедом жеребце. Не знаю кто, но коли это вам не помеха... Не мое дело.

— Тем более что от такой тыловой охраны польза бывает, — сказала Мильва, снова взглянув на Геральта. — Ты уверен, что этот Кагыр — тебе враг?

Геральт не ответил. Вернул Золтану меч.

— Благодарю. Славно сечет!

— В хорошей руке, — сверкнул зубами краснолюд. — Слышал я байки о ведьмаках, но чтоб положить восьмерых за неполных две минуты...

— Хвалиться нечем. Они защищаться не умели.

Девочка с косами поднялась на четвереньки, потом встала на ноги, покачнувшись, трясущимися руками попыталась поправить на себе остатки разорванной в клочья рубашки. Ведьмак сильно удивился, увидев, что она вообще ничем, ну совершенно ничем не похожа на Цири, а ведь еще мгновение назад он мог бы поклясться, что она прямо-таки Цирина двойняшка. Девочка неуверенными движениями потерла лицо и, покачиваясь, двинулась к хибаре. Прямо по жиже.

— Эй, погоди! — крикнула Мильва. — Эй, ты... Может, тебе в чем помочь? Эй!

Девочка даже не взглянула на нее. На пороге она споткнулась, чуть не упала, придержалась за косяк и захлопнула за собой дверь.

— Благодарность человеческая не знает границ, — проговорил краснолюд. Мильва развернулась как на пружине. Лицо ее застыло.

— А за что благодарить-то?

— Вот именно, — добавил ведьмак. — За что?

— За мародерских лошадей, — опустил глаза Золтан. — Прирежет на мясо, не придется коров забивать. Супротив оспы она, видать, отпорна, а теперь ей и голод не страшен. Выживет. А то, что благодаря тебе миновали ее долгие игры и огонь горящих халуп, она поймет только через пару дней, когда придет в себя. Пошли отсюда, пока нас не обдуло заразным ветром... Эй, ведьмак, ты куда? Собирать благодарности?

— За ботинками, — холодно сказал Геральт, наклоняясь над длинноволосым мародером, тарашившимся в небо мертвыми глазами. — Похоже, они мне будут в самый раз.

Все следующие дни они ели конину. Ботинки с блестящими застежками были вполне приличны. Нильфгаардец по имени Кагыр все время ехал следом за ними на своем гнедом жеребце, но ведьмак больше не оглядывался.

Наконец-то он понял секреты игры в гвинт и даже сыграл с краснолюдьми. И конечно, проиграл.

О событиях на мызе не разговаривали. Смысла не было.

МАНДРАГОРА, или *поскрип*, мужской корень, сонное зелье — растение из семейства пасленовых, включающего в себя злаковые бесстебельчатые с реповидными корневищами растения, в которых можно обнаружить подобие человеческого телу; листья собраны в розетку. *M. autumnalis* или *officinalis* в небольших количествах культивируется в Виковаро, Роване и Имлаке, в диком виде встречается редко. Ягоды зеленые, впоследствии желтеющие, потребляются с уксусом и перцем. Листья используют в сыром виде. Корни *M.* в настоящее время применяются в медицине и фармацевтике. В прошлом занимали большое место в предрассудках, особенно у народов севера; из них вырезали человеческие фигурки (альруники, альрауны) и хранили в домах в качестве ценных талисманов. Они считались защитой от болезней, приносили счастье в судебных процессах, женщинам гарантировали удачную беременность и легкие роды. Их выражали в платице и в новолуние давали им новую одежду. Корнями *M.* торговали, а их цена доходила до шестидесяти флоренов. С той же целью использовались корни переступеня (см.). Если верить предрассудкам, корень *M.* применялся для чар и чародейских фильтров, а также приготовления отрав; этот предрассудок возродился в период охоты на ведьм. Обвинение в преступном использовании *M.* было выдвинуто, в частности, в процессе Лукреции Виго (см.). Пользовалась *M.* в качестве отравы также легендарная Филиппа Альхард (см.).

Эффенберг и Тальбот.
Encyclopaedia Maxima Mundi, том IX

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Старая дорога немного изменилась с того времени, когда ведьмак проезжал по ней последний раз. Некогда ровный, выложенный плоскими базальтовыми плитами тракт, построенный сотни лет назад эльфами и краснолюдями, теперь превратился в руины, испещренные дырами. Местами дыры там, где некогда лежали хорошо подогнанные плиты, были настолько глубокими, что походили на небольшие каменоломни. Движение замедлилось, телега краснолюдов то и дело останавливалась, с величайшим трудом лавируя между ямами.

Золтан Хивай знал, что разрушило дорогу. В результате последней войны с Нильфгаардом, пояснил он, невероятно выросла потребность в строительном материале. Тогда люди вспомнили, что Старая Дорога — неисчерпаемый источник обработанного камня. А поскольку запущенный, лежащий в стороне от торговых путей и селений, ведущий из никуда в никуда тракт давным-давно потерял значение как транспортная магистраль и мало кому был нужен, постольку его разрушали без жалости и меры.

— Ваши крупные города, — сетовал краснолюд, вторя скрипучим ругательствам попугая, — все как один построены на эльфьих и наших фундаментах. Под небольшие замки и дома вы положили собственные фундаменты, но на постройку этажей по-прежнему берете наши камни. И при этом неустанно твердите, что именно благодаря вам, людям, свершается прогресс.

Геральт не комментировал.

— Но вы даже разрушать по-умному не умеете, — ругался Золтан, командуя очередной операцией по извлечению колеса из ямы. — Ну почему бы не брать камни постепенно, начиная с обочин? Ну — дети! Вместо того чтобы последовательно есть пончик, вы выковыриваете пальцем мармелад из середины, а остальное выкидываете, потому что дальше уже не так вкусно.

Геральт толковал, что всему виной политическая география. Западный конец Старой Дороги лежит в Бругге, восточный — в Темерии, а середина — в Соддене, так что каждое королевство разрушает свой участок по собственному разумению. В ответ Золтан красочно и смачно охарактеризовал то место, в котором ему видятся короли, и привел перечень изысканных непристойностей, обрисовывающих их политику. Фельдмаршал Дуб добавил от себя еще кое-что относительно королевских матерей.

Чем дальше, тем было хуже. Золтаново сравнение с пончиком и мармеладом становилось все менее точным — дорога скорее напоминала дрожжевую выпечку, из которой старательно повытаскивали все изюмины и цукаты. Похоже было, что неотвратимо приближается та роковая минута, когда телега либо развалится, либо увязнет окончательно и бесповоротно. Однако спасло их то же, что некогда уничтожило тракт. Они натолкнулись на идущую на юго-восток грунтовую дорогу, пробитую и утрамбованную тяжелыми фургонами, перевозившими выковыренные плиты. Золтан повеселел, решил, что дорога наверняка ведет к какому-нибудь форту над Иной, рекой, у которой он уже надеялся встретить темерские войска. Краснолюд свято верил, что, как и в предыдущей войне, именно из-за Ины, из Соддена развернется сокрушительное контрнаступление армий союзных королевств, и недобитки поверженного Нильфгаарда со срамом убегут за Яругу.

И действительно, новая дорога снова приблизила их к войне. Ночью небо впереди неожиданно осветилось гигантским заревом, а днем они обнаружили столбы дыма, пометившие горизонт на юге и востоке. Однако поскольку все еще не известно было, кто бьет и палит, а кого бьют и палят, постольку они двигались осторожно, высылая на дальнюю разведку Персиваля Шуттенбаха.

Однажды утром их неожиданно догнал гнедой жеребец без седока. Зеленый чепрак с нильфгаардским шитьем пестрел темными потеками крови. Нельзя было с уверенностью сказать, была ли это кровь наездника, убитого рядом с телегой гавенкара, или же она пролилась позже, когда конь уже обрел нового хозяина.

— Ну, вот и конец заботам, — сказала Мильва, глядя на Геральта. — Ежели это и вправду были заботы.

— Настоящая забота в том, что мы не знаем, кто седока из седла вышиб, — буркнул Золтан. — И не едет ли этот «кто-то» следом за нами и нашей бывшей тыловой охраной.

— Это был нильфгаардец, — сквозь зубы процедил Геральт. — Он говорил почти без акцента, но беглые кметы могли его распознать...

— Надо было его тогда кончать, ведьмак, — повернула голову Мильва. — Смерть была бы полегче.

— Он восстал из гроба, — покачал головой Лютик, красноречиво глядя на Геральта, — только для того, чтобы сгнить в каком-нибудь рву.

На этом закончилась эпитафия Кагыру, сыну Кеаллаха, выпущенному из гроба нильфгаардцу, утверждавшему, что он вовсе и не нильфгаардец. Больше о нем не говорили. Поскольку Геральт, несмотря на многократные угрозы, так и не захотел расстаться с норовистой Плотвой, на гнедого взобрался Золтан Хивай. Краснолюды не доставал ногами до стремени, но жеребчик был спокойный и не возражал, чтобы им командовали.

Ночью горизонт светился заревами; днем ленты дымов вздымались в небо, пачкая голубизну. Вскоре они натолкнулись на сожженные постройки, языки огня все еще ползали по обугленным балкам и конькам. Неподалеку от пожарища сидели восемь оборванцев и пять собак, совместно отдирающих остатки мяса с раздувшегося, частично обуглившегося конского трупа. При виде краснолюдов пиршествующие в панике разбежались. Остался только один человек и один пес, которых никакая опасность не в состоянии была оторвать от торчащих гребнем ребер павшей лошади. Золтан и Персиваль пытались расспросить человека, но узнать ничего не смогли. Человек только скулил, тряся, втягивал голову в плечи и давился сдираемыми с костей остатками. Собака ворчала и скалила зубы, показывая десны. Лошадиный труп жутко вонял.

Золтан и Геральт решили рискнуть и не сворачивать с дороги, которая вскоре вывела их на очередное пожарище. Здесь сожгли крупное село, неподалеку от которого, видимо, тоже была стычка, потому что сразу за дымищимися развалинами вздымался свеженасыпанный курган. А невдалеке от кургана на развилке дорог рос огромный дуб.

Дуб был обвешан желудями.

И людьми.

— Это надо осмотреть, — решил Золтан Хивай, положив конец дискуссиям о риске и опасности. — Подъедем ближе.

— На кой черт, — возмутился Лютик, — тебе рассматривать висельников, Золтан? Чтобы обобрать? Так и отсюда видно, что на них даже обуви нет.

— Дурень, меня интересует не обувь, а военная ситуация. Развитие событий на театре военных действий. Ну, чего ржешь? Ты поэт и не знаешь, что такое стратегия.

— Я тебя удивлю. Знаю.

— А я тебе говорю, что ты не распознал бы стратегию, даже если она выскочит из кустов и даст тебе под зад.

— И верно, такой бы я не узнал. Стратегию, высказывающую из кустов, я предоставляю краснолюдом. Висящую на дубах тоже.

Золтан махнул рукой и направился к дереву. Лютик, которому никогда не удавалось сдерживать любопытства, легонько ударил Пегаса пятками и шагом поехал за краснолюдом. Геральт после недолгого раздумья двинулся следом. Мильва присоединилась к нему.

Вороны, устроившие пир на трупах, при виде конников с трудом поднялись на крыло, каркая и шумя перьями. Некоторые отлетели к лесу, другие только перебрались на верхние ветви огромного дерева, с интересом посматривая на Фельдмаршала Дуба, который с плеча краснолюда осыпал их матюками.

У первого из повешенных была на груди табличка с надписью «Предатель народа», другой оказался «Коллаборационистом», третий — «Эльфским стукачом», четвертый — «Дезертиром». Пятой была женщина в разорванной и окровавленной ночной рубашке, поименованная «Нильфгаардской курвой». На двух каменных табличек не было, из чего следовало, что они попали в петли случайно.

— Прекрасно! — возликовал Золтан Хивай, указывая на дощечки. — Видите? Здесь прошли наши войска. Наши парни перешли в наступление, отогнали агрессора. И, как всегда, у них нашлось время на отдых и солдатские забавы.

— И что это означает?

— Что фронт уже передвинулся, и от нильфгаардцев нас отделяют темерские войска. Мы в безопасности.

— А дымы впереди?

— Это наши, — уверенно заявил краснолюд. — Жгут деревни, которые давали ночлег либо жратву белкам. Говорю вам — мы уже за линией фронта. С этого развилка начинается южный тракт, который ведет к Армерии, укрепленному замку в вилке Хотли и Ины. Дорога смотрится прилично, по ней можно идти. Бояться нильфгаардцев нечего.

— Где дымит, там горит, — бросила Мильва. — А где горит, там можно обжечься. Я так думаю — дурное дело идти на огонь. Дурное дело идти по дороге, на которой нас сразу же любой конный разъезд окружит. Заберемся в леса.

— Здесь прошли темерцы или войско из Соддена, — упирался краснолюд. — Мы за линией фронта. Можно не опасаясь жать по тракту: если и встретятся войска, то наши.

— Рисковый ты мужик, Золтан, — покачала головой лучница. — Ежели ты такой уж шибко военный, то должен знать, что у нильфов в обычае далеко запускать конные разъезды. Здесь были темерцы. Возможно. А вот что перед нами, мы не знаем. На юге небо аж черно от дыма, не иначе как горит твой замок в Армерии. А значит, мы не за фронтом, а на фронте. Можем наткнуться на войско, на мародеров, на бандитов, на белок. Пошли к Хотле, но просеками.

— Верно, — поддержал ее Лютик. — Мне тоже эти дымы не нравятся. Даже если Темерия перешла в наступление, перед нами еще могут быть передовые нильфгаардские части. Черные делают глубокие рейды. Выходят на тылы, соединяются со скоя'таэлями, сеют панику и отходят. Я помню, что делалось в Верхнем Соддене во время предыдущей войны. Я тоже считаю, что идти надо лесами. В лесах нам ничего не грозит.

— Я бы, пожалуй, не был так-то уж уверен. — Геральт указал на последнего повешенного, у которого, хоть он и болтался выше всех, вместо ступней были разорванные когтями, окровавленные огрызки с торчащими костями. — Глядите. Это работа гулей.

— Вампиров? — Золтан Хивай попятился, сплюнул. — Трупоедов?

— Вот-вот. Ночью в лесу надо оберегаться.

— Куррррва мать! — заскрипел Фельдмаршал Дуб.

— Ну, прям мои слова, птица, — насупился Золтан Хивай. — М-да, попали мы в переплет. Ну, так что ж? В лес, где упыри, или по дороге, где армия и мародеры?

— В леса, — убежденно сказала Мильва. — И в самую гущу. Лучше гули, чем люди.

Шли лесами, вначале осторожные, собранные, реагирующие на каждый шорох в чаще. Однако вскоре приободрились, настроение немного улучшилось, и темп движения восстановился. Ни гулей, ни каких-либо следов их присутствия видно не было. Золтан в шутку бросил, что вампиры и всякая прочая нечисть, должно быть, узнали о приближающихся войсках, и ежели чудам еще и довелось увидеть в деле мародеров и вердэнских волонтеров, то они с перепугу забились в самые дикие и непроходимые дебри и сидят, дрожа со страха и клацаая клыками.

— И стерегут вомперич, жен своих и дочек, — ворчала Мильва. — Чуды знают, что солдат в походе и овцы паршивой не пропустит. А ежели бабские рубашки на вербе повесить, то героям хватит и дыры от сучка.

Лютик, который долгое время не терял задора и юмора, строил лютню и принялся складывать соответствующий куплет о вербах, дуплах и похотливых вояках, а краснолюды и попутай наперебой подбрасывали ему рифмы.

— О, — сказал Золтан.

— Что? Где? — спросил Лютик, приподнимаясь на стременах и заглядывая в овраг, на который указывал краснолюд. — Ничего не вижу.

— О, — повторил Золтан.

— Не болтай, словно попутай! Что — о?

— Речка, — спокойно пояснил Золтан. — Правый приток Хотли. Называется О.

— Аааа...

— Да ты что? — засмеялся Персиваль Шуттенбах. — Речка Ападает в Хотлю в верховьях далеко отсюда. А это О, а не А.

Низина, по дну которой текла речушка с незатейливым названием, заросла высокой, выше краснолюдских голов, крапивой, пронзительно пахла мятой и сопревшей древесиной и была до предела заполнена непрекращающимся лягушиным кваком. Берега у нее были крутые, и именно это сделало свое гиблое дело. Телега Вэры Лёвенхаупт, которая с самого начала движения героически переносила все превратности судьбы и преодолела все преграды, проиграла в стычке с речкой О. Она вырвалась из рук спускающих ее к воде краснолюдов, подскакивая, съехала на самое дно низинки и развалилась на мелкие куски.

— Крррва мать! — заскрежетал Фельдмаршал Дуб, контрапунтируя хоровой крик Золтана и его компании.

— Откровенно говоря, — оценил Лютик, рассматривая останки экипажа и раскиданную поклажу, — оно, может, и к лучшему. Дурной воз — мир праху его! — только затруднял движение, вечно с ним были хлопоты. Взгляни реально, Золтан. Согласись, нам здорово повезло, что никто на нас не напал и не преследовал. Если б надо было быстренько драпать, пришлось бы фургон бросить вместе со всем вашим добром, которое теперь можно спасти...

Краснолюд с негодованием отвернулся и зло забурчал себе в бороду, но Персиваль Шуттенбах неожиданно поддержал трубадура. Поддержку, как заметил ведьмак, сопровождало несколько многозначительных подмигиваний. Подмигивания, по идее, должны были быть незаметными, но выразительная мимика маленькой физиономии гнома всякую незаметность исключала.

— Поэт прав, — повторил Персиваль, кривясь и подмигивая. — Отсюда до Хотли и Ины можно шапкой докинуть. Перед нами Фэн Карн, сплошное бездорожье. Там тащиться с телегой было б тяжело. А если нас на Ине встретят темерские войска, то с нашим грузом... нам пришлось бы трудно.

Золтан задумался, шмыгнул носом.

— Ну ладно, — наконец сказал он, поглядывая на останки телеги, омываемые ленивым течением речки О. — Разделимся. Мунро, Фиггис, Язон и Калев остаются. Остальные идут дальше. Лошадей придется нагрузить торбами с провизией и ручным инструментом. Мунро, знаешь, что делать? Лопаты есть?

— Ну!

— Только чтобы мне никаких видимых следов не осталось. А место как следует пометьте и запомните!

— Будь в спокойе.

— Догоните нас запросто. — Золтан закинул за спину вещевой мешок и сигилль, поправил топорик за поясом. — Идем по течению О, потом вдоль Хотли до Ины. Ну, пока.

— Интересно, — шепнула Мильва Геральту, когда поредевший отряд двинулся в путь, провожаемый взмахами рук оставшейся позади четверки краснолюдов. — Интересно, что такое было в тех туесах, ежели их надо на месте закопать, а место пометить? Да еще и так, чтобы не видел никто из нас?

— Не наше дело.

— Вряд ли, — вполголоса сказал Лютик, осторожно направляя Пегаса между обнаженными стволами, — в туесах были сменные подштанники. У них с этим грузом связаны крупные планы. Я достаточно много с ними болтал, чтобы сообразить, чем дело пахнет и что в их туесах может быть спрятано.

— И что же там, по-твоему, спрятано?

— Их будущее. — Поэт оглянулся, не услышит ли кто. — Персиваль по профессии шлифовщик камней, собирается открыть собственное дело. Фиггис и Язон — кузнецы, говорили о кузне. Калев Страттон намерен жениться, а родители невесты однажды уже выгнали его взащей как голодранца. А Золтан...

— Перестань, Лютик. Треплешься, словно баба. Прости, Мильва.

— Да чего уж там...

За речкой, за темной и подмокшей полосой старых посадок лес редел, дальше пошли поляны, низкий березняк и сухие луговины. И все-таки продвигались медленно. По примеру Мильвы, которая, стоило им тронуться, взяла на седло веснушчатую девочку с косичками, Лютик тоже взял на Пегаса ребенка, а Золтан усадил на гнедого жеребца двух, а сам шел рядом, держа поводья. Но скорость не увеличилась, женщины из Кернова не поспевали за конными.

Уже смеркалось, когда, проплывав почти час по ярам и оврагам, Золтан Хивай остановился, перебросился несколькими словами с Персивалем Шуттенбахом и повернулся к остальным членам группы.

— Не галдите и не смейтесь надо мной, — сказал он, — но, сдается мне, заблудился я. Не знаю, хрен его возьми, где мы находимся и куда надо идти.

— Не болтай глупостей, — занервничал Лютик. — Что значит, не знаешь? Мы же руководствуемся течением речки. А там, внизу, ведь все еще речка О. Я прав?

— Прав. Только заметь, в какую сторону она течет.

— Елки... Невероятно!

— Вероятно, — упрямо сказала Мильва, терпеливо выбирая сухие листики и хвою из волос веснушчатой девочки. — Мы заплу-

тали среди оврагов. Река вертит, выкручивает подковы. Мы — на излучине.

— Но это все еще речка О, — упирался Лютик. — Если держаться речки, заплутать невозможно. Речкам доводится выписывать кренделя, согласен, но в конце концов все они обязательно куда-то впадают. Таков закон природы.

— Не мудри, певун, — поморщился Золтан. — Заткнись. Не видишь, я думаю?

— Нет. По тебе не видно. Повторяю, надо двигаться берегом речки и тогда...

— Перестань, — буркнула Мильва. — Ты городской. Твой закон природы стенами обложен, там твои мудрости, может, чего и стоят. А ты глянь кругом. Долина изрыта оврагами, берега крутые, заросшие. Как ты собираешься идти вдоль речки? По склону яра вниз, в заросли и болото, потом обратно наверх, снова вниз, обратно наверх, коней за вожжи тащить? Два оврага осилишь, а на третьем пластом свалишься. Мы женщин и детей везем, Лютик. А солнце того и жди сядет.

— Заметил. Ну ладно, молчу. Послушаем, что предложат привычные к лесам следопыты.

Золтан Хивай хватил по голове матерящегося попугая, накрутил на палец клоч борода, зло рванул.

— Персиваль?!

— Направление в общем-то знаем. — Гном взглянул на солнце, висящее уже над самыми кронами деревьев. — Значит, первая... э... концепция будет такова: плюнем на речку, возвращаемся, выходим из оврагов на сухую землю и идем через Фэн Карн по междуречью аж до Хотли.

— Вторая концепция?

— О — речка мелкая. Правда, после недавних дождей воды в ней прибыло, но перейти можно. Срезаем извилины поперек течения, всякий раз, когда она загородит нам дорогу. Держась солнца, выйдем прямую на развилку Хотли и Ины.

— Нет, — вдруг проговорил ведьмак. — От второй... концепции предлагаю отказаться сразу же. Об этом нечего и думать. На другом берегу мы рано или поздно влезем в одно из Мехунских Урочищ. Паскудные места, я решительно советую держаться от них в стороне.

— Что ли знаешь эти места? Бывал когда? Знаешь, как отсюда выбраться?

Ведьмак немного помолчал. Потер лоб.

— Довелось как-то. Три года назад. Но въехал я с противоположной стороны, с востока. Направляясь в Бругге, хотел срезать кусок. А как выбрался, не помню. Потому что меня полуживым вывезли на телеге.

Краснолююд некоторое время глядел на него, но больше вопросов не задавал.

Повернули молча. Женщины из Кернова шли с трудом, спотыкаясь и опираясь на палки, но ни одна ни разу не пожаловалась на трудности. Мильва ехала рядом с ведьмаком, поддерживая руками веснушчатую девочку с косичками.

— Мнится мне, — неожиданно проговорила она, — что крепко резанули тебя тады на урочище, ну, три лета назад. Думаю, чуда какая. Рискованное у тебя занятие, Геральт.

— Не возражаю.

— Я знаю, — подхватил сзади Лютик, — как тогда было. Ты был ранен, какой-то купчина вывез тебя оттуда, а потом в Заречье ты отыскал Цири. Мне об этом Йеннифэр говорила.

При звуке этого имени Мильва слегка усмехнулась. Геральт заметил и решил на ближайшей стоянке как следует надрать Лютику уши за неумную болтовню. Однако, зная поэта, не рассчитывал на особый результат, тем более что скорее всего Лютик уже выболтал все, что знал.

— А может, напрасно, — бросила после недолгого молчания лучница, — не поехали мы тем берегом, на урочища... Ежели в тот раз ты девочку отыскал... Эльфы говорят, что если второй раз то место посетить, где что-то случилось, то время может обернуться... Они это называют... А, черт, забыла... Чего-то там с судьбой. Узел, что ль...

— Петля, — поправил Геральт. — Петля судьбы.

— Тьфу ты! — скривился Лютик. — Кончайте болтать о петлях и судьбах. Мне когда-то эльфка наворожила, что с этой юдолью слез я распрощаюсь на эшафоте с помощью ловкого мастера висельных дел. Правда, не верю я в такого рода дешевую ворожбу, но несколько дней назад приснилось мне, будто меня вздергивают. Проснулся весь в поту, сглотнуть не мог и воздуха хватить. Так что не люблю я, когда кто о петлях болтает.

— Не с тобой разговариваю, а с ведьмаком, — парировала Мильва. — А ты ушей не наставляй, так ничего дрянного в них не влетит, верно, Геральт? Так что скажешь об этой петле судьбы? Вдруг да повторится время-то, если на урочище заехать?

— Потому и хорошо, что завернули мы, — резко ответил он. — У меня нет никакого желания повторять кошмар.

— М-да, ничего не скажешь, — покачал головой Золтан, осматриваясь. — В хорошенькое местечко ты нас завел, Персиваль! Лучше некуда!

— Фэн Карн, — буркнул гном, почесывая кончик длинного носа. — Выгон Курганов... Всегда пытался понять, откуда такое название...

— Теперь понял? Курганы тут пасутся. На выгоне, стало быть.

Просторная низина перед ними была уже затянута вечерним туманом, из которого, словно из моря, докуда хватал глаз, выступали бесчисленные могильные холмы и омшелые монолиты. Некоторые камни были обычными бесформенными глыбами. Другие, ровно отесанные, превращены в обелиски и менгиры. Третьи, стоявшие ближе к центру этого каменного леса, были сгруппированы в дольмены, могильные холмики и кромлехи и расположены концентрически, что исключало случайный каприз природы.

— Да уж, — повторил краснолюд. — Лучше места для ночлега не придумаешь. Эльфье кладбище. Если мне память не изменяет, ведьмак, ты недавно гулей упомянул? Ну так вот знай, я их чую меж этих курганов. Здесь, должно быть, все. Гули, гравейры, вампиры, вихты, духи эльфов, привидения — полный набор! Все сидят там и знают, о чем сейчас думают? Что, мол, вот не придется ужин искать, сам пришел.

— Может, вернемся? — шепотом предложил Лютик. — Может, выберемся отсюда, пока еще немного видно?

— Бабы больше и шага не сделают, — зло бросила Мильва. — Дети от усталости с ног валяются. Кони утомлены. Сам же подгонял, Золтан, еще немного, еще полверсты, повторял, еще стае*, болтал. А теперь что? Два стае взад переть? Дерьмо все это! Кладбище — не кладбище, жальник — не жальник, ночуем где досталось.

— И верно, — поддержал ведьмак, слезая с лошади. — Не паникуйте. Не всякое кладбище чудовищами и привидениями полнится. Я никогда не бывал на Фэн Карне, но если б тут действительно было опасно, я б об этом слышал.

Никто, не исключая и Фельдмаршала Дуба, не проронил ни слова. Женщины из Кернова разобрали своих детей и уселись тесной кучкой, молчаливые и явно напуганные. Персиваль и Лютик стреножили коней и пустили их на буйную траву. Геральт, Золтан и Мильва подошли к краю поляны, рассматривая утопающее в тумане и надвигающихся сумерках кладбище.

— Ко всему прочему еще и новолуние, — буркнул краснолюд. — Ох, будет сегодня ночью ведьмов праздник, чую, ох, дадут нам демоны жару... А что это там светится на юге? Не зарево?

— А как же, зарево и есть, — подтвердил ведьмак. — Снова кому-то кто-то крыши над головами запалил. Знаешь что, Золтан? Я себя как-то безопаснее чувствую здесь, на Фэн Карне.

— Я тоже так себя почувствую, когда солнце взойдет. Если только гули дадут нам восхода дожждаться.

Мильва покопалась в торбе, вытащила что-то блестящее.

— Серебряный наконечник. На такую оказию приберегала. В пять крон мне на базаре обошелся. Таким гуля можно пришить, ведьмак, а?

* Стае — мера длины 1067 м.

— Не думаю, чтобы тут были гули.

— Ты ж сам говорил, — буркнул Золтан, — что висельника на дубе гули обгрызли. А где жальник, там и гули.

— Не всегда.

— Ловлю тебя на слове. Ты — ведьмак, спец, надеюсь, будешь нас защищать. Мародеров ты здорово разделал... А что, гули дерутся лучше мародеров?

— Несравненно. Я же просил — перестаньте паниковать.

— А против вомпера пойдет? — Мильва насадила серебряный кончик на стержень стрелы, проверила остроту подушечкой большого пальца. — Или на упыря?

— Может подействовать.

— На моем сгилле, — буркнул Золтан, обнажая меч, — выгравировано старинными краснолюдскими рунами древнейшее краснолюдское заклинание. Ежели хоть какой-никакой гуль приблизится ко мне на длину клинка — запомнит меня! Вот, гляньте.

— Хо, — заинтересовался подошедший в этот момент Лютик. — Так вот они какие, знаменитые тайные письма краснолюдов? И о чем говорит надпись?

— «На погибель сукинсынам!»

— Что-то пошевелилось среди камней! — неожиданно воскликнул Персиваль Шуттенбах. — Гуль, гуль!

— Где?

— Вон там, там! Среди камней спрятался!

— Один?

— Я видел одного.

— Знать, здорово проголодался, коли думает к нам еще до ночи подобраться. — Краснолюд поплевал на ладони и крепче ухватил рукоять сгилля. — Хо-хо! Враз убедится, что лакомство ему не по зубам. А ну, Мильва, всади ему стрелу в жопу, а я выпущу из него дух!

— Ничего я там не вижу, — прошипела Мильва, держа у подбородка перья стрелы. — Ни травка меж камней не дрогнет. А тебе не привиделось, гном?

— Отнюдь, отнюдь, — возразил Персиваль. — Видите вон тот валун, что вроде разбитого стола? Туда гуль скрылся, как раз за ту каменюку.

— Стойте здесь. — Геральт быстро вынул меч из ножен за спиной. — Стерегите баб и следите за лошадьми. Если гули нападут, животные сбесятся. Я пойду проверю, что это было.

— Один не пойдешь, — решительно возразил Золтан. — Тогда, на мызе, я позволил тебе одному пойти, потому как оспы испугался. И две ночи кряду не мог уснуть от срама. Больше — никогда! Персиваль, а ты куда? На тылы? Ты ж вроде бы чуду увидел, значит, теперь авангардом пойдешь. Не бойся, я иду следом.

Они осторожно пошли меж курганов, стараясь не шуметь в траве, доходящей Геральту до колен, а краснолюду и гному до пояса. Приближаясь к дольмену, который указал Персиваль, быстро разделились, отрезая гулю дорогу к бегству. Но тактика оказалась ненужной. Геральт знал, что так оно и будет — его ведьмачий медальон даже не дрогнул, не просигналил ни о чем.

— Никого тут нет, — осматриваясь, отметил Золтан. — Ни живого духа. Надо думать, привиделось тебе, Персиваль. Ложная тревога. Напрасно только страху на нас нагнал. Да, положено тебе за это дать пинка под зад.

— Видел! — взъерепенился гном. — Видел, как между камнями проскакивал. Худой, черный, как сборщик податей...

— Заткнись, гном дурной, не то я тебе...

— Что за странный запах? — спросил вдруг Геральт. — Не чуете?

— А и верно. — Краснолюд принялся на манер гончей. — Странно воняет.

— Травы. — Персиваль потянул воздух чутким двухдюймовым носом. — Полынь, камфорный базилик, шалфей, анис... Корица? Какого черта?

— А чем воняют гули, Геральт?

— Трусами. — Ведьмак быстро осмотрел следы в траве, потом в несколько шагов вернулся к дольмену и слегка постучал плоскостью меча по камню.

— Вылезай, — прошипел он сквозь зубы. — Знаю, что ты там. А ну, живо, не то ткну в дыру железом.

Из идеально замаскированной норы под камнем донеслось глухое урчание.

— Вылезай, — повторил Геральт. — Мы ничего тебе не сделаем.

— Волос у тебя с головы не упадет, — сладко заверил Золтан, поднимая над норой сигилль и грозно вращая глазами. — Выходи смело!

Геральт покачал головой и решительным жестом велел ему отойти. В дыре под дольменом снова захрипело и оттуда крепко дыхнуло травяно-корневым ароматом. Через минуту появилась седая голова, а потом лицо, украшенное породистым горбатым носом, определенно принадлежавшим не гулю, а худошавому мужчине средних лет. Персиваль не ошибся. Мужчина действительно немного смахивал на сборщика податей.

— Можно вылезти не опасаясь? — спросил он, поднимая на Геральта черные глаза под седеющими бровями.

— Можешь.

Мужчина выбрался из дыры, отряхнул черную одежду, перехваченную в поясе чем-то вроде фартука, поправил полотняную торбу, вызвав тем самым волну травяных запахов.

— Предлагаю вам, милостивые государи, спрятать оружие, — сказал он совершенно спокойно, водя взглядом по окружающим его путникам. — Оно не понадобится. У меня, как видите, никакого оружия нет. Я его не ношу. Никогда. Нет при мне также ничего такого, что можно было бы счесть достойной вас добычей. Меня зовут Эмиель Регис — цирюльник. Я из Диллингена.

— Действительно, — поморщился Золтан Хивай. — Цирюльник, алхимик или же знахарь. Не обижайтесь, но от вас сильно несет аптекой.

Эмиель Регис, не разжимая губ, странно усмехнулся, развел руками — мол, что поделаешь.

— Запах вас выдал, милсдарь цирюльник, — сказал Геральт, убирая меч в ножны. — У вас были особые причины прятаться от нас?

— Особые? — глянул на него черноглазый мужчина. — Нет. Скорее — обычные. Просто испугался. Такие времена.

— Верно, — согласился краснолюд и указал большим пальцем на освещающее небо зарево. — Времена такие. Я думаю, вы такой же беженец, как и мы. Конечно, интересно, почему вы, так далеко от родимого Диллингена убежав, в одиночку скрываетесь среди здешних курганов. Впрочем, людям всякое случается, тем более в трудные времена. Мы испугались вас, вы — нас. У страха глаза велики.

— С моей стороны, — назвавшийся Эмиелем Регисом мужчина не спускал с них глаз, — вам ничего не угрожает. Надеюсь, я могу рассчитывать на взаимность?

— Вы что ж, — ощерился Золтан, — за разбойников нас принимаете, или как? Мы, милсдарь цирюльник, тоже беженцы. Направляемся к темерской границе. Хотите, можете пристать. Вместе-то оно лучше и безопасней, чем в одиночку, а нам медик может пригодиться. С нами женщины и дети. А не найдется ль среди смердящих чудодейственных лекарств, которые, чую, вы носите при себе, чего-нибудь против ног? Стерли мы их.

— Найдется, — тихо сказал цирюльник. — Рад случаю помочь. Что же до вашего предложения... Искренне благодарю, но я не беженец. Я не бежал из Диллингена от войны. Я здесь живу.

— Подумать только! — нахмурился краснолюд, слегка отступив. — Живете? Тут, на кладбище?

— На кладбище? Нет, что вы, у меня хата неподалеку. Кроме дома и магазина в Диллингене, разумеется. Но здесь я провожу все лето, каждый год с июня по сентябрь, от субботки, то есть летнего солнцестояния, до эквинокциума, то есть осеннего равноденствия. Собираю разные травы и корни, частично на месте дистиллирую лекарства и эликсиры.

— Но о войне знаете, — отметил, а не спросил Геральт, — несмотря на отшельничью жизнь вдали от мира и людей. От кого знаете?

— От беженцев. В неполных двух верстах отсюда, у реки Хотли, большой лагерь. Там скопилось несколько сотен беженцев, кметов из Бругге и Соддена.

— А темерская армия? — заинтересовался Золтан. — Двинулась?

— Об этом мне не ведомо.

Краснолюду выругался, потом уставился на цирюльника.

— Так. Стало быть, живете здесь себе, поживаете, милсдарь Регис, — проговорил он протяжно. — А по ночам меж могил разгуливаете. И не страшно?

— А чего мне бояться?

— А вот этот... господин. — Золтан указал на Геральта. — Ведьмак. Он недавно видел следы гулей. Трупоедов, понимаете? А не надо быть ведьмаком, чтобы знать, что гули держатся жальников.

— Ведьмак? — Цирюльник с явным интересом взглянул на Геральта. — Истребитель чудовищ? Ну-ну. Любопытно. А вы не объяснили спутникам, милостивый государь ведьмак, что этому некрополю больше полутысячи лет? Гули неразборчивы в пище, верно, однако пятисотлетние кости не грызут. Здесь гулей нет.

— Это меня нисколько не огорчает, — сказал Золтан Хивай, оглядываясь. — Ну-с, милсдарь медик, позвольте пригласить вас в наш лагерь. Побалуемся холодной конинкой, надеюсь, не побрезгуете?

Регис долго смотрел на него. Наконец сказал:

— Благодарствую. Однако у меня есть мысль получше. Приглашаю к себе. Правда, моя летняя, так сказать, резиденция скорее шалаш, а не хата. Но рядом ключевая вода. И «топка», на которой можно разогреть конину.

— Охотно воспользуемся, — поклонился краснолюду. — Может, и нет здесь гулей, но все равно мысль о ночевке на кладбище не очень меня привлекает. Пошли, познакомьтесь с остальными из нашей компании.

Когда они подходили к стоянке, кони зафыркали, стали бить копытами.

— Встаньте малость под ветер, милсдарь Регис. — Золтан Хивай окинул медика красноречивым взглядом. — Запах шалфея пугает лошадей, а мне, стыдно признаться, напоминает о зубодрале.

— Геральт, — буркнул Золтан, как только Эмиель Регис скрылся за пологом, прикрывавшим вход в хату. — Разуй глаза. Этот вонючий знахарь не шибко мне нравится.

— Что-нибудь конкретное?

— Не нравятся мне люди, сидящие целое лето на кладбищах, к тому же вдали от человеческого жилья. Неужто травы не растут в более приятных местах? Уж больно этот Регис смахивает на любителя пограбить могилки. Цирюльники, алхимики и им подобные

выкапывают на жальниках трупы, чтобы потом проделывать с ними разные экскременты.

— Эксперименты. Для этих целей используют свежие трупы. А здесь очень старое кладбище.

— Точно, — почесал бороду краснолюд, наблюдая за женщинами из Кернова, готовящими себе ночлег у кустов черемухи, растущей вокруг халупы цирюльника. — А может, он выгребает из могил спрятанные там драгоценности?

— Спроси его, — пожал плечами Геральт. — Приглашение ты принял сразу, не раздумывая, а теперь вдруг тебя подозрительность заела, словно старую деву, которой расточают комплименты.

— Хммм, — протянул Золтан. — Вообще-то ты, пожалуй, прав. Но я охотно глянул бы, что у него там, в халупе. Так, для верности...

— Так войди и прикинься, будто хочешь попросить вилку...

— Почему вдруг вилку?

— А почему нет?

Краснолюд долго глядел на него, потом решил, быстро пошел к хатке, аккуратно постучал в косяк и вошел. Не выходил довольно долго, потом вдруг появился в дверях.

— Геральт, Персиваль, Лютик, идите-ка сюда. Увидите нечто интересное. Ну, смелее, без церемоний, господин Регис приглашает.

В хате было тесно и забито теплым, дурманящим, свербящим в носу запахом, бьющим в основном от пучков трав и корней, которыми были увешаны стены. Вся мебель состояла из подстилки, тоже прикрытой травами, и колченого стола, заставленного неисчислимыми стеклянными, глиняными и фарфоровыми бутылочками. Скупой свет, позволявший видеть все это, шел от угольев в топке странной пузатой печки, напоминавшей клепсидру на сносках. Печку охватывала паутина разнокалиберных трубок, изогнутых дугами и спиралями. Под одной из таких трубок стояла деревянная бадейка, в которую что-то капало.

При виде печки Персиваль Шуттенбах вытаращил глаза, раззявился, вздохнул, потом подпрыгнул и восторженно заорал:

— Хо-хо-хо! Что я вижу? Это же самый настоящий перегонный куб с ректификационной колонкой и медным охладителем! Какая работа! Сами сконструировали, милостивый государь цирюльник?

— Именно, — скромно признался Эмиель Регис. — Я занимаюсь изготовлением эликсиров, приходится дистиллировать, извлекать пятые вытяжки, а также...

Он осекся, видя как Золтан Хивай ловит стекающие из трубки капли и облизывает палец. Краснолюд вздохнул, на его румяной физиономии отразилось неопишное блаженство.

Лютик не выдержал, тоже попробовал. И тихонько застонал.

— Пятая вытяжка, — признал он, причмокивая. — А может, шестая или даже седьмая.

— Ну да, — слегка улыбнулся цирюльник. — Я же сказал, дистиллят...

— Самогон, — поправил Золтан. — Да еще какой! Испробуй, Персиваль!

— Я в органической химии не разбираюсь, — не вставая с коленей, растерянно ответил гном, изучающий особенности монтажа алхимической печи. — Сомневаюсь, что распознаю компоненты...

— Дистиллят из мандрагоры, — рассеял сомнения Регис. — Обогащенный белладонной. И ферментированный крахмальной массой.

— То есть затором?

— Можно и так назвать.

— А нельзя ли попросить какую-нибудь плошку?

— Золтан, Лютик. — Ведьмак скрестил руки на груди. — Вы что, сдурели? Это же мандрагора. Самогон из мандрагоры. Оставьте в покое бадейку.

— Но, милейший господин Геральт. — Алхимик отыскал среди запыленных реторт и бутылей небольшую мензурку, заботливо протер ее тряпочкой. — Ничего страшного. Мандрагора была собрана в соответствующий сезон, а пропорции старательно подобраны и точно отмерены. На одну либру крахмальной массы я даю только пять унций поскрипа, а белладонны всего половину драхмы...

— Не об этом речь. — Золтан глянул на ведьмака, понял с ходу, посерьезнел, осторожно отодвинулся от печи. — Не в том дело, милсдарь Регис, сколько драхм вы туда кидаете, а в том, сколько стоит одна драхма поскрипа. Слишком это дорогой напиток для нас.

— Мандрагора? — удивленно шепнул Лютик, указывая на лежащую в уголке домишки кучку клубней, напоминающих маленькие сахарные свеколки. — Это мандрагора? Настоящая мандрагора?

— Женская разновидность, — кивнул алхимик. — Она растет в больших количествах именно на кладбище, на котором нам довелось познакомиться. Поэтому здесь я и провожу лето.

Ведьмак красноречиво взглянул на Золтана. Краснолюд моргнул. Регис едва заметно ухмыльнулся.

— Прошу, прошу, господа, если есть охота, искренне приглашаю продегустировать. Ценю ваш такт, но в данной ситуации у меня мало шансов довести эликсиры в охваченный войной Диллинген. Все это и без того пропало бы, поэтому не будем говорить о ценах. Как говорится, лучше в нас, чем в... Простите, но сосуд для дегустации у меня всего один.

— Достаточно, — проворчал Золтан, принимая мензурку и осторожно зачерпывая из бадейки. — Ваше здоровье, милсдарь Регис. Ууууу!..

— Прошу прощения, — снова улыбнулся цирюльник. — Качество дистиллята, вероятно, оставляет желать лучшего... В принципе это полуфабрикат.

— Это самый лучший полуфабрикат из всех полуфабрикатов, какие только я пил, — наконец смог выдохнуть Золтан. — Бери, поэт...

— Аааах! О, мать моя! Отличный! Попробуй, Геральт.

— Первая — хозяину, — слегка поклонился ведьмак Эмиелю Регису. — Где твои манеры, Лютик?

— Извольте извинить, милостивые государи, — ответил поклоном на поклон алхимик. — Но я себе этого не позволяю. Здоровье уже не то, что ранее. Пришло время отказаться... по многим причинам.

— Ни глоточка?

— Тут дело в принципе, — спокойно пояснил Регис. — Я никогда не нарушаю принципов, которые сам себе установил.

— Восхищаюсь и завидую принципиальности. — Геральт малость отпил из мензурки и после недолгого колебания выпил до дна.

Удовольствие немного подпортили брызнувшие из глаз слезы. По желудку растеклось живительное тепло.

— Схожу-ка я за Мильвой, — бросил он, передавая сосуд краснолюду. — Не вылакайте все, пока мы не вернемся.

Мильва сидела при лошадях, играя с веснушчатой девчушкой, которую весь день везла на своем седле. Узнав о гостеприимстве Региса, она сначала пожала плечами, но упрасивать себя не заставила.

Войдя в домишко, они застали компанию за осмотром корней мандрагоры.

— Впервые вижу, — признался Лютик, вертя в руках клубень. — И верно, немного напоминает человека.

— Которого перекопал прострел, — заявил Золтан. — А этот вот — ну прямо баба на сносках. А глянь, этот-то, прошу прощения, словно два человека трахаются.

— У вас одни потрахушки в башках-то. — Мильва ловко опрокинула наполненную мензурку, крепко кашлянула в кулак. — А, чтоб тебя... Хороша фиговина! И верно, что ль, из поскрипа? Чародейский напиток пьем! Не всякий раз попадается. Благодарствую, милсдарь цирюльник.

— Ну что вы, что вы, право! И мне приятно!

Активно наполняемая мензурка обошла компанию, поднимая настроение, придавая бодрость и активируя разговорчивость.

— Такая мандрагора, слышал я, варево ба-а-альшой магической силы, — убежденно сказал Персиваль Шуттенбах.

— А как же, — подтвердил Лютик, затем хлебнул, отер губы и принялся разглагольствовать. — Разве ж мало баллад сложено на эту тему? Чародеи используют мандрагору для эликсиров, которые обеспечивают им вечную молодость. А чародейки, кроме того, изготавливают из поскрипа мазь, гламария называется. Намазавшаяся такой мазью чародейка становится такой красивой и чарующей, что прям глаза на лоб вылазят. И еще следует вам знать, что мандрагора сильные афродизионные свойства имеет и ее используют при любовной магии, особенно для того, чтобы сломить девичье сопротивление. Отсюда и название народное мандрагоры: поскрип. Зелье, значит, чтобы у девок не скрипело...

— Балда, — прокомментировала Мильва.

— А вот я слышал, — сказал гном, опрокинув разом полную мензурку, — что когда корень такой из земли вытягивают, то растение плачет и голосит, словно живое.

— Хо, — сказал Золтан, зачерпывая из бадейки. — Если б только голосило. Говорят, мандрагора вопит так жутко, что можно, значитца, чувств лишиться, а кроме того, заклинания выкрикивает и порчу наводит на того, кто ее из земли тянет. Жизнью можно за таковой риск уплатить.

— Ох, мнится мне, трепотня все это. — Мильва приняла от краснолюда мензурку, браво хлебнула и вздрогнула. — Не может того быть, чтобы у растения такая сила была.

— Самая что ни на есть правдивая правдость! — разгорячился краснолюд. — Однако толковые знахари изобрели способ защититься. Отыскав поскрип, наматывают на корень веревку одним концом, а к другому концу, значитца, веревки, привязывают собаку. За хвост.

— Иль свинью, — вставил гном.

— Иль дикого кабана, — серьезно добавил Лютик.

— Дурак ты, хоть и поэт. Суть в том, чтобы эта собака или свинья мандрагору из земли вытянула, вот тогда ругань и заклинания падут на них, а знахарь, в кустах скрывшийся, целым останется. Ну как, милсдарь Регис? Я верно говорю?

— Метод довольно любопытный, — согласился алхимик, загадочно улыбаясь. — В основном благодаря хитроумности. Однако существенным минусом такой методы следует признать ее сложность. В конце концов теоретически достаточно было просто веревки без животного. Не думаю, чтобы мандрагора умела понять, кто тянет за веревку. Волшебства и заклинания в принципе должны пасть на веревку, которая, согласитесь, дешевле и проще в обслуживании, нежели собака. Не говоря уж о свинье.

— Ехидничаете?

— Да как я смею? Я же сказал, поражаюсь хитроумности. Потому что хоть мандрагора вопреки всеобщему мнению не способна ни порчу навести, ни ругаться, однако в природном виде это рас-

тение настолько токсично, что ядовита даже почва вокруг корней. Попадание свежего сока на лицо или поврежденную руку, да что там, даже вдыхание запаха может привести к печальным последствиям. Я пользуюсь маской и перчатками, хоть и ничего не имею против «метода хвоста и веревки».

— Хммм, — задумался краснолюд. — А насчет крика страшнейшего, который издает вырываемый поскрип, это-то правда?

— У мандрагоры нет голосовых связок, — спокойно пояснил алхимик. — Это в принципе довольно типично для растений, не правда ли? Однако выделяемый клубнями токсин обладает сильным галлюциногенным действием. Голоса, крики, шепоты и иные звуки — все это не что иное, как галлюцинации, вызываемые поражением нервного центра.

— Ха, совсем было запамятовал. — Лютик, который только что опрокинул очередную мензурку, громко отрыгнул. — Мандрагора сильно ядовита! А я брал ее в руку! А сейчас мы хлебаем этот отвар, не задумываясь...

— Токсичен лишь свежий корень растения, — успокоил его Регис. — Мой выдержан целый сезон и приготовлен соответствующим образом, а дистиллят профильтрован. Опасаться нечего.

— Это уж точно, нечего, — согласился Золтан. — Самогон за- всегда самогон, гнать его можно даже из цукуты, крапивы, рыбьей чешуи и старой шнуровки от сапог. Давай посуду, Лютик, народ ждет!

Последовательно наполняемая мензурка снова пошла по кругу. Все удобно расположились на глинобитном полу. Ведьмак зашипел и выругался — боль в колене снова дала о себе знать. Он заметил, что Регис внимательно присматривается к нему.

— Свежая рана?

— Не совсем. Но докучает. У тебя нет каких-нибудь трав, чтобы боль унять?

— Смотря что за боль, — едва заметно улыбнулся ширюльник. — И по какой причине. В твоем поте, ведьмак, я ощущаю странный запах. Магией лечили? Давали магические энзимы и гормоны?

— Всякие лекарства давали. Понятия не имею, что еще можно вынюхать в моем поту. У тебя чертовски тонкое обоняние, Регис.

— У каждого свои достоинства. Для нейтрализации недостатков. Что тебе лечили волшебством?

— Рука была сломана и бедренная кость.

— И давно?

— Месяц с небольшим.

— И уже ходишь? Невероятно. Брокилонские дриады, верно?

— Как ты угадал?

— Только дриады знают лекарства, способные так быстро восстановить костную ткань. На твоих руках я вижу темные точки, места, в которые проникали корешки конинхаэли и симбиотичес-

кие побеги пурпурного окопника. Конинхазелью умеют пользоваться только дриады, а пурпурный окопник не растет нигде, кроме Броклона.

— Bravo! Безошибочный вывод! Однако меня интересует другое. Мне сломали бедренную кость и предплечье. А сильные боли я почему-то чувствую в колене и локте.

— Типично, — покачал головой цирюльник. — Магия дриад восстановила тебе поврежденные кости, но одновременно произвела небольшую революцию в нервных стволах. Побочный эффект, который сильнее всего ощущается в суставах.

— Что можешь посоветовать?

— К сожалению, ничего. Ты еще долго будешь предчувствовать ненастье. Зимой боли усилятся. Однако я не рекомендовал бы тебе пользоваться сильными обезболивающими средствами. Особенно наркотиками. Ты — ведьмак. Тебе это абсолютно противопоказано.

— Значит, полечусь твоей мандрагорой. — Ведьмак поднял мензурку, которую ему только что вручила Мильва, выпил до дна и закашлялся так, что опять слезы потекли из глаз. — Мне уже лучше. Дьявольщина!

— Не уверен, — Регис улыбнулся, не разжимая губ, — ту ли болезнь ты лечишь. И вообще лечить надо причины, а не проявления.

— Это не для ведьмака, — фыркнул уже немного зарумянившийся Лютик, прислушивавшийся к разговору. — Ему-то как раз против его хворобы водяра поможет.

— Хорошо бы тебе тоже. — Геральт остудил поэта взглядом. — Особенно, если у тебя от нее язык задубеет.

— На это вряд ли можно рассчитывать, — снова улыбнулся цирюльник. — В состав препарата входит белладонна. Много алкалоидов, в том числе скополамин. Прежде чем на вас как следует подействует мандрагора, всех вас разберет элоквенция.

— Что разберет? — спросил Персиваль.

— Элоквенция. Красноречие. Простите. Давайте пользоваться простыми словами.

Геральт скривил губы в деланной улыбке.

— Справедливо. Легко впасть в манерность и начать пользоваться такими словами ежедневно. В таких случаях люди начинают считать болтуна невежественным шутом.

— Или алхимиком, — добавил Золтан Хивай, зачерпывая мензуркой из бадейки.

— Или ведьмаком, — фыркнул Лютик, — который начитался всякой мурсы, чтобы произвести впечатление на некую чародейку. А чародейки, милостивые государи... и милостивые государыни, ни на что не клюют так охотно, как на изысканный треп. Я верно говорю, Геральт? Ну, расскажи нам чего-нибудь...

— Пропусти очередь, Лютик, — холодно прервал ведьмак. — Слишком уж быстро на тебя подействовали содержащиеся в этом самогоне алкалоиды и... скополамин. Ишь, разговорился. Элоквенция разобрала!

— А, перестань, Геральт, — поморщился Золтан. — Секретничаешь-то напрасно. Ничего нового нам Лютик не сказал. Ты давно уж стал ходячей легендой. Тут никуда не денешься. Истории о твоих похождениях разыгрывают в кукольных театриках. В том числе и историю о тебе и чародейке по имени Гвиневера.

— Йеннифер, — вполголоса поправил Эмиель Регис. — Видел я такой спектакль. История об охоте на джинна, если мне память не изменяет.

— Был я при той охоте, — похвалился Лютик. — Смеху, долужу я вам...

— Расскажи всем, — поднялся Геральт. — Запивая и разукрашивая по возможности. Я прогуляюсь.

— Эй! — восторженно воскликнул краснополок. — Нечего обижаться.

— Ты меня не понял, Золтан. Мне надо облегчиться. Что делать, такое случается даже с ходячими легендами.

Ночь была ужасно холодная. Кони топали и похрапывали, пар валил у них из ноздрей. Залитый лунным светом домик цирюльника выглядел прямо-таки сказочно. Ну, один к одному — домик лесной волшебницы. Ведьмак застегнул брюки.

Мильва, вскоре вышедшая за ним, неуверенно кашлянула. Ее длинная тень порвнялась с его тенью.

— Чего ты обратно злишься? — спросила она. — Что ли все-рез на них обозлился?

— Нет.

— Так какого беса стоишь тут один?

— Считаю.

— Э?

— С того момента, как мы выбрались из Брокилона, прошло двадцать дней, за это время мы прошли всего верст шестьдесят. Цири, если верить слухам, находится в Нильфгаарде, в столице империи, в городе, от которого меня отделяют, по осторожным прикидкам, что-то около двух с половиной тысяч верст. Из элементарных расчетов получается, что при таком темпе я доберусь туда через год и четыре месяца. Как тебе это нравится?

— Никак. — Мильва пожала плечами, снова кашлянула. — Я не умею считать так хорошо, как ты. А читать и писать и вовсе. Я глупая, простая девушка из деревни. Никакая тебе не компания. Не друг для разговоров.

— Не говори так.

— Так ведь правда же. — Она резко отвернулась. — На кой ты мне эти версты и дни перечислял? Чтобы я присоветовала тебе что-нибудь? Страх твой разогнала, тоску приглушила, которая свербит тебя сильнее, чем боль в поломанной ноге? Не умею! Тебе нужна не я, а та, другая, о которой болтал Лютик. Мудрая, ученая. Любимая.

— Лютик — трепач.

— Ну-ну. Но часом с головой треплется. Вернемся, хочу напиться еще.

— Мильва?

— Ну чего?

— Ты ни разу не сказала, почему решила ехать со мной.

— А ты не спрашивал.

— Теперь спрашиваю.

— Теперь — поздно. Теперь я уж и сама не знаю.

— Ну наконец-то, — обрадовался Золтан уже заметно изменившимся голосом. — А мы тут, представьте себе, решили, что Регис отправится с нами.

— Серьезно? — Геральт внимательно посмотрел на цирюльника. — Что вдруг такое неожиданное решение?

— Господин Золтан, — не опустил глаз Регис, — разъяснил, что в моих краях буйствует очень серьезная война. Возвращаться в те места нельзя, оставаться на этой пустоши — не очень разумно. Идти в одиночку — опасно.

— А с нами, совершенно незнакомыми, тебе, значит, безопасно. Ты определил это с одного взгляда?

— С двух, — слегка улыбнувшись, ответил цирюльник. — Первый — на женщин, которых вы охраняете. Второй — на их детей.

Золтан громко отрыгнул, скребанул мензуркой по дну бадейки.

— Внешность бывает обманчивой, — усмехнулся он. — А может, мы собираемся продать баб в неволю? Персиваль, да сделай ты что-нибудь! Ну, открой побольше кран или еще чего. Мы ж хотим напиться, а капает, будто кровь из носа.

— Холодильник не управится. Жидкость будет теплой.

— Не беда. Ночь-то холодная.

Тепловатый самогон здорово подстегнул красноречие. Золтан и Персиваль порозовели вконец, голоса у них изменились еще больше. Речь гнома и поэта вообще превратилась в почти нечленораздельное бормотание. Разыгравшийся аппетит компания зажевывала холодной кониной, которую сдабривала оказавшимися в хате, корешками хрена, обильно роняя слезы, потому что хрен по крепости ничуть не уступал самогону. Но добавлял огня дискуссии.

Регис неожиданно удивился, когда оказалось, что конечная цель похода не анклав массива Махакам, извечное и безопасное местопоселение краснолюдов. Золтан, который перещеголял болтливостью Лютика, сообщил, что в Махакам не вернется даже под конвоем, и дал волю своей неприязни к царящим там порядкам. Особенно ему претила политика и абсолютизм старосты Махакама и всех прочих краснолюдских кланов Брувера Гоога.

— Старый гриб! — рявкнул он и плюнул в топку печурки. — Глядишь и не знаешь, то ль живой, то ль сеном набитый. Почти не движется, и правильно делает, потому как при каждом движении его пердеж пробирает. Не поймешь, чего говорит — борода от за-

сохшего борща с усами склеилась. А командует всем и всеми, все должны, вишь ты, плясать под его дудку.

— Тем не менее трудно утверждать, что политика старосты Гоога себя не оправдывает, — вставил Регис. — Именно благодаря его решительным действиям краснолюды отделились от эльфов и уже не дерутся совместно со ской'таэлями. А это привело к прекращению погромов, к отмене карательной экспедиции на Махакам. Верность контактам с людьми приносит плоды.

— Хрен она приносит, а не плоды. — Золтан осушил мензурку. — Что касается белок, так старого пердуна вовсе не интересовала никакая верность людям. Просто слишком много юнцов бросало работу на рудниках и в кузницах, присоединялось к эльфам, чтобы найти в командах свободу и достойные мужчин приключения. Когда это выросло до размеров проблемы, Брувер Гоог зажал говнюков в железные клещи. Чихать ему на убиваемых ской'таэлями людей и плевать на репрессии, которым из-за этого подвергались краснолюды, в том числе и на ваши знаменитые погромы. Погромы ему вообще были и остаются до свечки, потому что осевших в городах краснолюдов он считает отщепенцами. А что касается угрозы в виде карательных экспедиций на Махакам, то не смешите меня, мои милые. Никакой угрозы не было и нет, потому что ни один из королей не осмелится тронуть Махакам даже пальцем. Я скажу больше: даже нильфгаардцы, если им удастся захватить окружающие массив долины, Махакам тронуть не посмеют. Знаете, почему? Так я вам скажу: Махакам — это сталь. И еще какая! Там есть уголь, там есть магнетитовые руды, неисчерпаемые запасы. А в других местах одна труха.

— И в Махакаме есть техника, — вставил Персиваль Шуттенбах. — Металлургия! Огромные печи, не какие-то засранные курные избы. Водяные и паровые молоты...

— На, Персиваль, перец длинноносый, глотни, — Золтан поддал гному в который раз наполненный сосуд, — а то доконаешь нас своей техникой. Все знают о технике. Но не все знают, что Махакам экспортирует сталь. В королевства. Но и в Нильфгаард тоже. А если нас кто пальцем тронет, мы уничтожим мастерские и затопим рудники. А тогда деритесь, люди, да только дубовыми палицами, кремнями и ослиными челюстями.

— Вроде бы такой злой был на Брувера Гоога и махакамские порядки, — заметил ведьмак, — и вдруг стал говорить «мы».

— Да! Верно! — запальчиво подтвердил краснолюд. — А разве не существует солидарность? А? Согласен, немного меня и гордость берет, что мы мудрее зазнаек эльфов. Надеюсь, возражать не станешь? Эльфы несколько сотен лет прикидывались, будто вас, людей, вообще нет. В небо посматривали, цветочки-василечки нюхали, а при виде людей отводили размалеванные глазки. А когда оказалось, что это ничего не дает, вдруг очухались и схватились за оружие. Решили убивать вас и дать повыбивать себя. А мы, краснолюды? Мы приспособились. Нет, мы не позволили себя подчинить, и не мечтайте. Это мы вас себе подчинили. Экономически.

— Правду говоря, — заметил Регис, — вам было приспособиться легче, чем эльфам. Эльфов объединяет земля, территория. Вас — клан. Где клан, там и родина. Если даже какой-нибудь совсем уж недальновидный король сдуру нападет на Махакам, вы затопите рудники и без сожаления пошлепаете куда-нибудь в другое место. В другие удаленные горы. Да хоть бы и в чело́вечи́и города.

— И верно! В ваших городах можно вполне прилично жить.

— Даже в гетто! — Лютик хватил воздуха после глотка дискллыта.

— А что плохого в гетто? Я предпочитаю жить среди своих. Зачем мне интеграция?

— Лишь бы нас в цехи пустили. — Персиваль утер нос рукавом.

— Когда-нибудь да допустят, — убежденно сказал краснолюд. — А нет, так станем портачить или оснуем собственные цехи, пусть создадут здоровую конкуренцию. Рынок — так рынок!

— А все-таки в Махакаме безопаснее, чем в городах, — заметил Регис. — Города могут в любой момент полыхнуть. Войну разумнее пересидеть в горах.

— Кто хочет, пусть идет туда. — Золтан зачерпнул из бадейки. — Мне милей свобода, а в Махакаме ею и не пахнет. Не представляет себе, как выглядит власть старика. Последнее время ему приспичило регулировать эти, ну, как их? О — общественные права и законы. К примеру: допустимо ли носить подтяжки или нет? Карпа есть сразу или погодить, пока заливное застынет? Соответствует ли игра на окарине нашей многовековой краснолюдской традиции или же это губительное влияние прогнившей и декадентствующей — во словцо-то, Регис, какое! — человеческой культуры. После скольких лет работы можно подать заявление на выделение постоянной жены. Которой рукой следует... подтираться. На каком расстоянии от рудника разрешается свистеть. И тому подобные проблемы жизненно важного значения. Нет, ребята, я не вернусь к горе Карбон. Нет у меня желания провести жизнь в рудничном забое. Сорок лет внизу, если раньше не бухнет метан. Но у нас другие планы, верно, Персиваль? Мы себе будущее уже обеспечили...

— Будущее, будущее... — Гном осушил мензурку, высморкался и взглянул на краснолюда уже немного затуманенными глазами. — Не говори гоп, Золтан. Нас еще могут схватить, и тогда наше будущее — петля. Или Дракенборг.

— Заткнись, — буркнул краснолюд, угрожающе взглянув на него. — Разболтался!

— Скополамин, — шепнул Регис.

Гном сочинительствовал. Мильва грустила. Золтан, забыв, что однажды все это уже рассказывал, повествовал о Гооге, старом грибе, старосте Махакама. Геральт, забыв, что однажды все это уже слышал, внимал. Регис тоже слушал и даже добавлял комментарии, совершенно не беспокоясь тем, что остался единственным трезвым в уже здорово подпитом обществе. Лютик бренчал на лютне и пел:

У гордых дам присловье есть:
Мол, трудно в дупла палкой влезть...

— Идиот, — заметила Мильва. Лютик не обиделся.

Да нет — всегда найдется тот,
чей сук в дуплишко путь найдет...

— Кубок... — бормотал Персиваль Шуттенбах, — чаша, значит... Из сплошного куска млечного опала вырезанная... Во-о-от такой величины. Я нашел на вершине горы Монсальват. По краю шла яшма, а основание из золота. Красотища...

— Крррва мать... — очнулся от дремы Фельдмаршал Дуб.

— Не давайте ему больше сивухи, — с трудом сказал Золтан Хивай, имея в виду явно не Фельдмаршала.

— Постой-постой, — проговорил Лютик, тоже не совсем внятно. — Так что случилось с тем легендарным кубком, в смысле чашей?

— На мула обменял. Нужен был мне мул, груз перевезти... Корунды и кристаллический уголь. Было у меня этого... Ээп... Целая куча... Ээп... Груз, значит, тяжелый, без мула никуда... На кой хрен был мне нужен этот кубок, в смысле чаша?

— Корунды? Уголь?

— Ну, по вашему рубины и алмазы. Очень... ээп... полезные...

— Я думаю!

— Для сверл и напильников. Для подшипников. Их у меня была... ээп... целая куча.

— Слышь, Геральт? — Золтан махнул рукой и, хотя сидел, чуть было не повалился на бок. — Мал, вот и набрался быстро. Куча алмазов ему снится. Эй, Персиваль, как бы сон-то твой не оправдался! Наполовину. На ту, которая без алмазов!

— Сны, сны, — снова забормотал Лютик. — А ты, Геральт? Тебе снова Цири снилась? Понимаешь, Регис, Геральт — мастер на пророческие сны! Цири — это Дитя-Неожиданность, Геральт связан с ней узами предназначения, потому видит ее в снах. Неплохо б тебе также знать, что мы в Нильфгаард идем, чтобы отнять нашу Цири у императора Эмгыра, который ее похитил. И не успеет Эмгыр оглянуться, как мы ее отобьем! Я бы сказал вам больше, парни, но это тайна. Секрет. Жуткая, глубокая и мрачная тайна... Никто не может об этом узнать, понятно? Ни-и-икто!

— Я ничего не слышал, — заверил Золтан, нахально глядя на ведьмака. — Не иначе как ухвертка заползла в ухо.

— Ох уж эти ухвертки, — согласился Регис, делая вид, будто ковыряет в ухе, — ну прямо-таки несчастье какое-то.

— В Нильфгаард топаем... — Лютик оперся о краснотюда, думая удержать равновесие, что оказалось крупной ошибкой. — Это, как я уже сказал, секретная тайна! Тайный секрет! Секретно-тайная цель!

— И по правде сказать, очень ловко спрятанная, — кивнул цирюльник, кинув взгляд на побледневшего от ярости Геральта. —

Судя по направлению вашего похода, даже самый подозрительный и прозорливый тип не догадается о цели движения.

— Мильва, что с тобой?

— Отстань от меня, пьяный дурак.

— Хе! Она плачет! Эй, гляньте-ка...

— Иди к черту, говорю! — Лучница отерла слезы. — Вот дам кулаком меж глаз, виршеплет затраханый... Давай стекляшку, Золтан...

— Подевалась куда-то... — пробормотал краснолюд. — О, есть. Спасибо, ци-цилюрьник... А где, мать его, Шуттенбах?

— Вышел. Какое-то время назад. Лютик, помнится, ты обещал рассказать историю про Дитя-Неожиданность...

— Шас, шас. Регис. Только глотну... Все расскажу... И о Цири, и о ведьмаке... В подробностях...

— На погибель сукинсынам!!!

— Тихо ты, краснолюдина! Дите перед халупой разбудишь!

— Не злись, лучница! На, выпей.

— Эээх! — Лютик обвел комнатку полудурным взглядом. — Если б меня сейчас увидела графиня де Леттенхоф...

— Кто-кто?

— Не важно. Холера, эта сивуха и верно язык развязывает... Геральт, тебе еще налить? Геральт!

— Отзынь от него, — сказала Мильва. — Пусть спит.

Стоящий на краю села овин исходил музыкой, музыка дошла до них еще прежде, чем они подъехали, и взбудоражила. Они начали невольно раскачиваться в седлах медленно ступающих лошадей, вначале следуя глухому ритму барабана и басетлей, потом, когда подъехали ближе, в такт мелодии, которую пели пишалки и гусли. Ночь была холодная, в свете полной луны овин с прорывающимися сквозь щели в досках проблесками казался сказочным, волшебным замком.

Из ворот овина вырывался гул и свет, мерцающий от теней пляшущих пар.

Стоило им войти, как музыка оборвалась, расплылась протяжным, фальшивым аккордом. Расплясавшиеся и потные кметы расступились, освобождали глинобитный пол, собрались вдоль стен и подпирающих крышу столбов. Цири, шедшая рядом с Мистле, видела расширенные от страха глаза девушек, замечала твердые, решительные взгляды мужчин и парней, готовых на все. Слышала усиливающийся шепот и гул, перебивающий сдержанное гудение дудок, мушиное пиликанье скрипок и гуслей. Шепот. Крысы... Крысы... Разбойники.

— Не пугайтесь, — громко сказал Гиселер, бросая онемевшим музыкантам плотно набитый позвякивающий мешочек. — Мы приехали повеселиться. Ведь гулянье для всех, разве нет?

— Где ваше пиво? — тряхнул мешочком Кайлей. — И где ваше гостеприимство?

— И почему здесь так тихо? — обвела помещение взглядом Искра. — Мы ехали с гор на гулянье. Не на тризну!

Кто-то из кметов наконец переборол страх, подошел к Гиселеру с пенящимся глиняным кувшином. Гиселер принял с поклоном, выпил и по обычаю любезно поблагодарил. Несколько парней крикнули, мол, давайте плясать. Но остальные молчали.

— Эй, кумовья! — снова закричала Искра. — Плясать хочу, да, похоже, для начала надо вас растормошить!

У стены овина стоял тяжелый стол, уставленный глиняной посудой. Эльфка хлопнула в ладони, ловко запрыгнула на дубовую столешницу. Кметы поспешно пособирали посуду, а ту, которую убрать не успели, Искра сбросила широким пинком.

— Ну, господа музыканты... — подбоченилась она, тряхнув волосами. — Покажите, на что способны! Музыка!

Она быстро отбила каблуками ритм. Повторил барабан, подхватили басетля и свирель. Вступили дудка и гусли, усложняя, призывая Искру сменить шаг и ритм. Эльфка, яркая и легкая, как бабочка, легко подстроилась, заплясала. Кметы принялись хлопать в ладоши.

— Фалька! — крикнула Искра, шуря удлинённые броским макием глаза. — С мечом-то ты ловкая! А в пляске? Поддержишь?

Цири сбросила с плеча руку Мистле, отвязала с шеи платочек, сняла берет и курточку. Одним прыжком оказалась на столе рядом с эльфкой. Кметы подбодрили криком, барабан и басетля загудели, стонуще запели дудки.

— А ну, музыканты! — вскрикнула Искра. — Вовсю! И быстрее!

Уперев руки в бока и резко откинув волосы, эльфка задрбила ногами, заплясала, отбила каблуками быстрое, ритмичное стаккато. Цири, захваченная ритмом, повторила ее движения. Эльфка рассмеялась, подпрыгнула, сменила ритм. Цири резким движением головы стряхнула со лба волосы, повторила точно один к одному. Обе заплясали синхронно, одна — зеркальное отражение другой. Кметы оралы, подбадривали. Гусли и скрипки взвились высоким пением, разрывая в клочья размеренное гудение басетлей и стон дудок.

Они плясали, выпрямившись тростинками, касаясь друг друга локтями упирающихся в бедра рук. Подковки каблуков отбивали ритм, стол трясся и гудел, в свете сальных свечей и факелов клубилась пыль.

— Шибчей! — подгоняла музыкантов Искра. — А ну, жизни! Жизни!

Это была уже не музыка, это было безумие!

— Пляши, Фалька! Забудь обо всем! Про все! Про всех!

Каблук, мысок, каблук, мысок, каблук, шаг и прыжок, движение плеча, кулаки в бока, каблук, мысок. Стол трясется, свет качается, колеблется толпа, все колеблется, весь овин пляшет, пляшет, пляшет... Толпа орет. Гиселер орет. Ассе орет. Мистле хохочет, хлопает, все хлопают и топают, дрожит овин, дрожит земля, дрожит мир! Мир?

Какой мир? Нет никакого мира, нет ничего, есть только пляска, пляска... Каблук, мысок, каблук... Локоть Искры... Горячка, горячка... Уже только ржут скрипки, свирели, басетли и дудки, барабанщик только поднимает и опускает палочки, он больше не нужен, такт отбивают они, Искра и Цири, их каблуки, так что гудит и раскачивается стол, гудит и раскачивается весь овин... Ритм, ритм. Ритм в них, музыка в них, музыка — они сами! Темные волосы Искры пляшут надо лбом и на плечах. Струны гуслей надрываются лихорадочным, огненным, взрывающимся до самых высот пением. Кровь бьется в висках.

Исступление! Забвение!

«Я — Фалька! Я всегда была Фалькой! Пляши, Искра! Хлопай, Мистле!» Скрипки и дудки обрывают мелодию резким, высоким аккордом, Искра и Цири заканчивают пляску одновременно барабанной дробью каблуков, не отрывая друг от друга локтей. Дышат обе, распаленные, мокрые, вдруг прижимаются одна к другой, обнимают, обдают друг друга потом, жаром и счастьем. Сарай взрывается единым криком, заполняется громом рукоплесканий.

— Фалька, ты дьяволица! — тяжело дышит Искра. — Когда нам надоест разбойничать, пойдем в мир зарабатывать на жизнь плясками...

Цири тоже дышит тяжело, неровно. Не может произнести ни слова. Только судорожно смеется. По щекам текут слезы.

В толпе вдруг раздается крик, возникает суматоха. Кайлей сильно толкает могучего кмета, кмет толкает Кайлея, они схватываются, мелькают поднятые кулаки. Подскакивает Рееф, при свете факелов вспыхивает кинжал.

— Нет! Стоять! — пронзительно кричит Искра. — Никаких драк. Это ночь плясок!

Эльфка берет Цири за руку, обе соскакивают на пол.

— Музыканты, играть! Кому не терпится показать свое умение? Давайте с нами! Ну, кто смел?

Монотонно гудит басетля, в гул врывается протяжный стон дудок, потом высокое пение гуслей. Кметы хохочут, тыркают друг друга кулаками, перебарывают страх и смущение. Один, широкоплечий и светловолосый, хватает Искру. Другой, помоложе и постройнее, неуверенно кланяется Цири. Цири гордо вскидывает голову, но тут же улыбается. Паренек обнимает руками ее талию, Цири кладет свои руки ему на плечи. Прикосновение пронзает ее огненной стрелой, заполняет пульсирующим желанием.

— Живее, музыканты! Живее!

Овин дрожит от крика, вибрирует ритмом и мелодией.

Цири пляшет.

ВАМПИР, или упырь, умерший человек, оживленный Хаосом. Утратив первую жизнь, В. проживает вторую ночной порой. Выходит из могилы при свете луны и перемещаться может только вослед за ее лучами; нападает на спящих девиц либо парней, кровь сладкую коих, не разбудив оных, сосет.

«Physiologus»

Кметы чеснок в превеликом множестве поедали, а большей верности ради ожерелья чесночные на шеи повешали. Некоторые, особливо девушки, целные головки чеснока запихивали себе куда только можно. Все село преужасающе чесночным духом воняло, кметы мыслили, будто в безопасности обретаются и теперь уже ничего им упырь учинить не сумеет. Како же велико было изумление, когда упырь, в полночь налетевши, вовсе не испугался, а токмо хохотать почал, зубьями от веселия скрежеща и насмехаясь. «Славно, — кричал, — что вы сразу же нашипговались, потому как теперича я вас жрать стану, а заправленное мясо больше мне на вкус приходится. Посолитесь еще и поперчитесь, да и о горчице не позабудьте».

Сильвестр Бугиардо. «Liber
Tenebrarum, или книга
Страшных, но Истинных
Случаев, Наукою никогда
не Экспликованных»

*Светит месяц, светит ясный...
Глянь, мертвяк летит ужасный...
Подвывает крепко...
Не боишься, девка?*

Народная песенка

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Птицы, как всегда, опередили восход солнца, разбудив серую, туманную предрассветную тишь своим гомоном, и, как всегда, первыми в путь собрались молчаливые женщины из Кернова с детьми. Таким же быстрым и энергичным оказался цирюльник Эмиель Регис, присоединившийся к компании с дорожным посохом и кожаной торбой на спине. Остальная часть группы, которая ночью активно дегустировала дистиллят, не была столь прыткой. Утренний холод поднял ночных кутил, однако не сумел полностью свести на нет эффекты мандрагорового зелья. Геральт очнулся в углу домишки. Голова его лежала на подоле у Мильвы. Золтан и Лютик, обнявшись, храпели на куче поскриповых клубней так, что раскачивались висающие на стенах пучки трав. Персиваль отыскился за халупой, свернувшийся в клубок под кустом черемухи и накрытый соломенной рогожкой, которой Регис пользовался, чтобы вытирать ботинки.

Все пятеро являли миру очевидные, хоть и дифференцированные признаки утомления и последствий регисового пойла. Признаки эти они пытались изгнать, интенсивно утоляя жажду в ручье.

Однако когда туман рассеялся и лучи кроваво-красного солнца пробились сквозь кроны сосен и лиственниц Фэн Карна, группа была уже в пути, резво двигаясь среди курганов, дольменов и надгробий иной формы. Вел Регис, за ним следовали Персиваль и Лютик, подбадривавшие друг друга тем, что в два голоса пели балладу о железном волке и трех сестрах. За ними топал Золтан Хивай, тянувший за поводья вороного жеребца. Во владениях цирюльника краснолюд нашел суковатую ясеневую палку и теперь колотил ею по менгирам, мимо которых проходил, желая при этом давно преставившимся эльфам вечного отдохновения, а сидящий у него на плече Фельдмаршал Дуб топорилил перья и время от

.

времени неохотно, малопонятно и как-то неубедительно поскрипывал.

Самой податливой на действие дистиллята оказалась Мильва. Она шла с явным трудом, вспотевшая, бледная, злая как оса, и даже не отвечала на щебетание девочки с косичками, которую везла на седле своего воронка. Геральт не пытался заводить разговора, да и у него настроение тоже было не из лучших.

Туман, а также излагаемые громкими, но несколько испитыми голосами перипетии железного волка и трех сестер привели к тому, что на группу кметов они наткнулись неожиданно. Кметы же слышали их уже издали и не шевелясь ждали меж врытых в землю монолитов, а серые сермяги служили им прекрасной маскировкой. Еще немного, и Золтан Хивай угостил бы одного из них палкой, приняв за надгробный камень.

— Огогого! — крикнул он. — Простите, люди! Не заметил. День добрый. Приветствую!

Десяток кметов нестройным хором пробурчали что-то в ответ, утрюмо посматривая на компанию. В руках они держали лопаты, кирки и саженой длины заостренные жерди.

— Приветствую, — повторил краснолюд. — Как я понимаю, вы из лагеря на Хотле. Попал?

Вместо ответа один из кметов указал на коня Мильвы.

— Вороной. Видите?

— Вороной, — повторил другой и облизнулся. — Точно, вороной. В сам раз будет.

— Э? — Золтан заметил движение и взгляды. — Ну вороной. И что? Конь ведь, не жирафа какая, чего глазеть-то на него?

— А вы чего тут делаете, кумовья, на кладбище на этом? — Кмет окинул компанию неприязненным взглядом.

— А вот выкупили эту территорию. — Краснолюд взглянул ему прямо в глаза и стукнул палкой по менгиру. — И меряем шагами*, не обьегорили ли нас случаем на акрах.

— А мы тут вомпера ловим!

— Кого?

— Вомпера, — отчетливо повторил старший из кметов, почесывая лоб под заскорузнувшим от грязи колпаком. — Гдей-то тут лежбище себе учинил, сукин сын. Осиновых кольев настругали, отышшем окаянного, продырявим, чтоб уж не встал!

— И вода святая у нас в двойчатках есть, которую нам блаженный жрец уделил! — бодро крикнул другой кмет, демонстрируя горшки. — Издырявим кровопивца, чтоб на веки веков исчезнул!

— Ха-ха, — сказал Золтан Хивай. — Охота, вижу, на всю ширь идет и продумана в подробностях. Вампир, говорите? Ну, считайте, повезло вам, добрые люди. У нас специалист по вампирам имеется, ведь...

* Шаг — старинная мера длины, равная 0,81 м.

Он осекся и выругался про себя, поскольку ведьмак крепко саданул его сапогом по щиколотке.

— Кто вампира видел? — спросил Геральт, взглядом велев спутникам молчать. — Откуда знаете, что его надо искать именно здесь?

Кметы пошептались.

— А никто его не видал, — признался наконец тот, что был в фетровом колпаке. — И не слышал. А как же его увидеть, ежели он по ночам летает, во тьмах? А как же его услышать, коли он на нетопыриных крыльях полошшит, без шуму и шороху?

— Вомпера-то мы не видали, — добавил другой. — Но следы евонного страшного дела были. С того дня, как месяц в полною взошел, упырище каждую ночь кого-нито из наших пришибает. Двох уже разодрал. Бабу одну и отрока единого. Ужас и тревога! На куски вомпер несчастливцев разодрал, всю кровь из них высосал! Так чего ж таперича — в бездействии третью ночь ждать?

— Кто сказал, что всему виной вампир, а не другой хищник? Кто придумал по могильникам рыскать?

— Блаженный жрец сказал. Ученый и набожный человек, счастье, что в наш лагерь забрел. Враз угадал, что на нас вомпер нападает. Кара это за то, что мы молитвы забросили и приношения не делаем. Он ныне в лагере молитвы возносит игзорсизмы всякие, а нам велел поискать могилу, в которой мертвяк дневает.

— Именно здесь?

— А где ж еще могилу вомперью искать, ежели не на жалнике? Это ведь эльфов жалник, кажное дите знает, что эльфы — раса поганая и безбожная, каждый второй эльф опосля смерти адовым отродьем становится! Вся зараза через эльфов!

— И брдобреев! — серьезно кивнул Золтан. — Истинная правда. Каждое дите знает. Далеко лагерь-то, о котором речь шла?

— Э, недалеко...

— Да не говорите вы им много-то, отец Овсивуй! — буркнул заросший щетиной кмет с волосами до бровей, тот, который уже раньше проявил враждебность. — Черт их знает, кто такея, какая-то подозрительная шайка. А ну, за дело. Пушай коня дают, а опосля идут в свою сторону.

— Святая правда, — сказал старший кмет. — Надыть дело кончать, потому как время не ждет. Давайте коня. Того, вороного. Нужон нам, чтобы вомпера отыскать. Сыми, девка, дите с седла.

Мильва, которая все время равнодушно плялилась на небо, взглянула на кмета, и черты лица у нее опасно обострились.

— Ты мне, что ли, говоришь, кметок?

— Тебе-тебе. Давай воронка, нужон он нам.

Мильва потеряла вспотевшую шею и стиснула зубы, а ее усталые глаза приобрели совершенно волчье выражение.

— В чем дело, люди, — улыбнулся ведьмак, пытаясь разрядить обстановку. — Зачем вам конь, которого вы так любезно просите?

— А как же нам иначе-то могилу упыря отыскать? Известно ж, надыть на вороном жеребце жальник объехать, а у которой могилы жеребец пристанет и не даст себя стронуть, там вомпер и зарыт. Тады надыть его выкопать и осиновым колом прошить. Не противьтесь, потому как нам все едино, что в лоб, что по лбу. Должны мы того воронка получить!

— А другая масть, — дружелюбно спросил Лютик, протягивая кмету вожжи Пегаса, — не подойдет?

— Никак.

— Ну, значит, не повезло вам, — прошипела сквозь стиснутые зубы Мильва. — Я коня не отдам.

— Это как же так, не дашь? Не слыхала, что я сказал, девка? Нам надыть!

— Вам — да. А мне, стало быть, нет?

— Предлагаю полюбовное решение, — мягко проговорил Регис. — Как я понимаю, госпожу Мильву дрожь пробирает при одной мысли, что можно отдать лошадь в чужие руки...

— Точно, — зло сплюнула лучница. — При одной мысли трясет...

— Ну, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, — спокойно продолжал цирюльник, — пусть госпожа Мильва сама сядет на воронка и совершит столь якобы необходимый объезд некрополя.

— Не стану я, будто дура какая, по кладбищу рыскать.

— Да тебя никто и не просит, девка! — крикнул мужик с волосами до бровей. — На то нужен парень, хват, а бабе на кухне при горшках сидеть след. Конешно, девка позжей может сгодиться, потому как супротив упыря, говорят, шибко пользительны девичьи слезы. Ежели вомпера окропить имя, сгорит, ровно головня. Токмо слезы должна чистая и не тронутая еще молодка пролить. Что-то не видится мне, чтобы тебя не трогали, женчина. Стал-быть, ты тут ни до чего не нужная.

Мильва быстро сделала шаг вперед и неуловимым движением выбросила правый кулак. Голова кмета отлетела назад — заросшая шея и подбородок оказались прекрасной мишенью. Девушка шагнула еще и саданула ребром раскрытой ладони, усилив удар за счет разворота бедер и плеч. Кмет попятился, запутался в собственных лаптях и повалился на менгир. Удар затылком был хорошо слышен.

— Теперь видишь, на что я гожусь, — сказала дрожащим от бешенства голосом лучница, растирая кулак. — Кто из нас хват, а кому в руки ухват? Ничего нет вернее кулачного боя. После него все становится ясно. Кто молодец и хват, тот на ногах стоит, кто дурень и слабак, тот на земле лежит. Я верно говорю, кметы?

Крестьяне не торопились подтверждать, а, раскрыв рты, палились на Мильву. Тот, что в фетровом колпаке, опустил перед длинноволосым на колени и легонько пошлепал его по щекам. Впустую.

— Убит, — ахнул он, поднимая голову. — Насмерть. Как же так, девка? Как же так — взять да человека убить?

— Я не хотела, — шепнула Мильва, опуская руки и бледнея от ужаса. А потом сделала то, чего от нее никто и ожидать не мог.

Отвернувшись, покачнувшись, оперлась лбом о менгир, и ее бурно вырвало.

— Что с ним?

— Легкое сотрясение мозга, — ответил Регис, вставая и застегивая торбу. — Череп цел. Он уже пришел в себя. Помнит, что случилось, помнит, как его зовут. Это хорошо. Бурная реакция госпожи Мильвы была, к счастью, безосновательна.

Ведьмак взглянул на лучницу, сидевшую неподалеку у камня и уставившуюся вдаль.

— Это не кисейная барышня, чтобы реагировать так бурно, — буркнул он. — Вину тому я приписал бы скорее вчерашнему самогону с «белладонной».

— Ее уже и раньше рвало, — тихо заметил Золтан. — Позавчера, на ранней заре. Все еще спали. Я думаю, это из-за грибов, которые мы жрали в Турлуге. У меня тоже живот два дня болел.

Регис странно глянул на ведьмака из-под седеющих бровей, загадочно улыбнулся и закутался в черный шерстяной плащ. Геральт подошел к Мильве.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отвратно. Что с кметком?

— Ничего страшного. Пришел в себя. Однако Регис запретил ему вставать. Крестьяне сооружают люльку, отвезем его в лагерь между двумя лошадьми.

— Возьмите моего вороного.

— Мы взяли гнедого и Пегаса. Они помягче. Вставай, пора в путь.

Теперь выросшая количественно группа напоминала похоронную процессию и тащилась в столь же похоронном темпе.

— Что скажешь об их вампире? — спросил ведьмака Золтан Хивай. — Веришь в эту историю?

— Я не видел убитых. Ничего сказать не могу.

— Явная липа, — убежденно заметил Лютик. — Кметы говорят, что убитые были разорваны. Вампиры не разрывают. Прокусывают артерию и выпивают кровь, оставив два четких отпечатка клыков. Очень часто жертва выживает. Я читал об этом в специальной книге. Были там и гравюры, изображающие следы вампирьих укусов на лебяжьих выях девушек. Подтверди, Геральт.

— А что подтверждать? Я не видел таких гравюр. Да и в девушках плохо разбираюсь. С лебяжьими выями.

— Не ехидничай. Следы вампирьих укусов должен был встречать не раз и не два. Тебе когда-нибудь доводилось видеть, чтобы вампир раздирали жертву в клочья?

— Чего нет, того нет.

— В случае высших вампиров — никогда, — тихо сказал Эмиль Регис. — Из того, что мне известно, таким ужасным образом людей не калечат ни альп, ни катакан, ни муля, ни брукса, ни носферат. А вот фледер и экимма очень грубо обходятся с жертвами.

— Браво! — Геральт взглянул на него с искренним восхищением. — Ты не упустил ни одного вида вампиров. И не назвал ни одного мифического, существующего только в сказках. Да уж — знания поразительные. Следовательно, ты не можешь не знать, что экиммы и фледеры в нашем климатическом поясе не встречаются.

— Тогда что же? — фыркнул Золтан, размахивая ясеновой палкой. — Кто же тогда в нашем поясе разорвал ту бабу и парня? Сами, что ли, себя в приступе отчаяния разорвали?

— Перечень существ, которым можно приписать такой поступок, достаточно велик. Открывает его стая одичавших собак. нередкое несчастье военных лет. Вы не представляете себе, на что способны такие псы. Половину жертв, приписываемых чудовищам Хаоса, в действительности следует отнести на счет одичавших дворняг.

— Значит, чудовищ ты исключаешь?

— Отнюдь. Это могла быть стрыга, гарпия, гравейр, гуль...

— Не вампир?

— Скорее всего нет.

— Кметы упоминали какого-то жреца, — напомнил Персиваль Шуттенбах. — Как думаете, жрецы разбираются в вампирах?

— Некоторые разбираются во многом, к тому же неплохо, их мнение, как правило, стоит выслушать. К сожалению, это относится не ко всем.

— Особенно не к тем, которые валандаются по лесам с беженцами, — фыркнул краснолюд. — Скорее всего это какой-то отшельник, темный пустынный из глухомани. Направил кметскую экспедицию на твоё кладбище, Регис. Собирая мандрагору при лунном свете, ты никогда не замечал там какого-нибудь вампира? Даже малюсенького? Крохотного?

— Никогда, — усмехнулся цирюльник. — И ничего странного. Вампир, как вы только что слышали, летает во тьме на нетопыринных крыльях без шума и шороха. Его легко прозевать.

— И легко увидеть там, где никогда не было и нет, — подтвердил Геральт. — В молодости я не раз тратил втуне время и энергию, гоняясь за привидениями и плодами предрассудков, которых видела и красочно описывала вся деревня с солтысом во главе. А

однажды я два месяца просидел в замке, который якобы облюбовал себе вампир. Вампира не было. Но кормили отменно. Первое, второе и... компот.

— Однако у тебя, несомненно, бывали случаи, когда слухи о вампирах имели под собой почву, — сказал Регис, не глядя на ведьмака. — Тогда, думается, время и энергия не пропадали втуне. Чудовище погибло от твоего меча?

— Случалось.

— Так или иначе, — сказал Золтан, — кметам повезло. Я думаю подождать у них в лагере Мунро Бруйса и парней, да и нам отдых не повредит. Кто бы ни пришиб бабу и парня, ему не позавидуешь, если в лагере будет ведьмак.

— Ну, коли уж об этом речь, — стиснул зубы Геральт, — то убедительно прошу не болтать, кто я такой и как меня зовут. В первую очередь это касается тебя, Лютик.

— Воля твоя, — кивнул краснолюд. — Наверно, у тебя есть к тому причины. Хорошо, что вовремя нас упредил, потому как лагерь уже видно.

— И слышно, — подтвердила Мильва, прервав долгое молчание. — Шуму-то, шуму — страсть!

— Мы слышим; — сделал мудрую мину Лютик, — обычную симфонию лагеря беженцев. Как всегда, расписанную на несколько сотен человеческих глоток, не меньшее количество мычащих коров, блеющих овец и гогочущих гусей. Сольные партии в исполнении скандалящих баб, дерущихся детей, поющего петуха, а также, если не ошибаюсь, осла, которому сунули репей под хвост. Симфония называется: «Человеческое сборище в борьбе за выживание».

— Симфония, — заметил Регис, шевеля крылышками породистого носа, — как всегда, одоро-акустическая. От борющегося за выживание человечества несет изумительным ароматом вареной капусты, блюда, без которого, видимо, долго продержаться невозможно. Характерный ароматический привкус создают также эффекты удовлетворения физиологических потребностей, справляемых где попало, чаще же всего по периметру лагеря. Никогда не мог понять, почему борьба за выживание воплощается в нежелании копать выгребную яму.

— Порази вас дьявол с вашей болтовней, — занервничала Мильва. — Полсотни пустых слов, когда хватило бы трех: воняет капустой и говном.

— Капуста и говно всегда идут в паре, — сентенциозно изрек Персиваль Шуттенбах. — Одно приводит в движение другое. Перпетуум мобиле.

Стоило им вступить в шумный и вонючий лагерь между кострами, телегами и шалашами, как они незамедлительно оказались в центре внимания всех собравшихся беженцев, которых было ни-

как не меньше, а то и больше двух сотен. Интерес этот быстро и почти невероятно возрос: неожиданно кто-то крикнул, неожиданно кто-то завыл, неожиданно кто-то кинулся кому-то на шею, кто-то принялся дико хохотать, а кто-то столь же дико рыдать. Возникло сильнейшее замешательство. Из какофонии мужских, женских и детских выкриков трудно было вначале понять, в чем дело, но наконец все объяснилось. Ушедших с ними женщин из Кернова отыскиались в лагере муж и брат, которых те уже считали погибшими либо пропавшими без вести в военной заварухе. Радости и слезам не было конца.

— Такая банальная мелодрама, — убежденно сказал Лютик, указывая пальцем на трогательную сцену, — может случиться только в реальной жизни. Попробуйся я таким манером закончить одну из своих баллад, меня б подняли на смех.

— Несомненно, — подтвердил Золтан. — Однако такая мелодраматическая банальность радует. На сердце легчает, когда видишь, что судьба кому-то дарит, а не отнимает. Ну — бабы с возу... Вел, вел, аж наконец довел. Пошли, нечего стоять.

Ведьмак хотел было предложить немного повременить, надеясь, что какая-нибудь из женщин сочтет нужным хотя бы словом поблагодарить краснолюда. Но тут же раздумал, видя, что его надеждам не суждено оправдаться. Обрадованные встречей женщины вообще забыли об их существовании.

— Чего стоишь? — быстро глянул на него Золтан. — Ждешь, когда тебя цветами обсыпят? Медком помажут? Собираемся, нечего нам тут делать.

— Ты прав.

Далеко они не ушли. Их остановил тоненький голосок веснушчатой девочки с косичками. В руке у нее был большой букет полевых цветов.

— Спасибо вам, — задыхаясь от быстрого бега, пропищала она, — что вы охраняли меня, и братика, и маму. Что были добрые к нам и вообще. Я нарвала вам цветочков.

— Спасибо, — сказал Золтан Хивай.

— Вы добрые, — добавила девчушка, прикусив кончик косички. — Я ни капельки не верю тому, что говорит моя тетка. Вы совсем-совсем никакие не паршивые подземные карлы. Ты, дяденька, не седой выродок из ада, а ты, дядя Лютик, вовсе никакой не кичливый индюк. Неправду она говорила, моя тетка. А ты, тетя Мильва, вовсе никакая не разбойница с луком, а тетя Мария, и я тебя люблю. Тебе я нарвала самых красивых цветочков.

— Спасибо, — сказала Мильва чуть-чуть изменившимся голосом.

— От всех нас спасибо, — добавил Золтан. — Эй, Персиваль, паршивый подземный карл, дай-ка ребенку что-нибудь на проща-

ние. Не заваялся ли у тебя в кармане какой-нибудь ненужный камень?

— Заваялся. Держи, мазеличка. Это алюмосиликат бериллия, популярно называемый...

— Изумрудом, — закончил краснолюд. — Не забивай ребенку голову, все равно не запомнит.

— Ой, какой красивый! Зелененький! Спасибо! Большое-пре-большое!

— Играй на здоровье.

— И не потеряй, — буркнул «кичливый индюк» Лютик. — За этот камушек можно купить небольшую усадьбу.

— А, брось. — Золтан приладил к колпаку полученные от девочки васильки. — Камень как камень, о чем говорить. Бывай здорова, малявка. А мы пойдем, присядем где-нибудь у брода, подождем Бруйса, Язона и других. Они вот-вот должны быть. Странно, что их так долго не видать. Забыл, дубом меня хрясть, отобрать у них карты. Спорю, сидят где-нибудь и режутся в гвинт!

— Коней надо накормить, — сказала Мильва. — И напоить. Пошли к реке.

— Может, и для нас найдется какая-никакая теплая еда, — добавил Лютик. — Персиваль, пошукай в лагере, воспользуйся своим носярой на пользу народу. Подсядем там, где вкуснее готовят.

К их легкому удивлению, доступ к реке охранялся. Стережущие водопой мужики потребовали по грошу за коня. Мильва и Золтан взъярились не на шутку, но Геральт, не желая скандала и связанного с ним шума, успокоил их, а Лютик выложил найденные на дне кармана монеты.

Вскоре обнаружился Персиваль Шуттенбах, злой и грустный.

— Нашел поесть?

Гном высморкался и вытер пальцы о шерсть проходившей мимо овцы.

— Нашел, только не знаю, хватит ли нас на нее. Здесь за все требуют деньги, а цена — хошь стой, хошь падай! Мука и крупы — крона за фунт. Тарелка жидкого супа — два нобиля. Котелок пойманных в Хотле выюнов стоит столько, сколько в Диллингене фунт вяленого лосося...

— А фураж?

— Талер за мерку овса.

— Сколько-сколько? — взорвался краснолюд. — Сколько?

— Сколь-сколь, — буркнула Мильва. — Лошадей спроси, сколь. Падут, если заставим траву щипать! Впрочем, здесь и травы-то нет.

Против очевидных фактов не попрешь. Не помогла и бурная торговля с владельцем овса. Парень отобрал у Лютика остатки денег, получил несколько ругательств от Золтана, впрочем, ни-сколько не обидевшись. А кони охотно сунули морды в мешки с кормом.

— Чертовы обдиралы! — верещал краснолюд, разряжая злость ударами палки по колесам телег, мимо которых проходил. — Как они еще дышать позволяют задарма, не требуют полгрошика за вдох. Или пятак за... кучу!

— Высшие физиологические потребности, — вполне серьезно заметил Регис, — таксированы соответственно. Видите натянутую на жерди палатку? И мужика, что стоит рядом? Он торгует прелестями собственной дочери. Цена — договорная. Я только что видел, как он принял курицу.

— Хреновое же у вас будущее, люди, — утрюмо бросил Золтан Хивай. — Каждое разумное творение на этом свете, попав в беду, нужду и несчастье, присоединяется к собратьям, потому что вместе легче переждать худое время. Один другому помогает. А у вас, людей, каждый только и знает, как бы на чужой беде нажиться. В голод пищей не поделится, пожирает тех, кто послабее. Такое поведение объяснимо у волков, ибо дает выжить самым здоровым и сильным. Но у разумных рас такая селекция обычно позволяет выжить и командовать другими самым большим подлецам. Выводы и прогнозы сделайте сами.

Лютик резко возразил, приведя известные ему примеры еще большей обдираловки и торгашества среди краснолюдов, но Золтан и Персиваль заглушили его, одновременно проиграв на губах протяжные звуки, имитирующие пускание ветров, что у обеих разумных рас выражало пренебрежение к аргументам оппонента. Конец начавшейся было ссоре положило неожиданное появление группы кметов, предводительствуемых уже знакомым по охоте на вампиров стариканом в фетровом колпаке.

— Мы касательно Лаптя, — сказал один из кметов.

— Не покупаем, — в унисон буркнули краснолюд и гном.

— Энтот тот, которому башку пробили, — быстро пояснил другой кмет, — мы его женить замышляли.

— Не возражаю, — зло сказал Золтан. — Всего ему наилучшего на новом жизненном пути. Желаю здоровья, счастья, успехов в делах и личной жизни.

— И множества маленьких Лаптят, — добавил Лютик.

— Ну-ну, милсдари, — сказал кмет. — Вам бы все хиханьки да хаханьки, а как нам его таперича женить-то? Ежели он опосля того, как вы ему в умишко долбанули, вовсе дурной стал, дня от ночи не отличает?

— Ну, не так уж все паршиво, — буркнула Мильва, глядя в землю. — Мнится мне, ему уж полегчало. Гораздо лучше, чем с самого с ранья.

— Не знаю я, какой Лапоть с самого с ранья был, — возразил кмет, — а только видел, как стоял он перед оглоблей, торчком торчавшей, и втолковывал той оглобле, какая она красна девка. Э, чего тут болтать, скажу коротко: гоните штрах за убивство.

— Чего-чего?

— Кады лыцарь кмета прибьет, должен штраф платить. Так в законе сказано.

— Я не рыцарь! — рявкнула Мильва.

— Это во-первых, — поддакнул Лютик. — Во-вторых, это был несчастный случай. В-третьих, Лапоть жив, значит, не может быть и речи о штрафе за убийство. Самое большее — о компенсации, то есть возмещении ущерба. А в-четвертых, у нас нет денег.

— Тады отдавайте конев.

— А ху-ху не хо-хо? — Глаза Мильвы зловеще прищурились. — Да ты, похоже, вконец сбрендил, кметок! Гляди не переусердствуй.

— Крррва мать! — заскрежетал Фельдмаршал Дуб.

— Вот, прямо в самое суть попала птица, — протяжно сказал Золтан Хивай, похлопывая по засунутому за пояс топорiku. — Чтоб вы знали, мужики, у меня тоже не самое лучшее мнение о матерях тех типов, у которых только и мыслей, как заработать, пусть даже на раздолбанной башке сородича. Двигайте отсюда, люди. Если увидите немедленно, обещаю — гнаться не стану.

— Не хотите платить, дык пусть вас вышние власти рассудят.

Краснолюд скрипнул зубами и уже потянулся к топорiku, но Геральт схватил его за локоть.

— Спокойно. Так ты намерен разрешить проблему? Укокошить их?

— Почему сразу уж — укокошить? Достаточно порядком покалечить.

— Хватит, черт побери, — прошипел ведьмак, потом обратился к кмету: — Кто у вас тут вышняя власть, о которой ты говорил?

— Староста наш лагерный, Эктор Ляабс, солтыс из пожженной Брэзы.

— Ведите к нему. Как-нибудь договоримся.

— Он таперича занятый, — сказал кмет. — Суд над чаровницей чинит. Вуна, видите, какая тамотки толпишша, возле клена. Ведьму схватили, котора с вомпером в сговоре была.

— Снова вампир, — развел руками Лютик. — Слышите? Они опять за свое. Если не могилы раскапывать, так чародеек ловить, соучастниц вампирьих. Люди, а может, вместо того чтобы орать, сеять и урожай собирать, вам сподручней было б ведьмаками стать?

— Вам бы токмо, говорю, шутковать, — сказал кмет. — Да смефуечки-смефуйки разводить! Жрец тута есть, а жрец — он выше ведьмака будет. Повернее. Жрец сказал, что вомпер завсегда на пару с чаровницей свои дела обделывает. Чаровница призывает упыря и жертвы ему указывает, а всем глаза морочит, чтоб, значит, не видели ничего.

— И оказалось, что оно всамделе так и есть, — добавил второй. — Промеж собой ведьму-предательницу вырастили. На своей груди. Но жрец ее чары распознал, и таперича мы ее спалим.

— А как же иначе, — проворчал ведьмак. — Ну что, глянем на этот ваш суд. И поговорим со старостой о несчастье, приключившемся с дурным Лаптем. Подумаем о подходящем решении. Правда, Персиваль? Ручаюсь, в одном из твоих карманов отыщется еще какой-нибудь завалящий камушек. Ведите, люди.

Процессия двинулась к раскидистому клену, под которым, и верно, черно было от возбужденных людей. Ведьмак, немного потоптавшись, попытался заговорить с одним из кметов, у которого физиономия казалась более или менее приличной.

— Что за чародейка? Действительно занимается магией?

— Эх, господин, — буркнул тот. — Не знаю я ничего. Приблудная энто девка, чужая. По-моему, малость умом тронутая. Взрослая, а все с детишками малыми играла, и сама как дите, ее спросишь, а она в ответ ни бе ни ме. Но я ничего не знаю. Навроде все говорят, что она с вомпером того, ну, трахивалась и волшебствовала.

— Все, кроме нее самой, — тихо бросил шедший рядом с ведьмаком Регис. — А когда ее об этом спрашивают, она в ответ ни бе ни ме. Так я думаю.

На более детальные рассуждения времени не хватило, потому что они уже подошли к клену. Толпа пропустила их, правда, не без помощи Золтана и его ясеневое дрына.

К обрешетке нагруженного мешками воза была привязана девушка лет шестнадцати, руки у нее были широко раскиданы. Девушка едва касалась земли пальцами ног. В тот момент, когда они подошли, с ее худых плеч сдирали рубашку, на что связанная прореагировала вращением глаз и глуповатой смесью хихиканья и плача.

Рядом был разожжен костер. Кто-то заботливо раздувал уголья, кто-то другой хватал клещами подковы и аккуратно укладывал их в самый жар. Над толпой носился возбужденный вопль жреца.

— Подлая колдунья! Безбожная женщина! Признай истину! Нет, вы только гляньте на нее, люди, упилась какого-то зелья! Взгляните только на нее! У нее на лице так и написано народейство!

Жрец был худ, лицо у него было сухошавое и темное, как вяленая рыба. Черная одежда висела на нем, как на жерди. На шее посверкивал священный символ. Гербальт не мог разглядеть, какого божества, впрочем, он в этом и не разбирался. Быстро разрастающийся последнее время пантеон мало его интересовал. Однако жрец, несомненно, принадлежал к одной из самых новых религиозных сект. Те, что постарше, занимались более полезными делами, нежели ловлей девушек, распинанием их на обрешетках телег и науськиванием суеверной толпы.

— С первых дней истории женщина была и остается сосудом всяческого зла! Орудием Хаоса, соучастницей заговоров против мира и рода человеческого! Женщиной управляет только телесное сла-

дострастие! Потому так охотно она демонам служит, чтоб можно было похоть свою ненасытную и свои натуре противные вожделения улаживать!

— Сейчас кое-что узнаем о женщинах, — буркнул Регис. — Это фобия в чистой, клинической форме. Святому мужу, видать, частоенько снится *vagina dentata*.

— Могу поспорить, что все гораздо хуже, — проворчал Лютик. — Голову дам на отсечение, он даже наяву не перестает мечтать об обычной, беззубой. И семя ударило ему в голову.

— А заплатит за это недоразвитая девушка.

— Если не найдется кто-нибудь, — проворчала Мильва, — кто удержит черного дурня.

Лютик многозначительно и с надеждой взглянул на ведьмака, но Геральт отвел глаза.

— А от чего же, как не от бабского чародейства, все наши теперешние беды? — продолжал выкрикивать жрец. — Кто, как не чаровницы, предал королей на острове Танедд да покушение на короля Редании устроил? Кто, как не эльфская ведьма из Доль Блатанна, насылает на нас белок! Теперь-то видите, до какого зла довело нас цацканье с чародейками! Потакание их мерзопакостным делишкам! Закрывание глаз на их самоуправство, зазнайство, богатства! А кто тому виной? Короли! Зазнавшиися владыки отреклись от богов, отстранили жрецов, отобрали у них управление и места в советах, а омерзительных чаровниц осыпали почестями и златом! И вот теперь пожинают плоды!

— Ага! Так вот где вампир зарыт, — проговорил Лютик. — Ты ошибся, Регис. Тут речь о политике, а не о зубастой вагине.

— И о деньгах, — добавил Золтан Хивай.

— Воистину, — надрывался жрец, — говорю вам, прежде чем ринуться на борьбу с Нильфгаардом, надобно очистить от этих отвратниц собственный дом! Выжжем каленым железом эту язву! Очистимся огнем! Не позволим жить тем, кои занимаются волшебством!

— Не позволим! На костер ее!

Привязанная к телеге девушка истерически захохотала, завращала глазами.

— Погоди, погоди, не так шибко, — проговорил молчаливый до той поры утрюмый кмет огромного роста, вокруг которого собралась группка из нескольких молчаливых мужчин и мрачных женщин. — Пока что мы токмо крики и слышали. Кричать-то каждый сумеет, вон дажить ворона. От вас, благочинный, боле уважения ожидать надо, нежели от вороны.

— Да вы никак сомневаетесь в моих словах, староста Ляабс? Словах священнослужителя?

— Ни в чем я не сомневаюсь. — Гигант сплюнул на землю и зло поддернул штаны. — Эта девка — сирота и приبلуда, никто

она для меня. Ежели окажется, что была с вомпером в сговоре, берите ее, кончайте. Но покудова в этом обозе я староста, потудова токмо виновных буду здесь карать. Хотите карать, для начала покажите довод вины ейной.

— И покажу! — крикнул жрец, подавая знак своим челядникам, которые недавно укладывали подковы в огонь. — И покажу! В глаза покажу! Вам, Ляабс, и всем присутствующим!

Челядники вынесли из-за телеги и поставили на землю небольшую закопченный котелок с ручкой.

— Вот доказательство! — рявкнул жрец, пинком переворачивая котелок. На землю плеснула жидкость, оставив кусочки морковки, ленточки неопределенного растения и несколько маленьких косточек.

— Ведьма варила магический декокт! Эликсир, благодаря коему могла по воздуху летать! К своему полюбовнику вомперу, чтобы с ним в греховную связь вступать и дальнейшие преступления замышлять! Знаю я ее чародейские дела и способности, знаю я, из чего этот декокт! Чаровница живьем кота варила!

Толпа грозно охнула.

— Кошмар, — вздрогнул Лютик. — Сварить живое существо? Было мне жалко девчонку, но далековато она, пожалуй, зашла...

— Заткнись, — прошипела Мильва.

— Вот оно — доказательство! — верещал жрец, вытаскивая из исходящей паром лужицы косточку. — Вот доказательство неопровержимое! Кошачья кость!

— Это птичья кость, — холодно сказал Золтан Хивай, прищуриваясь. — Как мне думается, сойки либо голубя. Девуха немного супа себе сварила, вот и все.

— Молчи, недомерок языческий! — взорвался жрец. — Не кощунствуй, ибо боги тебя накажут руками благочестивых людей! Это отвар из кота, утверждаю я!

— Из кота! Точно — из кота! — закричали окружавшие жреца кметы. — Был у девки кот! Черный кот был! Все видели, что был! Повсюду с ней лазал! А где он таперича-то, кот энтот! Нету его! Значит, сварила она его!

— Сварила! Сварила из него декот!

— Верно! Декот чаровница из кота сварила!

— Не надуть другого доказательства! В огонь ведьму! А для начала на пытки! Пусть во всем признается!

— Крррва мать! — скрежетнул Фельдмаршал Дуб.

— Жаль мне того кота, — вдруг громко сказал Персиваль Шуттенбах. — Хороша была зверюга, жирненькая. Шубка будто антрацит, глазки словно два хризоберилла, усики длинненькие, а хвост толстый, как дубина разбойничья! Картинка — не кот! Небось уйму мышей изничтожил!

Кметы утихи.

— А вы-то откедова знаете, милсдарь гном? — бухнул кто-то. — Откедова вам-то известно, как ейный кот выглядел?

Персиваль Шуттенбах высморкался, вытер пальцы о брючину.

— А потому, как вон он там на телеге сидит. За вашими спинами.

Собравшиеся как по команде обернулись, загудели, устали на сидящего на узлах кота. А тот, не обращая внимания на всеобщий интерес, задрал заднюю лапу и принялся сосредоточенно вылизывать свой зад.

— Вот и видно, — в абсолютной тишине сказал Золтан Хивай, — что ваше неопровержимое доказательство — коту под хвост, благочестивый. Ну, какой еще у вас довод в запасе? Может, кошка? Хорошо б было, мы б свели парочку, расплодили, ни один грызун до амбара на расстояние полета стрелы не подойдет.

Несколько кметов хихикнули, несколько других, в том числе староста Эктор Лябс, открыто захохотали. Жрец покраснел.

— Я тебя запомню, паршивец! — крикнул он, тыча пальцем в краснолюда. — Безбожный кобольд! Порождение тьмы! Ты откуда тут взялся? Может, и ты с вампиром вась-вась? погоди, покараем ведьму, возьмем тебя на допрос! Но сначала над чаровницей суд учиним! Подковы уже покляли в уголья, поглядим, что грешница запоет, когда у нее мерзопакостная шкура зашипит. Ручаюсь, сама в преступном чаровстве признается. Нужно будет другое доказательство, когда признается?

— А нужно будет, нужно, — сказал Эктор Лябс. — Потому как если вам, благочинный, раскаленные подковы к пяткам приложить, так, уверен, вы признаетесь даже и в греховном с кобылой сожительстве. Тьфу! Вы — божий вроде бы человек, а словно жи-водер болтаете!

— Да, я — божий человек, — взвился жрец, перекрывая усиливающийся шум. — В божественную верую справедливость, кару и отмщение! И в божий суд! Пусть встанет ведьма пред божьим судом...

— Прекрасная мысль, — громко прервал ведьмак, выходя из толпы.

Жрец смерил его злым взглядом, кметы, перестав шептаться, глядели, раскрыв рты.

— Божий суд, — начал Геральт в полной тишине, — это абсолютно верное и совершенно справедливое дело. Ордалии признаны равно светскими судами и имеют свои правила. Правила эти гласят, что в случае обвинения женщины, ребенка, старика либо человека неполноценного перед судом может стать защитник. Я верно говорю, староста Лябс? Так вот я объявляю себя защитником. Огородите ристалище. Кто уверен в виновности этой девушки и не боится суда божьего, пусть выйдет на бой со мной.

— Ха! — воскликнул жрец, все еще не сводя с него глаз. — Не слишком ли хитро, милостивый государь незнакомец? На поединок вызываешь? Сразу видно, что ты резник и рубака! Своему бандитскому мечу хочешь доверить суд божий?

— Если вам меч не нравится, благочестивый, — медленно проговорил Золтан Хивай, вставая рядом с Геральтом, — и если этот человек вам не подходит, так, может, я сгожусь? Извольте, пусть обвинитель девки выходит со мной на топоры...

— Или со мной на луки. — Мильва, прищурившись, тоже подошла к Геральту. — По одной стреле со ста шагов.

— Видите, люди, как быстро умножаются защитники ведьмы? — крикнул жрец, потом обернулся и скривился в мимолетной улыбке. — Ладно, негодники, принимаю на ордалии всю вашу тройку. Да свершится суд божий, да установим вину ведьмы, одночасно и вашу добродетельность проверим. Но не мечом, топором, копьями или стрелами. Говорите, вам известны законы суда божьего? И я их знаю! Вот подковы, покладенные в уголья, раскаленные добела. Испытание огнем! Ну, приспешники чародейства! Кто подкову из огня вынет, поднесет ко мне и следов ожога не поймее, тот докажет, что ведьма невиновна. Если же суд божий покажет что другое, то и вам смерть, и ей. Я сказал!

Недоброжелательное ворчание старосты Лябса и его группы заглушило восторженные крики большинства собравшихся вокруг жреца, учувших шикарное развлечение и зрелище. Мильва взглянула на Золтана, Золтан на ведьмака, ведьмак на небо, потом на Мильву.

— Ты веришь в богов? — спросил он тихо.

— Верю, — буркнула лучница, глядя на угли в костре. — Но не думаю, чтобы им захотелось забивать себе головы горячими подковами.

— От костра до этого сукина сына всего три шага, — прошипел сквозь стиснутые зубы Золтан. — Как-нибудь выдержу, работал у горна... Однако молитесь за меня вашим богам...

— Минуточку, — положил краснолюду руку на плечо Эмиель Регис. — Подождите помолиться.

Цирюльник подошел к костру, поклонился жрецу и зрителям, быстро наклонился и сунул руку в раскаленные уголья. Толпа ахнула в одно горло. Золтан выругался. Мильва вцепилась в плечо Геральту. Регис выпрямился, спокойно поглядел на добела раскаленную подкову, которую держал в руке, и не спеша подошел к жрецу. Тот попятился, но уперся в стоящих у него за спиной кметов.

— Вы это имели в виду, уважаемый, если не ошибаюсь? — спросил Регис, поднимая подкову. — Испытание огнем? Если да, то я думаю, суд божий свершился и приговор однозначен. Девуш-

ка невиновна. Ее защитники невиновны. И я, представьте себе, тоже невиновен.

— По... по... покажите руку... — забормотал жрец. — Не обожжена ли...

Цирюльник усмехнулся свойственной ему улыбкой, не разжимая губ, потом переложил подкову в левую руку, а правую, совершенно здоровую, показал вначале жрецу, потом, высоко подняв, всем остальным. Толпа зарычала.

— Чья это подкова? — спросил Регис. — Пусть хозяин забрет ее.

Никто не ответил.

— Дьявольские штучки! — вскричал жрец. — Ты сам либо чаровник, либо воплощение дьявола!

Регис бросил подкову на землю и повернулся.

— Так проведите обряд экзорцизма, — предложил он холодно. — Пожалуйста! Однако суд божий уже свершился. А я слышал, что сомнение в результатах ордалий — ересь.

— Сгинь, пропади! — взвизгнул жрец, размахивая перед носом цирюльника амулетом и проделывая другой рукой каббалистические жесты. — Прочь в свою адскую бездну, черт! Да расступится под тобой земля...

— Ну, хватит! — зло крикнул Золтан. — Эй, люди! Господин староста Ляабс! Вы намерены и дальше глядеть на это безобразие? Намерены...

Голос краснотолды заглушил дикий крик.

— Ни-и-ильфгаард!

— Конники с запада! Конники! Нильфгаард прет! Спасайся кто может!

Лагерь мгновенно охватила паника. Кметы соскакивали с телег, выбегали из шалашей, сталкиваясь и сшибая друг друга с ног. Всеобщий многоголосый рев вознесся к небесам.

— Наши лошади! — крикнула Мильва, освобождая вокруг себя место ударами кулаков и пинками. — Наши лошади, ведьмак! За мной! Быстро!

— Геральт! — вопил Лютик. — Спаси!

Толпа разделилась, раздробилась, словно волна прибоем, мгновенно увлекла Мильву за собой. Геральт, удерживая Лютика за воротник, не дал себя прихватить, потому что вовремя вцепился в телегу, к которой была привязана обвиненная в волшебстве девушка. Однако телега вдруг дернулась и двинулась с места, а ведьмак и поэт свалились на землю. Девушка задергала головой и принялась истерически хохотать. По мере того как телега удалялась, смех стихал и терялся среди всеобщего рева.

— Затопчут! — визжал лежащий на земле Лютик. — В кашу превратят! Спаситееее!

— Кррррва мать! — скрежетал где-то Фельдмаршал Дуб.

Геральт поднял голову, выплюнул песок и увидел пресмешную сцену.

Ко всеобщей панике не присоединились только четыре osoby, из них одна — против своей воли. Это был жрец, которого железной хваткой держал за шею староста Эктор Ляабс. Двое других были Золтан и Персиваль. Гном быстрыми движениями задрал сзади одежду жреца, а вооруженный клещами краснолюд вытащил из огня раскаленную подкову и засунул ее в штаны святого мужа. Освобожденный от объятий Ляабса жрец помчался, словно комета с дымящимся хвостом, а его визг утонул в реве толпы. Геральт видел, как староста, гном и краснолюд собрались было поздравить друг друга с удачной ордальей, когда на них накатилась очередная волна мчащейся в панике толпы. Все утонуло в клубах пыли, ведьмак не видел ничего, да и рассматривать было некогда: он был занят Лютиком, которого теперь сбила с ног несшаяся напролом свинья. Когда Геральт наклонился, чтобы поднять поэта, из тархатщего мимо него воза прямо ему на спину свалилась обрешетка. Тяжесть придавила его к земле, и прежде чем он успел сбросить с себя обрешетку, по ней промчалось не меньше пятнадцати человек. Когда наконец он сумел высвободиться, рядом с грохотом и треском перевернулась другая телега, из которой на ведьмака свалилось три мешка пшеничной муки по цене крона за фунт. Мешки развязались, и мир утонул в белом облаке.

— Вставай, Геральт! — кричал трубадур. — Вставай, язви тебя!

— Не могу, — простонал ослепленный драгоценной мукой ведьмак, обеими руками хватаясь за прошитое болью колено. — Спасайся сам, Лютик!

— Я тебя не оставлю!

С западной стороны лагеря доносились ужасные крики, перемешивающиеся со звоном подкованных копыт и ржанием лошадей. Рев и топот неожиданно усилились, на них наложился грохот металла, сталкивающегося с металлом.

— Бой! — крикнул поэт. — Они бьются!

— Кто? С кем? — Геральт резкими движениями пытался очистить глаза от муки и сора. Неподалеку что-то горело, их охватил жар и клубы вонючего дыма. Топот копыт усилился, земля задрожала. Первое, что он увидел в туче пыли, были десятки мелькающих перед глазами конских бабок. Всюду. Кругом. Он перевозмог боль.

— Под телегу! Прячься под телегу, Лютик, иначе затопчут!

— Не двигайся... — простонал притиснутый к земле поэт. — Лежи...
Говорят, конь никогда не наступит на лежащего человека...

— Не уверен, — вздохнул Геральт, — что каждый конь об этом слышал. Под телегу! Быстро!

В этот момент один из не знающих человеческих примет коней на лету саданул его копытом по виску. В глазах у ведьмака

разгорелись пурпуром и золотом все созвездия небосклона, а секундой позже непроглядная темень затянула небо и землю.

Крысы вскочили, разбуженные протяжным криком, отразившимся многократным эхом от стен пещеры. Ассе и Рееф схватились за мечи. Искра принялась на чем свет стоит ругаться, ударившись головой о каменный выступ.

— В чем дело? — вскрикнул Кайлей. — Что случилось?

В пещере стояла тьма, хоть снаружи и светило солнце. Крысы отсыпались за ночь, проведенную в седлах во время бегства от погони. Гиселер сунул лучину в уголья, распалил, поднял, подошел к тому месту, где, как обычно вдали от остальных, спали Цири и Мистле. Цири сидела, опустив голову, Мистле обнимала ее.

Гиселер поднял лучину выше. Подошли остальные. Мистле накрыла шкурой голые плечи Цири.

— Послушай, Мистле, — серьезно сказал главарь Крыс. — Я никогда не вмешивался в то, что вы делаете на одной постели. Никогда не сделал вам неприятного или насмешливого замечания. Это ваши заботы. Всегда старался отводить глаза и ничего не замечать. Это, повторяю, ваши заботы и ваши склонности, другим нет до того дела. Пока все происходило незаметно и тихо. Но теперь вы малость переборщили.

— Не будь идиотом, — взорвалась Мистле. — Ты что думаешь, это... Девочка кричала во сне! Это был кошмар!

— Верно, Фалька?

Цири кивнула.

— Такой страшный был сон? Что тебе снилось?

— Оставь ее в покое!

— Заткнись, Мистле. Ну, Фалька?

— Человека, которого я когда-то знала, — с трудом проговорила Цири, — затоптали кони. Копыта... Я чувствовала, как меня давят... Чувствовала его боль... Голова и колено... У меня все еще болит... Простите. Я разбудила вас.

— Нечего извиняться. — Гиселер взглянул на сжатые губы Мистле. — Просить прощения должны мы. А сон? Ну что ж, признаться может каждому. Каждому.

Цири прикрыла глаза. Она не была уверена, что Гиселер прав.

В себя его привел пинок.

Он лежал, уперев голову в колесо перевернутой телеги, рядом с ним корчился Лютик. Пнул его кнехт в стеганом кафтане и круглом шлеме. Тут же стоял второй. Оба держали в поводу лошадей, у седел которых висели арбалеты и щиты.

— Мельники, что ль?

Второй кнехт пожал плечами. Геральт увидел, что Лютик не отрывает глаз от щитов. Сам он тоже давно заметил на щитах ли-

лии. Герб королевства Темерии. Такие же знаки носили и другие конные стрельцы, которых было полным-полно кругом. Большинство занималось поимкой коней и обиранием трупов. В основном одетых в черные нильфгаардские плащи.

Лагерь по-прежнему представлял собою дымящиеся развалины после штурма, но уже появлялись уцелевшие и бывшие поблизости кметы. Конные стрельцы с темерскими лилиями сгоняли их в кучу, покрикивали.

Мильвы, Золтана, Персиваля и Региса нигде не было видно.

Рядом сидел герой недавнего «процесса ведьм», черный котиче, равнодушно взиравший на Геральта зелеными глазами. Ведьмак немного удивился: обычно кошки не терпели его присутствия. Однако раздумывать над странным явлением было некогда, потому что один из кнехтов ткнул его древком копья.

— А ну, вставайте. Оба! Эй, у седого-то меч!

— Кидай оружие! — крикнул другой, подзывая остальных. — Меч на землю, да побыстрее, нито пропорю глечией!

Геральт исполнил приказ. В голове звенело.

— Кто такие?

— Путники, — сказал Лютик.

— Ишь ты! — фыркнул солдат. — По домам топаете? Сбежали из-под знамени и цвета спороли? Много в этом лагере таких путников, которые Нильфгаарда испужались, которым солдатский хлеб не пондравился! Есть и наши старые знакомцы! Из нашей хоругви!

— Энтих путников теперича другая дорога ждет, — захохотал второй. — Короткая! Наверх, на сук!

— Мы не дезертиры! — крикнул поэт.

— Видно будет, кто такие. Начальство разберется.

Из круга конных стрельцов выдвинулся небольшой отряд легкой кавалерии под командованием нескольких тяжеловооруженных латников с пышными султанами на шлемах.

Лютик пригляделся к рыцарям, отряхнулся от муки и привел в порядок одежду, затем поплевал на ладонь и пригладил растрепанные волосы.

— Ты, Геральт, молчи, — предупредил он. — Переговоры поведу я. Это темерское рыцарство. Разбили нильфгаардцев. Ничего с нами не сделают. Уж я-то знаю, как разговаривать с такими. Надо им показать, что они не с кем-кем, а с равными себе имеют дело.

— Лютик, умоляю...

— Не шебуршишь, все будет в ажуре. Я собаку съел на разговорах с рыцарями и дворянами. Половина Темерии меня знает. Эй, прочь с дороги, прислуга, расступись! У меня слово к вашим господам!

Кнехты растерянно переглянулись, но отвели пики, расступились. Лютик и Геральт направились к рыцарям. Поэт вышагивал

гордо, с барской миной на физиономии, мало соответствующей изодранному и вымазанному мукой кафтану.

— Стоять! — рявкнул на него один из латников. — Ни шагу! Кто такие?

— А кому это я отвечать должен? — подбоченился Лютик. — И почему? Кто вы такие, чтобы невинных путников удерживать?

— Не тебе спрашивать, голозадый! Отвечай!

Трубадур наклонил голову набок, поглядел на гербы, украшающие щиты и туники рыцарей.

— Три красных сердца на золотом поле, — отметил он. — Следовательно, вы — Обри. В голове щита трезубец, значит, вы — первородный сын Ансельма Обри. Родителя вашего я хорошо знаю, милсдарь рыцарь. А вы, милсдарь Крикливый, что там у вас на серебряном щите? Ага! Между головами грифов черный столб? Герб рода Пепеброков, если не ошибаюсь, а я в таких штуках редко ошибаюсь. Столб, говорят, отражает присущую членам этого рода «смекалку».

— Прекрати, черт возьми, — прошипел Геральт.

— Я — известный поэт Лютик! — напыжился бард, не обращая на него внимания. — Наверняка слышали? Так вот проводите-ка нас к вашему начальнику, к сеньору, ибо привык я с равными себе разговоры разговаривать.

Латники не отреагировали, но выражение их лиц становилось все менее приятным, а металлические перчатки все сильнее сжимали изукрашенные трензеля поводьев. Лютик явно этого не замечал.

— Ну, в чем дело? — громко спросил он. — Чего так глазеее, рыцарь? Да-да, к вам я обращаюсь, милсдарь Черный столб! Что вы рожи строите? Кто-то сказал вам, что ежели прищурить глаза и выпятить нижнюю челюсть, так будете выглядеть мужественнее, достойнее и грознее? Обманули вас. Вы выглядите так, словно уже неделю не могли как следует опорожниться!

— Взять их! — рявкнул первородный сын Ансельма Обри, владец щита с тремя сердцами. Черный столб из рода Пепеброков тырнул своего рысакa шпорами.

— Взять их! Связать негодяев!

Они шли за лошадьми. Вторые концы веревок, которые связывали их руки, были прикреплены к лукам седел. То и дело им приходилось бежать, потому что наездники не жалели ни коней, ни пленников. Лютик дважды падал и по нескольку минут ехал на животе, крича так, что сердце разрывалось. Его ставили на ноги, безжалостно подгоняли древком копыя. И гнали дальше. Пыль слепила слезящиеся глаза, душила и свербила в носу. Жажда сушила глотки.

Одно утешало — дорога, по которой их гнали, вела на юг. Так что наконец-то Геральт двигался в желаемом направлении, причем достаточно быстро. Однако радости он не испытывал, потому что совершенно иначе представлял себе такое путешествие.

На место добрались в тот момент, когда Лютик уже охрип от богохульствования, перемешанного с мольбами о милосердии, а боль в локте и колене Геральта превратилась в настоящую пытку, настолько мучительную, что ведьмак начал уже подумывать о радикальных, пусть даже и отчаянных действиях.

Добрались до армейского лагеря, разместившегося около разрушенной, наполовину сожженной крепости. Внутри, за кольцом стражи, коновязей и дымящих лагерных костров, стояли украшенные флагами палатки рыцарства, окружающие просторный и полный движения майдан за развалившейся и обгоревшей изгородью. Майдан оказался концом их вынужденной экскурсии.

Увидев колоду, Геральт и Лютик натянули веревки. Конные вначале не намерены были подпускать их к водопою, но сын Ансельма Обри вспомнил, видимо, о знакомстве Лютика со своим родителем и соизволил снизойти. Они втиснулись между лошадьми, напились, ополоснули лица связанными руками. Рывок веревки вернул их к реальности.

— Кого вы опять приволокли? — спросил высокий худошавый рыцарь в вороненых, богато вызолоченных доспехах, ритмично похлопывая булавой по орнаментированной ташке. — Только не говорите, что это очередные шпики.

— Шпики или дезертиры, — подтвердил сын Ансельма Обри. — Их поймали в лагере у Хотли, где разгромили нильфгаардский разъезд. Весьма продозрительные типы.

Рыцарь в золоченых доспехах прыснул, потом внимательнее посмотрел на Лютика, и его юное, но суровое лицо вдруг осветилось улыбкой.

— Ерунда. Развязать.

— Но это же нильфгаардские шпионы, — запетушился Черный столб из рода Пепеброкков. — Особенно вон тот. Лаялся не хуже деревенского пса. Поэт, говорит! Сукин он сын, а не поэт!

— Он не врал, — улыбнулся рыцарь в золоченых доспехах. — Это бард Лютик. Я его знаю. Снять с него путы. Со второго тоже.

— Вы уверены, господин граф?

— Это приказ, рыцарь Пепеброк.

— А ты думал, я не пригожусь, да? — буркнул Лютик Геральту, растирающему онемевшие от уз кисти. — Ну, теперь видишь? Моя слава опережает меня, меня знают и уважают везде.

Геральт не ответил, занятый массируванием собственных кистей, донимавшего локтя и колена.

— Соболагодите простить рвение этих юношей, — сказал рыцарь, названный графом. — Им всюду мерещатся нильфгаард-

ские шпионы. Каждый наш разезд приводит нескольких типов, показавшихся им подозрительными. То есть тех, которые чем-либо выделяются в бегущей толпе. А вы, милсдарь Лютик, очень даже выделяетесь. Как очутились у Хотли, среди беглецов?

— Я ехал из Диллингена в Марибор, — гладко соврал поэт, — когда мы попали в этот ад, я и мой... коллега по перу. Так сказать, сопёрник. Вероятно, вы его знаете. Это... Гиральдус.

— Как же, как же, знаю, читал, — похвалился рыцарь. — Такая честь для меня, господин Гиральдус. Я — Даниель Эчеверри, граф Гаррамон. Да, маэстро Лютик, многое изменилось с того времени, когда вы пели при дворе короля Фольтеста!

— Да уж!

— Кто б подумал, — нахмурился граф, — что до этого дойдет. Вердэн отдали Эмгыру, Бругте практически уже завоеван, Содден — в огне... А мы отступаем, непрерывно отступаем... Прошу прощения, я хотел сказать: совершаем тактический маневр. Нильфгаард все вокруг жжет и уничтожает, уже почти до Ины дошел, совсем немного — и окружит крепости Майены и Развана, а темерская армия не перестает проделывать «тактический маневр»...

— Когда у Хотли я увидел лилии на ваших щитах, — сказал Лютик, — думал, это контрнаступление.

— Контрудар, — поправил Даниель Эчеверри. — И разведка боем. Мы перешли Ину, разбили несколько нильфгаардских разъездов и групп скоя'таэлей, палящих все, что только можно. Видите, что случилось с крепостью в Армерии, которую нам удалось отбить. А форты в Каркано и Видорте сожжены до основания. Весь юг в крови, огне и дыме... Ах, что же это я... Вы прекрасно знаете, что творится в Бругте и Соддене, с беженцами оттуда вам довелось идти. А мои молодцы вас за шпионов приняли! Еще раз приношу свои извинения. И приглашаю отобедать. Некоторые дворяне и офицеры будут рады познакомиться с вами, милостивые государи поэты.

— Такая честь для нас, милсдарь граф, — натянуто поклонился Геральт. — Но время торопит. Нас ждет дорога.

— Прошу не смущаться, — улыбнулся Даниель Эчеверри. — Обычный скромный солдатский обед. Косуля, рябчики, стерлядка, трюфели...

— Отказаться, — Лютик сглотнул и смерил ведьмака многозначительным взглядом, — значит оскорбить хозяина. Мы идем мешкая, милсдарь граф. Не ваш ли это шатер, тот, богатый, в синезолотых расцветках?

— Нет. Это палатка главнокомандующего. Лазурь и золото — цвета его родины.

— То есть? — удивился Лютик. — Я был уверен, что это армия Темерии. Что командуете здесь вы.

— Мы — отдельное подразделение армии Темерии. Я — офицер связи короля Фольтеста, здесь служит много темерских дворян со своими отрядами, которые порядка ради носят лилии на щитах. Но ядро корпуса составляют подданные другого королевства. Видите штандарт перед шатром?

— Львы, — остановился Геральт. — Золотые львы на голубом поле. Это... это герб...

— Цинтры, — подтвердил граф. — Это эмигранты из королевства Цинтры, в настоящее время оккупированного Нильфгаардом. Ими командует маршал Виссегерд.

Геральт развернулся, намереваясь сообщить графу, что срочные дела все же вынуждают его отказаться от косули, стерлядки и трюфелей. Но не успел. К ним приближалась группа, во главе которой шествовал рослый, очень полный седой рыцарь в голубом плаще с золотой цепью на латах.

— Вот, господа поэты, сам маршал Виссегерд собственной персоной, — сказал Даниель Эчеверри. — Позвольте, Ваше превосходительство, представить вам...

— Нет нужды, — хрипловато прервал маршал Виссегерд, сверля Геральта взглядом. — Мы уже были друг другу представлены. В Цинтре, при дворе королевы Калантэ. В день помолвки принцессы Паветты. Это было пятнадцать лет тому назад, но у меня прекрасная память. А ты, мерзавец ведьмак, помнишь меня?

— Помню, — кивнул Геральт, послушно протягивая солдатам руки.

Даниель Эчеверри, граф Гаррамон, пытался последовать за ними уже в тот момент, когда кнехты усадили связанных Геральта и Лютика на стоящие в палатке табуреты. Теперь, когда по приказу маршала Виссегерда кнехты вышли, граф возобновил усилия.

— Это поэт и трубадур Лютик, господин маршал, — повторил он. — Я его знаю. Его знает весь мир. Я считаю несправедливым так с ним обращаться. Ручаюсь рыцарским словом, что он не нильфгаардский шпион.

— Не ручайтесь опрометчиво, — буркнул Виссегерд, не спуская глаз с пленников. — Возможно, он и поэт, но если его схватили в компании этого мерзавца ведьмака, то я б не стал за него ручаться. Вы, кажется, все еще не представляете себе, что за пташка попалась нам в сети.

— Ведьмак?

— Он самый. Геральт по кличке Волк. Тот стервец, который предъявлял права на Цириллу, дочь Паветты, внучку Калантэ, ту Цири, о которой сейчас так много болтают. Вы еще слишком молоды, граф, чтобы помнить то время, когда афера эта будоражила многие королевские дворы, но я, так уж получилось, был очевидцем.

— А что может его связывать с княжной Цириллой?

— Этот пес, — Виссегерд указал на Геральта пальцем, — содействовал обручению Паве́тты, дочери королевы Калантэ, с Дани, никому не известным прибудой с юга. В результате этого собачьего союза позже родилась Цирилла, предмет их мерзопакостного сговора. Ибо вам следует знать, что ублюдок Дани заранее пообещал девочку ведьмаку в качестве платы за возможность марьяжа. Право Неожиданности, понимаете?

— Не совсем. Но продолжайте, Ваше превосходительство, господин маршал.

— Ведьмак, — Виссегерд снова наставил на Геральта палец, — хотел после смерти Паве́тты забрать девочку, но Калантэ не позволила и с позором прогнала его. Однако он дождался соответствующей минуты. Когда началась война с Нильфгаардом и Цинтра пала, он похитил Цири, воспользовавшись военной неразберихой. Держал девочку в укрытии, хоть и знал, что мы ее разыскиваем. А в конце концов она ему наскучила и он продал ее Эмгыру!

— Это ложь и поклеп! — воскликнул Лютик. — Во всем сказанном нет и слова правды!

— Молчи, самоучка, или велю тебе кляп в рот засунуть. Сопоставьте факты, граф. Ведьмак владел Цириллой, теперь ею владеет Эмгыр вар Эмрейс. А ведьмака прихватили в авангарде нильфгаардского разбеда. О чем это говорит?

Даниель Эчеверри пожал плечами.

— О чем говорит? — повторил Виссегерд, наклоняясь над Геральтом. — Ну ты, шельма! Говори! Сколько времени шпионишь в пользу Нильфгаарда, пес паршивый?

— Я не шпиону ни для кого.

— Прикажу ремни из тебя драть!

— Приказывайте.

— Господин Лютик, — вдруг проговорил граф Гаррамон. — Пожалуй, полезнее будет, если вы попытаете объяснить. И чем скорее, тем лучше.

— Я уже давно бы это сделал, — взорвался поэт, — но светлейший господин маршал пригрозил сунуть мне кляп в рот! Мы невинны, все это досужие вымыслы и жуткая клевета. Цириллу похитили с острова Танедд, а Геральт был тяжело ранен, защищая ее. Это может подтвердить любой! Любой бывший на Танедде чародей. И министр иностранных дел Редании, господин Сигизмунд Дийкстра...

Лютик вдруг замолчал, вспомнив, что как раз Дийкстра-то совершенно не годится в свидетели защиты, а ссылка на чародеев из Танедда тоже не очень улучшает ситуацию.

— И совсем уж дико, — продолжил он громко и быстро, — обвинять Геральта в том, что он похитил Цири в Цинтре! Геральт

нашел девочку, когда после резни, учиненной в городе, она скиталась по Заречью, а спрятал он ее не от вас, а от преследовавших ее агентов Нильфгаарда! Меня самого эти агенты поймали и пытали, чтобы узнать, где скрывается Цири! Я-то ни словечка не вымолвил, а вот агенты эти уже землю грызут. Не знали, с кем имели дело!

— Однако, — прервал граф, — ваше мужество было бесполезным. Эмгыр в конце концов получил Цирилу. Как известно всем, он намерен на ней жениться и сделать императрицей Нильфгаарда. А пока что титуловал ее королевой Цинтры и округи, наделав нам тем самым массу хлопот.

— Эмгыр, — заявил поэт, — мог бы посадить на трон Цинтры кого угодно. Цири же, как ни взгляни, имеет на этот трон право.

— Да? — рявкнул Виссегерд, обрызгав Геральта слюной. — Право? Дерьмовое это право. Эмгыр может на ней жениться, его воля. Может и ей, и ребенку, которого ей заделает, присваивать звания и титулы, на какие ему достанет фантазии и прихоти. Королева Цинтры и островов Скеллиге? Извольте, наше вам... Княгиня Бругге? А почему бы нет? Графиня-наместница Соддена... Ну-ну... А почему, спрашиваю вас, не владычица Солнца и герцогиня Луны? У этой проклятой, порочной крови нет никаких прав на престол. Проклятая кровь, вся бабская линия этого рода — проклятые, гнусные последыши, от Рианнон начиная! И прабабка Цириллы Адалия, которая с собственным кузеном зачала, и ее прапрабабка, Мерзавка Мюриель, которая еб... пардон, трахалась с любым проходимцем! Ублюдки от кровосмешения и прочие внебрачные вырождаки так и прут одна за другой!

— Говорите тише, господин маршал, — надменно сказал Лютик. — Перед вашей палаткой укреплен штандарт с золотыми львами, а вы не задумываясь готовы обозвать незаконнорожденной бабушку Цири, королеву Калантэ, Львицу из Цинтры, за которую большинство ваших солдат проливало кровь в Марнадале и под Содденом. Я не поручился бы за преданность вам вашего войска.

Виссегерд шагнул к Лютику, схватил поэта за жабо и приподнял с табурета. Лицо маршала, только что покрытое лишь красными пятнами, теперь залилось глубоким геральдическим пурпуром. Геральт начал сильно опасаться за друга, к счастью, в палатку неожиданно влетел возбужденный адъютант и доложил о срочных и важных известиях, доставленных конным разездом. Виссегерд сильным толчком бросил Лютика на табурет и вышел.

— Фууу, — выдохнул поэт, крутя головой. — Еще б малость, и мне конец... Вы можете хоть немного ослабить узы, господин граф?

— Нет, господин Лютик, не могу.

— Верите этим бредням? Верите, что мы шпионы?

— Не имеет никакого значения, верю я или нет. Однако развязать вас не могу.

— Что делать, — кашлянул Лютик. — Какой дьявол вселился в вашего маршала? Чего ради он ни с того ни с сего накинулся на меня, словно чеглок на вальдшнепа?

Даниель Эчеверри криво усмехнулся.

— Напомнив ему о солдатской верности, вы невольно разбредили старую рану, господин поэт.

— То есть? Какую рану?

— Солдаты искренне оплакивали Цириллу, когда до них дошли известия о ее смерти. А потом разнеслась новая весть. Оказалось, что внучка Калантэ жива. Что она в Нильфгаарде и тешится благосклонностью императора Эмгыра. Тогда началось массовое дезертирство. Поймите, эти люди бросили дома и семьи, убежали в Содден и Бругге, в Темерию, потому что хотели биться за Цинтру, за кровь Калантэ. Хотели бороться за освобождение страны, изгнать из Цинтры агрессора, сделать так, чтобы наследница Калантэ обрела принадлежащий ей по праву трон. А что оказалось? Кровь Калантэ возвращается на трон Цинтры в почестях и славе...

— Как марионетка в руках Эмгыра, похитившего ее.

— Эмгыр женится на ней. Хочет посадить рядом с собой на императорский престол, подтвердить титулы и лены. Разве так поступают с марионетками? Цириллу видели при императорском дворе послы из Ковира. Они утверждают, что не похоже, будто ее увели силой. Цирилла, единственная наследница трона Цинтры, возвращается на престол союзницей Нильфгаарда. Такие вести разошлись среди солдат.

— Вести, которые распустили нильфгаардские агенты.

— Я-то знаю об этом, — кивнул граф. — Но солдаты не знают. Поймав дезертиров, мы караем их петлей, но я их немного понимаю. Это цинтрийцы. Они хотят драться за свои, не за темерские дома. Под своим, не темерским командованием. Под собственными штандартами. Они видят, что здесь, в этой армии, их золотые львы склоняются перед темерскими лилиями. У Виссегерда было восемь тысяч солдат, в том числе пять тысяч знатных цинтрийцев, остальные — темерские вспомогательные отряды и рыцари-добровольцы из Бругге и Соддена. Сейчас корпус насчитывает шесть тысяч. А дезертировали исключительно цинтрийцы. Армия Виссегерда тает и без боев. Вы понимаете, что для него это означает?

— Потерю престижа и положения.

— Конечно. Еще несколько сотен дезертиров, и король Фольтест отберет у него жезл. Уже сейчас этот корпус трудно назвать цинтрийским. Виссегерд мечется, хочет пресечь бегство, поэтому распускает слухи о сомнительном и даже незаконном происхождении Цириллы и ее предков.

— Слухи, которые вы, граф, — не сдержался Геральт, — воспринимаете с явным неудовольствием.

— Вы заметили? — улыбнулся Даниель Эчеверри. — Ну что ж, Виссегерд не знает моей родословной... Кратко говоря, мы с Цири родственники. Мюриель, графиня Гаррамон, по прозвищу Прелестная Мерзавка, прабабка Цири, была и моей прабабкой. О ее любовных похождениях в родне ходят легенды, тем не менее я без всякого удовольствия слушаю Виссегердовы измышления о склонностях моей родоначальницы к кровосмешению и ее неразборчивости в связях. Но не реагирую. Ибо я — солдат. Правильно ли вы меня поняли?

— Да, — сказал Геральт.

— Нет, — сказал Лютик.

— Виссегерд командует корпусом, входящим в состав темерской армии. А Цирилла в руках Эмгыра — угроза корпусу, а значит, армии и тем самым моему королю и моей стране. Я не намерен отрицать распускаемые Виссегердом слухи о Цири и тем самым подрывать авторитет командующего. Наоборот — я склонен даже поддерживать его утверждения, будто Цирилла — незаконнорожденная и не имеет права на престол. Я не только не пойду против маршала, не только не буду подвергать сомнению его решения и приказы, но наоборот — всячески поддержу их. И исполню, когда потребуется.

Ведьмак презрительно усмехнулся.

— Теперь, надеюсь, ты понимаешь, Лютик? Господин граф и не думал считать нас шпионами, иначе он не стал бы все так подробно объяснять. Господин граф знает, что мы невиновны. Но он пальцем не пошевелит, когда Виссегерд приговорит нас...

— Неужели это значит... Это значит, что...

Граф отвел глаза.

— Виссегерд, — проговорил он тихо, — в бешенстве. Вы многое потеряли, попав ему в руки. Особенно вы, милсдарь ведьмак. Мэтра Лютика я постараюсь...

Его прервало появление Виссегерда, все еще пурпурного и сопящего как бугай. Маршал подошел к столу, ударил жезлом по устилающим стол картам, потом повернулся к Геральту и пронзил его взглядом. Ведьмак не опустил глаз.

— Раненый нильфгаардец, которого схватил разезд, — процедил Виссегерд, — ухитрился по пути сорвать перевязку и изошел кровью. Он предпочел умереть, чем содействовать поражению и смерти своих соплеменников. Мы хотели его использовать, но он сбежал от нас в мир иной, протек сквозь пальцы, ничего на пальцах не оставив, кроме своей крови. Добрая школа. Жаль, что ведьмаки не прививают таких принципов королевским детям, которых забирают на воспитание.

Геральт молчал, но глаз по-прежнему не опускал.

— Что, выродок? Игра природы? Дьявольское порождение? Чему ты научил похищенную Цирилла? Как воспитал? Все видят и

знают, как! Этот ублюдок жив, расположился на нильфгаардском троне без всяких-яких! А когда Эмгыр призовет ее на свои перины, она без всяких-яких с превеликим желанием расставит ножки... куррра мать! Проститутка!

— Вами руководит злоба, — буркнул Лютик. — Это что ж, по-рыцарски, взвалить на ребенка вину за всех? На ребенка, которого Эмгыр увел силой?

— Против силы тоже есть способы! Именно рыцарские, именно королевские! Будь она настоящей королевской крови, она б нашла их! Нашла бы нож! Ножницы, кусок разбитого стекла, наконец. Шило! Могла себе, сука, зубами жилы перегрызть на кистях! На собственном чулке повеситься!

— Я не желаю вас больше слушать, господин Виссегерд, — тихо сказал Геральт. — Не желаю больше слушать.

Маршал громко скрежетнул зубами, наклонился.

— Не желаешь? — проговорил он дрожащим от бешенства голосом. — Все складывается как нельзя лучше, потому что мне как раз больше нечего тебе сказать. Только одно: тогда, в Цинтре, пятнадцать лет назад, много болтали о Предназначении, ведьмак. В ту ночь твоя судьба была предreshена, черными рунами выписана меж звезд. Цири, дочь Паве́тты, — вот твое Предназначение. И твоя смерть. Ибо за Цири, дочь Паве́тты, ты будешь висеть.

К операции «Кентавр» бригада приступила в качестве отдельного подразделения IV Конной Армии. Мы получили подкрепление в виде трех сотен легкой вердэнской кавалерии, которые я передал в подчинение боевой группе «Вреемде». Из остальной части бригады, по примеру кампании в Аздиране, я выделил боевые группы «Сиверс» и «Мортесен», каждая в составе четырех эскадронов.

Из района сосредоточения под Дришотом мы вышли в ночь с пятого на шестое августа. Приказ группам был таков: выйти на рубеж Видорт—Каркано—Армерия, захватить переправы на Ине, уничтожая встреченного противника, но обходя крупные узлы сопротивления. Устраивая пожары, особенно ночью, осветить дорогу дивизионам IV Армии, вызвать панику среди гражданского населения с тем, чтобы создать пробки беженцев на всех коммуникациях в тылах врага. Имитируя окружение, оттеснять отступающие подразделения врага в сторону реальных котлов. Уничтожая отдельные группы гражданского населения и пленных, вызывать ужас, усугубляя панику и ломая моральный дух неприятеля.

Вышеприведенную задачу бригада выполняла с величайшей солдатской самоотверженностью и самоотдачей.

Элан Траге, «За императора и
отечество. Славный боевой путь
VII Даэрлянской Кавалерийской
Бригады»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мильва не успела подбежать и схватить лошадей. Она оказалась свидетелем их кражи, но свидетелем беспомощным. Сначала ее окружила ошалевшая, паникующая толпа, потом дорогу перекрыли мчащиеся телеги, затем она увязла в блеющей отаре овец, сквозь которую пришлось пробиваться, как сквозь снежный завал. Потом, уже у Хотли, лишь прыжок в заросшее камышом прибрежное болото спас ее от мечей нильфгаардцев, безжалостно кромсавших сбившихся у реки беженцев, не разбирая ни женщин, ни детей. Мильва кинулась в воду и перебралась на другой берег, то бродом, то плывя на спине среди сносимых течением трупов.

И пустилась в погоню. Она запомнила, в каком направлении сбежали кметы, укравшие Плотву, Пегаса, гнедого жеребца и ее собственного воронка. А при седле у воронка был ее бесценный лук. «Что делать, — думала она, хлюпая на бегу набравшейся в сапоги водой. — Остальные пока обойдутся без меня. Мне, сучья мать, надо отыскать лук и лошадей!»

Сначала она отбила Пегаса. Мерин поэта не обращал внимания на колотившие его по бокам берестяные лапти, не реагировал на непрекращающуюся ругань неумелого седока и не собирался переходить в галоп, а шел через березняк лениво, сонно и медленно. Парень сильно отстал от остальных конокрадов. Услышав, а потом и увидев за спиной у себя Мильву, он не раздумывая скатился с лошади и дал деру в чашу, обеими руками поддерживая штаны. Мильва не стала его догонять, превозмогла клокотавшее в ней желание как следует отлупцевать воришку. Запрыгнула в седло с ходу, так что забренчали струны лютни, притороченной к выюкам. Хорошо зная лошадей, она заставила мерина перейти в галоп. Вернее, на тяжелый бег, который Пегас почему-то считал галопом.

Но даже этого псевдогалопа хватило, потому что конокрадам не давала как следует двигаться вторая — нетипичная — лошадь, норовистая Плотва ведьмака, гнедая кобыла, которую раздражен-

ный ее фокусами Геральт то и дело обещал обменять на другую верховую скотину, пусть даже на осла, мула или хоть козла. Мильва догнала грабителей в тот момент, когда разозленная неумелым использованием поводьев Плотва повалила седока на землю, а остальные кметы, соскочив с седел, пытались усмирить брыкающуюся и лягающуюся кобылку. Они были настолько заняты этим, что Мильву заметили, лишь когда она налетела на них на Пегасе и двинула одному кулаком по лицу, сломав нос. Когда он падал, вой и призывая божью помощь, она его узнала. Это был Лапоть, кмет, которому явно не везло на людей. И особенно на Мильву.

Мильву, увы, счастье тоже покинуло. Точнее говоря, виною было не счастье, а ее собственная дерзость и подтвержденная практикой уверенность в том, что любым двум кметам она сумеет наложить так, как сочтет нужным. Однако, соскочив с седла, она неожиданно получила кулаком в глаз и, непонятно как оказавшись на земле, тут же выхватила нож, готовая выпустить напавшему кишки, но отхватила толстой палкой по голове, да так, что дубина треснула, запорошив ей глаза корой и пылью. Оглушенная, ослепшая, она тем не менее ухитрилась вцепиться в колено оживающего ее обломком дубинки кмета, а кмет неожиданно взвыл и упал. Второй крикнул, заслонил голову обеими руками. Мильва протерла глаза и увидела, что он закрывается от сыплющихся на него ударов плети, которые наносил сидевший на гнедом коне наездник. Она вскочила, с размаху дала поваленному кмету по шее. Конокрад захрипел, дернул ногами и раздвинул их. Мильва тут же воспользовалась этим, вложив в точно направленный пинок всю злость. Парень свился в клубок, зажал руками промежность и завыл так, что с берез посыпались листья.

Тем временем хозяин гнедого коня, разделавшись с другим кметом и пускающим кровь из носа Лаптем, ударами плети погнал обоих в лес, развернулся, чтобы отхлестать воющего, но сдержал коня. Потому что Мильва уже успела одной рукой схватить своего вороного, а в другой держала лук с наложенной на тетиву стрелой. Тетива была натянута наполовину, но наконечник стрелы направлен прямо в грудь наездника.

— Я знал, — сказал он спокойно, — что мне представится случай вернуть твой наконечник, эльфа.

— Я не эльфа, нильфгаардец.

— Я не нильфгаардец. Опусть наконец свой лук. Если б я желал тебе зла, мне достаточно было просто посмотреть, как они с тобой разделаются.

— Без тебя знаю, — проговорила она сквозь зубы, — что ты за тип такой и чего от меня хочешь. Но спасибо за спасение. И за мою стрелу. И за того стервеца, в которого я на вырубке скверно выстрелила.

Кмет, получивший между ног, согнувшись в три погибели, давился криком, вжавшись головой в лесной подстил. Наездник не глядел на него.

— Хватай коней, — сказал он, глядя на Мильву, — мы должны побыстрее отскочить от реки, армия прочесывает леса по обоим берегам.

— Мы? — поморщилась она, не опуская лука. — Вместе? С каких это пор мы стали родней? Или друзьями?

— Я объясню. — Он развернул коня и схватил вожжи гнедого жеребца. — Если ты дашь мне на это время.

— Времени-то как раз у меня и нету. Ведьмак и остальные...

— Знаю. Только нам не спасти их, если позволим себя прикончить или поймать. Хватай коней и в чашу. Поторопись.

«Его зовут Кагыр, — вспомнила Мильва, кинув взгляд на странного спутника, с которым ей довелось сидеть в яме из-под вывороченного дерева. — Станный нильфгаардец, который треплется, будто он не нильфгаардец. Кагыр. Ну да».

— Мы думали, тебя убили, — буркнула она. — Гнедой без се-дока вернулся...

— Было небольшое приключение, — сухо ответил он. — С тремя разбойниками, волосатыми, словно оборотни. Налетели на меня из засады. Конь убежал. Разбойники не сумели. Они были без лошадей. Прежде чем мне удалось добыть нового верхового, я здорово отстал от вас. Догнал лишь сегодня утром. У самого лагеря. Перебрался через реку ниже по течению и ждал на том берегу. Знал, что вы поедете на восток.

Один из укрупных в ольховнике коней зафыркал, топнул. Смеркалось. Комары нагло зудели около ушей.

— Тихо в лесу, — сказал Кагыр. — Армия отошла. Бой кончился.

— Ты хотел сказать — резня.

— Наша конница... — Он осекся, кашлянул. — Императорская конница напала на лагерь, и тут с юга налетели ваши. Кажется, темерцы.

— Если бой кончился, надо вернуться. Ведьмака отыскать, Лютика и остальных.

— Разумнее дождаться вечера.

— Страшно тут как-то, — сказала она тихо, сжимая лук. — Угрюмое урочище, аж мурашки бегают. Вроде тихо, а все что-то шуршит в кустах... Ведьмак болтал, мол, гули тянутся на места боев... А кметы о вомпере говорили...

— Ты здесь не одна, — ответил он вполголоса. — Одному страшнее.

— Угу! — Она поняла, о чем он. — Ты ведь почти две недели вслед за нами тащишься. Один, как в жопе дырочка. Волочишься

за нами, а вокруг все твои... Хотя говоришь, ты не нильф, но все едино — твои. Пусть меня черти сжуют, если я понимаю... Вместо того чтобы к своим пристать, за ведьмаком тянешься. Зачем?

— Это долгая история.

Когда высокий скоя'таэль наклонился над ним, крепко связаный Струйкен зажмурился от страха. Говорили, некрасивых эльфов не бывает, все эльфы как на подбор прекрасны, такими уж они рождаются. Возможно, легендарный командир белок тоже родился красивым. Но сейчас, когда его лицо пересекал ужасный шрам, обезобразивший лоб, бровь, нос и щеку, от присущей эльфам красоты не осталось и следа.

Покореженный эльф присел на лежащий рядом ствол.

— Я — Исенгрим Фаоильтиарна, — сказал он, снова наклоняясь над пленником. — Четыре года я борюсь с людьми, три года команду группой. Я схоронил погибшего в боях родного брата, четырех двоюродных, больше сорока братьев по оружию. Я считаю вашего императора своим союзником и неоднократно доказывал это, передавая вашим разведслужбам информацию, помогая вашим агентам и резидентам, ликвидируя указанных вами людей.

Фаоильтиарна замолчал, подал знак затянутой в перчатку рукой. Стоящий неподалеку скоя'таэль поднял с земли небольшой тусенок из березовой коры. Из тусеска сочился сладкий запах.

— Я считал и считаю Нильфгаард союзником, — повторил эльф. — Поэтому сначала я не верил, когда мой информатор предупредил, что на меня готовится засада. Что я получу указание встретиться с глазу на глаз с нильфгаардским эмиссаром, а когда прибуду, меня схватят. Я не верил собственным ушам, но, будучи осторожным от природы, пришел на встречу пораньше и не один. Каково же было мое удивление и разочарование, когда оказалось, что на секретную встречу вместо эмиссара явилось шестеро бандитов с рыбацкой сетью, веревками, кожаным колпаком, кляпом и кафтаном с крючками, затягиваемым ремнями. Экипировка, я бы сказал, обычно применяемая вашей разведкой при похищениях. Нильфгаардская разведка захотела схватить меня, Фаоильтиарну, живого, отвезти куда-то с кляпом во рту, затянутого по уши в смиренный кафтан. Загадочное дело, сказал бы я. Требующее разъяснения. Я рад, что один из разбойников, несомненно, их начальник, позволил поймать себя живым и сможет дать мне необходимые разъяснения.

Струйкен стиснул зубы и отвернулся, чтобы не глядеть на изуродованное лицо эльфа. Он предпочитал глядеть на тусенок из березовой коры, около которого бренчали две осы.

— Теперь же, — продолжал Фаоильтиарна, вытирая платочком вспотевшую шею, — поболтаем, господин похититель. Для облегчения переговоров я поясню тебе некоторые детали. В этом тусеске на-

ходится кленовый сок. Если наша беседа будет далека от взаимопонимания и далеко идущей откровенности, то упомянутым соком мы обильно смажем тебе голову. С особым тщанием — веки и уши. Потом отнесем на муравейник, вон на тот, по которому бегают симпатичные и трудолюбивые насекомые. Добавлю, что метода эта прекрасно оправдалась уже в случае нескольких Dh'oïne и an'givare, которые проявляли упорство и минимум откровенности.

— Я на императорской службе, — взвизгнул шпион, бледнея. — Я — офицер императорских специальных подразделений, подчиненный господина Ваттье де Ридо, виконта Эиддона! Меня зовут Йан Струйкен! Я протестую...

— По роковому стечению обстоятельств, — прервал эльф, — здешние красные муравьи, обожающие кленовый сок, никогда не слышали о господине Ридо. Начнем. О том, кто отдал приказ похитить меня, я спрашивать не стану, ибо это ясно. Мой первый вопрос: куда меня должны были отвезти?

Нильфгаардский агент задергался в веревках, затряс головой, ему показалось, будто муравьи уже ползают по щекам. Однако молчал.

— Что делать, — прервал молчание Фаоильтиарна, давая ружья эльфам с туеском. — Обмажьте его.

— В Вердэн, в замок Настрог! — завопил Струйкен. — По приказу господина де Ридо.

— Благодарю. И что же в Настроге?

— Следствие...

— О чем собирались расспрашивать?

— О событиях на Танедде! Умоляю, развяжите меня! Я скажу все!

— Конечно, скажешь, — вздохнул эльф, потягиваясь. — Тем более что начало уже положено, а в таких делах самое трудное — начать. Продолжай.

— У меня был приказ узнать у вас, где скрываются Вильгефорц и Риенс! И Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах!

— Забавно. На меня расставляют ловушку, чтобы расспрашивать о Вильгефорце и Риенсе? И что же я могу о них сказать? Что может меня с ними связывать? А с Кагыром еще забавнее. Ведь его я отослал к вам, как вы и желали. В путях. Неужели посылка не дошла?

— Отряд, высланный на место встречи, уничтожен... Кагыра среди убитых не было...

— Так. И у господина Ваттье де Ридо возникли подозрения? Но вместо того чтобы попросту послать к нам очередного эмиссара и попросить объяснений, он тут же устраивает мне западню. Приказывает отвезти в Настрог и выслушать. Относительно событий на Танедде.

Шпион молчал.

— Ты не понял? — Эльф наклонился к нему. — Это был вопрос. Так в чем дело?

— Не знаю... Этого я не знаю, клянусь...

Фаоильтиарна махнул рукой. Струйкен рычал, дергался, клялся Великим Солнцем, заверял в своей невинности, плакал, мотал головой и плевался соком, который плотным слоем покрывал его лицо. И только когда четверо скоя'тазлей потащили его к муравейнику, он решился заговорить. Хотя последствия могли быть еще ужаснее, чем муравьи.

— Господин... Если об этом узнают, я погиб... Но я признаюсь... Я видел секретные приказы. Подслушал... Скажу вам...

— Это ясно, — кивнул эльф. — Рекорд в муравейнике, составляющий час сорок минут, принадлежит некоему офицеру из специальных отрядов короля Демавенда. Но в конце концов и он заговорил. Ну начинай. Быстро, складно и конкретно.

— Император уверен, что на Танедде его предали. Предатель — Вильгефорц из Рогтевеена, чародей. И его помощник по имени Риенс. А прежде всего Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. Ваттье... Господин Ваттье не уверен, не причастны ли и вы к этому делу, хотя бы невольно... Поэтому приказал схватить вас и без лишнего шума доставить в Настрог... Господин Фаоильтиарна, я двадцать лет работаю в разведке. Ваттье де Ридо — мой третий начальник...

— Пожалуйста, поскладнее. И перестань трястись. Если будешь со мной откровенен, тебе представится возможность послужить еще нескольким шефам.

— Это держалось в величайшей тайне, но я знал... Знал, кого Вильгефорц и Кагыр должны были схватить на острове. И получилось, что им вроде бы удалось. Потому что в Лок Грим привезли эту, ну... Как там ее... Ну, принцессу из Цинтры. Вот и я подумал, что это успех, что Кагыр и Риенс станут баронами, а тот чародей никак не меньше чем графом... А вместо этого император вызвал Филина... То есть господина Скеллена и господина Ваттье и приказал схватить Кагыра... И Риенса, и Вильгефорца... Всех, кто знает что-либо о Танедде и этом деле, велено было взять на пытки... И вас тоже... Нетрудно было догадаться... Ну... что было предательство. Что в Лок Грим привезли подложную принцессу.

Шпион задохнулся, нервно хватая воздух ртом, заляпанным кленовым соком.

— Развяжите его, — скомандовал Фаоильтиарна. — И пусть вымоет лицо.

Приказ был исполнен незамедлительно. Спустя минуту организатор неудавшейся засады уже стоял, опустив голову, перед легендарным командиром скоя'тазлей. Фаоильтиарна равнодушно глядел на него.

— Вытри как следует сок из ушей, — сказал он наконец. — Слушай внимательно и напруги память, как пристало многолетне-

му практику. Я представлю императору доказательство моей лояльности, дам полный отчет об интересующих вас проблемах. А ты слово в слово повторишь все Ваттье де Ридо.

Агент усердно закивал головой.

— В середине блатэ, то есть в начале июня по вашему календарю, — начал эльф, — со мной связалась Энид ан Глеанна, чародейка, известная как Франческа Финдабаир. Вскоре по ее поручению в мою группу прибыл некий Риенс, кажется, фактотум Вильгефорца из Роггевеена, тоже магик. В величайшей тайне был разработан план операции, в ходе которой предполагалось ликвидировать определенную часть чародеев во время Большого Сбора на острове Танедд. Мне было сказано, что этот план одобрен Ваттье де Ридо, Стефаном Скелленом и поддержан императором Эмгыром. В противном случае я б не согласился сотрудничать с Dh'oine. Не важно — чародеями или нет, ибо я был в жизни свидетелем слишком многих провокаций. Интерес империи к этой афере подтвердило прибытие на полуостров Бреммервоорд корабля под командованием Кагыра, сына Кеаллаха, имевшего особые полномочия. Выполняя распоряжения Кагыра, я выделил в его подчинение специальную группу. Я знал, что группе поручено поймать и увезти с острова... некую особу.

Фаоильтиарна немного помолчал. Потом продолжил:

— На Танедд мы пошли на корабле Кагыра. У Риенса были амулеты, при помощи которых он укрыл корабль чародейским туманом. Мы заплыли в пещеру под островом. Оттуда перебрались в подземелья Гарштанга. Уже там заметили, что не все в порядке. Риенс принял какие-то телепатические сигналы от Вильгефорца. Мы знали, что нам придется прямо с марша включиться в идущий уже бой, и были готовы. И хорошо, потому что как только вышли из пещер — попали в ад.

Эльф сильно скривил покалеченное лицо, как будто воспоминания причинили ему боль.

— После первых успехов начались сложности. Нам не удалось уничтожить всех королевских чародеев, мы понесли большие потери. Погибло несколько магов-заговорщиков, другие кинулись спасать свою шкуру и начали телепортироваться. В какой-то момент исчез Вильгефорц, следом за ним — Риенс, а вскоре после этого Энид ан Глеанна. Исчезновение Энид я расценил как сигнал к отступлению. Однако приказа не отдавал, ждал возвращения Кагыра и его группы, которая, как только началась операция, направилась выполнять свою миссию. Поскольку они не возвращались, мы начали их искать. Из его группы, — Фаоильтиарна посмотрел в глаза нильфгаардскому агенту, — не уцелел ни один, все были посечены самым зверским образом. Кагыра мы нашли на лестнице, ведущей в Тор Лара, башню, которая во время боя взорвалась и развалилась на куски. Он был без сознания и ранен. Ста-

ло ясно, что поручения не выполнил. Объекта его миссии не было нигде, а снизу, от Аретузы, уже бежали королевские солдаты. Я знал, что Кагыр ни в коем случае не должен попасть им в руки, иначе он стал бы доводом активного участия Нильфгаарда в акции. Мы забрали его и спустились в подземелья, там погрузились на корабль и уплыли. Из моей команды уцелело двенадцать бойцов, в большинстве своем раненных.

Ветер нам благоприсягствовал. Мы высадились к западу от Гирунда, укрылись в лесах. Кагыр пытался срывать с себя повязки, кричал что-то о спятившей девчонке с зелеными глазами, о Львенке из Цинтры, о ведьмаке, который вырезал его группу, о Башне Чайки и о чарошее, который летал словно птица. Требовал коня, приказывал двинуться на остров, ссылаясь на императорские указы. В такой ситуации я вынужден был признать это бредом сумасшедшего. В Аэдирне, как мы знали, шла война, я считал более важным поскорее восстановить поредевшую команду и возобновить борьбу с Dh'oïne.

Кагыр все еще был с нами, когда в контактном пункте я нашел ваш секретный приказ. Я был изумлен. Кагыр явно не выполнил своей миссии, однако не было никаких признаков тому, что он предал. Впрочем, я рассуждать не стал, решив, что это ваше дело и разбираться вам. Кагыр, когда его связывали, не сопротивлялся, был спокоен и покорен. Я приказал уложить его в деревянный гроб и с помощью знакомого hav'saage доставить на указанное в письме место. Признаться, я не намерен был ослаблять свою команду и дать им эскорт. Не знаю, кто уничтожил ваших людей в месте встречи. А о том, где это место находится, знал только я. Так что, если вам не нравится версия совершенно случайной гибели вашего подразделения, то ищите предателя у себя, поскольку, кроме меня, только вы знали время и место.

Фаоильтиарна встал.

— Это все. Все, что я сказал, — правда. Ничего больше я б не сказал даже в казематах Настрога. Ложь и выдумки, которыми, возможно, попытался бы удовлетворить следователя и палачей, вам скорее напортили бы, нежели помогли. Ничего больше я не знаю. Не знаю, где находятся Вильгефорц и Риенс. Не знаю, есть ли у вас основания подозревать их в предательстве. Заявляю также, что ничего не знаю о принцессе из Цинтры, ни о настоящей, ни о подложной. Я сказал все, что знал. Рассчитываю, что ни господин де Ридо, ни Стефан Скллен не пожелают больше устраивать на меня ловушки. Dh'oïne уже давно пытаются меня поймать либо убить, поэтому я взял за правило в любом случае уничтожать всех участников засад. В будущем также я не стану выяснять, не имею ли случайно дело с подчиненными Ваттье либо Скллена. На такие разбирательства у меня не будет ни времени, ни охоты. Я выражаюсь ясно?

Струйкен кивнул, сглотнул слюну.

— Бери коня, шпион, и убирайся из моих лесов.

— Значит, в том гробу тебя к палачу везли, — буркнула Мильва. — Теперь-то понимаю, хоть тоже не все. Почему ж заместо того, чтобы затаиться где-нибудь, ты за ведьмаком шлепаешь? Он на тебя зверски зол... Два раза жизнь подарил...

— Три.

— Два я видела. Хоть не ты ведьмаку на Танедде яйца перетряхнул, как я изначально думала, не знаю, стоит ли тебе без опаски снова под его меч переться. Я мало чего из вашего трепаразумею, но меня-то ты спас и глаза у тебя какие-то хорошие... Потому говорю тебе, Кагыр, кратко: когда ведьмак вспоминает тех, кто его Цирию в Нильфгаард уволок, то зубами скрежешет, аж искры летят. А ежели на него плюнуть, слюна зашипит.

— Цири, — повторил Кагыр. — Красиво ее зовут.

— Не знал, что ль?

— Нет. При мне ее всегда называли Цирилой или Львенком из Цинтры... А когда она была со мной... А она когда-то была... То не проронила ни слова. Хоть я и спас ей жизнь.

— Черт один, пожалуй, разберется в делах в ваших, — покачала она головой. — Поперекручены ваши судьбы, Кагыр, попутаны и повывернуты. Не на мой ум.

— А как тебя зовут? — вдруг спросил он.

— Мильва... Мария Барринг. Но ты говори — Мильва.

— Ведьмак едет не туда, куда надо, Мильва, — сказал он, помолчав. — Нету Цири в Нильфгаарде. Не в Нильфгаард ее увели. Если вообще увели.

— Как так?

— Это долгая история.

— Великое Солнце! — Остановившись на пороге, Фрингиля наклонила голову и удивленно взглянула на подругу. — Что ты сотворила с волосами, Ассирэ?

— Вымыла, — сухо ответила Ассирэ вар Анагьд. — И сделала прическу. Входи, садись. Брысь со стула, Мерлин!

Чародейка присела на место, которое с явным нежеланием освободил черный кот. При этом она не переставала рассматривать новую прическу подруги.

— Перестань пялиться, — Ассирэ коснулась рукой пушистых блестящих локонов, — к тому же я взяла пример с тебя.

— Меня, — расхохоталась Фрингиля Виго, — всегда считали чудачкой и бунтаркой. Но когда тебя увидят на торжествах или при дворе...

— Я не бываю при дворе, — отрезала Ассирэ. — А торжественные сборища должны будут привыкнуть. За окнами тринадцатый

век. Самое время покончить с мнением, будто забота чародейки о внешности говорит о ее несовершенном и мелочном уме.

— Ногти тоже. — Фрингиля слегка прищурила зеленые глаза, от которых никогда и ничто не ускользало. — Не узнаю тебя, дорогая моя.

— Простейшее заклинание, — холодно ответила чародейка, — и ты согласишься, что перед тобой я, а никакой не двойник. Ну, давай шепчи, если так уж надо. А потом переходи к тому, о чем я тебя просила.

Фрингиля Виго погладила кота, который терся об ее ногу, мурлыча и выгибая спину, прикидываясь, будто выражает тем самым любовь, а в действительности намекая на то, что черноволосой чародейке неплохо бы освободить стул.

— А тебя, — проговорила она, не поднимая головы, — просил сенешаль Кеаллах аэп Груффид, верно?

— Верно, — тихо подтвердила Ассирэ. — Кеаллах просил, он был в отчаянии, просил о помощи, о заступничестве, о спасении сына, которого Эмгыр приказал схватить, пытать и обезглавить. К кому он мог еще обратиться, если не к свояченице? Маур, супруга Кеаллаха, мать Кагыра, — моя племянница, младшая дочь моей родной сестры. К тому же я ничего ему не обещала. Потому что я бессильна что-либо сделать. Недавние события не позволяют мне обращать на себя внимание. Я объясню. Но только после того, как выслушаю сведения, которые просила тебя собрать.

Фрингиля Виго украдкой облегченно вздохнула. Она боялась, что подруга все же захочет вмешаться в грозящее эшафотом дело Кагыра, сына Кеаллаха. И попросит ее о помощи, а она не сможет отказать.

— Примерно в середине июля, — начала она, — собравшийся в Лок Криме двор имел возможность лицезреть пятнадцатилетнюю девушку, якобы княжну Цириллу, которую Эмгыр во время аудиенции упорно именовал королевой и принял так ласково, что даже появились слухи о скором браке.

— Слышала. — Ассирэ погладила кота, который отрекся от Фрингили и теперь пытался аннексировать уже ее стул. — Об этом, несомненно политическом, марьяже продолжают говорить.

— Но уже не так громко и не так часто. Цинтрийку увезли в Дарн Рован. В Дарн Роване, как ты знаешь, часто держат государственных узников. Кандидаток в императрицы — значительно реже.

Ассирэ смолчала. Терпеливо ждала, рассматривая свои недавно обстриженные и покрытые лаком ногти.

— Ты, конечно, помнишь, — продолжала Фрингиля Виго, — как три года назад Эмгыр вызвал всех нас и приказал установить место пребывания некой особы. На территории Северных Королевств. Несомненно, помнишь также, как он взбеленился, когда у нас ничего не получилось. Альбрыха, пытавшегося объяснить, что

на таком расстоянии зондировать невозможно, не говоря уж о том, чтобы пробивать экраны, Эмгыр покрыл последними словами. А теперь слушай. Спустя неделю после памятной аудиенции в Лок Криме, когда праздновали победу под Альдерсбергом, Эмгыр увидел в зале замка Альбреха и меня. И удостоил нас беседой. Смысл его слов, немного опошляя, был таков: «Вы дармоеды и лентяи. Ваши шарлатанские штучки обходятся мне в целое состояние, а толку от них ноль с хвостиком. Задание, с которым не справилась вся ваша затраханная братия, простой астролог выполнил в четыре дня».

Ассирэ вар Анагьд презрительно фыркнула, не переставая поглаживать кота.

— Я легко узнала, — продолжала Фрингиля Виго, — что этим астрологом-кудесником был не кто иной, как знаменитый Ксартисиус.

— Стало быть, искали ту самую цинтрийку, кандидатку в императрицы. Ксартисиус ее отыскал. Ну и что? Его назначили министром иностранных дел? Главой Департамента Неразрешимых проблем?

— Нет. Через неделю бросили в тюрьму.

— Прости, но я не вижу связи между Ксартисиусом и Кагыром, сыном Кеаллаха.

— Терпение. Позволь излагать по порядку. Это необходимо.

— Извини. Слушаю.

— Помнишь, что дал нам Эмгыр, когда мы три года назад брались за поиски?

— Прядь волос.

— Верно. — Фрингиля открыла сумочку. — Вот эту. Светленькие волосы шестилетней девочки. Я сохранила немного. Тебе следует знать, что надзор за изолированной в Дарн Роване цинтрийской княжной поручен Стелле Конгрев, графине Лиддерталь. Когда-то Стелле привелось кое-что задолжать мне, поэтому я без проблем получила другую прядку волос. Вот эту. Они немного темнее, но волосы с возрастом темнеют. Однако дело в том, что волосы принадлежат совершенно разным людям. Я проверила. Это несомненно.

— Я догадывалась о чем-то подобном, — признала Ассирэ вар Анагьд, — как только услышала, что цинтрийку направляют в Дарн Рован. Астролог либо провалил дело, либо позволил втянуть себя в заговор, имеющий целью «всучить», прости за грубость, Эмгыру фальшивую девицу. Заговор, который будет стоить Кагыру, сыну Кеаллаха, головы. Благодарю, Фрингиля. Все ясно.

— Не все, — покачала черной головкой чародейка. — Во-первых, не Ксартисиус отыскал цинтрийку и не он доставил ее в Лок Крим. Астролог занялся гороскопами и астромантией уже после того, как Эмгыр понял, что ему подсунули «липовую» княжну, и

начал активные поиски настоящей. А в тюрьму старый идиот попал за обыкновенную ошибку в фокусе или шарлатанство. Дело в том, что, как мне удалось установить, он определил место нахождения искомой особы с точностью порядка ста верст. А центр этой территории оказался в пустыне, в диком безлюдье где-то за массивом Тир Тохаир, за истоками Вельды. Посланный туда Стефан Скеллен нашел одних только скорпионов да стервятников.

— А чего ты еще хотела от Ксартисиуса? Но на судьбе Кагыра это никак не отразится. Эмгыр запальчив, но никогда не пошлет на пытку и смерть просто так, без оснований. Кто-то, как ты сама сказала, виновен в том, что в Лок Крим доставили фальшивую княжну вместо истинной. Кто-то постарался раздобыть двойника. Стало быть, заговор был, а Кагыр позволил себя в него втянуть. Я не исключаю, что непреднамеренно. Что им воспользовались.

— Если так, то им воспользовались бы до конца. Он бы лично привез двойника Эмгыру. А Кагыр исчез без следа. Почему? Ведь его исчезновение должно было вызвать подозрения. Неужели думал, что Эмгыр раскроет обман с первого взгляда? А ведь раскрыл! Да и обязательно раскрыл бы, ведь у него была...

— Прядка волос, — прервала Ассирэ, — прядка волос шестилетней девочки. Фрингиля, эту девочку Эмгыр ищет не три года, а гораздо дольше. Похоже, Кагыр влип во что-то паршивое, что-то такое, что началось еще в то время, когда он ездил верхом на палочке. Хммм... Оставь мне эти волосы. Я хотела бы как следует исследовать обе прядки.

Фрингиля Виго медленно прищурила зеленые глаза.

— Оставлю. Но будь осторожна, Ассирэ. Не впутывайся в паршивые дела. Ты можешь обратить на себя внимание. А в начале беседы ты намекнула, что тебе это не на руку. И обещала объяснить причины.

Ассирэ вар Анагид встала, подошла к окну, засмотрелась на блестящие в свете заходящего солнца островерхие крыши, шпили и башенки Нильфгаарда, имперской столицы, именуемой Городом Золотых Башен.

— Когда-то ты сказала, а я запомнила, — проговорила она, не поворачиваясь, — что магию не должны разделять границы. Что благо магии должно быть величайшим благом, не признающим никаких границ. Что пригодились бы что-то вроде... секретной организации... Что-то вроде конвента или логи...

— Я готова, — прервала длившееся несколько секунд молчание Фрингиля Виго, нильфгаардская чародейка. — Я решила и готова присоединиться. Благодарю за доверие и отличие. Когда и где произойдет собрание этой логи, моя загадочная и таинственная подружка?

Ассирэ вар Анагид, нильфгаардская чародейка, повернулась. На ее губах играла тень улыбки.

— Скоро, — сказала она. — Сейчас все объясню. Но сначала, чуть не забыла... Дай мне адрес твоей модистки, Фрингиля.

— Ни одного огня, — шепнула Мильва, всматриваясь в темный берег за блестящей в лунном свете рекой. — Ни живого духа там нет, мнится мне. В лагере было сотни две беженцев. Ни один головы не носил?

— Если победили имперские, то погнали всех в неволю, — шепнул в ответ Кагыр. — Если победили ваши, прихватили, уходя, и их.

Они подошли ближе к берегу, к заросшей камышом трясине. Мильва наступила на что-то и еле сдержала крик, увидев торчащую между кочками усеянную пиявками руку.

— Всего-навсего труп, — буркнул Кагыр, схватив ее за плечо. — Наш. Даэрляндец... Седьмая даэрляндская кавалерийская бригада. Серебряный скорпион на рукаве...

— О боги... — вздрогнула девушка, сжимая лук вспотевшей рукой. — Слышал голос? Что это было?

— Волк.

— Или гуль... Или какой другой окаянец. Там, в лагере, тоже должна куча трупов лежать... Зараза, не пойду я ночью на тот берег!

— Подождем до рассвета... Мильва? Чем тут так странно...

— Регис?.. — Лучница сдержала крик, почувствовав запах полыни, шалфея, кориандра и аниса. — Регис? Ты, что ль?

— Я, — бесшумно появился из мрака цирюльник. — Беспокоился за тебя. Вижу, ты не одна.

— Угу. Верно видишь. — Мильва отпустила плечо Кагыра, который уже доставал меч. — Я не одна, и он теперь тоже не один. Но это долгая история, как говорят некоторые. Регис, что с ведьмаком? С Лютиком? С остальными? Знаешь, что с ними?

— Знаю. Лошади есть?

— Есть. В ивняке укрыты.

— Двигаем на юг, вниз по Хотле. Немедленно. До полуночи надо быть у Армерии.

— Что с ведьмаком и поэтом? Они живы?

— Живы. Но у них неприятности.

— Какие?

— Это долгая история.

Лютик застонал, пытаясь повернуться и устроиться хоть немного поудобнее. Однако это была задача, невыполнимая для человека, лежащего в куче осыпающихся стружек и опилок и связанного веревками наподобие подготовленного к копчению свиного рулета.

— Не повесили нас сразу, — ойкнул он. — Вся надежда... В этом вся наша надежда...

— Успокойся. — Ведьмак лежал не двигаясь, глядя на луну, просвечивающую сквозь щели в крыше деревянного сарая. — Знаешь, почему Виссегерд не повесил нас сразу? Потому что решил казнить публично, на рассвете, когда весь корпус соберется уходить. В пропагандистско-воспитательных целях.

Лютик умолк. Геральт слышал, как он сопит и постанывает.

— У тебя-то есть шансы вывернуться, — сказал он, чтобы успокоить поэта. — Мне Виссегерд собирается отомстить за личную обиду, а против тебя он ничего не имеет. Твой знакомый граф вытащит тебя из беды, вот увидишь.

— Хрен вам, — ответил бард, к удивлению ведьмака спокойно и совершенно рассудительно, — хрен вам, хрен и дерьмо. Не считай меня ребенком. Во-первых, в пропагандистско-воспитательных целях два висельника лучше, чем один. Во-вторых, он не захочет оставлять в живых свидетелей. Нет, брат, будем болтаться рыдышком.

— Перестань, Лютик. Лежи тихо и обдумывай возможности.

— Какие еще возможности, черт поберет?

— Любые.

Болтовня поэта мешала ведьмаку собраться с мыслями, а мыслить он интересно. Все время ждал, что в сарай вот-вот ввалятся люди из темерской войсковой разведки, которые, несомненно, были в корпусе Виссегерда. Разведку наверняка заинтересовали бы подробности событий в Гарштанге на острове Танедд. Геральт почти не знал подробностей, однако понимал, что прежде чем агенты в это поверят, он уже будет очень, очень больным. Вся его надежда основывалась на том, что ослепленный жаждой мести Виссегерд не разболтал о его поимке. Разведка могла бы попытаться вырвать пленников из когтей взбешенного маршала, чтобы забрать их в главную квартиру. Вернее, потащить в главную квартиру то, что останется от них после первых допросов.

Меж тем поэт придумал «возможность».

— Геральт! Давай прикинемся, будто знаем что-то очень важное. Что мы действительно шпионы или нечто подобное. Тогда...

— Умоляю тебя, Лютик!

— Можно попытаться подкупить стражу. У меня есть немного денег. Дублионы, зашитые в подкладку сапога. На черный день... Давай крикнем стражников...

— И они отберут у тебя все да еще и поколотят.

Поэт заворчал, но тут же умолк. С майдана долетали крики, конский топот и — что хуже всего — запах солдатской гороховой похлебки, за миску которой Геральт отдал бы всю стерлядку и все трюфели мира. Стоящие перед сараем стражи лениво переговаривались, похохатывали, время от времени кашляли и отплевывались. Стражи были профессиональными солдатами, это чувство-

валось по фразам, составленным почти исключительно из местоимений и изысканно-грязных ругательств.

— Геральт!

— Ну?

— Интересно, что случилось с Мильвой... С Золтаном, Персивалем, Регисом... Ты их не видел?

— Нет. Вполне возможно, что во время стычки их зарубили или потоптали конями. Там, в лагере, труп на трупе валялся.

— Не верю, — твердо и с надеждой в голосе заявил Лютик. — Не верю, чтобы такие ловкачи, как Золтан и Персиваль... Или Мильва...

— Не обольщайся. Даже если они выжили, нам не помогут.

— Почему?

— По трем причинам. Во-первых, у них свои заботы. Во-вторых, мы лежим связанные в сарае в центре лагеря, насчитывающего несколько тысяч солдат.

— А третья причина? Ты сказал — три?

— А в-третьих, — утомленно проговорил Геральт, — лимит чудес на этот месяц исчерпала встреча керновской бабы с ее потевшимся мужем.

— Там. — Цирюльник указал на светящиеся точки бивуачных огней. — Там форт Армерия, теперешний передовой лагерь темерских войск, сконцентрированных под Майеной.

— Там держат ведьмака и Лютика? — поднялась Мильва на стременах. — Да, тогда дело хреново... Там уйма вооруженного люда, да и охрана вокруг. Нелегко будет прокрасться.

— И не надо, — ответил Регис, слезая с Пегаса. Мерин протяжно фыркнул, отвернул морду. Ему явно не нравился щекочущий в носу травяной аромат цирюльника.

— И не надо подкрадываться, — повторил он. — Я сделаю все сам. Вы подождите с лошадьми там, у реки, видите — пониже самой яркой звезды Семи Коз. Там Хотля впадает в Ину. Когда я вытащу ведьмака из беды, направлю его туда. Там и встретитесь.

— До чего самоуверенный, — буркнул Кагыр Мильве, когда, слезши, они оказались рядом. — Один, без всякой помощи собрался вытащить их из беды, слышала? Кто он такой?

— Взаправду, не знаю, — тоже тихо ответила Мильва. — А что до вытаскивания, так я ему верю. Вчера он на моих глазах голый рукой вытащил из угольев раскаленную подкову...

— Чародей?

— Нет, — возразил из-за Пегаса Регис, демонстрируя тонкий слух. — Разве так уж важно, кто? Я ведь не спрашиваю тебя, кто ты такой?

— Я — Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах.

— Благодарю и восхищаюсь. — В голосе цирюльника прозвучала легкая ирония. — Почти не чувствуется нильфгаардский акцент в нильфгаардском имени.

— Я не...

— Довольно! — перебила Мильва. — Не время препираться и канителиться. Регис, ведьмак ждет помощи.

— Не раньше полуночи, — холодно бросил цирюльник, глядя на луну. — Значит, у нас есть время поговорить. Кто этот человек, Мильва?

— Этот человек, — взяла Кагыра под защиту явно раздраженная Мильва, — выручил меня. Этот человек скажет ведьмаку, как только они встретятся, что тот идет не туда, куда надо. Цири нет в Нильфгаарде.

— Действительно, любопытно. — Голос цирюльника помягчал. — А каков источник, уважаемый Кагыр, сын Кеаллаха?

— Это долгая история.

Лютик уже долго молчал, когда один из стражей вдруг осекся на полуслове, второй кашлянул, а может, охнул. Геральт знал, что их было трое, поэтому напряг слух, но третий солдат не издал ни звука.

Геральт затаил дыхание. То, что он услышал, был не скрип открываемых спасительных дверей сарая. Отнюдь. Это был ровный, тихий, многоголосый храп. Стражи элементарно уснули на посту.

Геральт вздохнул, беззвучно выругался и уже собирался было снова погрузиться в мысли о Йеннифэр, когда медальон на его шее сильно дрогнул, а в ноздри ударил запах полыни, базилика, кореандра, шалфея, аниса и дьявол знает чего еще.

— Регис? — недоверчиво шепнул он, напрасно пытаясь оторвать голову от стружек.

— Регис, — прошептал Лютик, зашуршав опилками. — Только один он так смердит. Где ты? Я тебя не вижу...

— Тише.

Медальон перестал дрожать. Геральт услышал облегченный вздох поэта и тут же скрип лезвия, перепиливающего веревку. Через минуту Лютик уже стонал от боли, вызванной восстанавливающимся кровообращением, но при этом сдерживал стоны, засунув в рот кулак.

— Геральт. — Размытая колеблющаяся тень цирюльника возникла перед ним. — Через лагерные посты пойдете сами. Направляйтесь на восток, на самую яркую звезду Семи Коз. Прямо к Ине. Там вас ожидает Мильва с лошадьми.

— Помогите мне встать.

Освобожденный Регисом ведьмак постоял сначала на одной, потом на другой ноге, кусая кулак. Кровообращение Лютика уже пришло в норму. Через минуту ведьмак тоже был в порядке.

— Как нам выйти? — вдруг спросил поэт. — Стражники у дверей храпят, но могут...

— Не могут, — шепотом прервал Регис. — Будьте осторожны. Полная луна, на майдане светло от костров. Несмотря на ночную пору, в лагере движение, но это даже к лучшему. Дозорным надоело окрикивать всех подряд. Ну — успеха! Выходите.

— А ты?

— Обо мне не беспокойтесь. Не ждите меня и не оглядывайтесь.

— Но...

— Лютик, — прошипел ведьмак. — О нем не беспокойся. Слышал?

— Выходите, — повторил Регис. — Успеха. До встречи, Геральт.

Ведьмак обернулся.

— Благодарю тебя за спасение, — сказал он. — Но лучше б нам никогда не встречаться. Ты меня понимаешь?

— Полностью. Не теряйте времени.

Охранники спали в живописных позах, похрапывая и посапывая. Ни один не дрогнул, когда Геральт с Лютиком проскальзывали в приотворенную дверь. Ни один не пошевелился, когда ведьмак бесцеремонно стаскивал с двоих толстые домотканые плащи.

— Это не обычный сон, — шепнул Лютик.

— Конечно, — шепнул Геральт, незаметный в темноте у стены сарая.

— Понимаю, — вздохнул поэт. — Регис — чародей?

— Нет. Не чародей.

— Он вытащил из огня подкову. Усыпил стражников...

— Перестань болтать и сосредоточься. Мы еще не на свободе. Завернись в плащ и идем через майдан. Если кто-нибудь остановит, прикинемся солдатами.

— Хорошо. В случае чего скажу...

— Мы прикинемся глупыми солдатами! Пошли.

Они пересекли площадь, держась подальше от солдат, собравшихся вокруг горящих мазниц и бивуачных костров. По майдану во всех направлениях сновали люди, двое лишних не бросались в глаза. Они не вызывали подозрений, никто их не окликал и не задерживал. Быстро и без помех вышли за поломанную изгородь.

Все шло гладко, даже чересчур гладко. Геральт почувствовал беспокойство, поскольку инстинктивно ощущал опасность. И это ощущение, вместо того чтобы уменьшаться, усиливалось по мере удаления от центра лагеря. Он повторял себе, что тут нет ничего странного — в центре шумного даже ночью сборища они не обращали на себя внимания, в крайнем случае могла начаться суeta,

если кто-то обнаружит усыпленных у дверей дровяного сарая охранников. Теперь же они приближались к внешнему кольцу охраны, где посты, естественно, должны были быть бдительнее. То, что они шли со стороны лагеря, не могло им помочь, совсем наоборот! Ведьмак помнил о ширящемся в корпусе Висегерда дезертирстве и был уверен, что часовые получили приказ тщательно следить за всеми, кто намеревался покинуть лагерь.

Луна давала достаточно света, чтобы Лютик мог идти не на ощупь. Ведьмак же при таком освещении видел не хуже, чем днем, и это помогло им обойти два пикета и переждать в кустах, пока проедет конный патруль. Впереди, почти сразу за постами, лежал темный ольховник. Все шло гладко. Даже чересчур гладко.

Погубило их незнание воинских порядков.

Низкая и мрачная ольховая роща манила, обещала укрытие. Но сколько существует мир, бывалые вояки, когда им доводится выходить на охрану, устраивались в кустах, откуда бодрствующие могли наблюдать и за возможным неприятелем, и за собственными, чересчур ретивыми офицерами, которым вдруг приспичило бы явиться с неожиданной проверкой.

Едва Геральт и Лютик подошли к рощице, как перед ними выросли люди. И острия копий.

— Пароль!

— Цинтра! — не раздумывая, выпалил Лютик.

Солдаты дружно расхохотались.

— Эх, люди, люди, — сказал один. — Ну ни на шелонг фантазии. Ну хоть бы один что-нибудь новенького придумал. Так нет же, «Цинтра» — и вся недолга. По печке затосковали, а? Порядочек. Ставка такая же, что и вчера.

Лютик громко скрежетнул зубами. Геральт оценил ситуацию и шансы. Оценка получалась явно не в их пользу.

— Ну, чего умолкли? — подгонял солдат. — Хотите пройти, гоните пошлину, а мы прикроем глаза. Да пошибчей, того и глядя обходящий явится.

— Щас. — Поэт сменил стиль разговора и акцент. — Присесть надеть, да сапог стянуть, потому как тама у меня...

Больше он сказать не успел. Четверо солдат повалили его на землю, двое, зажав его ноги своими, стянули сапоги. Тот, что спрашивал о пароле, отодрал с внутренней стороны голенища подкладку. Что-то со звоном посыпалось.

— Золото! — рявкнул старший. — А ну, разуьте этого второго! Да кликните проверяющего!

Однако разувать и вызвать было некому, потому что часть патрульных кинулась на колени в поисках рассыпавшихся меж листьев дублонов, остальные же яростно дрались за овладение вторым сапогом Лютика. «Теперь или никогда», — подумал Геральт и тут же саданул старшего в челюсть, а пока тот падал, хватил его по

голове. «Золотоискатели» этого даже не заметили. Лютик, не ожидая приглашения, вскочил и помчался сквозь кусты, за ним на ветру, словно выпелы, развевались онучи. Геральт бежал следом.

— Хватай! Хватай! — вопил поваленный старшой, тут же подержанный товарищами. — Разводящий!

— Мерзавцы! — взвизгнул на бегу Лютик. — Стервецы! Деньги отобрали!

— Береги дыхание, дурень! Лес видишь? Ну, бегом, быстрее!

— Тревога! Тревога! Трево-о-о-га!!!

Они бежали. Геральт зверски выругался, слыша крики, свист, топот и ржание. Позади. И впереди. Удивление его было недолгим, хватило одного внимательного взгляда. То, что он принял за спасительный лес, оказалось приближающейся к ним лавиной конницы.

— Стой, Лютик! — крикнул он, мгновенно поворачиваясь в сторону настигающего их галопом патруля, и пронзительно засвистел, сунув пальцы в рот.

— Нильфгаард! Нильфгаард насаждает! — заорал он что было сил в легких. — В лагерь! Назад в лагерь, дурьи головы! Играть сбор! Нильфгаард!

Выдвинувшийся вперед конник преследующего их патруля осадил лошадь, глянул в указанном направлении, громко вскрикнул и хотел завернуть, но Геральт, решив, что и без того достаточно много сделал для цинтрийских львов и темерских лилий, подскочил к солдату и ловким рывком стащил его с седла.

— Запрыгивай, Лютик! И держись!

Повторять дважды не потребовалось. Конь слегка присел под тяжестью дополнительного седока, но, получив по бокам двумя парами пяток, помчался галопом. Сейчас приближающиеся массы нильфгаардцев были гораздо опаснее Виссегерда с его корпусом, поэтому беглецы пустили коня вдоль кольца лагерных постов, пытаясь как можно скорее уйти с линии готового вот-вот разгореться столкновения противников. Однако нильфгаардцы были уже ближе и заметили их. Лютик крикнул. Геральт оглянулся и увидел, как из темной стены нильфгаардских конников в их сторону начинает выдвигаться черное щупальце погони. Он не колеблясь направил коня к лагерю, обгоняя ретирующихся охранников. Одинаково хорошо он видел и мчащуюся на них со стороны лагеря конницу. Поднятый по тревоге корпус Виссегерда на удивление быстро оказался в седлах. А Геральт и Лютик — в западне.

Выхода не было. Ведьмак снова изменил направление и выжал из коня все возможное, стараясь выскользнуть из опасно сужающейся щели между молотом и наковальней. Когда засветила надежда, что им все-таки повезет, ночной воздух неожиданно заполнился шумом перьев. Лютик взвизгнул, на этот раз действительно

громко, и впился пальцами в бока Геральта. Ведьмак почувствовал, как что-то теплое потекло ему на шею.

— Держись! — схватил он поэта за локоть и сильно притянул к себе. — Держись, Лютик!

— Убили меня! — завыл поэт, удивительно громко для убитого. — Истекаю кровью! Умираю!

— Держись!

Град стрел из луков и арбалетов, которым осыпали друг друга обе армии, оказавшийся роковым для Лютика, одновременно стал и избавлением. Обстреливающие друг друга войска сбились в кучи, нажим ослаб, а вот-вот готовая захлопнуться щель между фронтами оставалась щелью еще достаточно долго, чтобы тяжело храпящий конь успел вынести обоих ездовых из ловушки. Геральт нещадно колотил пятками коня, заставляя того продолжать галоп, потому что хоть перед ними уже и маячил спасительный лес, позади не умолкал гул копыт. Конь взвизгнул, споткнулся. Возможно, им и удалось бы убежать, но Лютик вдруг застонал и обмяк, стягивая с седла и Геральта. Геральт машинально натянул поводья, конь встал на дыбы, и оба они слетели на землю, упав между невысокими сосенками. Поэт бессильно повалился и не вставал, продолжая душераздирающе стонать. Вся левая сторона головы и левое плечо у него были в крови, отливающей черным в лунном свете.

Позади них с гулом, грохотом и ревом столкнулись конники. Но несмотря на кипящую битву, нильфгаардские преследователи не забыли о беглецах. Прямо на них мчались галопом трое наездников.

Ведьмак вскочил, чувствуя вздымающуюся в нем волну ледяной ярости и ненависти. Прыгнул навстречу преследователям, отводя внимание конников от Лютика. Нет, он не собирался жертвовать собою ради друга. Он хотел убивать.

Первый выдвинувшийся вперед наездник налетел на него с поднятым топором, но ведь он не мог знать, что перед ним ведьмак. Геральт легко увернулся от удара, ухватил наклонившегося в седле нильфгаардца за плащ, пальцами другой руки стиснул широкий пояс, сильным рывком стянул конника с седла, навалился на него, прижал к земле и только тут сообразил, что у него нет оружия. Тогда он ухватил поваленного солдата за горло, но удушить не смог, мешал железный ринграф. Нильфгаардец дернулся, ударил его железной перчаткой, рассек щеку. Ведьмак придавил его всем телом, нащупал на широком поясе противника короткий кинжал, вырвал его из ножен. Солдат почувствовал это и завыл. Геральт оттолкнул все еще колотящую по нему руку с серебряным скорпионом на рукаве, замахнулся кинжалом.

Нильфгаардец заорал.

Геральт врубил ему кинжал в раскрытый рот. По самую рукоять. Вскочив, он увидел коней без седоков, трупы и удаляющуюся

в сторону продолжающегося боя группу конных. Цинтрийцы из лагеря разгромили нильфгаардскую погоню, а поэта и дерущихся на земле даже не заметили во мраке, заполняющем лесок.

— Лютик! Куда тебя? Где стрела?

— В го... голове... В голову вонзилась...

— Не болтай глупостей! Черт, повезло тебе... Только чиркнуло...

— Я истекаю кровью.

Геральт сбросил куртку и оторвал рукав рубахи. Наконечник стрелы прошел у Лютика над ухом, расцарапав кожу до виска. Поэт то и дело прижимал к ранке трясущуюся руку, потом рассматривал кровь, обильно пачкающую ладони и манжеты. Глаза были дурные. Ведьмак подумал, что перед ним человек, которому впервые в жизни причинили боль и ранили. Который впервые в жизни видит собственную кровь в таком количестве.

— Вставай, — сказал он, быстро и кое-как обматывая голову трубадура рукавом рубахи. — Это ничего, Лютик, всего лишь царапина... Вставай, надо побыстрее сматываться отсюда...

Ночная битва на лугу продолжалась, звон железа, ржание и крики все усиливались. Геральт быстро поймал двух нильфгаардских коней, но нужен оказался только один. Лютик сумел встать, однако тут же снова тяжело уселся на землю, застонал, громко зарыдал. Ведьмак поднял его, прижал к себе, усадил в седло. Сам сел позади и погнал коня. На восток, туда, где повыше уже видной на небе бледно-голубой полосы рассвета висела самая яркая звезда созвездия Семи Коз.

— Скоро рассветет, — сказала Мильва, глядя не на небо, а на блестящую поверхность реки. — Сомы крепко белорыбиц гоняют. А ведьмака и Лютика ни слуха ни духа. Ох, не испоганил ли дело Регис...

— Не накличь беды, — буркнул Кагыр, поправляя подпругу гнедого жеребца.

— Тыфу-тыфу... Так ведь оно как-то уж так идет... Кто с этой вашей Цирей столкнется, так все одно что башку под топор поклат... Несчастье эта девка приносит... Несчастье и смерть.

— Сплюнь, Мильва.

— Тыфу-тыфу от сглаза, от порчи... Ну и холодина, аж трясет всю. И пить хочется, а в реке у берега обратно труп гниющий видела... Брр... Тошнит меня... Не иначе — блевать буду...

— На, — Кагыр протянул ей фляжку, — глотни. И сядь ближе ко мне, согрею.

Новый сом ударил на мелководье в косячок уклек. Рыбки прыснули по поверхности серебристым градом. В лунной дорожке мелькнула то ли летучая мышь, то ли козодой.

— Кто знает, — задумчиво протянула Мильва, прижавшись к плечу Кагыра, — что будет завтра? Кто реку перейдет, а кто землюшку обьет?

— Будет, что должно быть. Отбрось дурные мысли.

— Не боишься?

— Боюсь. А ты?

— Тошнит меня.

Молчали долго.

— Расскажи, Кагыр, когда ты с той Цирей встретился?

— Впервые? Три года назад. Во время боев за Цинтру. Вывез ее из города. Нашел окруженную со всех сторон огнем. Я ехал сквозь пламя и дым, держа ее в руках, а она тоже была как пламя.

— И что?

— Пламя в руках не удержать.

— Если в Нильфгаарде не Цира, — сказала Мильва после долгого молчания. — То кто же?

— Не знаю.

У Дракенборга, реданского форта, превращенного в лагерь для интернированных эльфов и других подрывных элементов, были свои печальные традиции, созданные в ходе трех лет функционирования. Одна из таких традиций — казнь на рассвете. Вторая — предварительный сбор обреченных на смерть в большой общей камере, откуда на заре их выводили к виселице.

Смертников набиралось в камере около десятка, а вешали каждое утро двух, трех, порой четырех. Остальные ждали своего часа. Долго. Иногда неделю. Ожидających в лагере называли «шутами». Потому что атмосфера в камере смертников всегда была веселая. Во-первых, на завтрак подавали кислое и крепко разбавленное вино, носящее на лагерном жаргоне название «Сухой Дийкстра», поскольку не было секретом, что предсмертный напиток поставлялся приговоренным по личному распоряжению шефа реданских разведслужб. Во-вторых, из камеры смертников уже не таскали на допросы в зловещих подземельях «Мойки», а стражникам запрещалось измываться над заключенными.

В ту ночь с традициями тоже все было в порядке. В камере, занятой шестью эльфами, одним полуэльфом, одним низушком, двумя людьми из королевств и одним нильфгаардцем, было весело. «Сухого Дийкстру» по общему согласию выливали в жестяную миску и хлебали без помощи рук. Такая метода позволяла хотя бы чуточку захмелеть. Лишь один из эльфов, ская'таэль из разгромленного отряда Иорвета, недавно жестоко избитый в «Мойке», держался спокойно и серьезно, занятый тем, что выцарапывал на бревне стены надпись: «Свобода или смерть». Подобных надписей на стенах было бесчисленное множество. Остальные смертники, поддерживая традицию, без конца пели «Гимн шутам», сложенную в

Дракенборге песню, слова которой каждый выучивал в бараках, слушая по ночам звуки, долетавшие из камеры смертников, и зная, что придет и его черед выступить в хоре.

Пляшут шуты на веревке,
Дергают петлю ритмично,
Ох, до чего же мы ловки,
Как же мы пляшем отлично.

Как же не дергать веревку,
Если солдат из-под ног
Выбьет скамеечку ловко
Сильным ударом сапог!

Звякнул засов, скрипнул замок. «Шуты» замолчали. Появление стражников на заре могло означать только одно — сейчас хор станет жиже на несколько голосов. Вопрос — чьих?

Стражники вошли группой. В руках веревки, чтобы связать руки тех, кого поведут на виселицу. Один шмыгнул носом, сунул палку под мышку, развернул пергамент, откашлялся.

— Эхель Трогельтон!

— Трайгльтан, — равнодушно поправил эльф из команды Йорвета, еще раз глянул на выцарапанный «лозунг» и с трудом поднялся.

— Космо Бальденвег!

Низушек громко сглотнул.

Назариан знал, что Бальденвега арестовали по подозрению в актах диверсии, совершаемых по поручению нильфгаардской разведки. Однако Бальденвег не признавался и упорно твердил, что обоих нильфгаардских коней он украл по собственной инициативе и заработка ради, а Нильфгаард никакого отношения к этому не имеет. Но ему явно не поверили.

— Назариан!

Назариан послушно встал, подал стражникам руки. Когда всю тройку выводили, остальные «шуты» затаили:

Пляшут в петельках шуты,
Ах ты, ух ты!
Ну а ветерок легко
Песни носит далеко!

Рассвет горел пурпуром и кармином. День обещал быть прекрасным, солнечным.

«Гимн шутов, — подумал Назариан, — вводит в заблуждение».

Действительно, повешенные не могли плясать лихого танца висельников, потому что вешали их не на шибенице с поперечной, а просто на столбах, вкопанных в землю. Из-под ног же выбивали не скамейки, а практичные, невысокие, носящие следы частого использования березовые пеньки. К тому же анонимный,

казненный год назад автор песенки не мог знать этой висельной технологии, когда творил. Как и каждый повешенный, он ознакомился с деталями непосредственно перед смертью. В Дракенборге экзекуции никогда не совершались публично. Справедливое наказание, а не садистская месть. Слова «Гимна», как и название вина, приписывали Дийкстре.

Эльф из команды Йорвета стряхнул с себя руки стражников, не задерживаясь, поднялся на пень и позволил надеть себе на шею петлю.

— Да здрав...

Пенек выбили у него из-под ног.

Низушку потребовалось два пенька, поставленных один на один. Мнимый диверсант не пытался выкрикивать патетических лозунгов. Он просто энергично дрыгнул короткими ногами и повис на столбе. Голова бессильно свесилась набок.

Стражники схватили Назариана, и тут Назариан вдруг решился.

— Буду говорить! — прохрипел он. — Буду давать показания! У меня есть важная информация для Дийкстры!

— Поздновато, пожалуй, — с сомнением проговорил Васконье, присутствующий при экзекуции заместитель коменданта Дракенборга по политическим вопросам. — Стоит увидеть петлю, как в каждом втором из вас просыпается фантазия!

— Я не выдумываю! — Назариан дернулся в руках палачей. — У меня информация!

Спустя неполный час Назариан сидел в карцере и восторгался прелестью жизни, гонец стоял в полной готовности около коня и яростно чесал между ног, а Васконье читал предназначенный Дийкстре рапорт и исправлял в нем ошибки.

Покорнейше уведомляю Ваше превосходительство графа, что преступник по имени Назариан, приговоренный за нападение на королевского чиновника к смертной казни через повешение, показал следующее:

По распоряжению некоего Риенса в день июльского новолуния сего года он совместно с двумя сообщниками своими Ягдой и эльфом-полукровкой Ширру участвовал в убийстве юристов Кодрингера и Фэнна в городе Дорьян. Там Ягда был убит, а полуэльф Ширру убил обоих юристов и дом их подпалил. Преступник Назариан все на оного Ширру сваливает, отрицается и утверждает, будто сам он не убивал, но, вероятно, говорит так из-за страха перед повешением. Ваше превосходительство графа может заинтересовать следующее: до того как совершить преступление, злодеи оные, то есть Назариан, полуэльф Ширру и Ягда, следили за ведьмаком, неким Гиеральдом из Ривии, кой с юристом Кодрингером тайно сно-

сился. По какому вопросу, того преступник Назариан не знает, ибо ни вышеупомянутый Риенс, ни полуэльф Ширру́ ему секрета не выдали. Когда же Риенсу было сообщено о тех закулисных переговорах, Риенс приказал юристов умертвить.

Далее преступник Назариан показал следующее: сообщник его Ширру́ выкрал из дома юристов документы, кои Риенсу были доставлены в Каррерас, в трактир «У Пройдохи Лиса». О чем Риенс и Ширру́ там совещались, Назариану не ведомо, но на другой день вся преступная тройка направилась в Бругге и там на четвертый день после новолуния похитила юную девицу из дома красного кирпича, на дверях коего латунные ножицы прибиты были. Девушку Риенс магическим напоем ошеломили, а преступники Ширру́ и Назариан с великой поспешностью отвезли ее в Вердэн, в крепость Настрог.

А теперь наиболее великоважное, о чем я Вашему превосходительству графу доношу: преступники выдали похищенную девушку нильфгаардскому коменданту крепости, заверив онго, что похищенную звать Кирилой из Цинтры. Комендант, как сообщил преступник Назариан, был таковым сообщением весьма возбужден.

Вышеизложенное направляю Вашему превосходительству графу особо тайным курьером. Подробный протокол допроса также вышлю, как только писарь его начисто перепишет. Покорно прошу Ваше превосходительство графа об инструкциях, что с преступником Назарианом учинить. Быть может, сечь его кнутом, дабы он больше деталей припомнил, либо же повесить для всеобщего обозрения?

С величайшим уважением и т.д. и т.п.

Васконье размашисто подписал рапорт, оттиснул печать и вызвал гонца.

Содержание рапорта стало известно Дийкстре вечером того же дня. Филиппе Эйльхарт — в полдень дня следующего.

Когда несший ведьмака и Лютика конь выбрался из прибрежного ольховника, Мильва и Кагыр сильно нервничали. Они уже раньше слышали отголоски боя, вода Ины относилась звуки на большое расстояние.

Помогая стащить поэта с седла, Мильва заметила, как при виде нильфгаардца у Геральта окаменело лицо. Она не успела и слова сказать, впрочем, Геральт тоже, потому что Лютик отчаянно стонал и вырывался из рук. Поэта уложили на песок, подсунули под голову свернутый плащ. Мильва собиралась было сменить пропитавшуюся кровью кустарную повязку, но тут почувствовала на плече руку и учуяла знакомый запах полыни, аниса и других трав. Регис

по обыкновению явился неведомо когда, неведомо как и неведомо откуда.

— Позволь, — сказал он, вытаскивая из своей бездонной торбы медицинские препараты и инструменты. — Я им займусь.

Когда цирюльник отрывал перевязку от раны, Лютик болезненно застонал.

— Спокойно, — сказал Регис, промывая рану. — Это пустяки. Немного крови. Просто немного крови... А славно пахнет твоя кровь, поэт.

И именно тогда ведьмак повел себя так, как Мильва ожидать не могла. Он подошел к коню и вытащил из ножен, притороченных под тебеньками седла, длинный нильфгаардский меч.

— Отойди от него, — буркнул он, встав над цирюльником.

— Славно пахнет эта кровь, — повторил Регис, не обращая внимания на ведьмака. — Я не чувствую в ней запаха заражения, которое при ранении головы могло бы оказаться роковым. Артерии и вена не повреждены... Сейчас будет щипать...

Лютик застонал, бурно втянул воздух. Меч в руке ведьмака дрогнул, заблестел отраженным от реки светом.

— Я наложу несколько швов, — сказал Регис, по-прежнему не обращая внимания ни на ведьмака, ни на его меч. — Держись, Лютик.

Лютик держался.

— Все, кончаю. — Регис взялся за перебинтовку. — До свадьбы, тривиально говоря, заживет. Рана в самый раз для поэта. Будешь, Лютик, расхаживать как военный герой с гордой повязкой на лбу, а сердца взирающих на тебя дам будут трепыхаться и таять как воск. Да, ничего не скажешь, поэтическая рана. Не то что стрела в живот, разорванная печень, разодранные почки и кишки, вывалившееся содержимое и кал, воспаление брюшины... Ну, готово. Геральт, я в твоём распоряжении.

Он встал, и тогда ведьмак быстрым, неуловимым движением приставил ему меч к горлу.

— Отойди, — буркнул он Мильве. Регис даже не дрогнул, хотя острие меча слегка упиралось ему в шею. Лучница затаила дыхание, видя, как глаза ведьмака разгораются во мраке страшным кошачьим блеском.

— Ну давай, — спокойно сказал Регис. — Тычы!

— Геральт, — простонал с земли Лютик совершенно осознанно. — Ты что, вконец спятил? Он спас нас от виселицы... Перевязал мне голову...

— Спас в лагере девушку и нас, — тихо напомнила Мильва.

— Молчите. Вы не знаете, кто он такой.

Цирюльник не пошевелился. А Мильва вдруг с ужасом обнаружила то, что должна была обнаружить уже давно.

Регис не отбрасывал тени.

— Действительно, — медленно сказал он. — Вы не знаете, кто я такой. А пора бы. Зовут меня Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой. На этом свете я живу четыреста двадцать восемь лет, или пять тысяч сто тридцать шесть месяцев по вашему летосчислению, или же три тысячи четыреста двадцать четыре месяца по исчислению эльфов. Я — потомок потерпевших крушение несчастных существ, застрявших среди вас после катаклизма, который вы называете Сопряжением Сфер. Я, деликатно говоря, считаюсь чудовищем. Кровожадным монстром. А сейчас столкнулся с ведьмаком, который профессионально занимается истреблением таких, как я. Это все.

— Вполне достаточно. — Геральт опустил меч. — Даже слишком. Исчезни, Эмиель Регис Что-то-Там Как-то-Там еще. Выматывайся!

— Невероятно, — съехидничал Регис. — Ты позволяешь мне уйти? Ты — ведьмак? Мне — грозе людей? Но ведьмак обязан воспользоваться оказией, чтобы этого не допустить! Любой оказией!

— Выматывайся! Удались, да побыстрее!

— В сколь дальние страны прикажешь удалиться? — медленно спросил Регис. — Ведь ты — ведьмак и знаешь обо мне. Когда разберешься со своей проблемой, когда покончишь со всем, с чем тебе надо покончить, ты, вероятно, вернешься в эти пределы. Ты знаешь, где я обретаюсь, где бываю, чем занимаюсь. Будешь меня преследовать?

— Не исключено. Если заплатят. Я — ведьмак.

— Желаю удачи. — Регис застегнул торбу, развернул плащ. — Бывай. Да, вот еще что. Сколь высока должна быть плата за мою голову, чтобы ты соблаговолил обеспокоить себя? Как ты меня оцениваешь?

— Дьявольски высоко.

— Ты шёкочешь мое тщеславие. А конкретно?

— Валяй отсюда, Регис.

— Незамедлительно. Но сначала назначь за меня цену. Пожалуйста.

— За обычного вампира я брал столько, сколько стоит хороший конь под седло. Но ведь ты — необычный.

— Так сколько?

— Сомневаюсь. — Голос ведьмака был холоден как лед. — Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог такую услугу оплатить.

— Понимаю и благодарю, — усмехнулся вампир, на этот раз показав зубы. Мильва и Кагыр попятились, а Лютик с трудом сдержал крик ужаса.

— Ну всего! Успеха вам!

— Всего, Регис, взаимно.

Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой тряхнул плащом, закутался в него и исчез. Просто взял и исчез.

* * *

— Теперь, — Геральт повернулся, все еще держа обнаженный меч в руке, — твоя очередь, нильфгаардец.

— Нет, — зло прервала Мильва. — С нас хватит. По коням, выбираемся отсюда! Река крик несет, не успеем обернуться, как на горб сядут!

— Я с ним вместе не поеду.

— Ну так езжай один! — крикнула разъяренная не на шутку Мильва. — В другую сторону! У нас уже вот где твои фокусы сидят, ведьмак! Региса прогнал, а ведь он спас тебе жизнь. Но это твое дело. А вот Кагыр спас меня, и он мне друг! Если тебе он враг, то возвращайся в Армерию, скатертью дорога! Там твои дружки уже с петлей поджидают!

— Не кричи.

— Так не стой пень пнем. Подсоби посадить Лютика на мери-рина.

— Ты сохранила наших лошадей! Плотву тоже?

— Он сохранил, — кивнула она на Кагыра. — Ну, в путь.

Переpravившись через Ину, они поехали правым берегом реки, по мелким разливам, через лозняк и старицы, через поймы и заболотины, гудящие кваканьем лягушек, криканьем невидимых уток и чирков. День вспыхнул красным солнцем, слепя глаза, заблестел на зеркалах озерков, заросших кубышками, а они свернули к тому месту, где один из многочисленных рукавов Ины впадал в Яругу. Теперь их охватили мрачные, угрюмые леса, в которых деревья вырастали прямо из зеленой от ряски трясины.

Мильва ехала впереди, рядом с ведьмаком, пересказывая ему то, что узнала от Кагыра. Геральт хранил гробовое молчание, ни разу не повернул головы, не взглянул на нильфгаардца, ехавшего позади и помогавшего поэту. Лютик тихонько постанывал, ругался и жаловался на головную боль, но держался героем и не задерживал движения. То, что нашелся Пегас и притороченная к седлу лютия, заметно поправило его самочувствие.

К полудню снова выехали на освещенные солнцем заливные луга, за которыми растянулась широкая гладь Большой Яруги. Перебрались через старицы, перешли бродом мели и рукава. И попали на остров, сухое место среди болот и зарослей, разбросанных между многочисленными рукавами реки. Остров зарос кустарником и лозняком, было здесь и несколько крупных деревьев, голых, усохших, белых от бакланьего помета.

Мильва обнаружила в камышах лодку, которую, видимо, загнало сюда течением. Она же первой высмотрела меж ив полянку, прекрасное место для отдыха.

Остановились, и тогда ведьмак решил, что пришло время поговорить с нильфгаардцем с глазу на глаз.

* * *

— Я подарил тебе жизнь на Танедде. Жаль мне тебя стало, молокосос. Самая большая ошибка в моей жизни. Утром я выпустил из-под ножа высшего вампира, у которого на совести наверняка не одна человеческая жизнь. А должен был бы убить. Но я думал не о нем, потому что у меня голова занята только одним: добраться до тех, кто причинил зло Цири. Я поклялся себе, что они заплатят за это кровью.

Кагыр молчал.

— То, что ты рассказал Мильве, ничего не меняет. Из этого следует лишь одно: на Танедде тебе не удалось похитить Цири, хоть ты и очень старался. И теперь ты тащишься за мной, думая, что я снова приведу тебя к ней и ты опять наложишь на нее лапу. Рассчитываешь на то, что тогда твой император, может быть, подарит тебе жизнь, не отправит на эшафот.

Кагыр молчал. Геральт чувствовал себя скверно. Очень скверно.

— Из-за тебя она кричала по ночам, — буркнул он. — В ее детских глазах ты превратился в кошмар. А ведь ты был и остаешься только орудием, всего лишь жалким слугой своего императора. Не знаю, что ты с ней сделал, чтобы стать для нее кошмаром. А еще хуже, что я не понимаю, почему, несмотря на все это, я не могу тебя убить. Не понимаю, что меня удерживает.

— Может, то, — тихо сказал Кагыр, — что наперекор всем предположениям и видимостям у нас с тобой есть нечто общее. У тебя и у меня?

— Интересно, что?

— Как и ты, я хочу спасти Цири. Как и ты, я не переживаю, когда вижу, что кого-то это удивляет и возмущает. Как и ты, я не намерен никому объяснять, почему это происходит.

— Ты кончил?

— Нет.

— Тогда слушаю.

— Цири, — медленно проговорил нильфгаардец, — едет на лошади через пыльную деревню. С шестеркой молодых людей. Среди них — коротко стриженная девушка. Цири пляшет в сарае на столе, и она счастлива.

— Мильва пересказала тебе мои сны.

— Нет. Она не рассказала мне ничего. Ты не веришь?

— Нет.

Кагыр опустил голову, покрутил каблуком в песке.

— Я забыл, — сказал он, — что ты не можешь мне верить, не можешь доверять. Понимаю. Но ведь ты, как и я, видел еще один сон. Сон, о котором никому не рассказывал. И вряд ли захочешь.

Можно сказать, что Сервадио просто повезло. В Лоредо он прибыл, не собираясь шпионить за кем-либо определенным. Но

деревня неспроста называлась Разбойничьим Посадам. Лежала она на Бандитском Тракте, разбойники и бандиты со всех лежащих над Верхней Вельдой районов заглядывали сюда, встречались, чтобы продать либо обменять добычу, запастись чем надо, отдохнуть и повеселиться в отборной бандитской компании. Деревню несколько раз сжигали дотла, но немногочисленные постоянные и многочисленные непостоянные обитатели всякий раз отстраивали ее заново. Жили здесь за счет бандитов, и жили, надо сказать, вполне сносно. А шпики и доносители типа Сервадио не теряли надежды добыть в Лоредо какую-нибудь информацию, за которую префект отвалил бы несколько флоренов.

Сейчас Сервадио рассчитывал получить больше чем несколько. Потому что в деревню въезжали Крысы.

Вел Гиселер, слева и справа от него ехали Искра и Кайлей. За ними — Мистле и новенькая, сероволосая, которую называли Фалькой, замыкали процессию Ассе и Рееф, которые вели запасных лошадей, несомненно, краденных и предназначенных на продажу. Нaeздники были утомлены и покрыты пылью, но держались в седлах гордо, охотно отвечали на приветствия гостящих в Лоредо дружков и знакомых. Спрыгнув с коней и угостившись цивом, они тотчас же приступили к шумным переговорам с торговцами и скупщиками краденного. Все, кроме Мистле и новенькой, сероволосой, носящей меч за спиной. Эти отправились к прилавкам, как всегда, заполняющим площадь. В Лоредо были свои торговые дни, и тогда выбор товаров, рассчитанных на приезжих бандитов, был значительно богаче и разнообразнее. Сегодня был как раз такой день.

Сервадио осторожно последовал за девушками. Чтобы заработать, надо было донести, а чтобы донести — подслушать.

Девушки рассматривали пестрые платки, бусы, расшитые блузки, чепраки, изукрашенные налобные ремни для лошадей. Копались в товаре, но не покупали. Мистле почти все время держала руку на плече сероволосой.

Шпион осторожно подобрался ближе, прикинулся, будто рассматривает ремни и пояса на прилавке шорника. Девушки разговаривали, но тихо, он не мог разобрать, а подойти ближе опасался. Они могли заметить, заподозрить.

В одной из лавочек продавали сахарную вату. Девушки подошли, Мистле купила две обмотанные снежной сладостью палочки, одну подала сероволосой. Та деликатно отщипнула. Белый лоскуток приклеился к ее губе. Мистле отерла его осторожным, заботливым движением. Сероволосая широко раскрыла изумрудные глаза, медленно облизала губы, улыбнулась, кокетливо наклонила голову. Сервадио почувствовал дрожь, струйку холодного пота, стекавшую с шеи между лопатками. Он вспомнил слухи, ходившие о двух бандитках.

Собрался потихоньку отойти, было ясно, что ничего здесь не подслушаешь, не вынюхаешь. Девушки не говорили ни о чем важном, зато подальше, где собрались атаманы разбойничьих шаек, Гиселер, Кайлей и другие, шумно ругались, торговались, кричали, то и дело подставляли кубки под шпунт бочонка. Здесь Сервадио надеялся узнать побольше. Кто-нибудь из Крыс мог обронить слово, пусть даже полслова, относительно ближайших планов банды, их пути или цели. Если б удалось подслушать и своевременно передать сведения солдатам префекта или живо интересующимся Крысами нильфгаардским агентам, награда была бы практически в кармане. А если б, воспользовавшись этой информацией, префект сумел расставить удачную ловушку, то можно было рассчитывать на хорошие наличные. «Куплю бабе кожух, — лихорадочно думал он. — Детям наконец-то башмаки и какие-нибудь игрушки... А себе...»

Девушки расхаживали вдоль палаток и прилавков, облизывая и сдирая с палочки сахарную вату. Сервадио неожиданно обнаружил, что за ними наблюдают. И указывают на них пальцами. Он знал этих бандитов и конокрадов из шайки Пинты по кличке Вывихвост.

Бандиты обменялись несколькими вызывающе громкими замечаниями, расхохотались. Мистле прищурилась, положила сероволосой девочке руку на плечо.

— Горлинки! — фыркнул один из бандюг Вывихвоста, дылда с усами вроде пучков пакли. — А поглядывают так, будто вот-вот клювики друг дружке сунут!

Сервадио видел, как сероволосая девочка вздрогнула, видел, как Мистле стиснула пальцами ее плечо. Бандиты зашлись смехом. Мистле медленно повернулась, некоторые из них тут же замолчали. Но тот, что с паклевыми усами, был либо пьян, либо совершенно лишен воображения.

— Может, которой из вас мужик нужен? — подошел он ближе, проделывая гадкие и недвусмысленные жесты. — Похоже, ежели таких, как вы, как следует прошуровать, дык враз от энтой вашенской любви излечитесь! Эй! С тобой говорю, ты...

Тронуть ее он не успел. Сероволосая девочка свернулась как нападающая змея, меч сверкнул и ударил еще прежде, чем выпущенная из руки сахарная вата коснулась земли. Усач покачнулся, забулькал индюком, кровь из рассеченной шеи брызнула длинной струей. Девушка снова свернулась, налетела двумя танцующими шагами, рубанула еще раз, поток крови хлынул на прилавки, труп повалился, песок вокруг него моментально покраснел. Кто-то крикнул. Другой бандит наклонился, вытащил из-за голенища нож, но в тот же момент упал, получив от Гиселера окованной рукояткой нагайки.

— Хватит одного трупа! — рявкнул атаман Крыс. — Этот сам напросился, не знал, с кем задирается! Назад, Фалька!

Только теперь сероволосая опустила меч. Гиселер поднял над головой мешочек и тряхнул им.

— По законам нашего братства плачу за убитого. Как положено, по весу, талер за каждый фунт паршивого трупа! И на том конец! Я верно говорю, други? Эй, Пинта, твое слово?

Искра, Кайлей, Рееф и Ассе встали позади предводителя. Лица у них были каменные, руки — на рукоятках мечей.

— Верно, — отозвался из группы бандитов Вывихвост, невысокий, кривоногий мужчина в кожаной куртке. — Прав ты, Гиселер. Конец распре. Было — нету.

Сервадио сглотнул, пытаясь впитаться в уже окружившую их толпу. Неожиданно почувствовал, что не имеет никакого желания крутиться около Крыс и пепельноволосой девчонки, которую называли Фалькой. И тут же решил, что обещанная префектом награда не так уж и высока, как ему думалось.

Фалька спокойно убрала меч в ножны, оглянувшись. Сервадио остолбенел, видя, как ее миниатюрное личико вдруг покрывается морщинками.

— Моя вата, — жалостно ойкнула девочка, глядя на валяющуюся на грязном песке сладость. — Моя вата упала...

— Куплю тебе другую, — обняла ее Мистле.

Ведьмак сидел на песке между ивами угрюмый, злой и задумчивый. Глядел на бакланов, рассеявшихся на обделанном ими же дереве.

Кагыр после разговора скрылся в кустах и не показывался. Мильва и Лютик искали, чего бы поесть. В пригнанной течением лодке удалось под сетями обнаружить медный котел и корзину с овощами. Они поставили в прибрежном заливишке найденную в лодке ивовую вершу, а сами бродили у берега и колотили палками по водорослям, чтобы загнать в ловушку рыб. Поэт уже чувствовал себя хорошо, ходил павлином, геройски задрав голову.

Геральт был задумчив и зол.

Мильва с Лютиком вытащили вершу и начали ругаться, потому что вместо ожидаемых сомов и карпов там серебрилась и трепыхалась мелочь.

Ведьмак встал.

— Идите-ка сюда оба! Бросьте свой вентерь и идите сюда. Хочу вам кое-что сказать...

— Возвращайтесь домой, — начал он без вступлений, когда они подошли, мокрые и воняющие рыбой. — На север, в сторону Махакама. Дальше я поеду один.

— Что?

— Расходятся наши пути, Лютик. Хватит играть. Возвращаясь домой стихи писать. Мильва проводит тебя через леса... В чем дело?

— Ни в чем. — Мильва резко откинула волосы с плеча. — Ни в чем. Продолжай, ведьмак. Интересуюсь, что скажешь.

— Мне больше нечего сказать. Я еду на юг, на тот берег Яруги. Через захваченную нильфгаардцами территорию. Путь опасный и дальний. А я больше не могу оттягивать. Поэтому поеду один.

— Отделавшись от неудобного груза, — покачал головой Лютик. — Гири у ноги, сдерживающей движение и доставляющей хлопоты. Иными словами — меня.

— И меня, — добавила Мильва, глядя в сторону.

— Послушайте, — сказал Геральт уже гораздо спокойнее. — Это мое, лично мое дело. Совсем не ваше. Я не хочу, чтобы вы подставляли шеи за то, что касается исключительно меня...

— Это касается исключительно тебя, — медленно повторил Лютик. — Никто тебе не нужен. Спутники тебе мешают и тормозят движение. Ты ни от кого не ждешь помощи. И не намерен ни на кого оглядываться. Кроме того, ты обожаешь одиночество. Что-нибудь я забыл сказать?

— Да, — зло ответил Геральт. — Забыл сказать, что тебе необходимо поменять свою пустую башку на другую, с мозгами. Если б та стрела прошла дюймом правее, идиот, то сейчас вороны выклевали бы тебе глаза. Ты — поэт, у тебя есть воображение, попытайся представить себе такую картинку. Повторяю — вы возвращаетесь на север, я направляюсь в противоположную сторону. Один.

— Ну и езжай, — пружинисто встала Мильва. — Может, думаешь, я стану тебя упрощать? Бес с тобой, ведьм! Пошли, Лютик, приготовим чего-нибудь пожрать. Голод меня морит, а когда я твоего ведьма слушаю, мне плевать хочется.

Геральт отвернулся. Принялся рассматривать зеленоглазых бакланов, сушивших крылья на покрытых пометом ветках. Неожиданно почувствовал запах трав и зло выругался.

— Ты злоупотребляешь моим терпением, Регис.

Вампир, появившийся неведомо откуда и неведомо когда, не обиделся, присел рядом.

— Надо сменить поэту повязку, — сказал он спокойно.

— Ну так иди к нему. И держись от меня подальше.

Регис вздохнул, вовсе не намереваясь отходить.

— Я только что слышал ваш разговор с Мильвой и Лютиком, — сказал он серьезно. — Надо признать, у тебя истинный талант привлекать на свою сторону людей. Хоть весь мир «покушается на твою добродетель», ты пренебрегаешь и союзниками, и товарищами, которые стараются тебе помочь.

— Мир перевернулся! Вампир принимает меня учить, как мне поступать с людьми. Что тебе известно о людях, Регис? Един-

ственное, что ты знаешь, это вкус их крови. Дьявольщина, я начал с тобой разговаривать?

— Начал. Мир перевернулся, — согласился вампир совершенно серьезно. — Так, может, захочешь и совет выслушать?

— Нет. Не захочу. Он мне не нужен.

— Да, совсем забыл! Советы тебе не нужны, союзники тебе не нужны, без спутников ты тоже обойдешься. Ведь цель твоего похода — цель личная и особая, больше того, характер цели требует, чтобы ты реализовал ее самолично. Риск, опасность, труд, борьба с сомнениями должны лечь на тебя. Только и исключительно. Ибо все это элементы покаяния, искупления вины, которое ты стремишься совершить. Этакое, сказал бы я, испытание, крещение огнем. Ты пройдешь сквозь опаляющее, но и очищающее пламя. Сам, в одиночку. Потому что если кто-нибудь тебя в этом поддержит, поможет, возьмет на себя хотя бы частичку этого огненного крещения, этой боли, этого покаяния, то тем самым как бы обеднит тебя, урвет у тебя ту часть искупления, которая достанется ему. Твой, это только твой долг и ничей больше. Долг, который надобно заплатить, и ты не хочешь расплачиваться за него, одновременно одалживаясь у других кредиторов. Я рассуждаю логично?

— Удивительно трезво! Твое присутствие раздражает меня, вампир. Оставь меня один на один с моим искуплением, пожалуйста. И с моим долгом.

— Незамедлительно, — поднялся Регис. — А ты посиди подумай. Совет же я все-таки тебе дам. Потребность в искуплении, очищающем крещении огнем, ощущение вины — это не то, на что ты можешь иметь исключительное право. Жизнь отличается от банковского дела тем, что ей знакомы долги, которые можно заплатить, только задолжав другим.

— Уйди. Пожалуйста.

— Незамедлительно.

Вампир ушел, присоединился к Лютику и Мильве. Пока смеяли Лютику повязку, все активно рассуждали, что бы поесть. Мильва вытряхнула из верши мелочь и весьма критически посмотрела на нее.

— Нечего раздумывать, — сказала она. — Надо надеть этих тараканов на ветки и поджарить над костром.

— Нет, — повертел свежеперевязанной головой Лютик. — Мысль не из лучших. Предлагаю сварить из них суп.

— Суп из рыб?

— Конечно. У нас масса этой мелочи, есть соль, — загибал Лютик пальцы. — Мы раздобыли лук, морковь, петрушку, сельдерей с ботвой. И котел. Соединив все это, получим суп. Уха называется.

— Надо бы немного приправ.

— О, — усмехнулся Регис, берясь за торбу. — Нет проблем. Базилик, перец душистый, перец горький, лавровый лист, шалфей...

— Хватит, хватит, — остановил его Лютик. — Достаточно. Мандрагора в ухе нам не нужна. Лады, за работу. Очисти рыбу, Мильва.

— Сам чисти! Нет, гляньте на них! Думают, ежели баба в компании завелась, так она у них на кухне будет вкалывать? Воды я принесу и огонь распалю. А с этими пескарями поганьтесь сами.

— Это не пескари, — сказал Регис. — Это голавли, плотвички, ершики и подлещики.

— Ха! — не выдержал Лютик. — Видно, ты и в рыбке разбираешься.

— Я во многом разбираюсь, — спокойно сказал вампир без всякого зазнайства. — Кое-чему учился.

— Ежели ты такой уж ученый, — Мильва еще раз дунула в огонь, потом встала, — то выпотроши по-ученому эту рыбешку. Я по воду пошла.

— Одна потащишь полный котел? Геральт, помоги ей!

— Сама справлюсь, — фыркнула Мильва. — А его помощь мне ни к чему. У этого ведьма свои, особые, личные дела, ему нельзя мешать!

Геральт отвернулся, сделав вид, будто не слышит. Лютик и вампир ловко чистили рыбью мелочь.

— Жидковата будет ушица, — отметил Лютик, вешая котел над костром. — Хорошо б рыбку покрупнее.

— Такая сгодится? — Из ивняка неожиданно появился Кагыр, неся за шею трехфунтовую щуку, все еще дергающую хвостом и работающую жабрами.

— Ого! Ну, красавец! Где откопал, нильфгаардец?

— Я не нильфгаардец. Я из Виковаро, а зовут меня Кагыром...

— Ладно-ладно, слышали уже. Где щуку-то взял, спрашиваю?

— Смастерил жерлицу, в качестве приманки использовал лягушек. Закинул в яму у берега. Щука взяла сразу.

— Одни спецы, — покрутил перевязанной головой Лютик. — Эх, жаль, не предложил я бифштексов, наверняка тут же притащили бы корову. Ну, беремся за то, что имеем. Регис, всех маленьких рыбок сыпь в котел с головами и хвостами. А щуку надо как следует приготовить. Умеешь, нильф... Кагыр?

— Умею.

— Ну, тогда за дело. Геральт, чертушка, долго собираешься сидеть с обиженной миной? Чисти овощи!

Ведмак послушно встал, подсел, но демонстративно подальше от Кагыра. Не успел сказать, что у него нет ножа, как нильфгаардец — или виковарец? — подал свой, достав себе другой из-за голенища. Геральт принял, ворчливо поблагодарил.

Совместная работа шла споро. Полный рыбьей мелочи и овощей котел вскоре забулькал и запенился. Вампир ловко собрал пену выструганной Мильвой ложкой. Когда Кагыр очистил и порезал шуку, Лютик бросил в котел хвост, плавники, позвоночник и зубатую голову хищника и перемешал.

— Ням-ням! Ну и аромат! Когда все как следует выварится, отцедим мусор.

— Не иначе как через онучи, — поморщилась Мильва, стругая очередную ложку. — Как ты собираешься цедить, ежели решета нету?

— Ах, дорогая Мильва, — улыбнулся Регис. — Нельзя же так! То, чего у нас нет, мы легко заменим тем, что у нас есть. Все это — исключительно вопрос инициативы и позитивного мышления.

— Иди ты к бесу со своим трепом, вомпер.

— Прощедем через мою кольчугу, — сказал Кагыр. — Не беда. Потом я ее прополошу.

— До того тоже, — бросила Мильва. — Иначе я эту суху, или как там ее, есть не стану.

Процеживание прошло нормально.

— Теперь бросай в отвар шуку, Кагыр, — распорядился Лютик. — Ну запах, скажу я вам! Слюнки текут! Больше дров не подбрасывайте, пусть только мерцает. Куда ты прешь, Геральт, со своей ложкой! Теперь мешать нельзя!

— Не шуми. Я не знал.

— Незнание, — усмехнулся Регис, — не оправдывает непродуманных действий. Если чего-то не знаешь, если в чем-то сомневаешься, полезно спросить совета...

— Замолкни, вампир! — Геральт встал и отвернулся. Лютик приснул.

— Гляньте-ка! Обиделся.

— Такой уж он есть, — отметила Мильва, надув губы. — Болтун. Когда не знает, что делать, начинает болтать и обижаться. Неужто еще не поняли?

— Давно, — тихо сказал Кагыр.

— Перца добавить. — Лютик облизал ложку, почмокал. — Еще немного соли. О, теперь в сам раз! Снимем котел с огня. Дьявольщина. Горячий! Рукавиц нету...

— У меня есть, — сказал Кагыр.

— А мне, — Регис схватил котел с другой стороны, — не нужны.

— Ладно. — Поэт вытер ложку о брюки. — Ну, компания, подсаживайтесь. Приятного аппетита! Геральт, тебе нужно особое приглашение? С герольдом и фанфарами?

Все плотно окружили стоящий на песке котел, и долгое время слышно было лишь благососпитанное черпание. После того как жидкость была уполовинена, начались осторожные поиски кусочков шуки, наконец ложки заскребли по дну котла.

— Ну, набила брюхо, — крикнула Мильва. — Неглупая была мыслишка с этим супом, Лютик.

— И верно, — согласился Регис. — Что скажешь, Геральт?

— Скажу спасибо. — Ведьмак с трудом поднялся, помассировал колено, которое снова начало побаливать. — Достаточно? Или тебе нужны фанфары?

— Вечно с ним так, — махнул рукой поэт. — Не обращайтесь внимания. Вам крепко повезло, что не довелось быть с ним, когда он лаялся со своей Йеннифэр, бледнолицей красавицей с эбеновыми волосами.

— Помягче, — напомнил вампир. — И не забывай — у него проблемы.

— Проблемы, — сдержал отрыжку Кагыр, — следует разрешать.

— Точно, — заметил Лютик. — Но как?

Мильва фыркнула, поудобнее устраиваясь на горячем песке.

— Вон вомпер знает. Он ученый.

— Суть дела не в знаниях, а в умении оценить конъюнктуру, — спокойно сказал Регис. — А когда конъюнктуру оценишь, то приходишь к выводу, что имеешь дело с проблемами неразрешимыми. Все ваше мероприятие лишено шансов на успех. Вероятность отыскать Цири равна нулю.

— Ну, так-то не можно, — съязвила Мильва. — Мыслить надо позитивно и енецтативно. Как с тем ситом. Ежели его нет, заменим чем-нито другим. Я так думаю.

— До последнего времени, — продолжал вампир, — вы считали, что Цирилла находится в Нильфгаарде. Добраться туда и освободить или выкрасть казалось мероприятием, превышающим наши силы. Теперь, после сенсационного заявления Кагыра, мы вообще не знаем, где Цири находится. О какой инициативе говорить, если понятия не имеешь, в какую сторону двигаться.

— Так что ж делать? — охнула Мильва. — Ведьмак уперся — на юг и все тут...

— Для него, — усмехнулся Регис, — стороны света не имеют особого значения. Ему все равно куда двигаться, лишь бы не бездействовать. Типично ведьмачий принцип. Мир полон Зла, поэтому достаточно идти куда глаза глядят, а встреченное по дороге Зло изничтожать. И тем самым послужить делу Добра. Остальное придет само собой. Иначе говоря: движение — все, цель — ничто.

— Осельство, — прокомментировала Мильва. — Ведь же евонная цель — Цири. Как же это так: она — ничто?

— Я пошутил, — признался вампир, уставившись на все еще стоявшего к ним спиной Геральта. — К тому же не очень тактично. Прошу простить. Ты права, дорогая Мильва. Наша цель — Цири. А поскольку мы не знаем, где она находится, есть смысл узнать об этом и соответствующим образом направить свои действия. Проблема Дитя-Неожиданности, как я заметил, прямо-таки клокочет магией, предназначением и прочими сверхъестественными

элементами. А я знаю кое-кого, кто в таких вопросах прекрасно разбирается и наверняка нам поможет.

— Да? — обрадовался Лютик. — Кто такой? Где? Далеко?

— Ближе, чем в Нильфгаарде, столице Нильфгаарда. Точнее говоря, совсем близко. В Ангрене, на том берегу Яруги. Я имею в виду друидский круг в борах на Каэд Дху.

— Немедленно отправляемся!

— А что, никто из вас, — наконец занервничал Геральт, — не считает нужным узнать мое мнение?

— Твое? — повернулся Лютик. — Ты же понятия не имеешь, что делать. Даже супом — в смысле ухой, — который хлебал, обязан нам. Если б не мы, ходил бы голодным. Да и мы тоже, если б стали ждать тебя. Этот котел ухи — результат кооперации. Эффект совместной деятельности группы, дружины, команды, коллектива, наконец, сплоченного общей целью. Ты это понимаешь, дорогой друг?

— Да разве ж он поймет? — поморщилась Мильва. — Он только и знает, что Я да Я. Сам. Один. Волк-одиночка! Видно сразу, не ловчий он никакой, к лесу не привыкший. Не охотятся волки в одиночку! Никогда! Волк-одиночка, ха, лжа это, глупая городская болтовня. А он того не понимает!

— Понимает, понимает! — усмехнулся Регис, по своей привычке не размыкая губ.

— Он только выглядит идиотом, — подтвердил Лютик. — Но я постоянно рассчитываю на то, что ему в конце концов захочется пошевелить мозгами. Может, тогда он сделает верные выводы? Может, поймет, что единственное, что у одиночек получается хорошо, — это рукоблудство?

Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах тактично молчал.

— Чтоб всех вас черти взяли, — наконец проговорил ведьмак, пряча ложку за голенище. — Чтоб всех вас черти взяли, вас, кооперированную кучу идиотов, объединенных общей целью, которой никто из вас не понимает. И меня тоже пусть черти возьмут!

На этот раз по примеру Кагыра тактично промолчали все: Лютик, Мария Барринг по прозвищу Мильва и Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой.

— Ну и компашка мне досталась, — проговорил Геральт, покачав головой. — Братья по оружию! Дружина героев! Прямо садись и плачь! Вишпеллет с лютней. Дикие мордастые полудриады-полубабы. Вампир, которому пять тысяч сто с хвостиком месяцев, и чертов нильфгаардец, упорно твердящий, что он не нильфгаардец.

— А во главе дружины ведьмак, страдающий угрызениями совести, бессилием и невозможностью принимать решения, — спокойно закончил Регис. — Нет, предлагаю двигаться инкогнито, чтобы не вызывать сенсаций.

— И смеха, — добавила Мильва.

...и ответила королева: «Не меня о милости проси, а тех, кому ты чарами своими зло причинила. Отважилась ты злые дела творить, так будь же отважной и теперь, когда расплата и справедливость близки. Не в моих силах грехи твои отпустить». И тут же зафыркала ведьма, ровно кошка, загорелись ее злые глаза. «Моя погибель близка, — крикнула она, — но и твоя недалеко, королева. Ты еще вспомнишь в свой смертный час Лару Доррен и ее проклятие. И то еще знай, что проклятие мое ляжет и на потомков твоих до десятого колена». Однако, сообразив, что в груди у королевы бесстрашное бьется сердце, злая эльфья чародейка перестала браниться и пугать, проклятием грозить, а словно сука побитая принялась скулить, моля о помощи и милосердии...

Сказ о Ларе Доррен. Версия людей

...но мольбы не смягчили каменных сердец Dh'oïne, безжалостных, жестоких людей. А когда Лара, прося о милости уже не для себя, а для своего ребенка, вцепилась в двери кареты, то палач-разбойник ударил ее кордом и отсек ей пальцы. А когда ночью мороз лютый прихватил, испустила Лара последнее издыхание на холме меж лесов, родив девочку, которую оберегла остатками еще теплившегося в ее теле тепла. И хоть вокруг была ночь, зима и снежная заметь, на холме наступила вдруг весна и расцвели цветы феавинневедд. До сего дня такие цветы цветут только в двух местах: в Доле Блатанна и на холме, на котором погибла Лара Доррен аэп Шиадаль.

Сказ о Ларе Доррен. Версия эльфов

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Я же просила тебя, — гневно проворчала лежащая на спине Цири. — Просила же, чтобы ты ко мне не прикасалась.

Мистле отдернула травинку, которой шекотала Цири по шее, растянулась рядом, уставилась в небо, подложив обе руки под стриженный затылок.

— Странно ты последнее время ведешь себя, соколениш.

— Не хочу, чтобы ты ко мне прикасалась, вот и все.

— Это же просто забава!

— Знаю. — Цири стиснула зубы. — Просто забава. Все это была лишь просто забава. Но, знаешь, меня это перестало забавлять. Совсем перестало!

Мистле приподнялась на локте, потом снова легла, долго молчала, глядя в голубизну неба, иссеченную рваными полосами облаков. Высоко над ними кружил ястреб.

— Твои сны, — наконец сказала она. — Это все из-за твоих снов, да? Почти каждую ночь ты вскакиваешь с криком. То, что некогда пережила, возвращается в снах. Мне это знакомо.

Цири не ответила.

— Ты никогда не говорила мне о себе, — снова прервала тишину Мистле. — О том, что перенесла. Откуда ты? Есть ли у тебя родные...

Цири резко провела рукой по шее, но теперь это была всего лишь божья коровка.

— У меня были близкие, — сказала она глухо, не глядя на подругу. — То есть я думала, что были... Такие, которые отыскиали бы меня даже здесь, на краю света, если б только хотели... Или если б жили. Слушай, что тебе надо, Мистле? Я должна тебе рассказать о себе?

— Не обязательно.

— Это хорошо. Потому что это, наверное, просто забава. Как и все между нами.

— Не понимаю, — Мистле отвернулась, — почему ты не уйдешь, если тебе так плохо со мной.

— Не хочу быть одна.

— И всего-то?

— Это очень много.

Мистле закусил губу. Однако прежде чем успела что-либо сказать, они услышали свист. Обе вскочили, отряхнули иголки, подбежали к лошадям.

— Начинается забава, — сказала Мистле, запрыгивая в седло и вытаскивая меч, — та самая, которую с некоторых пор ты полюбила больше всего на свете, Фалька. Не думай, будто я не заметила.

Цири зло ударила коня пятками. Они сломя голову помчались по склону оврага, уже слыша дикое улюлюканье остальных Крыс, вылетающих из рощицы по другую сторону тракта. Клеши засады захлопывались.

Неофициальная аудиенция подошла к концу. Ваттье де Ридо, виконт Эиддон, шеф военной разведки императора Эмгыра вар Эмрейса, покинул библиотеку, кланяясь королеве Долины Цветов гораздо почтительнее, нежели того требовал придворный этикет. В то же время поклон был очень осторожный, а движения Ваттье отработанны и сдержанны — императорский шпион не спускал глаз с двух оцелотов, растянувшихся у ног владычицы эльфов. Золотоглазые коты казались ленивыми и сонными, но Ваттье-то знал, что это не талисманы, а чуткие стражи, готовые мгновенно превратиться в кровавое месиво любого, кто попытается приблизиться к королеве ближе, чем того требует протокол.

Франческа Финдабаир, она же Энид ан Глеанна, Маргаритка из Долин, дождалась, пока за Ваттье затворятся двери, и погладила оцелотов.

— Можно, Ида.

Ида Эмеан аэп Сивней, чародейка эльфов, вольная Aen Seidhe с Синих Гор, скрывавшаяся во время аудиенции под заклинанием невидимости, материализовалась в углу библиотеки, поправила платье и киноварно-рыжие волосы. Оцелоты прореагировали лишь тем, что чуточку шире приоткрыли глаза. Как все коты, они видели невидимое, их невозможно было обмануть таким простым заклинанием.

— Меня уже начинает раздражать этот парад шпионов, — язвительно сказала Франческа, устраиваясь поудобнее на стуле черного дерева. — Хенсельт из Каэдвена недавно прислал «консула». Дийкстра направил в Долю Блатанна «торговую миссию». А теперь сам супершпик Ваттье де Ридо! Ах, а еще раньше тут крутился Стефан Скеллен, Великий Императорский Никто. Но я не дала ему аудиенции. Я — королева, а Скеллен — никто. Хотя и с должностью, а — никто.

— У нас Стефану Скеллену больше повезло, — медленно говорила Ида Эмеан. — Он беседовал с Филавандрелем и Ванадайном.

— И, как Ваттье меня, выпытывал их о Вильгефорце, Йеннифэр, Риенсе и Кагыре Маур Дыффине, сыне Кеаллаха?

— В частности. Ты удивишься, но его больше интересовала оригинальная версия пророчества Ithlinne Aegli aep Aevenien, особенно фрагменты, говорящие о Aep Hen Ichaer, Старшей Крови. Интересовала его также Tog Lara, Башня Чайки, и легендарный портал, некогда связывавший Башню Чайки с Tog Ziríael, Башней Ласточки. Это так типично для людей, Энид. Рассчитывать на то, что сразу, по первому их слову, мы откроем им загадки и тайны, которые сами пытаемся распутать уже не одну сотню лет.

Франческа подняла руку и посмотрела на перстни.

— Любопытно, — сказала она, — знает ли Филиппа о странных интересах Скеллена и Ваттье? И Эмгыра вар Эмрейса, которому оба они служат?

— Рискованно предполагать, будто не знает, — Ида Эмеан быстро взглянула на королеву, — и утаить, что мы знаем это, от Филиппы и от всей логи на совещании в Монтекальво. Это могло бы поставить нас в ложное положение... А ведь мы хотим, чтобы ложа возникла. Хотим, чтобы нам, эльфым чародейкам, верили, не подозревали в двойной игре.

— Дело в том, что мы действительно ведем двойную игру, Ида. И чуточку играем с огнем. С Белым Пламенем Нильфгаарда...

— Огонь опалает, — Ида Эмеан подняла на королеву удлинённые умелым макияжем глаза, — но и очищает. Сквозь него надо пройти. Необходимо рискнуть, Энид. Ложа должна возникнуть, должна начать действовать. В полном составе. Двенадцать чародейек, среди них та, о которой говорит пророчество. Даже если это игра, мы должны поставить на доверие.

— А если провокация?

— Ты лучше знаешь втянутых в дело лиц.

Энид ан Глеанна задумалась.

— Шеала де Танкарвилль, — сказала она наконец, — это скрытая отшельница, никаких связей. У Трисс Меригольд и Кейры Мец такие связи были, но сейчас обе они эмигрантки, король Фольтест изгнал из Темерии всех чародейев. Маргариту Ло-Антиль интересует только ее школа и ничего кроме. Конечно, в данный момент три последние находятся под сильным влиянием Филиппы, а Филиппа — загадка. Сабрина Глевиссиг не откажется от политического влияния, которое сохраняет в Каздвене, но ложу не предаст. Ее слишком привлекает власть, которую дает ложа.

— А Ассирэ вар Анагид? И вторая нильфгаардка, с которой мы познакомимся в Монтекальво?

— О них я знаю мало, — слегка улыбнулась Франческа. — Но как только увижу, буду знать больше. Как только увижу, во что и как они одеты.

Ида Эмеан прищурила подведенные глаза, но задавать вопросы поостереглась.

— Остается нефритовая статуэтка, — проговорила она спустя минуту. — По-прежнему ненадежная и загадочная фигурка из нефрита, упоминание о которой тоже можно выискать в Ithlinnespath. Пожалуй, пора бы дать ей высказаться. И сообщить, что ее ждет. Помочь тебе с декомпрессией?

— Нет. Я сделаю это сама. Ты же знаешь, как реагируют на распаковку. Чем меньше свидетелей, тем легче она переживет удар, нанесенный ее гордости.

Франческа Финдабаир еще раз проверила, весь ли дворик плотно изолирован от остальной части дворца охранным полем, перекрывающим изображение и заглушающим звуки. Заггла три черные свечи в подсвечниках с вогнутыми зеркальными отражателями. Подсвечники стояли на символах Беллетэйна, Ламмаса и Йуле в местах, обозначенных кольцевой мозаикой пола, изображающей восемь знаков Викки, эльфьего зодиака. Внутри зодиакального кольца располагался мозаичный же круг поменьше, усеянный магическими символами и охватывающий пентаграмму. На трех символах меньшего круга Франческа поставила небольшие металлические треножки, а на них осторожно и тщательно разместила три кристалла. Нижние шлифованные грани кристаллов повторяли форму верхних плоскостей треножников, что само по себе обеспечивало чрезвычайно точную их установку. Тем не менее Франческа все же несколько раз проверила правильность сопряжения. Ошибки допустить было нельзя. Слишком велик риск.

Неподалеку шумел фонтан, вода изливалась из мраморного кувшина, который держала мраморная наяда, и четырьмя каскадами спадала в бассейн, шевеля листья кувшинок, между которыми шныряли золотые рыбки.

Франческа отворила шкатулку, вынула маленькую нефритовую, мыльную на ощупь фигурку, установила ее строго по центру пентаграммы. Отступила, еще раз взглянула на лежащий на столе листок с непонятной обычному эльфу тарабарщиной, глубоко вздохнула, подняла руки и произнесла заклинание.

Свечи мгновенно вспыхнули ярче, фасетки кристаллов разгорелись и начали лучиться струями света. Струи ударили в фигурку, которая тут же изменила цвет — из зеленоватой стала золотой, а через мгновение — прозрачной. Воздух задрожал от магической энергии, бьющей в защитные экраны. Одна из свечей прыснула искрами, по полу заплясали тени, мозаика ожила, изменяя рисунки. Франческа не опускала рук, не прекращала инкантиции.

Фигурка очень быстро вырастала, увеличивалась, пульсируя и оживая, изменяла структуру и форму, словно ползающий по полу клуб дыма. Свет, вырывающийся из кристаллов, прошивал этот дым насквозь, в лентах блеска появилось движение и затвердевающая материя. Еще мгновение, и в центре магических кругов возникла человеческая фигура. Фигура черноволосой женщины, бесsilно лежащей на полу.

Свечи расцвели лепестками дыма, кристаллы помутнели. Франческа опустила руки, расслабила пальцы и смахнула пот со лба.

Черноволосая женщина на мозаичном паркете свернулась в клубок и начала кричать.

— Как тебя зовут? — звучно спросила Франческа.

Женщина напряглась, прижимая обе руки к низу живота.

— Как тебя зовут?

— Йе... Йенни... Йеннифэр!!! Аааааа...

Эльфка облегченно вздохнула. Женщина продолжала извиваться, выть, колотить кулаками по полу. Казалось, ее вот-вот вырвет. Франческа ждала терпеливо. И спокойно. Женщина, еще минуту назад бывшая нефритовой статуэткой, мучилась и страдала, это было видно. И нормально. Но мозг у нее поврежден не был.

— Ну, Йеннифэр, — после долгого молчания прервала Франческа стоны чародейки. — Может, хватит, а?

Йеннифэр с видимым трудом поднялась на четвереньки, вытерла нос предплечьем, глянула дурными глазами. Ее взгляд скользнул по Францеске так, словно эльфки вообще не было во дворике, остановился и ожил лишь при виде исходящего водой фонтана. Йеннифэр с огромным трудом подползла к нему, перевалилась через облицовку и с плеском шлепнулась в бассейн. Захлебнувшись, принялась кашлять и фыркать, плевать и наконец, разгребая водяные лилии, добралась на четвереньках до мраморной наяды и села, прислонившись спиной к цоколю статуи. Вода стекала у нее по груди.

— Франческа, — с трудом проговорила она, тронув обсидиановую звезду на шее и взглянув на эльфку уже более осмысленно. — Ты...

— Я. Что ты помнишь?

— Ты меня упаковала... Дьявольщина, ты меня упаковала?

— Упаковала и распаковала. Что ты помнишь?

— Гарштанг... Эльфы. Цири. Ты. И три с лишним тысячи пудов, неожиданно свалившихся мне на голову... Теперь уже знаю, что это было. Артефактная компрессия...

— Так. Память работает. Хорошо.

Йеннифэр опустила голову, глянула себе между ляжек, туда, где шмыгали золотые рыбки.

— Прикажи потом сменить воду в бассейне, Энид, — пробормотала она. — Я только что... упустила...

— Чепуха, — усмехнулась Франческа. — Посмотри, нет ли в воде крови. Случается, компрессия разрушает почки.

— Только почки? — Йеннифэр осторожно вздохнула. — Во мне, кажется, нет ни одного здорового органа... Во всяком случае, так я себя чувствую. Дьявольщина, Энид, не понимаю, чем я заслужила такое угощение...

— Выйди из бассейна.

— Нет. Мне здесь хорошо.

— Знаю. Дегидратация.

— Деградация! Дегренголада! Моральное падение! Зачем ты со мной так поступила?

— Вылезай, Йеннифэр!

Чародейка с трудом встала, обеими руками ухватилась за мраморную наяду. Стряхнула с себя кувшинки, рывком разорвала и скинула истекающее водой платье. Встала нагая перед фонтаном, под струями. Ополоснувшись и напившись, вышла из бассейна, присела на облицовке, отжала волосы, осмотрелась.

— Где я?

— В Доль Блатанна.

Йеннифэр вытерла нос.

— Драка на Танедде еще продолжается?

— Нет. Кончилась. Полтора месяца назад.

— Похоже, я здорово тебе насолила, — помолчав, сказала Йеннифэр. — Здорово прищемила нос, Энид. Но можешь считать, что мы квиты. Отомстила ты достойно, хоть, пожалуй, слишком уж садистски. Не могла просто перерезать мне горло?

— Не говори глупостей, — поморщилась эльфка. — Я упаковала тебя и вынесла из Гарштанга, чтобы спасти твою жизнь. Мы еще вернемся к этому чуть позже. Вот полотенце. Возьми. Вот простыня. Новое платье получишь после купания в соответствующем месте в ванне с теплой водой. Ты уже достаточно навредила золотым рыбкам.

Ида Эмеан и Франческа пили вино. Йеннифэр — глюкозу и морковный сок. В огромных количествах.

— Подобьем баланс, — сказала она, выслушав сообщение Франчески. — Нильфгаард захватил Лирию, на пару с Каэдвеном разделил Аэдирн, спалил Венгерберг, подчинил себе Вердэн, сейчас заглатывает Брутте и Содден. Вильгефорц бесследно исчез. Тисся де Врие покончила с собой. А ты стала королевой Долины Цветов, император Эмгыр короной и скипетром отблагодарил тебя за мою Цири, которую так долго разыскивал и которую теперь заполучил и использует как хочет. Меня ты упаковала и полтора месяца держала в коробке в виде нефритовой статуэтки. И, вероятно, ожидаешь, что я тебя за это поблагодарю.

— Не помешало бы, — холодно ответила Франческа Финдаба-ир. — На Танедде был некий Риенс, который долгом чести почитал медленно и жестоко прикончить тебя, а Вильгефорц обещал ему в этом помочь. Риенс бегал за тобой по всему Гарштангу. Но не нашел, потому что ты уже была нефритовой фигуркой у меня за декольте.

— И была ею сорок семь дней. Правда, не за декольте.

— Да. Я же, когда меня спрашивали, могла со спокойной совестью отвечать, что Йеннифэр из Венгерберга нет в Доле Блатанна. Ведь спрашивали о Йеннифэр, а не о статуэтке.

— Что же изменилось, если ты наконец решила меня распыковать?

— Много. Сейчас поясню.

— Сначала поясни кое-что другое. На Танедде был Геральт. Ведьмак. Помнишь, я представила его тебе в Аретузе? Что с ним?

— Успокойся. Он жив.

— Я спокойна. Говори, Энид.

— Твой ведьмак, — сказала Франческа, — за один час наделал больше, чем кто-нибудь другой за всю свою жизнь. Не рассусоливая: сломал ногу Дийкстре, снес голову Артауду Терранове и зверски изрубил около десятка скоя'таэлей. Ах, чуть не забыла: он еще разбередил нездоровое возжелание Кейры Мец.

— Это ужасно, — поморщилась Йеннифэр. — Надеюсь, Кейра уже пришла в себя? К нему претензий нет? Убедлена, что если, нездорово разбередив ее возжелание, он незамедлительно же ее не оттрахал, то виновата не нехватка уважения, а банальный недостаток времени. Заверь ее от моего имени.

— Тебе самой представится случай это сделать, — холодно бросила Маргаритка из Долин. — Причем в самое ближайшее время. Однако обратимся к темам, которые, как ты бездарно пытаешься показать, тебе безразличны. Твой ведьмак с такой энергией бросился выгораживать Цири, что поступил весьма и весьма опрометчиво — накинуд на Вильгефорца, и Вильгефорц изуродовал его. В том, что, изуродовав, незамедлительно не убил, виновата не нехватка старательности, а банальный недостаток времени. И что, ты по-прежнему станешь прикидываться, будто тебя это не колышет?

— Нет. — Издевательская гримаса сошла с лица Йеннифэр. — Нет, Энид. Меня это колышет. И сильно. Я бы даже сказала — волнует. И в самое ближайшее время некоторые особы лично познакомятся с моим волнением. Даю тебе слово!

Франческа не восприняла угрозу, как раньше не восприняла насмешку.

— Трисс Меригольд телепортировала изувеченного ведьмака в Брокилон, — сказала она. — Насколько я знаю, дриады продолжают его лечить. Кажется, ему уже лучше, но полезнее б ему было не

высовывать оттуда носа. Его разыскивают агенты Дийкстры и разведки всех королевств. Кстати, тебя тоже.

— Я-то чем заслужила такую честь? Ведь я Дийкстре ничего плохого не сделала... Ах, не говори, сама догадаюсь. Исчезла с Танедда без следа. Никто не догадывается, что я, редуцированная и упакованная, оказалась у тебя за декольте. Все уверены, что я сбежала в Нильфгаард вместе с участниками заговора. Все, кроме действительных заговорщиков, разумеется, но эти никого не выведут из заблуждения. Как ни говори, продолжается война, дезинформация — оружие, острие которого всегда должно быть хорошо отточено и направлено в нужную сторону. А теперь, спустя сорок семь дней, пришло время оружие использовать. Мой дом в Венгерберге сожжен, меня разыскивают. Мне не остается ничего иного, кроме как присоединиться к командам скоя'тазлей. Либо другим образом включиться в борьбу эльфов за свободу.

Йеннифэр отхлебнула морковного сока и уставилась в глаза по-прежнему спокойной и молчаливой Иды Эмеан аэп Сивней.

— Ну что, госпожа Ида? Госпожа вольная Aen Seidhe с Синих Гор. Я точно угадала писанную мне судьбу? Почему вы молчите, словно камень?

— Я, госпожа Йеннифэр, — ответила рыжеволосая эльфка, — молчу, когда не могу сказать ничего толкового. Это значительно лучше, чем заниматься необоснованными предположениями и прикрывать беспокойство болтовней. Переходи к делу, Энид. Объясни госпоже Йеннифэр, что к чему.

— Я вся — внимание. — Йеннифэр коснулась пальцами обидановой звезды на бархотке. — Говори, Франческа.

Маргаритка из Долин положила подбородок на сплетенные пальцы.

— Сегодня, — сказала она, — вторая ночь после полнолуния. Еще немного, и мы телепортируемся в замок Монтекальво, владение Филиппы Эйльхарт. Примем участие в собрании организации, которая должна тебя заинтересовать. Ведь ты всегда считала, что магия — величайшая ценность, стоящая над всяческими раздорами, спорами, политическими разногласиями, личными интересами, антипатиями, недовольством и неприязнью. Тебя, я думаю, обрадует известие, что недавно сложился «костяк» организации, что-то вроде тайной ложи, создаваемой исключительно ради защиты магии. Цель ложи — следить за тем, чтобы магия занимала в иерархии всяческих проблем надлежащее ей место. Воспользовавшись правом рекомендовать новых членов упомянутой ложи, я решила предложить две кандидатуры: Иду Эмеан аэп Сивней и тебя.

— Ах, какие неожиданные честь и доверие, — съязвила Йеннифэр. — Из магического небытия за декольте прямиком в тайную элитную и всемогущественную ложу. Стоящую выше личных ин-

тересов и вражды. Только вот гожусь ли я? Найду ли в себе достаточно силы характера, чтобы отказаться от неприязни к тем особам, которые отняли у меня Цири, изуродовали небезразличного мне мужчину, а самое меня...

— Уверена, Йеннифэр, — прервала эльфка, — что ты найдешь в себе сил характера. Я знаю тебя и убеждена, что у тебя достаточно таких сил. У тебя также хватит амбиций, чтобы развеять сомнения относительно неожиданной чести и доверия. Однако, если ты того желаешь, скажу прямо: я рекомендую тебя ложе, потому что считаю личностью, которая того заслуживает и может с большой пользой послужить нашему делу.

— Благодарю. — Насмешливая улыбка и не думала сходить с губ чародейки. — Благодарю, Энид. Я прямо-таки физически ощущаю, как меня распирают гордость, спесь и самообожание. Я могу лопнуть в любой момент. И даже раньше, чем подумаю, почему вместо меня ты не рекомендуешь в вашу ложу еще одного эльфа из Доли Блатанна либо эльфку с Синих Гор?

— В Монтекальво, — холодно ответила Франческа, — узнаешь, почему.

— Хотелось бы сейчас.

— Скажи ей, — проворчала Ида Эмеан.

— Дело в Цири, — сказала после краткого раздумья Франческа, подняв на Йеннифэр непроницаемые глаза. — Ложа интересует ее, а никто не знает девочку лучше тебя. Остальное узнаешь на месте.

— Хорошо. — Йеннифэр энергично потерлась лопаткой о спинку стула. Высушенная компрессией кожа все еще немилосердно зудела. — Скажи только, кто еще входит в состав вашей ложи? Кроме вас двоих и Филиппы.

— Маргарита Ло-Антиль, Трисс Меригольд и Кейра Мец, Шеала де Танкарвилль из Ковира. Сабрина Глевиссиг. И две чародейки из Нильфгаарда.

— Интернациональная бабская республика?

— Можно сказать и так.

— Они, конечно, по-прежнему считают меня сообщницей Вильгефорца. И тем не менее одобряют мою кандидатуру?

— Они одобряют мой выбор. Об остальном позаботишься сама. Тебя попросят рассказать о связях с Цири. С самого начала. С первых дней, имевших место не без участия твоего ведьмака пятнадцать лет назад в Цинтре, и до событий полуторамесячной давности. Откровенность и правдивость будут абсолютно необходимы. И подтвердят твою лояльность конвенту.

— Кто сказал, будто мне есть что подтверждать? Не рановато ли говорить о лояльности? Я не знаю ни статуса, ни программы вашего бабьего интернационала...

— Йеннифэр, — эльфка слегка свела к переносице свои идеально правильные брови, — я рекомендую тебя ложе. Но принуждать к чему-либо не намерена. И уж тем более к лояльности. У тебя есть выбор.

— Догадываюсь, какой.

— Правильно догадываешься. Но это по-прежнему выбор свободный. Однако, со своей стороны, я искренне рекомендую выбрать ложе. Поверь, так ты сможешь своей Цири гораздо эффективнее, нежели кидаясь вслепую в водоворот событий, на что, как мне думается, тебя так и тянет. Цири угрожает смерть. Спасти ее могут только наши совместные действия. Выслушав то, что будет сказано в Монтекальво, ты убедишься в моей правоте... Йеннифэр, мне не нравятся вспышки, которые я вижу в твоих глазах. Дай мне слово, что не попытаешься сбежать.

— Нет, — покачала головой Йеннифэр, прикрывая рукой звезду на бархотке. — Нет, Франческа, не дам.

— Хочу предупредить, дорогая: все стационарные порталы Монтекальво имеют искривляющую блокаду. Любой, пожелавший без разрешения Филиппы войти туда или выйти оттуда, окажется в камере, стены которой выложены двумеритом. Собственный телепорт ты открыть не сможешь, не располагая компонентами. Твою звезду я отбирать не хочу, потому что ты должна полностью сохранить способность мыслить здраво и логично. Но если попытаешься устроить какие-нибудь фокусы... Йеннифэр, я не могу этого позволить... Ложа не может допустить, чтобы ты очертя голову в одиночку бросилась спасать Цири и искать способы отомстить. Я редуцирую тебя и снова упакую в нефритовую статуэтку. Если потребуется — на несколько месяцев. Или лет.

— Благодарю за предупреждение. Но слова все равно не дам.

Фрингиля Виго старалась казаться спокойной, но в действительности была очень напряжена и сильно нервничала. Она сама неоднократно журила начинающих нильфгаардских магиков за некритичное следование стереотипным мнениям и представлениям, сама постоянно высмеивала тривиальный, созданный сплетнями, слухами и пропагандой образ типичной чародейки с Севера — искусственно прекрасной, грубой, праздной и порочной до пределов извращенности, а зачастую и за пределами. Однако сейчас, по мере того как многочисленные пересадки в телепортах приближали ее к замку Монтекальво, ее все сильнее охватывали сомнения: что же она в действительности застанет на сборище таинственной ложи? И что ее там ждет? Разыгравшееся воображение рисовало картинки убийственно красивых женщин с бриллиантовыми колье на лебяжьих шеях и обнаженными грудями с карминными сосками, женщин с влажными губами и блестящими от алкоголя и наркотиков глазами. Внутренним взором Фрингиля уже видела,

как заседания тайного конвента переходят в дикую и разнузданную оргию с бешеной музыкой, афродизиями, невольниками обоих полов и изощренными аксессуарами.

Последний телепорт бросил ее между двух колонн из черного мрамора. Во рту у нее пересохло, магический ветер выжимал слезы. Рука лихорадочно стискивала изумрудное ожерелье, закрывающее каре декольте. Рядом материализовалась Ассирэ вар Анагьд, также заметно нервничающая. Правда, у Фрингиля были основания предполагать, что подругу смущает новая и нетипичная для нее одежда: неброское, но очень элегантное платье цвета гиацинта, дополненное маленьким скромным колье из александритов.

Возбуждение мгновенно развеялось. В огромном, светлом от магических лампионов зале было прохладно и тихо. Нигде ни обнаженного негра, шпарящего в барабан, ни отплясывающих на столах девиц с цехинами на вздувшихся лонах. Не чувствовался запах гашиша и кантарид. Нильфгаардских чародеек встретила Филиппа Эйльхарт, владелица замка, стройная, серьезная, предупредительная и деловитая. Другие чародейки подошли и представились. Фрингиля облегченно вздохнула. Магички с Севера были красивы, ярки и блистали драгоценностями, но в подчеркнутых тонирующим макияжем глазах не чувствовалось ни одурманивающих средств, ни нимфомании. Ни у одной не были открыты груди. Совсем наоборот. Две из них были в платьях, очень скромно застегнутых под горлышко, — суровая, одетая в черное Шеала де Танкарвилль и молоденькая Трисс Меригольд с голубыми глазами и изумительно красивыми каштаново-рыжими волосами. У темноволосой Сабрины Глевиссиг и блондинок Маргариты Ло-Антиль и Кейры Мец были декольте, но совсем немногим более глубокие, нежели у Фрингили.

Ожидание других участниц конвента заполнила приятная беседа, во время которой все имели случай рассказать кое-что о себе, а тактичные замечания и утверждения Филиппы Эйльхарт быстро и умело крушили лед, хотя единственным льдом в пределах досягаемости был лед в буфете, где вздымалась горка устриц. Другого льда не чувствовалось. У исследовательницы Шеалы де Танкарвилль незамедлительно отыскалось множество общих тем с исследовательницей Ассирэ вар Анагьд, Фрингиля же быстро почувствовала расположение к веселой Трисс Меригольд. Беседа сопровождалась поглощением устриц. По-настоящему же ела лишь Сабрина Глевиссиг, достойная дочь каэдвенских лесов, которая позволила себе высказать пренебрежительное мнение касательно «склизкой мерзости» и желание отведать кусочек холодной косулины с черносливом. Филиппа Эйльхарт вместо того, чтобы ответить холодным высокомерием, дернула шнурок звонка, и через минуту незаметные и бесшумные слуги внесли мясо. Изумление Фрингили было

неописуемо. «Ну что ж, — подумала она, — что город, то норов, что деревня, то обычай».

Телепорт между колоннами черного мрамора разгорелся и глухо завибрировал. На лице Сабрины Глевиссиг появилось безмерное удивление. Кейра Мец упустила на лед устрицу и нож. Трисс сдержала вздох.

Из портала вышли три чародейки. Три эльфки. Одна — с волосами цвета темного золота, вторая — карминово-рыжая, третья — с волосами цвета воронова крыла.

— Приветствую тебя, Франческа, — сказала Филиппа. В ее голосе не было того возбуждения, которое выражали глаза. Однако она тут же прищурилась. — Приветствую тебя, Йеннифэр.

— Я получила право на два кресла, — мелодично сказала названная Францеской темноволосая эльфка, несомненно, заметившая изумление Филиппы. — Вот мои кандидатки. Всем знакомая Йеннифэр из Венгерберга. И госпожа *Ida Emean aep Sivney, Aep Saevherne* с Синих Гор.

Ида Эмеан слегка наклонила рыжую голову, зашуршала воздушным нарциссово-желтым платьем.

— Думаю, — осмотрелась Франческа, — мы уже все в сборе?

— Недостает только Вильгефорца, — тихо, но с явной злобой прошипела Сабрина Глевиссиг, косо поглядывая на Йеннифэр.

— И спрятанных в подземелье скоя'таэлей, — буркнула Кейра Мец. Трисс остудила ее взглядом.

Филиппа покончила с представлением дам. Фрингиля с интересом рассматривала Францеску Финдабаир, Энид ан Глеанна, Маргаритку из Долин, знаменитую королеву Доль Блатанна, владычицу эльфов, недавно обретших свою страну. Слухи о красоте Францески, отметила Фрингиля, не были преувеличены.

Рыжеволосая и большеглазая Ида Эмеан вызвала явный интерес у всех, не исключая обеих магичек из Нильфгаарда. Вольные эльфы с Синих Гор не поддерживали контактов не только с самими людьми, но даже с живущими рядом с ними соплеменниками. А многочисленные среди вольных эльфов *Aep Saevherne*, Ведуньи, были почти легендарной загадкой. Мало кто даже среди эльфов мог похвалиться близким знакомством с Ведуньями. Ида выделялась в группе не только цветом волос. В ее украшениях не было ни унции золота, ни карата камней — только жемчуг, кораллы и янтарь.

Однако самые явные эмоции вызывала третья из вновь прибывших чародеек, Йеннифэр, черноволосая, одетая в черное с белым и, вопреки первому впечатлению, не эльфка. Ее появление в Монтекальво оказалось большой и не для всех приятной неожиданностью. Фрингиля чувствовала исходящую от некоторых магичек антипатию и даже враждебность.

Когда ей представляли нильфгаардских чародеек, Йеннифэр задержала на Фрингилье фиолетовые глаза, глаза утомленные и обведенные кругами. Даже макияж не в силах был этого скрыть.

— Мы встречались, — бросила она, касаясь приколотой к бархотке обсидиановой звезды.

В зале вдруг повисла напряженная тишина.

— Мы уже виделись, — повторила Йеннифэр.

— Не припоминаю, — сказала Фрингилья, выдерживая ее взгляд.

— Неудивительно. Но у меня прекрасная память на лица и фигуры. Я видела тебя на Содденском Холме.

— Значит, ошибки быть не может. — Фрингилья Виго гордо подняла голову, повела по собравшимся взглядом. — Я была у Содденского Холма.

Филиппа Эйльхарт опередила ответ Йеннифэр.

— Я тоже там была. Тоже многое помню. Однако, мне кажется, чрезмерное напряжение памяти и выискивание ненужных подробностей не принесет пользы здесь, в этом зале. Нам сейчас гораздо больше помогла бы забывчивость, прощение и объединение. Нам и тому, что мы собираемся предпринять. Ты согласна со мной, Йеннифэр?

Черноволосая чародейка откинула со лба крутые локоны.

— Когда я наконец узнаю, что именно вы намерены предпринять, — ответила она, — тогда и скажу, с чем согласна, а с чем — нет.

— В таком случае полезнее начать незамедлительно. Прошу вас, дамы, занять свои места.

Места за круглым столом — все, кроме одного — были помечены. Фрингилья сидела рядом с Ассирэ вар Анагид, справа от нее расположился свободный стул, отделяющий ее от Шеалы де Танкарвилль, дальше сидели Сабрина Глевиссиг и Кейра Мец. Слева от Ассирэ — Ида Эмеан, Франческа Финдабаир и Йеннифэр. Точно напротив Ассирэ уселась Филиппа Эйльхарт, справа от которой поместилась Маргарита Ло-Антиль, а слева — Трисс Мериголд.

У всех стульев подлокотники были выполнены в виде сфинксов.

Начала Филиппа. Повторив приветствие, она сразу же перешла к делу. Фрингилья, которую Ассирэ детально познакомила с предыдущим собранием, из вступительного слова не узнала ничего нового. Не удивили ее ни заявления всех чародеек о присоединении к конвенту, ни первые слова, касающиеся войны, которую империя вела с нордлингами, в особенности же недавно начатой операции в Соддене и Бругге, в ходе которой императорские войска вступили в вооруженный конфликт с армией Темерии. Несмотря на объявленную аполитичность конвента, чародейки не скрывали своих воззрений. Некоторых явно беспокоило присут-

ствии Нильфгаарда у ворот их государств. Фрингилю обуревали смешанные чувства. Ей казалось, что столь образованное общество должно понимать, что Империя несет на Север культуру, благосостояние, порядок и политическую стабильность. С другой же стороны, она не знала, как стала бы реагировать сама, если б не к их, а к ее дому подходили вражеские армии.

Однако Филиппа Эйльхарт считала, что следует прекратить дискуссии на военные темы.

— Результаты войны никто предвидеть не может, — сказала она. — Более того, такая попытка лишена смысла. Давайте взглянем наконец на эти проблемы трезво. Во-первых, война не столь уж большое зло. Гораздо опаснее, на мой взгляд, перенаселение, которое при теперешнем уровне сельского хозяйства и промышленности означало бы безусловную победу голода. Во-вторых, война — это продолжение политики владык. А сколько из ныне правящих будут жить через сто лет? Ни один, это очевидно. Сколько династий выдержат? Предвидеть невозможно. Сегодняшние территориальные и династические споры, сегодняшние амбиции и сегодняшние надежды через сто лет будут прахом и пылью, покрывающими хроники. И если мы себя не защитим, если позволим втянуть себя в войну, то и от нас останутся те же прах и пыль. Если же мы взглянем несколько шире, по-над королевскими и императорскими штандартами, если перестанем откликаться на боевые и патриотические вопли, то мы выдюжим и выживем. А выжить мы обязаны. Обязаны, ибо на нас лежит бремя ответственности. Нет, не перед королями с их местническими интересами, ограничивающимися одним-единственным — своим — королевством. Мы ответственны за мир. За прогресс. За изменения, которые этот прогресс несет. Мы ответственны за будущее. Ибо если не мы, то кто?

— Тиссая де Врие выразила бы это иначе, — сказала Франческа Финдабаир. — Ее всегда волновала ответственность перед обычными, простыми обитателями. Не в будущем, но здесь и сейчас.

— Тиссая де Врие умерла. Будь она жива, она была бы с нами.

— Наверняка, — улыбнулась Маргаритка из Долин. — Но не думаю, чтобы она согласилась с теорией о войне как лекарстве против голода и, простите за неологизм, «перелюднения». Обратите внимание на последнее слово, уважаемые дамы. Мы общаемся, используя всеобщий язык, имеющий целью облегчить взаимопонимание. Но для меня это язык чужой. Все более чужой. На языке же моей матери нет слова «перелюднение», а слово «перезельфинье» было бы совсем уж двойным неологизмом, ибо такового нет ни в человеческом, ни в эльфьем языке. Незабвенная Тиссая де Врие беспокоилась о судьбах обычных людей, которых ты тактично назвала просто «обитателями». Мне же не менее важна судьба обычных эльфов. Я б охотно аплодировала идее уйти мыслью в

будущее и рассматривать сегодняшний день как эфемериду. Но с огорчением вынуждена отметить, что сегодняшний день обуславливает день завтрашний, а без завтра не будет будущего. Вам, людям, возможно, кажутся смешными рыдания над кустом сирени, сгоревшей в военной разрухе. Ведь в конце концов в сирени нет недостатка, не этот куст, так другой. Не будет сирени, будет акация. Простите ботанический уклон моих метафор. Но соблаговолите понять: то, что для вас, людей, — вопрос политики, то для нас, эльфов, — проблема выживания.

— Политика меня не интересует, — громко заявила Маргарита Ло-Антиль, ректор академии магии. — Я просто не желаю, чтобы девушек, воспитанию которых я себя посвятила, использовали в качестве кондотьерок, забывая им головы лозунгами о любви к родине. Родина этих девушек — магия, этому я их учу. Если моих девочек вовлекут в войну, поставят на новом Содденском Холме, то они проиграют независимо от результатов драки на поле боя. Я понимаю твою опасения, Энид, но мы должны заниматься будущим магии, а не расовыми проблемами.

— Мы должны заниматься будущим магии, — повторила Сабрина Глевиссиг. — Но будущее магии обуславливает статус чародеев. Наш статус. Наше значение. Роль, которую мы играем в обществе. Доверие, уважение и достоверность, повсеместная вера в нашу полезность, в то, что магия необходима. Стоящая перед нами дилемма представляется детски простой: либо утрата статуса и изоляция в башнях из слоновой кости, либо служение. Служение даже на Содденских Холмах, даже как кондотьерки...

— Или как прислужницы и девки на побегушках? — Трисс Меригольд откинула с плеча свои роскошные волосы. — С согнутыми шеями, готовые к услугам при первом же движении императорского пальца? Ибо такую роль выделит нам Рах Nilfgaardiana*, если воцарится повсюду.

— Если воцарится, — с нажимом сказала Филиппа. — Для нас нет никаких дилемм. Мы должны служить. Но магии. Не королям и императорам, не их сегодняшней политике. Не проблемам расовой интеграции, ибо она тоже подчиняется сиюминутным политическим целям. Наш конвент, дорогие дамы, не для того создан, чтобы приспособливаться к теперешней политике и ежедневным изменениям линии фронта. Не для того, чтобы лихорадочно искать решений, адекватных данной ситуации, словно хамелеоны изменяя цвет. Роль нашей логи, нашей лиги, нашего конвента должна быть активной. И совершенно обратной сказанному. Реализуемой всеми доступными нам способами.

— Если я верно поняла, — подняла голову Шеала де Танкарвилль, — ты уговариваешь нас активно влиять на ход событий. Всеми способами. В том числе и противозаконными?

* Нильфгаардская империя (лат.).

— О каких законах ты говоришь? О законах для малых мира сего? О внесенных в кодексы, которые мы сами разработали и продиктовали королевским юристам? Нас обязывает только один закон. Наш!

— Понимаю, — улыбнулась чародейка из Ковира. — Итак, мы активно начнем влиять на ход событий. Если политика владык нам не понравится, мы ее самым элементарным образом изменим. Так, Филиппа? А может, лучше сразу свергнуть коронованных дурней, сместить с тронов и изгнать? Может, сразу взять власть в свои руки?

— Мы уже сажали на троны удобных нам владык. Наша ошибка состояла в том, что мы ни разу не возвели на престол магию. Ни разу не дали магии абсолютной власти. Пора исправлять ошибку.

— Ты, конечно, имеешь в виду себя? — Сабрина Глевиссиг перегнулась через стол. — И конечно, на троне Редании? Ее величество Филиппа Первая? С Дийкстрой в качестве принца-консорта?

— Я не имею в виду себя. Я не имею в виду королевство Редании. Я имею в виду великое Королевство Севера, в которое, расширившись, превратится нынешнее королевство Ковир. Я имею в виду Империю, сила которой будет равна силе Нильфгаарда, благодаря чему неустойчивые сейчас плечи весов мира наконец перестанут раскачиваться. Империю, управляемую магией, которую мы возведем на трон, поженив наследника ковирского престола на чародейке. Да, именно это, вы правильно меня поняли, дорогие единомышленницы. И не случайно всех так заинтересовал пустующий сегодня стул. Именно на этот стул мы посадим двенадцатую чародейку логи. А потом возведем ее на престол.

Воцарившееся молчание прервала Шеала де Танкарвилль.

— Прожект действительно дерзкий, — проговорила она чуть-чуть насмешливо. — Действительно достойный всех здесь сидящих. Полностью оправдывающий создание такого конвента, как наш. Разумеется, нам не к лицу задачи менее почетные, даже если они балансируют на грани реальности и выполнимости. Это все равно что вколачивать гвозди астролябией. Нет-нет, лучше уж сразу ставить перед собой задачи явно невыполнимые.

— Почему невыполнимые?

— Помилуй, Филиппа, — сказала Сабрина Глевиссиг. — Ни один король никогда не возьмет в жены чародейку, ни одно общество не примет чародейки на троне. Помехой тому извечный обычай. Возможно, обычай неумный, но он существует.

— Существуют также, — добавила Маргарита Ло-Антиль, — помехи, я бы сказала, технического характера. Особа, которую можно было бы сочетать с ковирским двором, должна соответствовать ряду условий как в наших глазах, так и в глазах ковирского двора. Эти условия, совершенно очевидно, противоречат друг

другу. Ты этого не видишь, Филиппа? Для нас это должна быть особа, обученная магии, целиком и полностью преданная делу магии, понимающая свою роль и способная играть ее умело, незаметно, не вызывая подозрений. Без дирижеров и суфлеров, без каких-либо прячущихся в тени серых кардиналов, на которых всегда, при первом же перевороте, обращается гнев мятежников. В то же время это должна быть личность, которую Ковир возведет на трон сам, без видимого нажима с нашей стороны.

— Это очевидно.

— И как ты думаешь, кого изберет не «нажимаемый» нами Ковир? Девушку из королевского рода, в жилах которой из поколения в поколение течет королевская кровь. Девушку молоденькую, соответствующую юному принцу. Девушку, которая сможет рожать, ибо речь идет о династии. Установленная на такой высоте планка исключает тебя, Филиппа, исключает меня, исключает даже Кейру и Трисс, самых младших среди нас. Исключает также всех выпускниц моей школы, которые, кстати, и нам мало интересны, ведь это бутоны, цвет лепестков которых пока еще загадка. Невозможно представить себе, чтобы одна из них села на пустое, двенадцатое, место за этим столом. Иными словами, даже если весь Ковир спятит и согласится одобрить супружество принца с чародейкой, у нас такой чародейки нет. Так кто же станет Королевой Севера?

— Девушка из королевского рода, — спокойно ответила Филиппа. — В жилах которой течет королевская кровь, кровь нескольких великих династий. Молоденькая и способная рожать. Девушка с небывалыми магическими и провидческими способностями, носительница Старшей Крови, предсказанная прорицаниями. Девушка, которая напеваючи будет играть свою роль без дирижеров, хореографов, суфлеров, пособников и серых кардиналов, даже если они будут коричневыми. Ибо такова воля Предназначения. Девушка, фактические способности которой известны и будут известны только нам. Цирилла, дочь Паветты из Цинтры, внучка Львицы Калантэ. Старшая Кровь. Леденящее Пламя Севера. Разрушительница и Обновительница, приход которой напрогночен уже сотни лет назад. Цири из Цинтры, Королева Севера. И ее кровь, из которой восстанет Королева Мира.

Увидев вырывающихся из засады Крыс, двое сопровождающих карету верховых тут же развернулись и кинулись в стороны. Шансов у них не было. Гиселер с Реефом и Искрой отрезали им путь и после короткой схватки зарубили. На двух оставшихся, готовых отчаянно защищать карету, запряженную четверкой серых в яблоках лошадей, вылетели Кайлей, Ассе и Мистле. Цири почувствовала разочарование и непреодолимую злость. Ей не оставили никого. Похоже, ей некого будет убить.

Но был еще один всадник, едущий перед каретой в качестве гонца, легковооруженный, на быстром коне. Он мог бы убежать, но не убежал. Развернулся, закутил мечом и помчался прямо на Цири.

Она подпустила его, даже немного сдержала коня. Когда он ударил, она приподнялась на стременах, свесилась с седла, ловко избежав клинка, тут же вынырнула, резко оттолкнувшись от стремян. Наездник был ловок и скор, сумел ударить снова. На этот раз она парировала удар наискось, а когда его меч соскользнул, рубанула наездника снизу, коротко, по кисти руки, проделав финт, нацелилась мечом в лицо, и когда он машинально заслонился левой рукой, ловко развернула меч и хлестнула его под мышку ударом, которому часами училась в Каэр Морхене. Нильфаардец сполз с седла, упал, поднялся на колени, дико завыл, резкими движениями пытаясь сдержать рвущуюся из разрубленных артерий кровь. Цири несколько мгновений присматривалась у нему, как всегда, очарованная видом человека, изо всех сил борющегося со смертью. Дождалась, пока он истечет кровью. Потом отъехала, не оглядываясь.

Все кончилось. Эскорт перебит до последнего человека. Ассе и Рееф остановили карету, уцепившись за узды первой пары цуговых лошадей. Форейтор, молоденький паренек в цветастой ливрее, которого сбросили с правой цуговой, ползал на коленях, плакал и умолял о милосердии. Кучер бросил вожжи и вторил ему, складывая руки как для молитвы. Гиселер, Искра и Мистле галопом подскочили к карете. Кайлей прыгнул с лошади и дернул дверцу. Цири подъехала ближе, слезла, все еще держа в руке покрытый кровью меч.

В карете сидела толстая матрона в роброне и чепце, обнимающая молоденькую и ужасно бледную девушку в черном, застегнутом под шею платье с гипюровым воротничком. К платьицу, как заметила Цири, была приколота гемма. Очень красивая.

— Ну, лошадки! — крикнула Искра, рассматривая упряжку. — Хороши — в яблоках! Картинка, да и только! Заработаем на них по несколько флоренов!

— А каретку, — Кайлей улыбнулся женщине и девочке, — оттащут в городок кучер и форейтор, надев на себя упряжь. А если придется в гору тянуть, то и дамочки помогут!

— Господа бандиты! — заныла матрона в роброне, которую плотоядная ухмылочка Кайлея напугала больше, чем окровавленное железо в руке Цири. — Взываю к вашей совести. Ведь вы не опозорите эту юную девочку?!

— Эй, Мистле, — крикнул Кайлей, насмешливо усмехаясь. — Тут, я слышу, к твоей совести взывают!

— Заткнись, — поморщился Гиселер, все еще не слезая с лошади. — Никому не смешно от твоих глупостей. А ты успокойся,

женщина. Мы — Крысы. Мы не воюем с женщинами и не обижаем их. Рееф, Искра, выпрягайте лошадей! Мистле, хватай верховых! И — смываемся!

— Мы, Крысы, не воюем с женщинами, — снова ощерился Кайлей, поглядывая на побледневшее лицо девушки в черном платье. — Только время от времени шалим с ними, ежели у них есть на то охота. А у тебя, мазелька, есть на это охота? У тебя случайно не чешется между ножками? Ну, стыдиться нечего. Достаточно кивнуть головкой.

— Больше почтительности! — крикнула ломким голосом дама в роброне. — Да как ты смеешь так обращаться к благородной баронессе, милсдарь бандит?

Кайлей захохотал, затем преувеличенно почтительно поклонился.

— Прощения просим! Не хотел оскорбить! Что, даже спросить не дозволено?

— Кайлей! — крикнула Искра. — Иди сюда! Ты что там треплешься? Помоги лошадей выпрягать! Фалька! Двигайся!

Цири не отрывала глаз от герба на дверях кареты, серебряного единорога на черном поле. «Единорог, — подумала она. — Когда-то видела я такого единорога... Когда? В другой жизни? А может, это был сон?»

— Фалька! Что с тобой?

«Я — Фалька. Но я была ею не всегда. Не всегда».

Она вздрогнула, сжала губы. «Я плохо обошлась с Мистле. Обидела ее. Надо как-то извиниться».

Она поставила ногу на ступеньку кареты, вперилась в гемму на платице бледной девушки и кратко бросила:

— Давай это.

— Да как ты смеешь?! — завопила матрона. — Знаешь ли ты, с кем разговариваешь? Это благородная баронесса Касадей!

Цири оглянулась, удостоверилась, что никто не слышит.

— Ах, баронесса? Баронессочка? — прошипела она. — Невысок титул. И даже если б эта молокососка была герцогиней, то должна передо мной присесть, да так, чтобы задницей земли коснуться, да и головкой тоже. Давай брошку! Ну, чего ждешь? Сорвать ее с тебя вместе с корсетом?

Тишина, наступившая за столом после заявления Филиппы, быстро сменилась общим гулом. Магички наперебой выражали удивление и недоверие, требовали объяснений. Некоторые, несомненно, многое знали о предполагаемой Владычице Севера Цирилле, или Цири, другим имя было знакомо, но знали они меньше. Фрингилья Виго не знала ничего, но кое-что подозревала и терялась в догадках, вращающихся в основном вокруг некой прядки волос. Однако Ассирэ, которую она спросила вполголоса, молчала

и посоветовала помолчать и ей, тем более что Филиппа Эйльхарт продолжала:

— Многие из нас видели Цири на Танедде, где высказанным в трансе пророчеством она наделала много шума. У некоторых из нас был с нею близкий и даже очень близкий контакт. Я в основном имею в виду тебя, Йеннифэр. Теперь твоя очередь заговорить.

Пока Йеннифэр рассказывала о Цири, Трисс Меригольд внимательно присматривалась к подруге. Йеннифэр говорила спокойно и без эмоций, но Трисс знала ее достаточно долго и достаточно хорошо. Ей уже доводилось видывать ее в самых различных ситуациях, к тому же в таких, которые вызывали стресс, мучили и доводили до грани болезни, а порой и до самой болезни. Сейчас Йеннифэр, несомненно, была именно в таком состоянии. Она выглядела утомленной, больной и, можно бы сказать, пришибленной.

Чародейка рассказывала, а Трисс, которая знала и рассказ, и того, о ком шла речь, незаметно посматривала на слушателей. Особенно же на двух чародеек из Нильфгаарда. На невероятно похорошевшую Ассирэ вар Анагид, ухоженную, но все еще неуверенно чувствующую себя в макияже и модном платье. И на Фрингилю Вигу, ту, что помоложе, симпатичную, привлекательную от природы и скромно элегантную, с зелеными глазами и черными, как у Йеннифэр, волосами, правда, не такими буйными, короче подстриженными и гладко зачесанными.

Не видно было, чтобы нильфгаардки заплутались в лабиринтах истории Цири, хотя рассказ Йеннифэр был длинным и достаточно запутанным, начинался с нашумевшей любовной истории Павеитты из Цинтры и юноши, колдовством превращенного в Йожа, повествовал о роли Геральта и о Праве Неожиданности, о связывающем ведьмака и Цири Предназначении. Йеннифэр рассказывала о встрече Цири и Геральта в Брокилоне, о войне, о потере и обретении, о Каэр Морхене. О Риенсе и преследующих девочку нильфгаардских агентах. Об учебе в храме Мелитэле, о загадочных способностях Цири.

«Они слушают с каменными лицами, — подумала Трисс, глядя на Ассирэ и Фрингилю. — Как сфинксы. Но они, это ясно, что-то скрывают. Интересно, что? Удивление, потому что не знали, кого Эмгыр притащил в Нильфгаард? Или то, что обо всем знают давно, может, даже лучше, чем мы? Сейчас Йеннифэр станет говорить о прибытии Цири на Танедд, о сделанном в трансе предсказании, которое вызвало такой переполох. О кровавом бое в Гарштанге, в результате которого Геральт был изувечен, а Цири похищена. И тогда придет конец притворству, — подумала Трисс. — Будут сброшены маски. Все знают, что за аферой на Танедде стоял Нильфгаард. А когда глаза всех уставятся на вас, нильфгаардки, выхода не будет, придется говорить. И тогда выяснится многое, тогда, возможно, и я

узнаю кое-что новое. Каким образом Йеннифэр исчезла из Танедда, почему вдруг появилась здесь, в Монтекальво, в обществе Францески? Кто такая и какую роль играет Ида Эмеан, эльфка, Аеп Saevherne с Синих Гор? Почему мне кажется, что Филиппа Эйльхарт все время говорит меньше, чем знает, хоть и демонстрирует преданность и верность магии, а не Дийкстре, с которым постоянно обменивается письмами?

И может, узнаю наконец, кто такая Цири в действительности. Цири, для них — Королева Севера, а для меня пепельноволосяя ведьмачка из Каэр Морхена, о которой я все время думаю как о младшей сестренке».

Фрингиля Виго кое-что слышала о ведьмаках, типах, профессионально занимающихся истреблением чудовищ и бестий. Она внимательно слушала повествование Йеннифэр, вслушивалась в звучание ее голоса, наблюдала за выражением лица. Не дала себя обмануть. Сильная эмоциональная связь между Йеннифэр и так интересующей всех Цири была очевидна. Связь между чародейкой и упомянутым ею ведьмаком была также очевидной не менее. И столь же сильной. Фрингиля начала размышлять об этом, но ей помешали возбужденные голоса.

Она уже поняла, что многие из собравшихся здесь чародеек во время бунта на Танедде оказались во враждующих лагерях, поэтому ее несколько не удивляла неприязнь, проявляющаяся за столом в форме колких замечаний в адрес Йеннифэр. Назревал скандал, однако его упредила Филиппа Эйльхарт, бесцеремонно стукнув кулаком по столу так, что звякнули фужеры и кубки.

— Довольно! Заткнись, Сабрина! Не поддавайся провокации, Франческа! Хватит болтать о Танедде и Гарштанге. Теперь это уже история!

«История, — подумала с неожиданной досадой Фрингиля. — Но такая, на ход которой они, будучи в разных лагерях, оказывали влияние. Они знали, что и для чего делают. А мы, имперские чародейки, ничего не знаем. Мы и вправду что-то вроде «девчонок на побегушках», которые знают, куда их посылают, но не знают, зачем. Хорошо, — подумала она, — что создается эта ложа. Черт знает, чем все кончится, но хорошо, что хоть начинается».

— Продолжай, Йеннифэр, — попросила Филиппа.

— У меня все, — сжала губы чародейка. — Повторяю, именно Тиссая де Врие приказала мне привести Цири в Гарштанг.

— Ничего проще, как свалить все на покойницу, — буркнула Сабрина Глевиссиг, но Филиппа резким жестом заставила ее замолчать.

— Я не хотела вмешиваться в то, что произошло ночью в Аретузе, — заговорила Йеннифэр, побледнев и явно занервничав. — Я хотела забрать Цири и бежать с Танедда. Но Тиссая убедила меня

в том, что появление девочки в Гарштанге для многих станет шоком, а ее пророчество, высказанное в трансе, предупредит конфликт. Я не сваливаю на нее вину, ведь я думала так же. Обе мы совершили ошибку. Однако моя вина была больше. Если б я оставила Цири под присмотром Риты...

— Что стало, то стало, — прервала Филиппа. — Ошибиться может каждый. Даже Тиссая де Врие. Когда Тиссая впервые увидела Цири?

— За три дня до начала Большого Сбора, — сказала Маргарита Ло-Антиль. — В Горс Велене. Я тоже тогда с ней познакомилась. И как только увидела, поняла: это необыкновенная личность!

— Необычайно необыкновенная, — проговорила молчавшая до того Ида Эмеан аэп Сивней. — Ибо в ней сконцентрировалось наследие необыкновенной крови. Неп Ichaer, Старшая Кровь. Генетический материал, играющий решающую роль в необыкновенных способностях носителя. Решающий фактор в той величайшей роли, которую ей предстоит сыграть. Которую она должна будет сыграть.

— Ибо того требуют эльфьи легенды, мифы и пророчества? — насмешливо спросила Сабрина Глевиссиг. — Все это с самого начала пахло сказкой и фантазией! Теперь я уже не сомневаюсь. Благородные дамы, я предлагаю для разнообразия заняться чем-нибудь более серьезным, рациональным и реальным.

— Склоняю голову перед трезвой рациональностью — силой и источником великих преимуществ вашей расы, — слегка улыбнулась Ида Эмеан. — Однако здесь, в кругу лиц, способных воспользоваться мощью, которая не всегда поддается рациональному анализу и объяснению, мне представляется несколько неуместным отмахиваться от пророчеств эльфов. Наша раса не столь рационалистична и не в рационализме черпает силу. И все же существует несколько десятков тысячелетий.

— Однако генетический материал, о котором мы ведем речь, именуемый Старшей Кровью, оказался несколько менее устойчивым, — заметила Шеала де Танкарвилль. — Даже эльфьи легенды и пророчества, от которых я отнюдь не отмахиваюсь, считают Старшую Кровь полностью уничтоженной, вымершей, утерянной. Не так ли, госпожа Ида? В мире уже нет Старшей Крови. Последней, в которой она текла, была Lara Dorgen aep Shiadhal. Все мы знаем легенду о Ларе Доррен аэп Шиададь и Крегеннана из Лёда.

— Не все, — впервые подала голос Ассирэ вар Анагид. — Не все. Вашу мифологию я изучала поверхностно и этой легенды не знаю.

— Это не легенда, — сказала Филиппа Эйльхарт. — Это истинная история. Среди нас есть чародейка, которая прекрасно знает не только историю Лары и Крегеннана, но и ее последствия, а они, несомненно, всех заинтересуют. Попросим тебя, Франческа.

— Из сказанного тобой следует, — усмехнулась королева эльфов, — что ты знаешь это не хуже меня.

— Возможно. Но именно тебя я прошу высказаться.

— Чтобы испытать мою искренность и лояльность ложе, — кивнула Энид ан Глеанна. — Хорошо. Прошу вас, дамы, сесть поудобнее, ибо рассказ будет не из коротких.

— История Лары и Крегеннана — это история истинная, однако к настоящему времени она настолько украшена сказочными деталями, что распознать ее зерно трудно. Имеются также колоссальные расхождения между человеческой и эльфьей версиями легенды, в обеих просматриваются шовинизм и расовая неприязнь. Поэтому я откину украшательства и ограничусь сухими фактами. Итак, Крегеннан из Лёда был чародеем, человеком. Лара Доррен аэп Шиадаль — эльфьей магичкой, Aen Saevherne, Ведуньей, одной из загадочных даже для нас, эльфов, носителей Nen Ichaer, Старшей Крови. Их дружба, а затем любовная связь вначале была с удовлетворением воспринята обеими расами, однако вскоре появились враждебно настроенные решительные противники идеи объединения людской и эльфьей магии. Как среди эльфов, так и среди людей нашлись такие, кто считал это предательством, изменой. Возникли какие-то неясные сегодня конфликты личного свойства, ревность и зависть. Короче: в результате интриги Крегеннан был убит. Лару Доррен травили и преследовали, она скончалась от истощения где-то на безлюдье, родив дочь. Девочка уцелела чудом. Ее приютила Керо, королева Редании.

— Напуганная заклятием, которое посулила наслать на нее Лара, после того как Керо отказала ей в помощи и выгнала на мороз, — вклинилась Кейра Мец. — Если бы она после этого не приютила ребенка, на нее и на весь ее род обрушились бы страшные несчастья... Якобы...

— Это-то как раз и есть те сказочные украшения, от которых отказалась Франческа, — прервала Филиппа Эйльхарт. — Будем придерживаться фактов.

— Пророческие способности Ведунов Старшей Крови — это факты, — сказала Ида Эмеан, подняв глаза на Филиппу. — А настойчиво повторяющийся во всех версиях легенды мотив пророчества заставляет задуматься.

— Заставляет сегодня и заставлял некогда, — подтвердила Франческа. — Слухи о заклятии Лары не утихли, о них вспоминали даже через семнадцать лет, когда взятая под крылышко Керо девочка, получившая имя Рианнон, превратилась в девушку, красота которой затмевала даже легендарную красоту матери. Удочеренная Керо Рианнон носила официальный титул реданской принцессы, и ею интересовалось много правящих домов. Когда из массы конкурентов Рианнон наконец выбрала Гоидемара, юного короля

Темерии, слухи о проклятии чуть было не разрушили марьяж. Однако особенно активно слухи распространились спустя три года после свадьбы Гоидемара и Рианнон. Во время мятежа Фальки.

Фрингилья, которая никогда не слышала ни о Фальке, ни о ее мятеже, подняла брови. Франческа заметила это.

— Для северных королевств, — пояснила она, — это были трагические и кровавые события, о которых помнят до сих пор, хоть прошло уже больше ста лет. В Нильфгаарде, с которым в те времена Север практически не имел никаких отношений, все это наверняка не известно, поэтому я позволю себе очень кратко напомнить некоторые факты. Фалька была дочерью Вриданка, короля Редании, от брака, с которым он покончил, когда ему на глаза попала красавица Кери, та самая, которая позже приютила ребенка Лары. Сохранился документ, пространно и путанно объясняющий причины развода, но сохранился также портретик первой жены Вриданка, ковирской дворянки, несомненно, полуэльфки, но с решительным перевесом человеческих черт. Глаза сумасшедшей отшельницы, волосы утопленницы и рот ящерицы. Короче: дурнушку отослали в Ковир вместе с годовалой дочерью, Фалькой. И вскоре забыли и о той, и о другой.

— Фалька, — немного помолчав, продолжала Энид ан Глеанна, — напонила о себе спустя двадцать пять лет, подняв восстание и вроде бы собственноручно убив отца, Кери и двух единокровных братьев. Вооруженный мятеж вначале вспыхнул в виде поддерживаемой частью темерского и ковирского дворянства борьбы законной первородной дочери за надлежащий ей трон, но вскоре он перерос в крестьянскую войну, охватив колоссальные территории. Стороны не уступали друг другу в жестокости. Фалька вошла в легенды как кровавый демон, хотя вероятнее всего она просто перестала владеть ситуацией и вышедшими из-под ее контроля требованиями, которые выписывали мятежники на своих штандартах. Смерть королям, смерть чародеям, смерть священнослужителям, дворянам, богачам и господам, наконец — смерть всему живому, ибо опьяневшую от крови чернь уже невозможно было сдержать. Мятеж перекинулся и на другие государства...

— Между прочим, — неожиданно вставила Сабрина Глевисиг, — имя «Фалька», первоначально означавшее небольшую волну, на одном из древних языков означало «Сокол» и писалось, кажется, «Фалько». А что касается мятежа, — с явной насмешкой добавила она, — то нильфгаардские историки писали об этом. А госпожи Ассирэ и Виги, несомненно, читали. Закрутятся, Франческа. Переходи к Рианнон и тройняшкам из Гутборга.

— Пожалуйста. Рианнон, то есть удочеренную Кери дочь Лары Доррен, теперь уже супругу Гоидемара, короля Темерии, случайно поймали повстанцы Фальки и заключили в замок Гутбург. В это время она была беременна. Замок еще очень долго сопротивлялся

после всеобщего усмирения мятежа и казни Фальки, но в конце концов Гоидемар взял его приступом и освободил жену. С тремя детьми — двумя девочками, которые уже ходили, и мальчиком, только-только начинавшим. Рианнон лишилась разума. Разъяренный Гоидемар подверг дикой пытке всех пленников, и из обрывков, прерываемых воем показаний, сложилась удобочитаемая картина.

Фалька, воспринявшая красоту скорее от эльфьей бабки, нежели от матери, щедро одаряла прелестями своих жожаков, не брезгуя ни дворянами, ни предводителями шаек и убийцами, тем самым обеспечивая себе их преданность. В конце концов она забеременела и одновременно с заключенной в Гутборге Рианнон родила дитя. Своего младенца Фалька приказала подкинуть к двум близнецам, рожденным Рианнон. Как она, кажется, заявила, чести быть мамками ее ублюдков достойны только королевы, и такая судьба ждет всех коронованных самок при новом порядке, который она, Фалька, построят после победы.

Проблема состояла в том, что никто, включая и Рианнон, не знал, кто из тройки был ребенком Фальки. С большой долей вероятности предполагали, что это одна из девочек, потому что Рианнон вроде бы родила девочку и мальчика. Повторяю: вроде бы, поскольку, несмотря на чванливые заявления Фальки, детей вскармливали обыкновенные деревенские мамки. Пришедшая в конце концов в себя Рианнон почти ничего не помнила. Да, родила. Да, иногда ей в постель приносили и показывали тройняшек. Ничего больше.

Тогда призвали чародеев, чтобы те исследовали всех троих и установили, кто есть кто. Гоидемар был в таком бешенстве, что собирался после того, как Фалькиного ублюдка обнаружит, уничтожить ребенка, причем публично. Этого мы допустить не могли. После подавления мятежа пойманных повстанцев зверски истязали, следовало наконец положить этому конец. Убийство ребенка, не достигшего и двух лет, вы понимаете? Вот тогда-то и возникла бы легенда! А уже и без того начинали кружить слухи, что сама Фалька родилась чудовищем в результате наговора Лары Доррен, что было очевидным вздором, так как Фалька родилась еще до того, как Лара сошлась с Крегеннаном. Но мало кому хотелось подсчитывать годы. Памфлеты и нелепые документы втихую появлялись даже в оксенфуртской академии. Однако возвращаясь к исследованиям, которые нам поручил Гоидемар...

— Нам? — подняла голову Йеннифэр. — Это кому же?

— Тиссае де Врие, Августе Вагнер, Летисии Шарбоннэ и Хену Гедымгейту, — спокойно сказала Франческа. — Позже подключили и меня. Я была молодой чародейкой, но эльфой чистой крови. А мой отец... Биологический, ибо он отказался от меня... Он был Ведунум. Я знала, что такое ген Старшей Крови.

— И такой ген отыскивали у Рианнон, когда исследовали ее и короля, прежде чем исследовать детей, — догадалась Шеала де Танкарвилль. — И у двух детей, что позволило выявить внебрачного ребенка Фальки. И как вам удалось уберечь ребенка от гнева короля?

— Очень просто, — усмехнулась эльфка. — Мы разыгрывали незнание. Объясняли королю, что проблема очень сложная, что мы продолжаем исследования, а такие исследования требуют времени... Много времени. Гоидемар, человек по сути своей добрый и благородный, быстро остыл и вовсе не подгонял нас, а тройняшки росли и носились по дворцу, приводя в восторг королевскую чету и весь двор. Амавет, Фиона и Адель. Три одинаковых воробушка. Разумеется, к ним внимательно присматривались, то и дело возникали подозрения, особенно если кто-то из детей натворит что-нибудь. Однажды Фиона вылила из окна содержимое «ночной вазы» прямо на крупного конетабля, тот во всеуслышание окрестил ее дьявольским отродьем и распрощался с должностью. Спустя некоторое время Амавет измазал лестницу жиром, а некая придворная дама, когда ее руку брали в лубки, прошептала что-то о проклятой крови и... распрощалась со двором. Не столь высокородных крикунов незамедлительно знакомили с позорным столбом и плетью, так что все быстро научились держать язык за зубами. Даже некий барон из очень древнего рода, которому Адель угодила стрелой в «нижний бюст», отделался всего лишь...

— Не надо отвлекаться на рассказы о проделках детишек, — прервала Филиппа Эйльхарт. — Так когда наконец Гоидемару скажали правду?

— Никогда. Он не спрашивал, а нас это устраивало.

— Но кто из детей был незаконнорожденным ребенком Фальки, вы знали?

— Конечно. Адель.

— Не Фиона?

— Нет. Адель. Она скончалась от чумы. Дьявольский ублюдок, проклятая кровь, дочь чертовой Соколихи-Фальки наперекор протестам короля помогала жрецам в пригородной больнице, спасала больных детей, а сама заразилась и умерла. Ей было семнадцать лет. Годом позже ее псевдобрат Амавет учинил роман с графиней Анной Камэни и пал от рук убийц, нанятых графом. В тот же год скончалась Рианнон, не перенесшая смерти обожаемых ею детей. Тогда-то Гоидемар призвал нас снова. Потому что принцессой Фионой, последней из тройки, интересовался король Цинтры, Корам. Хотел взять ее женой своему сыну, кстати, тоже Кораму, но, зная кружащие слухи и сплетни, опасался, как бы Фиона не оказалась внебрачной дочерью Фальки. Мы использовали весь свой авторитет, чтобы убедить его в том, что Фиона — законный ребенок. Не знаю уж, поверил ли он, но молодые пришлось друг другу

по вкусу, и таким образом вскоре дочь Рианнон, прапрапрабабка вашей Цири, стала королевой Цинтры.

— Внеся в династию Корамов тот самый ген, за которым вы продолжали охотиться.

— Фиона, — спокойно сказала Энид ан Глеанна, — не была носителем гена Старшей Крови, который мы уже тогда называли «геном Лары».

— То есть как это?

— Носителем «гена Лары» был Амавет, а наш эксперимент продолжался. Ибо Анна Камэни, из-за которой распрошались с жизнью любовник и муж, еще не сняв траура, родила близнецов. Мальчика и девочку. Отцом, несомненно, был Амавет, потому что девочка оказалась носителем гена. Девочку назвали Мюриель.

— Прелестная Мерзавка Мюриель? — удивилась Шеала де Танкарвилль.

— Гораздо позже, — усмехнулась Франческа. — Вначале — Малютка Мюриель. Действительно, это был милый, прелестный ребенок. Когда ей исполнилось четырнадцать, ее уже называли Мюриель — Бархатные Глазки. Многие утонули в этих глазках. Наконец ее выдали за Роберта графа Гаррамона.

— А мальчик?

— Криспин. У него этого гена не было, потому он нас и не интересовал. Погиб, кажется, во время какой-то войны. В голове у него только и было, что драться да стрелять.

— Постой. — Сабрина резким движением растрепала волосы. — Ведь Прелестная Мерзавка Мюриель была матерью Адалии по прозвищу Ворожейка...

— Верно, — подтвердила Франческа. — Любопытная штучка эта Адалия. Мощный Исток, идеальный материал для чародейки. Увы, она не хотела быть чародейкой. Предпочитала быть королевой.

— А ген? — спросила Ассирэ вар Анагид. — Она была его носителем?

— Как ни странно — нет.

— Так я и думала, — кивнула Ассирэ. — Непрерывно «ген Лары» может передаваться только по женской линии. Если же носителем оказывается мужчина, ген редуцируется во втором, самое большее в третьем поколении.

— Однако после этого, вероятно, все же активизируется, — сказала Филиппа Эйльхарт. — Адалия, у которой «ген Лары» не проявился, была матерью Калантэ, а ведь Калантэ, бабка Цири, снова оказалась носителем гена Лары.

— Первой после Рианнон, — неожиданно проговорила Шеала де Танкарвилль. — Вы ошибались, Франческа. Было два гена. Один, истинный, был скрытым, латентным, вы прозевали его у Фионы, обманутые сильным и четко выраженным геном Амавета. Но у

Амавета был не «ген Лары», а активатор. Госпожа Ассирэ права. Передающийся по мужской линии активатор уже у Адалии был настолько нечетким, что вы его не обнаружили. Адалия была первым ребенком Мерзавки. У следующих наверняка не было и следа активатора. Латентный ген Фионы тоже скорее всего редуцировался бы у ее мужских потомков не дальше чем в третьем поколении. Но он не исчез, и я знаю, почему.

— Черт побери, — прошипела сквозь зубы Йеннифэр.

— Я заплутала, — сообщила Сабрина Глевиссиг, — заплутала в дебрях вашей генетики и генеалогии.

Франческа пододвинула к себе патеру с фруктами, протянула руку, прошептала заклинание.

— Простите за базарный психокинез, — улыбнулась она, приказав красному яблоку подняться высоко над столом. — Но при помощи левитирующих фруктов мне легче будет все объяснить, в том числе и ошибку, которую мы совершили. Красное яблочко — это «ген Лары». Старшая Кровь. Зеленое — латентный ген. Гранат — это псевдоген, активатор. Начнем. Вот Рианнон, красное яблочко. Ее сын Амавет — гранат. Дочь Амавета — Прелестная Мерзавка Мюриель и его внучка Адалия — тоже гранаты, причем последний — уже редуцирующийся. А вот вторая линия: Фиона, дочь Рианнон — зеленое яблочко. Ее сын Корбетт, король Цинтры, — зеленое. Сын Корбетта и Элен Каэдвенской, Дагород — зеленое. Как видите, в двух последующих поколениях исключительно мужские потомки, ген редуцируется, он уже очень слаб. Однако в самом низу у нас теперь гранат и зеленое яблочко. Адалия, княжна Марибора, и Дагород, король Цинтры. И их дочь — Калантэ, красное яблочко. Возродившийся, сильный «ген Лары».

— Ген Фионы, — кивнула Маргарита Ло-Антиль, — встретился с активатором Амавета в результате супружеского инцеста, и никто не обратил внимания на кровное родство? Ни один королевский геральдик и хронист не обратили внимания на явное кровосмешение?

— Оно не было столь уж явным. Ведь Анна Камэни не кричала на весь базар, что ее близнецы — внебрачные дети, потому что родственники мужа незамедлительно лишили бы и ее самое, и ее детей герба, титулов и имущества. Да, верно, сплетни появились и кружили упорно, причем не только среди плебса. Мужа для «порченной» инцестом Калантэ пришлось искать аж в дальнем Эббинге, куда слухи не дошли.

— Прибавь к своей пирамиде еще два красных яблока, Энид, — сказала Маргарита. — Теперь, в соответствии со справедливыми замечаниями госпожи Ассирэ, возродившийся «ген Лары» гладко идет по женской линии.

— Да. Вот Паветта, дочь Калантэ. И дочь Паветты — Цирилла. Единственная в данный момент наследница Старшей Крови, носительница «гена Лары».

— Единственная? — резко спросила Шеала де Танкарвилль. — Не слишком ли ты самоуверенна, Энид?

— Что ты имеешь в виду?

Шеала неожиданно поднялась, стрельнула унизанными перстнями пальцами в патеру и заставила левитировать оставшиеся на ней фрукты, разрушив и превратив в разноцветный хоровод всю схему Францески.

— Вот что я имею в виду, — холодно проговорила она, указав на фруктовый хаос. — Все это — возможные генетические комбинации. И мы знаем не больше, чем видим здесь, то есть ничего. Ваша ошибка отыгралась на вас, Францеска, породила лавину ошибок. Ген проявился случайно спустя сто лет, за эти годы могло случиться такое, о чем мы и понятия не имеем. События тайные, тщательно скрываемые, затушевываемые. Дети добрачные, внебрачные, зачатые тайно, даже подмененные. Инцесты. Смешение рас, кровь забытых предков, отзывающаяся в поздних поколениях. Короче говоря, ген, который сто лет тому назад был у вас на расстоянии вытянутой руки, даже в руках, теперь ускользнул. Ошибка, Энид, ошибка, ошибка! Слишком много стихийности, слишком много случайностей. Слишком мало контроля. Слишком мало вмешательства в случайность.

— Мы, — стиснула зубы Энид ан Глеанна, — имели дело не с кроликами, которых можно запирать в клетки, подбирая из них пары.

Фрингилья, следуя за взглядом Трисс Меригольд, заметила, как руки Йеннифэр вдруг сжали резные подлокотники стула.

«Так вот что сейчас связывает Йеннифэр и Францеску, — лихорадочно размышляла Трисс, по-прежнему избегая взгляда подруги. — Расчет. Ведь, конечно же, не обошлось без сознательного подбора пар и разведения потомства. Да, их планы относительно Цири и принца из Ковира, на первый взгляд, казалось бы, невероятные, в действительности были совершенно реальны. Они такое уже делали. Возводили на троны кого хотели, по собственному желанию конструировали союзы и династии, которые были им удобны и выгодны. В дело шло все: чары, афродизии, эликсиры. Короли и королевы неожиданно заключали странные, часто морганатические браки, зачастую наперекор всем планам, намерениям и договорам. А позже тем, кто хотел, но не должен был родить, тайно подавали противозачаточные средства. Те же, кто рожать не собирался, а надо было, чтобы рожал, вместо обещанных средств получали плацебо, воду с лакрицей. Отсюда и все эти невероятные родственные отношения — Калантэ, Паветта... И Цири. Йенни-

фэр была в этом замешана. А теперь сожалеет. И правильно делает. Черт поberi, если об этом узнает Геральт...»

«Сфинксы, — думала Фрингиля Виго. — Сфинксы, вырезанные на подлокотниках стульев. Да, это должно стать знаком и эмблемой ложи. Знание, тайна, молчание. Они — сфинксы. Они без труда добьются всего, чего пожелают. Им ничего не стоит поженить Ковир на этой их Цири. В их руках сила. В их руках знание. В их руках средства. Бриллиантовое кольцо на шее Сабрины Глевиссиг стоит, вероятно, без малого столько, сколько составляет весь платежный баланс лесистого и скалистого Каэдвена. Они за просто добились бы того, что планируют. Но есть одна заковыка...»

«Так, — подумала Трисс Меригольд, — наконец-то начинается разговор о том, с чего следовало начать. С того отрезвляющего и остужающего факта, что Цири находится в Нильфгаарде, во власти Эмгыра. Очень далеко от разрабатываемых здесь планов...»

— Несомненно, — говорила Филиппа, — Эмгыр охотился за Цириллой давно. Все считали, что предполагался политический брак с Цириллой и овладение леном, который на законном основании унаследовала девочка. Однако нельзя исключить, что дело тут вовсе не в политике, а в гене Старшей Крови, который Эмгыр вознамерился внести в императорскую линию. Если Эмгыр знает то же, что знаем и мы, то он может пожелать, чтобы пророчество осуществилось в его роду, а будущая Королева Мира родилась бы в Нильфгаарде.

— Поправка, — вставила Сабрина Глевиссиг. — Того хочет не Эмгыр, а нильфгаардские чародеи. Только они могли выискать ген и объяснить Эмгыру его значение. Присутствующие здесь нильфгаардские дамы, я думаю, не откажутся это подтвердить и прояснить свою роль в интриге.

— Меня удивляет, — не выдержала Фрингиля, — тенденция присутствующих здесь нильфгаардских дам искать нити интриг в далеком Нильфгаарде, хотя все указывает на то, что заговорщиков и предателей следует искать гораздо ближе к вам самим.

— Замечание столь же прямое, сколь и точное. — Шеала де Танкарвилль суровым взглядом удержала готовящуюся было возразить Сабрину. — Информация о Старшей Крови проникла в Нильфгаард от нас, все указывает на это. Или вы забыли о Вильгефорце?

— Я — нет. — В черных глазах Сабрины на секунду полыхнул огонь ненависти. — Я не забыла!

— Придет его час, — зловеще сверкнула глазами Кейра Мец. — Но пока речь не о нем, а о том, что Цири, столь важная для нас Старшая Кровь, находится в руках Эмгыра вар Эмрейса, императора Нильфгаарда.

— У императора в руках, — спокойно пояснила Ассирэ, взглянув на Фрингилю, — нет ничего похожего. У содержащейся в Дарн Роване девушки нет никакого экстраординарного гена. Она обычна до банальности. Вне всяких сомнений, это не Цири из Цинтры. Не та девушка, которую разыскивал император. А искал он ту, которая носит «ген Лары». Он даже получил ее волосы. Волосы эти я исследовала и обнаружила нечто такое, чего понять не могла. Теперь понимаю.

— Итак, Цири нет в Нильфгаарде, — тихо проговорила Йеннифэр. — Ее там нет.

— Ее там нет, — серьезно подтвердила Филиппа Эйльхарт. — Эмгыра обманули, подсунили ему двойника. Я сама узнала об этом только вчера. Однако меня радует искренность госпожи Ассирэ. Это подтвердило, что наша ложа уже действует.

Йеннифэр с трудом сдерживала дрожь в руках. «Только спокойно, — повторяла она, — только спокойно, не выдавать себя, ждать подходящего момента. И слушать, слушать, собирать информацию. Сфинкс. Быть сфинксом».

— Итак, Вильгефорц, — хлопнула Сабрина рукой по столу. — Не Эмгыр, а Вильгефорц, эта очаровашка, этот благопристойный подлюга! Провел и Эмгыра, и нас!

Йеннифэр успокаивала себя глубокими вдохами. Ассирэ вар Анагьд, чародейка из Нильфгаарда, совершенно явно чувствовавшая себя неуютно в плотно облегающем платье, рассказывала о каком-то молодом нильфгаардском дворянине. Йеннифэр знала, о ком речь, и невольно сжимала кулаки. Черный рыцарь в крылатом шлеме, кошмар и бред Цири... Она ловила на себе взгляды Францески и Филиппы. Трисс, взгляд которой она пыталась привлечь, избегала ее глаз. «Дьявольщина, — думала Йеннифэр, с трудом придавая лицу безразличное выражение, — ну и влипла я. В какую паршивую ловушку я загнала девочку... Черт, как мне теперь глядеть в глаза ведьмаку...»

— Значит, представится прекрасная возможность, — возбужденно воскликнула Кейра Мец, — отыскать Цири и одновременно взять за глотку Вильгефорца! Подождем у подлеца землю под задницей!

— Чтобы поджигать землю, сначала надо найти убежища Вильгефорца, — съехидничала Шеала де Танкарвилль, чародейка из Ковира, которую Йеннифэр никогда не жаловала избытком симпатии. — А пока что это никому не удалось. Даже некоторым сидящим за нашим столом дамам, которые, к слову сказать, не жалели на поиски ни времени, ни своих незаурядных способностей.

— Уже найдены два из многочисленных убежищ Вильгефорца, — холодно ответила Филиппа Эйльхарт. — Дийкстра активно разыски-

вает остальные, а я бы его со счетов не сбрасывала. Порой там, где подводит магия, справляются шпионы и осведомители.

Один из сопровождающих Дийкстру агентов заглянул в камеру, испуганно попятился, прислонился к стене и побледнел как полотно. Смотрелся он так, словно вот-вот потеряет сознание. Дийкстра сделал пометку в памяти: перевести неженку на бумажную работу. Но стоило ему самому заглянуть в камеру, как он тут же изменил мнение о работнике. Желудок подскочил у него к горлу. Однако, чтобы не компрометировать себя перед подчиненным, он не спеша вынул из кармана надушенный платок, приложил к носу и рту и наклонился над голым телом, валявшимся на каменном полу.

— Рассечены живот и матка, — поставил он диагноз, стараясь говорить спокойно и холодно. — Очень умело, рукой хирурга. Из девушки извлекли плод. Делали это, когда она была еще жива. Но не здесь. И что, все в таком состоянии? Леннеп, я к тебе обращаюсь?

— Нет... — вздрогнул агент, оторвав глаза от трупа. — У других винтовой гарротой сломаны шеи. Они не были беременны... Но мы произведем вскрытие...

— Сколько нашли всего?

— Кроме этой — четырех. Ни одну не удалось опознать.

— Неправда, — проговорил из-за платочка Дийкстра. — Я уже успел опознать эту. Это Жоли, младшая дочь графа Ланьера. Та, что год назад пропала без вести. Взгляну на остальных.

— Некоторых огонь подпортил, — сказал Леннеп. — Трудно будет узнать... Но, милостивый государь, кроме того... Мы нашли...

— Ну говори, перестань заикаться!

— В том колодце, — агент указал на зияющую в полу дыру, — кости. Много костей. Мы не успели достать и проверить, но ручаясь, все они окажутся костями юных девок. Если попросить магов, может, удалось бы распознать... И сообщить родителям, которые все еще разыскивают пропавших дочерей...

— Ни в коем случае. — Дийкстра резко повернулся. — Ни слова о том, что здесь найдено. Никому. А тем более магам. После того что я здесь видел, я теряю к ним доверие. Леннеп, верхние уровни осмотрены тщательно? Найдено что-нибудь, что могло бы нам помочь?

— Ничего, милостивый государь. — Леннеп опустил голову. — Как только к нам поступило донесение, мы тут же кинулись в замок. Но было уже поздно. Все сгорело. Огонь ужасной силы. Не иначе — магический. Не знаю, почему...

— А я знаю. Пожар устроил не Вильгефорц, а Риенс или другой фактотум чародея. Вильгефорц не оставил бы ничего, кроме сажи на стенах. Он бы ошибки не совершил. Да, он знает, что огонь очищает... И стирает следы.

— Верно, стирает, — буркнул Леннеп. — Нет даже признаков того, что Вильгефорц тут вообще был...

— Значит, надо такие признаки создать. — Дийкстра отнял платок от лица. — Учить вас, как это делается? Я знаю, что Вильгефорц тут был. Кроме трупов, в подземелье ничего не уцелело? А за железной дверью что? Вон там?

— Позвольте, милостивый государь. — Агент взял из рук помощника факел. — Я покажу.

Не было сомнений, что магический пожар, которому предстояло испепелить все, что находилось в подземелье, начался именно здесь, в просторном помещении за железными дверями. Ошибка в заклинании существенно испортила план, но и без того пожар был сильный и бурный. От огня обуглились книжные полки, занимавшие одну из стен, разорвались и расплавились стеклянные сосуды. Все превратилось в вонючую массу. Единственное, что осталось нетронутым, был стол с жестяной столешницей и два вмурованных в пол кресла странной формы. Странной, но не оставляющей сомнения в их назначении.

— Они сконструированы так, — сглотнул Леннеп, указывая на кресла и прикрепленные к ним захваты, — чтобы держать ноги... разведенными. Разведенными широко.

— Сукин сын, — прошипел сквозь стиснутые зубы Дийкстра. — Сволочный сукин сын...

— В стоке под деревянным креслом, — продолжал агент, — мы обнаружили следы крови, кала и мочи. Стальное кресло новенькое, вряд ли когда-либо использовалось. Не знаю, что и думать...

— А я знаю, — сказал Дийкстра. — Стальное было специально создано для кого-то особого. Для кого-то, кого Вильгефорц подозревал в особых способностях.

— Я отнюдь не недооцениваю Дийкстру и его разведку, — сказала Шеала де Танкарвилль. — Знаю, чтобы отыскать Вильгефорца, требуется время. Однако, отбросив проблему личной мести, которая, кажется, занимает некоторых из нас, позволю себе заметить, что вовсе не обязательно думать, будто именно Вильгефорц держит Цири.

— Если не Вильгефорц, то кто? Она была на острове. Никто из нас, как я понимаю, не телепортировал ее оттуда. Ее нет у Дийкстры, нет у кого-либо из королев. Это нам известно. А в развалинах Башни Чайки мы не нашли ее тела.

— Тор Лара, — медленно произнесла Ида Эмеан, — некогда скрывала в себе очень мощный портал. Вы исключаете вероятность того, что девочка убежала с Танедда, воспользовавшись этим порталом?

Йеннифэр прикрыла глаза, впилась ногтями в головы сфинксов на подлокотниках. «Только спокойно, — подумала она. — Только спокойно». Она почувствовала на себе взгляд Маргариты, но не подняла головы.

— Если Цири проникла в телепорт Тор Лара, — проговорила слегка изменившимся голосом ректор Аретузы, — опасаясь, нам придется забыть о наших планах и проектах. Боюсь, мы можем уже никогда не увидеть Цири. Не существующий больше портал Башни Чайки был поврежден, искажен. Он был убийствен.

— О чем мы говорим? — вспыхнула Сабрина. — Чтобы даже просто обнаружить телепорт в башне, чтобы даже просто суметь его увидеть, необходимо воспользоваться магией четвертого порядка. А для приведения портала в действие необходимы сверхмагические способности! Не знаю, сумел ли бы это сделать даже Вильгефорц, а что говорить о пятнадцатилетней девчонке! Как можно даже предполагать нечто подобное? Кто, по-вашему, эта девчонка? Что в ней такого есть?

— Разве важно, — протянул Стефан Скллен по прозвищу Филин, коронер императора Эмгыра вар Эмрейса, — что в ней такого есть, господин Бонар? И вообще есть ли в ней что-то? Мне важно, чтобы ее вообще не было. Я плачу вам за это сто флоренов. Если вам так хочется, проверьте, что в ней такого есть. После того, как убьете, или до того. Как вам удобнее. Кстати, цена не возрастет, даже если вы что-то найдете, торжественно заявляю и предупреждаю.

— А если доставлю живой?

— Тоже нет.

Огромного роста, но костлявый как скелет мужчина, которого называли Бонаром, подкрутил седые усы. Другой рукой он все время опирался о меч, словно хотел скрыть от глаз Скллена резьбу рукояти.

— Привезти голову?

— Нет, — поморщился Филин. — Зачем мне ее голова? Законсервировать в меду?

— Доказательство.

— Поверю на слово. Вы — человек, известный делами, Бонар. Солидностью тоже.

— Благодарю за доверие. — Ловец наград усмехнулся, а Скллен, у которого перед трактиром стояло двадцать вооруженных человек, при виде его улыбки почувствовал, как по спине поползли мурашки. — Вроде бы так и должно быть, а встречается редко. Господам баронам и господам Варнгагенам я обязательно должен притащить головы всех Крыс, иначе не заплатят. Коли вам Фалькина голова ни к чему, думаю, вы не станете возражать, если я присовокуплю и ее для полноты комплекта?

— Чтобы оприходовать и вторую награду? А как же профессиональная этика?

— Я, уважаемый господин Скеллен, — прищурился Бонар, — беру плату не за убийство, а за услугу, оказываемую убийством. А ведь оную я окажу и вам, и Варнхагенам.

— Логично, — согласился Скеллен. — Поступайте, как сочтете нужным. Когда можно вас ожидать за получением оплаты?

— Вскоре.

— То есть?

— Крысы идут на Бандитский Тракт, надеются перезимовать в горах. Я перережу им дорогу. Двадцать дней, не больше.

— Вы уверены в их маршруте?

— Они были у Фэн Аспры, там разграбили обоз и двух купцов. Бушевали под Тыффией. Ночью влетели в Друи поплясать на кметском празднике. Наконец заглянули в Лоредо. Там, в Лоредо, Фалька зарубила человека. Да так, что до сих пор об этом говорят, шелка зубами. Поэтому я и спрашивал, что такого сидит в той Фальке.

— Может, что-то такое, что и в вас, — насмешливо бросил Скеллен. — Хотя нет. Простите. Вы ведь берете деньги не за убийство, а за предоставленные услуги. Вы — настоящий ремесленник, Бонар, истинный профессионал. Специальность не лучше и не хуже другой. Работа, которую надлежит выполнить. За нее платят, а жить-то надо? Э?

Ловец наград долго глядел на него. Так долго, что с губ Филина наконец сползла улыбка.

— Истинно. Жить-то надо. Один зарабатывает на жизнь тем, что умеет делать. Другой делает то, что делать вынужден. Мне в жизни посчастливилось, как мало какому ремесленнику, разве что какой-нибудь курве. Мне платят за ремесло, которое я искренне, по-настоящему люблю.

Предложение Филиппы перекусить и смочить пересохшее от многочисленных речей горло Йэннифэр встретила с облегчением, радостью и надеждой. Однако вскоре оказалось, что надежды были тщетными. Маргариту, явно желавшую с ней поговорить, Филиппа быстренько оттеснила в другой конец зала. Подошедшую Трисс Меригольд сопровождала Франческа. Эльфка не смущаясь следила за беседой. Однако Йэннифэр видела беспокойство в васильковых глазах Трисс и была уверена, что даже в разговоре без свидетелей ее просьбы о помощи остались бы без ответа. Трисс, несомненно, уже была всей душой предана ложе. И несомненно, чувствовала, что верность Йэннифэр все еще сомнительна.

Трисс пыталась ее утешить, уверяла, что в Брокилоне Геральт вне опасности и стараниями дриад выздоравливает. У нее, как всегда, когда речь заходила о Геральте, на щеках вспыхивал румянец. «Видимо, он ее тогда здорово ублажил, — не без язвительности

подумала Йеннифэр. — Раньше ей не доводилось иметь дело с такими, как он. Не скоро она о нем забудет. И очень хорошо».

На сообщение Трисс она отреагировала равнодушным пожатием плеча. Ее не волновало, что ни Трисс, ни Францеска не поверили ее безразличию. Она хотела остаться в одиночестве и хотела дать им это понять.

Они поняли.

Йеннифэр стояла в дальнем углу буфета, занимаясь устрицами. Ела осторожно, все еще чувствуя боль — последствие компрессии. Пить вино опасалась, не зная, как прореагирует организм.

— Йеннифэр?

Она обернулась. Фрингиля Виго слабо улыбнулась, глядя на короткий нож, который Йеннифэр держала в руке.

— Вижу и чувствую, что ты с удовольствием отворила бы меня вместо устрицы. Все еще неприязнь?

— Ложа, — холодно ответила Йеннифэр, — требует взаимного доверия. Приязнь — не обязательна.

— Не обязательна и не требуется. — Нильфгаардская чародейка повела глазами по залу. — Приязнь возникает либо в результате длительного процесса, либо спонтанно.

— То же самое и с неприязнью. — Йеннифэр раскрыла устрицу и проглотила содержимое вместе с морской водой. — Порой видишь человека всего за долю секунды перед тем, как он тебя ослепит, и уже не любишь.

— О, проблема неприязни го-о-ораздо сложнее, — прищурилась Фрингиля. — Допустим, кто-то, кого ты не распознаешь с вершины холма, на твоих глазах разрубает на куски твоего друга. Ты вообще не видишь кто, а уже не любишь.

— Бывает и так, — пожала плечами Йеннифэр. — Судьба временами выкидывает фортели.

— Судьба, — тихо проговорила Фрингиля, — действительно непредсказуема, как озорной ребенок. Порой друзья отворачиваются от тебя, а враги приносят пользу. Можно, к примеру, поговорить с ними один на один. Никто не пытается помешать, не прерывает, не подслушивает. Все думают: о чем могут беседовать два врага? Ни о чем существенном. Так, высказывают друг другу разные банальности, время от времени вставляя шпильки.

— Несомненно, — кивнула Йеннифэр, — так все и думают. И правильно поступают.

— Тем удобнее нам будет, — не смутилась Фрингиля, — затронуть некую тему. Важную и небанальную.

— Какую ж тему ты имеешь в виду?

— Тему бегства, которую ты обдумываешь.

Йеннифэр, в этот момент открывавшая вторую устрицу, чуть не порезала палец. Украдкой осмотрелась, потом взглянула на

нильфгаардку из-под полуопущенных ресниц. Фрингиля Виго еле заметно улыбнулась.

— Будь добра, одолжи нож. Для устриц. Ваши устрицы великолепны. У нас, на юге, нелегко такие достать. Особенно сейчас, в условиях военной блокады... Блокада — штука очень неприятная. Верно?

Йеннифэр тихо кашлянула.

— Я заметила. — Фрингиля проглотила устрицу, потянулась за второй. — Да, Филиппа смотрит на нас. Ассирэ тоже. Ассирэ, вероятно, волнуется моя верность ложе. Как же: верность под угрозой! Она уже готова подумать, что я размякну. Хммм... Любимый мужчина изуродован. Девочка, которую ты считаешь дочерью, исчезла, возможно, брошена в тюрьму... Может быть, ей угрожает смерть? А может быть... ее просто используют в качестве карты в шулерской игре? Даю слово, я б не выдержала. Немедленно сбежала бы отсюда. Пожалуйста, возьми нож. Хватит устриц, надо следить за фигурой.

— Блокада, как ты только что изволила заметить, — шепнула Йеннифэр, глядя в зеленые глаза нильфгаардской чародейки, — штука очень неприятная. Прямо-таки вредная. Она не позволяет сделать желаемое. Блокаду можно преодолеть, если располагаешь... средствами. У меня их нет.

— Рассчитываешь на то, что я их тебе дам? — Нильфгаардская чародейка внимательно посмотрела на шершавую поверхность створок устрицы, которую все еще держала в руке. — О, об этом нет и речи. Ложа может быть уверена в моей преданности. А ложа — это, я думаю, ясно — не желает, чтобы ты поспешала на выручку любимым людям. Кроме того, я твой недруг, Йеннифэр. Как ты могла забыть!

— Действительно! Как я могла?

— Друга, приятеля, — тихо сказала Фрингиля, — я предупредила бы, что, даже располагая компонентами для телепортационных заклинаний, он не сумеет незаметно разрушить блокаду. Такая операция требует времени и слишком уж бросается в глаза. Немного лучше был бы какой-нибудь незаметный, стихийный «кабестан», притягатель. Повторяю — немного. Телепортироваться на импровизированный притягатель, как ты, несомненно, знаешь, очень рискованно. Приятельнице, если б она решилась пойти на такой риск, я не посоветовала бы. Но ты — не она.

Фрингиля наклонила раковину, которую держала в руке, и слила на столешницу немного морской воды. Совсем немного.

— На этом мы и закончим наш банальный разговор. Ложа требует от нас всего лишь взаимного доверия. Дружба, к счастью, не обязательна.

— Телепортировалась, — сказала тихо и невыразительно Францеска Финдабаир, как только улеглось вызванное исчезновением Йеннифэр волнение. — Не надо горячиться, милые дамы. Тепер

уже поздно охать и ахать. Она слишком далеко. Это моя ошибка. Я подозревала, что ее обсидиановая звезда маскирует эхо заклинаний...

— Как она это сделала, черт побери?! — рявкнула Филиппа. — Эхо она приглушить могла, это нетрудно. Но каким чудом она раскрыла для себя портал? Монтекальво заблокирован!

— Никогда я ее не любила, — пожала плечами Шеала де Танкарвилль. — Никогда не одобряла ее образ жизни. Но никогда не сомневалась в ее способностях.

— Она выболтает все! — разоралась Сабрина Глевиссиг. — Все о ложе! Помчится напрямик...

— Глупости, — быстро прервала Трисс Меригольд, глядя на Францеску и Иду Эмеан. — Йеннифэр не предаст нас. Не для того она отсюда сбежала, чтобы нас предавать.

— Трисс права, — поддержала ее Маргарита Ло-Антиль. — Я знаю, почему она сбежала. Знаю, кого хочет спасти. Я видела их обеих, ее и Цири, вместе. И все понимаю.

— А я ничего не понимаю! — крикнула Сабрина, и снова в зале стало шумно.

Ассирэ вар Анагьд наклонилась к подруге.

— Я не спрашиваю, зачем ты это сделала, — шепнула она. — Не спрашиваю, как сделала. Я спрашиваю — куда?

Фрингиля Виго едва заметно улыбнулась, поглаживая пальцами резную головку сфинкса на подлокотнике стула.

— А откуда мне знать, — прошептала она в ответ. — На каком побережье ловят таких роскошных устриц?

ИТЛИНА, собственно *Ithlinne Aegli aep Aevenien*, легендарная эльфья целительница, астролог и прорицательница, славящаяся своими предсказаниями, ворожбой и пророчествами, из которых наиболее известно *Aen Ithlinnespeath*, Предсказание Итлины. Распространявшееся в списках и неоднократно издававшееся в различной форме Предсказание в разные периоды пользовалось огромной популярностью, а комментарии, расшифровки и пояснения, к нему присовокупляемые, приспособляли текст к текущим событиям, что укрепляло веру в величайшее ясновидение И. В особенности считается, что И. предсказала Северные Войны (1239—1268); Великие Эпидемии (1268, 1272 и 1294); кровавую войну Двух Единорогов (1309—1318) и вторжение гааков (1350). И. предвидела также наблюдаемые с конца XIII века климатические изменения («белый холод»), которые суеверия всегда почитали указаниями на конец света и связывали с предсказанным приходом Разрушительницы (см.). Тот же пассаж из Пророчества И. дал повод к позорной охоте на чародеек (1272—1276) и привел к смерти множества женщин, принимаемых за воплощение Разрушительницы. Сегодня многие исследователи считают И. фигурой мифической, а ее «пророчества» — современным, от начала до конца сфабрикованным апокрифом и ловким литературным надувательством.

Эффенбах и Тальбот.
Encyclopaedia Maxima Mundi, том X

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дети, веночком окружавшие бродячего сказителя Посвиста, запротестовали, подняв невообразимый и бестолковый галдеж. Наконец Коннор, кузнецов сын, самый старший, самый сильный и самый смелый, а вдобавок притащивший сказителю горшок-двойчатку, полную шей и перемешанных со шкварками картофелин, выступил в роли доверенного лица и выразителя воли общества.

— Как же так?! — воскликнул он. — Ну как же так, дедушка? Как же так — на сёння хватит? Разве ж можно в таком месте сказку обрывать? В таком желательстве нас оставить? Мы хотим знать, что дальше-то было! Не можем мы ждать, кады вы обратно в село заглянете, потому как это через полгода аль через год могёт случиться! Сказывайте дале!

— Солнышко закатилось, — ответил старик. — В постельки вам пора, малышня! Ежели завтра с утра на работе зевать станете и охать, что родители-то вам скажут? Знаю я, что скажут. Опять, мол, старый Посвист болтал им до полуночи, головы детям былинами заморочил, выспаться не дал. Значит, когда он снова в село заявится, не давать ему ничего, ни каши, ни клецок, ни кусочка сала, а только выгнать его, деда, потому как от евонных сказок один вред да неприятности.

— А вот и не скажут так-то! — хором закричали дети. — Рассказывайте еще, дедуны! Просим вас!

— Хммм, — забормотал старик, поглядывая на солнце, понемногу скрывающееся за кронами деревьев на другом берегу Яруги. — Ну, воля ваша. Но уговор будет, значит, такой: один пусть сбегает в халупу и принесет простокиши, чтоб мне было чем горло промочить. А остальные подумайте, о чьих судьбах рассказывать, потому как обо всех я вам ныне рассказать не успею, хоть и до утра стану говорить. Стало быть, надо выбрать, о ком сегодня, а о ком в другойярд.

Дети снова подняли шум, стараясь перекрычать друг друга.

— Тихо! — крикнул Посвист, взмахнув посохом. — Я сказал — выбрать, а не как сойки: рет-рет, рет-рет-рет! Ну, так как же? О чьих судьбах рассказывать-то?

— О Йеннифэр, — поглаживая спящего на подоле котенка, пропищала Нимуэ, самая младшенькая из слушателей, которую из-за ее роста прозвали Коротышкой. — Рассказывайте о дальших судьбах чародейки, дедушка. Как она с того кове... из конвета на Лысой Горе волшебством сбегла, чтоб Цирю спасти. Это хочется послушать. Потому как я, когда вырасту, чародейкой стану.

— Аккурат! — крикнул Броник, сын мельника. — Сопли-то утри, Коротышка. В чародейские подмастерья сопливых не берут! А вы, дедунь, рассказывайте не об Йеннифэр, а о Цири и Крысях, как они на разбой ходили и бились...

— Тихо вы, — проговорил Коннор, хмурый и задумчивый. — Глупые вы все. Ежеле сегодня еще чего-нито услышать хотим, то пусть это в порядке каком-никаком будет. Расскажите нам, дедушка, о ведьмаке и дружине евонной, как они от Яруги двинулись...

— Я хочу о Йеннифэр, — пискнула Нимуэ.

— Я тоже, — отозвалась Орля, ее старшая сестра. — Об ее с ведьмаком любви хочу. Как они любились! Только пусть это добром кончится, дедуля! Не хочу, чтобы о смерти было. Нет!

— Тихо, дурная, кому о любви-то интересно? О войне хотим, о битвах!

— О ведьмачьем мече!

— О Цири и Крысях!

— Заткните хлебалы! — грозно глянул на всех Коннор. — Нито схвачу палку и отдубасю, мелюзга! Я сказал: по порядку. Пусть дед дальше о ведьмаке говорит, о том, как он путешествовал с Лютиком и Мильвой!

— Да! — снова запищала Нимуэ. — О Мильве хочу послушать, о Мильве! Потому как я, если меня в чародейки взять не захочут, то лучницей стану!

— Значит, выбрали, — сказал Коннор. — И в сам час, потому что дед, гляньте-ка, задремал враз, уж головой покачивает, носом ровно деркач клюет... Эй, дед! Не спите! Сказывайте нам о ведьмаке Геральте. С того места, где над Яругой дружина остановилась.

— Токо для начала, чтобы нас так любопытство не разбирало, — вставил Броник, — скажите нам, дедушка, хоть малость о других. Что с ними было. Легше будет ждать, пока вы в село возвратитесь, чтоб сказку продолжить. Хоть кратенько скажите. Об Йеннифэр и о Цири. Пожалуйста.

— Йеннифэр, — хмыкнул дед Посвист, — из чародейского замку, который Лысой Горой звался, на заклинании улетела. И прямиком в море шлепнулась. Во вздымающиеся волны океанов,

промеж скал вострых. Но не страшитесь, то для магички мелочь, не утопла она. На острова Скеллиге попала, там союзников нашла. Потому как, видите ли, преогромная в ней злоба на чародея Вильгефорца вздымалась. Убежденная, что это он Цири порвал, умыслила она его выискать, месть жестокою сотворить, а Цири освободить. Вот и все. Когда-нито расскажу, как было.

— А Циря?

— Цири безотрывно с Крысами разбойничала, под именем Фальки скрываясь. Любо ей было разбойничье житье, потому как, хоть никто в те времена об этом не знал, были в той девице злость и жестокость — все самое отвратное, что в каждом человеке сокрыто, вылазило из нее и верх над добром помаленьку брало. Ох, великую ошибку пополнили ведьмаки из Каэр Морхена, что ее убивать приспособили. А сама-то Цири и не мнила, смерть неся, что ей самой костлявая на пятки наступает. Потому как уже страшный Бонар за ей следил, по следу ее шел. Писано им было встретиться, Бонару, стало быть, и Цири. Но об этом в инший раз расскажу. Теперича о ведьмаке послушайте.

Дети притихли, окружили старца тесным кругом. Слушали. Надвигались сумерки. Дружественные днем коноплянки, малиник и росшие неподалеку от домишек мальвы вдруг превратились в таинственный, темный бор. Что это так в нем шуршит? Мышь ли, страшный ли огненноокий эльф? А может, упырь или баба яга за детьми явилась? Что ли то вол в заграде топочет, что ли топот боевых коней жестоких напастников, опять, как сто лет назад, переправляющихся через Яругу? Или это летучая мышь над крышей мелькнула, или, может, вампир, по магическому заклинанию летящий к далекому морю?

— Ведьмак Геральт, — начал сказитель, — вместе со своей новой компанией двинулся на Ангрен, где болота и боры. В тот час еще были там боры, хо-хо, не то что ноне, ноне нету уж таких боров, разве что в Брокилоне... Компания направилась на восток, в верховья Яруги, в сторону урочищ Черного Леса. Поначалу хорошо у них шло, но потом, хо-хо... Что было, расскажу...

Текла, струилась сказка-вязь о давно минувших, забытых временах. Дети слушали.

Ведьмак сидел на пеньке, на краю обрыва, с которого раскинулся вид на заливные луга и камышники на берегу Яруги. Солнце заходило. Журавлиный клин поднялся с лугов, закурлыкал.

«Все испортилось, — подумал ведьмак, оглядываясь на развалины шалаша лесорубов и тоненький дымок, выходящий от костра Мильвы. — Все пошло наперекосяк. А как хорошо начиналось. Странная была компания, но ведь была. Была у нас впереди цель, близкая, реальная, конкретная. Через Ангрен на восток, в Кагид

Дху. Вполне нормально получалось: Но, поди ж ты, испортилось. Невезение или рок?»

Журавли курлыкали свой журавлиный хейнал.

Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой ехал впереди на гнедом нильфгаардском жеребце, добытом ведьмаком под Армерией. Жеребец, первое время косившийся на вампира и его травяной запах, быстро обвык и доставлял забот не больше, чем идущая рядом Плотва, которая здорово брыкалась в ответ на укусы слепней. За Регисом и Геральтом трусил на Пегасе Лютик с перевязанной головой и воинственной миной. По пути поэт слагал ритмичную геройскую песнь, в боевой мелодии и рифмах которой звучали отголоски недавних приключений. Форма произведения однозначно говорила о том, что во всех этих приключениях именно автор и исполнитель оказался самым мужественным из мужественных. Процессию замыкали Мильва и Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. Кагыр ехал на вновь обретенном гнедом, ведя на поводу сивую, навьюченную частью их скромной экипировки.

Наконец выехали из приречных болот на лежащую выше сухую территорию, на холмы, с которых уже можно было видеть блестящую ленту Большой Яруги, а на севере — высокие и скалистые предгорья далекого массива Махакам. Погода стояла прекрасная, солнышко пригревало, москиты утихомирились и перестали докучать и брэнчать в ушах. Сапоги и брюки высохли. На залитых солнцем склонах кусты ежевики были черным-черны от ягод, кони отыскивали траву, стекающие с возвышенностей ручейки несли хрустально чистую воду и были полны форелей. Когда настала ночь, можно было разжечь костер и даже прилечь рядом с ним. Словом, было прекрасно, а настроение должно было немедленно поправиться. Но не поправилось. Почему — стало ясно на одном из первых bivouakov.

— Погоди минутку, Геральт, — начал поэт, оглядываясь и покашливая. — Не спеши в лагерь. Мы хотим здесь, одни, поговорить с тобой. Я и Мильва. Тут дело... Ну, в Регисе.

— Так. — Ведьмак опустил на землю охапку хвороста. — Начали бояться? Самое время.

— Перестань, — поморщился Лютик. — Мы приняли его как товарища, он предложил свою помощь в поисках Цири. Мою собственную шею выгнали из петли, этого я ему не забуду. Но, черт побери, мы чувствуем что-то вроде страха. Удивляешься? Ты всю жизнь преследовал и убивал таких, как он.

— Его я не убил. И не собираюсь. Тебе этого достаточно? Если нет, то, хоть жалость разрывает мое бедное сердце, излечить тебя от страха я, убей меня, не в состоянии. Это звучит парадоксально,

но единственный среди нас знаток по части лечения именно он, Регис.

— Я же сказал, перестань, — занервничал трубадур. — Ты разговариваешь не с Йеннифэр, тут красноречивые выкрутасы ни к чему. Ответь прямо на прямой вопрос.

— Задавай. Без красноречивых выкрутасов.

— Регис — вампир. Чем питаются вампиры — не секрет. Что будет, если он как следует проголодается? Да-да, мы видели, как он ел уху, с той поры он ест и пьет с нами, совершенно нормально, как любой из нас. Но... Но сможет ли он сдерживать жажду... Геральт, тебя что, за язык надо тянуть?

— Он сдерживал жажду крови, хоть был близко, когда твоя кровушка лилась у тебя из башки. Перебинтовывая тебя, он даже пальцев не облизал. А тогда, в полнолуние, когда мы обожрались мандрагоровой сивухой и переспали в его шалаше, у него была прекрасная okazия взяться за нас. Ты проверил, нет ли случайно следов на твоей лебяжьей шейке?

— Не смейся, ведьмак, — буркнула Мильва. — Ты больше нас знаешь о вомперах. Над Лютиком смеешься, тады ответь мне. Я в пуще выросла, в школах не училась, темная я. Но не моя в том вина, смеяться надо мной не гоже. Я, стыдно сказать, тоже малость побаиваюсь этого... Региса.

— Небезосновательно, — кивнул Геральт. — Это так называемый высший вампир. Чрезвычайно опасный. Будь он нашим врагом, я б тоже боялся. Но, хрен знает почему, он оказался нашим другом. Именно он ведет нас на Казд Дху, к друидам, которые могут помочь мне добыть сведения о Цири. Я потерял надежду, поэтому хочу использовать этот шанс, не отказываюсь от него. Потому и соглашаюсь на его вампирье общество.

— Только потому?

— Нет, — ответил он не разу. Наконец решился на откровенность. — Не только... Он... Он очень порядочно и справедливо поступает. В лагере беженцев над Хотлей, во время суда над девушкой он не раздумывал, не колебался. Хотя знал, что это его выдает.

— Вытащил раскаленную подкову из огня, — подтвердил Лютик. — Даже несколько минут держал ее в руке и не поморщился. Ни один из нас не сумел бы повторить этот фокус даже с печеной картофелиной.

— Он невосприимчив к огню.

— Что он может еще?

— Может, если захочет, стать невидимым. Может взглядом заколдовать, погрузить в глубокий сон, как поступил со стражами в лагере Виссегерда. Может обращаться в нетопыря и летать, как нетопырь. Думаю, все это он может проделывать только ночью и только в полнолуние. Но я могу и ошибаться. Он уже несколько

раз заставлял меня врасплох, вероятно, у него может еще что-то быть в запасе. Подозреваю, что он необычен даже для вампира. Идеально уподобляется человеку, и уже многие годы. Лошади и собаки могут учуять его истинную природу, но он сбивает их с толку запахом трав, которые постоянно носит с собой. Но ведь и мой медальон на него тоже не реагирует, а должен бы. Повторяю, его нельзя мерить обычной меркой. Об остальном спросите его сами. Это наш товарищ. Между нами не должно быть недоговорок, а тем более взаимного недоверия и опасений. Возвращаемся в лагерь. Помогите с хворостом.

— Геральт?

— Слушаю, Лютик.

— Ну а если... Ну, я спрашиваю чисто теоретически... Если бы...

— Не знаю, — ответил ведьмак честно и искренне. — Не знаю, смог бы я его прибить. И поверьте, предпочитаю не пробовать.

Лютик принял близко к сердцу совет ведьмака и решил выяснить неясности и развеять сомнения. Сделал он это, как только они отправились в путь. И сделал со свойственным ему тактом.

— Мильва! — воскликнул он вдруг, не останавливая лошадь и косясь на вампира. — Ты могла бы проехать вперед, подстрелить олененка или кабанчика? Я уже по горло сыт ягодами и грибами, рыбами и беззубками, с удовольствием съел бы для разнообразия хороший кус настоящего мяса. Как ты на это, Регис?

— Слушаю? — Вампир поднял голову от шеи лошади.

— Говорю, мясо! — четко повторил поэт. — Я уговариваю Мильву поохотиться. Ты б съел свежего мяса?

— Съел бы.

— А крови, свежей крови б выпил?

— Крови? — Регис сглотнул. — Нет. Что до крови — благодарю. А вы, если есть желание, не стесняйтесь.

Геральт, Мильва и Кагыр хранили молчание. Тяжелое, гробовое молчание.

— Я понимаю, в чем дело, Лютик, — медленно проговорил Регис. — И позволь мне успокоить тебя. Я вампир, верно. Но крови я не пью.

Гробовое молчание стало могильным. Но Лютик не был бы Лютиком, если б тоже молчал.

— Думаю, ты неверно меня понял, — сказал он беззаботно, — я имею в виду не...

— Я не пью крови, — прервал Регис. — Давно. Отучился.

— То есть как — отучился?

— Обыкновенно.

— Я, ей-богу, не понимаю.

— Прости. Это личная проблема.

— Но...

— Лютик... — не выдержал ведьмак, обернувшись в седле. — Это элементарно, Лютик. Регис только что сказал тебе, чтобы ты заткнулся. Только выразил это вежливее. Так будь добр, закрой хайло наконец.

Однако посеянное зерно беспокойства и неуверенности проклюнулось и дало всходы. Когда они остановились на ночлег, атмосфера все еще была тяжелой и напряженной, ее не разрядила даже подбитая Мильвой у реки жирная, не меньше восьми фунтов черная казарка, которую они обмазали глиной, испекли и съели, дочиста обглодав даже самые маленькие косточки. Голод забили, но беспокойство осталось. Разговор не клеился, несмотря на титанические усилия Лютика. Болтовня поэта превратилась в столь очевидный монолог, что наконец он заметил это и сам. И умолк. Воцарившуюся у костра глубокую тишину нарушал лишь хруст сена, которое методически пережевывали лошади.

Несмотря на позднюю пору, никого, однако, не тянуло спать. Мильва грела воду в подвешенном над огнем котле и распрямляла над паром смявшийся перья стрел. Кагыр ремонтировал полукотавшуюся застешку сапога. Геральт стругал палочку. Регис водил глазами от одного к другому.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Похоже, никуда не денешься. Сдается, я давно должен был вам объяснить...

— Никто тебя не заставляет. — Геральт кинул в костер долго и упорно обрабатываемую палочку и поднял голову. — Мне, к примеру, не нужны твои объяснения. Я — старомодный тип, если протягиваю кому-то руку и принимаю как товарища, то для меня это значит гораздо больше, чем контракт, заключенный в присутствии нотариуса.

— Я тоже старомодный, — отозвался Кагыр, все еще занятый сапогом.

— Я еще других модов не знаю, — сухо бросила Мильва, сунув очередную стрелу во вздымающийся из котла пар.

— Не обращай внимания на треп Лютика, — добавил ведьмак. — Такой уж он есть. А откровенничать перед нами и признаваться в чем-то ты не обязан. Мы перед тобой тоже душу не изливали.

— Однако я думаю, — слегка улыбнулся вампир, — вы соблаговолите выслушать то, что я хочу сказать, отнюдь не будучи обязан? Я чувствую потребность быть откровенным с людьми, которым протягиваю руку и принимаю как товарищей.

На этот раз не ответил никто.

— Начать следует с того, — помолчав, сказал Регис, — что все опасения, которые могут быть связаны с моей вампирьей природой, безосновательны. Я ни на кого не набрасываюсь, не подбираюсь ночью, чтобы впиться зубами в шею спящего. И не только в шеи моих спутников, к которым у меня отношение не менее старомодное, нежели у других присутствующих здесь... старомодни-

ков. Я не касаюсь крови вообще. Вообще и никогда. Отказался и отвык от нее, когда она стала для меня проблемой. Опасной проблемой, разрешить которую мне было нелегко. Проблема, — продолжал он, помолчав, — по сути дела, проявилась и стала опасной чуть ли не строго по учебнику «О вреде кровопийства». Уже в юные годы я любил... хммм... поразвлечься в хорошей компании и этим не отличался от большинства сверстников. Вы ведь знаете, как это бывает, сами были молодыми. Однако у вас, людей, действует система запретов и ограничений: родительская власть, опекуны, начальники и руководители, обычаи, наконец. У нас этого нет. Молодежь пользуется полной свободой. И создает собственные образцы поведения, разумеется, глупые, отличающиеся истинно младенческой дурью. Не хлебнешь? Ах, нет? Ну тогда что же ты за вампир? Ах, он не пьет? Ну так не приглашайте его больше, он портит нам всю потеху. Я не хотел портить потеху, а перспектива потерять одобрение друзей меня пугала. Ну... и я играл, веселился. Гульба и баловство, пирушки и попойки, каждое полнолуние мы летали в деревни и пили из кого попало. Наисквернейшую, самого отвратного качества... хммм... влагу. Нам было без разницы, из кого... лишь бы... хмммм... гемоглобин... Какая ж потеха без крови! С вампирками пошалить тоже как-то смелости не хватало, пока не глотишь.

Регис замолчал, задумался. Все тоже молчали. Геральт почувствовал, что ему ужасно хочется упиться вдрызг.

— Игры делались все развязнее, — продолжал вампир. — Дальше — больше. Порой как пойдет-поедет, так по три-четыре ночи кряду я не возвращался в склеп. От самого малого когда-то количества... влаги я начинал терять контроль над собой, однако это не мешало мне продолжать пиршество. Друзья — как друзья. Одни по-дружески унимали, так я на них обижался. Другие, наоборот, уговаривали, вытаскивали из склепа на гулянки, да что там, подсовывали... хммм... объекты. И веселились, поглядывая на меня.

Мильва, по-прежнему занятая подновлением смятых перьев, забурчала. Кагыр наконец кончил починять сапог и, казалось, спал.

— Потом, — продолжал Регис, — появились тревожные признаки. Шалости и общество отошли на второй план. Оказалось, что я вполне могу обойтись и без них. Меня начала устраивать просто... кровь, даже та, которую пьешь...

— Чокаясь с зеркалом? — вставил Лютик.

— Хуже, — спокойно ответил Регис. — Я не отражаюсь в зеркалах.

Он какое-то время помолчал.

— Я сошелся с одной... вампиркой. Все могло быть, да, пожалуй, и было всерьез. Я прекратил кутежи. Но ненадолго. Она ушла от меня. А я принялся пить, как говорится, в два горла. Отчаяние, обида, сами знаете — отличные самооправдания. Всем кажется,

будто они понимают. Даже мне самому казалось, что я понимаю. А получилось, что я просто подгоняю теорию к практике. Вам надоело? Я кончаю. Наконец я стал выделять такое, чего не делал ни один вампир. Начал летать по-пьянке. Однажды к ночи парни послали меня в село за кровью. Я нацелился на девушку, идущую по воду, промахнулся и с разгона врезался в венцы колодца... Кметы меня чуть было не прикончили. К счастью, они не знали, как за это взяться... Продырявили меня кольями, отрубили голову, облили святой водой и закопали. Представляете, что я чувствовал, когда проснулся?

— Представляем, — сказала Мильва, рассматривая стрелу. Все удивленно взглянули на нее. Лучница кашлянула и отвернулась. Регис незаметно улыбнулся.

— Я уже заканчиваю, — сказал он. — В могиле у меня было достаточно времени, чтобы подумать.

— Достаточно? — спросил Геральт. — И сколько же?

— Любознательность профессионала? — взглянул на него Регис. — Около пятидесяти лет. Регенерировавшись, я решил взять себя в руки. Было нелегко, но я справился. С тех пор — ни капли. Не пью.

— Совсем? — Лютик принялся было икать, но любопытство пересилило. — Совсем? Никогда? Но ведь...

— Лютик, — слегка приподнял брови Геральт. — Возьми себя в руки. И подумай. Молча.

— Извините, — проворчал поэт.

— Не извиняйся, — сказал вампир. — А ты, Геральт, не делай ему замечаний. Его любопытство понятно. Во мне, вернее, во мне и в моем мифе воплощены все его человеческие страхи. Трудно требовать от человека, чтобы он освободился от страхов. Страхи выполняют в психике человека не менее важную роль, чем все остальные эмоциональные состояния. Психика, лишенная страха, была бы психикой ущербной. Увечной.

— Представь себе, — сказал Лютик, приходя в себя. — Ты не вызываешь у меня страха. Выходит, я калека?

На миг Геральт подумал, что сейчас Регис покажет наконец зубы и вылечит Лютика от предполагаемого увечья, но ошибся. Вампир не был любителем театральных жестов.

— Я говорил о страхах, укоренившихся в сознании и подсознании, — спокойно пояснил он. — Пожалуйста, не обижайся на сравнение, но ворона не пугается развешенных на палке шапок и тряпок после того, как переборет страх и сядет. Но стоит ветру пошевелить лохмотьями, и птица тут же улетит.

— Поведение вороны, — заметил из темноты Кагыр, — объясняется борьбой за существование.

— Объясняется-обсирается, — фыркнула Мильва. — Ворона не боится пугала, просто она думает, что у человека супротив нее припасены камни и стрелы.

— Борьба за существование, — подтвердил Геральт. — Только в человеческом, а не в вороньем издании. Благодарим за разъяснение, Регис, принимаем его целиком и полностью. Только перестань копаться в человеческом подсознании. Это бездна. Мильва права. Причины, по которым люди впадают в панику, увидев жаждущего крови вампира, не иррациональны, но вытекают из стремления выжить.

— Слышу глас специалиста. — Вампир слегка поклонился в его сторону. — Специалиста, которому профессиональная гордость не позволяет брать деньги за борьбу с мнимыми страхами. Уважающий себя ведьмак нанимается, как известно, исключительно для борьбы с реальным и непосредственно угрожающим злом. Полагаю, профессионал пожелает нам объяснить, почему вампир — большее зло, нежели дракон либо волк. Как ни говори, у последних тоже есть клыки.

— Может, потому, что последние пускают клыки в ход с голода либо в порядке самообороны, но никогда — потехи ради или чтобы преодолеть робость по отношению к объекту противоположного пола?

— Люди об этом не знают, — сразу же парировал Регис. — Ты знаешь давно, остальные наши друзья узнали всего минуту назад. Большинство же глубоко убеждено, что вампиры не забавляются, а питаются кровью, только кровью и ничем, кроме крови, да притом только кровью человеческой. А кровь — это животворная жидкость, потеря ее приводит к ослаблению организма, витальной силы. Вы рассуждаете так: существо, проливающее нашу кровь, — наш смертельный враг. А такое существо, которое вдобавок еще и специально охотится за нашей кровью, ибо питается ею, — существо вдвойне поганое и враждебное: оно повышает свою витальную силу за счет нашей. Чтобы его род процветал, наш должен погибнуть. Наконец, такое существо отвратительно еще и потому, что хоть мы и знаем жизненную силу крови, но пить ее нам противно. Хоть кто-нибудь из вас стал бы пить кровь? Сомневаюсь. А есть и такие люди, которым достаточно просто увидеть кровь, как они тут же млеют или падают в обморок. В некоторых сообществах женщин в течение нескольких дней месяца считают нечистыми и изолируют их...

— Пожалуй, только дикари... — прервал Кагыр. — А млеют и падают в обморок при виде крови разве что вы — нордлинги.

— Мы плутаем по бездорожью, — поднял голову ведьмак, — сворачиваем с прямого пути в дебри сомнительной философии. Ты считаешь, Регис, что людям было бы легче, знай они, что вы видите в них не жратву, а... «рюмочную»? Где ты отыскал ирра-

циональность страхов? Вампиры сосут из людей кровь — этого-то факта отрицать нельзя. Человек, к которому вампир относится как к кувшину водки, теряет силы, это тоже очевидно. Человек, я бы так сказал, «осушенный», теряет витальность полностью. То есть умирает. Прости, но страх перед смертью нельзя пихать в тот же мешок, что и отвращение к крови. Менструальной или какой другой.

— Вы несете такую заумь, что у меня башка кругом идет, — бросила Мильва. — А вообще-то вся ваша мудрость вкруг одного вертится — что у бабы под юбкой. Философы засратые, прости господи.

— Оставим ненадолго символику крови, — сказал Регис. — Потому что здесь мифы действительно основаны на фактах. Перейдем к мифам, которые на фактах не основаны, а меж тем широко распространены. Каждому известно, что человек, укушенный вампиром, если он, конечно, выживет, сам должен стать вампиром. Так?

— Так, — сказал Лютик. — Была такая баллада...

— Ты знаком с основами арифметики?

— Я изучал все семь главных искусств: тривий и квадриум. А диплом получил *summa cum laude**.

— В нашем мире после Сопряжения Сфер осталось около тысячи двухсот высших вампиров. При этом количество абсолютных абстинентов, а, кроме меня, таких немало, уравнивает масса пьющих сверх меры, как и я в свое время. Среднестатистический вампир пьет в каждое полнолуние, ибо полнолуние для нас — праздник, который мы привыкли... хмм... обмывать. Сводя проблему к человеческому календарю и принимая двенадцать полнолуний в году — вообще-то это не совсем так, — мы получим теоретическое количество ежегодно укушенных людей, равное четырнадцати тысячам четыремстам. После Сопряжения прошло около тысячи пятисот лет. В результате простого умножения получим, что в данный момент на свете теоретически должны существовать двадцать один миллион шестьсот тысяч вампиров. Если же учесть геометрическую прогрессию...

— Достаточно, — вздохнул Лютик. — У меня нет абаки, но общее количество я себе представляю. А вернее — не представляю. Значит, поражение вампиризмом — чушь собачья и вымысел.

— Благодарю, — поклонился Регис. — Переходим к следующему мифу, утверждающему, что вампир — это человек, который умер, однако не совсем. В могиле он не гниет и в прах не обращается. Лежит себе там свеженький и румянький, готовый выйти и кусаться. Откуда берется такой миф, если не из вашего подсознательного и иррационального отвращения к почтенным покойни-

* с высшей похвалой (лат.).

кам? На показ-то вы окружаете мертвых почестями и памятью, мечтаете о бессмертии, в ваших мифах и легендах то и дело кто-нибудь воскресает, побеждает смерть. Но если ваш достопочтенный покойник-прадедущка действительно неожиданно вылезет из могилы и потребует пива, начнется паника. И неудивительно. Органическая материя, в которой прекращаются жизненные процессы, разлагается. Внешние проявления такого разложения малопривлекательны. Труп, прости Мильва, воняет, превращается в отвратительное месиво. Бессмертный дух, непременный элемент ваших мифов, с ужасом сбрасывает смердящую пададь и возносится. Он чист, его можно безопасно почитать. Однако вы ухитрились придумать такой отвратительный тип духа, который не улетает, не покидает останки, больше того, не желает даже, опять же, Мильва, прости, вонять. Это отвратительно и противостоестественно! Живой мертвец — что может быть для вас отвратительнее? Какой-то кретин даже пустил в оборот термин «мертвяк», которым вы с таким восторгом нас награждаете.

— Люди, — едва заметно усмехнулся Геральт, — раса примитивная и суеверная. Им трудно как следует понять и правильно назвать существо, которое воскресает после того, как его продырявили кольями, обезглавили и на пятьдесят лет закопали в землю.

— Действительно, трудно. — Вампир не обиделся на насмешку. — Ваша мутированная раса восстанавливает ногти, волосы и эпидермис, но не способна согласиться с существованием более совершенных в этом смысле творений. Все, что совершеннее вас, вы считаете отвратительной аберрацией. А отвратительные аберрации вы вставляете в мифы. В социологических целях.

— Ни фиги я во всем этом не понимаю, — спокойно заметила Мильва, наконецником стрелы откидывая волосы со лба. — Нет, конечно, понимаю, что вы балакаете о сказках, сказки знаю и я, хоть я и дурная девка из леса. Чудно мне, что ты вовсе солнца не боишься, Регис. В сказках солнце вомперов в пепел оборачивает. Это, что ли, тоже сказка?

— Как нельзя более, — сказал Регис. — Вы верите, что вампир опасен только ночью, первый луч солнца превращает его в прах. В основах мифа, родившегося за первобытными кострами, лежит ваша солярность, то есть теплолюбие и суточный ритм, предполагающий дневную активность. Ночь для вас — холодная, темная, недоброжелательная, опасная, полная неожиданностей пора, а восход солнца означает очередную победу в борьбе за выживание, новый день, продолжение жизни. Солнце приносит свет и тепло, живительные для вас солнечные лучи несут гибель враждебным вам монстрам. Вампир рассыпается в пыль, тролль окаменевают, оборотни перестают быть оборотнями, гоблин бежит куда глаза глядят. Ночные хищники возвращаются по своим логовам, перестают

угрожать. До самого захода солнца мир принадлежит вам. Повторяю и подчеркиваю: миф возник у костров древнейших стоянок. Теперь он всего лишь миф, потому что вы освещаете и обогреваете свои жилища; и хоть вами все еще управляет солярный ритм, вы сумели победить ночь. Мы, высшие вампиры, тоже немного отделились от своих первоначальных склепов. Освоили день. Аналогия полная. Такое объяснение тебя, дорогая Мильва, удовлетворяет?

— Не-а. — Лучница отбросила стрелу. — Однако я поняла. Учусь. Умная буду — аж жуть! Социология, активация, сратовация, вурдоляция. В школах, говорят, розгами секут. С вами учиться приятней. Башка трещит малость, зато задница цела.

• — Одно не подлежит сомнению, и заметить это легко, — сказал Лютик. — Солнечные лучи не превращают тебя в пепел, Регис, солнечное тепло на тебя так же мало влияет, как раскаленная подкова, которую ты лихо вытащил из огня голой рукой. Однако, возвращаясь к твоим аналогиям, для нас, людей, день навсегда останется естественной порой активности, а ночь — естественной порой отдыха. Таково наше физическое и физиологическое строение: днем, к примеру, мы видим лучше, чем ночью. Исключение — Геральт, который всегда видит одинаково хорошо, но он — мутант. А что, у вампиров это тоже было результатом мутации?

— Можно сказать и так, — согласился Регис. — Хотя я считаю, что мутация, растянувшаяся на достаточно долгое время, перестает быть мутацией, а становится эволюцией. Но то, что ты сказал о физическом строении, очень точно. Приспособление к солнечному свету было для нас печальной необходимостью. Чтобы выжить, мы должны были уподобиться в этом отношении людям. Мимикрия, сказал бы я. Впрочем, имеющая последствия. Воспользуюсь метафорой: мы легли в постель больного.

— Не понял.

— Есть основания думать, что долговременный солнечный свет убийствен. Существует теория, что, по скромным прикидкам, примерно через пять тысяч лет этот мир будут заселять только лунарные существа, активные ночью.

— Хорошо, что не доживу, — вздохнул Кагыр, зевнув во весь рот. — Не знаю, как вам, а мне повышенная дневная активность явно напоминает о необходимости ночного сна.

— Мне тоже, — потянулся ведьмак. — А до восхода убийственного солнца осталось всего несколько часов. Однако, прежде чем нас сморит... Регис, в порядке обучения и расширения познаний, развеи еще какой-нибудь миф о вампирах. Я полагаю, еще хоть один, да остался неразвезанным.

— Именно, — кивнул вампир. — Еще один. Последний, но в принципе не менее важный. Это миф, продиктованный вам вашими сексуальными фобиями.

— Во, фобиев каких-то приплел, — зевнула Мильва.

Кагыр тихо прыснул.

— Миф я оставил под конец, — Регис смерил его взглядом, — и тактично не стал бы о нем упоминать, но Геральт сам захотел, так что у меня нет причин утаивать. Сильнее всего людьми управляют страхи с сексуальной подоплекой. Девушка, теряющая сознание в объятиях сосушего ее вампира, молодец, млеющий от мерзостных действий вампирки, осыпающей поцелуями его тело, — так вы это себе представляете. Оральное насилие. Вампир парализует жертву страхом и принуждает к оральному акту. Точнее — жуткой пародии на оральный акт. А такой акт, исключающий продолжение рода, есть нечто отвратительное.

— Говори за себя, — буркнул ведьмак.

— Акт, завершающийся не зачатием, а удовлетворением и смертью, — продолжал Регис. — Вы сплели из этого зловещий миф. Сами подсознательно мечтаете о чем-то подобном, но вас передергивает при одной мысли о том, чтобы нечто такое дать партнеру либо партнерше. Потому за вас это делает мифологический вампир, вырастая в связи с этим до размеров привлекательнейшего символа зла.

— Ну, разве ж я не говорила?! — воскликнула Мильва, как только Лютик кончил ей объяснять, что имел в виду Регис. — Ни о чем другом, только об одном! Оральный секс какой-то придумали! Начинаете мудро, а кончаете всегда на жопе! Оратели! Мать вашу...

Журавлиное курлыканье понемногу стихало вдаль.

«На следующее утро, — вспомнил ведьмак, — мы уже в серьезном улучшившемся настроении двинулись в путь. И тут совершенно неожиданно нас настигла война».

Они шли по заросшему дремучим лесом, практически безлюдному и стратегически маловажному району, который вряд ли мог привлечь агрессоров. Хотя от имперских земель их отделяла всего лишь гладь Большой Яруги, этот рубеж преодолеть было непросто. Тем большим было их изумление.

Война проявилась не столь эффектно, как в Бругге и Соддене, где по ночам горизонт полыхал пожарами, а днем столбы черного дыма рассекали голубизну неба. Здесь, в Ангрене, было не так зрелищно. Было хуже. Неожиданно возникла стая ворон, с диким карканьем круживших над лесом, а вскоре они наткнулись на трупы. Раздетые и не пригодные для опознания останки являли собою несомненные и откровенные следы насильственной и жестокой смерти. Эти люди были убиты в бою. Но не только. Большинство трупов лежало в зарослях, однако некоторые, зверски искалеченные, висели на ветвях деревьев, подвешенные за руки либо за ноги, протягивали обугленные конечности с погасших костров, торчали на

колях. И воняли. Весь Ангрен вдруг начал смердить жуткой, отвратительной вонью варварства.

Вскоре пришлось прятаться в оврагах и зарослях, потому что справа и слева, спереди и сзади земля загудела от топота копыт кавалерийских коней. И все новые отряды проносились мимо их укрытий, вздымая пыль.

— Снова, — крутил головой Лютик, — снова мы не знаем, кто кого бьет и почему. Снова мы не знаем, кто у нас позади, а кто впереди и куда направляется. Кто нападает, а кто отступает. Чтoб все это ведьма лысая взяла! Не помню, говорил ли я вам уже, но утверждаю, что война всегда напоминала мне охваченный пожаром бордель...

— Говорил, — прервал Геральт, — добрую сотню раз.

— За что тут дерутся? — смачно сплюнул поэт. — За бесплодную землю и пески? Ведь ничем больше не может похвалиться эта очаровательная страна!

— В кустарнике, — сказала Мильва, — валялись и эльфы. Здесь ходят команды скоя'таэлей. Всегда ходили. Тут им дорога лежит, когда добровольцы из Доли Блатанна и Синих Гор в Темерию тьнутся. Ктой-то им эту дорогу загородить хочет. Так я думаю.

— Не исключено, — согласился Регис, — что темерская армия устраивает здесь облавы на белок. Но что-то многовато этих войск в районе. Подозреваю, нильфгаардцы все же переправились через Яругу.

— Я тоже, — слегка поморщился ведьмак, глядя на каменное лицо Кагыра. — На трупах, которых мы видели утром, явные следы нильфгаардского метода ведения войны.

— Одни других стоят, — буркнула Мильва, неожиданно взяв молодого нильфгаардца под защиту. — А на Кагыра нечего косяться, потому как теперича вы одной одинаковой и дивной долей повязаны. Ему смерть, ежели Черным в лапы попадет, а ты недавно у темерцев из петли сбежал. Чего ж теперь гадать, какое войско у нас взадy, какое впереду, которые свои, которые чужие, которые добрые, которые злые. Ныне все они наши недруги, не гляди, какие цвета носят.

— Ты права.

— Интересно, — сказал Лютик, когда на следующий день они снова затаились в овраге, пережидая, пока пройдет очередная кавалькада. — Войска галопируют по холмам, аж земля гудит, а снизу, от Яруги, слышны топоры. Дровосеки рубят лес как ни в чем не бывало. Слышите?

— Может, дровосеки, — задумался Кагыр, — а может, тоже армия? Какие-то саперные работы?

— Нет, это лесорубы, — сказал Регис. — Ясно — не могут отказаться от ангреноского золота.

— Какого золота?

— Взгляните как следует на деревья. — Вампир в очередной раз заговорил тоном всеведущего мудреца, поучающего несообразительных малышей. Такой тон ему доводилось использовать достаточно часто, и это немного раздражало Геральта.

— Это, — продолжал Регис, — кедры, яворы и ангреноские сосны. Очень ценный материал. Тут повсюду разбросаны лесосеки-биндюги, на которых вяжут в плоты и сплавляют вниз по реке стволы. Всюду вырубки, а топоры звенят и день, и ночь. Война, которую мы видим и слышим, обретает осязаемый смысл. Как известно, Нильфгаард захватил устье Яруги, Цинтру и часть Нижнего Соддена. Это означает, что сплавляемый из Ангрена лес уже идет на императорские лесопилки и верфи. Северные королевства пытаются сдержать сплав, а нильфгаардцы — наоборот, хотят, чтобы вырубали и сплавляли как можно больше.

— А нам, как всегда, не везет, — покачал головой Лютик. — Потому что нам надо в Каэд Дху, точь-в-точь через самый пуп Ангрена и этой дровяной войны. Нету, что ли, ё-мое, другой дороги?

«Тот же вопрос, — вспоминал ведьмак, уставившись на заходящее над Яругой солнце, — я задал Регису, как только топот копыт утих вдали, крутом успокоилось и мы смогли наконец двинуться дальше».

— Другая дорога в Каэд Дху? — задумался вампир. — Чтобы обойти взгорья, сойти с дороги армии? Верно, есть такая дорога. Не очень удобная и не очень безопасная. И более длинная. Но войск, гарантирую, мы там не повстречаем.

— Говори.

— Можно свернуть на юг и попробовать перебраться через впадину в излучине Яруги. Через Ийсгит. Знаешь Ийсгит, ведьмак?

— Знаю.

— Доводилось проезжать через лиственный лес, тот, что на мокрых глинах растет?

— Угу.

— Спокойствие в твоём голосе, — откашлялся вампир, — вроде бы свидетельствует о том, что ты одобряешь идею. Ну что ж, нас пятеро, в том числе ведьмак, солдат и лучница. Опыт, два меча и лук. Маловато, чтобы противостоять нильфгаардскому разъезду, но на Ийсгит должно хватить.

«Ийсгит, — подумал ведьмак. — Тридцать с гаком квадратных стае болот и трясин, испещренных глазками озерков. И разделяющие трясины мрачные леса со странными деревьями. У одних ство-

лы покрыты чешуей, а комли — вроде луковиц, более стройные к вершинам, к плоским и густым кронам. Другие — высокие и тощие, сидят на перекрученных вроде осьминожьих шупалец корнях, а с их голых ветвей свисает бахрома мха и высохших болотных растений. Бахрома постоянно шевелится, но не ветер ее шевелит, а ядовитый болотный газ. Ийсгит, или «болотняк», название «смердяк» было бы точнее.

А в трясинах, болотах, прудиках и озерах, заросших ряской и водяной заразой — элодеей, кипит жизнь. Там обитают не только бобры, лягушки, черепахи и водоплавающие птицы. Ийсгит кишмя кишит существами гораздо более опасными, вооруженными клешнями, шупальцами и хватательными конечностями, которыми они ухитряются ловить, калечить, топить и раздирать на части. Этих существ столько, что никто никогда не смог их перечислить и проклассифицировать. Даже ведьмаки».

Сам он тоже редко охотился в Ийсгите, да и вообще в Нижнем Ангрене. Местность была слабо заселена, немногочисленные обитающие по берегам болот люди привыкли смотреть на чудовищ как на элемент ландшафта. Относились к ним почтительно, и им редко приходило в голову нанимать ведьмака, чтобы уничтожить чудовищ. Редко, но все же приходило. Поэтому Геральт знал Ийсгит и его опасности.

«Два меча и лук, — подумал он. — И опыт, моя ведьмачья практика. Вместе у нас должно получиться. Особенно если я пойду впереди и буду внимательно наблюдать за всем — гнилыми стволами, водорослями, кустами, травой, даже орхидеями. Потому как на Ийсгите даже орхидеи порою только выглядят цветком, а на поверку оказываются ядовитым крапауком. Надо будет придерживать Лютика, смотреть, чтобы он ни к чему не прикасался. Тем более что там нет недостатка в растениях, обожающих кусочки мяса в качестве добавки к хлорофилловой диете. Растений, побего которых, прикоснувшись к коже человека, действуют не хуже крапаучьего яда. Ну и газ, разумеется. Ядовитый газ. Надо подумать о повязках на рот и нос...»

— Ну так как? — вырвал его из задумчивости Регис. — Одобряешь план?

— Одобряю. Двигаем.

«Что-то меня тогда заставило, — вспоминал ведьмак, — не говорить остальным о намерении идти через Ийсгит. Попросить Региса тоже на эту тему не распространяться. Сам не знаю, почему я тянул. Сегодня, когда все полетело к чертовой матери, я мог бы толковать себе, будто обратил внимание на поведение Мильвы. На ее проблемы. На очевидные признаки. Но это было бы неправдой. Ничего я не заметил, а то, что заметил, меня не интересовало.

Балбес! И мы продолжали двигаться на восток, не торопясь свернуть к болотам.

С другой стороны, хорошо, что не торопились, — подумал он, доставая меч и пробуя большим пальцем острое как бритва лезвие. — Если б мы тогда сразу поехали к Ийсгиту, сегодня у меня не было бы этого оружия».

С рассвета не было ни видно, ни слышно никаких войск. Мильва ехала первой, далеко опережая остальных. Регис, Лютик и Кагыр беседовали.

— Лишь бы только друиды захотели нам помочь, — опасался поэт. — Случалось мне встречать друидов, и поверьте, это были молчуны, нелюдимы с причудами. Может случиться так, что они вообще не пожелают с нами разговаривать, не говоря уж о том, чтобы применить магию.

— Регис, — напомнил ведьмак, — кого-то знает в Каэд Дху.

— А не случилось ли это знакомство лет триста или четырехста назад?

— Мы познакомились гораздо позже, — заверил, загадочно улыбнувшись, вампир. — Впрочем, друиды — долгожители. Они постоянно находятся на воздухе, среди первобытной и непорученной природы, и это прекрасно влияет на их здоровье. Дышат полной грудью. Лютик, наполняя легкие лесным воздухом — тоже будешь здоровяком.

— От этого лесного воздуха, — насмешливо бросил Лютик, — я скоро шерстью обрасту, черт. По ночам мне снятся корчма, пиво и баня. А первобытную и непорученную природу пусть первобытная зараза порушит, ибо сомневаюсь я сильно в ее спасительном влиянии на здоровье, особенно психическое. Упомянутые друиды — лучший тому пример, поскольку они — выжившие из ума психи. Зациклившиеся на своей природе и ее охране. Сколько раз был я свидетелем того, как они подавали петиции властям! «Не охотиться, деревьев не рубить, отходы в реки не спускать» и тому подобная чепуховина. А уж вершиной идиотизма было явиться всей их украшенной венками из омелы делегацией к королю Этайну в Цидарис. Я как раз там был...

— И чего хотели? — полюбопытствовал Геральт.

— Цидарис, как вы знаете, одно из королевств, в которых большинство населения живет рыболовством. Друиды потребовали, чтобы король приказал использовать только сети с определенным размером ячеек и сурово наказывал всех, у кого ячейки окажутся меньше разрешенных. У Этайна челюсть отвисла, а омелышки пояснили, что такие ячейки — единственный способ сохранить рыбные запасы от уничтожения. Но король вывел их на террасу, указал на море и поведал, как однажды самый смелый из его мореходов плыл на запад два месяца и вернулся, потому что на корабле

пресная вода кончилась, а суши на горизонте и в помине не было. И они, друиды, думают, спросил он, будто можно вычерпать всю рыбу из такого моря? Вполне можно, заявили омельщики, хотя, несомненно, морское рыболовство дольше других продержится в качестве источника пищи, взятой прямо из природы. Однако же придет время, когда рыб станет не доставать и голод даст о себе знать. Поэтому надо обязательно ловить сетями с большими ячеями, брать взрослых рыб, охранять мелюзгу. Этайн спросил, когда, по мнению друидов, наступит этот ужасный голодный день, а они ему на то — скоро, мол, через две тысячи лет, по их прогнозам. Король любезно попрощался с ними и попросил снова зайти через тыщонку годков, не стесняться. Тогда он и подумает над их предложением. Омельщики шутки не поняли и принялись было возражать, тогда их выставили за ворота.

— Уж такие они, друиды, — подтвердил Кагыр. — У нас в Нильфгаарде...

— Ага! — торжествующе воскликнул Лютик. — «У нас в Нильфгаарде»! Еще вчера, когда я назвал тебя нильфом, ты подпрыгнул так, будто тебя шершень укусил! Может, наконец решишь, кто ты такой?

— Для вас, — пожал плечами Кагыр, — я остаюсь нильфгаардцем, ничто вас, вижу, не убедит. Однако точности ради вам следует знать, что нильфгаардцами в Империи называют только коренных жителей столицы и ее ближайших окрестностей, лежащих в Нижней Альбе. Мой род идет из Виковаро, а значит...

— Тихо, вы! — неожиданно и малолюбезно скомандовала едущая в авангарде Мильва. Все тут же умолкли и остановили лошадей, уже зная, что скорее всего девушка видит, слышит или инстинктивно чувствует нечто такое, что удастся съесть, ежели к этому можно будет подобраться и попасть в него стрелой. Мильва действительно схватила лук, но не спрыгнула с седла. Значит, речь шла не об охоте. Геральт осторожно приблизился.

— Дым, — сказала она кратко.

— Не вижу.

— Понюхай.

Обоняние не подвело лучницу, хоть запах дыма был слабый.

Это не мог быть дым пожара или погорелья. У этого дыма, отметил Геральт, был приятный запах, и шел он от костра, на котором что-то жарилось.

— Обойдем стороной? — вполголоса спросила Мильва.

— Но сначала глянем, — ответил он, слезая с кобылы и бросая поводья Лютику. — Неплохо знать, что обходишь стороной. И кто останется за спиной. Пошли со мной. Другие пусть ждут в седлах. Будьте внимательны.

Из зарослей на опушке раскинулся вид на обширную вырубку и уложенные ровными штабелями стволы. Тоненькая струйка дыма

поднималась как раз между штабелями. Геральт немного успокоился — в пределах видимости ничто не шевелилось, а между штабелями было слишком мало места для большой группы людей. Мильва тоже это заметила.

— Лошадей нет, — шепнула она. — Это не армия. *Лесорубы, мнитесь мне.

— Мне тоже. Но пойду проверю. Прикрой.

Когда он крадучись подошел, то услышал голоса. Подошел ближе. И страшно удивился. Но слух его не подвел.

— Пол лепни в шарах!

— Малая куча в звонах!

— Гвинт!

— Пас!

— Вист! Клади карту! А, чтоб тебя!!!

— Ха-ха-ха! Нижник с сеном! Фигня! Усрешься сначала, пока целую кучу наберешь!

— Поглядим! Кладу нижника! Что, взял? И-эх, Язон, спел, как утка жопой!

— Чего бабу-то не поклат, засранец? Эх, взял бы дубину...

Возможно, ведьмак и дальше осторожничал бы — в конце концов, в гвинт мог играть кто угодно, да и Язон — тоже имя не из редких. Однако в возбужденные голоса картежников вдруг ворвался хорошо знакомый скрежет Фельдмаршала Дуба, услышавшего, видимо, в слове одного из картежников нечто знакомое:

— Кррррва... мать!

— Привет, парни! — вышел из-за штабеля Геральт. — Рад видеть. К тому же снова в полном составе, даже с генералиссимусом, в смысле с фельдмаршалом!

— Хрен синий! — Золтан Хивай от изумления упустил карты и тут же быстро вскочил на ноги, да так прытко, что сидевший у него на плече Фельдмаршал Дуб хлопал крыльями и испуганно вскрикнул. — Ведьмак, чтоб мне провалиться! Иль фатаморгана? Персиваль, ты видишь то же, что и я?

Персиваль Шуттенбах, Мунро Бруйс, Язон Варда и Фиггис Мерлуццо окружили Геральта и крепко помяли ему правую руку своими ручищами. А когда из-за навала стволов появилась оставшая часть группы, шумная радость соответственно усилилась.

— Мильва! Регис! — выкрикивал Золтан, обнимая всех по очереди. — Лютик, живая, хоть с повязкой на башке! Ну, что скажешь, музыкантишка затраханый, относительно очередной мелодраматической банальности? Жизнь, брат, получается, не поэзия! Знаешь, почему? Потому как не поддается критике!

— А где, — осмотрелся Лютик, — Калев Страттон?

Краснолюды сразу умолкли и посмурнели.

— Калев, — наконец сказал Золтан, шмыгнув носом, — в земле под березкой спит, далеко от своих любимых вершин и горы

Карбон. Когда нас Черные над Иной достигли, он слишком медленно ногами перебирал, до лесу не добег... Огреб по башке мечом, а когда упал, они истыкали его рогатинами. Ну, веселей! Мы уж его оплакали, хватит. Радоваться надо. Вы вон в комплекте из суматохи лагерной вышли. Ха, даже приросла дружина-то, как вижу...

Кагыр наклонил голову под внимательным взглядом краснолюда, но смолчал.

— Ну, присаживайтесь, — пригласил Золтан. — Мы тут овечку запекаем. Наткнулись пару дней тому, одинокая и грустная, ну не дали мы ей злой смертью погибнуть с голода или в волчьей пасти, милостиво прирезали и на жратву перерабатываем. Садитесь. А тебя, Регис, на минутку в сторонку попрошу. Геральт, тебя тоже...

За штабелем сидели две женщины. Одна кормила грудью младенца. Увидев приближающихся мужчин, скромно отвернулась. Рядом молодая девушка с обмотанной не очень чистой тряпицей рукой играла на песке с двумя ребятишками. Эту ведьмак узнал сразу, как только она подняла на него затуманенные, равнодушные глаза.

— Отвязали мы ее от телеги, которая уже горела, — пояснил краснолюд. — Еще б немного, и кончилась бы так, как хотел тот взъевшийся на нее попина. Огненное крещение все ж прошла. Лизнуло ее пламя, припекло до живого мяса. Ну, перевязали, как могли, салом помазали. Но это малость не то. Цирюльник, вот если б ты мог...

— Незамедлительно.

Регис хотел развернуть повязку, но девушка запищала, отступила и заслонила лицо здоровой рукой. Геральт подошел, чтобы ее придержать, но вампир жестом остановил его. Глубоко заглянул в бездумные глаза девушки, и та тут же успокоилась, обмякла. Голова опустилась на грудь. Она даже не дрогнула, когда Регис осторожно отлеплял грязную повязку и мазал обожженное предплечье резко и странно пахнущей мазью.

Геральт отвернулся, поглядел на женщин, на детей, потом на краснолюда. Золтан откашлялся.

— На бабу, — пояснил он вполголоса, — и двух малолеток мы наткнулись здесь, в Ангрене. Потерялись они, одни были, напуганные и голодные, ну, так прибрали мы их, охраняем. Как-то так уж получилось...

— Вечно у тебя как-то так получается, — повторил Геральт, слегка улыбнувшись. — Неисправимый ты альтруист, Золтан Хивай.

— У каждого свои недостатки. Вон ты, к примеру, по-прежнему девчонке на спасение торопишься.

— По-прежнему. Хоть дело усложнилось.

— Из-за нильфгаардца, который раньше за тобой следил, а теперь к компании пристал?

— Частично. Золтан, откуда беженцы? От кого бежали? От Нильфгаарда или белок?

— Трудно сказать. Ребяшня ни хрена не знает, бабы малоразговорчивы и сторонятся, неведомо почему. Капризничают. Выругаешься при них или пёрнешь, так словно буряки краской наливаются... Ладно. Но встречали мы других беженцев, лесорубов, от них знаем, что бушует тут Нильфгаард. Старые наши знакомцы, пожалуй, развезд, который с запада пришел, из-за Ины. Но есть тут вроде бы группы, что и с юга пришли. Из-за Яруги.

— А с кем бьются?

— Загадка. Лесорубы говорили о войске, которым какая-то Белая Королева командует. Эта королева Черных бьет. Кажется, даже на тот берег Яруги перебирается со своим войском, на императорские земли огонь и меч несет.

— Что за войско?

— Представления не имею, — почесал ухо Золтан. — Видишь ли, каждый день тут какие-то вооруженные по просекам мотаются, но мы не спрашиваем, кто такие. Прячемся по кустам...

Разговор прервал Регис, управившийся с обожженным предплечьем девушки.

— Перевязку надо менять ежедневно, — сказал он краснолюду. — Я оставлю мазь и бинт, который не прилипает к ожогу.

— Спасибо, цирюльник.

— Рука у нее заживет, — тихо сказал вампир, глядя на ведьмака. — Со временем даже шрам исчезнет с молодой кожи. Хуже с головой. Этого моей мазью не вылечишь.

Геральт молчал. Регис вытер руки тряпочкой.

— Рок либо проклятие, — сказал он вполголоса. — Уметь почувствовать в крови болезнь, всю суть болезни, и быть не в состоянии вылечить...

— Оно, конечно, — вздохнул Золтан, — кожу латать — одно дело, а вот разум исправить никто не сумеет. Только заботиться да опекать. Спасибо за помощь, цирюльник. Ты, гляжу, тоже к ведьмачьей компании пристал?

— Как-то так уж получилось.

— Хм, — погладил Золтан бороду. — И куда вы направляетесь Цири искать?

— Идем к Каэд Дху, в друидский круг. Надеемся на помощь друидов.

— Ниоткуда нету помощи, — проговорила звучным, металлическим голосом сидящая у штабеля девушка с перевязанной рукой. — Ниоткуда нету помощи. Только кровь. И огненное крещение. Огонь очищает. Но и убивает.

Регис сильно ухватил за руку остолбеневшего Золтана, жестом велел ему молчать. Геральт, который знал, что это гипнотический транс, не шевелился.

— Кто кровь проливал и кто кровь пил, — говорила девушка, не поднимая головы, — тот кровью заплатит. Три дня не минуют, одно умрет в другом, и тогда что-то умрет в каждом. Понемногу будут умирать, понемножечку... А когда сотрутся подошвы железные и высохнут слезы, тогда умрет последнее, что еще осталось. Умрет даже то, что никогда не умирает.

— Говори, — тихо и ласково сказал Регис. — Говори, что ты видишь.

— Туман. В тумане Башня. Это Башня Ласточки... На озере, которое сковано льдом.

— Что еще?

— Туман.

— Что чувствуешь?

— Боль...

Регис не успел задать следующего вопроса. Девушка дернула головой, дико закричала, завывала, а когда подняла глаза, в них действительно был один лишь туман.

Золтан, вспоминал Геральт, все еще водя пальцами по покрытому рунами оружию, после той истории с девушкой проникся к Регису уважением, отбросил фамильярный тон. Выполняя просьбу Региса, они ни слова не сказали остальным о странном явлении. Ведьмак не очень-то обеспокоился. Ему уже доводилось видывать подобные трансы, и он в общем-то полагал, что болтовня загипнотизированных была не вещанием, а повторением уловленных мыслей и подсознательных внушений гипнотизера. Правда, сейчас был не гипноз, а вампировы чары, и Геральта немного интересовало, что бы околдованная девушка еще выловила из мыслей Региса, продлись транс дольше.

Полдня они шли вместе с краснолюдьми и их подопечными. Потом Золтан Хивай остановился и отозвал ведьмака в сторону.

— Надо расходиться, — сказал он кратко. — Мы, Геральт, решили. На севере уже голубеет Махакам, а долина эта ведет прямо в горы. Довольно приключений. Хватит. Мы возвращаемся к своим. К горе Карбон.

— Понимаю.

— Приятно знать. Желаю счастья тебе и твоей компании. Странной компании, осмелюсь заметить.

— Они хотят мне помочь, — тихо сказал ведьмак. — Для меня это нечто новое. Поэтому я решил не доискиваться, что ими движет.

— Умно. — Золтан скинул с плеча свой краснолюдский сигилль в лаковых ножнах, обернутых кошачьими шкурками. — На, держи, прежде чем наши пути разошлись.

— Золтан...

— Не болтай, ведьмак, бери. Мы войну в горах пересидим, зачем нам железо? Но приятно будет порой за кружкой пива вспомнить, что выкованный в Махакаме сигиль в добрые руки попал и за доброе дело свишет. Не опозорится. А ты, когда этим клинком обидчиков твоей Цири будешь хлестать, рубани хоть одного за Калеба Страттона. И вспомни Золтана Хивая и краснолюдские кузни.

— Будь уверен. — Геральт принял меч, закинул за спину. — Можешь быть уверен, Золтан Хивай, краснолюд, — добро, искренность и справедливость навсегда остаются в памяти.

— И верно, — прищурился краснолюд. — Поэтому и я не забуду ни тебя, ни мародеров на лесной вырубке, ни Региса и подковы в огне. А что до взаимности и искренности...

Он заговорил тише, кашлянул, отхаркался, сплюнул.

— Мы, Геральт, обработали купца под Диллингеном. Богача, который на гавенкарской торговле разжирел. Когда он загрузил драгоценности и золото на воз и драпанул из города, мы устроили на него засаду. Он аки лев защищал свое имущество, помощь кликал. Вот я ему несколько разков обушком по кумполу и дал. А дальше уж он спокойный был и тихонький. Помнишь туеса, которые мы тащили, потом на телеге везли и наконец у речки О в землю зарыли? Там-то и было гавенкарское добро. Разбойничья добыча, на которой мы свое будущее строить собираемся.

— Зачем ты все это мне говоришь, Золтан?

— Потому как тебя, думается, не так давно здорово подвела обманчивая внешность. То, что ты принимал за добро и справедливость, оказалось дрянным и паршивым под красивой маской. Тебя легко обмануть, ведьмак, потому что ты не хочешь замечать, что людьми движет. Их побуждений. А я не хочу тебя обманывать. Так что не гляди на этих баб и детишек, не считай стоящего перед тобой краснолюда справедливым и благородным. Бандит перед тобой стоит, грабитель и, может, убийца. Потому как не исключено, что побитый мною гавенкар так и не очухался, валяясь во рву на Диллингенском тракте.

Он долго молчал, глядя на далекие, тонушие в облаках горы на севере.

— Ну, бывай, Золтан, — сказал наконец Геральт. — Быть может, силы, в существовании которых я понемногу начинаю сомневаться, позволят нам когда-нибудь встретиться еще. Я б хотел этого. Хотел бы познакомить тебя с Цири, хотел бы познакомить ее с тобой. Но даже если это не получится, знай — я не забуду тебя. Бывай, краснолюд.

— Ты, человек, подашь мне руку? Мне — разбойнику и бандиту?

— Не задумываясь. Меня теперь уже не так легко обмануть, как прежде. И хоть я и не всегда догадываюсь о побудительных причинах, но понемногу овладеваю искусством заглядывать под маскарадные маски.

Геральт махнул сигиллем и перерубил пополам пролетающую мимо бабочку.

«После расставания с Золтаном и его группой, — вспоминал он, — мы наткнулись в лесах на группу кочующих кметов. Часть, увидев нас, разбежалась, некоторых Мильва остановила, угрожая луком. Оказалось, что кметы до недавних пор были нильфгаардскими пленниками. Их согнали рубить кедры, но несколько дней назад на стражников напал какой-то отряд и освободил их. Сейчас они возвращались по домам. Лютик во что бы то ни стало хотел выяснить, кем были эти освободители, расспрашивал дотошно».

— Энти воины, — повторил кмет, — под Белой Королевой ходят. Громят Черных, ого-го! Балакали, мол, они словно гарилы на вражьих тылах...

— Кто-кто?

— Я ж говорю — гарилы.

— Гориллы, черт возьми, — поморщился Лютик и махнул рукой. — Ох, люди, люди... Какие знаки, спрашиваю, армия носила?

— Разные, господин. Особенно конные. Пехтура — красное чего-то.

Кмет взял ветку и накарябал на песке ромб.

— Ромб? — удивился сведущий в геральдике Лютик. — Не термерская лилия, а ромб, герб Ривии. Интересно. До Ривии отсюда добрых двести верст. Я уж не говорю о том, что армия Лирии и Ривии полностью уничтожена во время боев в Доль Ангре и под Альдерсбергом, а страну оккупирует Нильфгаард... Ничего не понимаю!

— Это нормально, — обрезал ведьмак. — Хватит болтать. В путь.

— Ха! — крикнул поэт, все время раздумывавший над полученной от кметов информацией. — Сообразил! Не гориллы, а герильясы! Партизаны! На тылах врага, понимаете?

— Понимаем, — кивнул Кагыр. — Одним словом, на этих территориях действуют партизаны нордлингов. Какие-то подразделения, сформированные, видимо, из остатков войск Лирии и Ривии, разбитых в середине июля под Альдерсбергом. Я слышал об этой битве, когда был у белок.

— Такое известие я полагаю утешительным, — заявил Лютик, гордый тем, что именно ему, а не кому-то еще удалось расшифровать «гарилью» загадку. — Даже если у мужиков в голове попутат-

лись геральдические знаки, то скорее всего мы имеем дело не с армией Темерии. Я не думаю, чтоб до ривских герильясов уже дошла весть о двух шпионах, таинственным образом сбежавших недавно из-под виселицы маршала Виссегерда. Если мы натолкнемся на этих партизан, то, может, удастся отбрехаться.

— Рассчитывать на это можно, — сказал Геральт, успокаивая брыкающуюся Плотву. — Но, честно говоря, я предпочел бы не встречаться.

— Но это же твои соплеменники, ведьмак, — сказал Регис. — Тебя же зовут Геральт из Ривии.

— Небольшая поправка, — сказал ведьмак. — Я сам себя так нарек, чтобы было по красивее. У моих клиентов имя с такой добавкой вызывает больше доверия.

— Понимаю, — усмехнулся вампир. — Только почему ты вдруг выбрал Ривию? Ты оттуда, что ли?

— Вытягивал прутики, помеченные разными звучными названиями. Такую методику мне посоветовал мой наставник. Не сразу. Но когда я упорно просил именовать себя Геральтом Роджером Эриком дю Хо-Беллегардом, то Весемир решил, что это смешно, претенциозно и звучит идиотски. Сдается, он был прав.

Лютик громко фыркнул, многозначительно взглянув на вампира и нильфгаардца.

— Мое многочисленное имя, — проговорил несколько обиженный его взглядом Регис, — имя настоящее. Согласующееся с вампирьей традицией.

— Мое тоже, — поспешил пояснить Кагыр. — Маур — имя моей матери, а Дыффин — прадеда. И не вижу здесь ничего смешного, поэт. А сам-то ты, интересно бы узнать, тебя-то самого как зовут? Ведь «урезанный» Лютик — явный псевдоним.

— Я не могу выдавать вам свое настоящее имя и пользоваться им, — таинственно отвечивал бард, гордо задирая нос. — Оно слишком знаменито.

— Меня, — неожиданно включилась в разговор Мильва, долго и угрюмо молчавшая, — здорово злило, когда меня сокращали в Майю, Маню, Марыльку. Кто такое имя слышит, зараз думает, что можно по заднице шлепнуть.

Темнело. Журавли улетели, их курлыканье утихло вдаль. Успокоился ветер, веющий с гор. Ведьмак убрал сигилль в ножны.

«Можно было ожидать раньше, — подумал он. — Но кто из нас, кроме Региса, разбирался в таких делах? Нет, конечно, все заметили, что Мильву часто по утрам рвет. Но мы порой ели такое, что всех наизнанку выворачивало. Лютик тоже блевал раза два, а у Кагыра как-то разыгрался такой понос, что он перепугался, уж не дизентерия ли это. А то, что девушка то и дело слезает с коня и уходит в кусты, я принял за воспаление мочевого пузыря...

Ну, балбес!

Регис, кажется, догадывался. Но молчал. Молчал до тех пор, когда больше уже молчать было нельзя. Когда мы остановились в покинутом лесорубами шалаше, Мильва отозвала его в лес и они долго, временами очень громко, разговаривали. Вампир вернулся из леса один. Варил и смешивал какие-то травы, потом неожиданно попросил всех нас в шалаш. Начал он издалека, как всегда, своим действующим на нервы менторским тоном».

— Обращаюсь ко всем, — повторил Регис. — Как ни говори, мы — команда и несем коллективную ответственность. Здесь ничего не меняет тот факт, что, вероятнее всего, среди нас отсутствует тот, кто несет самую большую — индивидуальную — ответственность. Я бы сказал так: непосредственную.

— Выражайся, язви тебя в душу, если она у тебя, конечно, есть, яснее, — занервничал Лютик. — Команда, коллектив, ответственность... Что с Мильвой? Чем она больна?

— Это не болезнь, — тихо сказал Кагыр.

— Во всяком случае, не в прямом значении этого слова, — подтвердил Регис. — Мильва беременна.

Кагыр кивнул, показав тем самым, что догадывался. Лютик осоловел. Геральт прикусил губу.

— Который месяц?

— Она отказалась назвать, притом в весьма малолюбезной форме, какую-либо дату, в том числе и дату последних месячных. Но я в этом разбираюсь. Десятая неделя.

— Значит, забудь о своих патетических намеках на непосредственную и индивидуальную ответственность, — угрюмо сказал Геральт. — Это не мы. Если у тебя и были какие-то сомнения, то я их отвожу. Однако ты совершенно прав, говоря о коллективной ответственности. Нам сразу и неожиданно достались, я бы сказал так, роли отцов и мужей. Послушаем, что скажет лекарь. Внимательно.

— Нормальное, регулярное питание, — начал перечислять Регис. — Никаких стрессов. Здоровый сон. А вскоре — конец конной езды.

Молчали долго.

— Понятно, — сказал наконец Лютик. — У нас проблемы, милсдари мужа и отцы.

— И более крупные, чем вы думаете, — сказал вампир. — Либо менее. Все зависит от точки зрения.

— Не понимаю.

— А должен бы, — буркнул Геральт.

— Она потребовала, — после краткого молчания проговорил Регис, — чтобы я приготовил и дал ей некий сильно и радикально

действующий... медикамент. Она считает это ремедиумом против хлопот. Она настроена весьма решительно. Весьма.

— Ты дал?

— Не посоветовавшись с другими... отцами и мужьями? — усмехнулся Регис.

— Лекарство, о котором она просит, — тихо проговорил Кагыр, — не чудесная панацея. У меня три сестры, я знаю, что говорю. Она, кажется, думает, что вечером выпьет отвар, а наутро двинется вместе с нами. Ничего подобного. Ничего. Понадобится не меньше десяти дней, прежде чем можно будет посадить ее на лошаадь. Ты, Регис, должен ей об этом сказать до того, как дать лекарство. А дать сможешь только тогда, когда мы найдем для нее кровать. Кровать и чистую постель.

— Понял, — кивнул Регис. — Один голос за. А ты, Геральт?

— Чего — я?

— Господа любезные. — Вампир обвел их своими темными глазами. — Не прикидывайтесь, будто не понимаете.

— В Нильфгаарде, — сказал Кагыр, краснея и опуская голову, — в таких вопросах решающий голос остается за женщиной. Никто не может влиять на ее решение. Регис сказал, что Мильва решила... воспользоваться медикаментом. Только поэтому, исключительно поэтому, я начал невольно думать о предстоящем как о свершившемся факте. И о его последствиях. Но я — чужеземец, не разбирающийся в ваших... Я вообще в такие дела не имею права вмешиваться. Простите.

— За что? — удивился трубадур. — Ты что, действительно принимаешь нас за дикарей, нильфгаардец? За примитивное племя, подчиняющееся каким-то шаманским табу? Разумеется, только женщина может принять решение, это ее неотъемлемое право. Если Мильва решается на...

— Замолкни, Лютик, — буркнул ведьмак. — Заткнись, очень тебя прошу.

— Ты думаешь иначе? — взорвался поэт. — Ты хотел бы ей запретить, либо...

— Заткнись, черт побери, иначе я за себя не ручаюсь. Сдается мне, Регис, ты проводишь среди нас нечто вроде плебисцита. Зачем? Медик — ты. Снадобья, которые она просит... Да, снадобья, к слову «медикамент» у меня как-то душа не лежит — гляньте-ка, опять душа вылезла! Только ты можешь это снадобье приготовить и дать. И ты это сделаешь, если она попросит опять. Не откажешь.

— Медикамент уже готов. — Регис показал маленькую бутылочку из темного стекла. — Если она попросит снова, я не откажу. Если попросит!

— Так в чем же дело? В нашем единомыслии? Во всеобщем одобрении? Ты этого ожидаешь?

— Ты прекрасно знаешь, в чем дело, — сказал вампир. — Верно чувствуешь, что надо сделать. Но поскольку спрашиваешь, отвечаю. Да, Геральт, дело именно в этом. Да, именно это следует сделать. Нет, этого ожидаю не я.

— Ты можешь выражаться яснее? — спросил Лютик.

— Нет, — ответил вампир. — Яснее уже не могу. Тем более что и надобности нет. Верно, Геральт?

— Верно. — Ведьмак положил голову на сплетенные пальцы. — Да, черт побери, верно. Но почему ты смотришь на меня? Это должен сделать я? Но я не умею. Не смогу. Я совершенно не годюсь на эту роль. Совершенно, понимаете?

— Нет, — возразил Лютик. — Совершенно не понимаем. Кагыр, ты понимаешь?

Нильфгаардец взглянул на Региса, потом на Геральта.

— Пожалуй, да, — сказал он медленно. — Так мне кажется.

— Ага, — кивнул трубадур. — Ага. Геральт понял с ходу. Кагыру кажется, что он понимает. Я явно нуждаюсь в пояснениях, но сначала мне велят молчать, потом я слышу, что нет нужды, чтобы я понимал. Благодарствую. Двадцать лет на службе поэзии достаточно много, чтобы знать: есть вещи, которые либо понимаешь сразу, даже без слов, либо не поймешь никогда.

Вампир улыбнулся:

— Не знаю никого, — сказал он, — кто мог бы выразить это изящнее.

Стемнело совершенно. Ведьмак встал.

«Двум смертям не бывать, — подумал он. — От этого не уйти. Нечего тянуть. Надо это сделать. Надо — и конец».

Мильва сидела в одиночестве около небольшого костерка, который разожгла в лесу, в яме от вывороченного дерева, вдали от шалаша лесорубов, где ночевали остальные. Она не вздрогнула, услышав его шаги. Словно ожидала его. Только подвинулась, дав ему место на поваленном стволе.

— Ну и что? — бросила резко, не ожидая, пока он что-нибудь скажет. — Наделала я вам дел, а?

Он не ответил.

— Небось и не предполагал, когда мы отправлялись, а? Когда меня в компанию брал? Небось думал, ну и что, что хамка, что дурная девка деревенская? Разрешил ехать. Потрепаться с ней в дороге о мудростях всяких — небось думал — не потрепешься, а сгодиться может. Здоровая, крепкая баба, из лука шьет, задницы в седле не натрет, а станет опасно, не наделает в портки, польза от нее будет. А вышла не польза, а одно горе. Колода на ноге. Разобрало дурную девку...

— Зачем ты поехала со мной? — спросил он тихо. — Почему не осталась в Брокилоне? Ты же знала...

— Знала... — быстро прервала она. — Ведь среди дриад была, а они мигом узнают, что с девкой, от них не утаишься. Они узнали, прежде чем я сама... Но, мнилось мне, так-то быстро меня слабость не возьмет. Думала, будет нужда, выпью спорыньи или другого какого отвара, и не заметишь, не догадаешься...

— Все не так просто.

— Знаю. Вомпер сказал. Долго я слишком валандалась, все размышляла, колебалась. Теперь уж гладко не пройдет...

— Я не это имел в виду.

— Зараза, — сказала она, помолчав. — Подумать! Я-то на Лютика грешила! Потому как видела, что он токо пыжится, а сам-то пустышка, слабак, к труду не привычный, того и гляди дальше идти не сможет и придется его бросить. Думала, будет плохо, вернусь с Лютиком... А глянь, Лютик-то хват, а я...

Голос у нее надломился. Геральт обнял ее. И тут же понял, что это было то движение, которого она ждала, которое ей было невероятно нужно. Шершавость и жестокость брокилонской лучницы мгновенно испарились, осталась дрожащая, тонкая мягкость испуганной девушки. Но именно она прервала затянувшееся молчание.

— Так ты мне и тада сказал... В Брокилоне. Мол, мне нужна будет... рука. Что буду я ночью кричать, в темноту... Ты здесь, я чувствую твое плечо рядом с моим... А кричать все равно хочется... О-ей-ей... Ты почему дрожишь?

— Да так, ничего. Воспоминание.

— Что со мной будет?

Он не ответил. Вопрос был адресован не ему.

— Папка мне однажды показал... У нас у реки такая черная оса живет, что в живую гусеницу яйца откладывает. Из яиц осята вылупляются, гусеницу заживо съедают... Изнутри... Сейчас во мне такое же сидит. Во мне, внутри, в моем собственном животе. Растет, все растет и заживо меня сожрет...

— Мильва...

— Мария. Мария я — не Мильва. Какая из меня Каня? Коршун? Квочка я с яйцом, не Коршун... Мильва с дриадами хохотала на побоище, вырывала стрелы из окровавленных трупов — не пропадать же добру, жаль доброго наконечника! А ежели который еще дышал, то ножом его по горлу! Вжик! На такую судьбу Мильва предательством выводила тех людей и хохотала... Их кровь кричит теперь. Та кровь, словно осиный яд, пожирает теперь Марию изнутри. Мария расплывается за Мильву. За Каню-Коршуна.

Он молчал. В основном потому, что не знал, что сказать. Девушка сильнее прильнула к его плечу.

— Я вела в Брокилон команду скоя'тазлей, — сказала она тихо. — На Выжиггах это было, в июне, с неделю до субботки. Загнали нас, битва была, ушли мы в семь коней: пятеро эльфов, одна эльфка и я. До Ленточки с полверсты, но конные за нами, конные перед нами, кругом тьма, мочага, болоты... Ночью упрятались мы в лозники, надо было коням передышку дать. Да и себе. Тогда-то эльфка разделась без слова, легла... Уйти или прикинуться, мол, не вижу? Кровь в виски колотит, а она вдруг и говорит: «Кто знает, говорит, что утром будет? Кто, говорит, Ленточку перейдет, а кто землю охватит? Еп'са, говорит, minne. Так и сказала: маленько, дескать, любви. Только так, говорит, можно победить смерть. И страх». Они боялись, она боялась, и я боялась... И разделась я тоже и легла непоодаль, попону под спину подстелила... Когда меня первый обнял, я зубы стиснула, потому как не готова была, испуганная и сухая... Но он мудрый был, эльф ведь, токо с виду молодой... Умный... Нежный... Мхом пахнул, травами и росой... К другому я сама руки протянула... С желанием... Маленько любви? Бес один знает, сколь в том было любви, а сколь страху, но страху было поболее, так мне мнится... Потому как любовь-то была притворная, хоть и добрая, но притворная все ж, словно в ярмарочной игре, как в вертепе, ведь там-то, если актеры способные, то даже забываешь, что притворное, а что правдивое. А страх был. Настоящий был страх.

Геральт молчал.

— А смерти все ж не удалось нам преобороть. На заре двух убили, пока мы до берега Ленточки дошли. Из тех трех, что выжили, ни одного боле не видела. Мамка моя говорила, что девка завсегда знает, чей плод в животе носит... А я не знаю. Я даже и имен-то тех эльфов не знала, откуда ж мне ведать-то? Скажи, откуда?

Он молчал. Позволяя своей руке говорить за себя.

— Да и зачем мне было знать? Вомпер уж спорыньи наварил... Придется вам меня оставить в какой-нито деревне... Нет, не говори ничего, молчи. Я знаю, какой ты. Ты даже своей норовистой кобылы не бросишь, не оставишь, на другую не выменяешь, хоть и грозишься весь час. Ты не из тех, кто бросает. Но теперь — надо. Я просто в седле не усiju. Но знай: как токо оздоровею, двину за вами вслед. Потому как хочу, чтобы ты свою Цирю отыскал, ведьмак. Чтобы ты ее с моей помощью отыскал и возвернул.

— Так вот почему ты поехала за мной? — сказал он, потирая лоб. — Вот почему.

Она опустила голову.

— Потому ты и поехала за мной, — повторил он. — Отправилась, чтобы помочь спасти чужого ребенка. Хотела расплатиться. Отдать долг, о котором думала уже тогда, отправляясь за мной...

Чужой ребенок за своего. И я обещал тебе помочь в нужде. Мильва, я не смогу тебе помочь. Поверь, не смогу.

Теперь молчала она. Он не мог. Чувствовал, что ему нельзя молчать никак.

— Тогда, в Брокилоне, я остался твоим должником и поклялся, что расплачусь за это. Неразумно. Глупо. Ты помогла мне в тот момент, когда помощь была мне необходима. Такой долг невозможно возвернуть. Нельзя заплатить за то, что не имеет цены. Некоторые утверждают, будто каждая, абсолютно каждая вещь в мире имеет свою цену. Это неправда. Есть вещи, у которых нет цены, они бесценны. Их проще всего узнать: стоит только их потерять, и все — они уже потеряны навсегда. Я сам потерял очень многое. Поэтому сегодня не могу тебе помочь.

— Ты мне как раз помог, — очень спокойно ответила она. — Ты даже не знаешь, как помог. А теперь уходи. Пожалуйста. Оставь меня одну. Уходи, ведьмак. Уходи, пока ты не до конца развалил мой мир.

Когда на заре они двинулись в путь, Мильва поехала впереди, спокойная и улыбочивая. А когда следовавший за ней Лютик принялась брэнчать на лютне, она посвистывала в такт мелодии.

Геральт и Регис замыкали процессию. После долгого молчания вампир взглянул на ведьмака, усмехнулся одобрительно и удивленно. Покачал головой. Потом вытащил из своей медицинской торбы маленькую бутылочку темного стекла, показал Геральту. Улыбнулся снова и кинул бутылочку в кусты.

Ведьмак молчал.

Когда они остановились напоить коней, Геральт отвел Региса в укромное место.

— Планы меняются, — сообщил он сухо. — Мы не поедем через Ийгит.

Вампир минуту помолчал, буравя его черными глазами. Потом сказал:

— Если б я не знал, что как ведьмак ты опасаясь только реальных угроз, я б подумал, что ты принял близко к сердцу болтовню ненормальной девчонки.

— Но ты знаешь. Поэтому подумает логично.

— Ну-ну. Однако хочу обратить твоё внимание на следующее: во-первых, состояние, в котором находится Мильва, не болезнь и не дефект. Конечно, девушка обязана о себе заботиться, но она совершенно здорова и разумна. Я бы даже сказал — весьма разумна. Гормоны...

— Брось менторский и отдающий превосходством тон, — прервал Геральт. — Он начинает действовать на нервы.

— Это был первый вопрос, — напомнил Регис, — из двух, которые я намерен был затронуть. А вот второй: когда Мильва обнаружит твою сверхзаботливость и поймет, что ты носишься с ней как курица с яйцом, она взбеленится, а затем последует стресс, который ей абсолютно противопоказан. Геральт, я не хочу быть ментором. Хочу быть рациональным.

Геральт не ответил.

— Есть еще и третья проблема, — добавил Регис, по-прежнему сверля его глазами. — Идти через Ийгит нас заставляет не энтузиазм и жажда приключений, а необходимость. По горам шатаются войска, а нам необходимо добраться в Казд Дху. Мне казалось, это срочно. Казалось — тебе важно как можно скорее добыть информацию и двинуться на спасение твоей Цири.

— Важно. — Геральт отвел глаза. — Мне очень важно. Я хочу спасти и вернуть Цири. До последнего времени я думал, что любой ценой. Но нет. Этой — нет. Этой ценой я не заплачу, на такой риск не пойду. Не согласен. Мы не пойдем через Ийгит.

— Альтернатива?

— Другой берег Яруги. Поедем вверх по течению, далеко за трясины. Переправимся через Яругу на высоте Казд Дху. Если будет трудно, переправимся к друидам только вдвоем. Я переплыву, ты перелетишь под видом нетопыря. Что так смотришь? Ведь то, что река для вампира — преграда, это просто еще один миф и предрассудок. А может, я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Но летать я могу только в полнолуние.

— До полнолуния всего две недели. Пока мы доберемся до нужного места, как раз и будет почти полнолуние.

— Геральт, — сказал вампир, по-прежнему не спуская с ведьмака взгляда. — Станный ты человек, ведьмак. Для ясности: это не было определение уничижительное. Ну ладно. Отказываемся от Ийгита, опасного для женщин в интересном положении. Переправимся на другой берег Яруги, по твоему мнению, безопасный.

— Я умею оценивать степень риска.

— Не сомневаюсь.

— Мильве и остальным ни слова. Если спросят, скажешь, что это часть нашего плана.

— Разумеется. Начинаем поиски лодок.

Долго искать не пришлось, а результат поисков превзошел все ожидания. Отыскалась даже не лодка, а паром. Спрятанный среди верб, ловко замаскированный ветками и пучками камыша, паром выдал канат, связывающий его с левым берегом. Нашелся и паромщик. Увидев их, он быстро шмыгнул в кусты, но Мильва засекла его и вытащила из укрытия за воротник, попутно спугнув и помощника, могучего сложения парня с плечами богатыря и ли-

цом законченного идиота. Паромщик трясся от страха, глаза у него бегали, словно пара мышей по пустому амбару.

— На тот берег? — Паромщик икнул, узнав, чего от него ждут. — Ни за что! Там нильфгаардская земля, а теперича военный час! Схватют — на кол натянут! Не поплыву! Убейте, не поплыву!

— Убить можем, — скрипнула зубами Мильва. — Предварительно исколотить тоже можем. А ну, раскрой еще пасть — увидишь, что можем!

— Военный час, — вампир просверлил паромщика взглядом, — наверняка тебе в контрабанде не помеха, а, добрый человек? На то тебе и паром, хитро установленный подальше от королевских и нильфгаардских форпостов, я не ошибаюсь? А ну, давай, сталкивай его на воду.

— Так-то оно будет разумнее, — добавил Кагыр, поглаживая рукоять меча. — Будешь волокитить, переправимся сами, без тебя, паром останется на том берегу, и чтобы его вернуть, придется тебе плыть по-лягушачьи, брассом, стало быть. А так — переправишь нас и вернешься. Часок страха — и забудешь.

— А станешь упираться, стервь, — снова пригрозила Мильва, — так приложу, до зимы не забудешь!

Перед лицом суровых, не подлежащих обсуждению аргументов паромщик отступил, и вскоре уже вся команда была на пароме. Некоторые лошади, особенно Плотва, упирались и не хотели грузиться, но паромщик и его придурковатый помощник, видимо, сталкивались с такой ситуацией не раз, что доказывала ловкость, с которой они управились с упирающимися лошадьми. Дурачок-гигант на пару с паромщиком принялся крутить ворот, приводящий в движение посудину, и переправа началась.

Когда выплыли на открытую воду и их охватил ветер, настроение улучшилось. Переправа через Яругу была чем-то новым, иным этапом, указывающим на прогресс в движении. Впереди был нильфгаардский берег, рубеж, граница. Все вдруг оживилось. Это передалось даже глуповатому помощнику паромщика, который ни с того ни с сего принялся насвистывать какую-то кретинскую мелодию. Геральт тоже чувствовал странную эйфорию, словно из ольховника на левом берегу вот-вот выглянет Цири и радостно крикнет, увидев его.

Вместо Цири крикнул паромщик. И отнюдь не радостно.

— О боги! Мы пропали! Гляньте туды!

Геральт взглянул в указанном направлении и выругался. Меж ольховин на высоком берегу сверкнули доспехи, загудели копыта. Еще мгновение, и левобережная паромная пристань почернела от конников.

— Черные! — взвизгнул паромщик, бледнея и отпуская ворот. — Нильфгаардцы! Смерть! Спасите, боги!

— Держи коней, Лютик! — заорала Мильва, пытаясь одной рукой вытащить лук из луба. — Держи коней!

— Это не имперские, — сказал Кагыр. — Мне кажется...

Его голос заглушили крики конников на пристани. И крик паромщика. Подгоняемый его криком придурковатый помощник схватился за топор, размахнулся и с силой опустил острие на канат. Паромщик помог вторым топором. Конники на пристани это увидели и тоже принялись орать. Несколько человек въехали в воду, схватили канат. Некоторые бросились к парому вплавь.

— Оставьте канат в покое! — крикнул Лютик. — Это не нильфгаардцы! Не перерубайте...

Однако было уже поздно. Перерубленный канат тяжело плюхнулся в воду, паром развернулся, и его подхватило течение. Конники на берегу подняли страшный крик.

— Лютик прав, — угрюмо сказал Кагыр. — Это не имперские... Они на нильфгаардском берегу, но это не нильфгаардцы.

— Конечно ж, нет! — закричал Лютик. — Я узнаю знаки! Орлы и ромбы! Знаки Лирии! Это лирийские герильясы! Эй, люди...

— Прячься за борт, дурень!

Поэт, как всегда, вместо того чтобы послушаться, пожелал узнать, в чем дело. И тут в воздухе засвистели стрелы. Часть со стуком врзалась в борт парома, часть пролетела выше и хлопнулась в воду. Две летели прямо на Лютика, но ведьмак уже выхватил свой меч, прыгнул, быстрыми ударами отбил обе.

— Великое Солнце, — ахнул Кагыр. — Отбил... Отбил две стрелы! Невероятно! Ничего подобного я не видел...

— И не увидишь! Впервые в жизни мне удалось такое! Прячьтесь за борт!

Однако солдаты с пристани прекратили обстрел, видя, что течение несет паром прямо к их берегу. Вода вспенилась у боков лошадей, загоняемых в воду. Паромная пристань заполнилась новыми конниками. Их было никак не меньше двух сотен.

— Подмогай! — закричал паромщик. — А ну, за шесты, милсдари, мать вашу! К берегу нас несет!

Они поняли сразу, а шестов, к счастью, было достаточно. Регис и Лютик держали лошадей. Мильва, Кагыр и ведьмак помогали паромщику и его придурковатому прислужнику. Паром, который оттолкнули сразу пятью шестами, развернулся и пошел быстрее, явно направляясь к середине реки. Солдаты на берегу снова подняли крик, опять схватились за луки. Просвистело несколько стрел, одна из лошадей дико заржала. К счастью, подхваченный течением паром плыл быстро и все больше удалялся от берега, за пределы прицельных выстрелов.

Они уже были на середине реки. Паром крутился, словно дерьмо в проруби. Кони топали и ржали, вырывались от вцепившихся в

поводья Лютика и вампира. Конники на берегу орали и грозились кулаками. Геральт вдруг заметил среди них наездника на белом коне, размахивавшего мечом и, кажется, отдававшего приказы. Спустя минуту кавалькада отступила к опушке леса и галопом помчалась краем высокого берега. Латы посверкивали в прибрежных зарослях.

— Они не отстанут, — застонал паромщик. — Знают, что за заворотом быстрина снова нас к ихнему берегу прибьет... Держитя палки наготове, милсдари! Как нас к правому берегу повернет, надеть барке подмогнуть перебороть течение и высказывать. Иначе нам горе...

Паром плыл, понемногу дрейфуя к правому берегу, к высокому, крутому, ошетилившемуся кривыми соснами откосу. Левый берег, от которого они сейчас удалялись, сделался плоским, вдавался в реку полукруглой песчаной косой. На косу галопом вылетели наездники, с разгона въезжая в воду. Рядом с косой явно была мелина, застружина, и прежде чем вода дошла лошадям до брюха, конники вошли в реку довольно далеко.

— Дойдут на выстрел, — утрюмо оценила Мильва. — Прячьтесь.

Снова засвистели стрелы, некоторые попали в доски. Но отбивающееся от застружины течение быстро понесло паром в сторону крутого поворота на правом берегу.

— Таперича за шесты! — приказал трясушийся паромщик. — Живо, пристаем, пока быстрина не ухватит!

Однако сделать это оказалось не так просто. Течение было быстрым, вода глубокой, а паром большим, тяжелым и неповоротливым. Вначале он вообще не реагировал на их усилия, наконец шесты сильнее уперлись в дно. Походило на то, что у них получится, когда Мильва вдруг упустила шест и молча указала на правый берег.

— А вот теперь... — Кагыр смахнул пот со лба. — Теперь — точно нильфгаардцы.

Геральт тоже видел это. У наездников, неожиданно появившихся на правом берегу, были черные и зеленые плащи, у коней — характерные узды, набранные из колец. Наездников была по меньшей мере сотня.

— Пропали мы таперича вконец... — заныл паромщик. — Ох, маменька родная, это ж Черные!

— К шестам! — рявкнул ведьмак. — К шестам и на быстрину! Дальше от берега.

Задача опять оказалась не из легких. Течение у правого берега было сильное, паром несло прямо к высокому обрыву, с которого уже слышались крики нильфгаардцев. Когда через минуту упершийся в шест Геральт поднял голову, то увидел над собой ветки сосен. Выпущенная с края обрыва стрела врезалась в палубу почти

отвесно в двух ступнях от него. Вторую, метившую в Кагыра, он отбил ударом меча.

Мильва, Кагыр, паромщик и его помощник отталкивались уже не от дна, а от берега, от обрыва. Геральт бросил меч, схватил шест и помог им, а паром начало снова сносить на стрежень. Однако они все еще были в опасной близости от правого берега, а по берегу мчалась погоня. Не успели отдалиться, как обрыв кончился и на плоский, заросший камышом берег вылетели нильфгаардцы. В воздухе завывали перья стрел.

— Прячьтесь!

Помощник паромщика вдруг как-то странно выругался и упустил шест в воду. Геральт увидел окровавленный наконечник и четыре вершка стрелы, торчащие из его спины. Гнедой конь Кагыра встал на дыбы, заржал, мотая простреленной шеей, повалил Лютика и выпрыгнул за борт. Остальные лошади тоже ржали и метались, паром трясся от ударов копыт.

— Держите коней! — крикнул вампир. — Дер...

Он вдруг осекая, навалился спиной на борт, осел, наклонил голову. Из груди у него торчала черноперая стрела.

Мильва увидела это. Она дико вскрикнула, схватила лук, высыпала под ноги стрелы из колчана и начала шить. Быстро. Стрела за стрелой. Ни одна не прошла мимо цели.

На берегу закипело. Нильфгаардцы отступали к лесу, оставляя в камышах воющих раненых и убитых. Укрывшиеся в лесу продолжали стрелять, но стрелы уже едва долетали, быстрое течение несло паром к середине реки. Расстояние было слишком велико для прицельной стрельбы нильфгаардских луков. Но не для лука Мильвы.

Среди нильфгаардцев вдруг возник офицер в черном плаще, в шлеме, на котором раскачивались черные крылья. Он кричал, размахивал булавой, указывал на реку ниже по течению. Мильва шире расставила ноги, подтянула тетиву к уголку рта, быстро прицелилась. Стрела зашумела в воздухе, офицер выгнулся дугой назад в седле, повис в руках подхвативших его солдат. Мильва снова натянула лук, выпустила тетиву из пальцев. Один из поддерживавших офицера нильфгаардцев душераздирающе крикнул и свалился с лошади. Остальные скрылись в лесу.

— Мастерские выстрелы, — спокойно сказал Регис из-за спины ведьмака. — Но лучше беритесь-ка за шесты. Мы все еще слишком близко от берега, а несет нас на мель!

Лучница и Геральт обернулись.

— Ты жив?

— А вы думали, — вампир показал на черноперую стрелу, — что мне можно нанести вред каким-то обрубок прутика?

Удивляться было некогда. Паром снова крутился и плыл по стремнину. Но на повороте реки опять возникла песчаная коса и

мель, а на берегу стало черным-черно от нильфгаардцев. Некоторые спускались в воду и готовили луки. Все, не исключая и Лютика, схватились за шести. Вскоре шести перестали доставать дно, течение вынесло паром на глубину.

— Лады, — засопела Мильва, бросая шест. — Теперь они нас не достанут...

— Один добрался до отмели, — указал Лютик. — Готовится стрелять. Прячьтесь!

— Не попадет, — холодно оценила обстановку Мильва.

Стрела плюхнулась в воду в двух саженях от носа парома.

— Снова натягивает! — воскликнул трубадур, выглядывая из-за борта. — Внимание!

— Не попадет, — повторила Мильва, поправляя щиток на левом предплечье. — Лук у него хороший, но лучник из него, как из козьей жопы валторна. Горячится. После выстрела дергается и трясется как баба, у которой слизень ползает промежду полжопками. Держите коней, чтоб меня не толкнули.

На этот раз нильфгаардец взял слишком высоко. Стрела просвистела над паромом. Мильва подняла лук, расставила ноги, быстро натянула тетиву до щеки и отпустила ее нежно, даже на дюйма не изменив позиции. Нильфгаардец рухнул в воду, как молнией пораженный, течение понесло его. Черный плащ вздулся пузырем.

— Это делается так, — опустила Мильва лук. — Токо ему уж поздно научиться.

— Остальные едут за нами следом, — Кагыр указал на правый берег, — и после того как Мильва подстрелила офицера, погони не прекратят. Ручаюсь. Река извивается, на следующем повороте течение снова прибьет нас к ихнему берегу. Они знают и будут ждать...

— Таперича у нас иная печаль, — заныл паромщик, поднимаясь с колен и бросив убитого помощника. — Теперича нас прет напрямиком к левому берегу. О боги, наперехлест нас взяли... И все из-за вас, милостивцы, мать вашу так! На ваши головы кровь та падет...

— Захлопни пасть и берись за шест!

На левом, теперь уже пологом берегу толпились, кричали и размахивали руками конники, в которых Лютик признал лирийских партизан. Геральт снова заметил наездника на белом коне. Уверенности не было, но ему показалось, что наездник — женщина. Светловолосая женщина в латах, но без шлема.

— Что они кричат, — прислушался Лютик. — Что-то, вроде бы, о королеве.

Крик на левом берегу усилился. Стал слышен звон металла.

— Бой, — кратко бросил Кагыр. — Взгляните. Из леса выезжают имперские. Нордлиинги бегут. Теперь они в ловушке.

— Выходом из ловушки, — сплюнул Геральт в воду, — был паром. Они, сдаётся, хотели спасти хотя бы свою королеву и старших военачальников, перевезти их паромом на другой берег. А мы паром украли. Ох, не любят они теперь нас, не любят...

— А должны бы, — сказал Лютик. — Паром не спас бы никого, а отнес бы прямо в лапы нильфгаардцев на правом берегу. Мы тоже должны избегать правого берега. С лирийцами попытаюсь договориться, но Черные забьют нас безжалостно...

— Несет все шибче, — бросила Мильва, тоже сплунув в воду и рассматривая плывущий плевок. — И серединой глубины. Теперь пусть нас в задницу поцелуют и те, и другие. Повороты тут некрутые, берега ровные и все заросли ивняком. Мы плывем вниз по Яруге, они нас не достанут. Им быстро надоест.

— Хреновину порежь, девка, — простонал паромщик. — Перед нами Красная Биндюга... Тамотка — мост! Паром уткнется... Ежели они нас опередят, то ждать тама будут...

— Нордлинги нас не опередят. — Регис указал с кормы на левый берег. — У них свои проблемы.

Действительно, на правом берегу шел ожесточенный бой. Центр его был в лесу и давал о себе знать лишь боевыми криками, но во многих местах черные и разноцветные наездники рубились мечами в прибрежной воде, трупы с плеском падали в реку. Шум и звон металла постепенно стихали, паром величаво, но довольно быстро плыл вниз по течению.

На заросших берегах не было видно вооруженных, не слышно было звуков погони. Геральт уже начал было надеяться, что все кончится добром, но тут увидел впереди деревянный мост, стягивающий берега. Река под мостом обтекала мели и островки, на самый большой из островков упирался один из мостовых быков. На правом берегу виднелись беспорядочные навалы стволов, штабеля, кучи дерева.

— Там везде мелко, — выдохнул паромщик. — Токмо середкой можно проплыть, право от острова. Течение туда нас несет, но хватайте шести, могут пригодиться, если уткнемся...

— На мосту, — Геральт заслонил глаза рукой, — военные. На мосту и на биндюге, на вырубке.

Это уже видели все. И видели, как из леса за вырубкой вдруг вылетает ватага всадников в черных и зеленых плащах. Уже можно было услышать гул боя.

— Нильфгаардцы, — сухо отметил Кагыр. — Те, которые нас преследовали. Значит, на мосту — нордлинги...

— За шести! — крикнул паромщик. — Пока бьются, может, промкнемся!

Не «промкнулись». Они были уже совсем близко от моста, когда он загудел под ногами бегущих солдат. Поверх кольчуг на солдатах

были белые накидки, украшенные красными ромбами. У большинства — самострелы, которые сейчас они уперли в перила и целились в приближающийся к мосту паром.

— Не стрелять, ребята! — во весь голос заорал Лютик. — Не стрелять! Мы свои!

Солдаты не расслышали. Или не хотели расслышать.

Залп из самострелов оказался трагическим по своим последствиям. Одна из стрел угодила в паромщика, все еще пытавшегося управлять паромом с помощью шеста. Стрела прошила его навывлет. Кагыр, Мильва и Регис своевременно укрылись за бортами. Геральт схватился за меч и отбил одну из стрел, но стрел было множество. Лютика, который все еще кричал и размахивал руками, необъяснимым чудом не ранило. Однако истинное побоище град стрел учинил среди лошадей. Сивый запасной, в которого угодили три стрелы разом, рухнул на колени. Пал, дергаясь, вороной Мильвы, пал гнедой жеребец Региса. Получившая в круп Плотва встала на дыбы и выскочила за борт.

— Не стрелять! — орал Лютик. — Мы свои!

На этот раз подействовало.

Снесенный течением паром со скрежетом врезался в мель и замер. Все выскочили на островок либо в воду, прячась от ударов копыт бьющихся в муках лошадей. Мильва была последней, потому что ее движения вдруг сделались странно медлительными. «Получила стрелой», — подумал ведьмак, видя, как девушка неловко перебирается через борт, бессильно падает на песок. Он подскочил к ней, но вампир его опередил.

— Что-то во мне оборвалось, — очень медленно и очень неестественно проговорила девушка. А потом прижала руки к промежности. Геральт увидел, как штанина шерстяных брюк темнеет от крови.

— Лей мне на руки. — Регис подал ему выхваченную из торбы бутылочку. — Лей мне это на руки, быстро!

— Что с ней?

— Выкидыш. Дай нож, надо разрезать одежду. И отойди.

— Нет, — сказала Мильва. — Я хочу, чтобы он был рядом.

По ее щеке потекла слеза.

Мост над ними гудел от солдатских сапог.

— Геральт! — верещал Лютик.

Ведьмак, видя, что вампир делает с Мильвой, смущенно отвернулся. Увидел, как по мосту мчатся солдаты в белых накидках. С правого берега, от вырубки, все еще был слышен гул.

— Бегут, — выдохнул Лютик, подскакивая и хватая Геральта за рукав. — Нильфгаардцы уже на правом предместье! Там все еще идет бой, но большинство бойцов бежит на левый берег! Ты слышишь? Нам тоже надо бежать!

— Нельзя, — стиснул зубы ведьмак. — У Мильвы выкидыш. Она не сможет идти.

Лютик зверски выругался.

— Значит, надо нести, — бросил он. — Это единственная возможность.

— Не единственная, — сказал Кагыр. — Геральт, на мост!

— Зачем?

— Остановим бегство. Если нордлинги удержат хоть ненадолго правый подступ к мосту, может, нам удастся уйти по левому.

— Как ты собираешься остановить бегство?

— Я уже командовал войсками. Лезь на бык и на мост!

На мосту Кагыр с ходу показал, что он действительно человек опытный и прекращать панику среди военных умеет.

— Ну, сукины дети! Куда, сволота поганая! — орал он, подкрепляя каждый рык ударом кулака, валящим отступающих на доки моста. — Стоять! Стоять, трусы поганые!

Некоторые из бегущих — далеко не все — остановились, пораженные ревом и сверканием меча, которым размахивал Кагыр. Другие пытались проскользнуть у него за спиной. Но Геральт тоже выхватил меч и включился в операцию.

— Куда! — крикнул он, мощным ударом осадив одного из бегущих. — Куда? Стоять! Поворачивай! Тпррру!

— Нильфгаард, господин! — крикнул кнехт. — Там резня! Пустите!

— Трусы! — рывкнул влетающий на мост Лютик таким голосом, какого Геральт никогда от него не ожидал. — Паршивые, засранные трусы! Заячьи сердца! Удираете, шкуры свои спасаете? Чтобы в сраме жизнь прожить, подлецы?

— Силища их, господин рыцарь, — не выстоим!

— Сотник убит... — простонал другой. — Десятники сбежали! Смерть идет!

— Надо головы свои спасать!

— Ваши товарищи, — крикнул Кагыр, размахивая мечом, — продолжают биться на предместве и на вырубке. Позор тому, кто не двинется им на помощь! За мной!

— Лютик, — прошипел ведьмак. — Сигай на остров. Как-нибудь с Регисом доставьте Мильву на левый берег! Ну, чего стоишь?

— За мной, парни! — орал Кагыр, размахивая мечом. — За мной! Кто в богов верует! На берег! На биндюгу! Бей, круши!

Несколько солдат подхватили голосами, выражающими различные степени решимости. Некоторые из тех, кто уже убежал, устыдились, повернулись и присоединились к «мостовой армии», во главе которой вдруг оказались ведьмак и нильфгаардец.

Возможно, солдаты и вправду кинулись бы на выручку, но тут на подходах к мосту зачернели плащи конников. Нильфгаардцы

прорвали оборону и ворвались на мост, по доскам загрохотали подковы. Часть остановившихся было солдат снова кинулась бежать, часть нерешительно остановилась. Кагыр выматерился. Понильфгаардски. Но никто, кроме ведьмака, не обратил на это внимания.

— Что началось, надобно заканчивать! — буркнул Геральт, сжимая в руке меч. — Идем на них! Надо распалить наше войско.

— Геральт. — Кагыр остановился, неуверенно глянул на него. — Ты хочешь, чтобы я... Чтобы я убивал своих? Я не могу...

— Насрал я на эту войну, — скрежетнул зубами ведьмак. — Но тут Мильва. Ты присоединился к команде? Решай. Идешь за мной или встаешь на сторону черных плащей? Ну, быстрее!

— Иду с тобой!

Так и получилось, что один ведьмак и один союзный ему нильфгаардец заорали, завертели мечами и не раздумывая ринулись вперед, два спутника, два друга, два соратника — навстречу общему врагу, в неравный бой. И это было их общее огненное крещение. Крещение общим боем, яростью, сумасшествием и смертью. Они шли на смерть, они, два товарища. Так они думали. Ведь не могли они знать, что не умрут в тот день на этом мосту, перекинувшемся через Яругу. Не знали, что предначертана им обоим иная смерть. В другом месте и в другое время.

На рукавах у нильфгаардцев было серебряное шитье, изображающее скорпиона. Кагыр зарубил двоих быстрыми ударами своего длинного меча. Геральт рассек двоих ударами сигилля. Потом запрыгнул на перила моста и, пробегая по ним, напал на остальных. Геральт был ведьмаком, удерживать равновесие для него было пустяк, но его акробатический номер изумил и застал врасплох нильфгаардцев. Так они и умерли, не успев оправиться от изумления, от ударов краснолюдского оружия, для которого кольчуги были не прочнее шерсти. Кровь брызнула на измызганные доски и бревна моста.

Увидев боевое преимущество предводителей, теперь уже сильная количественно армия, оборонявшая мост, подняла невообразимый рев и крик, в котором звучал возрастающий боевой дух. И стало так, что минуту назад паниковавшие беглецы кинулись на нильфгаардцев разъяренными волками, рубя налево и направо мечами и топорами, протыкая копьями, избивая палицами и алебардами. Развалились перила, кони рухнули в воду вместе с наездниками в черных плащах. Рычащая армия ворвалась на предмостье, продолжая гнать перед собой Геральта и Кагыра, случайных командиров, не позволяя им сделать то, ради чего они все это затеяли. А затеяли они одно: как можно скорее выбраться, вернуться к Мильве и сбежать на левый берег.

На вырубке тоже кипел бой. Нильфгаардцы окружили и отрезали от моста солдат, которые не удрали и яростно оборонялись

из-за баррикад, сооруженных из кедровых и сосновых стволов. При виде наступающей подмоги горстка защитников баррикады подняла радостный крик. Чуть-чуть рановато. Плотный клин лирийской подмоги выжал нильфгаардцев с моста, однако теперь на лирийцев обрушились фланговые удары императорской конницы. Если б не баррикады и штабеля стволов, мешавшие и бегству, и нападению кавалерии, пехота была бы мгновенно рассеяна. Припертые к штабелям солдаты начали яростный бой.

Для Геральта это было нечто новое, такой тактики боя он не знал. Никакого фехтования и работы ног, только хаотичная рубка и непрекращающиеся удары, сыплющиеся со всех сторон... Однако ему помогало то, что он неожиданно и не совсем заслуженно оказался в роли командира, и теперь солдаты дрались за него, прикрывали бока, защищали спину, расчищали перед ним фронт, освобождая место, в которое он мог ударить и ужалить насмерть. Суতোлка все увеличивалась. Ведьмак и его «армия» уже дрались плечом к плечу с кровоточащей и поредевшей горсткой защитников баррикады, в большинстве своем краснолюдских кнехтов. Дрались в кольце окружения.

А потом вспыхнул огонь.

Одна из сторон баррикады, разместившейся между биндюгой и мостом, представляла собой огромную, колючую, как еж, кучу сосновых веток и сучьев — непреодолимое препятствие для лошадей и пехоты. Сейчас все это полыхало пламенем — кто-то кинул туда факел. Защитники пятились, подгоняемые жаром и дымом. Сбившись в кучу, ослепнув, мешая друг другу, они один за другим умирали под ударами штурмующих нильфгаардцев.

Положение спас Кагыр. Имея военный опыт, он не дал окружить на баррикаде собравшихся вокруг него солдат. Позволил отрезать себя от группы Геральта, но теперь возвращался. Даже добыл коня в черном чепраке и, работая мечом, ударил по флангу. За ним с диким ревом в образовавшийся прогал врывались алебардисты и пикинеры в белых накидках с красными ромбами.

Геральт сложил пальцы знаком Аард и ударил в полыхающие ветки. На особый эффект он не рассчитывал, поскольку уже несколько недель не употреблял ведьмачьих эликсиров. Но результат все же был. Костер словно взрывом разметало, и он рассыпался, разбрасывая искры.

— За мной! — рявкнул он, ткнув мечом в висок взбирающегося на баррикаду нильфгаардца. — За мной! Сквозь огонь!

И они пошли, раскидывая копьями все еще горящую кучу, забрасывая нильфгаардских коней схваченными голыми руками головнями. «Крещение огнем, — подумал ведьмак, словно сумасшедший рубя и парируя удары. — Я должен был пройти сквозь огонь ради Цири. А иду сквозь огонь в бой за дело, которое вооб-

ще меня не касается. Огонь, который должен был меня очистить, самым поганым образом палит мои волосы и обжигает лицо».

Кровь, которой он был обрызган, шипела и исходила паром.

— Вперед, ребята! Кагыр! Ко мне!

— Геральт! — Кагыр смел с седла очередного нильфгаардца. — На мост! Пробивайся с людьми на мост! Организуем оборону...

Он не закончил, потому что на него галопом налетел конник в черном нагруднике, без шлема, с развевающимися окровавленными волосами. Кагыр парировал удар длинного меча, но упал с присевшего на задние ноги коня. Нильфгаардец наклонился, чтобы пригвоздить его к земле. Но не сделал этого, сдержал удар. На его наплевачнике горел серебряный скорпион.

— Кагыр? Кагыр аэп Кеаллах! — воскликнул он изумленно.

— Мортейсен... — В голосе растянувшегося на земле Кагыра было не меньше изумления.

Бегущий рядом с Геральтом наемник-краснолюд в закопченной и обгоревшей по краям накидке с красным ромбом изумляться не стал, а, не теряя напрасно время, с размаху вбил рогатину в живот нильфгаардца и, толкнув древко, свалил того с седла. Второй подскочил, наступил тяжелым ботинком на черный нагрудник упавшего, вонзил острие копья прямо в горло. Нильфгаардец захрипел, вырвал кровью и заскреб по песку шпорами.

В тот же миг ведьмак получил в крестец чем-то очень тяжелым и очень твердым. Колени у него подогнулись. Он упал, слыша громкий торжествующий рев. Видел, как наездники в черных плащах уносятся в лес. Слышал, как мост гудит под копытами мчащихся с левого берега конников, над которыми развевался штандарт с орлом, обрамленным красными ромбами.

Так окончилась для Геральта великая битва за мост на Яруге, битва, которой впоследствии исторические хроники не уделили, разумеется, ни строчки.

— Не беспокойтесь, милостивый государь, — сказал фельдшер, ощупывая и осматривая спину ведьмака. — Мост уничтожен. Погоня с того берега нам не угрожает. Ваши друзья и женщина в безопасности. Это ваша супруга?

— Нет.

— Ах, а я подумал... Всегда страшно, когда война беременных женщин бередит...

— Молчите. Ни слова об этом. Что у вас за знамена?

— Не знаете, за кого дрались? Поразительно, поразительно... Это армия Лирии. Видите, лирийский черный орел и ривские красные ромбы. Ну, готово. Всего-навсего удар. Крестец малость поболит, и все. Ничего страшного. Выздоровеете.

— Благодарю.

— Это я вас благодарить должен. Если б вы моста не удержали, нильфгаардцы бы нас на том берегу под корень вырубili, к реке прижавши. Не сумели бы мы уйти от погони... А вы королеву спасли! Ну, бывайте, господин... Я пошел, другие раненые помощи требуют.

— Благодарю.

Он сидел на стволе поваленного на вырубке дерева утомленный, измученный, разбитый и безразличный ко всему. Один. Кагыр куда-то исчез. Между бревнами переломившегося пополам моста катила свои зелено-золотые воды Яруга, посверкивая в лучах клонящегося к горизонту солнца.

— Это он, милостивая государыня. Позвольте, я помогу вам слезть.

— Прекрати.

Геральт поднял голову, услышав шаги, стук подков и скрип панцирей. Перед ним стояла женщина в латах, женщина с очень светлыми волосами, почти такими же светлыми, как его собственные. Впрочем, он тут же понял, что волосы не были светлыми, они были седыми, хотя на лице женщины не было заметно признаков старости. Зрелого возраста — да. Но не старости.

Женщина прижимала ко рту батистовый платочек с кружевными ромбиками по краям. Платочек был в крови.

— Встаньте, милостивый государь, — шепнул Геральту один из стоявших рядом рыцарей. — И отдайте честь. Перед вами королева. Ведьмак встал. Поклонился, преодолевая боль в крестце.

— Ты ваффифил мофт?

— Простите?

Женщина отняла платочек ото рта, сплюнула кровью. Несколько красных капелек попало на орнаментированный нагрудник.

— Ее величество Мэва, королева Лирии и Ривии, — сказал стоявший рядом с женщиной рыцарь с фиолетовым плаще, украшенном золотым шитьем, — спрашивает, вы ли героически командовали обороной моста на Яруге?

— Так уж как-то получилось.

— Полуфилоф! — Королева попробовала засмеяться, но ничего у нее не вышло. Она поморщилась, невнятно выругалась, снова сплюнула. Прежде чем успела заслонить платочком рот, он увидел отвратительную рану, заметил отсутствие нескольких зубов. Она поймала его взгляд.

— Ну да, — проговорила она из-за платочка, глядя ему в глаза. — Какой-то фукин фын фаданул мне пьямо в мовду. Мелоть.

— Королева Мэва, — высокопарно сообщил человек в фиолетовом плаще, — билась в первых рядах, как доблестный муж, как рыцарь, противостоя превосходящим силам Нильфгаарда! Эта рана

болит, но не уродует! А вы спасли и ее, и наш корпус. Когда какие-то изменники захватили и увели паром, этот мост остался для нас единственным спасением. А вы его героически защитили.

— Певефтань, Одо. Как ваф вовут, гэвой?

— Меня?

— Ну конечно, вас. — Рыцарь в фиолетовом грозно глянул на него. — Что с вами? Вы ранены? Контужены? Вас ранили в голову?

— Нет.

— Тогда отвечайте, когда королева спрашивает! Вы же видите, у нее поранен рот и ей трудно говорить!

— Певефтань, Одо.

Фиолетовый поклонился, потом взглянул на Геральта.

— Ваше имя?

«А, да что там, — подумал Геральт. — Семь бед, один ответ. Не стану врать».

— Геральт.

— Геральт откуда?

— Ниоткуда.

— Не поффыафенный? Не выцавь? — Мэва украсила песок под ногами красными брызгами слюны, смешанной с кровью.

— Не понял. А, нет-нет. Не посвященный... Ваше королевское величество.

Мэва вынула меч.

— На колени.

Он выполнил приказ, по-прежнему не в состоянии поверить происходящему и продолжая думать о Мильве и дороге, которую выбрал для нее, испугавшись трясин и болот Ийсгита.

Королева повернулась к фиолетовому.

— Пвоивнефи фовмулу. У меня нет фубов.

— За беспримерное мужество в бою за справедливое дело, — торжественно провозгласил фиолетовый, — за доказательство доблести и чести, за верность короне я, Мэва, волею богов королева Лирии и Ривии, правом моим и привилегией посвящаю тебя в рыцари. Служи верно. Стерпи этот удар, и ни одного более.

Геральт почуствовал на плече легкий удар клинка. Взглянул в светло-зеленые глаза королевы. Мэва сплюнула густой красной слюной, приложила платочек к лицу, подморгнула ему поверх кружев.

Фиолетовый подошел к монархине, что-то шепнул. Ведьмак расслышал слова: «поименование», «ривские ромбы», «штандарт» и «честь».

— Спсаведливо, — кивнула Мэва. Она говорила все четче, перебарывая боль, просовывала язык в щербину, оставшуюся на месте выбитых зубов. — Ты дервал мофт вместе с воинами из Ривии, мувественный Геральт ниоткуда. Так уф как-то полуфилось, ха-ха!

Ну а мне полуфилось поваловать тебе за это поименование: Геральт Вивский. Ха-ха!

— Поклонитесь, милостивый государь рыцарь, — прошипел фиолетовый.

Свежеиспеченный рыцарь Геральт Ривский поклонился так глубоко, чтобы королева Мэва, его сюзерен, не смогла увидеть горькой усмешки, которой не сумел сдержать Геральт из Ривии, ведьмак.

Башня Ласточки

*Ночью как траур черной
К Дун Дару они подкрались,
Где юна ведьмачка скрывалась.
Ночью как траур черной
Село они окружили,
Чтоб ведьмачка сбежать не сумела.
Ночью как траур черной
Врасплох млodu ведьмачку
Хотели взять — прогадали.
Не взошло еще солнце ясно,
А уж на дороге мерзлой
Тридцать убитых лежало... **

Песня нищих о жуткой резне,
случившейся в Дун Даре
в ночь Саовины

* Перевод с польского Н. Эристави

— Могу дать тебе все, что пожелаешь, — сказала волшебница. — Богатство, власть, скипетр и славу, жизнь долгую и счастливую. Выбери.

— Не нужны мне ни богатство, ни слава, ни власть и ни скипетр, — ответствовала ведьмачка. — А хочу я, чтоб был у меня конь черный, как ночной вихрь быстрый. Хочу, чтоб был у меня меч блескучий и острый как луч луны. Хочу ночью черной носиться на коне моем черном по земле, хочу разить силы Зла и Тьмы моим блескучим мечом. Вот чего я желаю.

— Дам тебе коня, коий будет чернее ночи и быстрее вихря ночного, — обещала волшебница. — Дам тебе меч, что острее и ярче лунного луча будет. Но ты требуешь многого, ведьмачка, значит, и заплатить придется немало.

— Чем? Ведь у меня же ничего нет.

— Кровью твоею.

Флоуренс Деланной.
«Сказки и Предания»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каждому ведомо: Вселенная, как и жизнь, движется по кругу. По кругу, на ободе которого помечены восемь волшебных точек, дающих полный оборот, или годичный цикл. Этими точками, парно лежащими на ободе круга друг насупротив друга, являются Имбаэлк, или Почкование; Ламмас, или Созревание; Беллетэйн, или Цветение, и Саовина, или Замирание. Обозначены на том ободе также два Солтыция, или Солнцестояния: зимнее, именуемое Ми-динваэрне, и Мидаёте — летнее. Есть также два Эквинокция, или Равноночия, также Равноденствием именуемые: Бирке — весеннее и Велен — осеннее. Даты эти делят обруч на восемь частей — именно так в календаре эльфов делится год.

Высадившиеся на пляжах в устьях Яруги и Понтара люди привезли с собой собственный календарь, в основе которого лежит движение Луны. Календарь этот делит год на двенадцать лун, или месяцев, определяющих цикл годичной работы кмета, начиная с изготовления в январе кольев и до самого конца, до того часа, когда мороз скует землю, превратив ее в твердь. Но хоть люди и по-иному делили год и отсчитывали даты, тем не менее они не отринули эльфий круг и восемь точек на его ободе. Позаимствованные из эльфьего календаря Имбаэлк и Ламмас, Саовина и Беллетэйн, оба Солнцестояния и оба Равноночия стали и у людей важными праздниками, торжественными датами, кои выделялись меж других дат так же явно, как одиноко стоящее дерево выделяется посреди луга.

Ибо даты эти — магические.

Ни для кого не секрет, что во время этих восьми дней и ночей прямо-таки невероятно усиливается волшебная аура. Никого не удивишь магическими феноменами и загадочными явлениями, сопровождающими эти восемь дат, а в особенности же Эквинокции и Солтыции. К таким феноменам все уже настолько привыкли, что они редко кого волнуют.

Однако в тот год все было иначе.

В тот год люди, как обычно, отметили осенний Эквинокций торжественным семейным ужином, на котором полагалось выставить как можно больше различных плодов, собранных в уходящем году, пусть даже и понемногу каждого. Так велел обычай. Откушав и поблагодарив богиню Мелитэле за урожай, люди отправились отдыхать. И тут-то и начался кошмар.

К самой полуночи разразилась страшнейшая метель, подул убийственный ветер, в котором сквозь шум пригибаемых чуть не до земли деревьев, скрип стрех и хлопанье ставней слышался жуткий вой, крики и скулёж. Мчащиеся по небу тучи принимали самые фантастические формы, среди которых чаще всего повторялись мчащиеся в карьер кони и единороги. Почти целый час не утихал ураган, а в наступившей после него неожиданной тишине ночь ожила трелями и хлопаньем крыльев сотен козодоев, этих таинственных птиц, которые, если верить молве, собираются в стаи, чтобы распевать над умирающими отходную песнь. На сей раз хор козодоев был так могуч и громок, словно вот-вот предстояло поглотить всему миру.

Козодои дикими голосами орали свой реквием, небосклон затянули тучи, погасившие остатки лунного света. Тогда занудила страшная беанн'ши, вестница чьей-то скорой и дурной смерти, а по черному небу пронесся Дикий Гон — табун огненнооких, развевающих лохмотьями плащей и штандартов призраков на конских скелетах. Как и всегда, Дикий Гон собрал свой урожай, но уже много десятилетий он не был так ужасен, как в этом году — в одном только Новиграде насчитали двадцать с лишним человек, пропавших бесследно.

Когда Гон промчался и тучи развеялись, люди увидели луну — на ущербе, как всегда во время Эквинокция. В ту ночь у луны был цвет крови.

У простого народа для феномена Равноночия было множество объяснений, кстати, существенно различающихся в зависимости от специфики региональной демонологии. У астрологов, друидов и чародеев тоже были свои объяснения, но в большинстве случаев ошибочные и как бы придуманные «про запас». Мало, невероятно мало было людей, которые умели бы это явление связать с реальными фактами.

На Островах Скеллиге, например, некоторые суеверные люди видели в удивительных явлениях предвестие *Tedd Deireadh*, конца света, предваряемого битвой *Rag nar Roog*, последней битвой Света и Тьмы. Бурный шторм, который в ночь Осеннего Солнцестояния потряс остров, верящие в приметы островитяне сочли волной, создаваемой носом чудовищного, с бортами, выложенными ногтями трупов, драккара *Нагльфар* из *Морхёгга*, везущего армию призраков и демонов. Однако люди более просвещенные либо лучше

информированные связывали безумство небес и моря с ужасной смертью злой чародейки Йеннифэр. Третьи — совсем уж хорошо осведомленные — видели в бурлящем море знамение того, что в этот момент умирает кто-то, в чьих жилах течет кровь королей Скеллиге и Цинтры.

Над миром раскинулась ночь Осеннего Солнцестояния, ночь ужасов, кошмаров и привидений, ночь бурных, удушающих и жутких пробуждений на вздыбленных и влажных от пота простынях. Видения и пробуждения не обошли стороной и самые светлые головы: в Нильфаарде, Городе Золотых Башен, с криком проснулся император Эмгыр вар Эмрейс. На севере, в Лан Эксетере, вскочил с ложа король Эстерад Тиссен, потревожив свою супругу, королеву Зулейку. В Третогоре сорвался с постели и схватился за кинжал архишпион Дийкстра, разбудив при этом супругу министра финансов. В огромном замке Монтекальво спорхнула с дамастовых простыней чародейка Филиппа Эйльхарт, не став, однако, будить супруги графа да Ноалье. Проснулись — более или менее резко — краснолюд Ярпен Зигрин в Махакаме, старый ведьмак Весемир в горной крепости Каэр Морхен, банковский клерк Фабио Сахс в городе Горс Велен, ярл Крах ан Крайт на борту драккара «Рингхорн». Проснулась чародейка Фрингиля Виго в замке Боклер, проснулась жрица Сигдрифа в храме богини Фрейи на острове Хиндарсфьялл. В осажденной крепости Марибор проснулся Дانهль Эчеверриа, граф Гаррамон. Зывик, десятник Бурой Хоругви, в форте Бан Глеан. Купец Доминик Бомбаст Хувенагель в городке Клармон. И многие, многие другие.

Однако мало было таких, кто сумел бы все эти явления и феномены связать с истинным, конкретным фактом. И с конкретной личностью. Так уж получилось, что трое из них провели ночь осеннего Эквинокция под одной крышей. В храме богини Мелитэле в Элландере.

— Козодой... — простонал писарь Ярре, вперившись во тьму, затянувшую храмовый парк. — Никак не меньше тысячи, целые тучи... Кричат о смерти... О ее смерти... Она умирает...

— Не болтай глупостей! — Трисс Меригольд резко отвернулась, занесла кулак: несколько мгновений казалось, что она вот-вот толкнет или ударит паренька в грудь. — Ты что, веришь в идиотские приметы? Конец сентября, козодой перед отлетом собираются в стаи. Вполне естественно!

— Она умирает...

— Никто не умирает! — крикнула чародейка, бледнея от бешенства. — Никто, понятно? Перестань нести дурь!

Библиотечный коридор заполняли адепки, разбуженные ночной тревогой. Лица их были серьезны и бледны.

— Ярре, — Трисс успокоилась, положила пареньку руку на плечо, сильно сжала, — ты — единственный мужчина в храме. Все мы смотрим на тебя, ищем в тебе опоры и помощи. Ты не смеешь впадать в панику, ты не смеешь бояться. Возьми себя в руки. Не разочаровывай нас.

Ярре глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

— Это не страх, — прошептал он, отводя взгляд от глаз чародейки. — Я не боюсь, я тревожусь! За нее. Я видел сон...

— Я тоже, — сжала губы Трисс. — Мы видели один и тот же сон. Ты, я и Нэннеке. Но об этом — молчок.

— Кровь у нее на лице... Столько крови...

— Я же просила — молчи. Идет Нэннеке.

Подошла Верховная Жрица. Лицо у нее было утомленное. На немой вопрос Трисс она ответила, отрицательно покачав головой. Заметив, что Ярре собирается что-то сказать, она опередила его:

— К сожалению, ничего. Когда Дикий Гон мчался над храмом, проснулись почти все, но ни у одной не было видений. Даже таких туманных, как наши. Иди спать, мальчик, тебе тут делать нечего. Девочки, по спальням!

Она обеими руками протерла лицо и глаза.

— Э-э-х! Эквинокций. Чертова ночь... Иди приляг, Трисс... Не в наших силах что-либо сделать.

— Беспомощность, — стиснула кулаки чародейка, — доводит меня до сумасшествия. При мысли, что она где-то там страдает, истекает кровью, что она в опасности... Дьявольщина! Знать бы, что делать.

Уже собравшаяся уходить Верховная Жрица храма Мелитэле повернулась:

— А молиться не пробовала?

На юге, в Эббинге, за горами Амелл, в районе под названием Переплют, на обширных трясиных, иссеченных реками Вельда, Лета и Арета, в восьмистах милях полета ворона по прямой от города Элландер и храма Мелитэле, приснившийся под утро кошмар разбудил старого отшельника Высоготу. Проснувшись, Высогота никак не мог вспомнить содержания сна, но необъяснимое волнение не дало ему больше уснуть.

— Холодно, холодно, холодно, бррр, — шептал про себя Высогота, пробираясь по тропинке среди камышей. — Холодно, холодно, бррр.

Очередная ловушка тоже была пуста. Ни одной ондатры. На редкость неудачный лов. Бормоча проклятия и шмыгая замерзшим носом, Высогота очистил ловушки от грязи и травы.

— Ох и холодно же, — бормотал он, направляясь к краю топи. — А ведь четыре дня только прошло с Эквинокция. Сентябрь. Да, таких

холодов в конце сентября я за всю свою жизнь не припомню. А ведь живу уже достаточно долго!

Следующая, предпоследняя ловушка тоже была пуста. Высоготе даже рутаться расхотелось...

— Не иначе, — бормотал он, направляясь к последней ловушке, — с каждым годом все больше холодает. А теперь, похоже, эффект похолодания пойдет лавиной. Ну, эльфы предвидели это уже давным-давно, да кто верит в предсказания эльфов?

Над головой старика снова захлопали крылышки, пронеслись серые, невероятно быстрые тени. Туман над трясинной опять раззвонился дикими, урывчатыми трелями козодоев, заполнился быстрым хлопанием крыльев. Высогота не обращал внимания на птиц. Суеверным он не был, а козодоев на болотах всегда было множество, особенно на заре, когда они летали так плотно, что, казалось, вполне могли задеть за голову. Впрочем, не всегда их было так-то уж много, как сегодня, может, и не всегда они носились так неистово... ну что же, последнее время природа проделывала диких штучки, а диговинки гонялись за диговинками, да при этом каждая следующая диговинка была диговиннее предыдущей!

Он уже вытаскивал из воды последнюю — тоже пустую — ловушку, когда услышал ржание. Козодои как по команде разом умолкли.

На трясинах Переплюта были островки, сухие, выступающие из воды места, поросшие черной березой, ольхой, свидиной, кизилом и терновником. Большинство пригорков трясина обступала так плотно, что туда самостоятельно ни в коем разе не мог бы добраться конь либо не знающий тропинок наездник. И все же ржание — Высогота снова услышал его — шло именно со стороны такого островка.

Любопытство взяло верх над осторожностью.

Высогота слабо разбирался в лошадях и их породах, но он был эстетом, умевшим распознать и оценить красоту. А вороной конь с блестящей словно антрацит шерстью, которого он увидел на фоне березовых стволиков, был дивно красив. Он был прямо-таки квинт-эссенцией красоты. Он был так дивно красив, что казался нереальным.

И тем не менее был вполне реальным. И вполне реально попал в ловушку, запутавшись вожжами и уздечкой в кроваво-черные ветки свидины. Когда Высогота подошел ближе, конь прижал уши, ударил ногой так, что почва задрожала, дернул красивой головой, повернулся. Теперь стало видно, что это кобыла. И кое-что еще. Нечто такое, от чего сердце старого Высоготы забилося, словно ошалевшее, а невидимые клещи стиснули горло:

За лошадью в неглубокой яме от вывороченного дерева лежал труп.

Высогота сбросил на землю мешок. И устыдился первой мысли: развернуться и бежать. Он подошел ближе, сохраняя осторожность, потому что вороная кобыла переступала на месте, прижимала уши, скалила зубы в мундштуке и, казалось, только и ждала случая укусить его или лягнуть.

Труп был трупом паренька чуть старше десяти—двенадцати лет. Он лежал ничком, одна рука прижата телом, другая впилась в землю пальцами и откинута в сторону. На парнишке была замшевая курточка, плотно облегающие кожаные штаны и эльфы мягкие сапожки на застежках.

Высогота наклонился, и тут труп громко застонал. Вороная кобыла протяжно заржала, хватанула копытами по земле.

Отшельник опустил на колени, осторожно повернул раненого. Невольно отдернул голову и свистнул. Чудовищная маска из грязи и запекшейся крови заменяла пареньку лицо. Он осторожно собрал мох, листья и песок с покрытого слизью и слюной рта, попытался оторвать от щеки сбившиеся в твердый колтун, слепленные кровью волосы. Раненый застонал, напрягся, и его стала бить дрожь. Высогота наконец отлепил ему волосы от лица.

— Девочка, — сказал он громко, не в силах поверить в увиденное. — Это девочка.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел тихо и незаметно подобраться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б он заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в слабо освещенном сальными свечами помещении молоденькую девочку с плотно обмотанной тряпицами головой, лежащую в мертвой, почти трупной неподвижности на застланых шкурками нарах. Увидел бы он и старца с седой бородой клинышком и солидной, начинающейся от высокого, изборожденного морщинами лба лысиной, обрамленной длинными белыми волосами, падающими на плечи. Он заметил бы, как старец зажигает еще одну свечу, как ставит на стол песочные часы, как точит перо, как наклоняется над листом пергамента. Как задумывается и бормочет что-то себе под нос, не спуская глаз с лежащей на нарах девочки.

Но такое было невозможно. Никто этого увидеть не мог. Домишко отшельника Высоготы был ловко упрятан на вечно покрытом мглой безлюдье, среди трясин, на которые никто не решился бы забрести.

— Запишем, — Высогота обмакнул перо в чернила, — следующее: «Прошло три часа после процедуры. Диагноз: *vulnus incisivum*, рубленая рана, нанесенная с большой силой неизвестным острым предметом предположительно с искривленным острием. Рана охватывает левую часть лица, начинается ниже глазной впадины, пересекает щеку и доходит до приушно-челюстного уча-

стка. Наиболее глубокая, почти касающаяся надкостницы часть раны оказалась несколько ниже глазной впадины, на скуловой кости. Предполагаемое время, прошедшее с момента ранения до первой перевязки, — десять часов».

Перо заскрипело по пергаменту, но скрип этот продолжался лишь несколько секунд. И несколько строчек. Не все, что Высогота говорил себе, он считал нужным заносить на пергамент.

— Возвращаясь к перевязке раны, — продолжал спустя немного старик, уставившись на мигающий и коптящий огонек свечи, — запишем нижеследующее: «Я не срезал рваные края раны, а ограничился лишь тем, что убрал несколько не получающих крови лоскутков и, разумеется, запекшуюся кровь. Промыл рану вытяжкой из коры вербы, удалил загрязнения и посторонние тела. Наложил швы. Конопляные. Другим родом нитей, сие следует отметить особо, я не располагал. Использовал компресс из горной арники и наложил муслиновую повязку».

На середину избы выбежала мышь. Высогота кинул ей кусочек хлеба. Девочка на нарах вела себя беспокойно, стонала сквозь сон.

— Восьмой час после операции. Состояние больной без изменений. Состояние лекаря — стало быть, мое — улучшилось, поскольку я малость вздремнул... Можно продолжать записи. Ибо следует перенести на сии листы некоторые сведения о моей пациентке. Для потомков. Ежели какие-либо потомки доберутся до здешних трясин прежде, чем все тут пожухнет и превратится в пыль.

Высогота тяжко вздохнул, обмакнул перо и вытер его о краешек чернильницы.

— Что же касается пациентки, — забормотал он, — то да будет записано нижеследующее. Лет ей, похоже, около шестнадцати, высокая, строения на вид худошавого, но отнюдь не тощего, не вызванного долговременным голоданием. Упитанность и физическое строение типичны скорее для юной эльфки, однако никаких признаков того, что она метиска до квартеронки включительно, не отмечено... Как известно, низкий процент эльфьей крови может следов не оставить.

Высогота как бы только теперь вспомнил, что не нанес на листок ни одной руны, ни единого слова... Он поднес перо к пергаменту, но чернила уже высохли. Старика это нисколько не огорчило.

— Так и запишем, — продолжал он, — что девушка никогда не рожала, а также что на теле ее не обнаружены никакие застарелые знаки, шрамы, рубцы, следы, которые оставляют тяжелый труд, несчастные случаи, бурная жизнь. Подчеркиваю: речь идет о застарелых следах. Свежие следы на ее теле наличествуют в достатке. Девочку избивали. Хлестали, причем не отцовской рукой. Ногами, вероятно, пинали тоже.

Я обнаружил на ее теле весьма странный, я бы сказал, своеобразный знак... Хм... Запишем и это для блага науки... В паху, почти у самого срама, вытатуирована пунцовая роза.

Высогота сосредоточенно осмотрел очиненный конец пера, затем погрузил его в чернильницу. Однако на этот раз не забыл, с какой целью это сделал, — начал быстро покрывать листок ровными строками наклонного письма. Писал, пока чернила не высохли на перо.

— В полубреду она говорила и кричала. Однако акцент и характер произношения, если отбросить частые вкрапления непристойностей, взятых из жаргона преступников, не позволяют сказать что-либо с абсолютной уверенностью, но я рискнул бы утверждать, что ее родина скорее всего Север, нежели Юг. Отдельные слова...

Он снова поскрипел пером по пергаменту, правда, не очень долго, и даже очень недолго, чтобы успеть записать все только что сказанное. Затем продолжил монолог прямо с того места, где прервал его:

— Некоторые выражения, слова, имена и названия, произнесенные в бреду, следовало бы запомнить. И впоследствии изучить. Все указывает на то, что весьма — к тому же весьма — необычная особа нашла тропинку к хибаре старого Высоготы...

Он немного помолчал, прислушался.

— Только бы, — пробормотал он, — хибара старого Высоготы не оказалась завершением ее пути.

Высогота склонился над пергаментом и даже поднес к нему перо, но не написал ничего, ни единой руны. Бросил перо на стол. Несколько секунд сопел, раздраженно ворчал, сморкался. Поглядел на топчан, прислушался к исходящим оттуда звукам.

— Необходимо отметить и записать, — сказал он утомленно, — что все обстоит очень скверно. Мои старания и процедуры могут оказаться недостаточными, а усилия тщетными, ибо опасения были обоснованными. Рана заражена. Девочка вся в огне. Уже выступили три из четырех основных признаков резкого воспалительного процесса. *Rubor, calor и tumor*. В данный момент они легко обнаруживаются визуально и на ощупь. Когда пройдет постпроцедурный шок, проявится и четвертый симптом — *dolor**.

Запишем: почти столетия минуло с того дня, как я занимался медицинской практикой. Чувствую, как годы иссушают мою память и снижают ловкость моих пальцев. Я уже мало что делать умею и еще меньше сделать могу. Вся надежда на защитные механизмы юного организма.

* *Rubor* — краснота; *calor* — повышенная температура; *tumor* — припухлость; *dolor* — боль, страдания (*лат.*).

* * *

— Двенадцатый час после процедуры. Как и ожидалось, наступило четвертое кардинальное проявление признаков заражения: *dolor*. Больная кричит от боли, поднимается температура, усиливается фебра*. У меня нет ничего, никаких средств, которые можно было бы ей дать. Есть лишь небольшое количество датурового эликсира**, но девочка слишком слаба, чтобы выдержать его действие. Есть также немного борца, но борец ее наверняка убьет.

— Пятнадцатый час после процедуры. Рассвет. Больная без сознания. Температура резко возрастает. Фебра усиливается. Кроме того, наблюдаются сильные спазмы лицевых мышц. Если это столбняк — девочке конец. Вся надежда на то, что это просто сокращения лицевого либо тройничного нерва. Либо и того, и другого... Тогда девочка будет обезображена... Но жить будет...

Высогота глянул на пергамент, на котором не увидел ни одной руны, ни единого слова.

— При условии, — глухо пробормотал он, — что нет заражения.

— Двадцатый час после процедуры. Температура поднимается. *Rubor, calor, tumor* и *dolor* подходят, как мне кажется, к кризисной точке. Но у девочки нет шансов дотянуть хотя бы до этих границ. Так и запишу... Я, Высогота из Корво, не верю в существование богов. Но если они случайно все же существуют, то пусть возьмут под свое крыло эту девочку. И да простят мне то, что я сделал... Если то, что я сделал, окажется ошибкой.

Высогота отложил перо, потер припухшие и свербящие веки, прижал ладони к вискам.

— Я дал ей смесь датуры и аконита, — глухо сказал он. — В ближайшие часы должно решиться все...

Он не спал, а лишь дремал, когда из дремы его вырвали стук и удары, сопровождаемые стоном. Стоном скорее ярости, чем боли.

На дворе светало, сквозь щели в ставнях сочился слабый свет. Песок в часах пересыпался до конца, причем уже давно — Высогота, как всегда, забыл их перевернуть. Каганчик едва тлел, рубиновые угли в камине слабо освещали угол комнатухи. Старик встал, отдернул сляпанную на скорую руку занавеску из покрывал, которой отгородил топчан от остальной части комнаты, чтобы обеспечить больной покой.

Девочка уже ухитрилась подняться с пола, на который только что скатилась, и теперь сидела, сгорбившись на краю постели, пытаясь почесать лицо, обмотанное перевязкой.

* дрожь.

** от лат. *datura* — дурман.

— Я же просил не вставать, — кашлянул Высогота. — Ты слишком слаба. Если чего-то хочешь, крикни. Я всегда рядом.

— А я вот как раз и не хочу, чтобы ты был рядом, — сказала она тихо, вполголоса, но вполне внятно. — Мне надо помочиться.

Когда он вернулся, чтобы забрать ночной горшок, она лежала на топчане, ощупывая материю, прижатую к щеке лентами и охватывающую лоб и шею. Когда минуту спустя Высогота снова подошел к ней, она не пошевелилась, чтобы изменить позу, а лишь спросила, глядя в потолок:

— Четверо суток, говоришь?

— Пятеро. После нашего последнего разговора прошли еще сутки. Все это время ты спала. Это хорошо. Тебе сон необходим.

— Я чувствую себя лучше.

— Рад слышать. Снимем повязку. Я помогу тебе сесть. Возьми меня за руку.

Рана затягивалась хорошо и не мокла. На этот раз почти не пришлось с болью отрывать тряпицу от струпа. Девушка осторожно дотронулась до щеки. Поморщилась. Высогота знал, что причиной была не только боль. Всякий раз она заново убеждалась в размерах раны и понимала, сколь она серьезна. С ужасом убеждалась, что то, что раньше она чувствовала прикосновением, не было кошмаром, вызванным температурой.

— У тебя есть зеркало?

— Нет, — солгал он.

Она взглянула на него, пожалуй, впервые совершенно осознанно.

— Стало быть, все настолько плохо. — Она осторожно провела пальцами по швам.

— Рана очень обширная, — прогудел он, злясь на себя за то, что вынужден объяснять и извиняться перед девчонкой. — Опухоль на лице все еще не спадает. Через несколько дней я сниму швы, а пока буду прикладывать арнику и вытяжку из вербены. Не стану обматывать всю голову. Рана хорошо заживает. Поверь мне — хорошо.

Она не ответила. Пошевелила губами, подвигала челюстью, морщила и кривила лицо, проверяя, что рана делать позволяет, а чего нет.

— Я сварил бульон из голубя. Поешь?

— Поем. Только теперь попробую сама. Унизительно, когда тебя кормят будто парализичку.

Она ела долго. Деревянную ложку подносила ко рту осторожно и с таким трудом, словно та весила фунта два. Но справилась без помощи Высоготы, с интересом наблюдавшего за ней. Высогота был любознательным и сгорал от нетерпения, зная, что одновременно с выздоровлением девушки начнутся разговоры, которые могут прояснить загадку. Он знал — и не мог дождаться этой

минуты. Он слишком долго жил в одиночестве, в отрыве от людей и мира.

Девушка кончила есть, откинулась на подушки. Некоторое время неподвижно глядела в потолок, потом слегка повернула голову. Невероятно большие зеленые глаза — в который раз отметил Высогота — придавали ее лицу невинного детское выражение, в данный момент, однако, противоречащее жутко искащенной щеке. Высогота знал такой тип красоты — большеглазый вечный ребенок, лицо, вызывающее инстинктивную симпатию. Вечная девочка, даже когда двадцатый или тридцатый дни рождения давно останутся в прошлом. Да, конечно, Высогота прекрасно знал этот тип красоты. Такой была его вторая жена. Такой же была его дочь.

— Мне надо отсюда бежать, — неожиданно сказала девушка. — И как можно скорее. За мной гонятся. Ты же знаешь.

— Знаю, — подтвердил он. — Это были твои первые слова, которые вовсе не были бредом. Точнее — одни из первых. Потому что прежде всего ты спросила о своем коне и своем мече. Именно в такой последовательности. Когда я заверил тебя, что и конь, и меч под надежным присмотром, ты заподозрила меня в соучастии какому-то Бонарту и решила, что я не лечу тебя, а подвергаю пыткам надежды. Когда я не без труда вывел тебя из заблуждения, ты назвалась Фалькой и поблагодарила меня за спасение.

— Это хорошо. — Она отвернулась, словно опасалась смотреть ему в глаза. — Хорошо, что не забыла поблагодарить. Все, что случилось, я помню как бы сквозь туман. Не знаю, что было явью, а что сном. И боялась, что не поблагодарила. Меня зовут не Фалька.

— Об этом я тоже узнал, хотя скорее всего случайно. Ты разговаривала в бреду.

— Я беглянка, — сказала она, не поворачиваясь. — Беглец. Укрывать меня опасно. Опасно знать, как меня в действительности зовут. Мне надо лезть в седло и выматываться, пока они не добрались сюда.

— Ты только что, — мягко сказал он, — с трудом села на горшок. Что-то я не представляю себе, как ты залезешь в седло. Но уверяю: здесь безопасно. Здесь тебя никто не отыщет.

— За мной наверняка гонятся. Идут по следу, перепахивают все кругом...

— Успокойся. Ежедневно идут дожди, следы найти невозможно. А ты на безлюдье, у отшельника. В доме пустычника, который отринул себя от мира или мир от себя так, чтобы миру тоже нелегко было бы его отыскать. Впрочем, если ты так хочешь, я могу найти способ передать весть о тебе твоим родным или друзьям.

— Ты даже не знаешь, кто я...

— Ты — раненая девушка, — прервал он. — Убегающая от кого-то, кто не задумываясь ранит девушек. Хочешь, чтобы я кому-нибудь сообщил о тебе?

— Некому сообщать, — после краткого молчания ответила она. Высогота уловил, как изменился ее голос. — Мои друзья погибли. Все до единого.

Он промолчал.

— Я — смерть, — продолжала она странным голосом. — Каждый, кто сталкивается со мной, умирает.

— Не каждый, — возразил он, внимательно глядя на нее. — Не Бонарт, тот, чье имя ты выкрикивала в бреду, тот, от которого собираешься теперь убежать. Ваше столкновение навредило больше тебе, чем ему. Это он... ранил тебя в лицо?

— Нет. — Она сжала губы, чтобы приглушить то ли стон, то ли ругательство. — В лицо меня ранил Филин. Стефан Скеллен. А Бонарт... Бонарт ранил гораздо сильнее. Глубже. Что, я и об этом тоже говорила в бреду?

— Успокойся. Ты ослабла, тебе нельзя перевозбуждаться.

— Меня зовут Цири.

— Я сделаю тебе компресс из арники, Цири.

— Подожди... немножко. Дай мне зеркало.

— Я же сказал...

— Пожалуйста!

Высогота решил, что дальше оттягивать не стоит. Принес даже каганчик, чтобы она могла лучше рассмотреть, что сотворили с ее лицом.

— Ну да, — сказала она изменившимся, ломким голосом. — Ну да. Так я и думала. Почти так, как я думала.

Он вышел, задернув за собой занавеску.

Она старалась всхлипывать совсем тихо, так, чтобы он не слышал. Очень старалась.

Через день Высогота снял половину швов. Цири ошупала щеку, пошипела как змея, жалуясь на сильную боль около уха и большую чувствительность шеи в районе челюсти. Однако встала, оделась и вышла во двор. Высогота не возражал и сопровождал ее. Помогать или поддерживать надобности не было. Она была здорова и гораздо сильнее, чем можно было предполагать.

Покачнулась лишь, когда выходила, и прислонилась к дверному косяку.

— Однако... — Она подавилась воздухом. — Ну и холодина! Мороз, верно? Уже зима? Сколько же времени я здесь провалялась? Сколько недель?

— Ровно шесть дней. Сегодня пятое октября. Но октябрь обещает быть очень холодным.

— Пятое октября? — Она поморщилась, ойкнула от боли. — Это как же так... Две недели?

— Что? Какие две недели?

— Не важно, — пожала она плечами. — Может, я что-то путаю... А может, и не путаю. Скажи, чем тут так жутко несет?

— Шкурами. Я ловлю ондатр, бобров, нутрий и выдр, выделываю шкуры. Ведь отшельникам тоже надо на что-то жить.

— Где моя коняга?

— В овчарне.

Вороная кобыла встретила пришедших громким ржанием, а коза Высоготы поддержала ее бляением, в котором прозвучало явное недовольство необходимостью делить обиталище с другим жильцом. Цири обхватила лошадь за шею, пошлепала, погладила по загривку. Кобыла фыркала и гребла копытом солому.

— Где мое седло? Упряжь? Чепрак?

— Здесь.

Он не возражал, не делал замечаний, не высказывал своего мнения. Просто молчал, опираясь на палку. Не пошевелился, когда она застонала, пытаясь поднять седло, не дрогнул, когда покачнулась под грузом и тяжело, с громким стоном хлопнулась на застеленный соломой глинобитный пол. Не подошел, не помог встать. Просто внимательно смотрел.

— Ну да, — проговорила она сквозь стиснутые зубы, отталивая кобылу, пытавшуюся сунуть ей нос за воротник. — Все ясно. Но я должна отсюда бежать, холера меня заberi! Попросту должна!

— Куда? — холодно спросил он.

Она пощупала лицо, продолжая сидеть на соломе рядом с упущенным седлом.

— Как можно дальше.

Он кивнул, словно ответ его удовлетворил, сделав все ясным и понятным и не оставив места домыслам. Цири с трудом поднялась, даже не пытаясь наклониться за седлом и упряжью. Только проверила, есть ли у кобылы сено и овес в колоде, а потом принялась протирать спину и бока лошади пучком соломы. Высогота молча ждал и дождался. Девушка, побледнев как полотно, покачнувшись, ее понесло на столб, поддерживавший крышу. Высогота молча подал ей палку.

— Со мной все в порядке. Прости...

— У тебя просто закружилась голова. Ты больна и слаба, как новорожденная. Возвращаемся. Тебе надо лечь.

После захода солнца, проспав несколько часов, Цири вышла снова. Высогота, возвращаясь от реки, натолкнулся на нее около живой изгороди из ежевичных кустов.

— Не отходи слишком далеко от дома, — сказал он резко. — Во-первых, ты очень ослабла...

— Я чувствую себя лучше.

— Во-вторых, это опасно. Вокруг обширная трясина, бесконечные камыши. Ты не знаешь тропок, можешь заблудиться или утонуть.

— А ты, — она указала на мешочек, который он ташил, — тропки, конечно, знаешь. И даже не очень далеко по ним ходишь, стало быть, болото не очень и велико. Дубишь шкуры, чтобы жить, понятно. У Кэльпи, моей кобылы, не переводится овес, а поля тут что-то не видать. Мы едим кур и каши. И хлеб. Настоящий хлеб, не лепешки, что на поду пекут. Хлеба ты от траппера не получишь. А значит, неподалеку есть деревня.

— Железная логика, — спокойно согласился он. — И верно, провизию я получаю в ближнем селе. Самом ближнем, но вовсе не близком, лежащем на краю болота. Трясина прилегает к реке. Я обмениваю шкуры на пищу, которую мне привозят лодкой, на хлеб, крупу, муку, соль, сыр, иногда кролика или курицу. Порой привозят известия.

Вопроса он не дождался, поэтому продолжал:

— Орава конных за время погони дважды побывала в деревне. Первый раз предупредили, чтобы тебя не прятать, пригрозили мужикам огнем и мечом, если тебя в селе прихватят. Второй — обещали награду. За то, что найдут труп. Твои преследователи убеждены, что ты валяешься мертвая в лесах, в каком-нибудь яре или ложине.

— И не успокоятся, — проворчала она, — пока не отыщут труп. Уж это я знаю хорошо. Им нужно доказательство, что я подохла. Без такого доказательства они не откажутся от поисков. Будут тыркаться всюду. В конце концов доберутся до тебя.

— Это им очень важно, — заметил Высогота. — Я бы даже сказал, невероятно важно...

Цири стиснула зубы.

— Не бойся. Я уеду прежде, чем они меня найдут. Тебя не подставлю... Не бойся.

— С чего ты взяла, что я боюсь? — пожал он плечами. — Что, у меня есть причина бояться? Сюда не пройдет никто, никто тебя здесь не выследит. Но вот если ты высунешь нос из камышей, то точно попадешь своим преследователям в лапы.

— Иначе говоря, — гордо вскинула она голову, — я должна здесь остаться? Это ты хотел сказать?

— Ты не под арестом. Можешь уезжать, когда вздумаешь. Точнее — когда сумеешь. Но можешь остаться и переждать. Любые, даже самые горячие преследователи остывают. Рано или поздно. Всегда. Можешь поверить. Я в этом разбираюсь.

Ее зеленые глаза сверкнули, когда она взглянула на него.

— Впрочем, — быстро сказал он, пожимая плечами и уходя от ее взгляда, — поступай, как знаешь. Повторяю, я тебя не удерживаю.

— Однако сегодня, — вздохнула она, — я, пожалуй, не уеду. Слаба я еще. Да и солнце вот-вот зайдет... А я ведь тропок не знаю. Пошли-ка в хату. Озябла я что-то.

— Ты сказал, что я пролежала у тебя шесть суток. Это верно?

— А зачем мне врать?

— Не кипятись. Я стараюсь подсчитать дни... Я убежала... Меня ранили... в день Эквинокция. Двадцать третьего сентября. Если ты предпочитаешь считать по-эльфьему, то в последний день Ламмаса.

— Этого не может быть.

— А зачем мне врать? — крикнула она и застонала, схватившись за лицо.

Высогота спокойно глядел на нее.

— Не знаю зачем, — холодно сказал он. — Но я когда-то был лекарем, Цири. Очень давно, но я все еще умею отличить рафу, нанесенную десять часов назад, от раны, нанесенной четыре дня назад. Я нашел тебя двадцать седьмого сентября. Значит, ты была ранена двадцать шестого. На третий день Велена, если предпочитаешь считать по-эльфьему. Через три дня после Эквинокция.

— Меня ранили в самый Эквинокций.

— Это невозможно, Цири. Ты наверняка напутала даты.

— Наверняка нет. Это у тебя какой-то устаревший отшельничий календарь.

— Пусть так. А это так уж важно?

— Нет. Абсолютно нет.

Спустя три дня Высогота снял последние швы. У него были все основания быть довольным и гордиться своим делом — линия шва была ровная и чистая, опасаться отметин, оставленных грязью, было нечего. Однако удовольствие слегка подпортил вид Цири, в утробном молчании рассматривавшей шрам в зеркале, которое она поворачивала и так, и этак и безуспешно пыталась прикрыть шрам волосами, зачесывая их на щеку. Шрам уродовал. Факт оставался фактом, и тут никакие парикмахерские ухищрения не помогали. Нечего было пытаться изображать дело так, будто все выглядит иначе. Красный, толщиной с веревку, помеченный следами иглы и вмятинами от ниток шрам выглядел чудовищно. Конечно, краснота и следы иглы и ниток могли постепенно — к тому же довольно скоро — исчезнуть. Однако Высогота знал, что никаких

шансов на то, что шрам исчезнет вообще и перестанет уродовать лицо, у Цири не было.

Девушка чувствовала себя значительно лучше, но, к удивлению и удовольствию Высоготы, почему-то вообще больше не заговаривала об отъезде. Выводила из овчарни вороную Кэльпи — Высогота знал, что у нордлингов словом «кэльпи» обозначают морщина, грозное морское существо, которое, если верить молве, способно принимать облик красивейшего жеребца, дельфина и даже очаровательной женщины, хотя обычно напоминает спутанный клубок трав. Цири седлала кобылу и несколько раз объезжала дворик вокруг хаты. Затем Кэльпи возвращалась в овчарню составить общество козе, а Цири направлялась в хату, дабы составить общество Высоготе. Даже — скорее всего от скуки — помогала ему заниматься шкурами. Когда он сортировал нутрий по размерам и оттенкам, она разделявала шкурки ондатр вдоль спинки и брюшка, пользуясь при этом введенной внутрь шкурки дощечкой. Пальцы у нее были невероятно ловкие.

Именно во время этого занятия и возник у них достаточно странный разговор.

— Ты не знаешь, кто я. Ты даже не догадываешься, кто я такая.

Цири несколько раз повторила свое утверждение и этим вызвала у него легкое раздражение. Конечно, по его виду она об этом догадаться не могла. Выдай он свои чувства перед такой соплячкой, это оскорбило бы его. Нет, такого он допустить не мог, но не мог не выдать и разбিরавшего его любопытства.

Любопытства в общем-то бесосновательного, потому что в принципе он вполне мог бы догадаться, кто она такая. Во времена юности Высоготы молодежные банды тоже не были редкостью. Прошедшие годы не могли приглушить магнетической силы, привлекавшей в такие шайки молокососов, алчущих приключений и сильных ощущений. Очень часто им же самим на погибель. О малолетках, похваляющихся шрамами на лицах, можно было сказать, что им крупно повезло, ибо тех, кому повезло меньше, ждали пытки, шибеница, крюк или кол.

Да, со времен Высоготовой юности изменилось только одно: эмансипация прогрессировала. В банды тянулись не только подростки, но и сбрендившие девчонки, предпочитавшие коня, меч и приключения спицам, кудели и ожиданию сватов.

Конечно, Высогота не сказал ей всего этого напрямик. А поведал уклончиво. Но так, дабы она поняла, что он это знает. Дабы ей стало ясно, что если кто-то здесь и является загадкой, то, уж конечно, не она — чудом избежавшая облавы малолетняя разбойни-

ца из банды таких же малолетних паршивцев. Изувеченная соплячка, пытающаяся окружить себя ореолом таинственности...

— Ты не знаешь, кто я. Но не бойся. Я скоро уеду. Не стану подвергать тебя опасности.

Высогота не выдержал.

— Не грозит мне никакая опасность, — сказал он сухо. — Да и что вообще может грозить? Даже если преследователи явятся сюда, в чем я весьма сомневаюсь, что плохого могут они мне сделать? Конечно, оказание помощи беглым преступникам наказуемо, но это не касается отшельников, поскольку отшельник не знаком со светскими установлениями. Я вправе принимать любого, попавшего в мою обитель. Ты верно сказала: я не знаю, кто ты такая. Откуда мне, отшельнику, знать, кто ты, что натворила и за что тебя преследует закон? Да и какой закон? Ведь я даже не знаю, чьи законы действуют в здешних краях, под чьей и какой юрисдикцией они находятся. И меня это не интересует. Я — отшельник.

Он немного перебрал с этим отшельничеством. И сам чувствовал это. Но не отказался — ее яростные зеленые глаза кололи его словно шпоры.

— Я — убогий пустынный. Умерший для мира и дел его. Я — человек простой и необразованный, мировых проблем не знающий...

Вот тут-то он явно переборщил.

— Как же! — взвизгнула она, отбрасывая шкурку и нож на пол. — Дурочкой меня считаешь, да? Нет, я не дурочка, и не думай. Пустынный убогий! Когда тебя не было, я тут кое-что высмотрела. Заглянула туда, в угол, за не очень чистые занавески. Откуда, интересно знать, на полках взялись ученые книги, скажи, ты, человек простой и необразованный?

Высогота бросил шкурку нутрии на кучку.

— Когда-то здесь жил сборщик налогов, — сказал он небрежно. — Это кадастры и бухгалтерские книги.

— Бреешь, — поморщилась Цири, массируя шрам. — Ведь прям в глаза врешь!

Он не ответил, прикинувшись, будто оценивает оттенок очередной шкурки.

— Может, думаешь, — снова заговорила девушка, — что если у тебя седая борода, морщины во весь лоб и сто лет за плечами, так ты можешь запросто обьегорить такую наивную молодку, как я, а? Ну, так я тебе скажу: первую попавшуюся, может, и обведешь вокруг пальца. Но я-то не первая попавшаяся.

Он высоко поднял брови в немом провокационном вопросе. Она не заставила себя долго ждать.

— Я, дорогой мой отшельничек, училась в таких местах, где было множество книг. В том числе и таких, что на твоих полках стоят. Многие из их названий мне знакомы.

Высогота еще выше поднял брови. Она глядела ему прямо в глаза.

— Странные речи, — процедила она, — ведет зачуханная замарашка, замызганная сиротинушка, а может, и вообще грабительница или бандитка, найденная в кустах с раздолбанной мордой. Однако неплохо бы тебе знать, милсдарь отшельник, что я читала Родерика де Новембра, просматривала, и не раз, труд под названием «*Materia medica*». Знаю «*Herbarius*», точно такой, как на твоей полке. Знаю также, что означает на корешках книг горностаевый крест на красном щите. Это знак, что книгу издал Оксенфуртский университет.

Она замолчала, продолжая внимательно наблюдать за Высоготой. Тот молчал, стараясь, чтобы его лицо ничего не выдавало.

— Поэтому я думаю, — сказала она, тряхнув головой свойственным ей гордым и немного резким движением, — что ты вовсе не простачок и не отшельник. И отнюдь не умер для мира, а сбежал от него. И скрываешься здесь, на безлюдье, укрывшись видимостью и... бескрайними камышами.

— Если все обстоит так, как ты говоришь, — улыбнулся Высогота, — то действительно преудивительно переплелись наши судьбы, начитанная ты моя девочка. Но ведь и ты тоже здесь скрываешься. Ведь и ты, Цири, умело укутываешь себя вуалью видимостей. Однако я человек старый, полный подозрений и прогоркшего старческого недоверия...

— Ко мне?

— К миру, Цири. К миру, в котором жульническая явь натягивает на себя маску истины, чтобы обжечь иную истину, кстати говоря, тоже фальшивую и тоже пытающуюся жульничать. К миру, в котором герб Оксенфуртского университета малюют на дверях борделей. К миру, в котором раненые разбойницы выдают себя за бывалых, ученых, а может, и благородных мазелей, интеллектуалок и эрудиток, цитирующих Родерика де Новембра и знакомых с гербом Академии. Вопреки всякой видимости. Вопреки тому, что сами-то носят со-о-овсем другой знак. Бандитский татуаж. Пунцовую розу, наколотую в паху.

— Верно, ты прав. — Она прикусила губу, а лицо покрылось таким густым румянцем, что розовая до того полоса шрама показалась черной. — Ты прогоркший старик. И въедливый дед.

— На моей полке, за занавеской, — указал он движением головы, — стоит «*Aen N'og Mab Teadh'morc*», сборник эльфьих сказок и рифмованных предсказаний. Есть там весьма подходящая к нашей ситуации и беседе история об уважаемом вороне и юной ласточке. А поскольку, Цири, я, как и ты, — эрудит, постольку я позволю себе привести соответствующую цитату. Ворон, как ты, несомненно, помнишь, обвиняет ласточку в легкомысленности и недостойной непоседливости.

Hen Cerbin dic'ss aen n'og Zireael
Aark, aark, caelm foile, te veloe, ell?
Zireael...

Он замолчал, поставил локти на стол, а подбородок положил на сплетенные пальцы. Цири тряхнула головой, выпрямилась, вызываясь глянула на него и закончила:

— ...Zireael veloe que'ss aen en'ssan irch
Mab og, Hen Cerbin, vean ni, quirk, quirk!

— Прогоркший и недоверчивый старик, — проговорил после недолгого молчания Высогота, не меняя позы, — приносит извинения юной эрудитке. Седой ворон, которому всюду мнятся предательство и обман, просит ласточку, единственная вина которой в том, что она молода, полна жизни и привлекательна, простить его.

— А вот теперь ты несешь напраслину! — воскликнула Цири, инстинктивно прикрывая шрам на лице. — Такие комплименты можешь держать при себе. Они не исправят кривых швов, которыми ты заметал мне кожу. И не думай, что такими фокусами ты добьешься моего доверия. Я по-прежнему не знаю, кто ты таков. Почему обманул меня относительно дней и дат. И с какой целью заглядывал мне меж ног, хотя ранена я была в лицо. И одним ли только заглядыванием все кончилось.

На этот раз ей удалось вывести его из равновесия.

— Да что ты вообразила, соплячка?! — крикнул он. — Да я тебе в отцы гожусь!

— В деды, — холодно поправила она. — В деды, а то и в прадеды. Но ты мне и не дед, и не прадед. И вообще я не знаю, кто ты таков. Только наверняка уж не тот, за кого себя выдаешь. Или хочешь, чтобы тебя за него принимали.

— Я — тот, кто нашел тебя на болоте, почти вмерзшей в мох, с черной коркой крови и тины вместо лица, без сознания, запаскудевшую и грязную. Я тот, кто взял тебя к себе в дом, даже не зная, кто ты такая, а предполагать имел право самое худшее. Кто перевязал тебя и уложил в постель. Лечил, когда ты умирала от лихоманки. Ухаживал. Мыл. Всю. В районе татуировки тоже.

Она снова покраснела, но в глазах по-прежнему стоял наглый вызов.

— На этом свете, — проворчала она, — жульническая явь частенько прикидывается истиной, ты сам так сказал. Я тоже, представь себе, немного знаю свет. Ты спас меня, перевязал, ухаживал. За это тебя благодарю. Я благодарна тебе за... доброту. Но ведь я знаю, что не бывает доброты без...

— Без расчета и надежды на выгоду, — закончил он с улыбкой. — Да-да, конечно. Я человек бывалый, возможно, даже знаю мир не хуже тебя, Цири. Раненых девочек, как известно, обдирают со всего, что имеет хоть какую-то ценность. Если они без сознания или слишком слабы, чтобы защищаться, то обычно дают волю своим похотям и страстям, порой прибегая к развратным и противным натуре приемам. Верно?

— Внешность очень часто бывает обманчива, — ответила Цири, в очередной раз заливаясь румянцем.

— Ах, какое верное утверждение. — Старик бросил очередную шкурку на соответствующую кучку. — И так же верно ведущее нас к заключению, что мы, Цири, ничего не знаем друг о друге. Перед нами лишь внешность, а ведь она бывает так обманчива.

Он переждал немного, но Цири не спешила отвечать.

— Хотя нам обоим и удалось проделать нечто вроде неглубокой разведки, мы по-прежнему ничего друг о друге не знаем. Я не знаю, кто такая ты, ты не знаешь, кто такой я...

На этот раз он молчал не случайно. Она глядела на него, а в ее глазах затаился вопрос, которого он и ожидал. Что-то странное сверкнуло в них, когда она заговорила:

— Кто начнет первым?

Если б в сумерки кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся и обомшелой стрехой, если б заглянул внутрь, то при свете каганка и тлеющих в камине углей увидел бы седобородого старика, склонившегося над кипой шкур. Увидел бы пепельноволосую девушку с безобразным шрамом на щеке, совершенно не сочетающимся с огромными, как у ребенка, зелеными глазами.

Но увидеть этого не мог никто. Хата стояла в камышах, на трясине, на которую никто не отваживался ступить.

— Меня зовут Высогота из Корво. Я был лекарем. Хирургом и алхимиком. Был исследователем, историком, философом, этиком. Я был профессором Оксенфуртской Академии. Мне пришлось отсюда бежать после опубликования некоего труда, который сочли безбожным, за что тогда, пятьдесят лет назад, грозила смертная казнь. Мне пришлось эмигрировать. Жена последовать за мной не пожелала и бросила меня. Остановился я лишь далеко на юге, в Нильфгаардской империи. Стал преподавать этику в Императорской Академии в Кастель Граупиане и проработал там почти десять лет. Однако и отсюда вынужден был бежать после того, как опубликовал некий трактат... Между прочим, труд этот рассматривал проблему тоталитарной власти и преступного характера завоевательных войн, но официально произведение и меня обвинили в метафизическом мистицизме и кле-

рикальной схизме. Сочли, что я действовал по наущению экспансивных и ревизионистских жреческих групп, реально правивших королевствами нордлингов. Довольно забавно в свете смертного приговора, вынесенного мне за атеизм двадцатью годами раньше. Впрочем, к тому времени экспансивные жрецы на Севере уже давно были забыты. Но в Нильфгаарде этого не учитывали. Брачные узы мистицизма и суеверия с политикой преследовались и сурово наказывались.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что, если б покорился и раскаялся, может, сфабрикованное против меня дело и развалилось бы, а император ограничился б немилостью и не стал применять драконовы меры. Но я был зол, раздражен и убежден в своих истинах, которые считал вневременными, стоящими выше той или иной власти либо политики. Я почитал себя обиженным, причем обиженным несправедливо. Тиранически. Поэтому установил плотные контакты с диссидентами, тайно порицающими тирана. Не успел я оглянуться, как уже сидел вместе с диссидентами в узилище, а некоторые из «сокамерников», стоило им увидеть инструменты допросов, тут же указали на меня как на главного идеолога движения.

Император воспользовался своим правом помилования, однако осудил меня на изгнание и пригрозил немедленно расправиться в случае возвращения на имперские земли.

Я обиделся на весь мир, на королевства, империи и университеты, на диссидентов, чиновников, юристов. На коллег и друзей, которые при первом же намеке на опасность отреклись от меня. На вторую жену, которая, как и первая, считала, что неприятности мужа — вполне достаточный повод для развода. На детей, незамедлительно отказавшихся от меня. Я стал отшельником. Здесь, в Эббинге, на болотах Переплута. Унаследовал эту развалюху после одного пустынного, с которым мне случайно довелось познакомиться. К несчастью, Нильфгаард аннексировал Эббинг, и я, хотел я того или нет, снова оказался в Империи. У меня больше нет ни сил, ни желания продолжать скитания, поэтому я вынужден скрываться. Императорские приговоры не имеют сроков давности и остаются в силе даже в том случае, если вынесший их правитель давным-давно преставился, а у правящего нет поводов с приятностью вспоминать своего предшественника и разделять его взгляды. Смертный приговор остается в силе. Таков закон и обычай Нильфгаарда. Приговоры за измену государству не устаревают и не подлежат амнистии, которую каждый новый император непременно объявляет после коронации. В результате восхождения на престол нового императора амнистируются все, кто был обречен его предшественником... за исключением повинных в измене государству. Безразлично, кто правит в Нильфгаарде: если станет известно, что

я жив и нарушил приговор изгнания, пребывая на имперской территории, меня обезглавят на эшафоте.

Как видишь, Цири, мы оказались в совершенно равной ситуации.

— Что такое этика? Я знала, но забыла.

— Наука о морали. О правилах поведения благородного, порядочного, приличного и вежливого. О вершинах добра, на которые дух человеческий возносят справедливость и моральность. И о безднах зла, в которые низвергают человека порок и непорядочность.

— Вершины добра! — фыркнула Цири. — Справедливость! Моральность! Не смеши, не то у меня шрам на морде лопнет. Тебе повезло, что тебя не преследовали, не насылали на тебя охотников за наградами вроде Бонарта. Тогда б ты увидел, что это за штука — бездна зла. Этика? Дерьмо цена всей твоей этике, Высогота из Корво. Нет, Высогота, не порочных или непорядочных сбрасывают в бездну, нет! О нет! Как раз порочные, злые, но решительные сбрасывают туда моральных, порядочных и благородных, но, на свое несчастье, робких, колеблющихся и не в меру шепетильных.

— Благодарю за науку, — съехидничал Высогота. — Уверен, проживи хоть целый век, никогда не поздно чему-нибудь подучиться. Воистину, всегда стоит послушать бывалых, тертых, зрелых и опытных людей.

— Ну-ну, смейся, смейся, — тряхнула головой Цири. — Пока можешь. Потому как теперь моя очередь смеяться. Теперь я повеселю тебя повествованием. Расскажу, как было со мной. А когда закончу, поглядим, захочется ли тебе и дальше подъедывать меня.

Если б в тот день в сумерках кто-нибудь подобрался к избе с провалившейся стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупой освещенной комнатухе седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, сидящей на колоде у камина. Он заметил бы, что девушка говорит медленно, как бы с трудом подыскивая слова, нервно потирает изуродованную отвратительным рубцом щеку и долгими минутами молчания перемежает повествование о своих судьбах. Повествование о знаниях, которые получила и которые все, все до единого, оказались ложными и путанными. О клятвах, которые ей давали и которых не сдержали. Повествование о том, как предназначение, в которое ей должно было верить, подло обмануло ее и лишило наследства. О том, как всякий раз, когда она уже начинала верить, на нее обрушивались мытарства, боль, обида и презрение. О том, как те, которым она верила и любила, предали, не

пришли на помощь, когда она страдала, когда ей грозили унижение, мучение и смерть. Повествование об идеалах, которым ей полагалось следовать, но которые подвели, предали, покинули ее именно в тот момент, когда они были ей особенно нужны, доказав тем самым, сколь ничтожной оказалась их цена. О том, как помощь, дружбу — и любовь — она наконец нашла у тех, у кого, казалось бы, не следовало искать ни помощи, ни дружбы. Не говоря уж о любви.

Но этого никто не мог увидеть и тем более услышать. Хата с провалившейся и заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманами на топях, на которые никто не отважился бы ступить.

Вступая в зрелый возраст, юная дева начинает исследовать области жизни, до того ей недоступные, которые в сказках символизируются проникновением в таинственные башни и поисками укрытой там комнаты. Девушка взбирается на вершину башни, ступая по винтовой лестнице — лестницы в снах представляют собою символы эротических переживаний. Запретная комната, этот маленький, замкнутый на замок покой, символизирует вагину, а поворот ключа в замке — сексуальный акт.

Бруно Беттельгейм.
«The Uses of Enchantment,
the Meaning and Importance
of Fairy Tales»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Западный ветер нагнал ночную бурю.

Фиолетово-черное небо раскололось вдоль зигзага молнии, взорвалось рассыпчатым грохотом грома. Обрушившийся на землю дождь резко забарабанил по дорожной пыли густыми как масло каплями, зашумел по крышам, размазал грязь на пленках оконных пузырей. Но сильный ветер быстро разогнал ливень, отогнал грозу куда-то далеко-далеко, за испещренный молниями горизонт.

И тогда разлаялись собаки. Зазвенели копыта, забренчало оружие. Дикие крики и свист вздымали волосы на головах разбуженных кметов, в панике вскакивающих с постелей, подпирающих кольями двери и оконные рамы. Вспотевшие руки сжимали рукояти топоров, черенки вил. Сжимали крепко. Но бесполезно.

Террор, террор несясь по деревне. Преследуемые или преследователи? Вzbесившиеся от ярости или от ужаса? Пролетят, не задержат лошадей? Или же вот-вот осветится ночь огнем полыхающих крыш?

Тише, тише, дети...

Мама, это демоны? Это Дикий Гон? Привидения, вырвавшиеся из ада?

Мама, мама!

Тише, тише, дети! Это не демоны, не дьяволы.

Хуже.

Это люди.

Надрывались собаки. Завывал ветер. Звенели подковы.

Сквозь село и сквозь ночь мчалась разгульная ватага.

Хотспорн влетел на пригорок, сдержал и развернул коня. Он был предусмотрительным и осторожным. Не любил рисковать, тем более что осторожность ничего не стоила. Он не торопился спускаться вниз, к речке, к почтовой станции. Предпочитал сначала как следует приглядеться.

Около станции не было ни лошадей, ни телег, стоял там лишь один фургончик, запряженный парой мулов. На тенте виднелась надпись, которую Хотспорн издали прочесть не мог. Но опасностью не пахло. Опасность Хотспорн учуять умел. Хотспорн был профессионалом.

Он спустился на заросший кустарником и ивняком берег, решительно послал коня в реку, галопом прошел меж бьющих выше седла всплесков воды. Ныряющие вдоль берега утки разлетелись с громким криканьем.

Хотспорн подогнал коня, через раскрытую заграду въехал во двор станции. Теперь уже можно было прочесть надпись на тенте фургона:

МЭТР АЛЬМАВЕРА, ИСКУСНИК ТАТУИРОВКИ

Каждое слово было намалевано другим цветом и начиналось с преувеличенно огромных, изящно изукрашенных букв. А на корпусе фургона, повыше переднего колеса, красовалась выведенная пурпурной краской небольшая стрела с раздвоенным наконечником.

— С коня! — услышал он за спиной. — На землю, да поживее! Руки прочь от меча!

Его поймали и беззвучно окружили: справа — Ассе в черной кожаной курточке, расшитой серебром, слева — Фалька в зеленом замшевом кафтанчике и берете с перьями. Хотспорн стянул капюшон, закрывавший лицо.

— Ха! — Ассе опустил меч. — Это вы, Хотспорн. Я бы узнал, но меня обманул ваш воронок.

— Но хороша кобылка! — восторженно сказала Фалька, сдвигая берет на ухо. — Черна и блестит как уголь, ни волоска посветлее. А стройна! Ух, красавица!

— Да уж, такая вот досталась за неполные сто флоренов, — небрежно улыбнулся Хотспорн. — Где Гиселер? Внутри?

Ассе кивнул. Фалька, зачарованно глядя на кобылу, пошлапла ее по шее.

— Когда мчалась через воду, — она подняла на Хотспорна большие зеленые глаза, — то была словно настоящая кэльпи! Если б вынырнула из моря, а не из речки, не поверила бы, что это не настоящая кэльпи.

— А ты, Фалька, когда-нибудь видела настоящую кэльпи?

— На картинке. — Девушка вдруг погрустнела. — А, чего болтать-то. Пошли в дом. Гиселер ждет.

У окна, дающего немного света, стоял стол. На столе, опираясь о крышку локтями, полулежала Мистле, совершенно го-

лая ниже пояса. На ней не было ничего, кроме черных чулок. Между нескромно раздвинутыми ногами копошился худой, длинноволосый тип в грязном халате. Это не мог быть никто иной, как только мэтр Альмавера, искусник татуировки, поскольку он то как раз и был занят тем, что выкалывал на ляжке Мистле цветную картинку.

— Подойди ближе, Хотспорн, — пригласил Гиселер, отодвигая табурет от дальнего стола, за которым сидел с Искрой, Кайлем и Реефом. Двое последних, как и Ассе, тоже были одеты в черную телячью кожу, усеянную застежками, кнопками, цепочками и другими изысканными украшениями из серебра. «Какой-то ремесленник здорово подзаработал», — подумал Хотспорн. Крысы, когда на них находил стих и распирало желание помодничать, платили портным, сапожникам и шорникам воистину по-королевски. Ясное дело, они никогда не упускали случая сорвать с подвергшегося нападению человека одежду либо финтифлюшки, попавшиеся на глаза.

— Вижу, ты нашел нашу цедулю в развалинах старой станции, — потянулся Гиселер. — Да что я, иначе б тебя тут не было. Надо признать, быстренько ты явился.

— Потому как кобыла хороша, — вставила Фалька. — Поспору, что и резвая!

— Я ваше сообщение нашел. — Хотспорн не сводил глаз с Гиселера. — А как с моим? Дошло?

— Дошло... — кивнул головой крысиный главарь. — Но... Но, чтоб не разводиться... У нас тогда не было времени. А потом мы упились, и пришлось малость передохнуть. А позже другой нам путь вышел...

«Говнюки», — подумал Хотспорн.

— Короче говоря, ты поручение не выполнил?

— Угу. Прости, Хотспорн. Некогда было... Но в другой раз, хо-хо. Обязательно!

— Обязательно! — высокопарно подтвердил Кайлей, хоть никто его об этом не просил.

«Чертовы безответственные говнюки. Перепились. А потом, ишь ты, другая дорога им вышла. К портняжкам за завитушками и цацками, не иначе!»

— Выпьешь?

— Благодарю. Нет.

— А может, отведаешь этого? — Гиселер указал на стоящую среди бутылей и кубков разукрашенную лаковую шкатулочку. Хотспорн уже знал, почему глаза у Крыс так блестят, почему их движения такие нервные и быстрые.

— Первокласный порошок, — заверил Гиселер. — Не возьмешь щепотку?

— Благодарю, нет. — Хотспорн многозначительно указал на кровавое пятно на полу и уходящий в каморку след на половиках, явно говорящий, куда и когда утащили труп. Гиселер заметил взгляд.

— Один типчик тут больно шустрый собрался героя из себя строить, — фыркнул он. — Ну так Искре пришлось его маленько пожурить.

Искра гортанно засмеялась. Сразу было видно, что наркотика они принимали сверх меры.

— Да так пожурила, что он кровью захлебнулся, — похвалилась она. — Ну а тогда другие сразу поутихли. Это называется «террор»!

Она, как обычно, была увешана драгоценностями, даже в крылышке носа красовалось колечко с бриллиантом. Она носила не кожу, а вишневого цвета кафтанчик с парчовым рисунком, уже достаточно знаменитый, чтобы считаться последним писком моды у золотой молодежи из Турна. Как, впрочем, и шелковый платочек, которым повязал голову Гиселер. Хотспорну уже доводилось слышать о девушках, которые стриглись «под Мистле».

— Это называется «террор», — задумчиво повторил он, продолжая рассматривать кровавую полосу на полу. — А хозяин станции? А его жена? Сын?

— Нет-нет, — поморщился Гиселер. — Думаешь, мы всех поубили? Что ты! В чулане их временно заперли. Теперь, как видишь, станция наша.

Кайлей громко прополоскал рот вином, выплюнул на пол. Маленькой ложечкой набрал из шкатулки немного фисштеха, как они именовали наркотик, осторожно высыпал на послунявленный кончик указательного пальца и втер себе в десну. Подал шкатулку Фальке, та повторила ритуал и передала порошок Реефу. Нильфгаардец отказался, занятый просмотром каталога цветных татуировок, и передал шкатулку Искре. Эльфка отдала ее Гиселеру, не воспользовавшись.

— Террор, — буркнула она, щуря блестящие глаза и шмыгая носом. — Мы станцию держим под террором! Император Эмгыр весь мир так держит, а мы только эту халупу. Но принцип тот же!

— А-а-а-а, хрен ты возьми! — взвыла на столе Мистле. — Ты гляди, чего колешь! Сделаешь еще раз так, я тебя так кольну! На-сквозь пройдет!

Крысы — кроме Фальки и Гиселера — расхотались.

— Коли ее, мэтр, коли, — добавил Кайлей. — Она промежду ног закаленная!

Фалька грубо выругалась и запустила в него кубком. Кайлей увернулся. Крысы снова зашлись хохотом.

— Стало быть, так. — Хотспорн решил положить конец веселью. — Станцию вы держите под террором. А зачем? Ежели отбросить удовольствие, проистекающее из терроризирования?

— Мы здесь, — ответил Гиселер, втирая себе фисштех в десну, — вроде караул стоим. Кто сюда явится, чтобы коней сменить или передохнуть, того мы обдираем. Это удобнее, чем где на перекрестках или в чащобе при тракте. Хотя, как только что сказала Искра, принцип тот же.

— Но сегодня, с рассвета, только этот нам попался, — вставил Рееф, показывая на Альмаверу, почти с головой скрывшегося между разведенными ляжками Мистле. — Голодранец, как всякий искусник, ничего у него не было, ну так мы его с его искусства обдираем. Киньте глаз, какой он способный к рисованию.

Рееф натянул рукав и показал татуировку — обнаженную женщину, шевелящую ягодицами, когда он сжимал кулак. Кайлей тоже похвастался: вокруг его руки, повыше шипастого браслета, извивался зеленый змей с раскрытой пастью и пурпурным раздвоенным языком.

— Со вкусом сделано, — равнодушно сказал Хотспорн. — И полезно при распознавании трупов. Ничего у вас из грабежа не получилось, дорогие Крысы. Придется заплатить художнику за его искусство. У меня не было времени предупредить вас: вот уже семь дней, с первого сентября, знаком является пурпурная стрела с раздвоенным наконечником. Как раз такая намалевана на фуре.

Рееф тихо выругался. Кайлей рассмеялся. Гиселер равнодушно махнул рукой.

— Ничего не поделаешь. Оплатим ему иглы и краску. Пурпурная стрела, говоришь? Запомним. Если до утра еще такой со знаком стрелы появится, мы ему плохого не сделаем.

— Собираетесь торчать здесь до утра? — немного неестественно удивился Хотспорн. — Неразумно, Крысы. Рискованно и небезопасно.

— Чего-чего?

— Рискованно, говорю, и небезопасно.

Гиселер пожал плечами, Искра фыркнула и сморкнулась на пол. Рееф, Кайлей и Фалька глядели на купца так, словно он только что сообщил им, что, мол, солнце свалилось в речку и надобно его быстренько оттуда выловить, пока раки не ошипали. Хотспорн понял, что пытался образумить спятивших сопляков. Что предостерег перед риском и опасностью переполненных дурью и бравадой фанфаронов, которым понятие страха совершенно чуждо.

— Преследуют вас, Крысы.

— Ну и что за беда?

Хотспорн вздохнул.

Беседу прервала Мистле, которая подошла к ним, не потрудившись даже одеться. Поставила ногу на лавку и, крутя бедрами, продемонстрировала всем и вся произведение мэтра Альмаверы: пунцовую розу на зеленой веточке с двумя листочками, помещенную на ляжке почти в самом паху.

— Ну как? — спросила она, уперев руки в боки. Ее браслеты, доходящие почти до локтей, бриллиантово блеснули. — Что скажете?

— Прелэээээтно! — фыркнул Кайлей, откидывая волосы. Хотспорн заметил, что Крыс в ушах носит серьги. Было ясно, что такие же серьги вскоре будут — как и усыпанная серебром кожа — модными у золотой молодежи в Турне, да и во всем Гесо.

— Твой черед, Фалька, — сказала Мистле. — Что прикажешь себе выколоть?

Фалька коснулась ее ляжки, наклонилась и присмотрелась к татуировке. Вблизи. Мистле ласково потрепала ее пепельные волосы. Фалька захохотала и без всяких церемоний стала раздеваться.

— Хочу такую же розу, — заканючила она. — В том же самом месте, что и у тебя, любимая.

— Ну и мышей тут у тебя, Высогота. — Цири прервала рассказ, глядя на пол, где в кругу падающего от каганца света разыгрывался настоящий мышиный турнир. Можно было только догадываться, что делалось за пределами круга, в темноте. — Кота б тебе не помешало завести. А еще лучше — двух.

— Грызуны, — откашлялся отшельник, — стремятся к теплу, потому как зима приближается. А кот у меня был. Но отправился куда-то, бедняга, и пропал.

— Не иначе — лиса загрызла или куница.

— Ты не видела моего кота, Цири. Если его что-то и загрызло, то не иначе как дракон.

— Аж такой был? М-да, жаль. Уж он бы твоим мышам не позволил лазать по постели. Жаль.

— Жаль. Но, я думаю, он вернется. Кошки всегда возвращаются.

— Я подкину в огонь. Холодно.

— Холодно. Чертовски холодные сейчас ночи... А ведь еще даже не середина октября... Ну, продолжай, Цири.

Цири некоторое время сидела неподвижно, уставившись в огонь камина. Огонь ожил, затрещал, загудел, отбросил на изуродованное лицо девушки золотой отблеск и подвижные тени.

— Рассказывай!

Мэтр Альмавера накалывал, а Цири чувствовала, как слезы скапливаются у нее в уголках глаз. Хоть перед процедурой она предусмотрительно приглушила себя вином и фисштехом, боль была невыносимая. Она стискивала зубы, чтобы не стонать, и не стонала, конечно, а делала вид, будто не обращает внимания на иглы, а боль презирует. Старалась как бы вовсе и не замечать боли, участвовать в беседе, которую Крысы вели с Хотспорном — субъек-

том, пытающимся выдавать себя за купца, хотя в действительности — если не считать того факта, что жил он за счет торговцев — ничего общего с купечеством не имевшим.

— Грозовые тучи собрались над вашими головами, — говорил Хотспорн, водя по лицам Крыс темными глазами. — Мало того, что за вами охотится префект из Амарильо, мало того, что гонятся Варнхагены, мало того, что барон Касадей...

— И этот туда же, — поморщился Гиселер. — Ну ладно, префекта и Варнхагенов я понимаю, но чего ради какой-то Касадей на нас взелся?

— Гляньте-ка, истинный волк в овечьей шкуре, — усмехнулся Хотспорн, — и бебекает жалостливо: «Бе-е-е, бе-е-е, никто меня не любит, никто меня не понимает, куда ни явлюсь, всюду камнями забрасывают, ату его, ату, кричат. За что, ну за что мне такая обида и несправедливость?» А за то, дорогие мои Крысы, что доченька барона Касадея после приключения у речки Трясогузки до сего дня млеет и температурит.

— А-а-а, — вспомнил Гиселер. — Карета с четверкой серых в яблоко? Та самая девица, что ль?

— Та. Сейчас, как я сказал, хворает, по ночам с криком вскакивает, господина Кайлея вспоминает... Но особенно мазельку Фальку. И брошь, память о матушке-покойнице, которую — я имею в виду брошь — мазелька Фалька силой у нее с платица содрать изволила, произнося при этом всякие разные слова.

— И вовсе не в этом дело! — крикнула со стола Цири, воспользовавшись оказией, чтобы криком отреагировать на боль. — Мы проявили к баронессе презрение и нанесли оскорбление, позволив всухую уйти! Надо было прошпарить девицу-то!

— И верно. — Цири почувствовала взгляд Хотспорна на своих голых бедрах. — Воистину великое сие есть бесчестие не лишить девку чести, то бишь не прошпарить, в смысле не оттрахать! Неудивительно, что оскорбленный папаша Касадей скликал вооруженную банду и назначил награду. Поклялся принародно, что все вы будете висеть головами вниз на стенах его замка. Пообещал также, что за сорванную с доченьки брошь сдерет с мазели Фальки шкуру. Лентами.

Цири выругалась, а Крысы разразились дурашливым хохотом. Искра чихнула и дико рассопливилась — фисштех раздражал ее слизистую.

— Мы на эти преследования чихали, — заявила она, вытирая шарфом рот, нос, подбородок и стол. — Префект, барон, Варнхагены! Гоняются, да не догонят. Мы — Крысы! За Вельдой трижды вильнули, и теперь эти дурни друг другу на пятки наступают, идут против остывших следов. Пока сообразят, что к чему, будут уже слишком далеко, чтобы возвращаться.

— Да если и завернут! — запальчиво воскликнул Ассе, некоторое время назад вернувшийся с вахты, на которой его никто не подменил и подменять не собирался. — Пощекочем их, и вся недолга.

— Точно! — крикнула со стола Цири, уже забыв, как прошлой ночью они драпали от погони через деревушки над Вельдой и как она тогда струхнула.

— Лады. — Гиселер хлопнул раскрытой ладонью по столу, положив на шумной болтовне крест. — Давай, Хотспорн, выкладывай. Я же вижу, ты хочешь нам кое-что поведать, кое-что поважнее префекта, Варнхагенов, барона Касадея и его чересчур впечатлительной дочурки.

— Бонарт идет у вас по следу.

Опустилась тишина, необычно долгая. Даже мэтр Альмавера перестал на минуту колотить.

— Бонарт, — медленно протянул Гиселер. — Старый седой висельник. Факт, кому-то мы и верно здорово насолили.

— Кому-то богатенькому, — согласилась Мистле. — Не каждого статью на Бонарта.

Цири уже собиралась спросить, кто таков этот Бонарт, но ее опередили, почти одновременно и в один голос, Ассе и Рееф.

— Это охотник за наградами, — утрюмо пояснил Гиселер. — Давней, кажется, солдатчиной промышлял, потом торгашествовал, наконец, взялся убивать людей за награды. Тот еще сукин сын. Каких мало.

— Болтают, — довольно беспечно сказал Кайлей, — что если б всех, кого Бонарт затюкал, похоронить на одном жальнике, то понадобился бы жальник ого-го каких размеров.

Мистле набрала щепотку белого порошка в углубление между большим пальцем и указательным и резко втянула его ноздрей.

— Бонарт разнес банду Большого Лотара, — сказала она. — Засек его и его брата, которому Мухомор кликуха была.

— Говорят, ударом в спину, — добавил Кайлей.

— И Вальдеса убил, — добавил Гиселер. — А когда Вальдес помер, то и его ганза развалилась. Одна из лучших была. Толковая, боевая дружинка. Крепкая. В свое время я подумывал пристать к ним. Когда еще мы с вами не стакнулись.

— Все верно, — сказал Хотспорн. — Такой ганзы, как Вальдесова, не было и не будет. Песни слагают о том, как они вырвались из облавы под Сардой. Вот буйные были головы, вот уж прям-таки холостяцкая удаль! Мало кому было им в соперники идти.

Крысы замолчали разом и уставились ему в глаза, блестящие и злые.

— Мы, — процедил после недолгой тишины Кайлей, — вшестером когда-то пробились через эскадрон нильфгаардской конницы!

— Отбили Кайлея у нисаров, — проворчал Ассе.

— С нами, — прошипел Рееф, — тоже не каждому соперничать!

— Это верно, Хотспорн, — выпятил грудь Гиселер. — Крысы не хуже какой другой банды, да и Вальдесовой ганзы тоже. Холостяцкая удаль, говоришь? Так я тебе кой-чего о девичьей удали расскажу. Искра, Мистле, Фалька втроем, вот как тут сидят, белым днем проехали посредине города Друи, а выведавши, что в трактире стоят Варнхагены, промчались сквозь трактирню. Насквозь! Въехали спереди, выехали со двора. А Варнхагены остались сидеть, раззявив хайла, над побитыми кувшинами и разлитым пивом. Может, скажешь, невелика удаль?

— Не скажет, — опередила ответ Мистле, зловеще усмехаясь. — Не скажет, потому что знает, что такое Крысы. Его гильдия тоже в курсе.

Мэтр Альмавера закончил татуировку. Цири с гордой миной поблагодарила, оделась и подсела к компании. Прыснула, чувствуя на себе странный, изучающий и как бы насмешливый взгляд Хотспорна. Зыркнула на него злым глазом, демонстративно прижимаясь к плечу Мистле. Она уже успела убедиться, что такие фокусы конфузят и эффективно охлаждают мужчин, у которых в голове поют амурь. В случае Хотспорна она действовала немного как бы «на вырост», с опережением, потому что квазикупец в этом отношении не был настырным.

Хотспорн был для Цири загадкой. Она видела его раньше всего один раз, остальное ей рассказала Мистле. Хотспорн и Гиселер, пояснила она, знают друг друга и дружат давно, есть у них условные сигналы, пароли и места встреч. Во время таких встреч Хотспорн передает информацию — и тогда они едут на указанный тракт и нападают на указанного купца, конвой либо обоз. Иногда убивают указанного человека. Всегда обговаривается определенный знак — на купцов с таким знаком на телегах нападать нельзя.

Вначале Цири была удивлена и слегка разочарована — она души в Гиселере не чаяла, Крыс считала образцом свободы и независимости, сама полюбила эту свободу, это презрение ко всем и всему. Но тут неожиданно пришлось выполнять работу на заказ. Как наемным убийцам, кто-то приказывал им, кого бить. Мало того — кто-то кого-то заказывал убивать, а они слушались, опустив глаза.

— Дело за дело, — пожала плечами Мистле, — Хотспорн отдает нам приказы, но и предоставляет информацию, благодаря которой мы выживаем. У свободы и презрения — свои пределы. В конце концов всегда один является орудием другого. Такова жизнь, соколица.

Цири была разочарована и удивлена, но это быстро прошло. Она училась. В частности, тому, чтобы не удивляться сверх меры и не ждать слишком многого, ибо в таких случаях разочарование бывает не столь убийственным.

— У меня, дорогие Крысы, — тем временем продолжал Хотспорн, — есть и ремедиум от всех ваших забот. От нисаров, баронов, префектов, даже от Бонарта. Да, да. Потому что, хоть он и затягивает на ваших шеях аркан, я располагаю методами, которые позволят вам из петли выскользнуть.

Искра прыснула. Рееф захохотал. Но Гиселер остановил их жестом: позволил Хотспорну продолжать.

— В народе идет слух, — сказал, чуть переждав, купец, — что вот-вот будет объявлена амнистия. Если даже кого-то ждет кара за неявку, да что там, даже если кого-то ждет веревка, он будет помилован, если, конечно, явится с повинной. К вам это относится в полной мере.

— Херню порешь! — крикнул Кайлей, пуская слезу из-за слишком большой дозы фисштеха, попавшего в нос. — Нильфгаардские штучки, фортели! Нас, старых воробьев, на такой мякине не проведешь!

— Погодь, Кайлей, — сдержал его Гиселер. — Не горячись. Хотспорн, насколько мы его знаем, не привык трепаться зазря и чепуху молоть. Он привык знать, что и почему болтают. А значит, знает сам и нам скажет, откуда взялась столь неожиданная нильфгаардская милость.

— Император Эмгыр, — спокойно сказал Хотспорн, — женится. Вскоре у нас в Нильфгаарде будет императрица. Потому и собираются объявить амнистию. Император, говорят, безмерно счастлив, ну, вот и другим отщипнуть желает толику этой безмерности.

— В заднице у меня императорская безмерность, — торжественно провозгласила Мистле. — А амнистией я позволю себе не воспользоваться, потому как эта нильфгаардская милость что-то мне свежим запахом щекот отдаст. Вроде бы кол заостряют, ха-ха!

— Сомневаюсь, — пожал плечами Хотспорн, — чтобы это был обман. Тут вопрос политики. И большой. Большей, нежели вы, Крысы, или все здешнее разбойство, вместе взятое. В политике тут дело.

— Это в какой же такой политике? — насупился Гиселер. — Я, к примеру, ни черта не понял.

— Марьяж Эмгыра — дело политическое, и при помощи этого марьяжа могут быть решены многие политические проблемы. Император заключает персональную унию, чтобы еще сильнее сплотить империю, положить конец пограничным стычкам и распрям, обеспечить мир. Знаете, на ком он женится? На Цирилле, наследнице престола Цинтры!

— Ложь! — рывкнула Цири. — Треп! Вранье!

— На основании чего мазель Фалька осмеливается обвинять меня во лжи? — поднял на нее глаза Хотспорн. — А может, упомянутая мазель лучше проинформирована?

— Еще как лучше-то! Наверняка!

— Потише, Фалька, — поморщился Гиселер. — Когда тебя на столе в гузку кололи, так ты тихонько лежала, а теперь хорохоришься. Что еще за Цинтра такая, Хотспорн? Какая еще такая Цирилла? Почему все это навряд бы так уж важно?

— Цинтра, — вмешался Рееф, отсыпая на палец порошок, — это маленькое государствишко на севере, за которое империя воевала с тамошними хозяевами. Три или четыре года тому прошло.

— Верно, — подтвердил Хотспорн. — Имперские войска захватили Цинтру и даже перешли через Ярру, но потом вынуждены были ретироваться.

— Потому что получили трепку под Содденским Холмом, — буркнула Цири. — Ретировались так, что чуть было портки не растеряли. Драпали, вот что.

— Мазель Фалька, как я вижу, знакома с новейшей историей. Похвально, похвально. В столь юном возрасте. Дозволено мне будет спросить, где мазель Фалька ходила в школу?

— Не дозволено!

— Хватит! — снова напомнил Гиселер. — Давай о Цинтре, Хотспорн, и об амнистии.

— Император Эмгыр, — сказал купец, — решил создать из Цинтры плющевое государство...

— Сплющенное? Это что еще за штука?

— Не сплющенное, а плющевое, несамостоятельное. Как плющ, который не может существовать без могучего ствола, вокруг которого обвивается. А стволом этим, разумеется, будет Нильфгаард. Такие государства уже имеются. Возьмем, к примеру, Метинну, Мехт, Туссент... Там правят местные династии. Как бы правят, разумеется.

— Это называется органическая автономия, — похвалился Рееф. — Я слышал.

— Однако проблема Цинтры оказалась сложнее. Тамошняя королевская линия угасла...

— Угасла?! — Из глаз Цири, казалось, вот-вот сыпанутся зеленые искры. — Хорошо же она угасла! Нильфгаардцы прикончили королеву Калантэ! Пришили самым обычным манером! Это ты называешь «угасла»?

— Признаю, — Хотспорн жестом сдержал Гиселера, собиравшегося снова отчитать Цири за вмешательство, — что мазель Фалька явно поражает нас своими обширными не по возрасту познаниями. Королева Калантэ действительно погибла во время войны. Погибла, как считалось, и ее внучка Цирилла, последнее звено в королевской линии. Получалось, что Эмгыру не из чего было слепить эту, как мудро заметил милсдарь Рееф, органическую автономию, в смысле, конечно, ее ограниченной автономности. Но тут неожиданно, как бы ни с того ни с сего, отыскалась вышеименованная Цирилла.

— Сказочки, понимаешь, какие-то, — фыркнула Искра, опираясь о плечо Гиселера.

— Действительно, — кивнул Хотспорн. — Немного, надобно признать, смахивает на сказку. Говорят, злая чародейка держала Цириллу где-то взаперти на дальнем севере, в магических узах. Но Цирилле удалось сбежать и попросить убежища в Империи.

— Все это одна огромная, чертовская, неправдивая неправдивость, болтовня и глупость! — разоралась Цири, потянувшись трясущими руками к шкатулочке с фисштехом.

— Император же Эмгыр, если верить молве, — продолжал не сбитый с толку Хотспорн, — как только ее увидел, влюбился без ума и жаждет взять в жены.

— Соколица права, — твердо сказала Мистле, подтверждая свои слова ударом кулака по столу. — Все это чертовы бредни! Никаким чертовым чертом не могу понять, о чем тут говорят. Одно ясно: строить на этой дури надежду на нильфгаардскую милость было бы еще большей дурью.

— Верно! — поддерживал ее Рееф. — Какое нам дело до императорского жениховства? Хоть с кем хошь император окрутится, нас всегда будет невеста ждать. Из пеньки сплетенная!

— Не в ваших шеях дело, дорогие Крысы, — напомнил Хотспорн. — Это политика. На северных рубежах Империи ширятся восстания, бунты и волнения, особенно в Цинтре и ее окрестностях. Возьми император в жены наследницу Цинтры, так Цинтра успокоится. Если будет торжественно объявлена амнистия, то бунтующие партии спустятся с гор, перестанут рвать Империю и чинить беспорядки. Да и вообще, если цинтрийка взойдет на императорский престол, то бунтовщики вступят в императорскую армию. А вы знаете, что на севере за Яррой продолжаются войны, каждый солдат на счету.

— Ага! — выкрикнул Кайлей. — Теперь я понял! Вон она какая амнистия! Дадут тебе на выбор: вот кол острый, вот императорские цвета. Или кол в жопу, или цвета на горбушку. И на войнючку, подыхать за империю.

— Но «войнючке», — медленно сказал Хотспорн, — действительно бывает по-всякому, как в той песенке. То бишь на войне, как на войне! В конце концов не каждому достанется воевать, дорогие Крысы. Возможно, конечно, после выполнения условий амнистии, то есть явки с повинной, будет введен некий род... альтернативной службы.

— Чего-чего?

— Я знаю, в чем дело. — Зубы Гиселера на мгновение сверкнули на загорелом, синеватом от бритья лице. — Купеческая гильдия, дети мои, пожелает приветить нас. Приютить и обласкать. Как матушка родная.

— Как курвина мать скорей, — буркнула себе под нос Искра.

Хотспорн сделал вид, будто не слышал.

— Ты совершенно прав, Гиселер, — сказал он холодно. — Гильдия может, если захочет, дать вам работу. Официально, в виде альтернативной службы в армии. Дать защиту. Официально и взамен.

Кайлей хотел что-то сказать. Мистле тоже хотела что-то сказать, но быстрый взгляд Гиселера заткнул рты обоим.

— Передай гильдии, Хотспорн, — сказал ледяным тоном атаман Крыс, — что за предложение мы благодарим. Мы подумаем, поразмыслим, обсудим. Посоветуемся, как поступить.

Хотспорн встал.

— Я еду.

— Сейчас, в ночь?

— Переночую в селе. Тут мне как-то не с руки. А завтра прямиком на границу с Метинной, потом главным трактом в Форге-хам, где пробуду до Эквинокция, а может быть, и подольше. Потому что там буду ожидать тех, кто уже подумал, размыслил, обсудил, посоветовался и готов явиться, чтобы под моим присмотром ожидать амнистии. Да и вы тоже очень-то не тяните с раздумьями и размышлениями. Добром советую, потому что Бонарт вполне может и решительно готов опередить амнистию.

— Ты все время пугаешь нас Бонартом, — медленно сказал Гиселер, тоже поднимаясь. — Можно подумать, будто эта стервь уже за порогом... А он, верно, еще за горами, за лесами, за синими морями...

— ...в Ревности, — спокойно закончил Хотспорн. — На постоялом дворе «Под головой химеры». Милых в тридцати отсюда. Если б не ваши выкрутасы над Вельдой, вы наверняка наткнулись бы на него уже вчера. Но вас это не волнует, знаю. Ну, бывай, Гиселер. Бывайте, Крысы. Мэтр Альмавера, я еду в Метинну и люблю компанию в пути... Что вы сказали, мэтр? Охотно? Так я и думал. Ну, стало быть, упаковывайте свои причиндалы. Заплатите мэтру, Крысы, за его художества.

Почтовая станция пропахла жареным луком и картофельным супом, который готовила жена хозяина, временно выпущенная из чуланного заточения. Свеча на столе фукала, пульсировала и раскачивала хвостиком пламени. Крысы наклонились над столом так, что огонек грел их почти соприкасающиеся головы.

— Он в Ревности, — тихо говорил Гиселер. — На постоялом дворе «Под головой химеры». Точно день езды отсюда. Что вы об этом думаете?

— То же, что и ты, — проворчал Кайлей. — Едем туда и прикончим сукина сына.

— Отомстим за Вальдеса, — сказал Рееф. — И Мухомора.

— И нечего, — прошипела Искра, — разным там Хотспорнам тыкать нам в глаза чужими делами и прытью. Пришьем Бонарта,

этого трупоеда, оборотня. Приколотим его башку над дверьми кабака, чтобы названию соответствовало! И чтоб все знали, что никакой он не волевой, а обычный смертный был, как все другие, и что вообще сам на тех, что посильнее, нарвался. Сразу станет видно, чья ганза покрепче всех будет от Кората до Переплута!

— На ярмарках станут о нас песни распевать! — запальчиво бросил Кайлей. — Да и по замкам тоже!

— Поехали. — Ассе хлопнул по столу рукой. — Едем и прикончим стервятника.

— А уж потом, — задумался Гиселер, — поразмыслим о хотспорновской амнистии... О гильдии... Ты чего морду кривишь, Кайлей, ровно клопа разгрыз? На пятки нам наступают, а зима приближается. Я так думаю, Крысаты: перезимуем, погреем задницы у камина, амнистией от холода прикрывшись, амнистийное теплое пиво потягивая. Перетерпим с этой амнистией нормально и толково... как-нибудь до весны. А весной... Как травка из-под снега выглянет...

Крысы рассмеялись в один голос, тихо, зловеще. Глаза горели у них, как у настоящих крыс, когда те ночью, в темном закоулке подбираются к раненному, не способному защищаться человеку.

— Выпьем, — сказал Гиселер. — Бонарту на погибель! Похлебам супчика и спать. Отдохнуть надо, потому как до зари двинем.

— Ясно, — фыркнула Искра. — Берите пример с Мистле и Фальки, те уж час, как в постели.

Жена хозяина почтовой станции задрожала у чугуна, слыша от стола тихий, злой, отвратный хохот.

Цири подняла голову, долго молчала, засмотревшись на едва тлеющее пламечко каганка, в котором уже догорал остаток фитиля.

— Тогда я выскользнула из станции, будто воровка, — продолжила она рассказ. — Под утро, в полной темноте. Но не сумела убежать незаметно. Когда я вставала с постели, проснулась Мистле. Прихватила меня в конюшне, где я седлала коня. Не выдала удивления. И вовсе не пыталась меня удержать... Начинало светать.

— Да и сейчас уже недалеко до рассвета, — зевнул Высогота. — Пора спать, Цири. Завтра продолжишь.

— Может, ты и прав. — Она тоже зевнула, встала, сильно потянулась. — У меня глаза слипаются. Но в таком темпе, отшельник, я никогда не dokonчу. Сколько вечеров прошло? Никак не меньше десяти. Боюсь, на весь рассказ потребуется тысяча и одна ночь.

— У нас есть время, Цири. Много времени.

— От кого ты собралась сбежать, соколица? От меня? Или от себя?

— Конец бегству! Теперь надо догонять. Поэтому нужно вернуться туда... где все началось. Необходимо. Пойми меня, Мистле.

— Так вот почему... почему ты была сегодня так ласкова со мной. Впервые за столько дней... Последний прощальный раз? А потом — забыть?

— Я тебя никогда не забуду, Мистле.

— Забудешь.

— Никогда. Клянусь. И это не был последний раз. Я тебя разыщу. Я приеду за тобой... Приеду в золотой карете с шестеркой лошадей. Со свитой дворян. Вот увидишь. Я очень скоро обрету... возможности. Огромные возможности. Я сделаю так, что твоя судьба изменится... Увидишь. Убедишься, как много я смогу сделать. Как много изменить.

— Для этого необходима гигантская сила, — вздохнула Мистле. — И могучая магия...

— И это тоже возможно. — Цири облизнула губы. — Магия тоже... Могу отыскать... Все, что я когда-то утратила, может ко мне вернуться... Клянусь, ты удивишься, когда мы встретимся снова.

Мистле отвернулась, долго смотрела на розово-голубые облака, которые рассвет уже вырисовал над восточным краем мира.

— Верно, — сказала она тихо. — Я буду очень удивлена, если мы еще когда-нибудь встретимся. Если еще когда-нибудь я увижу тебя, малышка. Ну — поезжай. Не будем тянуть...

— Жди меня. — Цири шмыгнула носом. — И не дай себя убить. Подумай об амнистии, о которой говорил Хотспорн. Даже если Гиселер и другие не захотят... Ты все равно подумай, Мистле. Это, может быть, позволит тебе выжить. Потому что я вернусь за тобой. Клянусь.

— Поцелуй меня.

Светало. Ярчало. Усиливался холод.

— Я люблю тебя, Свиристелька моя.

— Я люблю тебя, Соколушка моя. Ну — поезжай.

— Конечно, она не верила мне. Думала, что я струсила и погналась за Хотспорном, чтобы искать спасения, умолять об амнистии, которой он так нас соблазнял. Откуда ей было знать, какие чувства овладели мной, когда я слушала трёп Хотспорна о Цинтре, о моей бабушке Калантэ... И о том, что «какая-то Цирилла» станет женой императора Нильфгаарда. Того самого императора, который убил бабушку Калантэ, а за мной послал черного рыцаря с пером на шлеме. Я рассказывала тебе, помнишь? На острове Танедд, когда он протянул ко мне руку, я устроила ему кровопускание. Надо было его тогда убить... Но я почему-то не смогла... Глупая была. Впрочем, кто знает, может, он там, на Танедде, изошел кровью и подох... Что ты так на меня смотришь?

— Рассказывай. Расскажи, как поехала за Хотспорном, чтобы восстановить право на наследство. Отыскать то, что тебе принадлежало по... закону.

— Ты напрасно язвишь, напрасно ехидничаешь. Да, я знаю, это было глупо, теперь-то я вижу, а вот тогда... Я гораздо умнее была в Каэр Морхене и в храме Мелитэле, там я знала, что все ушедшее не может вернуться, что я больше уже не княжна Цинтры, а что-то совершенно другое, что никакого наследства у меня уже нет, все потеряно, тут уж никуда не денешься, надо смириться. Мне объяснили это умно и спокойно, и я это приняла. Тоже спокойно. И вдруг все стало возвращаться. Сначала, когда мне в глаза пытались пустить пыль, проорав титул той касадеевой баронессы... Мне всегда было плевать на такие штуки, а тут я вдруг взбеленилась, задрала нос и еще громче заорала, что-де мой титул повыше ейного и мой род гораздо знатнее. И с той поры это не выходило у меня из головы. Я чувствовала, как во мне нарастает злость. Ты понимаешь, Высогота?

— Понимаю.

— А слова Хотспорна переполнили чашу. Я чуть не лопнула от ярости... Мне раньше столько болтали о предназначении... А тут, понимаешь, получается, что моим предназначением воспользуется кто-то другой, да к тому же благодаря мерзостному шарлатанству. Кто-то выдал себя за меня, за Цири из Цинтры, и получит все, будет купаться в роскоши. Нет, я не могла думать ни о чем другом... Я вдруг как-то сразу поняла, что недоедаю, мерзну, засыпая под открытым небом, что вынуждена мыть интимные места в ледяных ручьях... Я! У которой ванна должна быть из золота, вода благоухать нардом и розами, полотенца — теплыми, постель чистой! Ты понимаешь, Высогота?!

— Понимаю.

— Я уже готова была поехать в ближайшую префектуру, в ближайший форт, к тем самым черным нильфгаардцам, которых так боялся и которых так ненавидела... Я была готова сказать: «Это я — Цири, вы, нильфгаардские тупицы, не ее, а меня должен взять в жены ваш глупый император. Вашему императору подсунили какую-то бессовестную авантюристку, а этот ваш кретин не почуял мошенничества». Я была в такой ярости, что так бы и поступила, если б подвернулся случай. Не раздумывая, понимаешь, Высогота?

— Понимаю.

— К счастью, я охолонула.

— К великому твоему счастью, — серьезно кивнул он. — У проблемы императорской женитьбы все признаки государственной аферы, борьбы партий или фракций. Если б ты раскрылась, подпортив планы каким-то влиятельным силам, то не избежала бы кинжала или яда.

— Я тоже это поняла. И забыла. Намертво забыла. Признать, кто я такая, означало смерть. Я могла не раз убедиться в этом. Но не будем забегать вперед.

Они какое-то время молчали, занимаясь шкурками. Несколько дней назад улов оказался довольно богатым, в ловушки и капканы попало множество ондатр и нутрий, две выдры и один бобр. Так что работы хватало.

— И ты догнала Хотспорна? — наконец спросил Высогота.

— Догнала. — Цири отерла лоб рукавом. — Очень даже быстро, потому что он не шибко-то спешил. И совсем не удивился, увидев меня!

— Мазель Фалька! — Хотспорн натянул поводья, танцующи развернул вороную кобылу. — Какая приятная неожиданность! Хотя, признаться, не столь большая. Я ожидал, не скрою, ожидал. Знал, что вы сделаете выбор. Мудрый выбор. Я заметил вспышку интеллекта в ваших прекрасных и полных прелести глазах.

Цири подъехала ближе, так, что они почти соприкоснулись стременами. Потом протяжно отхаркнулась, наклонилась и сплюнула на песок дороги. Она научилась плевать таким манером, отвратительным, но эффективным, когда надо было остудить пыл предполагаемого обольстителя.

— Понимаю, — слегка улыбнулся Хотспорн, — вы хотите воспользоваться амнистией?

— Ты плохо понимаешь.

— Тогда чему же следует приписать радость, доставляемую мне лицезрением прелестного личика мазели?

— А надо, чтобы было чему? — фыркнула она. — Ты на станции болтал, будто любишь компанию в дороге?

— Неизменно, — шире улыбнулся он. — Но если дело не в амнистии, то не уверен, что нам по пути. Мы находимся, как видите, на пересечении дорог. Четыре стороны света. Выбор... Символика, как в хорошо знакомой легенде. На восток пойдешь, не вернешься. На запад пойдешь, не вернешься... На север... Хм-м... К северу от этого столба — амнистия.

— Не морочь мне голову своей амнистией.

— Как прикажете. Тогда куда же, если дозволено будет спросить, дорожка ведет? Которая из дорог символического перекрестка? Мэтр Альмавера, искусник иглы, погнал своих мулов на запад, к городку Фано. Восточный тракт ведет к поселку Ревность, но я определенно не советовал бы выбирать этот путь...

— Река Ярра, — медленно проговорила Цири, — о которой шла речь на станции, — это нильфгаардское название реки Яруги, верно?

— Ты такая ученая, — он наклонился, заглянув ей в глаза и переходя на «ты», — а этого не знаешь?

— Ты не можешь по-человечески ответить, когда тебя по-человечески спрашивают? — не осталась в долгу Цири.

— Я пошутил, зачем же сразу злиться? Да, это та самая река. Поэльфему и по-нильфгаардски — Ярра, по-нордлингски — Яруга.

— А устье этой реки, — продолжала Цири, — Цинтра?

— Именно Цинтра

— Отсюда, где мы сейчас стоим, далеко до Цинтры? Сколько миль?

— Немало. И зависит от того, в каких милях считать. Почти у каждой нации свои, ошибиться нетрудно. По методу всех странствующих купцов такие дистанции удобнее считать в днях. Чтобы отсюда доехать до Цинтры, понадобится примерно двадцать пять — тридцать дней.

— Куда? Прямо на север?

— Что-то тебя, мазель Фалька, очень уж интересует Цинтра. К чему бы это?

— Собираюсь взойти на тамошний престол.

— Прелестно, прелестно. — Хотспорн поднял руку, как бы защищаясь от удара. — Тонкий намек понял, больше вопросов не будет. Самый короткий путь в Цинтру, как это ни парадоксально, ведет не прямо на север, потому как там кругом бездорожья и болотистые приозерья. Сначала следует направиться к городу Форгехаму, а потом ехать на северо-запад, до Метинны, столицы аналогично называемой страны. Потом следует ехать через равнину Маг Деиру, торговым трактом до самого города Нойнройт и только уже оттуда направиться на северный тракт, ведущий к долине Марнадаль. А долина Марнадаль — это уже Цинтра.

— Хм-м-м... — Цири уставилась в зеленый горизонт, в размытую линию темных взгорий. — До Форгехама, а потом на северо-запад... Это значит... куда же?

— Знаешь, что, — Хотспорн едва заметно улыбнулся. — Я направляюсь как раз к Форгехаму, а потом до Метинны. Вот этой дорожкой, что между сосенками песочком золотится. Поезжай за мной, не заблудишься. Амнистия амнистией, но мне будет приятно общество прелестной девушки.

Цири смерила его самым пренаихолоднейшим из всех своих холодных взглядов. Хотспорн шельмовски закусил губу.

— Ну так как?

— Едем.

— Браво, мазель Фалька. Мудрое решение. Я же говорил, ты столь же мудра, сколь прелестна.

— Слушай, Хотспорн, кончай меня мазелить. У тебя это звучит как-то обидно, а я не позволяю обижать себя безнаказанно.

— Как прикажете, мазель...

Многообещающий прекрасный рассвет не оправдал возлагавшихся на него надежд. Наступивший день был серым и промозглым. Влажный туман приглушал цвета осенней листвы склонив-

шихся над дорогой деревьев, отливающих тысячами оттенков охры, пурпура и золота.

Во влажном воздухе стоял аромат коры и грибов.

Они ехали медленно по ковру опавших листьев, но Хотспорн часто подгонял вороную кобылу, время от времени заставляя ее идти галопом либо рысью. В такие моменты Цири восхищенно глядела на них.

— Ее как-нибудь зовут?

— Нет, — сверкнул зубами Хотспорн. — Я отношусь к верховым лошадям чисто потребительно, стараюсь не привыкать к ним. Давать коням имена, если не содержишь конного завода или табуна, я считаю претенциозным. Согласна со мной? Конь Воронок, собачка Дружок, киска — Мурка. Претенциозно!

Цири не нравились его поглядывания и многозначительные улыбки и уж тем более насмешливый тон вопросов и ответов. Поэтому она пошла по самому простому пути — молчала, говорила кратко, не провоцировала. Если, конечно, удавалось. Правда, удавалось не всегда. Особенно когда он заговаривал об амнистии. Когда же в очередной раз — и довольно резко — она выразила недовольство, Хотспорн на удивление «сменил фронт» — принялся доказывать, что в ее случае амнистия излишня, более того — ее вообще не касается. Амнистируют преступников, а не их жертвы.

— Сам ты жертва, Хотспорн! — зашлась смехом Цири.

— Я сказал совершенно серьезно, — заверил он. — Не для того, чтобы вызвать у тебя птичье щебетание, а чтобы посоветовать, как спасти шкуру в случае, если тебя поймают. Конечно, на барона Касадея это не подействует, да и на Варнхагенов тоже вряд ли, от них снисхождения не жди, эти в самом лучшем случае просто линчуют тебя на месте. Быстро, и если прытко пойдет, то безболезненно. Но вот если ты попадешь в руки префекту и предстанешь перед судом, суровым, но справедливым лицом имперского закона... О, вот на этот случай я порекомендовал бы тебе такую линию защиты: заливайся слезами и настаивай на том, что ты невинная жертва стечения обстоятельств.

— И кто в это поверит?

— Каждый. — Хотспорн наклонился в седле, заглянул ей в глаза. — Потому что ведь такова истинная правда. Ты — невинная жертва, Фалька. Тебе еще нет шестнадцати, по законам империи ты — несовершеннолетняя. В Крысиной банде оказалась случайно. Не твоя вина, что ты пришлась по вкусу одной из бандиток, Мистле, противоестественная сексуальная ориентация которой ни для кого не секрет. Ты подпала под влияние Мистле, тебя использовали и принудили к...

— Ну, вот и выяснилось, — прервала Цири, сама удивляясь своему спокойствию. — Наконец-то выяснилось, что тебе надобно, Хотспорн. Видывала я уже таких типов, как ты.

— Серьезно?

— Как у всякого петушка, гребешок у тебя вскочил при одной мысли обо мне и Мистле, — продолжала она спокойно. — Как у каждого глупого самца, в твоей дурной башке шевельнулась мыслька попробовать вылечить заблудшую овцу от противной натуры болезни, обратиться на путь истинный. А знаешь, что во всем этом самое отвратное и противное натуре? Именно такие мыслишки!

Хотспорн посматривал на нее молча, храня довольно загадочную усмешку на тонких губах.

— Мои мысли, дражайшая Фалька, — сказал он, немного помолчав, — может, и необычны, может, и не совсем хороши, и уж, что там говорить, совершенно очевидно далеки от невинности... Но, о Господи, они соответствуют натуре. Моей натуре. Ты оскорбляешь меня, полагая, будто моя тяга к тебе зиждется на некоем... извращенном любопытстве. Ха, ты оскорбляешь самое себя, не замечая или же не желая замечать, что твоя пленительная красота и редкостная прелесть в состоянии заставить броситься на колени любого мужчину. Что очарование твоего взгляда...

— Слушай, Хотспорн, — прервала она, — уж не вознамерился ли ты переспать со мной?

— Какой интеллект! — развел он руками. — У меня прямо-таки слов не хватает.

— Ну, так я тебе помогу их подыскать. — Она слегка подогнала коня, чтобы взглянуть на купца сбоку. — Потому что у меня-то слов достаточно. Я чувствую себя польщенной. В любом другом случае — кто знает? Если б это был кто-нибудь другой, о! Но ты, Хотспорн, ты вообще мне не нравишься. Ничего, ну совсем, понимаешь ли, ничто меня в тебе не привлекает. И даже, я бы сказала, наоборот — все меня от тебя отталкивает. Ты должен понять, что в такой ситуации половой акт был бы актом, противным натуре.

Хотспорн рассмеялся, тоже подогнав коня. Вороная кобыла заплясала на просеке, красиво поднимая изящную голову. Цири завертелась в седле, борясь со странным чувством, которое вдруг ожило в ней, ожило где-то глубоко, в самом низу живота, но быстро и отчаянно рвалось наружу, на раздражаемую одеждой кожу. «Я сказала ему правду, — подумала она. — Он мне не нравится, черт побери, а нравится мне его лошадь, его вороная кобыла. Не он, а лошадь... Что за кретинизм! Нет, нет и нет! Даже если б и не Мистле, было б смешно и глупо поддаться ему только потому, что меня возбуждает вид пляшущей на просеке вороной кобылы».

Хотспорн позволил ей подъехать, глядя ей в глаза и странно улыбаясь. Потом снова дернул поводья, заставил кобылу переби-

рать ногами, вертеться и делать балетные па вбок. «Знает, — подумала Цири, — знает, пройда, что я чувствую. Чертовщина! Да я просто-напросто любопытная!»

— Сосновые иголки, — мягко бросил Хотспорн, подъезжая очень близко и протягивая руку, — запутались у тебя в волосах. Я выну, если позволишь. Добавлю, что жест исключительно результат мой галантности, а не извращенного желания.

Прикосновение — ее это совсем не удивило — было ей приятно. Она еще далеко не решила, но на всякий случай подсчитала дни от последней менструации. Этому ее научила Йеннифэр — считать заранее, а не на горячую голову, потому что потом, когда становится жарко, возникает странное нежелание заниматься расчетами и думать о возможных последствиях.

Хотспорн глядел ей в глаза и улыбался, будто точно знал, что подсчет вышел в его пользу. «Будь он еще не такой старый, — вздохнула украдкой Цири. — Но ведь ему, пожалуй, под тридцать».

— Турмалин. — Пальцы Хотспорна нежно коснулись ее уха и серьги. — Красивые, но всего лишь турмалины. С удовольствием подарил бы тебе и вдел изумруды. Они много зеленее, а значит, больше соответствуют твоей красоте и цвету глаз.

— Знай, — процедила она, нагло глядя на него, — что, если твоя возьмет, я потребую изумруды вперед. Потому как ты ведь не только лошадей трактуешь потребительски, Хотспорн. Утром, после упоительной ночи, ты решишь, что вспоминать мое имя — дело слишком претенциозное. Собачка Дружок, киска Мурка и девочка Марыська!

— Ну, гордыня! — неестественно рассмеялся он. — Ты можешь заморозить самое горячее желание, Снежная Королева.

— Я прошла хорошую школу.

Туман немного рассеялся, но по-прежнему было грустно и тоскливо. И сонно. Сонливость была грубо прервана криками и топотом. Из-за дубов, мимо которых они в этот момент проезжали, вывалились конники.

Цири и Хотспорн действовали так быстро и так слаженно, словно тренировались не одну неделю. Развернули лошадей, пошли с места в карьер, прижимаясь к гривам, подгоняя лошадей криком и ударами пяток. Над их головами зафурчали перья стрел, поднялся крик, звон, топот.

— В лес! — крикнул Хотспорн. — Сворачивай в лес! В чащобу!

Они помчались, не снижая скорости. Цири еще крепче прижалась к конской шее, чтобы хлещущие по плечам ветки не скинули ее с седла. Она увидела, как арбалетный бельт отстрелил щепу от ствола ольхи. Криком подогнала лошадь, в любой момент ожидая удара стрелы в спину. Ехавший первым Хотспорн вдруг странно охнул.

Они перескочили через глубокую рытвину, сломя голову съехали по обрыву в тернистую чашу. И тут вдруг Хотспорн сполз с седла и рухнул в кюкву. Вороная кобыла заржала, взвизгнула, мотнула хвостом и помчалась дальше. Цири, не раздумывая, соскочила, хлопнула свою лошадь по крупу. Та последовала за вороной, Цири помогла Хотспорну подняться, и оба нырнули в кустарник, в ольховник, перевернулись, скатились по склону и свалились в высокие папоротники на дне яра. Мох смягчил падение.

Сверху по обрыву били копыта погони — к счастью, идущей по высокому лесу за убегающими лошадьми. Их исчезновение в папоротниках, казалось, не заметили.

— Кто такие? — прошипела Цири, выкарабкиваясь из-под Хотспорна и вытряхивая из волос помятые сыроежки. — Люди префекта? Варнхагены?

— Обычные бандиты... — Хотспорн выплюнул листок. — Грабители...

— Предложи им амнистию, — скрипнула песком на зубах Цири. — Пообещай им...

— Помолчи. Еще услышат, чего доброго.*

— Эге-гей! Ого-го! Зде-е-ея! — долетало сверху. — Слева заходи! Сле-е-ева!

— Хотспорн?

— Что?

— У тебя кровь на спине.

— Знаю, — ответил он холодно, вытягивая из-за пазухи сверток полотна и поворачиваясь к ней боком. — Затолкай мне под рубашку. На высоте левой лопатки...

— Куда ты получил? Не вижу стрелы...

— Это был арбалет... Железный бельт... скорее всего обрубленный подковный гвоздь. Оставь, не трогай. Это рядом с позвоночником...

— Дьявольщина! Что же делать?

— Вести себя тихо. Они возвращаются.

Застучали копыта, кто-то пронзительно свистнул. Кто-то велел, призывал, приказывал кому-то возвращаться. Цири прислушалась.

— Уезжают, — проворчала она. — Отказались от погони. И коней не поймали.

— Это хорошо.

— Мы их тоже не поймаем. Идти сможешь?

— Не придется, — усмехнулся он, показывая ей застегнутый на запястье довольно пошло выглядывший браслет. — Я купил эту безделушку вместе с лошадью. Она магическая. Кобыла носила ее со стригункового возраста. Если потереть, вот таким макаром, — все равно что ее позвать. Она словно слышит мой голос. Прибе-

жит. Не сразу, но прибежит наверняка. А если немного повезет, то и твоя пегашка прибежит вместе с ней.

— А если немного не повезет? Уедешь один?

— Фалька, — сказал он посерьезнев. — Я не уеду один, я рассчитываю на твою помощь. Меня придется поддерживать в седле. Пальцы ног у меня уже немеют. Я могу потерять сознание. Послушай: овраг приведет тебя к пойме ручья. Поедешь вверх по течению, на север. Отвезешь меня в местность под названием Тегамо. Там найдешь человека, который сумеет вытащить железку из спины, не убив при этом и не парализовав.

— Это близко?

— Нет. Ревность ближе. Котловина милях в двадцати в противоположной стороне, вниз по течению. Но туда не надо ехать ни в коем случае.

— Почему?

— Ни в коем случае, — повторил он, поморщившись. — Тут дело не во мне, а в тебе. Ревность — для тебя смерть.

— Не понимаю.

— И не надо. Просто поверь мне.

— Гиселеру ты сказал...

— Забудь о Гиселере. Если хочешь жить, забудь о них о всех.

— Почему?

— Останься со мной. Я сдержу обещание, Снежная Королева. Украшу тебя изумрудами... Осыплю ими...

— Да уж, ничего не скажешь, самое время шутковать.

— Шутить никогда не поздно.

Хотспорн вдруг обнял ее, прижал плечом и принялся расстегивать блузку. Бесцеремонно, но не спеша Цири оттолкнула его руку.

— Действительно! Нашел же время!

— Для этого любое время хорошо. Особенно для меня, сейчас. Я тебе сказал, это позвоночник. Завтра могут возникнуть трудности... Что ты делаешь? Ах, холера тебя...

На этот раз она оттолкнула его сильнее. Слишком сильно. Хотспорн побледнел, закусил губу, застонал. .

— Прости. Но если человек ранен, ему положено лежать спокойно.

— Близость твоего тела заставляет меня забыть о боли.

— Перестань, черт тебя побери!

— Фалька... Будь снисходительной к страдающему человеку.

— Будешь страдающим, если руки не уберешь! Ну, быстро!

— Тише... Бандиты могут нас услышать... Твоя кожа как атлас... Не крутись, черт побери!

«А, хрен с ним, — подумала Цири, — будь что будет. В конце концов, что за важность? А интересно. Я имею право быть любо-

пытной. Какие уж тут чувства? Взгляну на это мероприятие потребительски, вот и все. И беспретенциозно забуду».

Она подчинилась прикосновениям и удовольствию, которое они принесли. Отвернула голову, но сочла это излишне скромным и обманчиво ханжеским — не хотела, чтобы он решил, будто соблазнил невинность. Взглянула ему прямо в глаза, но ей это показалось слишком смелым и вызывающим — такой она тоже не хотела казаться. Поэтому просто прикрыла глаза, обняла его за шею и помогла разделаться с пуговичками, потому что у него дело шло туго и он только напрасно терял время.

К прикосновениям пальцев добавилось прикосновение губ. Она уже была близка к тому, чтобы забыть обо всем на свете, когда Хотспорн вдруг замер. Несколько секунд она терпеливо выжидала, помня, что он ранен и рана должна ему мешать. Но все слишком уж затягивалось. Его слюна застывала у нее на сосках.

— Эй, Хотспорн! Уснул, что ли?

Что-то потекло ей на грудь и бок. Она прикоснулась пальцами. Кровь.

— Хотспорн! — Она столкнула его с себя. — Хотспорн, ты умер?

«Глупый вопрос, — подумала она. — Я же вижу. Я же вижу, что он мертв».

— Он умер, положив голову мне на грудь. — Цири отвернулась. Угольки в камине полыхнули красным, порозовили ее покалеченную щеку. Возможно, был там и румянец. Впрочем, в этом Высогота уверен не был.

— Единственное, что я тогда чувствовала, — добавила она, попрежнему отвернувшись, — это разочарование. Тебя это шокирует?

— Нет. Как раз это-то — нет.

— Понимаю. Я стараюсь не разукрашивать рассказ, ничего не исправлять. Ничего не утаивать. Хотя порой такое желание возникает, особенно касательно утайки. — Она шмыгнула носом, pokrutila согнутым пальцем в уголке глаза. — Я привалила его ветками и камнями. Стемнело, мне пришлось там заночевать. Бандиты все еще крутились окрест, я слышала их крики и была почти уверена, что это не простые бандюги. Я только не знала, на кого они охотились: на меня или на него. Однако вынуждена была сидеть тихо. Всю ночь. До рассвета. Около трупa. Бррр.

— На рассвете, — немного помолчав, продолжала она, — от погони не осталось ни слуху ни духу, и можно было отправляться. Лошадь у меня уже была. Волшебный браслет, который я сняла с руки Хотспорна, и впрямь действовал. Вороная вернулась. Теперь она была моей. Это был мой приз. Есть такой обычай на Островах Скеллиге, знаешь? От первого любовника девушке полагается дорогой подарок. Ну, какая разница, что мой-то умер, так и не успев стать первым?

Кобыла топнула передними копытами о землю, заржала, стала боком, словно повелев любоваться собой. Цири не могла сдержать вздоха восхищения при виде ее небольшой изящной головы с выпуклым лбом, сидящей на гибкой шее морского льва с прекрасно вырисовывающимися мускулами, высокой холки, всего тела, изумляющего своей пропорциональностью.

Она осторожно подошла, показывая кобыле браслет на запястье. Кобыла протяжно фыркнула, прижала подвижные уши, но позволила схватить себя за трензеля и погладить по бархатистому носу.

— Кэльпи, — сказала Цири. — Ты черная и гибкая, как морская кэльпи. Ты изумительна и волшебна, как кэльпи. Вот и будет тебе имя — Кэльпи. И мне все равно — претенциозно это или нет.

Кобыла зафыркала, поставила уши торчком, тряхнула шелковистым хвостом, доходящим до самых бабок. Цири, обожающая высокую посадку, подтянула стремянные ремни, протерла нетипичное плоское седло без арчака и передней луки. Подогнала сапог к стремям и ухватила лошадь за гриву.

— Спокойно, Кэльпи.

Седло вопреки ожиданию было вполне удобным. И по понятным причинам гораздо более легким, чем обычное кавалерийское с высокими луками.

— Ну а теперь, — сказала Цири, похлопывая лошадь по горячей шее, — посмотрим, такая ли ты резвая, как красивая. Настоящий ли ты скакун, или всего лишь парадная лошадка. Что скажешь относительно двадцати миль галопа, Кэльпи?

Если б глубокой ночью кто-нибудь исхитрился тихарем подобраться к затерявшейся среди топей хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы седобородого старика, слушающего повествование девушки с зелеными глазами и пепельными волосами.

Он увидел бы, как догорающие поленья в камине оживают и светлеют, словно в предчувствии того, что услышат.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата старого Высоты была хорошо укрыта среди камышей на болоте. На вечно затянутом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заходить.

— Пойма ручья была ровной, пригодной для езды, поэтому Кэльпи летела словно вихрь. Конечно, ехала я не вверх по течению, а вниз. Я помнила это довольно странное название: «Ревность». Вспомнила, что Хотспорн говорил на станции Гиселеру. Поняла, почему он предостерегал меня. В Ревности была ловушка. Когда Гиселер отмахнулся от предложения, касающегося амнис-

тии и работы на гильдию, Хотспорн сознательно напомнил о расположившемся в поселке охотнике за наградами. Он знал, на какую приманку Крысы клюнут, знал, что поедут туда и попадут в капкан. Мне необходимо было добраться до Ревности раньше их, перерезать им дорогу, предупредить. Завернуть. Всех. Или хотя бы только Мистле.

— Насколько я понял, — пророчал Высогота, — из этого ничего не получится.

— Тогда, — сказала она глухо, — я считала, что в Ревности ожидает вооруженный до зубов многочисленный отряд. Я и подумать не могла, что засада — всего лишь один человек.

Она умолкла, глядя в темноту.

— И понятия не имела, что это за человек. Какой это человек.

Бирка когда-то была селом богатым, красивым и живописно расположенным — ее желтые крыши и красные черепицы плотно заполняли котловину с крутыми лесистыми склонами, меняющими цвет в зависимости от времени года. Особенно осенью Бирка радовала взгляд и впечатлительное сердце.

Так было до тех пор, пока поселок не сменил названия. А получилось это так: молодой кмет, эльф из ближнего эльфьего поселения, был насмерть влюблен в мельникову дочку из Бирки. Котетка-дочка высмеяла притязания эльфа и продолжала «общаться» с соседями, знакомыми и даже родственниками. Те стали подтрунивать над эльфом и его слепой как у крота любовью. Эльф — что довольно нетипично для эльфов — вспылал гневом и жадой мести, причем вспылал чрезмерно. Однажды ветреной ночью он подкинул огонь и спалил всю Бирку.

Потерявшие практически все погорельцы пали духом. Одни пошли по миру, другие перестали работать и запили. Деньги, которые собирали на восстановление, постоянно растрачивались и пропивались, и теперь богатое некогда поселение являло собой образец нищеты и отчаяния, стало сборищем уродливых и кое-как сляпанных халуп под голым и начерно обгоревшим склоном котловин. До пожара у Бирки была овальной формы центральная рыночная площадь, теперь же из немногочисленных более или менее прилично восстановленных домов, амбаров и винокурен выстроилось что-то вроде длинной улочки, которую замыкал фасад поставленного совместными усилиями постоянного двора и трактира «Под головой химеры», который содержала вдова Гулё.

И уже семь лет никто не пользовался названием «Бирка». Говорили «Пылкая Ревность», для сокращения — просто «Ревность».

По улице Ревности ехали Крысы. Стояло холодное, облачное, хмурое утро. Люди скрывались в домах, прятались в сараях и мазанках. У кого были ставни — тот с треском захлопывал их, у кого были двери — тот запирали их и подпирал изнутри колом. У кого

еще оставалась водка, тот пил для куражу. Крысы ехали шагом, демонстративно медленно, стремя в стремя. На их лицах лежало безграничное презрение, но прищуренные глаза внимательно рассматривали окна, навесы и углы строений.

— Один белът из арбалета, — громко предостерег на всякий случай Гиселер. — Один щелчок тетивы — и начнем резать!

— И еще раз пустим здесь красного петуха! — добавила звучным сопрано Искра. — Оставим чистую землю и грязную воду!

У некоторых жителей наверняка были самострелы, но не нашлось такого, кто захотел бы проверить, не болтают ли Крысы на ветер.

Крысы слезли с лошадей. Отделяющую их от трактира «Под головой химеры» четверть стае прошли пеше, бок о бок, ритмично позванивая и бренча щпорами, украшениями и бижутерией.

Со ступеней трактира, увидев их, смылись трое ревнюков, гасивших вчерашнее похмелье пивом.

— Хорошо, если б он был еще здесь, — буркнул Кайлей. — Шляпанули мы. Нечего было тянуть, надо было гнать сюда хотя бы ночью...

— Балда, — ощерилась Искра. — Если мы хотим, чтобы барды о нас песни слагали, то нельзя было делать этого ночью, впотьмах. Люди должны видеть! Лучше всего — утром, пока еще все трезвые, верно, Гиселер?

Гиселер не ответил. Он поднял камень и с размаху засадил им в дверь трактира.

— Вылезай, Бонарт!

— Выползай, Бонарт! — хором подхватили Крысы. — Выползай, Бонарт!

Внутри слышались шаги. Медленные и тяжелые. Мистле почувствовала пробежавшую по спине дрожь.

В дверях появился Бонарт.

Крысы невольно отступили на шаг, каблуки высоких сапог уперлись в землю, руки ухватились за рукояти мечей. Охотник за наградами держал свой меч под мышкой в ножнах. Таким образом, у него были свободные руки — в одной очищенное от скорлупы яйцо, в другой — кусок хлеба.

Он медленно подошел к поручням, взглянул на Крыс сверху, свысока. Он стоял на крыльце, да и сам был велик. Огромен, хоть и тощ, как гуль.

Он глядел на них, водил водянистыми глазами от одного к другому. Потом откусил сначала кусочек яйца, потом кусочек хлеба.

— А где Фалька? — спросил невнятно. Крошки желтка рассыпались у него с усов и губ.

— Гони, Кэльпи! Гони, красавица! Гони что есть мочи!

Вороная кобыла громко заржала, вытянула шею в сумасшедшем галопе. Щебенка градом летела из-под копыт, хотя казалось, что копыта едва касаются земли.

* * *

Бонарт лениво потянулся, скрипнул кожаной курткой, медленно натянул и старательно расправил лосевые перчатки.

— Как же так? — скривился он. — Убить меня хотите? И за что же?

— А за Мухомора, чтоб далеко не ходить, — ответил Кайлей.

— И веселья ради, — добавила Искра.

— И для собственного спокойствия, — подкинул Рееф.

— А-а-а, — медленно протянул Бонарт. — Вон оно, значит, в чем дело-то! А ежели я пообещаю оставить вас в покое, отстанете?

— Не-а, пес паршивый, не отстанем, — обольстительно улыбнулась Мистле. — Мы тебя знаем. Знаем, что ты не отлипнешь, будешь тащиться следом и ждать okazji тыркнуть кого-нибудь из нас в спину. Выходи!

— Помаленьку! Помаленьку! — Бонарт усмехнулся, зловеще растягивая губы под седыми усами. — Поплясать мы всегда успеем. Чего понапрасну возбуждаться-то? Для начала послушайте мое предложение, Крысы. Предлагаю выбор; а уж вы поступите по своему разумению.

— Ты чего бормочешь, старый гриб? — крикнул Кайлей, горбатясь. — Говори ясней.

Бонарт покачал головой и почесал ягодицу.

— Награда за вас назначена, Крысы. Немалая. А жить-то надо.

Искра фыркнула на манер лесного кота, по-кошачьи раскрывая глаза. Бонарт скрестил руки на груди, переложив меч на сгиб локтя.

— Немалая, говорю, награда за мертвых. За живых чуток поболе. Поэтому мне, честно говоря, все едино. Лично против вас я ничего не имею. Еще вчера думал, что прикончу вас просто так, интереса и веселья ради. Но вы пришли сами, сэкономили мне время и силы и тем прямо за самое сердце меня взяли. Поэтому позволю вам выбирать. Как хотите, чтобы я вас взял: по-доброму или по-злему?

На скулах Кайлея заходили желваки. Мистле наклонилась, приготовилась к прыжку. Гиселер схватил ее за плечо.

— Он хочет нас раззадорить, — прошипел он. — Пусть болтает, каналья!

Бонарт прыснул.

— Ну? — повторил он. — Так как: по-доброму или по-злему? Я, к примеру, советую первое. Потому как, понимаете, по-доброму га-а-а-раздо меньше больно.

Крысы как по команде выхватили оружие. Гиселер махнул клинком крест-накрест и замер в позиции фехтовальщика. Мистле сочно сплюнула.

— А ну, иди сюда, костяное чучело, — сказала она внешне спокойно. — Иди, подлюга. Прикончим, как старого, седого, завшивевшего пса.

— Стало быть, предпочитаете по-плохому. — Бонарт, глядя куда-то поверх крыш домов, медленно вытянул меч, отбросив в сторону ножны. Не спеша спустился с приступочек, позвякивая шпорами.

Крысы быстро расположились поперек улочки. Кайлей отошел дальше всех влево, почти к стене винокурни. Рядом с ним встала Искра, кривя тонкие губы в присущей ей страшной ухмылке. Мистле, Ассе и Рееф отошли вправо, Гиселер остался посередине, поглядывая на охотника за наградами из-под прищура.

— Ну, яды, Крысы. — Бонарт осмотрелся по сторонам, глянул в небо, потом поднял меч и поплевал на острие. — Коль пошла такая пляска... А ну, музыка! Играй!

Они бросились друг на друга, словно волки, мгновенно, тихо, без предупреждения. Запели в воздухе клинки, заполняя улочку стоном стали. Вначале были слышны только удары клинков, вздохи, стоны и ускоренное дыхание.

А потом неожиданно и вдруг Крысы начали кричать. И умирать.

Рееф вылетел из клубка первым, треснулся спиной о стену, брызжа кровью на грязно-белую известку. За ним нетвердым шагом выкатился Ассе, согнулся и упал на бок, попеременно сгибая и разгибая колени.

Бонарт вертелся и прыгал как волчок, окруженный мерцанием и свистом клинка. Крысы пятились от него, подсказывали, делая выпады и отпрыгивая, яростно, заядло, безжалостно и... безрезультатно. Бонарт парировал, рубил, нападал, непрерывно атаковал, не давал передышки, навязывал темп. А Крысы отступали. И умирали.

Искра, получив в шею, упала в грязь, свернувшись клубком как кошка, кровь из артерии брызнула на лодыжки и колени переступавшего через нее Бонарта. Охотник широким взмахом отразил выпад Мистле и Гиселера, развернулся и молниеносным ударом разделал Кайлея от ключицы до бедра, ударив его самым концом меча. Кайлей выпустил меч, но не упал, только согнулся и обеими руками схватился за грудь и живот, а из-под ладоней хлестала кровь. Бонарт снова увернулся от удара Гиселера, парировал нападение Мистле и рубанул Кайлея еще раз. Размозжил ему висок. Светловолосый Крыс упал в лужу собственной крови, смешанной с грязью.

Мистле и Гиселер замерли на мгновение, но вместо того чтобы бежать, заорали в один голос, дико и бешено. И кинулись на Бонарта.

Кинулись и нашли свою смерть.

* * *

Цири влетела в поселок и помчалась галопом по улочке. Из-под копыт вороной кобылы полетели брызги грязи.

Бонарт пнул каблуком Гиселера, лежавшего у стены. Главарь Крыс не подавал признаков жизни. Из разрушенного черепа уже перестала вытекать кровь.

Мистле, стоя на коленях, искала меч, шаря обеими руками по грязи и не видя, что ползает в быстро растущей луже крови. Бонарт медленно подошел к ней.

— Не-е-е-е-е!!!

Охотник поднял голову.

Цири с ходу соскочила с лошади, завертелась, упала на одно колено.

Бонарт усмехнулся.

— Крысеха, — сказал он. — Седьмая Крысеха. Хорошо, что ты здесь. Тебя-то мне и не доставало для комплекта.

Мистле нащупала меч, но не в состоянии была его поднять. Она захрипела и, кинувшись под ноги Бонарта, дрожащими пальцами вцепилась в голенища его сапог. Раскрыла рот, чтобы крикнуть, но вместо крика из ее глотки вырвалась блестящая карминовая струя. Бонарт сильно ударил ее, свалив в навоз. Однако Мистле, обеими руками держась за распоротый живот, сумела все-таки подняться снова.

— Неееее! — крикнула Цири. — Мистлеее!!!

Охотник за наградами не обратил внимания на ее крик, даже головы не повернул, а завертел мечом и ударил размашисто, как косой, жутким ударом, который подхватил Мистле с земли и бросил на стену, словно мягкую тряпичную куклу, будто замаранный красным лоскут.

Крик увяз в гортани Цири. Руки тряслись, когда она хваталась за меч.

— Убийца, — прошипела она сквозь стиснутые зубы, поражаясь, как чуждо прозвучал собственный голос. Чужие губы вдруг стали чудовищно сухими. — Убийца! Мразь!

Бонарт, слегка наклонив голову, с интересом рассматривал ее.

— Будем помирать?

Цири шла к нему, обходя его полукругом. Меч в поднятых и выпрямленных руках двигался, обманывал, вводил в заблуждение.

Охотник за наградами громко рассмеялся.

— Умирать! — повторил он. — Крысеха решила умереть.

Он поворачивался медленно, не сходя с места, не давая поймать себя в обманную ловушку полукруга. Но Цири было все равно. Она кипела от ярости и ненависти, дрожала от жажды убийства, стремилась достать этого страшного старика, почувствовать,

как клинок врезается в его плоть. Хотела увидеть его кровь, хлещущую из рассеченных вен в ритме последних ударов сердца.

— Ну, Крысиха. — Бонарт поднял испачканный меч и плюнул на острие. — Прежде чем подохнешь, покажи, на что ты способна. Давай, музыка, играй!

— Ей-богу, не знаю, как получилось, что они не прикончили друг дружку в первом же бою, — рассказывал спустя шесть дней Никляр, сын гробовщика. — Видать, здорово хотели позабавить. Да и оно видно было. Она его, он ее. Налетели дружка на дружку, столкнулись мгновенно, и пошел сплошной звон от мечей-то. Может, двумя, может, тремя ударами обменялись. Некому было считать-то ни глазом, ни ухом. Так шибко бились, уважаемый, что глаз человеческий аль ухо не ловили того. А плясали и скакали доокколо себя словно твои две ласки!

Стефан Скеллен, по прозвищу Филин, слушал внимательно, поигрывая нагайкой.

— Отскочили дружка от дружки, — тянул парень, — а ни на ей, ни на ём — ни царапинки. Крысиха-то была, видать, злющая как сам черт, а уж шипела не хуже котища, когда у его хотят мышшь отобрать. А милсдарь господин Бонарт был совсем спокойным.

— Фалька, — сказал Бонарт, усмехаясь и показывая зубы, как настоящий гуль. — Ты и верно умеешь плясать и мечом вертеть! Ты меня заинтересовала, девушка. Кто ты такая? Скажи, прежде чем умрешь.

Цири тяжело дышала. Чувствовала, как ее начинает охватывать ужас. Поняла, с кем имеет дело.

— Скажи, кто ты такая, и я подарю тебе жизнь.

Она крепче стиснула рукоять. Необходимо было пройти сквозь его выпады, парирования, рубануть его прежде, чем он успеет заклониться. Нельзя было допустить, чтобы он отбивал ее удары, нельзя было и дальше принимать на свой меч его меч, испытывать боль и надвигающийся паралич, который пронизывал ее насквозь и заставлял костенеть при его выпадах локоть и предплечье. Нельзя было растрачивать энергию на пустые уверты от его ударов, проходящих мимо не больше чем на толщину волоса. «Я заставлю его промахнуть, — подумала она. — Сейчас. В этой стычке. Или умру».

— Ты умрешь, Крысиха, — сказал он, идя на нее с выставленным далеко вперед мечом. — Не боишься? Все потому, что не знаешь, как выглядит смерть.

«Каэр Морхен, — подумала она, отскакивая. — Ламперт. Гребень. Сальто».

Она сделала три шага и пируэт, а когда он напал, отмахнувшись от финта, она крутанула сальто назад, упала в полуприсест и тут же рванулась на него, поднырнув под его клинок и выворачив-

вая сустав для удара, для страшного удара, усиленного мощным разворотом бедер. И тут ее неожиданно охватила эйфория, она уже почти чувствовала, как острие вгрызается ему в тело.

Но вместо этого был лишь жесткий, стонущий удар металла о металл. И неожиданная вспышка в глазах. Удар и боль. Она почувствовала, что падает, почувствовала, что упала. «Он парировал и отвел удар, — подумала она. — Я умираю».

Бонарт пнул ее в живот. Вторым пинком, точно и болезненно нацеленным в локоть, выбил у нее из рук меч. Цири схватилась за голову, она чувствовала тупую боль, но под пальцами не было раны и крови. «Он ударил кулаком, — зло подумала она. — Я просто получила кулаком. Или головкой меча. Он не убил меня. Отлупцевал как соплячку».

Она открыла глаза.

Охотник стоял над ней, страшный, худой как скелет, возвышающийся как большое безлистное дерево. От него разлило потом и кровью.

Он схватил ее за волосы на затылке, поднял, заставил встать, но тут же рванул, выбивая землю из-под ног, и потащил, орущую как осужденная на вечные муки, к лежащей у стены Мистле.

— Не боишься смерти, да? — буркнул он, прижимая ее голову к земле. — Так погляди, Крысиха. Вот она — смерть. Вот так умирают. Погляди, это кишки. Это кровь. А это — говно! Вот, что у человека внутри.

Цири напряглась, согнулась, вцепившись в его руку, зашлась в сухом позыве. Мистле еще жила, но глаза уже затянул туман, они уже стекленели, стали рыбьими. Ее рука, будто ястребиный коготь, сжималась и разжималась, зарывшись в грязь и навоз. Цири почувствовала резкую, пронизывающую вонь мочи. Бонарт залился хохотом.

— Вот так умирают, Крысиха. В собственном дерьме и кишках!

Он отпустил ее. Она упала на четвереньки, сотрясаемая сухими, отрывистыми рыданиями. Мистле была рядом. Рука Мистле, узкая, нежная, мягкая, умная рука Мистле...

Она уже не шевелилась.

— Он не убил меня. Привязал к коновязи за обе руки.

Высогота сидел неподвижно. Он сидел так уже долго. Даже сдерживал дыхание. Цири продолжала рассказ, ее голос становился все глуше, все неестественнее и все неприятнее.

— Он приказал сбежавшимся принести ему мешок соли и бочонок уксуса. И пилу. Я не знала... Не могла понять, что он надумал... Тогда еще не знала, на что он способен. Я была привязана... к коновязи... Он крикнул каких-то челядников, приказал им держать меня за волосы... и не давать закрыть глаза. Показал им, как... Так, чтобы я не могла ни отвернуться, ни зажмуриться... Чтобы

видела все, что он делает. «Надобно позаботиться, чтобы товар не протух, — сказал он. — Чтобы не разложился!..»

Голос Цири надломился, сухо увяз в горле. Высогота, неожиданно поняв, что сейчас услышит, почувствовал, как слюна заполняет ему рот.

— Он отрезал им головы, — глухо сказала Цири. — Пилой. Гиселеру, Кайлею, Ассе, Реефу, Искре... И Мистле. Отпиливал им головы... Поочередно. У меня на глазах.

Если б в ту ночь кто-нибудь сумел подкрасться к затерянной среди трясин хате с провалившейся и обросшей мхом стрехой, если б заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатушке седобородого старика в кожухе и пепельноволосую девушку с лицом, изуродованным шрамом во всю щеку. Увидел бы, как девушка содрогается от плача, как всхлипывает, как бьется в руках старика, а тот пытается ее успокоить, неловко и машинально глядя и похлопывая по содрогавшимся в спазмах плечам.

Но это было невозможно. Никто не мог этого увидеть. Хата была хорошо спрятана среди камышей на болоте. На вечно покрытом туманами безлюдье, на которое никто не отваживался заглядывать.

Часто мне задавали вопрос, как получилось, что я решил записывать свои воспоминания. Многих, казалось, интересовал тот момент, когда начали возникать мои мемуары, какой именно факт, событие или же явление сопутствовали началу записей либо дали толчок к ним. Сначала я давал разные пояснения и час-тенько лгал, однако же теперь предпочитаю писать правду, поскольку сегодня, когда волосы мои поседали и заметно поредели, я знаю, что правда есть ценное зерно, ложь же — ни на что не годные плевелы.

А правда такова: событием, которое дало всему начало и которому я обязан первой записью, из коих впоследствии начал формироваться труд моей жизни, было то, что я совершенно случайно нашел клочок бумаги и обломок свинцового карандаша среди вещей, которые я и мои друзья позаимствовали из лирийских военных лагерей. Случилось это...

Лютик. «Полвека поэзии»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Случилось это спустя пять дней после сентябрьского новолуния, точно на тридцатый день нашего похода, считая с момента, когда мы покинули Брокилон, и на шестой день после Битвы на Мосту.

Сейчас, любезные мои будущие читатели, я немного отступлю во времени и опишу события, кои имели место непосредственно после достославной и чреватой последствиями Битвы на Мосту. Однако вначале я ознакомлю с событиями то, уверен, неисчислимо множество читателей, кои о Битве на Мосту ничего не знают, то ли в силу иных интересов, то ли по причине общей невежественности. Разъясню: оная Битва имела место быть в последний день августа Года Великой Войны в Ангрене, на мосту, стягивающем два берега реки Яруги в районе поселения, именуемого Красная Биндюга. Сторонами вышеупомянутого вооруженного конфликта были: армия Нильфгаарда с одной стороны и лирийский корпус под командованием королевы Мэвы с другой и мы, то есть мужественная команда — я, нижеподписавшийся, а также ведьмак Геральт, вампир Эмиель Регис Рогеллек Терзиефф-Годфрой, лучница Мильва и Кагыр Маур Дыффин азп Кеаллах, нильфгаардец, не переставший с упорством, достойным лучшего применения, утверждать, будто он и не нильфгаардец вовсе.

Тебе, читатель, также может быть не понятно, откуда в Ангрене взялась королева Мэва, о которой в то время шел слух, будто она со своей армией погибла во время нильфгаардской июльской инкursions на Лирию, Ривию и Аэдирн, приведшей к полному захвату этих стран и их оккупации имперскими войсками. Однако же Мэва не погибла, как предполагали, в бою и не попала в нильфгаардский плен. Собрав под свои знамена крупный отряд конников из уцелевшего лирийского войска, а также наемников и обычных бандитов, доблестная Мэва развернула партизанскую войну против нильфгаардцев. А

для такой войны дикий Ангрен был идеальным местом — можно было и из засады ударить, и затаиться где-нибудь в лесах и перелесках, потому как в Ангрене с лесами все в порядке. Правду сказать, кроме лесов-то, в той краине ничего и нету. Что следует отметить особо.

Отряд Мэвы, к тому времени именуемый не иначе как Армией Белой Королевы, быстро набирал силы и такой лихости, что ухитрился бесстрашно переправиться на левый берег Яруги, дабы там, на глубоких тылах противника, скакать и носиться вдоволь.

И теперь мы возвращаемся к нашим баранам, в смысле к Битве на Мосту. Тактическая ситуация складывалась нижеследующим образом: партизаны королевы Мэвы, пошумев на левом берегу Яруги, захотели перебраться на правый берег, но налетели на нильфгаардцев, разбойничавших на правом берегу той же Яруги, которую, кстати, именовали, смешно подумать, Яррой. На вышепоименованных нарвались мы с центральной позиции, то есть с самой середины реки Яруги, с обеих сторон — и левой, и правой — какими-то не известными нам в то время вооруженными людьми окруженные. Не имея по сему случаю возможности куда-либо ретироваться, мы проявили невиданный героизм и покрыли себя неувядаемой славой. Битву, кстати сказать, выиграли лирийцы, поскольку им таки удалась их стратегическая задумка, то бишь бегство на правый берег. Нильфгаардцы сбежали в неизвестном направлении и тем самым бой проиграли. Я, конечно, понимаю, что все это звучит несколько конфузно и по-любительски, и не упущу возможности перед опубликованием записок проконсультировать текст с каким-либо военным теоретиком. Сейчас же я опираюсь на авторитет Кагыра азп Кеаллаха, единственного солдата в нашей команде. Кагыр же утверждает, что одержание победы методом своевременной ретирады с поля боя допускает большинство милитарных доктрин.

Участие нашей команды в битве, бесспорно, достойное всяческой похвалы, однако имело и негативные последствия. С Мильвой, которая была в интересном положении, произошел несчастный случай. У нее случился выкидыш. Остальным повезло, ибо никто не получил серьезных повреждений. Но никто же ни почестей не дождался, ни даже благодарности, за исключением ведьмака Геральта, поскольку ведьмак Геральт, вопреки неоднократным — и явно ошибочным — заявлениям о своей индифферентности и не менее же неоднократно декларируемой нейтральности, в Битве продемонстрировал пруть столь же великую, сколь и чрезмерно эффектную, иными словами, бился воистину показательно, если не сказать — театрально. Его заметили, и Мэва, королева Лирии, собственной десницей свершила над ним акколаду, посвятив его в рыцари. От этой почести, как вскоре оказалось, было больше неприятности, нежели авантюра.

Ибо следует тебе знать, любезный читатель, что ведьмак Геральт всегда был личностью скромной, рассудительной и выдержан-

ной, поведения прямого и неусложненного наподобие ратовища алебарды или вил. Однако неожиданное вознесение и кажущаяся милость королевы Мэвы заметно его изменили, и не зная я его лучше, то сказал бы, что он возгордился и, вместо того чтобы побыстрее и понезаметнее сойти со сцены, болтался в королевской свите, ликовал, купался в лучах славы и королевской милости.

А нам слава и популярность нужны были менее всего. Тем, кто подзабыл, напоминаю, что тот же самый ведьмак Геральт из Ривии, волею королевы Мэвы ставший ныне рыцарем Геральтом Ривским, преследовался органами безопасности всех Четырех Королевств, что было связано с бунтом мажиков на острове Танедд. Меня, человека невинного и чистого как слеза ребенка, пытались обвинить в шпионаже. Сюда же следует отнести Мильву, сотрудничавшую с друидами и ская'тазлями и причастную, как оказалось, к известной резне на границах леса Брокилон. Не остался в стороне и Кагыр азп Кеаллах, нильфгаардец, подданный, как ни говори, враждебного государства, присутствие которого на несвойственной ему стороне фронта объяснить и оправдать было бы непросто. В общем, все складывалось так, что единственным членом нашей команды, биографию которого не подмочили ни политические, ни криминальные деяния, был вампир. Таким образом, раскрытие и выявление кого-либо из нас грозило всем остальным, мягко выражаясь, насаждением на острые осиновые колья. Каждый день, проведенный — вначале, впрочем, с приятностью, сыто и беспечно — под сенью лирийских штандартов, повышал риск материализации вышесказанного.

Геральт, которому я на это категорично указал, слегка посмурнел, но не замедлил высказать свои соображения, коих оказалось два. Во-первых, Мильве после случившегося с ней все еще требовались присмотр и опека, а при армии имелись фельдшеры. Во-вторых, армия королевы Мэвы направлялась на восток, в сторону Казд Дху, а наша компания, прежде чем сменить направление и влипнуть в вышеописанную историческую битву, тоже двигалась в Казд Дху — у прожигивающих там друидов мы надеялись получить сведения, которые могли бы помочь найти Цири. С прямого пути к друидам нас вынудили свернуть буйствовавшие в Ангрене разведки и никому не подчиняющиеся банды. Теперь, под защитой дружественной лирийской армии, при милости и доброжелательности королевы Мэвы, дорога на Казд Дху была нам открыта, более того, казалась простой и безопасной.

Я упреждал ведьмака, что это всего лишь видимость, что королевская милость может обернуться своей тыльной стороной. Ведьмак слушать не пожелал. А кто оказался прав, скоро стало ясно всем. Как только разошлась весть, что с востока, от перевала Кламат, идет на Ангрен мощная нильфгаардская карательная экспедиция, войско Лирии не мешкая завернуло на север, к горам Махакама. Геральт

ту, как нетрудно догадаться, такой финт вовсе не улыбался — он спешил к друидам, а не в Махакам! Наивный, словно ребенок, он помчался к королеве Мэве, намереваясь получить увольнение из армии и королевское благословение его личных интересов. И в тот же момент окончились королевская любовь и благожелательность, а уважение и восхищение героем Битвы за Мост развеялись как дым. Рыцарю Геральту Ривскому холодно и твердо напомнили об его рыцарских обязанностях перед королевой. Все еще слабую Мильву, вампира Региса и нижеподписавшегося велено было незамедлительно включить в колонну тащившихся за армией беженцев и штатских. Кагыр азн Келлах, рослый юноша, который ну никак уж на штатского не смахивал, был препоясан бело-голубым шарфом и включен в так называемую вольную команду, то есть подразделение кавалерии, составленное из хулиганов и бродяг, подбираемых на дорогах лирийским корпусом. Таким образом, нас разделили и походило на то, что наша экспедиция зачухла — прошу простить за вульгаризм — окончательно и бесповоротно.

Однако, как ты догадываешься, дорогой читатель, это вовсе не был конец, более того, это не было даже начало! Мильва, узнавшая о развитии событий, тот же час назвалась здоровой и дееспособной и первой призвала к бегству. Кагыр сунул в кусты шарф с королевскими цветами и сбегал из вольной команды на волю, а Геральт выскользнул из роскошных шатров первосортного рыцарства.

Не стану разбрасываться по мелочам, а врожденная скромность не позволяет мне чрезмерно выпячивать свои собственные — немалые — заслуги в описываемом мероприятии. Отмечу лишь факт: в ночь с пятого на шестое сентября наша команда втихую покинула корпус королевы Мэвы. Прежде чем распрощаться с лирийским войском, мы не преминули обильно экипироваться, не спрашивая, разумеется, на то согласия квартирмейстерской службы. Слово «грабеж», кое употребила Мильва, я воспринимаю как чересчур крепкое. Ведь в принципе нам полагалось какое-никакое вознаграждение за участие в достопамятной Битве за Мост. А если не вознаграждение, то хотя бы компенсация и возмещение понесенных убытков! Умалчивая о трагическом происшествии с Мильвой, синяках и ранах Геральта и Кагыра, нельзя не сказать, что в бою нам прикончили или покалечили всех лошадей, кроме моего верного Пегаса и норовистой кобылы ведьмака Плотвы. Поэтому в порядке рекомпенсации мы прихватили трех полнокровных кавалерийских верховых коней и одну запасную лошадку. Взяли также лишь столько снаряжения, сколько сумели ухватить — справедливости ради скажу, что половину взятого нам впоследствии пришлось выкинуть за ненадобностью. Как выразилась Мильва, «так всегда бывает, когда хапаешь втемную». Наиболее полезная часть краденого пришлась на вампира Региса, который в темноте видит лучше, чем днем. Дополнительно Регис снизил боеспособность лирий-

ской армии, прихватив мышинного цвета упитанного мула, которого вывел из огады так ловко, что ни одно животное даже не фыркнуло и не топнуло. Байки о животных, чувствующих вампиров и реагирующих на их запах паническим страхом, явно следует отнести к области народного творчества, разве что речь идет о некоторых животных и некоторых вампирах. Добавлю, что тот мышастый мул держится при нас до сих пор. После того как мы потеряли запасную лошадку, которая где-то заплутала позже в лесах Заречья, перепуганная волками, мул несет наш багаж, вернее, то, что от него осталось. Зовут мула Дракуль, имечко это дал ему Регис сразу после изыятия, да так оно и осталось. Региса явно забавляет это имя, несомненно, имеющее какое-то шутовское звучание в культуре и речи вампиров, нам же он этого разъяснить не пожелал, утверждая, что «сие есть непереводаемая игра слов».

Таким-то вот образом компания наша снова вышла на тракт, а уже и без того достаточно длинный перечень лиц, которые нас не любили, стал еще длиннее. Геральт Ривский, рыцарь без страха и упрека, покинул ряды рыцарства еще до того, как посвящение было подтверждено патентом, а придворный герольд придумал ему герб. Кагыр же аэп Кеаллах в долголетнем конфликте Нильфгаарда с нордлингами ухитрился уже драться в рядах обеих армий и из обеих дезертировать, заочно заработав и там и тут смертный приговор. Да и остальные были в отнюдь не лучшей ситуации — в конце концов веревка есть веревка простое, и не столь уж велика разница, за что тебя вздернут: за ущерб, нанесенный рыцарской чести, дезертирство или поименование армейского мула Дракулем.

Пусть же тебя не удивляет, любезный читатель, что мы принимали воистину титанические усилия, дабы максимально увеличить разрыв между нами и корпусом королевы Мэвы. Что было сил в конях, гнали на юг, к Яруге, намереваясь переправиться на левый берег. И вовсе не только для того, чтобы отгородиться рекой от королевы и ее партизан, а потому, что безлюдья Заречья были не столь опасны, как охваченный войной Ангрен, — к друидам в Казд Дху гораздо разумнее было двигаться левым, а не правым берегом. Парадоксально, поскольку левый берег Яруги — это уже территория вражеской Нильфгаардской Империи. «Породил» эту левобережную концепцию ведьмак Геральт, у которого после выхода из братства посвященных в рыцари самоуверенных нахалов в значительной степени восстановились разум, способность логически мыслить и свойственная ему предусмотрительность. Будущее показало, что план ведьмака был чреват последствиями и повлиял на результат всей экспедиции. Но об этом позже.

У Яруги, когда мы туда добрались, полно было нильфгаардцев, переправлявшихся по отстроеному мосту в Красной Биндуге, чтобы продолжать наступление на Ангрен, а скорее всего и дальше, на

Темерию, Махакам, и одному богу известно, куда еще нацелился нильфгаардский генеральный штаб. Нечего было и думать форсировать реку с ходу, следовало затаиться и ждать, пока не перейдут войска. Битых двое суток мы просидели в приречных лозах, подпитывая ревматизм и откармливая москитов. Ко всему прочему погода вскоре испортилась, моросило, сквозило и от холода зуб на зуб попадал только по чистой случайности. Такого холодного сентября я не припомню в числе многочисленных оставшихся в моей памяти сентябрей. Именно тогда-то, любезный читатель, обнаружив среди позаимствованных из лирийских обозов вещей клочок бумаги и обломок карандаша, я и начал, чтобы убить время и забыть о невзгодах, вспоминать и увековечивать некоторые из наших приключений.

Докучливая слякоть и вынужденное бездействие вконец испортили нам настроение и вызвали разные черные мысли. Особенно у ведьмака. Геральт уже давно подсчитывал дни, отделяющие его от Цири — а каждый день, проведенный не в пути, отдалял его — как он думал — от девушки все дальше. Теперь, в мокром лозняке, на холоде, под дождем, ведьмак с каждой минутой становился все угрюмее и злее. Было заметно, что он сильно хромает, а когда ему казалось, что никто его не видит и не слышит, он ругался и шипел от боли. Надобно тебе знать, милый читатель, что Геральту поломали кости во время мятежа чародеев на острове Танедд. Фрактуры срастались и вылечились магическими стараниями дриад из леса Брокилон, но докучать, видимо, не перестали. Поэтому ведьмак испытывал и телесные, и душевные страдания, и злым из-за этого был как хрен с укусом. Не подступись.

И вновь его начали преследовать сны. Девятого сентября утром, когда он спал после ночного бдения, он поразил всех, с криком сорвавшись с лежанки и схватившись за меч. Это походило на амок, но, к счастью, прошло моментально.

Он отошел в сторону, вскоре вернулся с угрюмой миной и сообщил ни много ни мало, что немедленно распускает дружину и дальше отправится один, поскольку там где-то творятся чудовищные вещи, что время торопит, что становится опасно, а он ни в какую не хочет подвергать опасности никого и ни за кого не желает нести ответственности. Он болтал и резонерствовал так нудно и так неубедительно, что никому не хотелось с ним спорить. Даже обычно терпеливый вампир отошел в сторонку, пожав плечами, Мильва сплунула, Кагыр сухо напомнил, что отвечает за себя сам, а что до риска, так не для того он носит меч, чтобы тот оттягивал ему пояс. Однако потом все разом замолкли и многозначительно уставились на нижеподписавшегося, несомненно, полагая, что я воспользуюсь оказией и вернусь домой. Вероятно, нет нужды добавлять, что разочарование их трудно поддается описанию.

Однако обстоятельства заставили нас прервать «передышку» и подтолкнули к смелому действию — форсировать Яругу. Признаюсь, такое мероприятие меня обеспокоило, поскольку план предполагал ночную переправу вплавь, осуществляемую, цитирую Мильву и Кагыра, «на конских хвостах». Даже если это была метафора — подозреваю, что отнюдь нет, — я как-то не представлял себе во время такой переправы ни себя, ни моего рысака Пегаса, на хвосте которого жидились все мои надежды на удачный исход операции. Плавание, говоря осторожно, не было и не стало моей сильной стороной. Плавание же «на конском хвосте» — и подавно. Если б Мать Природа хотела, чтобы я плавал, то в ходе акта творения и процесса эволюции она не упустила бы случая снабдить меня хотя бы перепонками между пальцами. Не говоря уж о Пегасе.

Мои тревожения оказались напрасными — по крайней мере касательно плавания на конском хвосте. Мы переправились совсем другим образом. Кто знает, не еще ли более безумным и, сказать по правде, совсем уж нахальным — по восстановленному мосту в Красной Биндюге, под самым носом у нильфгаардских постов и патрулей. Предприятие, как выяснилось, только на первый взгляд казалось диким лихачеством и смертельным риском, в действительности же прошло как по маслу. После того как проследовали линейные подразделения, по мосту туда и обратно принялись сновать обоз за обозом, экипаж за экипажем, стадо за стадом, толпы самого различного, в том числе и гражданского сброда, среди которого наша компания не выделялась совершенно ничем и никому в глаза не бросалась. Таким образом, десятого дня сентября месяца все мы перебрались на левый берег Яруги, только один раз окликнутые стражей, которой Кагыр, грозно насупившись, гневно буркнул что-то об императорской службе, подтвердив сказанное классической армейской и всегда эффективной «куррва ваша мать». Прежде чем кто-либо успел нами заинтересоваться еще, мы уже были на левом берегу реки, в глубине зареченских лесов, потому что здесь был только один тракт, и тот — на юг, а нам не подходили ни направление, ни обилие путающихся там нильфгаардцев.

На первой же ночевке в лесах Заречья меня тоже посетил дивный сон — однако в отличие от Геральта мне приснилась не Цири, а чародейка Йеннифэр. Как обычно вся в черном и белом, она витала в воздухе над угрюмым горным замком, а снизу другие чародейки грозили ей кулаками и всячески поносили. Йеннифэр взмахнула длинными черными рукавами платья и черным альбатросом улетела к бесконечному морю прямо навстречу восходящему солнцу. С этого момента сон обратился в кошмар. После пробуждения детали стерлись, остались нечеткие, мало осмысленные картинки, но были и картины жуткие: истязания, крик, боль, страх, смерть... Одним словом...

Я не стал рассказывать Геральту о своем сне. Слова не молвил. И, как выяснилось позже, правильно поступил.

— Йеннифэр ее звали! Йеннифэр из Венгерберга. И презнаменитейшая была чародейка! Чтоб мне рассвета не дожидаться, ежели лжу.

Трисс Меригольд вздрогнула, повернулась, пытаясь пробить взглядом толпу и сизый дым, плотно заполнявший главный зал таверны. Наконец встала из-за стола, с легким сожалением оставив филе из морского языка с анчоусовым маслом. Местное фирменное блюдо и первейший деликатес. Однако по тавернам и постоянным дворам Бреммервоорда она шаталась не для того, чтобы поглощать деликатесы, а ради сбора информации. Кроме того, ей надо было следить за фигурой.

Круг людей, в который предстояло втиснуться, был уже плотен и густ — в Бреммервоорде люди обожали рассказы и не упускали ни одной возможности послушать новый. А многочисленные моряки никогда не разочаровывали, всегда могли позабавить новым и свежим репертуаром морских басен и баек. Ясное дело, в основном матросским, но ведь это не имело ни малейшего значения. Рассказ есть рассказ. У него свои законы.

Рассказчица, занимавшая публику сейчас и упомянувшая Йеннифэр, была рыбачкой с Островов Скеллиге — полная, ширококостная, коротко остриженная, одетая, как и ее четыре спутницы, в вытертый до блеска камзол из нарвалей кожи.

— Случилось это в девятнадцатый день сентября месяца, наутро после второй ночи полнолуния, — излагала островитянка, отхлебывая пиво из солидных размеров кубка.

Ее рука, как заметила Трисс, была цвета старого кирпича, а обнаженные, узловатые мускулистые предплечья — никак не меньше двадцати дюймов в обхвате. У Трисс было двадцать два в талии.

— Рано-ранешенько, — продолжала рыбачка,водя глазами по лицам слушателей, — вышел наш баркас в море, на зунд промеж Ан Скеллиг и Спикероогой, на устричную отмель, где обнаковенно мы лососевые переметы ставим. Шибко спешили, потому как на шторм нагоняло, небо сильно темнело с захода. Надо было поживше выбрать лосося с сетей, иначе, сам знаешь, в сетях только морды помятые остаются, пооборванные, и весь улов идет псу под хвост.

Слушатели, в большинстве своем жители Бреммервоорда и Цидариса, в основном кормящиеся морем и существованием своим морю обязанные, покивали и поворчали с пониманием. Трисс лососей доводилось видеть обычно в виде розовых пластинок, но и она тоже покивала и поворчала с пониманием, поскольку не хотела выделяться. Она была здесь инкогнито, с секретной миссией.

— Приплыли мы... — продолжала рыбачка, покончив с кубком и дав знать, что кто-то из слушателей должен бы уже поставить другой. — Приплыли мы, значицца, выбираем сети, а тут вдруг Гудрун, Стурлихина дочка, как взвизгнет во весь голос. И пальцем в правый борт тычет! Глядим, а там летит чегой-то по воздуху, да не птица! У меня сердце аж захолонуло, потому как я сразу подумала, выворетенъ то аль гриф малый. Пролетают такие порой над Спикероогой, правда, в основном-то зимой, особливо при западном ветре. Но это черное чудо тем часом хлюсть в воду! И по волне — шмыг! Прям в наши сети. Запуталось в сетях-то и барахтается в воде, быдто тюлень какой. Тогда мы кучей, сколь нас было, а было нас баб восемь штук, за сеть и давай тягать энто на палубу! И только тута рты разинули! Потому как девка это оказалась! В платье черном и сама черна, как твой ворон. Сетью омотана, промежду двумя лососями, из которых в одном, чтоб я так здорова была, сорок два с половиной фунта было, не мене.

Рыбачка из Скеллиге сдула пену с кубка и отхлебнула немало. Никто из слушателей не комментировал и не выражал недоверия, хоть факт поймки лосося такого поразительного веса не помнили даже самые старшие из них.

— Черноволосая в сетях-то, — снова заговорила островитянка, — кашляет, водой морской плюется и дергается, а Гудрун, Стурлихина дочка, нервничает, потому как на сносях она, да в голос как заорет: «Кэльпи, — орет, — кэльпи энто, хавфруя!» А ведь каждый дурень знает, что не кэльпи это, потому как кэльпи-то давно бы уж сеть продрала, да и воше, неужто такое чудище даст себя на борт вытаранить? И не хавфруя это, потому как рыбьего хвоста у ей нету, а дева морская завсегда при хвосте рыбьем бывает, и воше ж она в море-то с неба свалилася, а видал кто-нибудь кэльпи или хавфрую, чтобы они по небу летали? Но Скади, Унина дочка, так та завсегда сразу же в крик: «Кэльпи!» Паникует. Да как ухватит за гаф! И с гафом-то к сети. А из сетей ка-ак брызнет синим, а Скади-то ка-ак заорет! Гаф влево, сама вправо, да пусть я сложну, ежели лжу, трижды перевернулася и ка-а-ак долбанется задницей о палубу! Ха, сразу видать стало, что этакая чародейка в сетях похуже, чем, между прочим, медуза, скорпена аль угорь дохлый костяной будет. А к тому ж еще и верещать ведьма почала и курвиться с угрозами всякими! А из сети аж шипит, воняет и пар идет, такое она там, в середке, волшебство нагадила! Ну, видим, не шуточки тут шуткуются.

Островитянка осушила кубок и не мешкая потянулась за следующим.

— Да, не шуточки это, — она громко отрыгнула, утерла нос и рот, — магичку в сети поймать! Чуем, что от той магии, чтоб я так жила, аж барка начинает сильнее качаться. Делать было нечего!

Бритта, Каренина дочка, подцепила сеть багром, а я схватила весло и бац, бац, бац!!!

Пиво брызнуло высоко и потекло по столу, несколько перевернувшихся кружек свалилось на пол. Слушатели вытирали щеки и брови, но не проронили ни слова обиды или замечания. Рассказ — это рассказ. У него свои законы.

— Поняла ведьма, с кем дело имеет. — Рыбачка выпятила обильный бюст и вызывающе осматрелась. Мол, с бабами со Скеллиге связываться не моги! — Говорит, дескать, поддаюся я вам по доброй воле и обещаю ни заклинаний, ни порчи, ну, не наводить. И имя свое назвала — Йеннифэр из Венгерберга.

Слушатели зашумели. После событий на Танедде прошло едва два месяца, имена подкупленных Нильфгаардом предателей еще были на слуху. Имя знаменитой Йеннифэр — тоже.

— Отвезли мы ее, — продолжала островитянка, — на Ард Скеллиг в Каэр Трольд к ярлу Краху ан Крайту. Боле я уж ее не видала. Ярл был в отбытии, говорили, как вернулся, вначале принял магичку сурово, однако ж позднее ласково и вежливо. Хм-м-м-м... А я только и ждала, какую мне чародейка супризу пожелует за то, что я ее веслом чуть не прибила. Думала, отлает меня перед ярлом. Ан нет. Слова не молвила, не пожаловалась. Гонористая баба. Держала слово. Позже, когда она убила, то мне ее дажить жаль было...

— Йеннифэр мертва? — крикнула Трисс, от изумления забыв о своем инкогнито и секретной миссии. — Йеннифэр из Венгерберга умерла?

— Ага, умерла. А как же. — Рыбачка допила пиво. — Мертвая она, как эта вот макрелина. Убила себя собственными чарами, магические фокусы проделывая. Совсем недавно это случилось, в последний день сентября, прям пред ночью. Но это уж совсем иная история.

— Лютик! Не спи в седле!

— А я и не сплю. Я творчески мыслю.

Итак, ехали мы, любезный читатель, лесами Заречья, направляясь на восток, к Каэд Дху, в поисках друидов, которые могли бы нам пособить отыскать Цири. Как все было, расскажу. Однако вначале, исторической правды ради, сообщу кое-что о нашей команде — об отдельных ее членах.

Вампиру Регису было больше четырехсот лет. Если не лгал, сие означало, что он был старше любого из нас. Конечно, это мог быть обыкновенный треп, да как проверишь? Однако я предпочитал исходить из того, что наш вампир — существо правдивое, поскольку заявил он также, что навсегда и бесповоротно отказался высасывать кровь из людей, и благодаря этому заверению мы как-то спокойней

засыпали на ночных привалах. Я заметил, что вначале Мильва и Кагыр после пробуждения опасливо и с беспокойством ощупывали свои шеи, но это вскоре кончилось. Вампир Регис был — вернее сказать, казался — вампиром стопроцентно честным: коли сказал, что сосать не будет, так и не сосал.

Однако были и у него недостатки, правда, отнюдь не вампирьей натуры. Регис был интеллектуалом и обожал демонстрировать это. Была у него раздражающая привычка высказывать баналы и истины тоном и с миной пророка, на что, однако, мы вскоре перестали реагировать, поскольку высказываемые утверждения оказывались либо действительно истинными, либо звучали как таковые, либо были непроверяемы, что на проверку одно на одно выходило. Зато уж действительно несносной была Регисова манера отвечать на вопросы еще прежде, чем вопрошающий успевал вопрос сформулировать окончательно, а то и до того, как вопрос вообще был задан. Я это внешнее проявление якобы высокого интеллекта всегда считал скорее признаком хамства и невежества, а таковые терпимы разве что в университетской среде да в дворянских кругах, но трудно переносимы в коллективе, с которым день за днем идешь стремя в стремя, а ночью спишь под одной попоной. Однако до серьезных раздоров не дошло, за что благодарить следует Мильву. В отличие от Геральта и Кагыра, которых, видимо, прирожденный оппортунизм принуждал подлаживаться к манерам вампира, а порой и соревноваться с ним, Лучница Мильва предпочитала решения простые и «непретенциозные». Когда Регис в третий раз ответил на ее вопрос, не дослушав и до половины, она резко обругала его, воспользовавшись словами и определениями, способными вогнать в краску даже заслуженного ландскнехта. Как ни странно, это подействовало — вампир мгновенно освободился от нервирующей манеры. Из чего следует, что в качестве самой эффективной защиты от интеллектуального превосходства следует принять максимально грубое облаивание пытающегося демонстрировать все преимущества интеллектуала.

Мильва, мне кажется, довольно тяжело переживала свое несчастье — выкидыш. Я пишу «мне кажется», так как понимаю, что, будучи женщиной, никоим образом не могу себе представить, как воспринимает женщина такой случай и такую потерю. Хоть я и поэт, и человек пишущий, тем не менее мое вышколенное и натренированное воображение оказывается бессильным, и тут уж ничего не поделаешь.

Физическую кондицию Лучница восстановила быстро — хуже было с психической. Случалось, что целый день, от рассвета до заката, она не произносила ни слова. Любила исчезать и держаться в стороне. Это всех нас несколько беспокоило. Но наконец наступил перелом: Мильваотреагировала как дриада либо эльфа — бурно, импульсивно

и не совсем понятно. Однажды утром она на наших глазах вытащила нож и, не произнеся ни слова, отхватила косу у самой шеи. «Не положено, я не девушка, — сказала она, видя, как у нас отвалились челюсти. — Но и не вдова, — добавила она. — И на том конец траура». С этого момента она постоянно была уже такой, как и раньше, — ехидной, кусачей, надутой и скорой на непарламентские выражения. Из этого мы сделали вывод, что кризис удачно миновал.

Третьим, не менее странным членом нашей команды был нильфгаардец, не упускавший случая заметить, что он не нильфгаардец. Зовут его, как он утверждал, Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах...

— Кагыр Маур Дыффин, сын Кеаллаха, — торжественно заявил Лютик, наставив на нильфгаардца свиновый стерженек. — Со многим из того, что я не люблю и, более того — не переносу, мне пришлось смириться в этой уважаемой компании. Но не со всем! Я не переносу, когда мне заглядывают через плечо в то время, как я пишу! И смириться с этим не намерен!

Нильфгаардец отодвинулся от поэта, после недолгого раздумья схватил свое седло; кожух и попону и перетащил все ближе к дремлющей Мильве.

— Прости, — сказал он при этом. — Прошу простить мое нахальство, Лютик. Я заглянул случайно, из обычного любопытства. Думал, ты чертишь карту или производишь какие-то расчеты.

— Я не бухгалтер! — вздыбился поэт в буквальном и переносном смысле. — И не картограф! И даже если б был таковым, это не оправдывает того, что ты запускаешь журавля в мои записки!

— Я уже извинился, — сухо напомнил Кагыр, устраивая себе лежанку на новом месте. — Со многим я смирился в этой уважаемой компании и ко многому привык. Но извиняться по-прежнему считаю для себя возможным только один раз.

— А вообще-то, — проговорил ведьмак, совершенно неожиданно для всех и, кажется, для себя тоже, приняв сторону юного нильфгаардца, — ты стал чертовски раздражителен, Лютик. Невозможно не заметить, что это как-то связано с бумагой, которую ты с некоторых пор принялся пачкать на биваках огрызком свинчатки.

— Факт бесспорный, — подтвердил вампир Регис, подбрасывая в огонь березовые ветки. — Последнее время наш менестрель стал раздражительным да к тому же скрытным, таинственным и жаждущим уединения. О нет, в отправлении естественных потребностей присутствие свидетелей ему отнюдь не мешает, чему, впрочем, в нашей ситуации удивляться не приходится. Стыдливая скрытность и раздражительность, вызываемая посторонними взглядами, связаны у него исключительно с процессом покрывания бумаги

бисерным почерком. Неужто мы присутствуем при рождении поэмы? Рапсодии? Эпоса? Романса? Канцоны, наконец?

— Нет, — возразил Геральт, придвигаясь к костру и укутываясь попоной. — Я его знаю. Это не может быть рифмованная речь, ибо он не богохульствует, не бормочет себе под нос и не подсчитывает количество слогов на пальцах. Он пишет в тишине, и, стало быть, это — проза.

— Проза! — Вампир сверкнул острыми клыками, от чего обычно воздерживался. — Уж не роман ли? Либо эссе? Моралитэ? О громы небесные, Лютик! Не мучай нас. Не злоупотребляй... Раскрой, что пишешь?

— Мемуары.

— Чего-чего?

— Из сих записок, — Лютик продемонстрировал набитую бумагой тубу, — возникнет труд моей жизни. Мемуары, называемые «Пятьдесят лет поэзии».

— Вздорный и нелепый труд, — сухо отметил Кагыр. — У поэзии нет возраста.

— Если все же принять, что есть, — добавил вампир, — то она много древнее.

— Вы не поняли. Название означает, что автор произведения отдал пятьдесят лет, не больше и не меньше, служению Госпоже Поэзии.

— В таком случае это еще больший вздор, — возразил ведьмак. — Ведь тебе, Лютик, нет и сорока. Искусство писать тебе вбили розгами в задницу в храмовой инфиме* в восьмилетнем возрасте. Даже если ты писал стихи уже там, то ты служишь своей Госпоже Поэзии не больше тридцати лет. Но я-то прекрасно знаю, ибо ты сам не раз об этом говорил, что всерьез рифмовать и придумывать мелодии начал в девятнадцать лет, вдохновленный любовью к графине де Стэль. И значит, стаж твоего служения упомянутой Госпоже, друг мой Лютик, не дотягивает даже до двадцати лет. Тогда откуда же набралось пятьдесят в названии труда? Может быть, служение графине засчитывается как год за два? Или это метафора?

— Я, — надулся поэт, — охватываю мыслью широкие горизонты. Описываю современность, но заглядываю и в будущее. Произведение, которое я начинаю создавать, я намерен издать лет через двадцать — тридцать, а тогда никто не усомнится в правильности данного мемуарам заглавия.

— Ага, теперь понимаю. Если меня что-то удивляет, так это твоя предусмотрительность. Обычно завтрашний день тебя интересовал мало.

— Завтрашний день меня по-прежнему мало интересует, — высокомерно возвестил поэт. — Я мыслю о потомках. О вечности!

* Инфима (от лат. *infinitas*) — начальная школа, школа низшего уровня.

— С точки зрения потомков, — заметил Регис, — не очень-то этично начинать писать уже сейчас, так сказать, «на вырост». Потомки имеют право, увидев такое название, ожидать произведения, написанного с реальной полувековой перспективы личностью, обладающей реальным полувековым объемом знаний и экспериенции*.

— Человек, экспериенция коего насчитывает полвека, — резко прервал Лютик, — должен по самой природе вещей быть семидесятилетним дряхлым дедом, с мозгом, разжиженным склерозом. Такому следует посиживать на веранде в валенках и попердывать, а не мемуары писать, потому как люди смеяться будут. Я такой ошибки не совершу, напишу свои воспоминания раньше, пребывая в расцвете творческих сил. Позже, перед тем как издать труд, я лишь введу небольшие косметические поправки.

— В этом есть свои достоинства. — Геральт помассировал и осторожно согнул больное колено. — Особенно для нас. Потому как хоть мы, несомненно, фигурируем в его произведении и хоть он, несомненно же, не оставил на нас сухой нитки, через полвека это уже не будет иметь для нас большого значения.

— Что есть полвека? — усмехнулся вампир. — Мгновение, момент... Да, Лютик, небольшое замечание: «Полвека поэзии» звучит, на мой взгляд, лучше, чем «Пятьдесят лет».

— Не возражаю. — Трубадур наклонился над листком, почиркал по нему свинчаткой. — Благодарю, Регис. Наконец хоть что-то конструктивное. У кого еще есть какие-либо замечания?

— У меня, — неожиданно проговорила Мильва, высовывая голову из-под попоны. — Ну, чего зенки вытарашил? Мол — неграмотная? Да? Но и не дурная. Мы в походе, топаем Цири на выручку, с оружием в руках по вражеской земле идем. Может так стрястись, что в лапы вражьих попадут эти Лютиковы «мимо арии». Мы виршеплета знаем, не секрет, что он трепач, к тому же сплетник знатный. Того и гляди его арии пролетят мимо. Потому пусть глядит, какие арии карябает. Чтобы нас за евонные каракули слушаем на суку не подвесили.

— Ты преувеличиваешь, Мильва, — мягко сказал вампир.

— И к тому же сильно, — отметил Лютик.

— Мне тоже так кажется, — незлобливо добавил Кагыр. — Я не знаю, как там у вас, у нордлингов, но в Империи наличие рукописей не считается преступлением, а литературная деятельность не карается.

Геральт скосил на него глаза, с хрустом переломил палочку, которой поигрывал, и сказал вполне дружелюбно, но не без насмешки:

* Экспериенция (от лат. *experientia*) — опыт, знание предмета.

— Все верно, однако на территориях, захваченных этой культурнейшей из наций, библиотеки подлежат сожжению. Впрочем, не будем об этом. Мне, Мария, тоже кажется, что ты преувеличиваешь. Писанина Лютика, как всегда, не имеет никакого значения. Для нашей безопасности тоже.

— Аккурат! — уперлась лучница, усаживаясь поудобнее. — Я свое знаю. Мой отчим, когда королевские коморники делали у нас перепись людей, так ноги взял в руки, завалился в лес и две недели там отсиживался, носу не казал. Нет уж, где пергамент, там яма, любил он говорить, а кого ныне чернилами записывают, того завтра колесом ломать станут. И верно говорил, хоть и паршивец был, хуже не сыскать. Мнится мне, он в пекле поджаривается, курвин сын!

Мильва отбросила попону, под села к огню, окончательно выбитая из сна. Дело шло, как заметил Геральт, к очередной долгой ночной беседе.

— Не любила ты своего отчима, думается, — заметил Лютик после минутного молчания.

— Ага, не любила. — Мильва громко скрипнула зубами. — Потому как стервец он был. Када мамка не видала, подбирался и лапами лез, рукоблуд паршивый. Слов не понимал, так я однажды, не сдержавшись, граблями его малость оходила, а кады он свалился, так еще шуранула разок-другой ногами по ребрам, да и в промежность. Два дни он опосля лежал и кровью плевался... А я из дому прочь в белый свет дунула, не дожидаясь, пока он вконец оздоровеет. Потом слухи до меня дошли, что помер он, да и матка моя вскорости за ним... Эй, Лютик? Ты это записываешь, что ли? И не моги! Не моги, слышь, что говорю?

Удивительно было, что шла с нами Мильва, странным был факт, что сопровождал нас вампир. Однако же самым поразительным — и в принципе непонятным — были мотивы Кагыра, который неожиданно из первейшего врага стал если не другом, то союзником. Парень доказал это в Битве на Мосту, когда не задумываясь встал с мечом в руке рядом с ведьмаком против своих соплеменников. Действием этим он завоевал нашу симпатию и окончательно развеял наши подозрения. Написав «наши», я имею в виду себя, вампира и лучницу, потому что Геральт, хоть и дрался с Кагыром бок о бок, хоть и рядом с ним заглянул смерти в глаза, по-прежнему не доверял нильфгаардицу и симпатией его не одаривал. Правда, свою неприязнь он старался скрывать, но поскольку он был — я вроде бы уже упоминал об этом — личностью прямой как ратовище копья, притворяться не умел и антипатия выпирала из него на каждом шагу словно угорь из дырявой вишни.

Причина была однозначна — Цири.

По воле судьбы я оказался на острове Танедд во время июльского новолуния, когда случилась кровавая бойня между верными королям чародеями и предателями, направляемыми Нильфгаардом. Предателям помогали белки, взбунтовавшиеся эльфы и Кагыр, сын Кеалаха. Кагыр был на Танедде, его послали туда со специальным заданием — поймать и умыкнуть Цири. Защищаясь, Цири ранила его. У Кагыра на левой руке шрам, при виде которого у меня всегда перехватывает дух. Болеет это должно было зверски, а два пальца у него и теперь не сгибаются.

И после этого именно мы спасли его у Ленточки, когда собственные соплеменники везли его в путах на жестокую казнь. За что, спрашиваю, за какую провинность хотели его прикончить? Неужели только за неудачу на Танедде? Кагыр не из болтливых, но у меня ухо чуткое даже на полуслово. Парню нет еще и тридцати, и, похоже, был он в нильфгаардской армии офицером высокого ранга. Поскольку всеобщим языком он пользуется свободно, а для нильфгаардца это редкость, постольку, думаю я, то есть предполагаю, в каком роде войск Кагыр служил и почему так быстро вырос. И почему поручали ему столь серьезные задания. В том числе и за рубежом.

Потому что ведь именно Кагыр однажды уже пытался увести Цири. Почти четыре года назад, во время резни в Цинтре. Тогда впервые дало о себе знать управляющее судьбами этой девочки Предназначение.

Совершенно случайно я беседовал об этом с Геральтом. Было это на третий день после того, как мы пересекли Яругу, за десять дней до Эквинокция, во время похода через зареченские леса.

Разговор был хоть и очень краткий, но полный неприятных и тревожных нот. А на лице и в глазах ведьмака уже тогда читалась жестокость, которая проявилась позже, в самый Эквинокций, после того как к нам присоединилась светловолосая Ангулема.

Ведьмак не глядел на Лютика. Не глядел вперед. Он глядел на гриву Плотвы.

— Калантэ, — начал он, — перед самой смертью заставила нескольких рыцарей поклясться, что они не позволят Цири попасть в руки нильфгаардцев. Во время панического бегства рыцарей убили, и Цири осталась одна среди трупов и пожаров, в ловушке закоулков горящего города. Она не спаслась бы, это ясно. Но ее отыскал Кагыр. Отыскал и вырвал из пасти огня и смерти. Уберег. Героически. Благородно!

Лютик немного сдержал Пегаса. Они ехали последними, Регис, Мильва и Кагыр опередили всех примерно на четверть стае, но поэт не хотел, чтобы хоть словечко из разговора дошло до ушей спутников.

— Проблема в том, — продолжал ведьмак, — что наш Кагыр проявил благородство, выполняя приказ. Он был так же благороден, как баклан: не заглотал рыбу, потому что ему на горло надели колечко. Он должен был принести рыбу в клюве своему хозяину. Это не получилось, вот хозяин и разгневался на баклана! Теперь баклан в немилости! Не потому ли ищет дружбы и общества рыб? Как думаешь, Лютик?

Трубадур наклонился в седле, спасаясь от низко нависшей ветви липы. Листья на ветке совсем пожелтели.

— Тем не менее он спас ей жизнь, ты сам сказал. Благодаря ему Цири вышла из Цинтры целой и невредимой.

— И кричит по ночам, видя его во сне.

— И все же он ее спас! Перестань копаться в воспоминаниях, Геральт. Очень многое изменилось, да и меняется каждый день, воспоминания не принесут ничего, кроме огорчений, которые тебе явно идут не на пользу. Он спас Цири. Факт был, есть и останется фактом.

Геральт наконец оторвал взгляд от гривы, поднял голову. Лютик глянул ему в лицо и быстро отвел глаза.

— Факт останется фактом, — повторил ведьмак злым, металлическим голосом. — О да! Он этот факт вывалил мне в лицо на Танедде, и от злости голос застрял у него в горле, потому что он смотрел на клинок моего меча. Этот факт и этот крик не дали мне убить его. Ну что ж, так было и так уж, видать, останется. А жаль. Потому что следовало уже тогда, на Танедде, начать цепь. Длинную цепь смертей: цепь мести, о которой еще и через столетие ходили бы сказания. Такие, которых боялись бы слушать в потемках. Ты понимаешь это, Лютик?

— Не очень.

— Ну и черт с тобой.

Неприятный это был разговор и неприятная у ведьмака тогда была физиономия. Ох, не нравилось мне, когда его охватывало такое настроение и он начинал с такого конца.

Впрочем, должен признать, что образное сравнение с бакланом свою роль сыграло — я начал беспокоиться. Рыба в клюве, которую несут туда, где ее оглушат, выпотрошат и зажарят! Воистину миленькая аналогия, радостные перспективы...

Однако рассудок возражал против этого. В конце концов, если продолжать придерживаться рыбьих метафор, то кем были мы? Плотвичками, маленькими костлявыми плотвичками. Вряд ли взамен за столь мизерную добычу «баклан» Кагыр мог рассчитывать на императорскую милость. К тому же он явно и сам не был такой уж щукой, какой хотел казаться. Плотвой — да, как все мы. А кто

вообще обращает внимание на плотвичек в те времена, когда война словно железная борона перепахивает землю и человеческие судьбы?

Готов дать голову на отсечение, что в Нильфгаарде о Кагыре вообще не помнят.

Ваттье де Ридо, шеф нильфгаардской армейской разведки, опустив голову, выслушивал императорскую нотацию.

— Итак, — ехидно тянул Эмгыр вар Эмрейс, — организация, которая заглатывает в три раза больше государственных средств, чем образование, культура и искусство вместе взятые, не в состоянии отыскать одного-единственного человека. Человек запросто исчезает, скрывается, хотя я трачу баснословные деньги на учреждение, от которого ничто не должно бы укрыться! Один виновный в предательстве человек смеется в глаза учреждению, которому я дал достаточно привилегий, прав и средств, чтобы оно не давало спать даже невинному. О, можешь мне поверить, Ваттье, когда в следующий раз на Совете станут нудить о необходимости урезать фонды на секретные службы, я охотно их послушаю. Можешь поверить!

— Ваше императорское величество, — откашлялся Ваттье де Ридо, — примет, я не сомневаюсь, соответствующее решение, предварительно взвесив все «за» и «против». Как неудача, так и успехи имперской разведки. Ваше величество, можете быть уверены, что предатель Кагыр аэп Кеаллах не избежит возмездия. Я предпринял действия...

— Я плачу вам не за предпринимание действий, а за их результаты. А результаты мизерны! Что с делом Вильгефорца? Где, черт побери, Цирилла? Что ты там бормочешь? Громче!

— Я думаю, ваше величество должны взять в жены девушку, которую мы держим в Дарн Роване. Нам необходим этот брак, лояльность суверенного лена Цинтра, успокоение Островов Скеллиге и мятежников из Аттре, Стрепта, Маг Турга и со Стоков. Необходима всеобщая амнистия, мир на тылах и на линиях обеспечения и снабжения... Необходим нейтралитет Эстерада Тиссена из Ковира.

— Я знаю об этом... Но девушка, что сидит в Дарн Роване, — не настоящая Цирилла. Я не могу вступить с ней в брак.

— Ваше императорское величество, сообразоволите простить, но разве так уж важно, более ли она настоящая, чем настоящая, или менее? Политическая ситуация требует торжественного бракосочетания. Срочно. Молодая будет в вуали. А когда мы наконец отыщем настоящую Цириллу, мы избранницу попросту... заменим.

— Да ты не спятил ли, Ваттье?

— Ненастоящую нам показали мимолетно. Настоящую в Цинтре никто не видел четыре года, к тому же утверждают, что она

больше времени проводила на Скеллиге, чем в самой Цинтре. Гарантирую, что никто не обнаружит подмену...

— Нет!

— Ваше императорское...

— Нет, Ваттье! Найди мне настоящую Цириллу! Оторвите наконец свои зады от кресел, шевелите ягодицами и мозгами. Найдите Кагыра. И Вильгефорца. Прежде всего Вильгефорца. Потому что Цири у него. Я в этом уверен.

— Ваше императорское величество...

— Ну, говори, Ваттье! Я слушаю!

— В свое время я подозревал, что так называемая «проблема Вильгефорца» — обычная провокация. Что чародей или убит, или находится в неволе, а показушная и громогласная охота служит Дийкстре для того, чтобы очернить нас и оправдать кровавые репрессии.

— Я тоже так полагал.

— И однако... В Редании это не придали публичной гласности, но я знаю от своих агентов, что Дийкстра отыскивал одно убежище Вильгефорца, а в нем доказательства тому, что чародей проводил дьявольские эксперименты на людях. Точнее, на человеческих плодах и... беременных женщинах. Поэтому, если Вильгефорц поймал Цири, боюсь, дальнейшие поиски...

— Замолчи, черт поberi!

— С другой стороны, — быстро проговорил Ваттье де Ридо, глядя на изменившееся от дикой ярости лицо императора, — все это может оказаться демонстрацией, имеющей целью опорочить чародея. Это похоже на Дийкстру.

— Изволь отыскать Вильгефорца и отобрать у него Цири! Дьявольщина! Работать, а не отвлекаться и плести кружева предположений. Вот что надо делать! Где Филин? По-прежнему в Гесо? Ведь он вроде бы «перевернул там каждый камень и заглянул в каждую щель». «Девушки там нет и не было». «Астролог ошибся или лжет». Все это цитаты из его донесений. Тогда что он там до сих пор делает?

— Коронер Скеллен, осмелюсь заметить, осуществляет не вполне понятные действия... Свое подразделение — то, которое ваше величество приказали ему организовать — он набирает в Мехте, в форте Рокаин, где заложил базу. Этот отряд, позволю себе добавить, весьма подозрительная банда. Странно уже то, что под конец августа господин Скеллен подыскал известного наемного убийцу...

— Что?

— Нашел наемного убийцу, которому приказал уничтожить буйствующую в Гесо разбойничью шайку. Дело само по себе, конечно, похвальное, но разве в этом задача императорского коронера?

— А в тебе, случаем, не говорит ли зависть, Ваттэе? И не она ль придает твоим донесениям красочности и пыла?

— Я лишь отмечаю факты, ваше величество.

— Факты. — Император резко поднялся. — Именно факты я хочу видеть. Слышать о них мне уже наскучило.

День был действительно тяжелый. Ваттэе де Ридо утомился. Правда, чтобы вконец не захлебнуться в незавершенных документах, у него был запланирован еще часок или два работы с бумагами. Однако при одной только мысли об этом Ваттэ начинало подташнивать. «Нет, — подумал он, — никаких самопожертвований, никаких самопринуждений. А пойду я к Кантарелле, сладенькой Кантарелле, с которой так славно отдыхается».

Долго раздумывать он не стал, а поднялся, взял плащ и вышел, полным отвращения жестом остановив секретаря, пытавшегося сунуть ему на подпись сафьяновую папку со срочными документами. Завтра! Завтра тоже будет день!

Он покинул дворец через черный ход, со стороны садов, и пошел по кипарисовой аллейке. Прошел мимо искусственного бассейна, в котором дотягивал свой сто тридцать второй год карп, выпущенный еще императором Торресом, о чем свидетельствовала золотая памятная медаль, прикрепленная к жаберной крышке огромной рыбыны.

— Добрый вечер, виконт.

Ваттэ коротким движением предплечья высвободил укрытый в рукаве стилет. Рукоятка сама скользнула в ладонь.

— Ты здорово рискуешь, Риенс, — сказал он холодно. — Очень рискуешь, демонстрируя в Нильфгаарде свою обоженную физиономию. Даже если ты — всего лишь магическая телепроекция.

— Ты заметил? А Вильгефорц гарантировал, что если ты до меня не дотронешься, то не догадаешься, что это иллюзия.

Ваттэ спрятал стилет. Он вовсе не догадался, что это была иллюзия, но теперь уже знал.

— Ты слишком труслив, Риенс, — сказал он, — чтобы появиться здесь своей собственной реальной персоной. Ты же знаешь, чем это тебе грозит.

— Император все еще зол на меня? И на моего мэтра Вильгефорца?

— Твоя наглость обезоруживает.

— К черту, Ваттэ. Уверяю, мы по-прежнему на вашей стороне, я и Вильгефорц. Признаю, мы обманули вас, подсунув фальшивую Цириллу, но сделали это из лучших побуждений, из самых лучших, пусть меня утопят, если я лгу. Вильгефорц предполагал, что ежели настоящая пропала, так пусть уж лучше будет фальшивая, чем никакой. Мы считали, что вам все равно...

— Твоя наглость перестает разоружать, а начинает оскорблять. Я не намерен тратить время на болтовню с оскорбляющим меня миражем. Когда я наконец поймаю тебя в истинном виде, тогда побеседуем, к тому же долго, клянусь. А пока... Араге*, Риенс.

— Не узнаю тебя, Ваттье. Раньше, явись к тебе даже сам дьявол, ты б не упустил случая проверить, нельзя ли тут чего-нибудь выгадать.

Ваттье не удостоил иллюзию взгляда, а вместо этого принялся рассматривать замшелого карпа, лениво перемешивающего водоросли в бассейне.

— Выгадать? — повторил он наконец, брезгливо выпячивая губы. — У тебя? Да что ты можешь дать? Настоящую Цириллиу? Своего патрона Вильгефорца? Или, может, Кагыра аэп Кеаллаха?

— Стоп! — Иллюзия Риенса подняла иллюзорную руку. — Ты сказал.

— Что я сказал?

— Ты сказал «Кагыр». Мы доставим вам голову Кагыра. Я и мой мэтр Вильгефорц...

— Смилуйся, Риенс, — приснул Ваттье. — Измени-ка очередность.

— Как хочешь: Вильгефорц при моей помощи выдаст вам голову Кагыра, сына Кеаллаха. Мы знаем, где он находится, можем вытащить его, как рака из-под колоды, в любой момент.

— Эва, какие у вас, оказывается, возможности-то. Ну надо же! Уж такие у вас хорошие агенты в армии королевы Мэвы?

— Испытываешь? — скривился Риенс. — Или и впрямь не знаешь? Скорее всего — второе. Кагыр, дорогой мой виконт, находится... Мы знаем, где он находится, знаем, куда направляется, знаем, в какой компании. Тебе нужна его голова? Ты ее получишь.

— Голову, — ухмыльнулся Ваттье, — которая не может рассказать, что в действительности произошло на Танедде.

— Пожалуй, так оно будет лучше, — цинично проговорил Риенс. — Зачем давать Кагыру возможность говорить? В нашу задачу входит загладить, а не усугубить неприязнь между Вильгефорцем и императором. Мы провернем дельце так, что все будет выглядеть твоей, и исключительно твоей, заслугой. Доставка в течение ближайших трех недель.

Древний карпише в бассейне баламутил воду грудными плавниками. «Бестия, — подумал Ваттье, — должна быть чертовски мудрой. Только на что ему эта мудрость? Все время одна и та же тина, одни и те же кувшинки».

— Твоя цена, Риенс?

— Мелочишка. Где находится и что надумал Стефан Скеллен?

* Сгинь (лат.).

* * *

— Я сказал ему, что он хотел знать. — Ваттье де Ридо раскинулся на подушках, играя золотым локоном Картии ван Кантен. — Видишь ли, сладенькая моя, к некоторым вопросам следует подходить умно. А умно — значит конформистски. Если поступать иначе, не получишь ничего. Только протухшую воду и вонючий ил в бассейне. И что с того, что бассейн сооружен из мрамора и от него до дворца три шага? Разве я не прав, сладенькая моя?

Картия ван Кантен, ласково именуемая Кантареллой, не ответила. А Ваттье вовсе и не ожидал ответа. В свои восемнадцать лет девушка, мягко выражаясь, на гения не тянула. Ее интересы — во всяком случае, сейчас — ограничивались любовными играми и — во всяком случае, сейчас — с Ваттье. В вопросах секса Кантарелла обладала прирожденным талантом, в котором сошлись пыл и техничность с артистизмом. Однако гораздо важнее было не это. Вовсе не это.

Кантарелла говорила мало и редко, но изумительно и охотно слушала. При Кантарелле можно было выговориться, расслабиться и восстановить психическую кондицию.

— На моей службе человека ждут сплошные нарекания, — с горечью в голосе сказал Ваттье. — Потому что, видишь ли, я не отыскал какую-то там Цириллу! А того, что благодаря моим людям армия одерживает победу за победой, недостаточно? А того, что наш генеральный штаб в курсе малейшего движения врага, этого что, тоже мало? А того, что крепость, которую пришлось бы штурмовать неделями, императорским войскам открыли мои агенты, тоже мало? Так ведь нет, никто за это не похвалит. Важна только какая-то задрипанная Цирилла!

Гневно сопя, Ваттье де Ридо принял из рук Кантареллы фужер, наполненный знаменитым эст-эст из Туссента, вином урожая того года, который помнил еще времена, когда император Эмгыр вар Эмрейс был маленьким, не имевшим прав на престол, и чудовишно обиженным пареньком, а Ваттье де Ридо — юным и мало-значительным офицером разведки.

Это был прекрасный год. Для вин.

Ваттье потягивал вино, играл изумительными грудками Кантареллы и рассказывал. Кантарелла изумительно слушала и молчала.

— Стефан Скллен, сладенькая моя, — мурлыкал шеф имперской разведки, — это комбинатор и заговорщик. Но я буду знать, что он комбинирует, еще до того, как туда доберется Риенс... У меня там уже есть человек. Очень близко к Скллену... Очень близко.

Кантарелла развязала пояс, перехватывающий халат Ваттье, наклонилась, Ваттье почувствовал ее дыхание и задохнулся в предвкушении блаженства. «Талант, — подумал он. — Гений». А потом мягкое и горячее прикосновение губ изгнало у него из головы всяческие мысли.

Картия ван Кантен медленно, ловко и талантливо доставляла блаженство Ваттье де Ридо, шефу имперской разведки. Однако это был не единственный талант Картии. Но о другом таланте Картии Ваттье де Ридо понятия не имел.

Он не знал, что вопреки видимости Картия ван Кантен обладала идеальной памятью и живым, подвижным как ртуть интеллектом.

Все, о чем повествовал ей Ваттье, каждое сообщение, каждое слово, которое он при ней обронил, Картия назавтра же пересказывала Ассирэ вар Анагьд.

Да, даю голову на отсечение, что в Нильфгаарде наверняка уже давным-давно все забыли о Кагыре, не исключая и невесты, ежели у него такая имелаась.

Но об этом потом, а теперь отступим назад к дню и месту форсирования нами Яруги. Итак, ехали мы довольно быстро на восток, намереваясь добраться до района Черного Леса, который на Старшей Речи именуется Казд Дху. Потому что именно там проживали друиды, способные выколдовать место пребывания Цири, а может быть, и извлечь указание на это место из странных сновидений, тревоживших Геральта. Ехали мы через леса Верхнего Заречья, которые еще называют Левобережьем, по дикой и практически безлюдной местности, расположенной между Яругой и лежащим у подножия гор Амелл районом, называемым Стоками, с востока ограниченным долиной Доль Ангра, а с запада болотистым приозерьем, название которого как-то выветрилось у меня из памяти.

На территорию эту никто никогда не зарился, а посему никогда и не было толком известно, кому она в натуре принадлежит и кому подчиняется. Кое-что на этот счет могли бы, думается, сказать аборигены Темерии, Соддена, Цинтры и Ривии, рассматривавшие с переменным успехом Левобережье как лен своей короны и временами пытавшиеся с таким же успехом доказать свою правоту огнем и мечом. А потом из-за гор Амелл накатились армии Нильфгаарда, и больше уже никто и ничего сказать не мог, в том числе и относительно лена и собственности на землю. Всё расположенное к югу от Яруги принадлежало Империи. К тому времени, когда я пишу эти слова, Империя захватила уже и многие земли к северу от Яруги. Ввиду отсутствия точной информации я не могу сказать, сколь многие и сколь далеко на север распространяющиеся.

Возвращаясь к Заречью. Позволь, любезный читатель, слегка отклониться от темы в пользу реминисценций, касающихся исторических процессов: история данной территории сплошь и рядом формировалась как бы случайно, как побочный продукт конфликтующих внешних сил. Историю любой страны избыточно часто творят пришлые обитатели. Поэтому пришлые-то бывают, как

правило, причиной, последствия же их творчества всегда и неизменно обрушиваются на головы аборигенов.

Правило это распространяется на Заречье целиком и полностью.

У Заречья было свое население, коренные заречане, которых постоянные, тянущиеся годами раздоры и войны превратили в голодранцев и принудили к миграции. Деревни и села погорели, развалины дворов и превратившиеся в пустыри поля поглотила пуща. Торговля захирела, торговые обозы обходили запущенные дороги и тракты стороной. Немногочисленные оставшиеся заречане превратились в одичавших невежд. От росомх и медведей они отличались в основном тем, что носили штаны. По крайней мере некоторые. То есть некоторые носили, а некоторые отличались. Это был в массе своей народ неотзывчивый, протестный и грубый.

И начисто лишенный чувства юмора.

Темноволосая дочь бортника откинула на спину мешающую ей косу и продолжала яростно и энергично крутить жернова. Все усилия Лютика кончались ничем — казалось, слова поэта вообще не доходят до адресата. Лютик подмигнул остальной компании, прикинулся, будто вздыхает, возвел очи горе, но не отступил.

— Да, — повторил он, скаля зубы. — Давай я покручу, а ты сбегай в подполье за пивом. Должна же где-то тут быть потайная ямка, а в ямке бочонок. Я прав или не прав, красотка?

— Оставьте вы девушку в спокойе, господин хороший, — раздраженно сказала жена бортника, возившаяся у печи высокая худощавая женщина поразительной красоты. — Сказала ж-я вам, нету у нас никакого пива.

— Уж дважды шесть раз было сказано, милсдарь, — поддержал жену бортник, прерывая беседу с ведьмаком и вампиром. — Надеваем вам налесников — блинчиков с творогом и медом, тады и поедите. В наперед пусть девах в спокойствии зерна на муку намелет, потому как без муки и сам чародей блина не испекет! Не трожьте ее, пусть трет в спокойе:

— Ты слышал, Лютик? — крикнул ведьмак. — Отцепись от девушки и займись чем-нибудь полезным. Или «мимо арии» пиши!

— Пить я хочу. Выпил бы чего-нито перед едой. Есть у меня немного трав, сделаю себе навару. Эй, бабка, найдется у тебя в хате кипяток? Кипяток, спрашиваю, найдется?

Сидевшая на припечке мать бортника подняла голову от носка, который штопала.

— Кипяток-то? А найдется, голубок, как не найтись, — забормотала она. — Токмо остылый совсем.

Лютик вздохнул разочарованно и подсел к столу, где компания болтала с повстречавшимся на рассвете в лесу бортником. Бортник был невысок ростом, крепкий, черный и дьявольски заросший, поэтому неудивительно, что, неожиданно появившись из

зарослей, он нагнал на всех страха — его приняли за ликантропа. Самое смешное, что первым, кто воскликнул «оборотень, оборотень!», был вампир Регис. Возникло некоторое замешательство, но все быстро разъяснилось, а бортник, хоть на вид грубоватый, оказался вопреки сложившемуся о бортниках мнению хозяином гостеприимным и любезным. Компания без церемоний приняла приглашение в его «имение». Имение, которое на бортничьем жаргоне называлось «станом», располагалось на очищенной от пней поляне, бортник жил там с матерью, женой и дочерью. Последние две были женщинами выдающейся, но немного странноватой красоты, явно говорившей о том, что среди их предков затесались дриада или гамадриада.

Во время завязавшейся беседы бортник вначале казался человеком, с которым говорить можно исключительно только о пчелах, бортях, окуливании, лезивах, дуплах, воске, меде и медосборе, но это была лишь видимость.

— В политике? А что в той политике-то? Что всегда. Дань требуют все более. Три крынки меду и полколоды воска. Едва дышу, чтобы поспеть. От зари до захода на лезиве сижу, борти подметаю... Кому дань-то плачу? А кто требует. Откедова мне знать, при ком ноне власть? Остатние времена, того-этого, в нильфовой речи орут. Навроде-ка таперича мы имперантная провенция аль как-то так. За мед, ежели чего продаю, плотют императными деньгами, на которых ихний король набит. По обличью-то навроде бы, того-этого, пригожий, хучь суровый. Сразу видать...

Обе собаки — черная и рыжая — уселись напротив вампира, задрали головы и принялись подвывать. Бортникова гамадриада отвернулась от печи и прошлась по псам метлой.

— Неладный знак, — бросил бортник, — когда псы посереде дня воют. Того-этого... О чем-то я думал сказать?

— О друидах из Каэд Дху.

— А, ну да, того-этого... Так ты не шутовал, милсдарь? Вы и впрямь хотите к друидам идтить? Жизньь вам обрыдла или как? Там же смерть! Омельники каждого, кто на их поляны войтить решится, хватают, в ивовые клетки втискивают и, того-этого, на медленном огне жарют.

Геральт взглянул на Региса. Регис подмигнул ему. Оба прекрасно знали ходившие о друидах слухи, все до одного надуманные. Зато Мильва и Лютик слушали с повышенным интересом. И с явным беспокойством.

— Одне говорят, — продолжал бортник, — что омельники мстят, потому как нильфы им первыми досадили: ступили в святые дубравы перед Доль Ангрой и принялись корчевать друидов безо всяких на то причин. Другие же поговаривают, быдто почали-то, того-этого, друиды, сцапав и вусмерть умучивши императских-то, и за это им Нильфгаард отплачивает. А как оно по-правдошнему сто-

ит, не ведомо. Но только дело это верное, друиды хватают, в Ивовую Бабу суют и жгут. Идти к ним — верная гибель... Того-этого...

— Мы не боимся, — спокойно сказал Геральт.

— А и верно. — Бортник измерил взглядом ведьмака, Мильву и Кагыра, который в этот момент как раз входил в халупу, приведя в порядок лошадей. — Видать, вы не из пугливых, храбрые и при железе. Ха, с такими, того-этого, как вы, не страх ходить... Токмо нету уж омельников в Черном Лесе-то, пустой ваш труд и ваша дорога. Прижал их Нильфгаард, вытурил из Каэд Дху. Нету их тама-то.

— Что значит — нет?

— А то и значит. Утекли омельники, того-этого, прочь.

— Куда?

Бортник посмотрел на свою гамадриаду, помолчал.

— Куда? — повторил ведьмак.

Полосатый кот бортника уселся перед вампиром и дико завопил. Гамадриада огрела его метлой.

— Неладный знак, когда котяра посередь дня мяучит, — прогудел бортник, странно смутившись. — А друиды... Того-этого... Сбегли, значит, на Стоки. Да. Правду говорю. Ага. На Стоки.

— Добрых шестьдесят миль к югу, — оценил Лютик довольно беспечным и даже веселым голосом. Но тут же умолк под взглядом ведьмака.

В наступившей тишине было слышно лишь обещающее несчастья мяуканье изгнанного во двор кота.

— В принципе, — бросил вампир, — какая нам разница?

Утро следующего дня принесло новые неожиданности. И загадки, которые, однако, очень скоро нашли объяснение.

— Чтоб мне сгнить, — сказала Мильва, которая первой выбралась из скирды, разбуженная шумом. — Чтоб меня скрутило! Ты только глянь, Геральт.

Поляна была полна народа. С первого взгляда было видно, что собралось здесь никак не меньше пяти или шести бортничьих станов. Зоркий глаз ведьмака выловил в толпе также нескольких трапперов и по меньшей мере одного смолокура. В целом толпу можно было оценить в двенадцать мужчин, десять баб, десяток подростков обоих полов и столько же малолеток. У сборища было шесть телег, двенадцать волов, десять коров и четыре козы. Много овец, а также немало собак и кошек, лай и мяв которых в таких условиях следовало, несомненно, считать неладным предзнаменованием.

— Любопытно, — протер глаза Кагыр, — что это может означать?

— Хлопоты, — сказал Лютик, вытрясая сено из волос.

Регис молчал, но выражение лица у него было странное.

— Просим откушать, милостивые государи, — сказал их знакомый бортник, подходя к скирде в обществе плечистого мужчины. — Готов уж завтрак, того-этого... Овсянка на молоке. И мед... А это, дозвоьте представить, Ян Кронин, староста наш бортный.

— Очень приятно, — соврал ведьмак, не отвечая на поклон, в частности, еще и потому, что колено у него дико болело. — А народ, они-то откуда тут взялись?

— Того-этого... — почесал бортник темечко. — Вишь ты, зима ведь идет... Борты уже положены, дели заложены, придолжаки приспособлены, завихи, веники, стало быть, подвешены... Сам час уж нам на Стоки возвращаться. В Ридбрун... Мед отстаивать, перезимовать... Но в лесах опасно... Одному... того-этого...

Староста кашлянул. Бортник глянул на мину Геральта и вроде бы немного поуменьшился в размерах.

— Вы, того-этого, на конях и при железе, — пробормотал он. — Ратные и смелые, сразу видать. С такими, как вы, идтить не страх. Да и вам удобство выходит... Мы кажу тропку, кажу просечку, кажу болотину и кустарник знаем... И кормить вас будем...

— А друиды, — холодно сказал Кагыр, — перебрались из Каэд Дху. Именно на Стоки. Какое невероятное совпадение.

Геральт медленно подошел к бортнику. Обеими руками ухватил его за одежду на груди. Но после недолгого раздумья отпустил, поправил кафтан. Ничего не сказал. Ни о чем не спросил. Но бортник и без того поспешил разъяснить:

— Я правду говорю! Клянусь! Пусть подо мной земля расступится, ежели соврал! Ушли омельники из Каэд Дху! Нету их тама-то!

— И они теперь на Стоках, да? — проворчал Геральт. — Там, куда вам путь лежит; всему вашему сброду? Куда вы вознамерились подыскать себе вооруженный эскорт? Ну, говори, парень. Да гляди, земля и вправду вот-вот расступится!

Бортник опустил глаза и с опаской глянул на грунт под ногами. Геральт многозначительно молчал. Мильва, сообразив наконец, в чем дело, крепко выругалась. Кагыр презрительно фыркнул.

— Ну! — поторопил ведьмак. — Так куда перебрались друиды?

— А кто их, милсдарь, знает, куды, — пробормотал наконец бортник. — Но на Стоках быть могут... Как и где еще. На Стоках край непочатый больших дубрав, а друиды ради дубравы могут...

За бортником уже стояли, кроме старосты Кронина, обе гамадриады — мать и дочь. «Хорошо, что дочка пошла в мать, а не в отца, — машинально подумал ведьмак. — Бортник годится жене как шатун кобыле». За гамадриадами стояли еще несколько женщин, вовсе не таких красивых, но с такими же умоляющими взглядами.

Он глянул на Региса, не зная, то ли смеяться, то ли ругаться. Вампир пожал плечами.

— Если по-честному, Геральт, — сказал он, — то бортник прав. В принципе не исключено, что друиды выбрались на Стоки. Это действительно вполне подходящая для них территория.

— Твое «не исключено», насколько я понимаю, — взгляд ведьмака был очень, ну очень холодным, — достаточно велико, чтобы ни с того ни с сего сменить направление и отправиться вслепую вместе с ними?

Регис снова пожал плечами.

— А какая разница? Ну, подумай. Друидов в Каэд Дху нет. Значит, это направление следует исключить. Возвращение на Яругу — тоже. Думается, дебатировать тут нечего. Все направления равно хороши.

— Seriously? — Температура голоса ведьмака сравнялась с температурой его взгляда. — И которое же из всех остальных тебе представляется предпочтительным? Совместное с бортниками? Или какое-то совершенно противоположное? Ты возьмешься установить это с помощью своей безбрежно безошибочной мудрости?

Вампир медленно повернулся к бортнику, бортничьему старосте, гамадридам и другим бабам.

— А чего это вы, — спросил он серьезно, — так боитесь, добрые люди, что пожелали занять эскорт? Что именно вызывает у вас опасения? Говорите прямо.

— Ох, милсдарь, — простонал Ян Кронин, и в глазах его мелькнул неподдельный ужас. — И вы еще спрашиваете... Нам идти через Гнилое Урочище! А там, милсдарь мой, страшно! Там, милсдарь мой, бруколаки, листоносы, эндриаги, иноги и прочая мерзопакостность! Тута, две неполных недели тому, схватил леший зять мово, да так, что зять-то только хрипнуть успел, и все, пропал, стало быть. Такое там дивотище обретается, что ужасть как боимся мы туды с бабами и детьми малыми суваться. Ну?

Вампир серьезно взглянул на ведьмака.

— Моя безбрежная мудрость, — сказал он, — безошибочно рекомендует мне считать максимально подходящим и соответствующим цели направлением то направление, которое наиболее подходит и максимально соответствует ведьмаку. Именно.

И отправились мы на юг, к Стокам, местности, лежащей у подножия гор Амелл. Тронулись большим табором, в котором было все: юные девы, бортники, трапперы, бабы, дети, юные девы, домашний скот, домашний скарб, юные девы. И чертовски много меда. От этого меда все так и липло к рукам, даже юные девы.

Табор шел со скоростью пешеходов и телег, однако темп марша от этого, в общем, не снизился, потому что мы не блуждали, а шли словно по шнурку — бортники знали дорогу, тропки и перетяжки между озерами, и это знание здорово пригодилось, потому что начало моросить, и неожиданно все чертово Заречье утонуло в плотной как сметана мгле.

Без бортников мы б наверняка заблудились, а то и увязли где-нибудь в топях. Не приходилось нам также тратить время и силы на поиски и приготовление пищи — кормили нас трижды в день, сытно, хоть и не слишком изысканно. И позволяли после еды несколько минут полежать пузом кверху.

Короче говоря, все было прелестно. Даже ведьмак, этот старый угрюмец и нудяга, начал чаще улыбаться и радоваться жизни, так как высчитал, что мы делаем по пятнадцати миль в день, а с момента выхода из Брокилона нам ни разу не удалось совершить такой фокус. Работ у ведьмака не было никаких, потому что хоть Гнилое Урочище было гнилым настолько, что трудно себе представить что-нибудь еще более прогнившее, никаких монстров мы не встретили. Ну, малость были по ночам привидения, подвывали лесные плакальщицы и болотные огоньки отплясывали на трясилах. В общем, ничего сенсационного.

Немножко, правда, беспокоило то, что мы снова шли в довольно случайно выбранном направлении и снова без точно сформулированной цели. Но, как справедливо выразился вампир Регис, лучше без точно сформулированной цели двигаться вперед, чем без цели стоять на месте, и уж наверняка гораздо лучше, чем без цели пятиться.

— Лютик! Привяжи ты как следует свою тубу. Жаль будет, если полвека поэзии оторвутся и потеряются в папоротниках.

— Не бойсь! Не потеряются! И отобрать не дам. Каждому, кому придет в голову дурная мысль отобрать тубу, придется переступить через мой труп. Позволь узнать, Геральт, чем вызван твой жемчужно-утробный смех? Позволь угадать... Врожденным кретинизмом? Э?

Случилось так, что группа археологов из университета в Каstell Гроупиане, проводящая раскопки в Боклере, обнаружила под слоем древесного угля, указывающего на некогда бушевавший здесь гигантский пожар, еще более древний слой, датированный XIII веком. В том же слое откопали каверну, образованную остатками стен и уплотненную глиной и известью, а в ней, к великому изумлению ученых, — два прекрасно сохранившихся скелета: женщины и мужчины. Рядом со скелетами — кроме оружия и небольшого количества мелких артефактов — лежала длинная тридцатидюймовая туба, изготовленная из затвердевшей кожи. На коже был оттиснут герб с выцветшими красками, изображающий львов и ромбы. Руководивший экспедицией профессор Шлиман, крупный специалист по сфрагистике темных веков, идентифицировал этот герб как знак Ривии, древнего королевства с неустановленной локализацией.

Возбуждение археологов дошло до предела, поскольку в таких тубах в темные века хранились рукописи, а вес находки позволял

предполагать, что внутри находится много бумаги либо пергамента. Отличное состояние тубы оставляло надежду на то, что документы удастся прочитать и они бросят свет на погруженное во мрак столетий прошлое. Ожидалось, что заговорят века. Это была невероятная удача! Победа науки, которую нельзя было упустить. Предусмотрительно вызвали из Каstellь Граупиана лингвистов и знатоков мертвых языков, а также специалистов, умеющих вскрывать тубы, не рискуя повредить ценное содержимое.

Тем временем по команде профессора Шлимана расползлись слухи о «сокровище». Надо ж было случиться такому, что слова эти дошли до трех нанятых для раскопок субъектов, известных под именами Стибр, Спёрл и Камил Ронштеттер. Уверенные, что туба буквально набита золотом и драгоценностями, трое вышеназванных землекопов сперли ночью бесценный артефакт и сбежали с ним в лес. Там разожгли небольшой костерок и уселись вокруг.

— Ну, чего ждешь, — бросил Стибру Спёрл. — Отпирай трубу!

— Не поддается, сучья мать, — ответил Спёрлу Стибр. — Держит, будто зубами!

— Так ты бутсой ее, протраханную, бутсой! — посоветовал Камил.

Поддаваясь каблук Стибра, застежки бесценной находки уступили, и на землю вывалилось содержимое.

— И-эх, хрен затраханый в дупель! — крикнул изумленный Спёрл. — Чего-то это такое?

Вопрос умом не отличался, поскольку с первого взгляда было видно, что это листы бумаги. Поэтому Стибр вместо ответа взял один листок и поднес к носу. Долго вглядывался в незнакомые знаки.

— Записанный, — наконец отметил авторитетно. — Буквы здесь!

— Буквы?! — рявкнул Камил Ронштеттер, бледнея от ярости. — Буквы выписаны? Ну, бя...

— Коль выписаны, значит — волшебство! — пробормотал Спёрл, от ужаса звеня зубами. — Литеры — значит, заклятие! Не трогай, затраханная евонная мать! Этим заразиться можно!

Стибру не надо было повторять дважды, он кинул лист в огонь и нервно вытер дрожащие руки о штанину. Камил Ронштеттер ударом ноги загнал в костер остальные бумаги — мало ли что: а вдруг какенито детишки натолкнутся на эту дрянь. Потом вся троица быстро удалилась от опасного места. Бесценный памятник письменности темных веков горел ярким, высоким пламенем. Несколько минут тихим шепотом переговаривались чернеющие в огне века. А потом пламя погасло и тьма египетская покрыла землю и темные века.

ХУВЕНАГЕЛЬ ДОМИНИК БОМБАСТ, род. 1239, разбогател в Эббинге, осуществляя широко поставленную торговлю, и осел в Нильфгаарде; пользовался благорасположением предыдущих императоров; во времена Яна Кальвейта возведен в бургграфы и назначен управляющим соляными копиями в Венендале, а в награду за заслуги получил должность невойгенского старосты. Верный советник императора, Х. пользовался его благоволением и принимал участие во многих общественных акциях. Умер в 1301. Будучи в Эббинге, вел широкую благотворительную деятельность, поддерживал неимущих и страждущих, основывал сиротские дома, лечебницы и детские приюты. Выдавал на них немалые суммы. Большой поклонник изящных искусств и спорта, основал в столице театр драмы и комедии, а также стадион, оба — его имени. Считался образцом справедливости, порядочности и купеческой честности.

Эффенберг и Тальбот.
Encyclopaedia Maxima Mundi, том VII

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Фамилия и имя свидетельницы?
- Сельборн Веда. То есть, простите, Жоанна.
- Профессия?
- Различные услуги.

— Шутить изволите? Напоминаю свидетельнице, что вы вызваны в имперский трибунал в ходе процесса о государственной измене! От ваших показаний зависит жизнь множества людей, поскольку карой за измену является смерть! Напоминаю вам также, что сами вы стоите перед трибуналом отнюдь не по собственному желанию, а приведены из цитадели, из места изоляции, а вернетесь ли вы туда или выйдете на волю, зависит, в частности, от ваших показаний. Трибунал позволил себе столь долгую тираду, дабы показать свидетельнице, сколь неуместны в данном деле всякого рода водевильчики и шутовство. Они не только безвкусны, но и грозят весьма серьезными последствиями. Даю полминуты на обдумывание. Затем трибунал задаст вопрос вторично.

- Я готова, уважаемый господин судья.
- Извольте обращаться к нам «Высокий трибунал». Ваша профессия?

— Я чую, Высокий трибунал. Но в основном оказываю услуги имперской разведке, стало быть...

— Прошу давать ответы конкретные и краткие. Когда трибуналу понадобятся более пространственные пояснения, трибунал их попросит. Трибуналу известен факт сотрудничества свидетельницы с секретными службами империи. Однако прошу сообщить для протокола, что означает определение «чую», которое вы использовали в качестве характеристики своей профессии?

— У меня чистое ВДВ, то есть вневещное дистанционное восприятие, или чистое пси первого рода без ВПК — возможности психокинеза. Иначе говоря, Высокий трибунал, вещи передвигать я не могу, но могу слышать чужие мысли, беседовать на расстоя-

нии с чародеем, эльфом или другой «чующей». И мысленно передать приказ, то есть принудить кого надо сделать то, что я хочу. Могу также проричать, но только в усыпленном состоянии.

— Прошу занести в протокол, что свидетельница Жоанна Сельборн является псионичкой, обладающей способностью внесенсорной перцепции. Она телепатка и телеэмпатка, способная под гипнозом к предсказаниям, но не имеет способности к психокинезу. Трибунал напоминает свидетельнице, что использование магии и парасенсорных способностей в данном зале сурово запрещено. Продолжим слушание. Когда, где и при каких обстоятельствах свидетельница оказалась причастной к делу особы, выдающей себя за Цирилу, княжну Цинтры?

— О том, что это какая-то Цирилла, я узнала лишь в тюрьме... То бишь в месте изоляции, Высокий трибунал. Во время следствия. Когда мне разъяснили, что она — та самая, которую при мне называли Фалькой или цинтрийкой. А обстоятельства были такие, что их надо по порядку выложить, для ясности, стало быть. А было так: подцепил меня в корчме в Этолии Дакре Силифант, ну, вот тот, что там сидит...

— Прошу запротоколировать: свидетельница Жоанна Сельборн указала на обвиняемого Силифанта без принуждения. Продолжайте.

— Дакре, Высокий трибунал, вербовал ганзу... Ну, стало быть, вооруженный отряд. Сплошь чумные мужики и бабы... Дуффицей Крель, Нератин Цека, Хлоя Штиц, Андрес Верный, Тиль Эхрад. Сейчас уже ни одного в живых нету, Высокий трибунал... А из тех, что выжили, большинство здесь, вон — под стражей сидят...

— Прошу сообщить точно, когда имела место встреча свидетельницы с обвиняемым Силифантом.

— В прошлом году это было, в августе, да, где-то под конец, точно не помню. Во всяком случае, не в сентябре, потому что тот сентябрь, ого-го, надолго мне запомнится! Дакре, который где-то выведаль обо мне, сказал, что ему в ганзу нужна чующая, такая, что чар не боится, потому как придется с чародейками дело иметь. Работа, добавил он, для императора и Империи, к тому же хорошо оплачиваемая, а командовать ганзой будет не кто иной, как лично Филин.

— Говоря о Филине, свидетельница имеет в виду Стефана Скеллена, имперского коронера?

— Его, его. А как же.

— Прошу запротоколировать. Когда и где свидетельница столкнулась с коронером Скелленом?

— А тоже в сентябре. Четырнадцатого, в Рокаине. Рокаин, Высокий трибунал, это приграничная крепостишка, что торговый путь из Мехта в Эббинг стережет, а также в Гесо и Метинну. Именно туда привел нашу ганзу Дакре Силифант. В пятнадцать коней. Так что всего нас вместе было двадцать и два, потому как остальные

уже в Рокаине стояли, готовые, под командой Оля Харшейма и Берта Бригдена.

Деревянный пол загудел под тяжелыми сапожищами, зазвенели шпоры, забряцали металлические пряжки.

— Приветствую вас, господин Стефан.

Филин не только не встал, но даже не снял ног со стола. Только махнул рукой, жестом большого хозяина.

— Наконец-то, — сказал он ядовито. — Долго ж ты заставлял себя ждать, Силифант.

— Долго? — рассмеялся Дакре Силифант. — Очень мило! Вы, господин Скеллен, дали мне четыре недели на то, чтобы собрать для вас и привести сюда больше дюжины самых отъявленных молодцев, каких породила Империя с окрестностями. Да чтобы привести такую ганзу, какую соорудил я, и года мало! А я обернулся в двадцать два дня. Похвалить бы следовало, а?

— С похвалами-то воздержусь, — холодно сказал Скеллен, — до поры до времени, пока твою ганзу не осматрю.

— А хоть бы и сейчас. Вот мои, а теперь ваши, господин Скеллен, порученцы: Нератин Цека и Дуффицей Крель.

— Привет, привет. — Филин наконец решил встать, встали и его адъютанты. — Познакомьтесь, господа... Берт-Бригден, Оля Харшейм.

— Мы знакомы. — Дакре Силифант крепко пожал руку Олю Харшейму. — Мы под старым Брайантом контру в Назаире давили. Весело было, а, Оля? Ух, весело! Кони выше бабок в крови ходили. А господин Бригден, если не ошибаюсь, из Геммеры? Из карателей? Ну, стало быть, будут в отряде знакомцы! У меня там несколько карателей уже есть.

— Горю желанием поскорее увидеть, — вставил Филин. — Можно идти?

— Моментик, — сказал Дакре. — Нератин, поди выставь команду в строй, чтоб толково перед господином коронером выглядели.

— Нератин Цека — он или она? — прищурился Филин, глядя вслед выходящим офицерам. — Женщина или мужчина?

— Господин Скеллен. — Дакре Силифант откашлялся, но когда заговорил, голос у него был уверенный, а взгляд холодный. — Точно не скажу. С виду — мужчина, но уверенности нет. Относительно же того, какой из Цеки офицер — уверен. То, о чем вы спросить изволили, имело бы значение, если б я, к примеру, просил руки. А я не намерен. Вы, полагаю, тоже.

— Ты прав, — после краткого раздумья признал Скеллен. — Не о чем болтать. Пошли глянем на твою шайку, Силифант.

Нератин Цека, существо неопределенного пола, не терял времени. Когда Скеллен и офицеры вышли на подворье форта, отряд

уже стоял в парадном строю, выровняв линию так, чтобы ни одна конская морда не высывалась больше чем на пядь. Филин удовлетворенно кашлянул. «Недурная бандочка, — подумал он. — Эх, если б не политика, создать бы такую ганзу да двинуть на пограничье, грабить, насиловать, убивать и жечь... Снова почувствовать себя молодым... Эх, если б не политика!»

— Ну и как, господин Скеллен? — спросил Дакре Силифант, зарумянившись от скрываемого возбуждения. — Как оцените потешных моих ястребков?

Филин прошелся взглядом по лицам и фигурам. Некоторых он знал лично — кого лучше, кого похуже. Других — по слухам. По репутации.

Тиль Эхрад, светловолосый эльф, разведчик геммерских карателей. Риспат Ля Пуант, вахмистр из того же подразделения. И следующий геммерец — Киприан Фрипп Младший. Скеллен присутствовал при казни Киприана Старшего. Братья славились своими садистскими наклонностями.

Дальше свободно пригнулась в седле на пегой кобыле Хлоя Штиц, воровка, которую частенько использовали тайные службы. Филин быстро отвел взгляд от ее бесстыжих глаз и насмешливой ухмылки.

Андрес Верный, нордлинг из Редании, — головорез, Стигварт — пират, ренегат из Скеллиге. Неведомо откуда взявшийся Деде Варгас, профессиональный убийца. Каберник Турент, убийца-любитель.

И другие. Подобные. «Все они одинаковые, — подумал Скеллен. — Братва, та еще семейка, в которой, стоит им убить первых пять человек, все становятся на одно лицо. Одинаковые движения, одинаковые жесты, одинаковая манера речи, повадок и одежды».

Одинаковые глаза. Бесстрастные и холодные, плоские и неподвижные, как у змей, глаза, выражения которых ничто, даже самая чудовищная жестокость, уже не в состоянии изменить.

— Ну, каково? А, господин Стефан?

— Недурно. Ничего ганзочка, Силифант.

Дакре еще больше покраснел, отдал честь по-геммерски, приложив пятерню к колпаку.

— Особо бы пригодились, — напомнил Скеллен, — несколько человек, которым знакома магия. Которых не испугают ни чары, ни чародей.

— Помню. Тиль Эхрад. А кроме него, вон та высокая девушка на красивой каштанке, та, что рядом с Хлоей Штиц.

— Потом приведешь ее ко мне.

Филин оперся о поручень крылечка, ударил по стойке окованной рукояткой нагайки.

— Здравствуйте, рота!

— Здравия желаем, господин коронер!

— Многие из вас, — заговорил Скеллен, когда отзвучало эхо хорового рева банды, — со мной уже работали, знают меня и мои требования. Пусть они пояснят тем, кто меня не знает, чего я жду от подчиненных, а чего у подчиненных не одобряю. Так что я не стану впустую глотку драть. Сегодня же некоторые получают задания и завтра на рассвете отправятся его выполнять. На территории Эббинга. Напоминаю: Эббинг формально — королевство автономное и формально же у нас там нет никаких юридических прав, поэтому приказываю действовать обдуманно и осторожно. Вы остаетесь на императорской службе, но запрещаю этим похвастаться, чваниться и неуважительно обращаться с местными властями. Приказываю вести себя так, чтобы не обращаться на себя особого внимания. Ясно?

— Так точно, господин коронер.

— Здесь, в Рокаине, вы гости и вести себя должны, как подобает гостям. Запрещаю покидать выделенное жилье без особой надобности. Запрещаю контакты с гарнизоном форта. Впрочем, офицеры придумают что-нибудь, чтобы вы не бесились от скуки. Господин Харшейм, господин Бригден, извольте разместить подразделение по квартирам!

— Едва я успела с кобылы слезть, Высокий трибунал, а Дакре цап меня за рукав. Господин Скеллен, говорит, хочет с тобой поболтать, Веда. Ну, что было делать? Пошли. Филин за столом сидит, ноги на столе, нагайкой себя по голенищам похлестывает. И, как говорится, просто с мосту, дескать, я, что ли, та самая Жоанна Сельборн, которая причастна к исчезновению корабля «Звезда Юга»? Я ему на то, что ни в чем меня не обвинили. Он в смех. Люблю, говорит, таких, которых ни в чем обвинить нельзя. Потом спросил, врожденный ли у меня дар ВДВ, чуйности, значит. Когда я подтвердила, он задумался и говорит: «Я думаю, этот твой дар мне против чародеев сгодится, но для пользы придется иметь дело с другой персоной, не менее загадочной».

— Свидетельница уверена, что коронер Скеллен использовал именно эти слова?

— Уверена. Ведь я же чуйная.

— Продолжайте.

— Тут наш разговор прервал гонец, весь в пыли, видать, коня не жалел. Срочные у него были для Филина вести, а Дакре Силифант, когда мы на квартиру шли, сказал, мол, носом чует, что гонцовые вести нас еще до вечера в седла загонят. И верно, Высокий трибунал. Не успели мы толком об ужине подумать, как половина ганзы уже в седлах была. Мне повезло, потому как взяла Тиля Эхрада, эльфа. Я рада была: после нескольких дней пути задница, Высокий трибунал, у меня болела, страх сказать... Да и месячные как раз начались как назло...

— Извольте воздерживаться от красочных описаний своих интимных осложнений. И придерживаться темы. Когда вы, свидетельница, узнали, кто такая эта «загадочная персона», о которой упоминал коронер Скеллен?

— Сейчас скажу, только ведь какая-то очередность все же должна быть, иначе все запутается так, что опосля не распутаешь! Те, что тогда перед ужином с такой спешкой коней седлали, погнали из Рокаина в Мальхун. И привезли оттуда какого-то подростка.

Никляр был зол на себя. Да так, что чуть не плакал.

Ну почему он не послушался советов умных людей? Почему забыл сказку о вороне, которая не умела держать клюв на запоре. Сделал бы, что положено, и вернулся домой, в Ревность. Так нет же! Взбудораженный приключением, гордый тем, что раздобыл верхового коня, чувствуя в мешке приятную тяжесть монет, Никляр не удержался, чтобы не шегольнуть. Вместо того чтобы из Клармона вернуться прямо в Ревность, поехал в Мальхун, где у него было множество знакомцев, в том числе и несколько девушек, к которым он, так сказать, питал... В Мальхуне он хорохорился, будто гусак весной, шумел, хвалился конем на майдане, ставил выпивку в корчме, кидал деньги на стойку с миной и видом если не принца крови, то по меньшей мере графа.

И рассказывал.

Рассказывал о том, что четыре дня назад произошло в Ревности. Рассказывал, то и дело менял версию, добавлял, фантазировал, наконец, брехал прямо в глаза — что вовсе не мешало слушателям. Завсегдатаи корчмы, и местные, и приезжие, слушали охотно. А Никляр трепался так, будто все знал прекрасно. И все чаще в центре надуманных им историй оказывался он сам.

Уже на третий вечер его собственный язык накликал на его голову неприятности.

При виде людей, вошедших в корчму, в помещении наступила гробовая тишина. И в ней звон шпор, шелканье металлических застежек и скрежет оружия прозвучали зловещим знаком, вещающим с вершины звонницы.

Никляру не удалось разыграть из себя героя. Его схватили и выволокли из корчмы так быстро, что он задел за пол каблуками не больше трех раз. Знакомые, которые еще вчера, выпивая за его счет, клялись в дружбе до гроба, теперь молча головы чуть ли не под крышки столов повтыкали, словно бы там, под столами, неведомо какие чудеса творились либо голые бабы отплясывали. Даже присутствовавший в корчме помощник шерифа отвернулся к стене и словечка не молвил.

Никляр тоже не молвил, не спросил, за что и почему. Изумление обратило его язык в негнушийся и сухой пенек.

Усадили его на коня, велели ехать. Несколько часов. Потом был форт с частоколом и башней. Майдан, заполненный громыхающей, обвешанной оружием солдатней. И изба. В избе три человека. Командир и двое подчиненных, сразу было видать. Командир — небольшой, чернявый, богато одетый — был основательный в речи и на удивление вежливый. Никляр аж рот разинул, когда услышал, что его просят извинить за хлопоты и доставленное беспокойство, а одновременно уверяют, что ничего плохого ему не сделают. Но не дал себя обмануть. Эти люди очень напоминали ему Бонарта.

Ассоциация была на удивление точной. Интересовал их именно Бонарт. Это было вполне естественно, поскольку именно собственный Никляр язык загнал его в западню.

Когда его вызвали и он принялся рассказывать, ему напомнили, что надобно говорить правду, не приукрашивая. Напомнили вежливо, но сурово и убедительно, а тот, кто напоминал, тоже богато одетый, все время играл окованной плетью и глаза у него были мерзостные. Злые.

Никляр, сын гробовщика из поселка Ревность, рассказал правду. Всю правду, только правду и ничего, кроме правды. О том, как девятого сентября утром в поселке Ревность Бонарт, охотник за наградами, вырубил под корень банду Крысей, даровав жизнь одной лишь бандитке, самой молодой, по имени Фалька. Рассказал, как вся Ревность сбеглась, чтобы посмотреть, как Бонарт станет пойманную потрошить и казнить, но людишки здорово просчитались, потому как Бонарт, о диво, Фальку не прикончил, даже не мучил. И вообще не сделал ей ничего сверх того, что обычный мужик делает жене по субботам вечером, возвращаясь из трактира — ну, обнаковенно тыркнул пару раз, дал под зад — и все. Боле ничего.

Богато одетый господин с нагайкой молчал, а Никляр рассказывал, как потом Бонарт на глазах у Фальки поотпиливал у убитых Крысей головы и как из этих голов, словно изюминки из теста, выковыривал золотые серьги с камушками. Как Фалька, глядя на это, орала и блевалась, привязанная к коновязи.

Рассказал, как Бонарт затянул у Фальки на шее ошейник, словно на суке какой, как затащил ее за этот ошейник в постоялый двор «Под головой химеры». А потом...

— А потом, — продолжал парень, то и дело облизывая губы, — милсдарь господин Бонарт пива пожелали, потому как вспотели они жутко и в горле у них пересохло. А опосля крикнули, что желание у них имеется кого-нито добрым конем одарить и цельными пятерьями флоренами наградить. Наличными. Так он именно и сказал, этими самыми словами. Ну, тут я сразу вызвался, не дожидаясь, пока кто иньший меня опередит, потому как жутко хотел коня заиметь и малость собственных денег. Отец не дает ничего, все

пропивает, что на гробах заработает. Ну я, значит, вызвался и спрашиваю, какого коня, мол, верняком одного из крысиных, можно получить. А милсдарь господин Бонарт поглядели, аж у меня мурашки пошли, и говорят, дескать, получить-то я могу под зад, а другое все надо заработать. Ну, чего было делать? Кобылка у ворот, прям как в сказке, так и верно, потому как крысевы кони у коновязи стояли, особенно та вороная Фалькина кобыла, редкой красоты лошадь. Ну, я поклонился и спрашиваю, чего делать-то надо, чтобы заработать. А господин милсдарь Бонарт, что, мол, в Клармон сгонять требуется, да по пути в Фано заглянуть. На коне, который я себе выберу. Знал он, верно, что я глаз на ту вороную положил, но ту он мне сразу запретил брать. Ну и выбрал я себе каштанку с белой звездочкой...

— Поменьше о конских мастях, — сухо напомнил Стефан Скеллен. — Больше о деле. Говори, что тебе Бонарт поручил.

— Господин Бонарт писание написал, спрятать велел как следует. До Фана и Клармона велели ехать, тама указанным особам писания в руки собственные отдать.

— Письма? Что в них было?

— А мне-то откедова знать, господин? С чтанием у меня не шибко, да и запечатаны были письма господина Бонарта собственноручной печаткой.

— Но кому письма были, помнишь?

— А то! Помню. Милсдарь Бонарт раз десять повторять велели, чтобы не запамятовал я. Добрался, не заплутался, куда надо, кому надо письма отдал в собственные их руки. И хвалили меня, что я, мол, головастый парень, а тот благородный купец даже дедар дали...

— Кому письма передал? Говори толком.

— Первое писание было к мэтру Эстерхази, мечнику и оружейнику из Фано. Другое же милостивому государю Хувенагелю, купцу из Клармона.

— Может быть, они письма при тебе распечатывали? Может, кто что сказал, читая? Напряги память, парень...

— Не-а, не помню. Тады я не думал, да и теперь как-то не вспоминаецца.

— Мун, Оль, — повернулся Скеллен к адъютантам, совершенно не повышая голоса. — Возьмите хама во двор, спустите штаны, отсчитайте тридцать плетей.

— Помню! Я помню! — взвизгнул парень. — Только что вспомнил!

— Для освежения памяти, — ощерился Филин, — нет лучшего средства, чем орехи с медом или нагайкой по жопе. Говори.

— Когда в Клармоне господин купец Хувенагель писание читали, то был тамотки еще один, ну, маленький такой, прям низушек, да и только. Господин Хувенагель ему сказали... Э-э-э-э...

Сказали, что ему как раз пишут, что тут моёт быть така охотность и цирк, каких мир не видывал! Так они сказали!

— Не выдумываешь?

— Могилой матери своей клянусь! Не велите меня бить, господин хороший. Помилуйте!

— Ну-ну, вставай, не лижи сапог! На, получай денар.

— Стократ благодарствуйте... Милостивец...

— Я сказал, не слюнявь мне сапоги. Оль, Мун, вы что-нибудь поняли? Что общего у охотности, тьфу ты, у желания с...

— Охотность, — вдруг сказал Мун. — Да не охотность, а охота!

— Во-во! — крикнул парень. — Именно что охота! Так они и сказали, слово в слово. Вы будто там были, господин хороший!

— Охота, цирк! — Оль Харшейм ударил кулаком по ладони. — Условный шифр, но не очень хитрый. Простой. Цирк, охота — это предупреждение против возможной погони или облавы. Бонарт предостерегает, что их могут преследовать или облаву устроить, и советует им бежать! Но от кого? От нас?

— Как знать, — задумчиво сказал Филин. — Как знать. Надо послать людей в Клармон... И в Фано тоже. Займись этим, Оль, дашь задание группам... Слушай-ка, парень.

— А, господин милостивый?

— Когда ты уезжал из Ревности с письмами от Бонарта, он, как я понимаю, был еще там? А собирался в путь? Торопился? Может, говорил, куда направляется?

— Не-а, не говорил. Да и в путь ему не было с руки. Одежду, сильно кровью обрызганную, велел выстирать и вычистить, а сам в одной рубаше и портках исподних токмо ходил, но с мечом при поясе. Потому, я думаю, спешил. Ведь же Крысей побил и головы им отрезал награды для, а стало быть, надо было ему ехать и об ей напомнить, о Фальке-то. Да Фальку он ведь тоже для того взял, чтоб живцом кому-то доставить. Така ведь евонная профессия, нет?

— Фалька. Ты ее как следует рассмотрел? Чего хохочешь, дурень?

— Ой-ей, господин милостивый! Рассмотрел? Да еще и как! В подробностях!

— Раздевайся, — повторил Бонарт, и в его голосе было что-то такое, что Цири невольно сжалась. Но бунтарский характер тут же взял вверх.

— Не буду!

Кулака она не увидела, даже не уловила его движения. В глазах сверкнуло, земля покачнулась, ушла из-под ног и вдруг больно ударила по бедру. Щека и ухо горели огнем — она поняла, что Бонарт ударил не кулаком, а тыльной стороной раскрытой ладони.

Он встал над ней, поднес ей к лицу сжатый кулак. Она видела тяжелую печатку в форме черепа, которой только что ужалил ее в лицо как шершень.

— За тобой один передний зуб, — сказал он леденящим тоном. — Если в следующий раз услышу от тебя слово «нет», то выбью два сразу. Раздевайся.

Она встала, покачиваясь, трясущимися руками начала расстегивать застёжки и пуговицы. Присутствовавшие в кабаке «Под головой химеры» поселяне зашептались, закашляли, вытаращили глаза. Хозяйка постоянного двора, вдова Гулё, сунула голову под стойку, делая вид, будто что-то там ищет.

— Скидавай с себя все! До последней тряпки.

«Их здесь нет, — думала она, раздеваясь и тупо глядя в пол. — Никого здесь нет. И меня здесь тоже нет».

— Расставь ноги.

«Меня вообще здесь нет. То, что сейчас произойдет, меня не касается. Вообще. Нисколько».

Бонарт рассмеялся.

— Ты сдается, слишком высокого о себе мнения. Ишь, размечталась! Вынужден тебя разочаровать. Я раздеваю тебя, идиотка, чтобы проверить, не спрятала ли ты на себе магических гексов, сиглей или амулетов. Не восторгаться же твоими, Господи прости, мощами. Не придумывай себе черт знает чего. Ты — тошная, плоская как доска недоросль, ко всему прочему уродлива как тридцать семь несчастий. Уверен, даже если б меня сильно приперло, уж лучше отшуровать индюка что пожирнее.

Он подошел, разметал ее одежду носком сапога, оценил взглядом.

— Я же сказал — всё! Серьги, колечки, ожерелье, браслет!

Он тщательно собрал украшения. Пинком отбросил в угол курточку с воротником из голубой лисы, перчатки, цветной платочек и пояс с серебряной цепочкой.

— Нечего расхаживать, ровно попутай или полуэльфка из борделя. Остальное можешь надеть. А вы чего тарашитесь? Гулё, принеси чего-нибудь перекусить, проголодался я. А ты, брюхатый, проверь, как там с моей одеждой.

— Я — здешний старшина.

— Вот и славно, — процедил Бонарт, и под его взглядом старшина Ревности, казалось, начал худеть на глазах. — Если хоть что-то попортят при стирке, то тебя как правящую личность привлеку к ответственности. А ну давай жми к прачкам! Вы, остальные, тоже вон отсюда! А ты, хлюст, чего стоишь? Письма получил, конь оседлан, отправляйся на тракт и в галоп! Да помни: подкачаешь, потеряешь письма или адреса перепутаешь, отыщу тебя и так отделаю, что мать родная не узнает!

— Еду, еду уже, милостивый государь! Еду!

* * *

— В тот день, — Цири сжала губы, — он бил меня еще дважды: кулаком и арапником. Потом ему расхотелось. Он только сидел и молча тарасился на меня. Глаза у него были такие... ну, какие-то рыбы, что ли. Без бровей, без ресниц... Какие-то водянистые шарики, и в каждом — черное ядрышко. Он тарасился на меня и молчал. И этим угнетал еще больше, чем избиениями. Я не знала, что он замышляет.

Высогота молчал. По избе шмыгали мыши.

— Время от времени спрашивал, кто я такая, но я молчала. Как тогда в пустыне Карат, когда меня схватили ловчие, так и теперь ушла глубоко в себя, как-то внутрь; если ты понимаешь, что я имею в виду. Тогда ловчие говорили, что я кукла, а я и была такой деревянной куклой, бесчувственной и мертвой. Верно. На все, что с той куклой делали, я смотрела как бы сверху, извне. Они бьют? Ну и что! Пинают? Ну и что! Надевают на шею ошейник, будто собаке? Ну и пусть! Это же не я, меня здесь вообще нет... Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Высогота. — Понимаю, Цири.

— И тут, Высокий трибунал, настала и наша очередь. Нашей, стало быть, группы. Команду над нами принял Нератин Цека, кроме того, придали нам Бореаса Муна. Траппера. Бореас Мун, Высокий трибунал, может, говорили, рыбу в воде выследить. Такой он был! Болтают, что однажды Бореас Мун...

— Свидетельница, извольте воздержаться от отступлений.

— Что вы сказали? Ах, да... Понимаю. Значит, велели нам что есть мочи в копытах мчать в Фано. Было это шестнадцатого сентября утром.

Нератин Цека и Бореас Мун ехали первыми, за ними — Каберник Турент и Киприан Фрипп Младший — стремя в стремя, а дальше — Веда Сельборн и Хлоя Штиц. В конце — Андреас Верный и Деде Варгас. Последние распевали модную в то время солдатскую песенку, финансируемую и рекламируемую военным министерством. Даже меж солдатских песен эта выделялась жутким убожеством рифм и абсолютным отсутствием уважения к грамматике. Называлась она «На войнючке», поскольку все куплеты, а было их больше сорока, начинались именно с этих слов.

На войнючке, на войне всякое бывает,
То глядишь, не у того голову срубают,
На войнючке, на войне крик идет: «Порушу!
Только пикни, в тот же миг все кишки наружу!»

Веда тихо посвистывала в такт мелодии. Она была довольна, что оказалась среди людей, которых хорошо узнала за время долгого пути из Этолии в Рокаин. Правда, после разговора с Филином она ожидала всего лишь какого-нибудь мелкого назначения, вроде «пристяжки» к группе из людей Бригдена и Харшейма. Однако к ним «пристегнули» Тиля Эхрада, но эльф-то знал большинство своих попутчиков, а они знали его.

Ехали шагом, хоть Дакре Силифант приказал гнать что есть духу. Но они были профессионалами. Взбивая пыль, прошлись галопом, пока их было видно из форта, потом притормозили. Загонять коней и переть сломя голову личит соплякам и любителям. А спешка, как известно, важна лишь при ловле блох.

Хлоя Штиц, специалистка-воровка из Имако, рассказывала Веде о своем давнем сотрудничестве с коронером Стефаном Скелленом. Каберник Турент и Фрипп Младший сдерживали коней, подслушивали, часто оглядываясь.

— Я его знаю хорошо. Уже несколько раз работала под ним...

Хлоя едва заметно заикнулась, уловив двусмысленный характер выражения, но тут же свободно и безмятежно рассмеялась.

— Под его командой тоже, — фыркнула она. — Нет, Веда, не бойся. У Филина принуждения не бывает. В этом смысле он не навязывался, я сама тогда искала случая и нашла. А для ясности скажу: таким манером получить его благосклонность не удастся.

— Я ни на что такое не рассчитываю, — надула губы Веда, вызываясь глянув на плотоядные ухмылочки Турента и Фриппа. — Случая искать не стану, но и не испугаюсь. Я не позволю испугать себя всякой мелочью. И уж наверняка не мужицкими фитюльками, которые иначе и не назовешь.

— А у вас ничего другого на уме, одни фитюльки, — бросил Бореас Мун, сдерживая буланого жеребца и ожидая, пока Веда и Хлоя поравняются с ним.

— А тут не ими воевать придется, уважаемые дамы! — продолжал он. — С Бонартом, ежели кто его знает, мало кто сравняется, когда о мечях речь. Я был бы рад, если б оказалось, что между ним и господином Скелленом нет ни ссоры, ни вражды. Если б все давно по косточкам разошлось.

— А я этого не понимаю, умом-то, — признался едущий сзади Андреас Верный. — Навроде бы как чаровника какого нам выслеживать велено, потому нам чуйную и придали, Веду Сельборн, вона эту. А теперича о каком-то Бонарте разговор идет и девке какой-то.

— Бонарт, охотник за наградами, — откашлялся Бореас Мун, — был с господином Скелленом в сговоре. И обманул. Хучь приобещал господину Скеллену, что эту девку пришлет, а сам в живых оставил.

— Не иначе как ему кой-то другой поболее деньжат за живую пообещал, чем Филин за мертвую, — пожал плечами Хлоя Штиц. — Они такие — охотники за наградами-то. Чести у них не ищи!

— Бонарт не такой, — возразил, оглянувшись, Фрипп Младший. — Бонарт от раз данного слова не отступал.

— Сталбыть, еще дивнее дело сыскалось, что вдруг отступил.

— А чего бы это, — спросила Веда, — девка такая важная? Ну, та, которую надо было прибить, а не прибили?

— А нам-то что? — поморщился Бореас Мун. — У нас — приказ! А господин Скеллен имеет право своего требовать. Бонарт должен был Фальку затюкать, а не затюкал. Господин Скеллен вправе потребовать, чтобы он отчитался перед ним.

— Этот Бонарт, — убежденно бросила Хлоя Штиц, — собирается за живую девку взять поболее, чем за мертвую. Вот те и весь сказ.

— Господин коронер, — сказал Бореас Мун, — сначала тоже думал, что Бонарт одному барону из Гесо, который на банду Крысей взъелся, живую Фальку приобещал, чтоб тот с ей позабавился и помаленьку умучил. Но вроде как бы это неправда. Не ведомо, для кого Бонарт живую Фальку прячет, но наверняка не для того барона.

— Господин Бонарт! — Толстый старшина Ревности вкатился в корчму, сопя и задыхаясь. — Господин Бонарт, вооруженные в поселке. На конях едут.

— Тоже мне новость. — Бонарт протер тарелку хлебом. — Было б удивительно, если б они ехали, к примеру, на обезьянах. Сколько?

— Четверо.

— А где моя одежда?

— Только-только развесили... Еще не высохла...

— Чтоб вас разнесло. Придется гостей в подштанниках принимать. Но по правде, каков гость, такова и милость.

Он поправил затянутый на исподнем пояс с мечом, сунул стрипки от кальсон в голенища сапог, рванул за цепь, привязанную к ошейнику Цири.

— Вставай, Крысеха!

Когда он вывел ее во двор, четверка конных уже приближалась к корчме. Видно было, что позади у них долгий путь по проселкам да в непогоду — одежда, упряжь и кони были заляпаны засохшей пылью и грязью.

Их было четверо, но они еще вели запасную. При виде запасной Цири почувствовала, как ее вдруг охватывает жар, хотя день был очень холодный. Это была ее собственная пегая, все еще в ее же сбруе и под ее седлом. И в налобнике, подарке от Мистле. Наездники были из тех, что убили Хотспорна.

Они остановились перед постоялым двором. Один — вероятно, командир — подъехал ближе, поклонился Бонарту, стащив с головы куний колпак. Он был смуглый и носил черные усы, похожие на проведенную угольком черточку над верхней губой. Верхняя губа, заметила Цири, то и дело у него съеживалась — тик все время придавал ему разъяренное выражение. А может, он и верно был разъярен?

— Приветствую вас, господин Бонарт!

— Приветствую вас, господин Имбра. Приветствую, господа. — Бонарт не спеша зацепил цепь Цири за крючок на столбе. — Прошу простить, что встречаю в кальсонах, но не ожидал, никак не ожидал. Дальний путь за вами, ох, дальний... Из Гесо, значит, аж сюда, в Эббинг, пригнали. А как уважаемый барон? Здоров ли?

— Как огурчик, — равнодушно ответил смуглый, снова кривя верхнюю губу. — Простите, болтать некогда. Спешим мы.

— А я, — Бонарт подтянул пояс и подштанники, — вас вовсе и не задерживаю.

— К нам дошла весть, что вы Крыс перебили.

— Верно.

— И, выполняя обещание, данное барону, — смуглый по-прежнему прикидывался, будто не видит во дворе Цири, — взяли Фальку живьем?

— И это, думается мне, правда.

— Значит, вам посчастливилось там, где нам не повезло. — Смуглый глянул на пегую лошадку. — Лады. Забираем девуку, и домой. Руперт, Ставро, заберите ее.

— Не спешите, Имбра, — поднял руку Бонарт. — Никого вы не заберете. По той простой причине, что я не дам. Я раздумал. Оставляю девушку себе, для собственного употребления.

Названный Имброй смугляк наклонился в седле, отхаркался и сплюнул, поразительно далеко, почти на ступени крыльца.

— Но ты обещал господину барону.

— Обещал. Но раздумал.

— Что? Верно ли я расслышал?

— Верно, не верно — не моя печаль, Имбра.

— Ты три дня гостил в замке? За данные барону обещания три дня пил и жрал? Лучшие вина из погребов, печеных павлинов, косулье мясо, паштеты, карасей в сметане? Три ночи будто король на пуховатках спал? А теперь, значит, раздумал? Да?

Бонарт молчал, храня безразличие и усталость на лице.

Имбра стиснул зубы, чтобы сдержать дрожь.

— А знаешь, Бонарт, мы ведь можем Крысиху у тебя силой отнять!

Лицо Бонарта, до того тоскливое и равнодушное, мгновенно напряглось.

— Попробуйте. Вас четверо, я один. К тому же в подштанниках. Но ради таких засранцев и штаны надевать не стану.

Имбра снова сплюнул, дернул поводья, развернул коня.

— Тьфу, Бонарт, что с тобой приключилось? Ты ж всегда тем славился, что был солидным, честным профессионалом, слово данное надежно выполнял. А тут получается, что твое слово менее дерьма стоит! А поскольку человека по словам его оценивают, то получается, что и ты...

— Ну, если уж о словах речь, — холодно прервал Бонарт, положив руки на пряжку пояса, — то смотри, Имбра, как бы у тебя случаем во время трепа слишком грубое словечко не высралось. Потому, если я стану его тебе обратно в глотку зашпунтовывать, может быть больно.

— На четверых-то ты смел! А на четырнадцать смелости хватит? Потому как поручиться могу, что барон Касадей неуважения не потерпит.

— Сказал бы я, куда бы твоего барона засунул, да, понимаешь, толпа собирается, а в ней женщины и дети. Поэтому скажу только, что через десять дней я в Клармон явлюсь. Кто хочет свои права качать, мстить за неуважение или Фальку у меня отобрать, пусть в Клармон едет.

— Я туда приеду.

— Буду ждать. А теперь — выпердывайтесь отседова.

— Они его боялись. Жутко боялись. Я чуяла, как от них страхом разит.

Кэльпи громко заржала, дернула головой.

— Четверо их было, вооруженных до зубов. А он один, в штопаных-перештопанных кальсонах и обтрепанной рубаше с короткими рукавами. Он был бы смешон... Если б не был страшен.

Высогота молчал, шуря слезящиеся от ветра глаза. Они стояли на бугорке, возвышающемся над болотами Переплюта, неподалеку от того места, где две недели назад старик нашел Цири. Ветер клал камыши, морщил воду на разливах реки.

— У одного из четырех, — продолжала Цири, позволив кобыле войти в воду и пить, — был небольшой самострел при седле, у него рука к тому самострелу потянулась. Я чуть не слышала его мысли, чувствовала его ужас: «Успею ли напасть? Выстрелить? А что будет, если промажу?» Бонарт тоже видел этот самострел и эту руку, тоже слышал его мысли, я уверена. И уверена, что тот конник не успел бы натянуть самострела.

Кэльпи подняла морду, зафыркала, зазвонила колечками мундштука.

— Я все лучше понимала, в чьи руки попала. Однако по-прежнему не догадывалась о его мотивах. Я слышала их разговор, помнила, что раньше говорил Хотспорн. Барон Касадей хотел запо-

лучить меня живой, и Бонарт ему это обещал. А потом раздумал. Почему? Или намеревался выдать кому-то, кто заплатит больше? Или каким-то непонятным образом догадался, кто я такая в действительности? И собирался выдать нильфгаардцам?

Из поселка мы уехали под вечер. Он позволил мне ехать на Кэльпи. Но руки связал и все время держался за цепь на ошейнике. Все время. А ехали мы, почти не задерживаясь, всю ночь и весь день. Я думала, умру от усталости. А по нему вообще ничего не чувствовалось. Это не человек. Это дьявол во плоти.

— И куда он тебя отвез?

— В городишко, который называется Фано.

— Когда мы въехали в Фано, Высокий трибунал, уже темно было, тьма хоть глаз коли, вроде бы шестнадцатое сентября, но день хмурый и холодный чертовски, прямо — ноябрь. Долго искать мастерскую оружейника не пришлось, потому как это самая большая домина во всем городишке, к тому же оттуда непрерывно шел грохот молотов, кующих оружие. Нератин Цека... Напрасно вы, господин писарь, это записываете, потому что, уж не помню, говорила ли я, но Нератин уже в той деревне, которую называют Говорог, землю грызет.

— Извольте не поучать протоколянта. Продолжайте показания.

— Нератин заколотил в ворота. Вежливо так сказал, кто мы и с чем. Вежливо просил послушать. Ну, впустили нас. Мастерская механика была красивым зданием, прямо-таки крепость, обнесена сосновым частоколом, башенки, крытые дубовыми клепками, внутри на стенах — полированная лиственница...

— Трибунал не интересуют архитектурные детали. Переходите к сути, свидетельница. Предварительно же прошу повторить для протокола имя механика.

— Эстерхази, Высокий трибунал. Эстерхази из Фано.

Оружейных дел мастер Эстерхази долго смотрел на Бореаса Муна, не торопясь отвечать на заданный вопрос.

— Может, и был тут Бонарт, — сказал он наконец, поигрывая висящим на шее костяным свистком. — А может, и не был? Кто знает? Здесь, господа дорогие, у нас мастерская по изготовлению мечей. На все вопросы, касающиеся мечей, мы ответим охотно, быстро, гладко и исчерпывающе. Но я не понимаю, почему должен отвечать на вопросы, касающиеся наших гостей и клиентов.

Веда вытащила из рукава платочек, сделала вид, будто утирает нос.

— Причину можно найти, — сказал Нератин Цека. — Ее можете отыскать вы, господин Эстерхази. Могу я. Желаете выбрать?

Несмотря на внешнюю изнеженность, лицо Нератина могло быть жестким, а голос зловещим. Но механик только прыснул, продолжая поигрывать свистулькой.

— Между подкупом и угрозой? Нет, не желаю. И то, и другое я считаю достойным лишь плевка.

— Совсем незначительные сведения, — откашлялся Бореас Мун. — Неужто так уж много? Мы ведь знакомы не первый день, господин Эстерхази, да и имя коронера Скеллена тоже, думаю, вам не чуждо...

— Не чуждо, — прервал оружейник. — Отнюдь. Делишки и выходки, с которыми это имя ассоциируется, нам тоже не чужды. Но здесь Эббинг, автономное самоуправляемое королевство. Хоть одна лишь видимость, но все же. Поэтому мы вам ничего не скажем. Идите своей дорогой. В утешение обещаю, что, если через неделю или месяц кто-либо заинтересуется вами, услышит от нас не больше.

— Но, господин Эстерхази...

— Хотите услышать поточнее? Извольте. Выматывайтесь отсюда!

Хлоя Штиц яростно зашипела, руки Фриппа и Варгаса потянулись к мечам, Андреас Верный положил пятерню на висящий у бедра чекан. Нератин Цека не пошевелился, лицо даже не дрогнуло. Веда видела, что он не спускает глаз с костяной свистульки. Прежде чем войти, Бореас Мун остерег их — звук свистульки был знаком вызова для притаившихся в укрытии охранников, прирожденных рубак, которых в мастерской оружейника называли «испытателями качества продукции».

Однако, предвидя всяческие неожиданности, Нератин и Бореас предусмотрели и дальнейшие действия. В запасе у них была козырная карта.

Веда Сельборн. Чующая.

Веда уже давно зондировала оружейника, тонко покалывала импульсами, осторожно проникала в путаницу его мыслей. Теперь она была готова. Приложив к носу платочек — всегда имелась опасность кровотечения, — она ворвалась в мозг пульсацией и приказом. Эстерхази закашлялся, покраснел, обеими руками схватился за крышку стола, за которым сидел, так, словно боялся, что стол улетит в теплые края вместе со стопкой счетов, чернильницей и прижимом для бумаг в виде нереиды, достаточно своеобразно общающейся с двумя тритонами одновременно.

Спокойно, — приказала Веда, — это ничего, ничего страшного. Просто у тебя появилось желание рассказать нам о том, что нас интересует. Ты же знаешь, что нас интересует, слова так и рвутся на волю. Ну так давай! Начинай! Сам увидишь, как только начнешь говорить, в голове перестанет шуметь, в висках стучать, а в ушах колоть. И спазм челюстей тоже прекратится. Ну, давай!

— Бонарт, — хрипло сказал Эстерхази, раскрывая рот шире, чем того требовала членораздельная речь, — был здесь четыре дня тому, двенадцатого сентября. При нем была девушка, которую он называл Фалькой. Я ожидал такого визита, потому что двумя днями раньше мне доставили письмо от него...

Из левой ноздри у него вытекла тоненькая струйка крови.

Говори, — приказала Веда. — Говори все. Увидишь, как тебе полегчает.

Мечник Эстерхази с интересом рассматривал Цири, не вставая из-за дубового стола.

— Тот меч, — угадал он, постукивая ручкой пера по удивительной группе на прижиме для бумаг, — тот меч, о котором ты просил в письме, — для нее? Правда, Бонарт? Ну, стало быть, оценим... Проверим, согласуется ли он с тем, что ты написал. Росту в ней пять футов девять дюймов. Так оно и есть. Вес — сто двенадцать фунтов... Ну, мы дали бы ей немного меньше ста двенадцати, но это мелочь. Рука, ты писал, на которую подойдет перчатка номер пять... Ну-с, покажем ручку, благородная мазелька. Что ж, и это сходится.

— У меня всегда все сходится, — сухо сказал Бонарт. — Найдется для нее какая-нито приличная железяка?

— В моей фирме, — гордо отвечивал Эстерхази, — не изготовляют и не предлагают ничего иного, кроме приличного оружия. Я понимаю так: нужен не парадный меч, а боевой. Да, правда, ты же писал. Ясное дело, оружие для девушки отыщется без труда. К такому росту и такому весу идут мечи в тридцать восемь дюймов, стандартного изготовления. Ей для ее легкого строения и маленькой руки требуется мини-бастарда с рукоятью, удлиненной до девяти дюймов, и шаровым оголовком. Мы могли бы предложить эльфью тальдагу, либо зерриканскую саберру, а может, и легкую вироледанку...

— Покажи товар, Эстерхази.

— Тебя что, в кипятке держат или как? Ну, тогда позволь... Изволь пройти... Эй, Бонарт? Что там еще? Почему ты ее водишь на поводке?

— Следи за своим сопливым носом, Эстерхази. Не суй, куда не следует, а то, глядишь, еще, чего доброго, прижмет! Ненароком.

Эстерхази, поигрывая висящей на шее свистулькой, глядел на охотника без страха и уважения, хотя глядеть приходилось, сильно задрвав голову. Бонарт подкрутил усы, откашлялся.

— Я, — сказал он немного тише, но так же зловеще, — не встречаю в твои дела и интересы. Тебя удивляет, что я ожидаю взаимности?

— Бонарт! — У мечника даже веко не дрогнуло. — Когда ты покинешь мой дом и мой двор, когда захлопнешь за собой мои

ворота, вот тогда я уважу твою приватность, тайну твоих интересов, специфику профессии. И не полезу в них, будь уверен. Но унижать человеческое достоинство в моем доме я не позволю. Надеюсь, ты меня понял? За моими воротами можешь девушку тащить за лошадь, привязав к конскому хвосту, твоя воля. В моем доме ты снимешь с нее ошейник. Немедленно.

Бонарт нехотя протянул руку к ошейнику, расстегнул, не отказав себе в удовольствии так дернуть девушку, что чуть не повалил ее на колени. Эстерхази, прикинувшись, будто не видит этого, выпустил свистульку из пальцев.

— Так-то оно лучше, — сказал он сухо. — Пошли.

Они прошли по галерейке на другой дворик, поменьше, прилегающий к задней стене кузницы и одной стороной выходящий в сад. Здесь, под опирающимся на резные столбы навесом, стоял длинный стол, на который подмастерья в этот момент выкладывали мечи. Эстерхази жестом пригласил Бонарта и Цири подойти к выставке.

— Прошу. Вот, что я могу предложить. Здесь, — указал он на длинный ряд мечей, — лежит моя продукция, все головки кованые, впрочем, видна поковка, моя чеканная марка. Цены в пределах от пяти до девяти флоренов, потому что это стандартные изделия. А вот те, что лежат вот здесь, монтируются и отделываются только у меня... Оголовки импортные. Откуда — видно по чеканке. У тех, что из Махакама, вычеканены скрещенные молоты. Повисские украшены короной либо лошадиной мордой, а которые из Вироледы, у тех солнце и знаменитая фирменная надпись. Цены начинаются с десяти флоренов.

— А кончаются?

— По-разному. Вот, к примеру, эта чудесная вироледанка. — Эстерхази взял со стола меч, отсалютовал им, потом перешел в фехтовальную позицию, ловко вращая рукой и предплечьем в сложном финте, именуемом «анжелика»: — Эта стоит пятнадцать. Давняя работа, коллекционное оголовье. Видно, что делалась на заказ. Мотив, исполненный на накладке, говорит о том, что оружие было предназначено для женщины.

Он крутанул мечом, задержал руку в терции, фухтелем клинка к ним.

— Как и на всех головках из Вироледы, традиционная надпись: «Не вынимай без причины, не прячь без чести!» Ха! В Вироледке все еще гравировали такие надписи. А во всем мире клинки эти закупают шарлатаны и глупцы. И во всем мире честь здорово подешевела. Неходкий это нынче товар.

— Поменьше болтай, Эстерхази. Дай ей меч, пусть примерит к руке. Возьми оружие, девка.

Цири взяла легкий меч, сразу почувствовала, как шершавая рукоять уверенно прирастает к ладони, а тяжесть клинка так и приглашает руку согнуться в локте и рубануть.

— Это мини-бастарда, — напомнил Эстерхази совершенно напрасно. Она умела пользоваться длинной рукоятью, положив три пальца на сферическую головку.

Бонарт отступил на два шага, на двор. Вытянул меч из ножен, завертел им, аж засвистело.

— Ну же! — бросил он Цири. — Убей меня! Вот тебе меч, а вот подходящий случай. У тебя есть шанс. Используй. Не скоро я предоставлю тебе другой.

— Вы что, ошалели?

— Заткнись, Эстерхази.

Она обманула его боковым взглядом и нарочитым движением плеча, ударила как молния из плоского синистра. Клинок зазвенел от парирующего удара, такого сильного, что Цири покачнулась и вынуждена была отскочить, задев бедром о стол с мечами. Пытаясь сохранить равновесие, она инстинктивно опустила меч — знала, что в этот момент, если б он хотел, то убил бы ее без проблем.

— Вы что, и впрямь ошалели? — возвысил голос Эстерхази, а свистулька снова оказалась у него в руке. Слуги и ремесленники смотрели одурев.

— Отложи железяку. — Бонарт не выпускал Цири из виду, на оружейника же вообще не обращал внимания.

Она, чуть поколебавшись, отложила меч. Бонарт жутковато ухмыльнулся.

— Я знаю, кто ты такая, змея. Но я заставляю тебя самое признаться в этом. Словом или действием! Заставлю признаться, кто ты такая есть. И вот тогда-то я убью тебя.

Эстерхази взвизгнул, словно его кто-то ранил.

— А этот меч, — Бонарт даже не взглянул на него, — был для тебя тяжеловат. Поэтому ты была чересчур медлительна. Так же медлительна, как беременная улитка. Эстерхази! То, что ты ей дал, было тяжелее, чем надо, по меньшей мере на четыре унции.

Мечник побледнел. Он переводил взгляд от девочки к Бонарту и обратно, и лицо у него странно изменилось. Наконец он кивнул подмастерью, вполголоса отдал распоряжение.

— Есть у меня то, — сказал он медленно, — что должно тебя удовлетворить, Бонарт.

— Так почему ж сразу не показал? — проворчал охотник. — Я же писал, что хочу получить экстракласс. Может, думаешь, хороший меч я купить не в состоянии?

— Я знаю, на что ты «в состоянии», — с упором сказал Эстерхази. — Не первый день тебя знаю. А почему не показал сразу? Я же не мог знать, кого ты ко мне приведешь... с ошейником и на

поводке. Не мог догадаться, для кого и для чего предназначен меч. Теперь знаю все.

Подмастерье вернулся, неся продолговатый короб.

— Подойди, девушка, — тихо сказал Эстерхази. — Взгляни.

Цири подошла. Взглянула. И громко вздохнула.

Она мгновенно обнажила меч. Огонь из камина ослепительно вспыхнул на долах клинка, заиграл красным в кружевах эфеса.

— Это он, — сказала Цири. — Ты, конечно, догадываешься. Возьми в руки, если хочешь. Но будь осторожен, он острее бритвы. Чувствуешь, как рукоять прилипает к ладони? Она сделана из такой плоской рыбы, у которой на хвосте ядовитый шип.

— Скат?

— Наверно. У этой рыбы в коже есть малюсенькие зубчики, поэтому рукоять не скользит в руке, если даже рука вспотеет. Глянь, что вытравлено на клинке.

Высогота наклонился, взглянул, прищурившись.

— Эльфья мандала, — сказал он, поднимая голову. — Так называемая *blathan saegthe*, гирлянда судьбы, означающая духовное единство с миром, — стилизованные цветы дуба, спиреи и венчикового дрока. Башня, пораженная молнией. У Старших Народов — символ хаоса и деструкции... А над башней...

— Ласточка, — закончила Цири. — *Zireael*. Мое имя.

— Право дело, недурная вещица, — сказал наконец Бонарт. — Гномовская работа, сразу видно. Только гномы такую темную сталь ковали. Только гномы точили в пламени, и только гномы покрывали клинки ажуром, чтобы уменьшить вес... Признайся, Эстерхази, это копия?

— Нет, — ответил мечник. — Оригинал. Самый настоящий гномий гвихир. Эфесу свыше двухсот лет. Оправа, конечно, гораздо моложе, но копией я бы ее не назвал. Гномы из Тир Тохаира делали его по моему заказу. В соответствии с переданной технологией, методикой и образцами.

— Дьявольщина. Возможно, меня и верно на это не хватит. И сколько же ты хочешь за этот клинок?

Эстерхази немного помолчал. Лицо у него было непроницаемое.

— Я отдам его даром, Бонарт, — наконец глухо сказал он. — В подарок. Чтобы исполнилось то, чему исполниться суждено.

— Благодарю, — сказал Бонарт, явно растерявшись. — Благодарю тебя, Эстерхази. Королевский подарок, воистину королевский... Принимаю, принимаю. И я — твой должник...

— Нет, не должник. Меч для нее, а не для тебя. Подойди, девушка, носящая ошейник. Взгляни на знаки, вытравленные на клинке. Ты не понимаешь их, это ясно. Но я их тебе объясню. Взгляни. Линия, обозначающая судьбу, извилистая и ведет вот к

этой башне. К гибели, к уничтожению устоявшихся ценностей, устоявшегося порядка. Но здесь, над башней, видишь, ласточка. Символ надежды. Возьми этот меч. И да исполнится то, чему исполниться суждено.

Цири осторожно протянула руку, нежно погладила темное оружие с блестящим словно зеркало лезвием.

— Возьми его, — медленно проговорил Эстерхази, глядя на Цири широко раскрытыми глазами. — Возьми. Возьми его в руки, девочка. Возьми...

— Нет! Нет! — неожиданно выкрикнул Бонарт, подскочил к Цири, схватил за плечо и резко и сильно оттолкнул. — Прочь!

Цири упала на колени, гравий, покрывавший двор, болезненно уколол ладони.

Бонарт захлопнул короб.

— Еще не сейчас, — проворчал он. — Еще не сегодня. Еще не пришло время.

— Вероятнее всего, — спокойно согласился Эстерхази, глядя ему в глаза. — Да, скорее всего еще не пришло. А жаль.

— Не очень-то это много дало, Высокий трибунал, читать мысли того мечника. Мы были там шестнадцатого сентября, за три дня до полнолуния. А когда возвращались из Фано в Рокаину, нас догнал Оль Харшейм и семь лошадей. Господин Оль приказал гнать что есть мочи за остальными людьми. Потому как днем раньше, пятнадцатого сентября, была резня в Клармоне... Наверно, напрасно я об этом говорю, Высокий трибунал наверняка знает о бойне в Клармоне...

— Прошу давать показания, не заботясь о том, что трибунал знает.

— Бонарт опередил нас на день. Пятнадцатого сентября он привез Фальку в Клармон...

— Клармон, — повторил Высогота. — Знаю я этот городок. Куда он тебя привез?

— В большой дом на рынке. С колоннами и арками у входа. Сразу было видно, что живет там богатей...

Стены комнат были увешаны богатыми гобеленами и роскошными декоративными тканями, изображающими религиозные, охотничьи сцены и идиллические картинки с участием нагих женщин. Мебель украшала инкрустация из различных сортов дерева и бронзовые оковки, а ковры — такие, что ноги увязали в них по шиколотки. Цири не успела рассмотреть детали, потому что Бонарт шел резво и тащил ее за цепь.

— Здравствуй, Хувенагель!

В радужной мозаике, отбрасываемой витражами, на фоне охотничьей картины стоял крупный мужчина в сияющем золотым шитьем кафтане и обшитой выпорками делии. Хотя и был он в расцвете мужского века, однако же лысина уже явно переросла норму, а щеки свисали, как брыли у породистого бульдога.

— Милости прошу, Лео, — сказал он. — И тебя, госпожа...

— Никакая не госпожа. — Бонарт показал цепь и ошейник. — Здороваться нет нужды.

— Вежливость никогда не помешает, тем более что она ничего не стоит.

— Кроме времени. — Бонарт потянул за цепь, подошел, бесцеремонно пошлепал толстяка по животу.

— Недурно ты подобрел, — оценил он. — Честно говоря, Хувенагель, когда ты оказываешься на пути, через тебя проще перелезть, чем обойти.

— Жизнь в достатке, — добродушно пояснил Хувенагель, тряся щеками. — Милости прошу, Лео. Приятный гость, потому сегодня я и рад безмерно. К тому же дела идут на удивление хорошо, так что даже плюнуть хочется, казна чуть не лопается! Только сегодня, к примеру, один нильфгаардский ротмистр тыла, провиант-мастер, занимающийся доставкой вооружения на фронт, одарил меня шестью тысячами армейских луков, которые я с десятикратной надбавкой продам в розницу охотникам, браконьерам, разбойникам, эльфам и другим прочим разным борцам за свободу. К тому же дешево купил у одного здешнего маркиза замок...

— А на кой хрен тебе замок?

— Для представительности. Но ближе к теме. Одной сделкой я обязан тебе, Лео. Безнадежный, казалось бы, должник рассчитался. Буквально минуту назад. Руки у него аж тряслись, когда он отсчитывал деньги. Этот тип видел тебя и подумал...

— Знаю, что он подумал. Письмо мое получил?

— Получил. — Хувенагель тяжело уселся, придавив животом стол, так что звякнули кубки и фужеры. — И все подготовил. Ты не видел афиши? Не иначе как голодранцы сорвали... Люди уже сходятся к цирку. Касса звоном полна... Садись, Лео. Время есть. Поболтаем, выпьем винца...

— Не хочу я твоего винца. Небось казенное. Слямзенное из нильфгаардских обозов.

— Обижаешь, охотник. Это эст-эст из Туссента. Гроздь собирали, когда наш милостивый император Эмгыр был таким вот маленьким карапузом, какавшим в горшок. Это был славный год. Для вина. Твое здоровье, Лео.

Бонарт молча поднял чару. Хувенагель почмокал, весьма критически поглядывая на Цири.

— Стало быть, эта вот большеглазая косуля, — сказал он наконец, — должна будет гарантировать успех объявленной в письме

забавы? Известно мне, что Виндсор Имбра уже у города. И ведет за собой нескольких добрых резачков. Да и парочка здешних рубак видела афиши...

— Ты когда-нибудь разочаровывался в моем товаре, Хувенагель?

— Не доводилось, факт. Но и давно от тебя ничего не получал.

— Я работаю реже, чем раньше. И вообще подумываю полностью перейти на заслуженный отдых. Хе-хе!

— Чтобы было на что жить, необходим капитал. Возможно, у меня есть для тебя предложение... Выслушаешь?

— Поскольку больше развлечься нечем, — Бонарт ногой пододвинул стул, заставил Цири сесть, — выслушаю.

— А не думал ли ты двинуться на север, к примеру, в Цинтру, на Стоки, а то и за Яругу? Может быть, слышал, что каждому, кто туда двинется и пожелает там поселиться на завоеванных территориях, Империя гарантирует земельный надел в четыре лана? И освобождение от налогов на десять лет.

— Я, — спокойно ответил охотник за наградами, — не гожусь в хлеборобы. Я не могу копать в земле или ходить за скотиной. Я слишком впечатлительный. При виде говна или червяка меня начинает тошнить.

— Ну, один к одному, как я, — затряс щеками Хувенагель. — Из всех сельхоззанятий я одобряю только самогоноварение. Остальное — отвратительно. Говорят, что сельское хозяйство — основа экономики и оно-де обеспечивает благосостояние страны. Однако я считаю недостойным для себя и унижительным ставить свое благосостояние в зависимость от того, воняет там где-то навозом или нет. Я кое-что предпринял в должном направлении. Нет нужды пахать землю, Бонарт, нет необходимости откармливать скотину. Достаточно ее иметь. Если располагать приличным количеством земли, можно тянуть из нее доходы. Можно, поверь мне, жить в полном достатке. Да, в этом направлении я действительно кое-что предпринял, отсюда, кстати, и мой вопрос о поездке на Север. Потому что, видишь ли, Бонарт, у меня там для тебя нашлось бы занятие. Постоянное, хорошо оплачиваемое, не требующее больших затрат времени. И в самый раз для человека впечатлительного: никакого дерьма, никаких дождевых червей и слизняков.

— Готов выслушать. Без всяких обязательств, разумеется.

— Из наделов, которые император обещает выделить переселенцам, можно при толике предприимчивости и небольшом исходном капитале собрать в купу недурную латифундию.

— Понимаю. — Охотник прикусил ус. — Понимаю, куда ты клонишь. И догадываюсь, какие шаги предпринимаешь ради обеспечения собственного благосостояния. Сложностей не предвидишь?

— Предвижу. Двойкие. Во-первых, необходимо найти лиц, которые, прикинувшись переселенцами, поедут на Север отбирать

у коренных жителей и принимать наделы. Формально для себя, фактически для меня. Но отысканием наемников займусь я. На твою же долю падает вторая из сложностей.

— Я — весь слух!

— Некоторые подставники, получив землю, не пожелают ее отдать. Они забудут о полученных деньгах и заключенном договоре. Ты не поверишь, Бонарт, сколь глубоко обман, подлость и стервозность укоренились в природе человека.

— Поверю.

— Поэтому придется убеждать бесчестных, что бесчестность не окупается. Что она наказуема. И этим займешься ты.

— Звучит красиво.

— Звучит так, как оно есть. У меня накопилась практика, я уже проделывал такие фортели. После формального включения Эббинга он вошел в Империю, где раздают наделы. И позже, когда был проведен Акт о разграничении, получилось так, что Клармон, этот красивый городок, оказался на моей земле и, стало быть, принадлежит мне. Вообще вся эта территория принадлежит мне. Аж вон до туда, до затянутого седой дымкой горизонта. Все это мое. Все сто пятьдесят ланов. Имперских, конечно, не кметских. А это дает шестьсот тридцать влук, или восемнадцать тысяч девятьсот морг*.

— «О дурная Империя и близкая гибель»! — продекламировал насмешливо Бонарт. — Империя, в которой все крадут, должна развалиться. Ибо в своекорыстии и самолюбии слабость ее кроется.

— В этом кроется мощь ее и сила, — затряс щеками Хувенагель. — Ты, Бонарт, путаешь воровство с частным предпринимательством.

— И очень даже часто, — равнодушно признал охотник за наградами.

— Ну, так как там с нашей «компанией»?

— А не рановато ли делить северные территории? Может, для верности подождать, пока Нильфгаард выиграет войну?

— Для верности? Не шути. Результат войны предreshен. Войны выигрывают деньги. У Империи они есть, у нордлингов их нет.

Бонарт многозначительно кашлянул.

— Коли уж мы заговорили о деньгах...

— Все в порядке. — Хувенагель покопался в лежащих на столе бумагах. — Вот банковский чек на сто флоренов. Вот акт договора переадресовки обязательств, в силу которого я получу от Варнхагенов из Гесо награду за головы бандитов. Подпиши. Благодарю. Тебе полагается процент со сборов от представлений, но касса еще не закрыта. Большой интерес, Лео, к искусству. Право же, большой. Люди в моем городке ужасно страдают от тоски и хандры.

* приблизительно десять с половиной тысяч гектаров.

Он бсеся, взглянул на Цири.

— Искренне надеюсь, что ты не ошибся и эта... особа доставит нам заслуженное развлечение... Пожелает сотрудничать с нами ради общего блага... и выгоды.

— Для нее, — Бонарт окинул Цири холодным рыбьим взглядом, — никакого блага не будет. И она об этом знает.

Хувенагель поморщился.

— Это скверно, черт побери, скверно, что она об этом знает. А не должна бы. Что с тобой, Лео? А если она не пожелает быть увеселением, если окажется злостно ненадежной? Что тогда?

У Бонарта не изменилось выражение лица.

— Ну, тогда, — сказал он, — мы выпустим на арену твою братву. Они, помнится, всегда были надежны. В смысле увеселений.

Цири молчала долго, потирая покалеченную щеку, наконец сказала:

— Я начинала понимать. Начинала понимать, что они намерены со мной сделать. Я вся собралась, была готова бежать при первой же возможности. Готова была на любой риск. Но они не предоставили мне такой возможности. Присматривали за мной хорошо.

Высогота молчал.

— Они сташили меня вниз. Там ждали гости толстого Хувенагеля. Такие же уникумы! Откуда на свете берется столько поразительных чучел, Высогота?

— Размножаются. Естественный отбор.

Первый из мужчин был невысокий и толстенький, напоминал скорее низушка, чем человека, даже держал себя как низушек — скромно, порядочно, опрятно и... пастельно. Другой, хоть и немолодой, был в одежде и при выправке солдата с мечом, а на плече его черной куртки горело серебряное шитье, изображающее дракона с крыльями летучей мыши. Третьей была светловолосая и тощая женщина, лицо ее украшал слегка крючковатый нос и тонкие губы. Ее фисташкового цвета платье было чрезмерно декольтировано. Нельзя сказать, что это было удачное портновское решение. Декольте почти ничего не демонстрировало, если не считать малопривлекательной морщинистой и пергаментно сухой кожи, покрытой толстым слоем белил.

— Высокородная маркиза де Нэменс-Уйвар, — представил Хувенагель. — Господин Деклан Рос аэп Маэльглыд, ротмистр тыла конных войск его императорского величества владыки Нильфгарда. Господин Пенницвик, бургомистр Клармона. А это господин Лео Бонарт, мой родственник и давний соратник.

Бонарт слегка поклонился.

— Ну а это — та маленькая разбойница, которой сегодня предстоит нас развлекать, — отметила факт тощая маркиза, впиваясь в

Цири блекло-голубыми глазами. Голос у нее был хриплый, сексапильно вибрирующий и донельзя пропитой. — Не очень красива, сказала б я. Но неплохо сложена... Вполне приятное... тельце.

Цири дернулась, оттолкнула назойливую руку, побледнев от ярости и шипя как змея.

— Прошу руками не трогать, — холодно проговорил Бонарт. — Не подкармливать, не дразнить. За последствия не отвечаю.

— Тельце, — маркиза облизнула губы, не обращая внимания на его слова, — всегда можно привязать к кровати, тогда оно становится более доступно. Может, продадите, господин Бонарт? Мы с маркизом любим такие тельца, а господин Хувенагель журит нас, когда мы используем местных пастушек и кметских ребятишек. Впрочем, маркиз теперь уже не тот, что раньше! Детвора не для него. Бегать не может из-за всяческих шанкров и кондилом, которые у него в промежности пооткрывались...

— Довольно. Довольно, Матильда, — мягко, но быстро сказал Хувенагель, видя на лице Бонарта растущее отвращение. — Пора уже в цирк. Господину бургомистру только что сообщили, что в город въехал Виндсор Имбра с подразделением кнехтов барона Касадея. Значит — нам пора.

Бонарт достал флакончик, протер рукавом ониковую крышку столика, высыпал на нее маленькую горку белого порошка. Пригнул Цири за цепь от ошейника.

— Знаешь, как этим пользоваться?

Цири стиснула зубы.

— Втяни носом. Или возьми на послунявленный палец и вотри в десну.

— Нет!

Бонарт даже не повернул головы.

— Сделаешь сама, — тихо сказал он, — или это сделаю я, но тогда уж потешатся все присутствующие. Слизистые оболочки у тебя ведь не только во рту и в носу, Крысица. В некоторых других забавных местах тоже. Я кликну слуг, велю тебя раздеть, придержать и использую для забавы эти места.

Маркиза де Нэменс-Уйвар гортанно засмеялась, глядя, как Цири дрожащей рукой тянется к наркотику.

— Забавные места, — проговорила она, облизнув губы. — Любопытная мысль. Надо будет как-нибудь попробовать! Эй, эй, девушка, осторожнее, не транжирь хороший порошок. Оставь немного мне!

Наркотик был гораздо сильнее, чем тот, которым пользовались Крысы. Уже через несколько минут Цири охватила слепящая эйфория, все вокруг стало резким, свет и краски резали глаза, запахи свербил в носу, звуки стали невыносимо громкими, все сделалось нереальным, воздушным, эфемерным. Были ступени, были

угнетающие тяжелой пылью гобелены и драпри, был хриплый смех маркизы де Нэменс-Уйвар. Был двор, быстрые капли дождя на лице, рыбки ошейника, который все еще не был с нее снят. Огромное здание с деревянным куполом и большой отвратительно безвкусной картиной на фасаде — не то дракон, не то грифон, не то выворотень. Перед входом в здание толпились люди. Один кричал и жестикулировал.

— Это мерзко! Мерзко и грешно, господин Хувенагель! Дом, бывший некогда храмом, использовать для столь нечестного, бесчеловечного и отвратительного зрелища! Животные тоже чувствуют, господин Хувенагель! У них тоже есть свое достоинство! Преступно ради выгоды натравливать одних на других к утехе черни!

— Успокойтесь, святой отец! И не мешайте моему частному предпринимательству! А вообще-то сегодня здесь не будут натравливать животных. Ни одного зверя! Исключительно люди!

— Ах так? Ну, тогда прошу прощения.

Здание было набито людьми, сидевшими на рядах скамей, расположенных амфитеатром. В центре разместилась яма, круговое углубление диаметром около тридцати футов, обнесенное толстыми бревнами и окруженное перилами. Смерд и шум дурманили. Цири снова почувствовала рыбок ошейника, кто-то схватил ее под мышки, кто-то подтолкнул. Не ведая как, она оказалась на дне охваченного бревнами углубления, на плотно утрамбованном песке.

На арене.

Первый удар прошел, теперь наркотик лишь подбадривал и обострял органы чувств. Цири прижала руки к ушам — заполняющая амфитеатр толпа гудела, гикала, свистела. Шум стоял невероятный. Она увидела, что ее правое запястье и предплечье тесно охватывают кожаные наручи. Когда ей их надели, она не помнила.

Услышала знакомый пропитой голос, увидела тощую фисташковую маркизу, нильфгаардского ротмистра, пастелевого бургомистра, Хувенагеля и Бонарта, занимающих возвышающуюся над ареной ложу. Она снова схватилась за уши, потому что кто-то вдруг крепко ударил в медный гонг.

— Смотрите, люди! Сегодня на арене не волк, не гoblin, не эндриага! Сегодня на арене убийца Фалька из банды Крыс! Заклады принимает касса у входа! Не жалеете денег, люди! Удовольствие не съешь, не выпьешь, но если поскупишься на него — не приобретешь, а потеряешь!

Толпа рычала и аплодировала. Наркотик действовал. Цири дрожала от эйфории, ее зрение и слух отмечали каждую деталь. Она слышала хохот Хувенагеля, пьяный смех маркизы, серьезный голос бургомистра, холодный бас Бонарта, повизгивание жреца — защитника животных, пiski женщин, плач ребенка. Она видела темные потеки крови на ограждавших арену бревнах, зияющую в

них обрешеченную вонючую дыру. Блестящие от пота, скотски искривленные морды над ограждением.

Неожиданное движение, поднимающиеся голоса, ругань. Вооруженные люди, расталкивающие толпу, но увязающие, упирающиеся в стену охранников, вооруженных алебардами. Одного из этих людей она уже встречала, помнила смуглое лицо и черные усики, похожие на черточку, нанесенную угольком на дрожащую в тике верхнюю губу.

— Господин Виндсор Имбра? — Голос Хувенагеля. — Из Гесо? Сенешаль высокородного барона Касадея? Приветствуем вас, приветствуем зарубежных гостей. Прошу вас. Плата при входе!

— Я сюда не в игрушки играть пришел, господин Хувенагель! Я здесь по делам службы. Бонарт знает, о чем я говорю!

— Серьезно, Лео? Ты знаешь, о чем говорит господин сенешаль?

— Без дурацких шуточек. Нас здесь пятнадцать! Мы приехали за Фалькой! Давайте ее, иначе худо будет!

— Не понимаю, чего ты кипятишься, Имбра, — насупил брови Хувенагель. — Но заметь — здесь не Гесо и не земли вашего самоуправления барона. Будете шуметь и людей беспокоить, велю вас отсюда плетью выставить!

— Не в обиду тебе будь сказано, господин Хувенагель, — остановил его Виндсор Имбра, — но закон на нашей стороне! Господин Бонарт пообещал Фальку господину барону Касадею. Дал слово. Так пусть свое слово сдержит!

— Лео? — затряс щеками Хувенагель. — О чем это он? Ты знаешь?

— Знаю. И признаю его правоту. — Бонарт встал, небрежно махнул рукой. — Не стану возражать или причинять кому-либо беспокойство. Вон она, девчонка, все видят. Кому надо, пусть берет.

Виндсор Имбра замер, губа задрожала сильнее.

— Даже так?

— Девчонка, — повторил Бонарт, подмигнув Хувенагелю, — достанется тому, кто не поленится ее с арены вытащить. Живой или мертвой — в зависимости от вкусов и склонностей.

— Даже так?

— Черт побери, я начинаю терять спокойствие! — Бонарт удачно изобразил гнев. — Ничего другого, только «даже так» да «даже так». Шарманка испорченная. Как? А вот так, как пожелаешь! Твоя воля. Хочешь, напичкой мясо ядом, кинь ей как волчице. Только не думаю, что она станет жрать. На дуру не похожа, а? Нет, Имбра. Кто хочет ее заполучить, должен сам к ней спуститься. Туда, на арену. Тебе нужна Фалька? Ну, так бери ее!

— Ты мне свою Фальку под нос суешь, будто сому лягушку на удочке, — проворчал Виндсор Имбра. — Не верю я тебе, Бонарт. Носом чую, что в той лягушке железный крючок укрыт.

— Ну и нос! Какая чувствительность к железу! Поздравляю! — Бонарт встал, вынул из-под скамьи полученный в Фано меч, вытянул его из ножен и кинул на арену, да так ловко, что оружие вертикально воткнулось в песок в двух шагах от Цири. — Вот тебе и железо. Явное, вовсе не укрытое. Мне эта девка ни к чему. Кто хочет, путь берет. Если взять сумеет.

Маркиза де Нэменс-Уйвар нервически засмеялась.

— Если взять сумеет! — повторила она пропитым контролем. — Потому как теперь у тельца есть меч. Браво, милсдарь Бонарт. Мне казалось отвратительным отдавать в руки этим голодранцам безоружное тельце.

— Господин Хувенагель. — Виндсор Имбра уперся руками в боки, не устаивая тощей аристократки даже взгляда. — Этот вертеп разыгрывается под вашим покровительством, потому как ведь театр-то ваш. Скажите-ка мне, по чьим правилам здесь играют? По вашим или бонартовским?

— По театральным, — расхохотался Хувенагель, тряся животом и бульдожьими брылями. — Потому как театр-то действительно мой, однако же наш клиент — наш хозяин, он платит, он и условия ставит! Именно клиент ставит условия. Мы же, купцы, должны поступать в соответствии с этими правилами: чего клиент желает, то и надобно ему дать.

— Клиент? Вот это быдло, что ли? — Виндсор Имбра широким жестом обвел заполненные народом скамьи. — Все они пришли сюда и заплатили за то, чтобы полюбоваться зрелищем?

— Доход есть доход, — ответил Хувенагель. — Если что-то пользуется спросом, почему б это что-то не продавать? Люди за бой волков платят? За борьбу эндриаг и аардварков? За науськивание собак на барсука или выворотня в бочке? Чему ты так удивляешься, Имбра? Людям зрелища и потехи нужны как хлеб, хо-хо, даже больше, чем хлеб. Многие из тех, что пришли, от себя оторвали. А глянь, как у них глаза горят. Дождаться не могут, чтобы потеха началась.

— Но у потехи, — язвительно усмехаясь, добавил Бонарт, — должна быть сохранена хотя бы видимость спорта. Барсук, прежде чем его, собачья его душа, псы из бочки вытащат, может кусать зубами, так спортивней получается. А у девчонки есть клинок. Пусть и здесь будет спортивно. Как, хорошие люди, я прав или не прав?

Добрые люди вразнобой, но громко и ликующе подтвердили, что Бонарт прав во всех отношениях. Целиком и полностью.

— Барон Касадей, — медленно проговорил Виндсор Имбра, — недоволен будет, господин Хувенагель. Ручаюсь, рад он не будет. Не знаю, стоит ли вам с ним раздор учинять.

— Доход есть доход, — повторил Хувенагель и тряхнул щеками. — Барон Касадей прекрасно знает об этом. Он у меня под маленькие проценты большие деньги одолжил, а когда придет,

чтобы еще одолжить, тогда уж мы как-нибудь наши раздоры отладим. Но я не допущу, чтобы какой-то заграничный деятель вмешивался в мое личное и частное предпринимательство. Здесь поставлены заклады. И люди за вход уплатили. В песок, что на арене, должна впитаться кровь.

— Должна? — заорал Виндсор Имбра. — Говно собачье. Ох, рука у меня чешется показать вам, что вовсе не должна! Вот уйду отсюда и поеду себе прочь, не оглядываясь. Вот тогда вы можете вдоволь тут свою собственную кровь пускать! Мне даже подумать мерзостно собравшемуся сброду потеху доставлять!

— Пусть идет. — Из толпы неожиданно вышел заросший до глаз тип в куртке из конской шкуры. — Хрен с им, пушай идет, ежели ему, вишь ты, мерзит! Мне не мерзит. Говорили, кто энту Крысицу упекет, получит награду. Я объявляюсь и на арену вхожу.

— Еще чего! — взвизгнул один из людей Имбры, невысокий, но жилистый и крепко срубленный мужчина с буйными, расчесанными и свалывшимися в колтуны волосами. — Мы-та первой были! Верно, парни?

— Верно, — поддержал его другой, худой, с бородкой клинышком. — При нас первенствование! А ты нос не задирай, Виндсор! Ну и чего, что чернь в зрителях? Фалька на арене, стоит руку потянуть и — хватай. А хамы пушай себе глаза вылупляют, нам плевать на это!

— Да еще и добыток достанется! — заржал третий, выряженный в яркий амарантовый дублет. — Ежели спорт, так спорт, разве ж не так, господин Хувенагель? А коли потеха, так потеха! Тут вроде бы о какой-то награде болтали?

Хувенагель широко улыбнулся и подтвердил кивком головы, гордо и достойно тряся обвисшими брылями.

— А как, — любопытствовал бородатенький, — заклады ставят?

— Пока, — рассмеялся купец, — на результаты боя еще не ставили! Сейчас идет три к одному, что ни один из вас не осмелится войти за ограждение.

— Фью-ю-ю-ю! — свистнул Конская Шкура. — Я осмелюсь! Я готов!

— Сдвинься, сказал! — возразил Колтун. — Мы первыми были, и, сталбыть, первенствование по нашей стороне. А ну, чего ждем?

— И всколькиром можно туда, к ей на площадку? — Амарантовый поправил пояс. — Али токмо поодиночке лъзя?

— Ах вы, сукины дети! — совершенно неожиданно рывкнул пастельный бургомистр бычьим голосом, никак не соответствующим его телесам. — Может, вдсятером хотите на одиночку? Может, конно? Может, на колесницах? Может, вам катапульту с цехгауза одолжить, чтобы вы издалека камнями в девку метали? А! Ну!

— Ладно, ладно, — прервал Бонарт, что-то быстро обсудив с Хувенагелем. — Пусть будет спорт, но и потеха тоже быть должна. Можно по двое. Парой, значит.

— Но награда, — предупредил Хувенагель, — удвоена не будет! Если вдвоем, то придется поделить.

— Какая ишшо пара? Как ишшо вдох? — Колтун резким движением стряхнул с плеч куртку. — И не встыд вам, парни? Это ж девка, не боле того! Тьфу! А ну, отсунься. Один пойду и положу ее! Тоже делов-то!

— Мне Фалька нужна живая, — запротестовал Виндсор Имбра. — Плевал я на ваши бои и поединки! Я на бонартову потеху не пойду, мне девка нужна. Живая! Вдвоем пойдете, ты и Ставро. И вытащите ее оттуда.

— Для меня, — проговорил Ставро, тот, что с бородкой, — позорно идти вдвоем на эту ходобишу.

— Барон тебе твой позор флоренами осладит. Но только за живую.

— Стало быть, барон скупец, — захохотал Хувенагель, тряся брюхом и бульдожьими брылями. — И духа спортивного нет в нем ни на обол. Да и желания другим дух поднимать. Я же спорт поддерживаю. И размер награды увеличиваю. Кто в одиночку на арену выйдет и один, на собственных ногах с ней сойдется, тому я этой вот рукой из этого вот кошеля не двадцать, а тридцать флоренов выложу.

— Так чего ж мы ждем? — крикнул Ставро. — Я иду первым!

— Не спеши! — снова прорычал маленький бургомистр. — У девки всего лишь тонкий лён на хребте! Значит, и ты скинь свою разбойничью шкуру, солдат! Это ж спорт!

— Чума на вас! — Ставро сорвал с себя украшенный железяками кафтан, затем стащил через голову рубаху, явив миру худые, заросшие, как у павиана, руки и грудь. — Чума на вас, глубокоуважаемый, и на ваш спорт засратый! Так пойду, нагишом, в портках однех! Вот так! Иль портки тоже скинуть?

— Снимай и подштанники! — сексуально прохрипела маркиза де Нэменс-Уйвар. — Посмотрим, только ль на морду ты мужик!

Награжденный долгими аплодисментами, голый по пояс Ставро достал оружие, перебросил ногу через бревно барьера, внимательно наблюдая за Цири. Цири скрестила руки на груди. Не сделала даже шага в сторону торчащего из песка меча. Ставро замялся.

— Не делай этого, — сказала Цири очень тихо. — Не заставляй меня... Я не позволю прикоснуться к себе.

— Не злись, девка. — Ставро перебросил через барьер вторую ногу. — У меня ничего супротив тебя нет. Но доход есть доход.

Он не закончил, потому что Цири была уже рядом. Уже держала в руке Ласточку, как она мысленно называла гномов гвихир. Она использовала простой, прямо-таки детский выпад, финт, ко-

торый называется «три шажка», но Ставро не дал себя на это поймать. Он отступил на шаг, инстинктивно поднял меч и тут оказался целиком в ее власти — после отскока уперся спиной в ограждение арены, а острие Ласточки застыло в дюйме от кончика его носа.

— Этот фокус, — пояснил Бонарт маркизе, перекрывая рев и крики восхищения, — называется «три шажка, обман и выпад терцией». Дешевый номер, я ждал от девчонки чего-нибудь поизящнее. Но надо признать, захоти она, этот остопоп был бы уже мертв.

— Убей его! Убей! — орали зрители. А Хувенагель и бургомистр Пенницвик опустили вниз большие пальцы. С лица Ставро отхлынула кровь, на щеках проступили прыщи и оспины — последствия перенесенной в детстве болезни.

— Я ведь сказала, не заставляй меня, — прошептала Цири. — Я не хочу тебя убивать! Но прикоснуться к себе не дам. Возвращайся туда, откуда пришел.

Она отступила, отвернувшись, опустила меч и посмотрела наверх, в ложу.

— Забавляетесь мной! — крикнула она ломким голосом. — Хотите принудить биться? Убивать? Не заставите! Я не буду драться!

— Ты слышал, Имбра? — прогремел в тишине насмешливый голос Бонарта. — Прямая выгода! И никакого риска! Она не будет драться. Ее, понимаешь ли, можно забирать с арены и отвезти к барону Касадею, чтобы он наигрался с ней вдоволь. Можно взять без риска. Голыми руками!

Виндсор Имбра сплюнул. Все еще прижимающийся спиной к бревнам Ставро тяжело дышал, сжимая в руке меч. Бонарт засмеялся.

— Но я, Имбра, ставлю бриллианты против орехов — ничего у вас из этого не получится.

Ставро глубоко вздохнул. Ему показалось, что стоящая к нему спиной девушка выбита из колеи, расслабилась. Он кипел от ярости, стыда и ненависти. И не выдержал. Напал. Быстро и предательски.

Зрители не заметили вольта и обратного удара. Увидели только, как бросающийся на Фальку Ставро продельывает прямо-таки балетный прыжок, а потом, совсем уж не балетным па, валится лицом в песок, а песок моментально набухает кровью.

— Инстинкты берут верх! — перекричал толпу Бонарт. — Рефлексы действуют! Ну как, Хувенагель? Разве не говорил я? Вот увидишь, цепные псы не потребуются!

— Ах, что за прелестное и прибыльное зрелище! — Хувенагель аж прищурился от удовольствия.

Ставро приподнялся на дрожащих от усилия руках, замотал головой, закричал, захрипел, его вырвало кровью, и он снова упал на песок.

— Как, вы сказали, называется этот удар, милостивый государь Бонарт? — сексуально прохрипела маркиза де Нэменс-Уйвар, потирая коленом колено.

— Это была импровизация... — Охотник за наградами, который вообще не смотрел на маркизу, сверкнул зубами. — Прекрасная, творческая, я бы сказал, прямо-таки нутряная импровизация. Я слышал о том месте, где учат так импровизированно выпускать кишки. Готов поспорить, что наша мазелька знает это место. А я уже знаю, кто она такая.

— Не принуждайте меня! — крикнула Цири, и в ее голосе зазвучала угрожающая нотка. — Я не хочу! Понимаете? Не хочу!

— Эта девка из пекла родом! — Амарантовый ловко перепрыгнул через барьер, моментально обежал арену вокруг, чтобы отвлечь внимание Цири от запрыгивающего с противоположной стороны Колтуна. Вслед за Колтуном барьер преодолел Конская Шкура.

— Нечистая игра! — зарычал чувствительный ко всему, что касается игр, маленький, как низушек, бургомистр Пенницвик, и толпа его поддержала.

— Трое на одну! Нечистая игра!

Бонарт засмеялся. Маркиза облизнула губы и принялась еще сильнее перебирать ногами.

План тройки был прост — припирают отступающую девушку к бревнам, а потом двое блокируют, а третий убивает. Ничего у них не получилось. По той простой причине, что девушка не отступала, а нападала.

Она проскользнула между ними балетным пируэтом так ловко, что почти не оставила на песке следов. Колтуна ударила на лету, точно туда, куда и следовало ударить. В шейную артерию. Удар был такой тонкий, что она не сбила ритма, а танцуя вывернулась в обратный финт. При этом на нее не пала ни капля крови, хлещущей из шеи Колтуна чуть ли не на сажень. Амарантовый, оказавшийся позади нее, хотел рубануть Цири по шее, но удар предательского меча пришелся на молниеносный ответный выпад выброшенного за спину клинка. Цири развернулась как пружина, ударила обеими руками, увеличив силу удара резким разворотом бедер. Темный, острый как бритва гномий клинок, шипя и чмокая, распорол Амарантовому живот, тот взвыл и рухнул на песок, тут же свернувшись в клубок. Конская Шкура, подскочив, ткнул было девушку острием в горло, но она мгновенно вывернулась в вольте, мягко обернулась и коротко резанула его серединой клинка по лицу, вспоров глаз, нос, рот и подбородок.

Зрители орали, свистели, топали и выли. Маркиза де Нэменс-Уйвар засунула обе руки между стиснутыми ляжками, облизывала губы и смеялась пропитым нервным контральто. Нильфгаардский ротмистр тыла был бледен как веленевая бумага. Какая-то женщина пыталась прикрыть глаза вырывающемуся ребенку. Седой ста-

ричок в первом ряду бурно и громко извергал содержимое желудка, покрывая блевотиной песок между ногами.

Конская Шкура рыдал, ухватившись за лицо, из-под пальцев струилась смешанная со слюной и слизью кровь. Амарантовый дергался на песке и визжал свиньей. Колтун перестал царапать бревно, скользкое от крови, брызгавшей из него в такт биениям сердца.

— Спаасиитее! — выл Амарантовый, судорожно пытаясь удержаться вываливающиеся из живота внутренности. — Ребееебееебееятаа! Спаасите!

— Пии... тхи... бхии, — блевался и сморкался кровью Конская Шкура.

— У-бей е-го! У-бей е-го! — скандировала жаждущая хлеба и зрелищ публика, ритмично топая. Блюющего старичка спихнули со скамьи и пинками угнали на галерку.

— Ставлю бриллианты против орехов, — прогремел среди крика и ора насмешливый бас Бонарта, — что больше никто не отважится выйти на арену. Бриллианты против орехов, Имбра! Да что там — даже против ореховой скорлупы!

— У-бей! — Рев, топанье, аплодисменты. — У-бей!

— Милостивая дева! — выкрикнул Виндсор Имбра, жестами призывая подчиненных. — Дозволь раненых забрать! Дозволь выйти на арену и забрать, прежде чем они кровью истекут и помрут! Прояви человечность, милостивая дева!

— Человечность?! — с трудом повторила Цири, чувствуя, что только теперь она по-настоящему начинает закипать. Она быстро привела себя в норму серией выученных вдохов-выдохов. — Войдите и заберите. Но войдите без оружия. Будьте и вы человечны. Хотя бы раз!

— Не-е-е-ет! — рычала и скандировала толпа. — У-бить! У-бить!

— Вы — подлые скоты! — Цири, танцуя, развернулась, ведя глазами по трибунам и скамьям. — Вы — подлые свиньи! Мерзавцы! Паршивые сукины дети! Идите сюда, спуститесь, попробуйте и понюхайте! Вылизите кровь, пока не застыла! Скоты! Вампиры!

Маркиза охнула, задрожала, закатила глаза и мягко привалилась к Бонарту, не вынимая зажатых между ладьями рук. Бонарт поморщился и отодвинул ее от себя, вовсе и не помышляя о деликатности. Толпа выла. Кто-то бросил на арену огрызок колбасы, другой — ботинок, третий — огурец, целясь при этом в Цири. Она на лету рассекла огурец ударом меча, вызвав тем самым еще более громкий взрыв рева.

Виндсор Имбра и его люди подняли Амарантового и Конскую Шкуру. Амарантовый зарычал. Конская Шкура потерял сознание. Колтун и Ставро вообще не подавали признаков жизни. Цири отступила так, чтобы быть как можно дальше. Насколько позволяла арена. Люди Имбры тоже старались держаться от нее в стороне.

Виндсор Имбра не двигался. Он ждал, пока вытащат раненых и убитых. Он смотрел на Цири из-под полуприкрытых век, держа руку на рукояти меча, который, несмотря на обещание, не отвязал, выходя на арену.

— Не надо, — предостерегла она, едва заметно шевеля губами. — Не вынуждай меня. Прошу.

Имбра был бледен. Толпа топала, орала и выла.

— Не слушай ее, — снова перекрыл рев и гам Бонарт. — Достань меч. Иначе весь мир узнает, что ты трус и засранец! От Альбы до Ярути будет известно, что доблестный Виндсор Имбра удрал от малолетней девчонки, поджав хвост, словно дворняга!

Клинок Имбры на один дюйм выдвинулся из ножен.

— Не надо, — сказала Цири.

Клинок спрятался.

— Трус! — заорал кто-то из толпы. — Дерьмоед! Заячья жопа!

Имбра с каменным выражением лица подошел к краю арены. Прежде чем ухватиться за протянутые сверху руки, оглянулся еще раз.

— Ты наверняка знаешь, что тебя ждет, девка, — сказал он тихо. — Наверняка уже знаешь, что такое Лео Бонарт. Наверняка уже знаешь, на что Лео Бонарт способен. Что его возбуждает. Тебя будут вытаскивать на арену! Ты будешь убивать на потеху таким свиньям и сволочам, как все эти сидящие вокруг хари. И на потеху тем, кто еще хуже них. А когда уже то, что ты убиваешь, перестанет их тешить, когда Бонарту надоест мучить тебя, тогда он тебя убьет. Они выпустят на арену столько бойцов, что ты не сумеешь прикрыть спину. Или выпустят собак. И собаки тебя растерзают, а чернь в зале будет вдыхать сладостный аромат крови, и колотить в ладони, и орать «фора!». А ты подохнешь на испоганенном песке. Подохнешь точно так, как сегодня умирали те, которых посекала ты. Ты вспомнишь мои слова.

Странно, но только теперь она обратила внимание на небольшой гербовый щит на его эмалированном ринграфе.

Серебряный, поднявшийся на дыбы единорог на черном поле. Единорог.

Цири опустила голову. Она глядела на украшенный орнаментом клинок меча.

И вдруг сделалось очень тихо.

— Ради Великого Солнца, — неожиданно проговорил молчавший до того Деклан Рос аэп Маэльглыд, нильфгаардский ротмистр тыла. — Не делай этого, девушка. Ne tuv'en que'ss, luned!

Цири медленно перевернула Ласточку в руке, уперла головку в песок. Согнула колено. Придерживая оружие правой рукой, левой точно нацелила острие себе под грудь. Острие мгновенно пробило одежду, кольнуло.

«Только б не разреветься, — подумала Цири, сильнее напирая на меч. — Только не плакать. Плакать не по кому и не над чем. Одно сильное движение — и всему конец... Всему...»

— Не сумеешь, — раздался в полной тишине голос Бонарта. — Не сумеешь, ведьмачка! В Каэр Морхене тебя научили убивать, поэтому ты убиваешь как машина. Рефлекторно. А для того чтобы убить себя, требуются характер, сила, решимость и отвага. А этому они не могли тебя научить.

— Как видишь, я не смогла, он оказался прав, — с трудом сказала Цири. — Не смогла.

Высогота молчал, держа в руке шкурку нутрии. Неподвижно. Уже давно. Он почти забыл о ней.

— Я струсил. Струсил. И заплатила за это. Как платит трус. Болью, позором, паскудным унижением. И жутким отвращением к себе самой.

Высогота молчал.

Если б в ту ночь кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся стрехой и заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатушке седобородого старика и пепельноволосую девушку, сидящих у камина. Заметил бы, что они молчат, уставившись в светящиеся рубином угли.

Но этого увидеть не мог никто. Хата с провалившейся, заросшей мхом стрехой была хорошо укрыта туманом и испарениями на бескрайних болотах и трясинах Переплюта, куда никто не отваживался заходить.

*Кто прольет кровь человеческую, того кровь
прольется рукою человека.*

Бытие, 9:6

*Многие из живущих заслуживают смерти,
а многие из умерших — жизни. Ты можешь вер-
нуть им ее? То-то же. Тогда не спеши осуждать и
на смерть. Никому, даже мудрейшему из мудрых,
не дано видеть все хитросплетения судьбы.*

Дж. Р.Р. Толкин

*Воистину, великая надобна самоуверенность
и великая ослепленность, дабы кровь, стекаю-
щую с эшафота, именовать правосудием.*

Высогота из Корво

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Чего вы ищете на моей земле? — повторил вопрос Фулько Артевельде, префект из Ридбруна, уже явно обеспокоенный затянувшейся тишиной. — Откуда прибыли? Куда направляетесь? С какой целью?

«Вот так кончаются игры в добрые намерения, — подумал Геральт, глядя на иссеченное заглубившимися шрамами лицо префекта. — Так кончаются благородные порывы дурного ведьмака, проявившего сочувствие к банде заросших грязью лесных людей. Так заканчиваются желания обрести удобство и ночлег в заезжих дворах, в которых обязательно сыщется шпик. Таковы печальные последствия странствований с болтуном-вишшеплетом на шее. И вот сижу я теперь в напоминающей камеру безоконной конуре, на жестком, прибитом к полу стуле для допрашиваемых, а спинка этого стула, чего невозможно не заметить, снабжена захватами и кожными ремешками для укрепления рук и фиксации шеи. Правда, пока что ими не воспользовались, но они есть.

И как же, черт побери, теперь выпутаться из этой истории?»

Проблуждав пять дней с зареченскими бортниками, они наконец-то выбрались из лесной пуши и вышли на заболоченные кустарники. Дождь прошел, ветер разогнал испарения и легкий туман, солнце пробилось сквозь тучи, и в лучах солнца заиграли снежной белизной вершины гор.

Если еще не так давно Ярута была для них той четкой линией, границей, пересечение которой казалось явным переходом к дальнейшему, более серьезному этапу похода, то теперь они еще сильнее почувствовали, что приближаются к черте, барьеру, грани, к тому месту, с которого можно только отступать. Это чувствовали все и в первую очередь сам Геральт — ничего иного почувствовать было невозможно, когда с утра до вечера перед твоими глазами вздымается на юге и загораживает путь могучая, зубчатая, горящая

снегами и ледниками горная цепь. Горы Амелл. И возвышающийся даже над зубастой пилой Амелла грозный и величественный, граненый, словно острие кинжала, обелиск Горгоны. Горы Дьявола. Они не обсуждали эту тему, но Геральт чувствовал, что думают о ней все. Потому что и ему при взгляде на цепь Амелла и Горгону мысль о продолжении похода на юг тоже казалась чистейшей воды сумасшествием.

К счастью, вдруг оказалось, что больше на юг идти не придется.

Известие принес кудлатый лесной бортник, из-за которого последние пять дней им выпала роль вооруженного эскорта. Тот самый супруг и отец пригожих гамадриад, рядом с которыми сам он смотрелся как кабан при кобылах. Тот самый, который пытался обмануть их, утверждая, будто друиды из Каэд Дху отправились на Стоки.

Случилось это на следующее утро после прибытия в многолюдный как муравейник городок Ридбрун, который был целью движения бортников и трапперов из Заречья. То есть на следующий день после прощания с эскортируемыми бортниками, которым ведьмак больше нужен не был, а поэтому он никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из них. Тем большим было его удивление.

Большим, потому что бортник начал с пространного извещения слов, благодарностей, а окончил тем, что вручил Геральту мешок, полный денег, в основном мелочи. Его ведьмачьей платы. Он принял, чувствуя на себе немного насмешливые взгляды Региса и Кагыра, которым не раз во время похода жаловался на неблагодарность человеческую и подчеркивал безмерную глупость руководившего им бескорыстного альтруизма.

И тогда возбужденный бортник прямо-таки выкрикнул новость: «Того-этого, омельники, стало быть, друиды, сидят, господин ведьмак, того-этого, в дубравах над озером Лок Мондуирн, кое находится, того-этого, в тридцати пяти милях к западу отседова».

Сведения эти бортник добыл в пункте скупки меда и воска у проживающего в Ридбруне родственника, а родственник тот, в свою очередь, получил сию информацию от знакомого, искателя алмазов. Когда же бортник узнал о друидах, он что есть духу помчался, чтобы, того-этого, уведомить. И теперь аж весь излучал счастье, пылал гордостью и чувством значимости, как любой враль, вранье которого случайно оборачивается правдой.

Вначале Геральт намеревался было двинуться к Лок Мондуирну незамедлительно, но компания активно воспротивилась. Располагая деньгами бортников, заявили Регис и Кагыр, и находясь в таком месте, где торгуют всем, надлежит пополнить запасы провизии и снаряжения. И подкупить стрел, добавила Мильва, потому как от нее постоянно требуют дичи, а не станет же она стрелять

оструганными щепками. И хотя бы одну ночь, заметил Лютик, переспать в гостинице, улегшись в постель, предварительно испулавшись и с приятственным пивным шумком в голове.

Друиды — признали все хором — не волки, в лес не убегут.

— Хотя это полное и неожиданное стечение обстоятельств, — добавил со странной улыбкой вампир Регис, — но наша команда оказалась на совершенно верном пути движения в совершенно верном же направлении. А посему нам бесспорно и однозначно предначертано к друидам попасть. День либо два задержки значения не имеют. Что же до поспешности, — философически добавил он, — то ощущение, будто время зверски торопит, обычно является сигналом тревоги, обязывающим попридержать темп, действовать помалу и с соответствующей обдуманностью.

Геральт не возражал и не скандалил. Против философских умозаключений вампира не выступал, хотя навешавшие его по ночам странные видения все же склоняли к поспешанию. Независимо от того, что сути этих сновидений он после пробуждения вспомнить не мог.

Было семнадцатое сентября, полнолуние. До осеннего Эквinoxия оставалось шесть дней.

Мильва, Регис и Кагыр вызвались закупить провиант и укомплектовать снаряжение. Геральту же и Лютику выпало провести разведку в Ридбруне и «взять языка».

Лежащий в излучине реки Нэви Ридбрун когда-то был городком небольшим, если считать городком только плотную деревянную и кирпичную застройку внутри кольца ошетилившихся частоколом земляных валов. Но плотная застройка внутри кольца валов составляла лишь центр города, и здесь жить могло не более десятой части населения. Девять же десятых обитали в шумном море охвативших валы хат, халуп, шалашей, будок, сараёв, палаток и фургонов, выполняющих роль жилья.

За чичероне ведьмаку и поэту служил родственник бортника, молодой, плутоватый и нагловатый субъект, типичный представитель здешних шалопаев, родившийся в канаве, в дюжине канав валявшийся и не раз в них же утолявший жажду. В городском шуме, толкотне, грязи и вони он чувствовал себя как форель в хрустальной горной быстрине, а возможность сопровождать кого-то по своему отвратительному городишку его явно радовала. Не обращая внимания на тот факт, что его никто ни о чем не спрашивает, парнишка активно давал пояснения. Оказывается, Ридбрун является важным этапом для нильфгаардских поселенцев, направляющихся на север за обещанными императором наделами: как-никак, четыре лана, или, легко сосчитать, пятьсот морг*. К тому же десятилетнее освобождение от податей и налогов. Ридбрун лежит в

* 800 гектаров.

устье долины реки Нэви, пересекающей горы Амелл и идущей через перевал Теодуль, соединяющий Стоки и Заречье с Маг Тургой, Гесо, Метинной и Мехтом, территориями, уже давно подчиненными Нильфгаардской империи. Город Ридбрун, объяснял сорванец, для поселенцев — последнее место, где еще можно рассчитывать на что-то большее, нежели только на себя, на свою бабу и на то, что уместилось на телегах. Поэтому-то большинство поселенцев довольно долго стоят под городом, набираясь духа для последнего рывка к Яруге и за Яругу. А многие из них, добавил парень с гордостью канавного патриота, остаются в городе навсегда, потому что город этот — ого-го! — культура, не какое-то тебе деревенское, провонявшее навозом захолустье.

Сказать по правде, Ридбрун тоже здорово вонял, в том числе и навозом.

Геральт несколько лет назад побывал здесь, но теперь городка не узнавал. Очень многое изменилось. В былые времена здесь не шаталось столько конников в черных латах и плащах с серебряными эмблемами на нарукавниках. В былые времена под городом не было и каменоломен, в которых ободранные, грязные, истощенные донельзя и окровавленные люди ломали камень на плиты и дробили на щебень, подгоняемые палками одетых в черное надсмотрщиков.

— Здесь стоит много нильфгаардского войска, — пояснил мальчишка, — но не постоянно, а только на время перерыва в переходах и преследовании партизан из организации «Вольные Стоки». Сильный нильфгаардский гарнизон сюда пришлют, когда уже на месте старого города будет возведена большая каменная крепость из того камня, который добывают в каменоломнях. Камень же ломают военнопленные. Из Лирии, Азирна, последнее время из Соддена, Бругте, Ангрена. И из Темерии. Здесь, в Ридбруне, вкалывают сотни четыре пленных. Добрых пять сотен работают на рудниках, приисках и в карьерах вокруг Бельхавена, а свыше тысячи строят мосты и ровняют дороги на перевале Теодуль.

На городском рынке и во времена Геральта тоже стоял эшафот, но не столь пышный. Не было на нем такого количества вызывающих мерзкие ассоциации приспособлений, а на шибеницах, кольях, вилах и шестах не висело и не торчало столько вызывающих отвращение и разлагающихся декораций.

— Это все господин Фулько Артевельде, недавно назначенный армейскими властями префект, — пояснил сорванец, глядя на эшафот и украшающие его детали человеческой анатомии. — Это опять же господин Фулько послал кого-то к палачу. Шутки шутить с господином Фулько нельзя. Это свирепый господин.

Знакомец паренька, искатель алмазов, которого они нашли на постоялом дворе, не произвел на Геральта приятного впечатления, поскольку пребывал в том дрожаше-бледном, полутрезво-полупья-

ном, полуреальном и близком к сонному умопомрачению состоянии, в которое повергает человека беспробудная пьянка. У ведьмака мгновенно упало сердце. Походило на то, что сенсационные сообщения о друидах могли иметь источником обычную *delirium tremens**.

Перепившийся искатель алмазов отвечал — как ни странно! — на вопросы вполне осмысленно, замечание Лютика о том, что не очень-то он похож на искателя алмазов, искатель остроумно ответил, сказав, что как только найдет хоть один алмаз, то сразу же будет походить. Место пребывания друидов над озером Мондуирн он назвал конкретно и точно, без фантастических украшательств и дутой мифоманской манеры. Позволил себе спросить, чего это собеседники ищут у друидов, а когда ему ответило презрительное молчание, предупредил, что появление в друидских дубравах равносильно верной смерти, поскольку друиды взяли за правило пришельцев хватать, засовывать в куклу, именуемую Ивой Бабой, и сжигать живьем под сопровождение молитв, пения и заклинаний. Из рассказа следовало, что безосновательные слухи и глупые суеверия постоянно сопровождали друидов, четко выдерживая дистанцию в полстае.

Дальнейшую беседу прервали девять вооруженных гизармами солдат в черной форме, со знаками солнца на нарукавниках.

— Вы есть, — спросил командовавший солдатами унтер-офицер, похлопывая себя по лодыжке дубовой палкой, — ведьмак по имени Геральт?

— Да, — после недолгого раздумья ответил Геральт. — Мы есть таковые.

— Посему соблаговолите проследовать за нами.

— Откуда такая уверенность, что я... соблаговоляю? Я что, арестован?

Унтер долго молча и, казалось, бесконечно глядел на него и глядел странно, как-то без всякого уважения. Было ясно, что восемь сопровождающих его солдат дают ему основание смотреть именно так.

— Нет, — ответил он наконец. — Вы не арестованы. Арестовывать приказа не было. Если б такой приказ был, я б вас по-другому спрашивал, глубокоуважаемый господин. Са-а-авсем по-другому.

Геральт поправил пояс, на котором висел меч. Поправил достаточно демонстративно и холодно ответил:

— А я по-другому бы отвечал.

— Ну-ну, господа, — решил вступить в разговор Лютик, изобразив на лице нечто такое, что, по его мнению, было улыбкой опытного дипломата. — К чему такой тон? Мы люди порядочные, опасаться властей нам нет резона, более того, мы с удовольствием содействуем властям. Всякий раз, как выпадает такая ока-

* белую горячку (лат.).

зия, разумеется. Но, учитывая сказанное, хотелось бы и нам от власти видеть то же, не правда ли, господин военный? Хотя бы столь мизерную вещь, как разъяснение причины желанья урезать наши и без того урезанные гражданские свободы.

— Война, господин, — ответил унтер, которого ничуть не смутил поток лютиковой речи. — Свободы, как следует из самого названия, существуют во время мира. А причины вам разъяснит господин префект. Я выполняю приказы, и давайте не будем вступать со мной в дискуссии.

— Что верно, то верно, — согласился ведьмак. — Давайте не будем. Ведите меня в префектуру, господин унтер-офицер. А ты, Лютик, возвращаясь к нашим, скажи, что произошло. Делайте, что положено. Уж Регис знает, что именно.

— Так что же вы, господин ведьмак, делаете на Стоках? Чего ищете?

Вопрошавший был плечистым темноволосым мужчиной с лицом, покрытым шрамами и украшенным кожаным лоскутом, прикрывающим левый глаз. В темной улочке вид его циклопского лица наверняка исторг бы крик ужаса из груди встречающих, что послабее. И совершенно напрасно, поскольку это лицо принадлежало господину Фулько Артевельде, префекту Ридбруна, самому старшему рангом стражу законности и порядка во всей округе.

— Чего ищете на Стоках? — повторил самый старший по рангу страж законности и порядка во всей округе.

Геральт вздохнул, пожал плечами, изображая равнодушие.

— Вы же сами знаете ответ на свой вопрос, господин префект. Ведь о том, что я есть ведьмак, как выразился ваш унтер, вы могли узнать исключительно от бортников из Заречья, которые наняли меня для охраны. А поскольку я есть ведьмак, постольку на Стоках ли, где ли еще, я, как правило, ищу возможности заработать. Поэтому перемещаюсь в том направлении, которое указывают мне нанимающие меня хозяева.

— Логично, — кивнул Фулько Артевельде. — По крайней мере по форме. С бортниками вы расстались два дня тому назад. Но намереваетесь продолжать движение на юг в несколько странной компании. С какой целью?

Геральт не опустил глаз, выдержав горящий взгляд единственного ока префекта.

— Я арестован?

— Нет. Пока нет.

— Следовательно, цель и направление моего движения — мое личное дело. Как мне кажется.

— Однако я рекомендовал бы вам говорить честно и откровенно. Ну, хотя бы для того, чтобы доказать, что вы не чувствуете за собой никакой вины и не опасаетесь ни закона, ни стоящих на его

страже властей. Попытаюсь повторить вопрос: какова цель вашего похода, ведьмак?

Геральт ненадолго задумался.

— Я пытаюсь добраться до друидов, которые когда-то проживали в Ангрене, а теперь, кажется, соблаговоляли, как опять же выразился бы ваш унтер-офицер, перебраться в эти районы. Это нетрудно будет узнать от бортников, которых я сопровождал.

— Кто-то нанял вас, опасаясь друидов? Неужто защитники природы спалили в Ивовой Бабе одним человеком больше, чем надо?

— Сказки, сплетни, суеверия довольно странно слышать от человека просвещенного. Мне нужна от друидов информация, а не их кровь. Но, честное слово, господин префект, сдается мне, что я уже был достаточно и даже излишне откровенен и показал, что не вижу за собой никакой вины.

— Не о вашей виновности идет речь, во всяком случае, не только о ней. Однако хотелось, чтобы в нашей беседе было больше благожелательности. Вопреки видимости цель этой беседы, в частности, — сохранение жизни вам и вашим спутникам.

— Вы, — не сразу ответил Геральт, — вызвали у меня колоссальное любопытство, господин префект. В частности. Я с искренним вниманием выслушаю ваши пояснения.

— Не сомневаюсь. Будут и пояснения. Но постепенно. Поэтапно. Слышали ли вы когда-либо, господин ведьмак, об институте главного, то есть коронного, свидетеля? Знаете, кто это такой?

— Знаю. Тот, кто, желая избежать ответственности, закапывает своих друзей.

— Ужасное упрощение, — не улыбнувшись, сказал Фулько Артевельде, — вполне типичное для нордлинга. Вы часто пробегаете в образовании прикрываете саркастическими либо карикатурными упрощениями, которые считаете шутками. Здесь, на Стоках, господин ведьмак, действует закон Империи. Точнее, здесь будет действовать закон Империи, когда мы окончательно выкорчем широко распространенное беззаконие. Самым лучшим средством борьбы с беззаконием и бандитизмом является эшафот, который вы, несомненно, видели на рынке. Но порой себя оправдывает и институт коронного свидетеля.

Он выдержал эффектную паузу. Геральт не прерывал.

— Не так давно, — продолжил префект, — нам удалось поймать в ловушку шайку несовершеннолетних преступников. Бандиты сопротивлялись и погибли...

— Но не все, не так ли? — нагло догадался Геральт, которому уже начинало надоедать красноречие префекта. — Одного взяли живьем и обещали помиловать, если он станет коронным

свидетелем, иначе говоря — стукачом. То есть если он согласится заваливать других. И он завалил меня.

— Чего ради такой вывод? У вас были контакты со здешним преступным миром? Сейчас или раньше?

— Нет. Не было. Ни сейчас, ни раньше. Поэтому простите, господин префект, но все, что сейчас происходит, есть либо тотальное недоразумение, либо блеф. Либо нацеленная на меня провокация. В последнем случае я рекомендовал бы не терять напрасно времени, а перейти к сути дела.

— Мысль о нацеленной на вас провокации, похоже, вас не покидает, — заметил префект, сморщив изуродованную шрамом бровь. — Неужели у вас, несмотря на заверения, все же есть поводы опасаться закона?

— Нет. Зато есть основания опасаться, что борьба с преступностью осуществляется здесь быстро, масштабно и немелочно, без тщательного выяснения — виновен или не виновен. Ну что ж, возможно, это всего лишь карикатурное упрощенчество, типичное для тупого нордлинга. Смею заметить, что нордлинг по-прежнему не понимает, каким образом префект Ридбруна намерен сохранить ему жизнь.

Фулько Артевельде несколько секунд молча рассматривал Геральта. Потом хлопнул в ладоши.

— Ввести ее, — приказал он явившимся солдатам.

Геральт несколькими глубокими вздохами успокоил себя, поскольку неожиданно возникшая мысль заставила его вспотеть, отчаянно забило сердце. Через секунду ему пришлось еще несколько раз глубоко вздохнуть, пришлось даже — что было уж совсем невероятно! — проделать Знак спрятанной под столом рукой. А результат — не менее невероятно — был нулевой. Его кинуло в жар. И в холод.

Потому что часовые втолкнули в помещение Цири.

— О, гляньте-ка, — сказала Цири, как только ее усадили на стул и сковали руки за спинкой. — Гляньте, что кот приволок!

Артевельде проделал короткое движение рукой. Один из солдат, огромный детина с лицом не очень смышенного ребенка, неторопливо размахнулся и треснул Цири по лицу так, что аж стул покачнулся.

— Простите ее, милсдарь, — сказал солдат извиняющимся тоном и на удивление мягко. — Молодая, глупая. Дикая.

— Ангулема, — медленно и проникновенно проговорил Артевельде, — я обещал выслушать тебя. То есть выслушать твои ответы на мои вопросы. Твои шуточки я слушать не намерен. За них ты будешь наказана. Поняла?

— Да, дядечка.

Жест. Шлепок. Стул закачался.

— Молодая, — бухнул солдат, потирая руку о бедро. — Дикая...

Из курносого носа девушки — Геральт уже видел, что это не Цири, и не мог надивиться своей ошибке — вытекла тонкая струйка крови. Девушка сильно хлюпнула носом и хищно усмехнулась.

— Ангулема, — повторил префект. — Ты меня поняла?

— Так точно, господин Фулько.

— Кто это, Ангулема?

Девушка снова хлюпнула носом, наклонила голову, вытаращила на Геральта огромные глазницы. Карие, не зеленые. Потом покачала растрепанной гривой светлых волос, непослушными прядками падающими на брови.

— Никогда в жизни его не видела. — Она слизнула с губы кровь. — Но знаю, кто он такой. Впрочем, я вам уже говорила, господин Фулько. Дней десять тому, как он пересек Яругу и направляется в сторону Туссента. Так или нет, беловолосый дядечка?

— Молодая она... Дикая, — быстро сказал солдат, с некоторым беспокойством поглядывая на префекта. Но Фулько Артевельде только поморщился и pokrutil головой.

— Ты и на эшафоте будешь дурь нести, Ангулема? Ну ладно, пошли дальше. С кем, по-твоему, этот ведьмак Геральт путешествует?

— И тоже я вам это уже говорила. С красавцем по имени Лютик, который трубадурит и лютню с собой таскает. С молодой женщиной, у которой темно-блондинистые волосы, отрезанные по шейку. Ее имени не знаю. И с мужчиной одним, без описания, имя тоже не называлось. Всего их четверо.

Геральт положил подбородок на фаланги пальцев, с любопытством разглядывая девушку. Ангулема не опустила глаз.

— Ну, у тебя и глазницы, — сказала она. — Не глаза — глазяры!

— Дальше, дальше, Ангулема, — поторопил, морщась, господин Фулько. — Кто еще входит в ведьмачью компанию.

— А никто. Я ж сказала — четверо их. Ушей нет, что ль, дядечка?

Жест. Шлепок. Потекло. Солдат помассировал руку о бедро, воздержавшись от замечания о дикости и молодости.

— Лжешь, Ангулема, — сказал префект. — Сколько их, второй раз спрашиваю?

— Как хотите, господин Фулько. Как хотите. Воля ваша. Двести! Триста! Шестьсот!

— Господин префект! — Геральт быстро и резко упредил приказ бить девушку. — Оставим это, если можно. Все, что она сказала, настолько точно, что речь может идти не о лжи, а скорее о недоинформированности. Но откуда у нее эти сведения? Она только что призналась, что видит меня впервые в жизни. Я тоже вижу ее впервые. Ручаюсь.

— Благодарю, — криво глянул на него Артевельде, — за помощь в расследовании. Невероятно ценную помощь. Как только я

начну допрашивать вас, рассчитываю на то, что вы окажетесь столь же красноречивы. Ангулема, ты слышала, что сказал господин ведьмак? Говори. Не заставляй себя подгонять.

— Было сказано, — девушка слизнула текущую из носа кровь, — что если донести властям о каком-нито планируемом преступлении, если выдать, кто планирует какое-нито мошенничество, то будет проявлена милость. Ну, вот я и говорю. Или нет? Я знаю о готовящемся преступлении, хочу предотвратить плохой поступок. Слушайте, что я скажу: Соловей и его кодла ожидают в Бельхавене этого вот ведьмака и собираются его там прикончить. Такой контракт заключил с ним один полуэльф, чужой, черт его знает откуда прибывший. Никому не известный. Все сказал этот полуэльф: кто как выглядит, откуда и когда прибудет, в какой компании. Предупредил, что это будет ведьмак, и не какой-то там фраер, а тертый калач, и чтобы они не разыгрывали из себя целочек, а тыркнули его в спину, из самострела пальнули, а еще лучше — отравили, если в Бельхавене он станет чего-нито есть или пить. За это полуэльф дал Соловью деньги. Много денег. А после дела пообещал дать еще больше.

— После дела, — заметил Фулько Артевельде. — Значит, тот полуэльф все еще в Бельхавене? С бандой Соловья?

— Возможно. Этого я не знаю. Уже две недели, как я сбежала из соловьиной ганзы.

— Так вот почему ты их заваливаешь? — усмехнулся ведьмак. — Личные счета?

Глаза девушки прищурились, припухшие губы презрительно скривились.

— Какое тебе дело до моих с кем-то счетов, дядечка? А тем, что я их закладываю, жизнь тебе спасаю. Разве нет? Надо бы поблагодарить!

— Благодарю. — Геральт снова опередил приказ бить. — Я только хотел заметить, что если это личные счета, то достоверность твоих слов уменьшается, коронный свидетель. Люди выдают, чтобы спасти свою шкуру и жизнь, но когда хотят отомстить — лгут.

— У нашей Ангулемы нет никаких шансов спасти жизнь, — прервал Фулько Артевельде. — Но шкуру она действительно хочет спасти. Для меня это полностью оправданный мотив. Ну как, Ангулема? Ведь ты хочешь спасти свою шкуру, верно?

Девушка стиснула губы. И явно побледнела.

— Бандитская храбрость, — презрительно проговорил префект. — И дерьмовая... Нападать превышающим числом, грабить слабых, убивать безоружных. Это в вашем духе. А вот взглянуть смерти в лицо — это труднее. На это вы уже не способны.

— Еще посмотрим, — буркнула она.

— Посмотрим, — серьезно согласился Фулько. — И услышим. Все легкие вывернешь наизнанку на эшафоте, Ангулема.

— Ты обещал помилование.

— И сдержу обещание. Если то, что ты сказала, окажется правдой.

Ангулема дернулась на стуле, казалось, указывая на Геральта движением всего тела.

— А это, — взвизгнула она, — что? Не правда? Пусть скажет, что он не ведьмак и не Геральт! Ишь, будет тут шипеть, что мне веры нет! А пусть идет в Бельхавен, так увидит, что я не вру. Утром его труп в канаве найдете. И тогда скажете, что я, мол, не предупредила преступления, а значит, помилование — пшик? Да? Мошенники вы, вот кто! Мошенники — и все тут!

— Не бейте ее, — сказал Геральт. — Пожалуйста.

В его голосе было что-то такое, что на полпути остановило занесенные для удара руки префекта и солдата. Ангулема шмыгнула носом, проницательно глянула на него.

— Спасибо, дядечка. Но бить — невелико дело, коли хотят — пускай бьют. Меня с малолетства били, я уж привыкла. Если и впрямь хочешь быть добрым, то подтверди, что я правду говорю. Пусть сдержит слово. Пусть меня, курва их мать, повесят.

— Заберите ее, — приказал Фулько, жестом удерживая пытающегося протестовать Геральта.

— Она нам больше не нужна, — пояснил он, когда они остались вдвоем. — Я знаю все и поясню вам. А потом попрошу о взаимности.

— Вначале, — голос у ведьмака был холодным, — объясните, в чем суть столь шумного финала, закончившегося дикой просьбой о повешении. Ведь как коронный свидетель девушка свое дело сделала.

— Еще не сделала.

— То есть?

— Гомер Страгген по прозвищу Соловей исключительно опасный разбойник. Жестокий и наглый. Его безнаказанность привлекает других. Я должен с ним покончить. Поэтому пошел на сговор с Ангулемой. Обещал ей, что если в результате ее показаний Соловей будет схвачен, а его шайка разбита, то Ангулема будет повешена.

— Не понял? — Ведьмак был крайне удивлен. — Вот, стало быть, как выглядит институт коронного свидетеля. Взамен за сотрудничество с властями виселица? А за отказ сотрудничать что?

— Кол. С предварительным выдавливанием глаз и вырыванием грудей раскаленными щипцами.

Ведьмак не произнес ни слова.

— Это называется «дать пример ужаса», — продолжал, немного помолчав, Фулько Артевельде. — Действие абсолютно необходимое в борьбе с бандитами. Почему вы сжимаете кулаки так, что слышно, как хрустят суставы? Быть может, вы сторонник гуманного убийства?

Вы можете позволить себе такую роскошь, ведь вы в основном боретесь с существами, которые, как бы смешно это ни звучало, тоже убивают гуманно. Я себе такого позволить не могу. Я видел купеческие обозы и дома, ограбленные Соловьем и ему подобными. Я видел, что делали с людьми, добиваясь, чтобы те сказали, где хранятся ценности, либо выдали магические пароли шкатулок и касс. Я видел женщин, у которых Соловей с помощью ножа проверял, не укрыли ли они драгоценности ТАМ. Я видел людей, с которыми делали еще более ужасные вещи исключительно ради разбойничьей потехи. Ангулема, судьба которой так вас тронула, участвовала в таких забавах, это уж точно. Она достаточно долго была в банде. И если б не чистая случайность, если б не то, что она сбежала от них, никто не узнал бы о засаде в Бельхавене, а вы познакомились бы с ней при иных обстоятельствах. Возможно, именно она всадила бы вам в спину белыт из самострела.

— Я не люблю, как это называет один мой друг, сослагательного наклонения. Вам известно, почему она сбежала из шайки?

— Ее показания были туманны, а моих людей не очень-то это интересовало. Но все знают, что Соловей относится к тому разряду мужчин, которые низводят женщин до роли, я бы сказал, первично натуральной. Если иначе у него не получается, он навязывает женщинам эту роль силой. Сюда, вероятно, прибавились возрастные конфликты. Соловей — мужчина зрелый, а последняя компания Ангулемы — сосунки того же возраста, что и она. Но все это в принципе мне безразлично. А позвольте спросить, почему не безразлично вам? Почему, сразу видно, Ангулема вызывает у вас столь явно выраженные эмоции?

— Странный вопрос. Девушка доносит о покушении на меня, которое по поручению какого-то полуэльфа готовит ее бывшая дружина. Факт уже сам по себе ошеломляющий, поскольку у меня нет никаких застарелых распрей ни с какими полуэльфами. Кроме того, она знает, в какой компании я путешествую. С такими подробностями, как то: что трубадура зовут Лютик, а у женщины отрезана коса. Именно коса-то заставляет меня видеть во всем либо ложь, либо провокацию. Не требуется особое искусство, чтобы поймать и допросить кого-либо из лесных бортников, с которыми я шел последнюю неделю. И быстренько инсценировать...

— Достаточно! — Артевельде саданул кулаком по столу. — Нечего рассусоливать! Получается, что я здесь спектакль устроил? И зачем же? Чтобы обмануть вас, поймать? Да кто вы такой, что так боитесь провокаций и ловушек? Только на воре шапка горит, милостивый государь ведьмак. Только на воре!

— Дайте другое объяснение.

— Нет, это вы мне дайте!

— Сожалею. У меня такового не имеется.

— Я мог бы кое-что подсказать, — саркастически усмехнулся префект. — Но зачем? Поставим вопрос прямо. Меня не интересует, кому и почему вы нужны мертвым. Мне безразлично, откуда у этого «кого-то» о вас такая полная информация до цвета и длины волос включительно. Скажу вам больше: я вообще мог бы не сообщать вам о покушении. Мог бы спокойно отнестись к вашей команде, как к ничего не ведающей приманке на Соловья. Следить, ждать, пока Соловей заглотит крючок, леску, грузило и поплавков. И тогда запросто взять его тепленьким. Потому что нужен мне он, а не вы. А то, что вы к тому времени уже грызли бы землю? Подумаешь! Неизбежное зло, издержки, так сказать, производства.

Он умолк. Геральт не комментировал.

— Видите ли, дражайший господин ведьмак, — продолжал префект, — я поклялся себе, что на этой территории воцарится закон. Любой ценой и любыми методами, *per fas et nefas**. Ибо закон — не юриспруденция, не толстенная книга, забитая параграфами, не философские трактаты, не напыщенные бредни о справедливости, не истрепанная фразеология о морали и этике. Закон — это безопасные дороги и тракты. Это городские закоулки, по которым можно прогуливаться даже после захода солнца. Это гостиницы и корчмы, из которых можно выйти в сортир, оставив кошелек на столе, а жену у стола. Закон — это спокойный сон людей, знающих, что разбудит их пение петуха, а не красный петух! А для тех, кто закон преступает, — виселица, топор, кол и каленое железо! Наказание, отпугивающее других. Тех, кто закон нарушает, следует хватать и карать. Всеми доступными средствами и методами... Эх, ведьмак, ведьмак! Неодобрение, которое я вижу на вашем лице, относится к цели или методам? Я думаю — к методам! Потому что методы критиковать легко, а в безопасном мире жить-то хочется, а? Ну, говорите.

— Не о чем говорить.

— Я думаю, есть о чем.

— Мне, господин Фулько, — спокойно сказал Геральт, — даже нравится мир вашей картинки и вашей идеи.

— Серьезно? Ваша мина свидетельствует о противном.

— Мир вашей картинки — это мир аккурат для ведьмака. В нем никогда не будет недостатка в работе. Кодексы, параграфы и напыщенную фразеологию о справедливости ваша идея заменяет беззаконием, анархией, самоволием и корыстолюбием принцев и самодуров, она предполагает сверхусердие карьеристов, стремящихся польстить покровителям, слепую мстительность фанатиков, жестокость палачей, реванш и садизм. Ваша картинка — это мир ужаса, мир, в котором люди опасаются выходить в сумерки, боясь не бандитов, а стражей закона, ибо как ни крути, но в результате крупных облав бандиты валом валят в ряды блюстителей порядка.

* всеми правдами и неправдами (*лат.*).

Ваша картинка — это мир взяточничества, шантажа и провокаций, мир коронных и подставных свидетелей. Мир шпионства и признаний, полученных под пытками. Доносительства и страха перед доносом. И неизбежно наступит день, когда в вашем мире, господин префект, станут рвать клещами грудь не того человека, когда повесят либо посадят на кол невинного. Вот тогда-то как раз и наступит мир преступлений и преступников. Короче говоря, — докончил он, — мир, в котором ведьмак будет чувствовать себя как рыба в воде.

— Надо же! — после краткого молчания сказал Фулько Артевельде, потирая прикрытый кожаной нашлепкой глаз. — Идеалист! Ведьмак! Профессионал! Специалист по убийствам! И тем не менее — идеалист. И моралист. Опасное дело при ваших-то занятиях. Знак того, что вы начинаете вырастать из собственной профессии, как малыш из коротких штанишек. Придет день и вы задумаетесь: а стоит ли убивать упыриху, а вдруг это невинная упыриха? А вдруг да в вас заговорила слепая мстительность и слепой фанатизм? Не желаю вам, чтобы до этого дошло. А если когда-нибудь и дойдет... все равно не желаю. Но ведь вполне возможно, что кто-нибудь самым жестоким и самым садистским образом обидит близкого вам человека, и тогда я с превеликой охотой возвращусь к нашей сегодняшней беседе, к проблематике наказания, соответствующего масштабам преступления. Как знать, сколь категорично отличались бы в тот момент наши взгляды? Но сегодня, здесь, сейчас это не будет предметом рассуждений или споров. Сегодня мы будем говорить о вещах конкретных. И конкретно — о вас.

Геральт слегка приподнял брови.

— Хотя вы иронически отнеслись к моим методам и моему видению мира законности, именно вы займетесь воплощением этой идеи, дорогой мой ведьмак. Повторяю: я поклялся, что те, кто нарушает закон, получают свое. Все. От малыша, который пользуется на рынке сбитым безменом, до мужика, который ограбил где-то на тракте обоз с луками и стрелами, предназначенными для армии. Разбойники, бандиты, воры, грабители, террористы из организации «Вольные Стоки», красиво именуемые бойцами за свободу. И Соловей. Прежде всего Соловей. Соловья должна постигнуть кара, метод — безразличен. Лишь бы скорее. Прежде чем объявят амнистию и он вывернется... Ведьмак, я много месяцев ожидаю чего-то такого, что позволит мне опередить его хоть нанемного. Позволит управлять им, сделать так, чтобы он совершил ошибку, ту единственную, решительную ошибку, которая его погубит. Продолжать, или вы уже угадали? А, ведьмак?

— Угадал. Но продолжайте.

— Тайнственный полуэльф, якобы инициатор и подстрекатель покушения на вас, предостерегал Соловья, советовал ему быть осторожным, советовал отбросить беспечность, дурную наглость и фан-

фаронство. Я знаю — не без повода. Однако предостережение ничего не даст. Соловей совершит ошибку. Он нападет на ведьмака, предупрежденного и готового к обороне. Нападет на ведьмака, который нападения ждет. И это станет концом разбойника Соловья. Я хочу заключить с вами союз, Геральт. Вы будете моим коронным ведьмаком. Не прерывайте. Договор прост: каждая сторона обязуется, каждая выполнит обещание. Вы приканчиваете Соловья, я же взамен... — Он на мгновение умолк, хитро усмехнулся. — Не спрошу, кто вы такие, откуда пришли, куда и зачем направляетесь. Не спрошу, почему один из вас говорит с едва заметным нильфгаардским акцентом, а на другого иногда косятся собаки и лошади. Я не прикажу отнять у трубадура Лютика тубу с записками, не проверю, о чем в них говорится. А имперскую разведку проинформирую о вас лишь после того, как Соловей будет мертв либо окажется у меня в узилище. Даже позже. Куда спешить? Я дам вам время и шансы.

— Шансы на что?

— Шансы добраться до Туссента. До того смешного сказочно-го княжества, границ которого даже нильфгаардская контрразведка не осмеливается нарушать. А потом многое может измениться. Будет амнистия. Возможно, будет заключено перемирие за Яругой. Может даже — прочный мир.

Ведьмак долго молчал. Покалеченное лицо префекта было неподвижно. Его единственный глаз пылал.

— Согласен, — сказал наконец Геральт.

— Не торгуясь? Без всяких условий?

— С двумя.

— Как же иначе-то. Слушаю.

— Сначала я должен на несколько дней съездить на запад. К озеру Мондуирн. К друидам, поскольку...

— Ты что, за идиота меня держишь? — прервал Фулько Артевельде, переходя на «ты». — Дурить меня взялся? Какой еще запад? Куда твоя дорога идет, известно каждому. И Соловью тоже. Именно на ней он и устраивает засаду. На юге, в Бельхавене, там, где долину Нэви пересекает долина Сансретур, ведущая к Туссенту.

— Значит ли это...

— ...что друидов нет на Лок Мондуирне. Почти месяц. Они по долине Сансретур отправились в Туссент, под крылышко княгини Анарьеты из Боклера, у которой слабинка на разных чудиков, психов и чучел. Она охотно дает таковым прибежище в своем пряничном княжестве. Ты ведь об этом знаешь, ведьмак. Не делай из меня идиота. Не пытайся меня обмануть!

— Не буду, — медленно сказал Геральт. — Даю слово, не буду. Завтра отправлюсь в Бельхавен.

— Ты, случаем, ни о чем не забыл?

— Случаем — не забыл. Мое второе условие: я хочу получить Ангулему. Устроишь для нее персональную амнистию и выпус-

тишь из темницы. Коронному ведьмаку нужен твой коронный свидетель. Ну, быстро, согласен или нет?

— Согласен, — почти тут же ответил Фулько Артевельде. — У меня нет выхода. Ангулема — твоя. Я ведь знаю, что ты согласился на сотрудничество со мной исключительно ради нее.

Ехавший рядом с Геральтом вампир слушал внимательно, не прерывал. Ведьмак не ошибся в его проницательности.

— Нас пятеро, а не четверо, — быстро подвел он итог, как только Геральт окончил рассказ. — Мы путешествуем впятером с конца августа, впятером пересекли Яругу. А косу Мильвы отрезала только в Заречье. Всего неделю назад. Твоя светловолосая протеже знает о косе Мильвы. Но не сумела досчитать до пяти. Странно.

— Неужто самое странное во всей этой странной истории?

— Отнюдь. Самое странное — Бельхавен. Городок, в котором якобы устроили на нас засаду. Городок, лежащий глубоко в горах, на пути по долине Нэви и перевалу Теодуль...

— Куда мы вовсе и не собирались, — докончил ведьмак, подгоняя начавшую было отставать Плотву. — Три недели назад, когда этот Соловей-разбойник принимал от какого-то полуэльфа заказ «умочить» меня, мы были в Ангрене, собирались в Казд Дху, опасаясь болот Ийсгита. Мы даже не знали, что нам придется пересекать Яругу. Черт возьми, мы еще сегодня утром не знали...

— Знали, — прервал его вампир. — Мы знали, что ищем друидов. И сегодня, и три недели назад. Этот таинственный полуэльф организует засаду на дороге к друидам, уверенный, что именно по этой дороге мы поедem. Он просто...

— ...лучше нас знает, куда эта дорога ведет, — подхватил Геральт. — Откуда он это знает?

— Надо его спросить. Поэтому ты и согласился на предложение префекта, верно?

— Верно. Надеюсь, мне удастся перекинуться парой слов с таинственным господином полуэльфом, — неприятно ухмыльнулся Геральт. — Однако, прежде чем это произойдет... Слушай, а тебе не приходили в голову какие-нибудь объяснения? Что-нибудь такое... вроде...

Вампир некоторое время молча глядел на него.

— Не нравится мне то, что ты говоришь, Геральт, — сказал он наконец. — Не нравится мне то, что ты думаешь. Я считаю эту мысль недостойной, поспешной, непродуманной, вытекающей из предубеждения и неприязни.

— Тогда чем же объяснить...

— Чем-нибудь другим. — Регис прервал его тоном, которого раньше Геральт у него не замечал. — Чем угодно, только не этим. К примеру, не думаешь ли ты, что твоя светловолосая протеже попросту лжет?

— Ну-ну, дядечка! — воскликнула Ангулема, схавшая за ними на муле по имени Драакуль. — Не копай, коли не знаешь где!

— Я тебе не дядечка, милое дитя.

— А я тебе не милое дитя, дядечка!

— Ангулема, — повернулся в седле ведьмак. — Замолкни.

— Как прикажешь. — Ангулема мгновенно успокоилась. — Тебе вольно приказывать. Ты меня выволок из дыры, вырвал из Фулькиных когтей. Тебя я слушаюсь, ты атаман, главарь ганзы...

— Замолчи, пожалуйста.

Ангулема заворчала себе под нос, перестала подгонять Драакуля и отстала, тем более что Регис и Геральт поехали быстрее, догоняя едущих в авангарде Лютика, Кагыра и Мильву.

Они направлялись к горам вдоль берега Нэви, быстро катящей по камням и порогам свои мутные и желто-коричневые после недавних дождей воды. Дорога не пустовала. Довольно часто они встречали или обгоняли эскадроны нильфгаардской кавалерии, одиноких всадников, телеги поселенцев и вереницы купеческих фур.

На юге все ближе и грозней вздымались горы Амелл. И остроконечная игла Горгоны, Горы Дьявола, тонущая в облаках, быстро заволакивающих небо.

— Когда ты им скажешь? — спросил вампир, взглядом указывая на едущую впереди тройку.

— На стоянке.

Лютик был первым, кто заговорил, когда Геральт кончил рассказывать.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — сказал он. — Эта девушка, Ангулема, так охотно и беззаботно присоединившаяся к нашей команде, — бандитка. Чтобы спасти ее от наказания, к тому же заслуженного, ты согласился сотрудничать с нильфгаардцами. Позволил им нанять себя. И не себя одного, но всех нас сдал внаем. Все мы должны помочь нильфам схватить либо прикончить какого-то местного разбойника. Короче, ты, Геральт, стал нильфгаардским наемником, охотником за наградами, платным убийцей: А мы возвысились до уровня твоих пособников... Или прислужников...

— У тебя невероятный талант к упрощениям, Лютик, — буркнул Кагыр. — Или ты и впрямь не понимаешь, в чем дело? Или треплешь языком ради самой трепотни?

— Заткнись, нильфгаардец! Геральт, ну?

— Начнем с того, — ведьмак кинул в костер палочку, которой играл долгое время, — что никто не обязан мне помогать. Я вполне могу управиться один. Без пособников и прислужников.

— А ты brave мужик, дядечка, — бросила Ангулема. — Но ганза Соловья — это двадцать и четыре добрых молодца, они даже ведьмака так просто не испугаются, а ежели разговор о мечах, то — если

даже то, что о ведьмаках болтают, правда — никто в одиночку не устоит против двух дюжин. Ты спас мне жизнь, потому я и отплачу тебе тем же. Предостережением. И помощью.

— Ганза, ганза, что за штука, черт поberi, эта ганза?

— Aep hanse, — пояснил Кагыр, — это на нашем языке вооруженный отряд, но такой, членов которого связывают узы дружбы...

— Компания?

— Вот именно. Слово, как я вижу, вошло в местный жаргон...

— Ганза — это ганза, — прервала Ангулема. — А по-нашему — вольтница или орава. О чем тут говорить? Я предупреждаю серьезно: одному против всей ганзы не устоять. К тому же еще не зная ни Соловья, ни кого-нибудь другого в Бельхавене и округе. Ни врагов, ни друзей или соратников. Не зная дорог, ведущих к городу, а ведут туда различные пути. Я говорю так: в одиночку ведьмаку не управиться. Не знаю, какие у вас обычаи в моде, но я ведьмака одного не оставлю. Он меня, как сказал дядечка Лютик, охотно и беззаботно принял в вашу дружину, хоть я и бандитка. Хоть у меня все еще волосы тюрягой воняют, некогда было умыться... Ведьмак, и никто другой, меня из этой тюрьмы вытащил на дневной свет. За это я ему благодарна. Поэтому одного его не оставлю. Провожу до Бельхавена, до Соловья и того полуэльфа. Вместе с ним иду.

— Я тоже, — тут же сказал Кагыр.

— И я тож, — кратко как отрезала бросила Мильва.

Лютик прижал к груди тубу с рукописями, с которой последнее время не расставался даже ненадолго. Опустил голову. Было видно, что он борется с собственными мыслями. И мысли берут верх.

— Не мучайся, поэт, — мягко сказал Регис. — Стыдиться тут нечего. К тому, чтобы участвовать в кровавом бое на мечех и ножах, ты пригоден еще меньше, чем я. Не учили нас калечить ближних своих железом. Кроме того... Кроме того, я... — Он поднял на ведьмака и Мильву блестящие глаза. — Трус. Если не заставят обстоятельства, я не хочу больше испытывать то, что мы испытали тогда на пароме и мосту. Никогда. Поэтому прошу исключить меня из боевой группы, идущей на Бельхавен.

— С того парома и моста, — глухо проговорила Мильва, — ты вытащил меня на закорках, когда у меня слаботя ноги отняла. Был бы там вместо тебя какой-нито трус, то бросил бы меня и сбег. Но там не оказалось труса. Зато был ты, Регис.

— Хорошо сказано, тетечка, — убежденно проворчала Ангулема. — Я не очень-то догадываюсь, в чем дело, но сказано здорово.

— Никакая я тебе не тетечка! — Глаза Мильвы зловеще сверкнули. — Гляди, девка! Еще раз так обзовешь, увидишь!

— Что увижу?

— Тихо! — как пролаял ведьмак. — Довольно, Ангулема. Да и вас всех, похоже, давно пора призвать к порядку. Кончилось время блужданий наугад к горизонту: мол, а вдруг да там, за горизонтом, что-нибудь есть. Пришел час конкретных действий. Час резать глотки. Потому что наконец-то есть кому резать. А кто до сих пор еще не понял, пусть поймет — наконец-то на расстоянии вытянутой руки перед нами конкретный враг. Полуэльф, который жаждет нашей смерти, а значит, является агентом враждебных нам сил. Благодаря Ангулеме мы предупреждены, а предупрежденный — это вооруженный, как гласит поговорка. Я должен добраться до этого полуэльфа и выжать из него, по чьему приказу он действует. Теперь-то ты наконец понял, Лютик?

— Похоже, — спокойно сказал поэт, — я понял гораздо больше и лучше, чем ты. Без всякого «добирательства» и «выжимательства» я догадался, что этот таинственный полуэльф действует по приказу Дийкстры, которого ты на моих глазах охроматил, прости за неологизм, раздолбав ему сустав в шиколотке. После доклада маршала Виссегерда Дийкстра, несомненно, считает нас нильфгардскими шпионами. А после нашего бегства из корпуса лирийских партизан королева Мэва, конечно же, добавила несколько пунктов к перечню наших преступлений...

— Ошибаешься, Лютик, — тихо вставил Регис. — Не Дийкстра. И не Виссегерд. И не Мэва.

— Тогда кто же?

— Еще рано и преждевременно делать выводы.

— Точно, — холодно процедил ведьмак. — Поэтому ситуацию следует изучить на месте. А выводы сделать в результате личных наблюдений.

— А я, — не сдавался Лютик, — продолжаю считать, что твоя идея глупая и рискованная. Хорошо, что нас предупредили о засаде, что мы знаем о ней. А коли знаем, то давайте обойдем ее широкой дугой. Пусть их эльф или полуэльф ждет нас сколько его душе угодно, а мы поспешим своим путем...

— Нет! — прервал ведьмак. — Конец обсуждениям, дорогие мои. Конец анархии. Пришло время нашей... хм, ганзе получить наконец жоака.

Все, не исключая Ангулемы, смотрели на него в напряженном молчании.

— Я, Ангулема и Мильва, — сказал он, — едем в Бельхавен. Кагыр, Регис и Лютик сворачивают в долину Сансретур и едут в Туссент.

— Нет, — быстро среагировал Лютик, сильнее прижимая к груди свою тубу. — Ни за что. Я не могу...

— Заткнись. Это не диспут. Это приказ главаря ганзы! Вы едете в Туссент: ты, Регис и Кагыр. Там ожидаете нас.

— Туссент для меня смерть, — без всякой напыщенности проговорил трубадур. — Как только меня узнают в Боклере, в замке, со мной будет покончено. Должен вам признаться...

— Не должен, — грубо прервал ведьмак. — Слишком поздно. Ты мог выйти из игры, но не захотел. Ты остался в дружине. Чтобы спасти Цири. Не так?

— Так.

— Поэтому поедешь с Регисом и Кагыром в долину Сансретур. Подождете нас в горах, не переходя границы Туссента. Но если... в крайнем случае вам придется границу пересечь. Потому что в Туссенте, кажется, сидят друиды. Те, что из Каэд Дху, знакомые Региса. Так вот, в крайнем случае вы сами добудете у друидов информацию и отправитесь за Цири... одни.

— Что значит — одни? Ты предполагаешь...

— Я не предполагаю, а учитываю вероятность. Так называемый «крайний случай». Неожиданность, если тебе так больше нравится. Возможно, все пройдет гладко и у нас не будет нужды показываться в Туссенте. Но в случае чего... Важно, что в Туссент за нами не двинется нильфгаардская погоня.

— Верно, не двинется, — вклинилась Ангулема. — Очень даже странно, но Нильфгаард уважает рубежи Туссента. Я тоже однажды там от преследования укрывалась. Но тамошние рыцари не чище Черных. Изысканные, любезные на словах, но скорые на меч и копье. А границы патрулируют неустанно. Себя именуют Блуждающими, нет — Странствующими рыцарями. Ездят в одиночку, по двое или по трое. И изничтожают вольницу. То есть нас. Одно в твоих планах надо изменить, ведьмак.

— Именно?

— Если мы думаем двинуть к Бельхавену и схватиться с Соловьем, то со мной поедешь ты и господин Кагыр. А тетечка пусть едет с ними.

— Это почему же? — Геральт жестом сдержал Мильву.

— Для такой работы нужны парни. Ну, чего ты напузырилась, тетечка? Я знаю, что говорю! Если понадобится, возможно, придется больше действовать на испуг, чем одной силой. А никого из ганзы Соловья не испугаешь тройкой, в которой на одного мужика приходится две бабы.

— С нами поедет Мильва. — Геральт стиснул плечо не на шутку разъяренной лучницы. — Мильва, а не Кагыр. С Кагыром я ехать не хочу.

— Это почему? — почти одновременно спросили Ангулема и Кагыр.

— Вот именно, — медленно проговорил Регис. — Почему?

— Потому что не доверяю ему, — кратко заявил ведьмак.

Наступившее молчание было неприятным, тяжелым, чуть ли не липким. От леса, на опушке которого расположились лагерьм

купеческий обоз и группа других путешественников, долетали возбужденные голоса, крики и пение.

— Объясни, — выдавил наконец Кагыр.

— Кто-то нас предал, — сухо сказал ведьмак. — После разговора с префектом и откровений Ангулемы в этом сомневаться нельзя. А если как следует задуматься, то приходишь к выводу, что предатель находится среди нас. И для того, чтобы угадать, кто он, вовсе нет нужды долго задумываться.

— Сдается мне, — насупил брови Кагыр, — ты позволил себе намекнуть, что этот предатель — я?

— Не скрываю, — голос у ведьмака был холоден, — такая мысль мне действительно пришла в голову. Много на это указывает. И это многое бы объяснило. Очень многое.

— А не кажется ли тебе, Геральт, — сказал Лютик, — что ты заходишь несколько далековато?

— Пусть говорит, — напыжился Кагыр. — Пусть говорит. Пусть не сдерживается.

— Нас удивляло, — Геральт прошелся взглядом по лицам спутников, — как можно было ошибиться в подсчетах. Вы знаете, о чем я. О том, что нас четверо, а не пятеро. Мы думали, что кто-то попросту обсчитался — таинственный полуэльф, Соловей-разбойник либо Ангулема. Ну а если отбросить версию ошибки? Тогда напрашивается следующая версия: дружина насчитывает пятерых человек, но Соловей должен убить только четверых. Потому что пятый — союзник бандитов. Тот, кто постоянно информирует их о перемещениях дружины. С самого начала, с того момента, когда, выхлебав извещенный нам всем рыбный суп, сформировалась группа, приняв в свой состав нильфгаардца. Того самого, который должен схватить Цири и отдать ее в руки императора Эмгыра, поскольку от этого зависят его жизнь и дальнейшая карьера...

— Выходит все же, я не ошибся, — медленно процедил Кагыр. — Все-таки предатель — я. Подлый, двуликий предатель.

— Геральт, — снова подал голос Регис. — Прости за откровенность, но твоя теория дырява как старое решето. А твоя мысль, я уже сказал тебе это, — нехороша.

— Я — предатель, — повторил Кагыр, словно не слыша слов вампира. — Однако, как я понимаю, доказательств моего предательства нет никаких. Есть лишь туманные улики и ведьмачьи домыслы. Как я понимаю, на меня возложена тяжесть доказательства невиновности. Я должен доказать, что я не гуль. Так?

— Без пафоса, нильфгаардец, — буркнул Геральт, встав перед Кагыром и вперившись в него. — Если б у меня было доказательство твоей вины, я б не терял времени на болтовню, а распластал бы тебя на кусочки, как селедку! Ты знаешь принцип *cui bono**? Так ответь мне — у кого, кроме тебя, был хоть бы малейший повод

* кому на пользу (лат.).

предать? Кто, кроме тебя, выгадал бы на предательстве? Хотя бы самую малость?

Со стороны купеческого лагеря донесся громкий и протяжный треск. На черном небе звездопадом рассыпался красно-золотой фейерверк, ракеты разлетелись роем золотых пчел, ливанули цветным дождем.

— Я не гуль, — сказал юный нильфгаардец звучным, сильным голосом. — К сожалению, доказать это не могу. Зато могу сделать кое-что другое. То, что мне подобает, что я сделать вынужден, когда меня обогнали и унизили, когда запятнали мою честь и нанесли удар моему достоинству.

Его движение было быстрым как молния, однако он не застал бы ведьмака врасплох, если б у того не болело колено. Вольт у Геральта не получился, и рука в перчатке врезалась ему в щеку с такой силой, что он отлетел и рухнул прямо в костер, подняв снопы искр. Он вскочил — и снова слишком медленно из-за боли в колене. Кагыр уже стоял над ним. И на этот раз ведьмак опять не успел даже уклониться, кулак угодил ему в висок, а в глазах разгорелись цветные фейерверки в сто раз более красивые, нежели те, что запускали купцы. Геральт грязно выругался и кинулся на Кагыра, обхватил его руками и повалил на землю, они покатались по гравию, нанося друг другу гулкие удары.

И все это в призрачном и неестественном свете разлетающихся по небу искусственных огней.

— Прекратите! — орал Лютик. — Прекратите, вы, кретинские идиоты!

Кагыр ловко выбил у пытающегося подняться Геральта землю из-под ног, ударил по зубам. И добавил так, что зазвенело. Геральт сжался, напряжился и ударил его ногой, но попал не в промежность, а в бедро. Они схватились снова, перевернулись и принялись колошматить друг друга куда попало, ослепнув от ударов и забивших глаза пыли и песка.

И неожиданно разлетелись и покатались в разные стороны, сутулясь и прикрывая головы от свистящих ударов.

Это Мильва, отстегнув с бедер толстый кожаный ремень, схватившись за пряжку и обмотав ремень вокруг запястья, подскочила к драчунам и принялась хлестать их от уха, изо всей силы, не жалея ни ремня, ни руки. Ремень свистел и с сухим треском долбил по рукам, плечам, спинам и Геральта, и Кагыра. И хотя они уже разделились, Мильва продолжала прыгать от одного к другому, словно кузнечик, не прекращая пороть их и тщательно следя за тем, чтобы каждый получил свою порцию.

— Й-йех, глупцы глупецкие! — крикнула она, с треском охаживая Геральта по спине. — Дурни дурацкие! Я научу вас уму-разуму, обоих! Ну! — крикнула она еще громче, хлеща Кагыра по

рукам, которыми он пытался заслонить голову. — Ну, очухались? Успокоились? Чумные!

— Все! — взвыл ведьмак. — Хватит!

— Хватит! — подхватил свернувшийся в клубок Кагыр. — Достаточно!

— Достаточно, — сказал вампир. — И правда, уже достаточно, Мильва.

Лучница тяжело дышала, обтирая лоб кулаком, все еще обернутым ремнем.

— Блеск! — проговорила Ангулема. — Блеск, тетечка! Шик!

Мильва развернулась на пятке и изо всей силы хлестанула ее ремнем по плечу. Ангулема вскрикнула, села на землю и разревелась.

— Сказала ж я, — выдохнула Мильва, — чтоб меня так не кликала! Говорила ж!

— У нас все в ажуре! — Лютик немного дрожащим голосом успокаивал купцов и путешественников, сбившихся вокруг них. — Просто небольшое дружеское недоразумение. Товарищеский спор. Уже все. Спор разрешен.

Ведьмак потрогал языком шатающийся зуб, сплюнул кровь, текущую из рассеченной губы. Он чувствовал, как на спине и плечах набухают валики, как распухает — пожалуй, до размеров кочана цветной капусты — ухо, которому досталось ремнем. Рядом неловко поднимался с земли Кагыр, держась за щеку. На его оголенном предплечье прямо на глазах вырастали и набухали широкие красные полосы.

На землю осыпался отдающий серой дождь, пепел последнего фейерверка.

Ангулема жалостливо всхлипывала, держась за плечо. Мильва отбросила ремень, после недолгого колебания опустилась рядом с ней на колени, обняла и, не говоря ни слова, крепко прижала.

— Я предлагаю вам, — холодно проговорил вампир, — подать друг другу руки. Предлагаю никогда, совершенно никогда больше не возвращаться к этому делу.

Неожиданно сорвался и зашумел слетевший с гор ветер, в котором, казалось, звучали какие-то жуткие крики, вой и стоны. Мчащиеся по небу облака образовали фантастические фигуры. Серп луны сделался красным, как кровь.

Сумасшедший хор и хлопанье крыльев козодоев разбудили их перед рассветом.

Двинулись сразу, как только солнце слепящим огнем загло снега на вершинах гор, но прежде, чем оно успело выкатиться из-за гребня. Впрочем, опередив его появление, небо затянули облака.

Они ехали лесами, а дорога вела все выше и выше, и это можно было увидеть по изменениям в древостое. Дубы и грабы не-

ожиданно кончились, они въехали в сумрак буковых лесов, высланных опавшей листвой, пахнувших плесенью, паутиной и грибами. Грибов было невпроворот. Влажный конец лета просто разродился осенними грибами. Молодая поросль и почва местами совершенно скрывались под шляпками боровичков, рыжиков и мухоморов.

Лес был тихий, походило на то, что большинство певчих птиц уже улетели в теплые края. Только мокрые вороны каркали на опушках.

Потом буки кончились, пошли ели. Запахло смолой.

Все чаще попадались лысые пригорки и безлесья, среди которых их настигал ветер. Река Нэви бурлила на порогах и перекатах, ее воды, несмотря на дожди, стали здесь хрустально прозрачными.

На горизонте вздымалась Горгона. Она была все ближе.

Со скалистых склонов могучей горы спускались гигантские длинные ледники и снега, из-за чего Горгона казалась как бы оплетенной белыми шарфами. Вершину Дьявольской Горы, словно голову и шею таинственной невесты, все время окутывали вуали облаков. Время от времени Горгона, будто танцовщица, встряхивала своим белым нарядом — картина была прекрасной, но несла смерть: с обрывистых склонов сбежали лавины, сметая на своем пути все, докатываясь до осыпей у подножия и катясь дальше, до самых высоких елей над перевалом Теодуль, над долинами Нэви и Сансретура, над черными глазками горных озерков.

Солнце, которое, несмотря ни на что, все же ухитрилось пробиться сквозь облака, закатилось очень уж быстро — попросту скрылось за горами на западе, распалив их пурпурно-золотым заревом.

Прошла ночь. Взошло солнце.

И пришло время разделиться.

Геральт плотно обмотал голову шелковым платком Мильвы. Надел шапку Региса. В очередной раз проверил, как лежит сигилл на спине и оба кинжала в голенищах.

Рядом Кагыр точил свой длинный нильфгаардский меч. Ангилема перехватила лоб шерстяной ленточкой, сунула за голенище охотничий нож, презент от Мильвы. Лучница и Регис седлали им коней. Вампир отдал Ангилеме своего вороного, а сам пересел на Дракуля.

Они были готовы. Оставалось только одно.

— Идите сюда все, — бросил Геральт.

Подошли.

— Кагыр, сын Кеаллаха, — начал Геральт, стараясь не впадать в патетику. — Я обидел тебя несправедливым подозрением и вел себя в отношении тебя как последний подлец. Настоящим приношу извинения при всех, склонив голову. Приношу извинения и

прошу тебя простить меня. Всех вас тоже прошу простить меня, ибо подло было заставлять вас смотреть на это и слушать.

Я разрядил на Кагыре и на вас свою злость, свой гнев и свою обиду. Кроющуюся в том, что я знаю, кто нас предал. Знаю, кто предал и похитил Цири, которую мы хотим спасти. Мой гнев объясняется тем, что речь идет об особе, которая некогда была мне очень дорога.

Где мы находимся, что намерены делать, куда идем... все это было обнаружено при помощи сканирующей магии. Не так уж сложно для магистра магии уловить и проследить на расстоянии особу, некогда хорошо знакомую и близкую, с которой сохранялся продолжительный психический контакт, позволяющий создать матрицу. Но чародейка и чародей, о которых я говорю, совершили ошибку. Они себя раскрыли и ошиблись, пересчитывая членов нашей дружины, и эта ошибка их выдала. Скажи им, Регис.

— Возможно, Геральт прав, — медленно проговорил Регис. — Как каждый вампир, я невидим для магического визионного зонда и сканирования, то есть улавливающих чар. Вампира можно выследить аналитической магией вблизи, но невозможно обнаружить на расстоянии при помощи магии сканирующей. Сканирующая магия вампира не покажет. В том месте, где находится вампир, волшебный сканер покажет пустоту, не обнаружит ничего. Значит, так ошибиться мог только чародей: просканировать четверых там, где в действительности находятся пятеро, то есть четыре человека и один вампир.

— Мы воспользуемся ошибкой чародеев, — снова заговорил ведьмак. — Я, Кагыр и Ангулема поедем в Бельхавен на встречу с полуэльфом, который нанимает против нас убийц. Мы спросим полуэльфа не о том, по чьему приказу он действует, потому что это мы уже знаем. Мы спросим его, где находятся чародеи, приказы которых он выполняет. Когда узнаем, поедем туда. И отомстим. Все молчали.

— Мы перестали считать дни, поэтому даже не заметили, что сегодня уже двадцать пятое сентября. Два дня назад было Равноночье. Эквинокций. Да, это была именно та ночь, о которой вы думаете. Я вижу ваше удручение, вижу, что светится в ваших глазах. Вы приняли сигнал тогда, в ту паскудную ночь, когда стоявшие рядом с нами лагерем купцы придавали себе храбрости и отваги сивухой и пускали фейерверки. Вероятно, вы ощущали предчувствие не так четко, как я и Кагыр, но ведь вы догадываетесь. Вы подозреваете. И боюсь, подозреваете справедливо.

Закаркали вороны, пролетавшие над безлесьем.

— Все говорит за то, что Цири мертва. Две ночи назад, во время Эквинокция, она погибла. Где-то далеко отсюда, одна среди враждебных и чужих людей.

А нам остается только мстить. Мстить кроваво и жестоко, так, чтобы и через сто лет об этом ходили сказания. Сказания, которые люди будут бояться слушать после захода солнца. А у тех, кто захочет повторить такое преступление, задрожат руки при одной только мысли о нашей мести. Мы покажем людям пример ужаса, отбивающего у любого охоту повторить преступление! Методом господина Фулько Артевельде. Мудрого господина Фулько Артевельде, который знает, как следует поступать с мерзавцами и негодями. Мы покажем пример ужаса, который удивит даже его.

Так начнем же, и пусть демоны ада примут нас под свое крыло. Кагыр, Ангулема, по коням! Идем вверх по Нэви, к Бельхавену. Лютик, Мильва, Регис — вы направляетесь в Сансретур, к границам Туссента. Не заблудитесь, дорогу вам укажет Горгона. До встречи.

Цири поглаживала черного кота, который по обычаю всех котов мира вернулся в хату на болоте, когда тяга к свободе и безделью была перебита холодом, голодом и житейскими неудобствами. Теперь он лежал на коленях девушки и с мурлыканьем, свидетельствующим о глубочайшем наслаждении, подставлял шею ее руке.

То, о чем девушка рассказывала, коту было абсолютно неинтересно.

— Это был единственный раз, когда я видела во сне Геральта, — начала Цири. — С того момента, как мы расстались на острове Танедд. После Башни Чайки я никогда не видела его во сне. Поэтому считала, что он мертв. И неожиданно всплыл этот сон, такой сон, какие я видела раньше и о которых Йеннифэр говорила, что это сны вещие, пророческие, что они показывают либо прошлое, либо будущее. Это было за день до Эквинокция. В городке, названия которого я не помню. В подвале, в котором меня запер Бонарт. После того, как истязаниями принудил меня признаться, кто я такая.

— Ты выдала ему, кто ты? — поднял голову Высогота. — Сказала всё?

— За трусость, — сглотнула она, — я заплатила унижением и презрением к самой себе.

— Расскажи о своем сне.

— Я видела гору, огромную, крутую, граненую как каменный нож. Видела Геральта. Слышала, что он говорил. Четко. Внятно. Каждое слово, так, будто была совсем рядом. Помню, я хотела крикнуть, что все совсем не так, что все это неправда, что он страшно ошибся... Ошибся во всем! Ведь еще вовсе не было Равноночия, поэтому если получится так, что в Равноночие я умру, то он не должен объявлять меня мертвой раньше срока, пока я еще жива. И он не должен обвинять Йеннифэр и говорить о ней так...

Цири замолчала на минуту, погладила кота, сильно шмыгнула носом.

— Но я не могла издать ни звука. Не могла даже дышать... Словно тонула. И проснулась. Последнее, что я видела, что помню, — это три наездника. Геральт и еще двое, во весь опор мчащиеся по ущелью, со склонов которого низвергаются горные водопады...

Высогота молчал.

Если б в ту ночь кто-нибудь подкрался к хате с провалившейся стрехой и заглянул сквозь щели в ставнях, то увидел бы в скупо освещенной комнатухе седобородого старика, сосредоточенно слушающего повествование пепельноволосой девушки, щека которой изуродована ужасающим шрамом.

Увидел бы черного кота, лежащего на коленях у девушки, лениво мурлыкающего, требующего, чтобы его гладили к вящей радости разгуливающих по комнате мышей.

Но никто не мог этого видеть. Хата с провалившейся стрехой, заросшей мхом, была хорошо укрыта туманом на бескрайних болотах Переплюта, куда никто не отваживался забредать.

*Известно, что ведьмак, причиняя иным мучения, страдания и смерть, столь великое удовольствие и наслаждение испытывает, коих человек благочестивый и нормальный токмо тогда достигает, когда с женою своею законною общается, *ibidum cum eiaculatio*. Из поведенного ясно следует, что и в сей материи ведьмак являет себя противным природе творением, ненормальным и мерзопакостным вырожденцем со дна ада пренаичернейшего и наисмраднейшего родом, ибо от наносимых страданий и мук токмо дьявол сам, пожалуй, удовольствие получать может.*

Аноним.

«Монструм, или Ведьмака описание»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Они свернули с большака, шедшего вдоль долины Нэви, и поехали, сокращая путь, через горы. Ехали быстро, насколько допускала тропа — узкая, крутая, прильнувшая к скалам с фантастическими формами, покрытым пятнами разноцветных мхов и лишайников. Ехали меж отвесных каменных обрывов, с которых низвергались рваные потоки водопадов и ручьев. Проезжали по ущельям и ярам, по раскачивающимся мостикам перебирались через пропасти, на дне которых белой пеной кипели потоки.

Граненый столб Горгоны, казалось, вздымался прямо у них над головами. Вершину Горы Дьявола они видеть не могли — она тонула в облаках и мгле, затягивающих небо. Погода — как это бывает в горах — испортилась через несколько часов, и полил дождь, нудный и малопривлекательный.

Ближе к сумеркам все уже нетерпеливо и нервно принялись высискивать глазами пастушеский шалаш, разрушенную овчарню или хотя бы пещеру. Что угодно, лишь бы укрыться от льющейся с неба воды.

— Кажется, дождь перестал, — с надеждой в голосе сказала Ангулема. — Капает только из щелей в крыше шалаша. Завтра, к счастью, мы уже будем у Бельхавена, а в пригороде всегда можно переночевать в каком-нибудь сарае или овине.

— В город не поедem?

— Ни в коем разе. Чужаки на лошадях бросаются в глаза, а у Соловья в городе куча доносчиков.

— Мы же собирались выставить себя в качестве приманки...

— Нет, — прервала она. — Так не пойдет. Наша тройка вызовет подозрение. Соловей — хитрый стервец, а весть о том, что меня поймали, уже наверняка разошлась. Если что-то насторожит Соловья, то и до полуэльфа дойдет.

— Что предлагаешь?

— Обойдем город стороной с востока, с устья долины Сансрентур. Там рудники. В одном у меня есть знакомый. Наведаемся к нему. Как знать, может, пригодится. Если повезет.

— Можешь говорить яснее?

— Завтра скажу. На руднике. Чтоб не сглазить.

Кагыр подкинул в костер березовых веток. Дождь шел весь день, другое дерево гореть бы не стало. Но береза, даже и мокрая, только немного пошипела и тут же занялась высоким синеватым пламенем.

— Откуда ты родом, Ангулема?

— Из Цинтры, ведьмак. Есть такая страна у моря, при устье Яруги.

— Я знаю, где лежит Цинтра.

— Так зачем спрашиваешь, коли столько знаешь? Я так сильно тебя интересую?

— Скажем — немного есть.

Помолчали.

Потрескивал огонь.

— Моя мать, — наконец сказала Ангулема, глядя в пламя, — была в Цинтре дворянкой, к тому ж, кажется, высокого рода. У этого рода в гербе был морской котик, я б тебе показала, был у меня медальончик с этим их затраханым котом, от матери. Я его опосля в кости продула... Но этот кошкин род, разорви его морской пес, отказался от меня, потому что, вишь ты, мать моя вроде бы связалась с каким-то хамом, кажется, конюхом, а может, конюшим, и получилось, что я — бастард, срамota, позорище и пятно на кошачьей чести. Отдали меня на воспитание дальним родственникам, у тех, правда, в гербе не было ни kota, ни псины, ни какой другой живности, но отнеслись они ко мне неплохо. Послали в школу, в общем, и били мало... Хотя довольно часто напоминали, кто я такая есть, какой-то ублюдок, в крапиве зачатый и рожденный. Мать навестила меня раза три или четыре, когда я была еще маленькой. Потом перестала. Впрочем, мне на это было... ну...

— А как попала к бандитам?

— Ты выпрашиваешь прямо как следователь! — фыркнула она, поморщившись. — К бандитам, это ж надо! Ай-яй-яй! С добродетельного-то пути, ой-ей-ей!

Она поворчала, покопалась за пазухой, вытащила что-то, чего ведьмак толком не разглядел.

— Одноглазый Фулько, — проговорила она неразборчиво, яростно втирая себе что-то в десны и втягивая носом. — Нормальный хрен. Что забрал, то забрал, но порошок оставил. Возьмешь щепотку, ведьмак?

— Нет. Лучше бы и ты не брала.

— Это почему?

— Потому.

— Кагыр, а ты?

— Наркотик не употребляю.

— Ну и святоши мне попались, — покрутила она головой. — Никак сразу же приметесь морали читать. Мол, от порошка я ослепну, оглохну и облысею. Рожу ненормального ребенка.

— Прекрати, Ангулема, и закончи рассказ.

Девушка громко чихнула.

— Ладно, если хочешь. Так на чем я... Ага. Ну, началась, значит, война с Нильфгаардом, родственнички растеряли все имущество и вынуждены были бросить дом. Было у них несколько собственных детей, а я стала для них обузой, вот и отдали меня в приют. Содержали приют жрецы при каком-то храме. Веселенькое это было, как вскорости оказалось, местечко. Обычный бордель, ни прибавить, ни убавить, для таких, что любят незрелое яблочко, сечешь? Молоденьких девочек, да и мальчиков тоже. Я, когда туда попала, была уже слишком взрослой, переростком, на меня любители не находились...

Совершенно неожиданно она залилась румянцем, который был виден даже при свете костра.

— Ну, почти не находились, — добавила она сквозь зубы.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Пятнадцать. Познакомилась я там с одной девчонкой и пятью мальчишками моего возраста и постарше. И мы быстренько нашли общий язык. Как ни говори, а знали мы легенды и предания. О Бешеном Дее, о Чернобородом, о братьях Кассини... Захотелось нам на большак, на свободу, на разбой! Это что же, сказали мы себе, только из-за того, что нас тут дважды в день кормят, мы должны каким-то старперам и отвратникам по первому зову задницы подставлять...

— Попридержи словотворчество, Ангулема. Сама знаешь, перебор хуже недобора...

Девушка протяжно отхаркнулась, сплюнула в костер.

— Ну и святоша! Ладно, перейду к делу, что-то мне болтать не хочется. В приютской кухне отыскиались ножи, достаточно было их как следует на камне наострить и на пояс подвесить. Из точеных ножек дубового стула получились шикарные колья. Нужны были только лошади и деньги, ну, дождались мы приезда двух развратников, постоянных бывальцев, стариков, тьфу, почти сорокалетних. Приехали они, винцо потягивают, ждут, когда им попы по обычаю привяжут выбранную малолетку к такой специальной удобной штуковине... Но в тот день им поиграть не удалось!

— Ангулема!

— Ладно, ладно. Короче: прирезали мы и забили обоих развратных старцев, трех попов и пажа, единственного, который не сбежал и коней ихних сторожил. Храмового эконома, который не хотел дать ключей от сундучка с деньгами, мы огнем припекали до

тех пор, пока не дал, но жизнь ему сохранили, потому как милый был старичок, всегда доброжелательный и покладистый. И пошли на грабеж, на тракты и большаки. Разные колеи оказались у наших судеб, то на возу, то под возом, то мы дрались, то нас избивали. То было сыро, то холодно. Ха, холодно-то чаще. Из того, что ползает, я ела в жизни все, что удавалось, мать их так, поймать. А из того, что летает, однажды сожрала даже воздушного змея, потому как он был склеен мучным клеем.

Она умолкла, яростно почесала голову, заросшую светлыми, как солома, волосами.

— Да уж, что было, то было. Вот что я тебе скажу: из тех, что со мной в приюте сидели, уж никого в живых не осталось. Двух последних, Овена и Абея, прикончили несколько дней тому кнехты господина Фулько. Абель сдался, как и я, но его все равно зарубили, хоть он меч бросил. Меня пощадили. Не думай, что по доброте душевной. Нет, меня на плацу уже крестом раскладывали, но тут примчался офицер и не допустил потехи. Ну а от эшафота ты меня упас...

Она на минуту замолчала.

— Ведьмак?

— Слушаю.

— Я знаю, как отблагодарить. Если только захочешь...

— Ну?

— Пойду взгляну, как там с лошадьми, — быстро сказал Кагыр и встал, заворачиваясь в плащ. — Прогуляюсь немного... по округе...

Девушка чихнула, потянула носом, кашлянула.

— Ни слова больше, Ангудема, — опередил ее по-настоящему злой, по-настоящему устыдившийся, по-настоящему смутившийся Геральт. — Ни слова!

Она снова кашлянула.

— Ты действительно не хочешь меня? Ни капельки?

— От Мильвы ты уже получила ремнем, соплячка. Если немедленно не замолкнешь, получишь добавку от меня.

— Все, молчу.

— Послушная девочка.

В склоне горы, поросшем худосочными и кривыми сосенками, зияли дыры и ямы, прикрытые или обшитые досками, соединенные мостками, лесенками и лесами. Из дыр торчали опирающиеся на скрещивающиеся столбы помосты. По некоторым бегали люди, толкающие тележки и тачки. Содержимое тележек и тачек — которое на первый взгляд казалось грязной, перемешанной с камнями землей — сваливали с помостов в большое четырехугольное корыто, вернее, в набор постепенно уменьшающихся, перегороженных досками корыт. По корытам постоянно и шумно текла вода, подводимая с лесистой возвышенности по опирающимся на

невысокие крестовины деревянным желобам. И таким же образом выводимая вниз, к обрыву.

Ангулема слезла с лошади, дала знак Геральту и Кагыру сделать то же. Оставив лошадей у изгороди, они направились к постройкам, увязая в грязи, скопившейся вдоль неплотно сбитых желобов и труб.

— Промывка железной руды, — сказала Ангулема, указывая на приспособления. — Вот оттуда, из шахт рудника, вывозят добычу, выгружают в корыта и смачивают водой, которую берут из ручья. Руда оседает на поддонах, оттуда ее выбирают. Вокруг Бельхавена множество рудников и таких промывочных. А руду везут в долину, в Маг Тургу, там расположены печи и плавильни, потому как там больше лесов, а для выплавки нужны дрова.

— Благодарю за лекцию, — кисло прервал Геральт. — Мне доводилось в жизни видеть несколько рудников, и я знаю, что именно необходимо для выплавки. Когда ты наконец скажешь, зачем мы сюда приехали?

— Чтобы поговорить с одним моим знакомцем. Здешним штайгером. Пошли за мной. Ха, да вот он! У столярной мастерской. Пошли.

— Краснолюд?

— Ага. Его зовут Голян Дроздек. Он, как я сказала...

— ...здешний штайгер. Это-то ты сказала, а вот о чем собираешься с ним поболтать, сказать забыла.

— Гляньте на свои сапоги.

Геральт и Кагыр послушно глянули на обувь, испачканную шамом странно красного цвета.

— У полуэльфа, которого мы ищем, — опередила вопрос Ангулема, — во время разговора с Соловьем была точно такая же грязюка на гамашах. Улавливаете?

— Теперь да. А краснолюд что?

— Не заговаривайте с ним вообще. Переговоры я беру на себя. А вас он должен считать теми, которые не болтают, а работают мечами. Сделайте грозные мины.

Делать грозные мины не понадобилось. Одни из присматривавшихся к ним горняков быстро отводили глаза, другие замирали, раскрыв рты. Оказавшиеся у них на пути спешили уступить дорогу. Геральт догадывался почему. На лице Кагыра и его собственном все еще были видны синяки, кровоподтеки, царапины и припухлости — красочные следы драки и порки, которую учинила им Мильва. Так что выглядели они людьми, обожающими давать по зубам друг другу, а уж чтобы дать по морде третьему, их долго упрашивать не было нужды.

Краснолюд, знакомец Ангулемы, стоял у домика с табличкой «Столярная мастерская» и выводил что-то на щите, сколоченном из двух оструганных досок. Увидев приближающихся, он отложил

кисть, отставил банку с краской, глянул исподлобья. На его физиономии, которую украшала заляпанная краской борода, возникло удивление.

— Ангулема?

— Как дела, Дроздек?

— Это ты? — Краснолюд раззявил скрывающийся под бородой рот. — Это, что ль, верно ты?

— Нет. Не я. Воскресший пророк Лебеда! Ну, спроси еще о чем-нибудь, Голян. Что-нибудь другое. Поумней. Для разнообразия.

— Не шути, Светлая. Я уж тебя увидеть не ожидал больше. Был тут пяток дней тому Мулица, говорил, сцапали тебя и на кол насадили в Ридбруне. Клялся, что не врет.

— Все ж какая-никакая, а выгода, — пожала плечами девушка. — Ежели теперь станет Мулица у тебя под свою честность деньги просить и клясться, что вернет, так ты будешь знать, чего его клятвы стоят.

— Я это и без того давно знал, — ответил краснолюд, быстро моргая и шевеля носом совсем как кролик. — Я б ему и шелонга ломаного не одолжил, хоть он усрись и землю жри. Но тому, что ты жива и цела, рад, рад. Эй, а может, по такому случаю и ты мне долг отдашь?

— Не исключено. Вполне даже может быть.

— А кто ж это с тобою, Светлая?

— Добрые друти.

— Ну, морды... А куда ж боги ведут?

— Как обычно, куда глаза глядят. — Ангулема проигнорировала испепеляющие взгляды ведьмака, втянула носом шепотку порошка, остальное втерла в десну. — Нюхнешь, Голян?

— Пожалуй. — Краснолюд подставил руку, втянул носом подаренную шепоть наркотика.

— Если по правде, — продолжала девушка, — то думаю в Бельхавен податься. Не знаешь, Соловей с ганзой не там ли, к случаю, залег?

Голян Дроздек наклонил голову.

— Тебе, Светлая, надобно Соловья избегать. Разозленный он, говорят, как та еще росомаха, когда ее в зимнюю пору разбудить.

— Жуть! А если до него весть дошла, что меня на острый кол парой лошадок натянули, у него сердце не помягчало? Не пожалел? Слезинки не обронил, бородавки не обсопливил?

— Никак нет. Говорят, сказал, получила, мол, Ангулема то, что ей давным-давно полагалось: палку в жопу.

— Ох, грубиян. Вульгарь, хамское рыло. Господин префект Фулько сказал бы культурненько: общественные низы. Я же скажу, дно выгребной ямы!

— Тебе, Светлая, лучше такие речи ему за глаза говорить. И возле Бельхавена не отирайся, стороной его обходи. А ежели в город намылилась, тогда лучше б переодеться...

— Ты, Голян, не учи ученого.

— Да разве ж я посмею!

— Слушай, краснолюдина, — Ангулема поставила сапог на приступочек столярки, — вопрос тебе поставлю. С ответом не спеши. Для начала подумай как следует.

— Спрашивай.

— Полуэльф некий тебе на глаза, случаем, не попадался? Чужой, нездешний?

Голян Дроздек втянул воздух, могуче чихнул, отер нос запястьем.

— Полуэльф, говоришь? Что за полуэльф?

— Не прикидывайся идиотом, Дроздек. Тот, который Соловья для одной работы нанял. На мокрое дело. На ведьмака одного...

— Ведьмака? — расхохотался Голян Дроздек, поднимая с земли доску. — Вот те раз! Тоже, понимаешь ли, интересно! Это мы как раз ведьмака ищем, объявления малюем и развешиваем по округе. Глянь: «Нужен ведьмак, плата добрая, к тому пропитание и жилье, подробности в правлении рудника «Маленькая Бабетта»... Кстати, как правильно писать: «подробности» или «поддробности»?

— Напиши «детали». А на кой вам хрен на рудник ведьмак?

— Во, вопросик! На кой, если не на чудищ?

— На каких?

— На стучаков и барбегазов. Жуть как обнаглели в нижних горизонтах.

Ангулема кинула взгляд на Геральта, который кивком подтвердил, что знает, о чем речь. А многозначительным покашливанием дал понять, что пора бы поскорее вернуться к теме.

— Итак, — с ходу поняла девушка, — что тебе известно об этом полуэльфе?

— Неизвестно мне ни о каком полуэльфе. Ничего.

— Я ж сказала, чтобы ты как следует подумал.

— А я и подумал. — Голян Дроздек неожиданно состроил хитрую мину. — И надумал, что лучше уж ничего об этом деле не знать.

— То есть?

— То есть беспокойно тут. Район беспокойный, и время неспокойное. Банды, нильфы, партизаны из «Вольных Стоков»... И разные чуждые элементы, полуэльфы всякие... И у каждого аж в заднице свербит, чтобы какую-никакую неприятность учинить.

— То есть?

— А то есть, что ты мне деньги должна, Светлая. А вместо того, чтобы отдать, новых долгов хочешь наделать. Серьезных долгов, потому как за то, о чем ты спрашиваешь, можно по кумполу отхватить, да не голой рукой, а топориком. Какой мне с того про-

фит? Какая мне корысть с того, если я чего-нито буду о полуульфе знать? Иль получу чего? Потому как один только риск, а добытку никакого...

Геральт не выдержал. Утомил его разговор, раздражали жаргон и манеры краснолюда. Молниеносным движением он схватил бородача за его расцвеченную краской бороду, дернул и толкнул. Голяня Дроздек споткнулся о ведро с краской и упал. Ведьмак подскочил, уперся коленом ему в грудь и приставил нож к глазу.

— Добытком, — проворчал он, — можешь считать то, что живым уйдешь. Говори.

Глаза Голяня, казалось, вот-вот выскочат из орбит и пойдут гулять по округе.

— Говори, — повторил Геральт. — Говори, что-знаешь. Иначе так тебе кадык резану, что скорее захлебнешься, чем кровью изойдешь...

— «Риальто»... — пробормотал краснолюд. — На руднике «Риальто»...

Рудник «Риальто» мало чем отличался от рудника «Маленькая Бабетта», как, впрочем, и от других шахт и карьеров, которые Ангулема, Геральт и Кагыр миновали по дороге и которые носили звучные названия «Осенний манифест», «Старый рудник», «Новый рудник», «Рудник Юлька», «Целестинка», «Общее дело» и «Счастливая дыра». На всех кипела работа, на всех вывозимую из забоев грязную землю вываливали в корыта и промывали на поддонах. На всех сверхдостаточно было красной грязи.

«Риальто» был рудником большим, расположенным почти на вершине горы. Сама вершина была срезана и образовывала карьер, то есть открытую разработку. Промывочная находилась на выработанной в склоне горы террасе. Здесь, у отвесной стены, в которой зияли отверстия шурфов и штолен, стояли корыта, поддоны, лотки и прочие причиндалы горного промысла. Здесь же примостился горняцкий поселок, состоящий из деревянных домишек, будок, шалашей и крытых корой хат.

— Здесь у меня знакомых нет, — сказала девушка, подвязывая поводья к ограде. — Попытаюсь поговорить с управляющим. Геральт, если можешь, не хватай его с ходу за глотку и не размахивай железкой. Сначала поговорим...

— Не учи ученого, Ангулема.

Поговорить они не успели. Не успели даже подойти к домику, в котором, как предполагали, размещался управитель. На площадке, на которой руду загружали на телеги, они наткнулись на пятерку конников.

— А, черт! — сказала Ангулема. — А, черт и дьявол! Гляньте, кого тот кот принес!

— В чем дело?

— Это люди Соловья. Приехали собирать дань. Меня уже увидели и узнали... Мать твою так-растак... Ну и влипли же мы...

— Сумеешь отбрехаться?

— Не думаю.

— Что так?

— Я ж обворовала Соловья, сбегая из ганзы. Этого они мне не простят. Но попытаюсь. Вы помалкивайте. Держите уши на макушке и будьте готовы. Ко всему.

Конники приблизились. Впереди ехали двое — длинноволосый седой тип в волчьей дохе и молодой верзила с бородой, несомненно, отпущенной, чтобы скрыть безобразившие его прыщи. Они прикидывались равнодушными, но Геральт заметил тщетно скрываемые искорки ненависти во взглядах, которыми они дарили Ангулему.

— Светлая!

— Новосад, Йиррель! Здравствуйте. Хороший нынче денек. Жаль только, дождь идет.

Седой слез, вернее, соскочил с лошади, размашисто перекинув правую ногу над конской головой. Остальные тоже слезли. Седой передал поводья дылде с бородой, которого Ангулема назвала Йиррелем.

— Как вам нравится? — сказал он. — Наша сорока болтливая. Получается, ты жива и здорова?

— И ногами дрыгаю.

— Соплячка языкастая! Шел слух, что и верно, дрыгаешь, да на коле. Шел слух, подергал тебя крепко Фулько одноглазый. Шел слух, пела ты на попытках горлицей, все выдала, о чем спрашивали!

— Шел слух, — фыркнула Ангулема, — что твоя матушка, Новосад, требовала от клиентов всего-то четыре тынфа*, а ей никто и больше двух-то не давал.

Разбойник сплюнул ей под ноги с презрительной миной. Ангулема снова фыркнула, совсем как кошка.

— Новосад, — сказала она нахально, взявшись под бока. — У меня к Соловью дело есть.

— Интересно. Потому как у него к тебе тоже.

— Заткнись и слушай, пока мне говорить не расхотелось. Два дня тому в миле за Ридбруном я и эти вот други мои зарубили того ведьмака, что был у Соловья на мокром контракте. Усек?

Новосад многозначительно глянул на спутников, потом подтянул рукавицу, оценил взглядом Геральта и Кагыра.

— Твои новые други, — протяжно повторил он. — Ха, по мордам видать, не попы. Ведьмака рубанули, говоришь? А как? Кинжалом в спину? Или во сне?

— Это не важная подробность. — Ангулема состроила обезьянью мордочку. — А важная подробность та, что названный ведь-

* старинная серебряная монета.

мак землю грызет. Послушай, Новосад. Я с Соловьем тягаться не собираюсь и наперехлест ему идти. Но дело есть дело. Полуэльф дал нам аванс на уговор, о нем я молчу, это ваши монеты на расходы и за хлопоты. А второй взнос, который полуэльф пообещал после работы, по закону — мой.

— По закону?

— Именно что! — Ангулема не обратила внимания на саркастический тон Новосада. — Потому как мы контракт выполнили, ведьмака пришили, доказательства чему можем тому полуэльфу показать. Значит, возьму я, что мне полагается, и пойду в синюю туманную даль. С Соловьем, как я сказала, конкурировать не хочу, потому как для меня и для него на Стоках слишком тесно. Так ему и передай, Новосад.

— Только-то и всего? — снова съязвил Новосад.

— И поцелуй, — прыснула Ангулема. — А еще можешь ему вместо меня задницу подставить *per procura* *.

— У меня появилась мысль лучше, — сообщил Новосад, зыркнув на спутников. — Я ему твою задницу в оригинале доставлю, Ангулема. Я ему тебя, Ангулема, в путях доставлю, а уж он тогда с тобой все обсудит и обо всем договорится. И урегулирует. Все. Спор о том, кому полагаются деньги за контракт полуэльфа Шири. Да и плата за то, что украла. Ну и то, что Стоки для вас слишком тесны. Все таким манером уладите. В подробностях, как ты выражаешься.

— Есть одно «но», — опустила Ангулема руки. — Как ты собираешься меня к Соловью доставлять, а, Новосад?

— А вот как! — Бандит протянул руку. — За заговор!

Геральт мгновенно вытянул сигилль и подсунул Новосаду под нос.

— Не советую.

Новосад отскочил, вытащил меч. Йиррель с шипением выхватил из ножен за спиной кривую саблю. Остальные последовали их примеру.

— Не советую, — повторил ведьмак.

Новосад выругался. Глянул на дружков. Он не был силен в арифметике, но у него все же получилось, что пятеро — гораздо больше, чем трое.

— Бей! — рявкнул он, кидаясь на Геральта. — Бей-убивай!

Ведьмак полуоборотом ушел от удара и рубанул Новосада наотмашь в висок. Еще прежде чем тот упал, Ангулема наклонилась в коротком замахе, нож свистнул в воздухе, нападавший Йиррель покачулся — из-под подбородка у него торчала коственная рукоять. Разбойник выпустил саблю, обеими руками выдернул нож из шеи, из раны хлынула кровь, а Ангулема в подскоке ткнула его ногой в грудь и повалила на землю. В это время Геральт рассек другого

* по доверенности (лат.).

бандита, Кагыр зарубил следующего, под могучим ударом нильф-гаардского меча от черепа разбойника отвалилось что-то вроде куска арбуза. Последний бандит ретировался, прыгнул к коню. Кагыр подбросил меч, схватил его за клинок и кинул на манер копья, попав бандиту точно между лопаток. Конь заржал и дернул головой, присел, забил ногами, таща по красной грязи труп с запутавшейся в ремень повода рукой.

На все пришлось не больше пяти ударов сердца.

— Лю-ю-юди! — крикнул кто-то между домушками. — Лю-у-уди-и-и! На помощь! Убивают, убивают, убивают!!!

— Армию! Армию вызвать! — крикнул другой горняк, отгоняя детей, которые по извечной привычке всех детей мира явились неведомо откуда, чтобы глазеть и путаться под ногами.

— Кто-нибудь бегите за армией!

Ангулема подняла свой нож, вытерла и сунула за голенище.

— А пусть его бежит, пожалуйста! — крикнула она в ответ, оглядываясь. — Вы что, подзёмы, слепые иль как? Это ж была самооборона! На нас напали, сволота! А вы будто их не знаете? Мало вам плохого наделали? Мало от вас дани набрали?

Она крепко чихнула. Потом сорвала у Новосада кошель с веревочки, наклонилась над Йирредем.

— Ангулема!

— Чего?

— Оставь.

— Это почему же? Добыча ведь! У тебя что, денег куры не клюют?

— Ангулема...

— Эй, ты, — вдруг раздался звучный голос. — Поди-ка сюда!

В раскрытых дверях барака, который служил складом инструментов, стояли трое мужчин. Два — коротко остриженные здоровяки с низкими лбами и, несомненно, низкой смекалкой. Третий — тот, что их окликнул, — был необычно высокий, темноволосый, представительный мужчина.

— Я невольно слышал разговор, который предвещал происшествие, — сказал мужчина. — Не очень-то мне хотелось верить в смерть ведьмака, я думал, это пустая похвала. Теперь уже так не думаю. Войдите сюда, в барак.

Ангулема громко втянула воздух. Взглянула на ведьмака и едва заметно кивнула.

Мужчина был полуэльфом.

Полуэльф Ширри был высок — заметно больше шести футов росту. Длинные темные волосы носил перехваченными на затылке в падающий на спину конский хвост. Смешанную кровь выдавали глаза — большие, миндалевидные, желто-зеленые, как у кошки.

— Итак, вы убили ведьмака, — повторил он, недобро усмежаясь. — Опередив Гомера Страггена по прозвищу Соловей? Интересно, интересно. Одним словом, именно вам я должен уплатить пятьдесят флоренов. Второй взнос. Выходит, Страгген получил свои полсотни за здорово живешь. Ведь не думаете же вы, что он их добровольно отдаст?

— Как я с Соловьем полажу, это уж мое дело, — сказала Ангулема, сидя на ящике и болтая ногами. — А договор относительно ведьмака касается дела. И мы это дело сделали. Мы, а не Соловей. Ведьмак в земле. Его дружки, все трое, в земле. Получается — контракт выполнен.

— Во всяком случае, так утверждаете вы. Ну и как же это происходило?

Ангулема не перестала болтать ногами.

— Под старость, — известила она свойственным ей наглым тоном, — запишу историю моей жизни. Опишу в ней, как происходило то, да сё, да это. А пока наберитесь терпения, господин Ширу.

— Неужто так уж неловко об этом говорить? — холодно бросил метис. — Стало быть, так паршиво и предательски все было сработано?

— Вам это мешает? — спросил Геральт.

Ширу внимательно взглянул на него и, немного помолчав, ответил.

— Нет. Ведьмак Геральт из Ривии не заслужил лучшей судьбы. Это был тип наивный и глупый. Если б его постигла более красивая, приличная честная смерть, возникли бы легенды. А он легенд не заслужил.

— Смерть всегда одинакова.

— Не всегда, — покрутил головой полуэльф, все еще пытаясь заглянуть в прикрытые тенью капюшона глаза Геральта. — Уверяю вас, не всегда. Догадываюсь, что именно ты нанес смертельный удар.

Геральт не ответил. Его терзало невыносимое желание схватить метиса за конский хвост, повалить на пол и выдавить из него все, что тот знает, по одному выбивая ему зубы головкой меча. Однако он сдержался. Рассудок подсказывал, что затеянная Ангулемой мистификация могла дать лучшие результаты.

— Ваше дело, — сказал Ширу, но дождавшись ответа. — Не буду настаивать на изложении хода событий. Скорее всего вам почему-то не хочется говорить об этом. Вероятно, нечем особенно хвалиться. Если, конечно, ваше молчание не вызвано чем-то другим... Например, тем, что вообще ничего-то вы не сделали. Может быть, сумеете представить какие-то доказательства истинности своих слов?

— Мы отрубили у убитого правую кисть, — равнодушно бросила Ангулема. — Но потом ее спер и сожрал енот-полоскун.

— Поэтому у нас осталось только это — Геральт медленно растегнул рубаху и извлек медальон с волчьей головой. — Это было у ведьмака на шее.

— А ну, покажи.

Геральт не колебался ни минуты. Полуэльф подбросил медальон на ладони.

— Теперь верю, — сказал он медленно. — Безделушка сильно эманурует магией. Такая штука могла быть только у ведьмака.

— А ведьмак, — докончила Ангулема, — не дал бы ее с себя снять, если б еще дышал. Значит, доказательство железное. Давай выкладывай деньги на стол!

Ширру заботливо спрятал медальон, вынул из-за пазухи листок бумаги, положил на стол и расправил ладонью.

— Милости прошу. Расписочку.

Ангулема соскочила с ящика, подошла, обезьянничая и вертя бедрами. Наклонилась над столом. А Ширру мгновенно вцепился ей в волосы, повалил на столешницу и приставил нож к горлу. Девушка не успела даже крикнуть.

У Геральта с Кагыром уже были мечи в руках. Но слишком поздно.

Пособники полуэльфа, крепыши с низкими лбами, держали в руках металлические крюки. Но подходить не спешили.

— Мечи на пол, — буркнул Ширру. — Оба. Мечи на пол. Иначе я расширю девке улыбку.

— Не слушай... — начала Ангулема и окончила криком, потому что полуэльф крутанул впившейся ей в волосы рукой. И тут же надрезал кожу кинжалом. По шее девушки потекла блестящая красная змейка.

— Мечи на землю! Я не шучу!

— А может, договоримся как-нибудь? — Геральт, несмотря на кипящую в нем злость, решил тянуть время. — Как культурные люди?

Полуэльф ядовито рассмеялся.

— Договориться? С тобой, ведьмак? Меня прислали не балакать с тобой, а прикончить. Да-да, выродок. Ты тут комедию ломал, дитятей невинным прикидывался, а я узнал тебя с первого взгляда, сразу же. Мне тебя точно описали. Догадываешься, кто мне тебя так точно описал? Кто дал мне четкие указания, где и в какой компании я тебя найду? О, наверняка догадываешься.

— Отпусти девушку.

— Но я тебя знаю не только по описанию, — продолжал Ширру и не думая отпускать Ангулему. — Я тебя уже видел. Я за тобой даже когда-то следил. В Темерии. В июле. Я ехал за тобой аж до города Дорьян. До дома юристов Кодрингера и Фэнна. Улавливаешь?

Геральт повернул меч так, что солнечный зайчик от клинка ослепил полуэльфа.

— Интересно, — холодно сказал он, — как ты намерен выпутаться из патовой ситуации, Ширру? Я вижу два выхода. Первый: ты немедленно отпускаешь девушку. Второй: ты убьешь девушку... А через секунду твоя кровь изяшно разукрасит стены и потолок.

— Ваше оружие, — Ширру грубо рванул Ангулему за волосы, — должно лежать на полу, прежде чем я досчитаю до трех. Потом я начну девку кроить.

— Поглядим, много ли успеешь накroить. Я думаю, не очень.

— Раз!

— Два! — начал собственный отсчет Геральт, выкручивая в воздухе сигиллем шипящую мельницу.

Снаружи слышались стук копыт, ржание и фыркание лошадей, крики.

— И что теперь? — засмеялся Ширру. — Этого я и ждал. Это уже не пат, а мат! Прибыли мои друзья.

— Серьезно? — сказал Кагыр, выглядывая в окно. — Я вижу форму императорской легкой кавалерии.

— Значит, это и верно мат, но только для тебя, — сказал Геральт. — Ты проиграл, Ширру. Отпусти девушку.

— Как же, жди!

Дверь распахнулась под ударами ног, в барак ворвались несколько человек, почти все — в черном. Вел их светловолосый бородач с серебряным медведем на наплечнике.

— *Que aen suess's?* — спросил он грозно. — Что тут происходит? Кто отвечает за дебош? За трупы на дворе? А ну, отвечайте немедленно!

— Господин командир...

— *Glaeddyvan vort!* Бросай мечи!

Они послушались. Потому что на них были направлены арбалеты и луки. Ширру отпустил Ангулему, та хотела вскочить, но неожиданно оказалась в объятиях крепкого, ярко одетого дылды с выulptенными как у лягушки глазами. Хотела крикнуть, но дылда зажал ей рот затянутой в перчатку рукой.

— Предлагаю воздержаться от применения силы, — холодно предложил Геральт командиру с медведем на наплечнике. — Мы не преступники.

— Это ж надо!

— Мы действуем с ведома и согласия господина Фулько Артевельде, префекта из Ридбруна.

— Это ж надо! — повторил Медведь, подав знак солдатам, чтобы те подняли и забрали мечи Геральта и Кагыра. — С ведома и согласия? Господина Фулько Артевельде? Очень важного господина Артевельде. Фулько, значит. Слышали, ребята?

Его люди — и черные, и пестроцветные — захохотали в один голос.

Ангулеме дергалась в объятиях лягушачьегоглазого, тщетно пытаясь кричать. Геральт уже понял. Понял еще прежде, чем ухмыляющийся Ширру принялся пожимать поданную ему правую руку. Прежде, чем четыре черных нильфгаардца схватили Кагыра, а трое других направили арбалеты прямо ему в лицо.

Лягушатник толкнул Ангилему к друзьям. Девушка повисла в их руках тряпичной куклой, даже не пытаясь сопротивляться.

Медведь медленно подошел к Геральту и неожиданно саданул в промежность кулаком в железной перчатке. Геральт согнулся, но не упал. На ногах его удержала холодная ярость.

— Может, тебя порадует известие, — сказал Медведь, — что вы не первые идиоты, которых Одноглазый Фулько использовал в своих целях. У него бревном в глазу сидят дела, которые я здесь проталкиваю на пару с господином Гомером Страггеном, которого некоторые зовут Соловьем. Фулько искать не перестает, зная, что ради этих делишек я принял на государственную службу Гомера Страггена и назначил его командиром добровольного отряда по охране горного производства. Поэтому, не имея возможности мстить официально, он нанимает разных сволочей.

— И ведьмаков, — ядовито усмехнулся Ширру.

— Снаружи, — громко сказал нильфгаардец, — мокнут под дождем пять трупов. Вы прикончили людей, находящихся на императорской службе! Нарушили работу на рудниках! У меня нет ни малейших сомнений: вы шпионы, диверсанты и террористы. На этой территории действует закон военного времени. Во исполнение его незамедлительно приговариваю вас к смертной казни на месте.

Лягушатник захохотал. Подошел к удерживаемой бандитами Ангилеме, быстро схватил ее за грудь. И сильно стиснул.

— Ну и как, Светлая? — проскрипел он, а голос, оказалось, у него был еще более лягушачий, нежели глаза. Бандитская кличка, которую он сам себе дал, доказывала наличие юмора. Если же это был простой камуфляж, то он себя оправдывал на все сто.

— А ведь встретились мы снова-то, — проскрипел лягушачий Соловей, снова ушипнув Ангилему в грудь. — Ты довольна?

Девушка болезненно ойкнула.

— Ну, курва, где жемчуга и камни, которые ты у меня сперла?

— Их взял на хранение Одноглазый Фулько, — взвизгнула Ангилема, пытаясь прикинуться, будто не боится. — Обратись к нему за получением!

Соловей заскрипел и вылупил зенки — теперь он выглядел как самая настоящая жаба, того и гляди примется языком мух ловить. Он еще сильнее ушипнул Ангилему, которая начала вырываться и вскрикнула еще громче. Из-за красного тумана ярости, застывшего глаза Геральту, девушка опять напомнила ему Цири.

— Взять! — приказал вышедший из терпения Медведь. — Во двор их.

— Это ведьмак, — неуверенно сказал бандит из Соловьиной ганзы по охране горных выработок. — Тот еще тип. Как его голыми руками брать? Он запросто может нас каким-никаким заговором зачаровать или чем-нито другим...

— Нечего бояться. — Улыбающийся Ширу похлопал себя по карману. — Без ведьмачьего амулета он не сумеет чаровать, а амулет у меня. Берите смело.

Во дворе ожидали остальные вооруженные нильфгаардцы в черных накидках и пестрая Соловьиная орда. Собралась группа горняков. Крутились вездесущие дети и собаки.

Соловей вдруг потерял самообладание. В него прямо-таки дьявол вселился. Яростно скрипя, он ударил Ангулему кулаком, а когда она упала, несколько раз ударил ногой. Геральт вырвался из рук бандитов и тут же получил по шее чем-то твердым.

— Говорили, — скрипел Соловей, прыгая над Ангулемой не хуже свихнувшейся жабы, — будто в Ридбруне тебя насадили задницей на кол, стерва малолетняя! Эй, парни, подыщите-ка какой-нибудь шест и заострите получше. Да живо!

— Господин Страгген, — поморщился Медведь. — Не вижу повода заниматься столь трудоемкой и зверской экзекуцией. Пленных надо просто повесить...

Он замолчал под злым взглядом лягушачьих глаз.

— Заткнитесь, капитан, — скрипнул бандит. — Я достаточно много плачу вам, чтобы вы делали мне дурные замечания. Я поклонился злую смерть Ангулеме учинить и теперь с ней поиграю. Ежели желаете, можете повесить тех двоих. Мне они до свечки.

— Но мне нет, — вмешался Ширу. — Мне необходимы оба. Особенно ведьмак. Да, он в особенности. А поскольку насаживание девушки на кол немного затянется, постольку этим временем воспользуюсь и я.

Он подошел, уставился на Геральта кошачьими глазами.

— Тебе неплохо бы знать, выродок, — сказал он, — что твоего дружка Кодрингера в Дорьяне прикончил я. И сделал это по приказу моего господина, магистра Вильгефорца, которому служу многие годы с огромным удовольствием.

— Старый прохвост Кодрингер, — продолжал эльф, не дождавшись реакции, — имел наглость сунуть нос в дела магистра Вильгефорца. Я вспорол его ножом. А его мерзопакостного уродца Фэнна поджег среди его же бумаг и зажарил живьем. Я мог его просто зарезать, но решил пожертвовать некоторым временем, чтобы послушать, как он воеет и визжит. А выл он и визжал, скажу тебе, как резаный поросенок. Ничего, ну, ничего человеческого не было в его визге. Абсолютно.

Знаешь, почему я обо всем этом говорю? Потому что и тебя я мог бы просто-напросто зарезать сам либо приказать кому-нибудь сделать это. Но я пожертвую ради тебя временем. Послушаю, как ты будешь выть. Ты говорил, что смерть всегда одинакова. Сейчас ты увидишь, что не всегда. Подожгите, парни, смолу в мазнице. И принесите какую-нибудь цепь.

Что-то с грохотом разбилось об угол барака и тут же со страшным гулом полыхнуло огнем.

Второй сосуд с каменным маслом — Геральт распознал запах нефти — попал прямо в мазницу, третий разорвался совсем рядом с бандитами, державшими коней. Громыкнуло, взвилось пламя, кони взбесились. Закипело, из кипени вывалился пылающий и воющий пес. Один из бандитов Соловья вдруг раскинул руки и шлепнулся в грязь со стрелой в спине.

— Да здравствуют Вольные Стоки!

На вершине горы, на лесах и помостах замаячили фигуры в серых плащах и меховых шапках. В людей, лошадей и на рудничные бараки полетели новые зажигательные снаряды, словно фейерверки, тянущие за собой косы огня и дыма. Два попали в мастерскую, на пол, устланный стружкой и опилками.

— Да здравствуют Вольные Стоки! Смерть нильфгаардским оккупантам!

Запели перья стрел и бельтов.

Рухнул под лошадь один из черных нильфгаардцев, свалился с рассеченным горлом один из соловьиных бандитов, упал с бельтом в груди один из стриженных силачей. Повалился с ужасающим стоном Медведь. Стрела угодила ему в грудь, под дых, пониже ринграфа. Это была — хоть никто знать и не мог — стрела, украденная из армейского транспорта, стандартное вооружение императорской армии, немного переделанное. Широкий двухвостый наконечник, подпиленный в нескольких местах так, чтобы получить эффект разбрызга.

Наконечник отлично выполнил свою роль — разбрызгался во внутренностях Медведя.

— Долой тирана Эмгыра! Вольные Стоки!

Соловей захрипел и схватился за плечо, в которое угодил бельт.

Захромал в красной грязи один из ребятишек, прошитый на вылет стрелой плохо прицелившегося борца за свободу. Упал один из тех, что держали Геральта. Свалился один из державших Ангилему. Девушка вырвалась из рук второго, молниеносно выхватила из-за голенища нож, рубанула в широком замахе. Целилась в горло, но из-за горячности промахнулась и почти до зубов распоролла ему щеку. Соловей заскрипел еще скрипучее, чем обычно, а глаза вылупил еще вылупястее. Упал на колени, пропуская кровь между пальцами рук, которыми схватился за лицо. Ангилема дико взвыла, подскочила, чтобы довершить дело, но не сумела, потому что

между ней и Соловьем взорвалась очередная бомба, исходя огнем и клубами вонючего дыма.

Вокруг гудел и полыхал огненный ад. Бесились, ржали и рвались лошади. Бандиты и нильфгаардцы орали. Горняки впали в панику — одни убегали, другие пытались гасить пылающие домишки.

Геральт уже успел поднять упущенный Медведем сигилль. Коротко срезал высокую женщину в кольчуге, замахнувшуюся на Ангулему шестопером. Черному нильфгаардцу, налетевшему со шпontonом*, рассек бедро. Следующему, который просто оказался на пути, пробил горло.

Тут же рядом безумствующий, обожженный, мчащийся напролом конь повалил и истоптал еще одного ребенка.

— Лови коня! Лови коня! — Рядом с ним оказался Кагыр, расчищая проход размашистыми ударами меча. Геральт не слушал, не смотрел. Зарубил следующего нильфгаардца. Поискал глазами Ширу.

Ангулема на коленях с расстояния в три шага выстрелила из поднятого с земли арбалета, вбивая белтъ в гениталии идущего на нее бандита из команды охраны горных выработок. Потом вскочила и схватила за уздечку бегущего мимо коня.

— Лови какого-нибудь! — крикнул Кагыр. — И — прочь отсюда!

Ведьмак ударом сверху располовинил от грудины до бедра очередного нильфгаардца. Резко мотнул головой, чтобы стряхнуть кровь с бровей и ресниц.

— Ширу! Где ты, паскуда вонючая?!

Удар. Крик. Теплые капли на лице.

— Смиловисься! — взвыл ползающий в грязи парень в черной форме.

Ведьмак заколебался.

— Опамятуйся! — рывкнул Кагыр, хватая его за плечо и крепко тряхнув. — Опамятуйся! Приди в себя! Ты впадаешь в бешенство!

Галопом возвращалась Ангулема, держа на поводу другого коня. За ней гнались двое конных. Один упал, получив стрелу бойца за Вольные Стоки. Другого смел с коня меч Кагыра.

Геральт вскочил в седло. И тут в свете пожара увидел Ширу, созывавшего к себе паникующих нильфгаардцев. Рядом с полуэльфом скрипел и выкрикивал ругательства Соловей, похожий с раскровавленной мордой на настоящего тролля-людоеда.

Геральт взревел, развернул коня, закрутил мечом. Оказавшийся рядом Кагыр покачнулся в седле, кровь из лба моментально залила ему глаза и лицо.

— Геральт! Помоги!

* Шпонтон — оружие на древке, с одной стороны снабженное обоюдоострым секущим концом, с другой — крючьями либо иглами.

Ширру собрал наконец вокруг себя группу, орал, приказывал стрелять из арбалетов. Геральт ударил коня пласмя по крупу, готовый к самоубийственной атаке. Ширру должен был умереть. Остальное не имело значения. Не имела значения Ангулема. Не имел значения Кагыр.

— Геральт! — взвизгнула Ангулема. — Помоги Кагыру!

Он опомнился. И устыдился.

Поддержал Кагыра, подпер плечом. Кагыр вытер глаза рукавом, но кровь тут же снова залила их.

— Ерунда, царапина... — Голос у него дрожал. — На коней, ведьмак... Галопом за Ангулемой. Галопом!

От подножия горы разрастался крик, оттуда мчалась вооруженная кирками, кайлами, топорами толпа. Это на помощь друзьям и кумовьям из рудника «Риальто» спешили горняки из соседней шахты — из «Счастливой дыры» либо «Общего дела». Или из какой-то другой. Кто мог это знать?

Геральт ударил коня пятками. Они пошли галопом, сумасшедшим *ventre a terre**.

Гнали не оглядываясь, прижавшись к конским шеям. Самый лучший конь достался Ангулеме, маленький, но прыткий бандитский бахмач. Конь Геральта, гнедой в нильфгаардской сбруе, уже начинал храпеть и посвистывать, ему трудно было держать голову. Конь Кагыра, тоже армейский, был сильнее и выносливее, да что толку, если наездник еле удерживался в седле, машинально стискивая бедра и с трудом сдерживая хлещущую на гриву и шею лошади кровь.

Но они гнали дальше. Вырвавшаяся вперед Ангулема ждала их на повороте, в том месте, откуда дорога шла вниз, извиваясь среди скал.

— Погоня... — выдохнула она, размазывая грязь по лицу. — За нами будут гнаться, не простят... Горняки видели, куда мы бежим. Нельзя оставаться на тракте... Надо заскочить в леса, на бездорожья... Потерять их.

— Нет, — возразил ведьмак, с беспокойством слушая вырывающиеся из груди коня звуки. — Надо по тракту... Самой кратчайшей и прямой дорогой в Сансретур...

— Почему?

— Сейчас не до болтовни... Вперед! Выжмите из лошадей все, что можно.

Пошли в карьер. Гнедой ведьмака храпел.

Гнедой не годился для дальнейшей езды. Он едва шел на одревеневших словно колья ногах, сильно ходил боками, воздух вырывался из него с хрипом. Наконец он повалился на бок, дернул задними ногами. В его помутневших глазах застыл укор.

* прямым галопом (фр.).

Конь Кагыра был в несколько лучшем состоянии: сам же Кагыр явно в худшем. С седла он просто свалился, сумел встать на четвереньки, его начало рвать, хоть и нечем было.

Когда Геральт и Ангулема попытались дотронуться до его окровавленной головы, он закричал.

— Чертовская мать, — сказала девушка. — Ну, фризурку ему устроили.

Кожа надо лбом и висками молодого нильфгаардца вместе с волосами на значительной площади отделилась от кости черепа. Если б не то, что кровь уже образовала клейкую массу, срубленный лоскут, вероятно, сполз бы на ухо. Вид был чудовищный.

— Как это случилось?

— Бросили мне прямо в лоб топорик. И как бы смеха ради это был не Черный и не из соловьиной банды, а кто-то из горняков.

— Какое значение, кто бросил? — Ведьмак плотно обвязал голову Кагыра оторванным от рубахи рукавом. — По счастью, это был никуда не годный метатель. Он только оскальпировал тебя, а ведь мог череп разрубить. Но и черепу тоже крепенько досталось. Да и мозг это почувствовал. Он не удержится в седле, если даже конь его выдержит.

— Так что же делать? Твой конь подох, его почти подох, а с моего аж капает... А за нами погоня. Нам нельзя здесь оставаться...

— Мы должны здесь остаться. Я и Кагыр. И конь Кагыра. Ты поезжай дальше. Быстро. У тебя конь крепкий, выдержит галоп. А если даже придется его загнать... Ангулема, где-то в долине Сансретур нас ждут Регис, Мильва и Лютик. Они ни о чем не знают и могут попасть Ширу в лапы. Ты должна их отыскать и предупредить, а потом все четверо что есть сил в конях жмите в Туссент. Там вас искать не станут. Надеюсь.

— А вы с Кагыром? — Ангулема закусила губу. — Что будет с вами? Соловей не дурак, когда увидит полусдохшего запасного, перероет все ямы в округе! А ты с Кагыром на руках далеко не уйдешь.

— Ширу, а за нами гонится он, поедет вслед за тобой.

— Ты думаешь?

— Уверен. Поезжай.

— Что тетечка скажет, когда я без вас появлюсь?

— Объяснишь. Не Мильве, а Регису. Регис знает, что делать. А мы... Когда у Кагыра чуб немного прирастет к черепу, отправимся к Туссенту. Там как-нибудь разыщем друг друга. Ну, не тяни, девка. На коня и вперед! Не дай погоне приближаться. Не позволяй им увидеть себя.

Он не стал сильно удаляться от дороги. Не мог отказать себе в удовольствии глянуть на преследователей. В принципе он не ожи-

дал каких-либо действий с их стороны, знал, что они, не теряя времени, последуют за Ангулемой.

И не ошибся.

Правда, всадники, вылетевшие на перевал меньше чем через четверть часа, остановились около лежащего коня, но почти тут же возобновили погоню по дороге. Они, несомненно, решили, что из трех беглецов двое сейчас едут на одной лошади, и если не терять времени, их можно будет быстро нагнать. Геральт заметил, что кони под некоторыми из преследователей тоже не в лучшем состоянии.

Совсем не многие конники были в черных плащах нильфгаардской легкой кавалерии. Преобладали пестроцветные разбойники Соловья. Геральт не разобрал, участвует ли в погоне сам Соловей, или же главарь банды остался и сейчас залечивает рассеченную физиономию.

Когда топот копыт утих, Геральт вышел из укрытия в папоротниках, поднял и поддержал стонущего и охающего Кагыра.

— Конь слишком слаб, чтобы тебя нести. Сможешь идти сам?

Нильфгаардец издал звук, который с равным успехом мог быть и подтверждением, и отрицанием, а то и чем-то другим. Но ноги переставлял, а это было сейчас самым главным.

Они спустились в яр, к руслу реки. Последние несколько футов скользкого откоса Кагыр преодолел довольно неловко — просто съехал на ягодицах. Дополз до воды,пил, обильно смачивая водой повязку на голове. Ведьмак не торопил — сам дышал тяжело, собираясь с силами.

Он шел вверх по течению, поддерживая Кагыра и ведя коня, брел по колено в воде, спотыкался на окатышах и поваленных стволах. Спустя некоторое время Кагыр уже не мог переставлять непослушные ноги, вообще не мог ими шевелить, ведьмак просто тащил его силой. Дальше идти было нельзя, тем более что русло речки перегородили пороги и водопады. Геральт крикнул, взвалил раненого на спину. Конь, которого он вел в поводу, тоже жизни не облегчал. Когда же они наконец выбрались из яра, ведьмак просто повалился на мокрый грунт и лежал, тяжело дыша, совершенно измученный, рядом со стонущим Кагыром. Лежал долго. Колено снова начало чертовски болеть.

Наконец Кагыр подал признаки жизни, а вскоре — о, диво! — встал, ругаясь и держась за голову. Они пошли. Вначале Кагыр шел неплохо. Потом пошел медленнее. Потом упал.

Геральт снова взвалил его на спину и тащил, постанывая, оскользаясь на камнях. Колено разрывала боль, в глазах мельтешили черные и огненные пчелы.

— Еще месяц назад... — застонал у него за спиной Кагыр, — кто бы мог подумать, что ты потащишь на хребте...

— Заткнись, нильфгаардец... Когда ты ораторствуешь, то делаешься еще тяжелее...

Когда они наконец добрались до скал и каменных стен, уже почти совсем стемнело. Ведьмак не искал пещеру, да и не нашел ее — он просто без сил свалился у первой же попавшейся дыры.

На почве валялись человечески черепа, тазовые и бедренные кости, ребра. Но — что важнее всего — были здесь и сухие ветки.

У Кагыра поднялась температура, его била дрожь. Пришивание куска кожи с помощью дратвы и кривой иглы он переносил мужественно и сознания не терял. Кризис наступил позже. Ночью Геральт распалил в пещере костер, махнув рукой на соображения безопасности. Впрочем, снаружи накрапывал дождь и подвывал ветер, так что вряд ли кто-нибудь мотался по окрестности и высматривал отблески огня. А Кагыру необходимо было согреться.

Лихорадило его всю ночь. Он дрожал, стонал, бредил. Геральт не засыпал, подпитывал огонь. А колено болело как тысяча чертей.

Молодой и сильный парень, Кагыр утром пришел в себя. Он был бледен и весь в поту, от него веяло жаром. Зубы отчаянно клацали. Но, несмотря на лязг зубов, можно было понять, что он говорит. А говорил он вполне осознанно. Жаловался на головную боль — явление вполне нормальное для человека, у которого топором скосили с черепа волосы вместе с кожей.

Геральт делил время между беспокойной дремой и ловлей стекающей со скал дождевой воды в сооруженные из березовой коры туюски. И его, и Кагыра мучила жажда.

— Геральт?

— Да?

Кагыр поправил ветки в костре с помощью найденной тут же берцовой кости.

— На руднике, где мы бились... Я испугался, знаешь?

— Знаю.

— На мгновение мне показалось, что тобою овладело безумие убийства. Что для тебя уже все потеряло смысл... Кроме убийства...

— Знаю.

— Я боялся, — закончил Кагыр спокойно, — что в иступлении ты засечешь того Ширру. А ведь от убитого уже не получишь никакой информации.

Геральт кашлянул. Молодой нильфгаардец нравился ему все больше. Он был не только мужественным, но и рассудительным.

— Ты правильно сделал, отослав Ангулему, — продолжал Кагыр, все еще легонько постукивая зубами. — Такое не для девушек... Даже таких, как она. Мы докончим это сами, вдвоем. Поедем вслед за погоней. Но не для того, чтобы убивать в берсеркерском бешенстве.

То, что ты тогда говорил о мести... Геральт, даже в мести должен быть какой-то метод. Мы доберемся до полуэльфа... Заставим его сказать, где находится Цири.

— Цири умерла.

— Неправда. Я не верю в ее смерть... И ты тоже не веришь. Признаться.

— Я не хочу верить.

Снаружи свистел ветер, шумел дождь. В пещере было уютно.

— Геральт?

— Ну?

— Цири жива. Я опять видел сон... Верно, что-то случилось во время Эквинокция, что-то фатальное... Да, несомненно, я тоже это чувствовал и видел... Но она жива... Жива наверняка. Поспешим... Но не ради мести и убийства. А к ней.

— Да. Да, Кагыр. Ты прав.

— А ты? Уже не видишь снов?

— Вижу, — сказал он с горечью. — Но после пересечения Яруги очень редко. И вообще, проснувшись, их не помню. Что-то во мне оборвалось, Кагыр. Что-то прогорело. Что-то во мне кончилось...

— Это не страшно, Геральт. Я буду видеть сны за нас обоих.

На рассвете отправились дальше. Дождь перестал, казалось даже, что солнце пытается отыскать какую-нибудь щелочку в затягивающей небо серости.

Ехали медленно, вдвоем на одной лошади в нильфгаардской военной сбруе.

Животное шлепало по гальке и голышам, бредя по берегу Сансретура, речушки, ведущей к Туссенту. Геральт знал дорогу. Он когда-то бывал здесь. Очень давно. С того времени многое изменилось. Но не изменилась долина и речка Сансретур, которая чем дальше, тем больше из речки превращалась в реку. Не изменились горы Амелл и вздымающийся над ними обелиск Горгоны. Горы Дьявола.

Некоторые вещи имеют свойство вообще не изменяться.

— Солдат приказов не обсуждает, — говорил Кагыр, ощупывая повязку на голове. — Не анализирует, не раздумывает над ними, не ждет, чтобы ему раскрывали их смысл. Это первое, чему у нас учат солдата. Поэтому легко понять, что я ни минуты не сомневался в законности отданного мне приказа. Вопрос, почему именно я должен поймать цинтрийскую королевну или княжну, даже в голову мне не приходил. Приказ есть приказ. Зол я был, это верно, потому что хотел прославиться, вступая в бой с рыцарством, с регулярной армией... Но работа на разведку у нас тоже считается почетной. Правда, если б речь шла о каком-то более трудном задании, о каком-то важном пленнике... Но девчонка?

Геральт бросил в огонь хребет форели. К вечеру они поймали во впадающем в Сансретур ручье достаточно рыбы, чтобы наестся. Форель шла на нерест, и схватить ее было проще простого.

Он слушал рассказ Кагыра, и любопытство боролось в нем с чувством глубокой досады.

— В общем, это была случайность, — продолжал Кагыр, глядя на огонь. — Чистейшая случайность. Как я позже узнал, у нас при цинтрийском дворе был шпион, камер-юнкер. Когда мы захватили город и пытались окружить замок, этот шпион выскользнул и дал нам знать, что цинтрийцы попытаются вывести княжну из города. Было создано несколько таких групп, как моя. По случайности именно на мою группу налетел тот, кто вез Цири.

Началась погоня по улицам, полыхающим огнем. Это был сущий ад. Ничего больше, только рев пламени, стены огня. Кони не хотели идти, а люди... да что тут говорить, люди тоже не спешили их подгонять. Мои подчиненные, у меня их было четверо, принялись молиться, кричать, что я спятил, что веду их на погибель... Мне едва удалось восстановить порядок...

Мы продолжали преследовать беглецов в этом огненном котле и догнали. Неожиданно на нас налетели пятеро кожных цинтрийцев. И началась сеча, я не успел даже крикнуть, чтобы мои солдаты следили за девочкой. Впрочем, она сразу же оказалась на земле, тот, кто ее вез на луке седла, погиб первым. Один из моих подхватил ее и затащил на лошадь, но далеко не уехал, кто-то из цинтрийцев рубанул его со спины. Я видел, как острие прошло в дюйме от головы Цири, которая снова упала в грязь. От страха она была в полуобморочном состоянии, я видел, как она прижимается к убитому, как пытается подползти под него... Словно котенок рядом с убитой кошкой...

Он замолчал, громко сглотнул.

— Она даже не знала, что прижимается к врагу. К ненавистному нильфгаардцу. Мы остались вдвоем, — продолжил Кагыр после недолгого молчания, — я и она, среди трупов и огня. Цири ползала в грязи, а вода и кровь уже начинали сильно парить. Рядом с нами завалился дом, я уже мало что видел сквозь искры и дым. Конь ни в какую не хотел туда подходить. Я кричал ее, звал к себе, охрип, пытаюсь перекричать гул пожара. Она видела меня и слышала, но не реагировала. Конь не хотел идти, и я не мог его заставить. Пришлось спешиться. Я никак не мог поднять ее одной рукой, а другая была занята поводьями, конь вырывался, чуть не повалил меня. Когда я наконец поднял ее, она принялась кричать. Потом потеряла сознание. Я накрыл ее плащом, который намочил в луже, в грязи, навозе и крови. И мы поехали. Прямо сквозь огонь.

Сам не знаю, каким чудом нам удалось выбраться оттуда. Но неожиданно открылся пролом в стене, и мы выскочили к реке. Неудачно, в том месте, которое как раз выбрали отступающие

нордлинги. Я скинул офицерский шлем, потому что по шлему, хоть крылья и подгорели, меня распознали бы тотчас. Остальная одежда была настолько покрыта копотью, что не могла меня выдать. Однако если б девушка была в сознании, если б стала кричать, меня разделали бы мечами. Мне повезло.

Я ехал с отступающими около двух больших стае, потом отстал и укрылся в кустарнике над рекой, по которой несло трупы.

Кагыр замолчал, закашлялся, обеими руками пощупал обернутую тряпкой голову. И покраснел. А может, это был всего лишь отблеск пламени?

— Цири была вся в грязи. Пришлось ее раздеть... Она не сопротивлялась, не кричала. Только дрожала, не открывая глаз. Всякий раз, когда я к ней прикасался, чтобы омыть или вытереть, она напрягалась и замирала... Я знаю, с ней надо было говорить, успокаивать... Но я вдруг растерял все слова вашего языка... Языка моей матери, который знаю с детства. Не в состоянии отыскать слов, я хотел успокоить ее прикосновением, нежностью. Но она замирала и пищала... Как птенец...

— Это преследовало ее в кошмарах, — шепнул Геральт.

— Знаю. Меня тоже.

— Что было дальше?

— Она уснула. И я тоже. От усталости. А когда проснулся; ее рядом не было. Ее не было нигде. Остального я не помню. Те, кто меня отыскал, утверждают, что я бегал по кругу и был волком. Они вынуждены были меня связать. Когда я успокоился, за меня взялись люди из разведки, подчиненные Ваттье де Ридо. Их интересовала Цирилла. Где она, куда и когда убежала. Разъяренный, я что-то ляпнул об императоре, не хуже ястреба охотящемся за маленькой девчонкой. За это я больше года просидел в цитадели. А потом его милость вернулась, потому что я был ему нужен. На Танедде был необходим человек, который знал всеобщий язык и знал, как выглядит Цири. Император потребовал, чтобы я поехал на Танедд. И чтобы на этот раз не ошибся. Чтобы привез ему Цири.

Кагыр ненадолго замолчал.

— Эмгыр дал мне возможность реабилитироваться. Я мог отказаться, но это означало бы абсолютную, окончательную, до конца жизни немилость. Но все же отказаться я мог, если б хотел. Но я не отказался. Потому что, видишь ли, Геральт... Я не мог о ней забыть.

Не стану тебя обманывать. Я ее беспрерывно видел в снах. И не только худенькую девочку, какой она была у реки, когда я ее раздел и обмывал. Я видел ее... И продолжаю видеть как женщину, прекрасную, все понимающую, будоражащую... С такими подробностями, как пунцовая роза, вытатуированная в паху...

— О чем ты?

— Не знаю. Сам не знаю... Но так было и так продолжается. Я ее по-прежнему вижу в снах, точно так же, как в снах видел ее тогда... Именно поэтому я согласился ехать на Танедд. Поэтому позже хотел присоединиться к вам. Я... Я хочу ее еще раз... увидеть. Хочу еще раз коснуться ее волос, заглянуть ей в глаза... Хочу на нее смотреть. Убей меня, твоя воля. Но я не буду больше прикидываться. Я думаю... Я думаю, что я ее люблю. Прошу тебя, пожалуйста, не смейся.

— Мне вовсе не до смеха.

— Именно поэтому я еду с вами. Понимаешь?

— Она нужна тебе для себя или для твоего императора?

— Я реалист, — прошептал Кагыр. — Ведь меня она не заочет. А как супругу императора я мог бы ее хоть иногда видеть.

— Как реалисту, — фыркнул Геральт, — тебе следовало бы понять, что для начала ее надо отыскать и спасти. Предположим, твои сны не лгут и Цири действительно еще жива.

— Я знаю это. А когда мы ее найдем, что тогда?

— Посмотрим. Посмотрим, Кагыр.

— Не лукавь, Геральт. Будь честным. Ведь ты не позволишь мне ее забрать.

Ведьмак не ответил. Кагыр вопроса не повторил.

— До этого времени мы можем оставаться друзьями? — спросил он холодно.

— Можем, Кагыр. Еще раз прости меня. Не знаю, какой бес в меня вселился. По правде говоря, я никогда всерьез не подозревал тебя в измене или двуличии.

— Я — не предатель. Я тебе никогда не изменю и не предаю, ведьмак.

Они ехали по глубокому ущелью, проторенному среди гор быстрой и уже широкой рекой Сансретур. Ехали на восток, к границе княжества Туссент. Над ними вздымалась Гора Дьявола, Горгона. Чтобы взглянуть на ее вершину, приходилось задираТЬ голову.

Но они не задирали.

Вначале они почуяли дым, спустя минуту увидели костер, а на нем вертела, на которых запекались выпотрошенные форели. Увидели сидящего у костра одинокого человека.

Еще совсем недавно Геральт высмеял бы, безжалостно высмеял и счел полнейшим идиотом любого, кто осмелился бы утверждать, будто он, ведьмак, так обрадуется, увидев вампира.

— Так, — спокойно сказал Эмиель Регис Рогеллек Терзи-эфф-Годфрой, — поправляя вертела. — Так! Гляньте-ка, что котто принес.

СТУЧАК, он же кнакер, гоблинай, полтер-
дук, шеенос, рубезааль, скарбоник, либо пустель-
ник, — есть разновидность кобольда, коего все
же размероростом и силою значительно превос-
ходит. Обычно С. носят бородачи преогромад-
ные, кои кобольды носить не обвыкли. Обитает
С. в штольнях, шахтах, развалинах, пропастях,
темных ямах разновеликих, внутри скал, во вся-
ческих гротах, пещерах и каменных пустовинах.
Там, где он обретається, наверняка в земле бо-
гатства сокрыты, каковые: золото самородное,
руды, меловина, соль либо каменное масло, си-
речь нефть. Потому ж С. зачастую в выработ-
ках встретить можно, особливо покинутых, но и
в действующих любит он показываться. Злостный
шкодник, проклятие и истинная кара Господня для
подземных рудокопов, коих распоясавшийся С. во-
дит за нос, постукиванием по камню манит и пу-
гает, ходки заваливает, горняцкое имущество и
всяческий скот крадет и портит, да и частенько
из-за угла в лоб палкою дать может.

Однако же подкупить его можно, дабы не
безобразничал сверх меры, положивши где-нито
на ходке темном либо в шахте хлеб с маслом,
сырок козий, кусок копченой вепрятины. Но луч-
ше всего шклянку первача, ибо на таковой С. до
чрезвычайности лаком и падок.

Physiologus

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Они в безопасности, — заверил вампир, подхлестывая мула Драакуля. — Все трое, Мильва, Лютик и, разумеется, Ангулема, которая своевременно добралась до нас в долине Сансретур и обо всем поведала, не жалея весьма красочных слов. Я никогда не мог понять, почему у вас, людей, большинство ругательств и обидных выражений связано с эротической сферой? Ведь секс сам по себе прекрасен и ассоциируется с прекрасным, радостным, приятным. Как можно название полового органа применять в качестве вулгарного синонима...

— Придерживайся темы, Регис, — прервал Геральт.

— Конечно, конечно, прости. Предупрежденные Ангулемой о надвигающихся бандитах, мы незамедлительно пересекли рубеж Туссента. Правда, Мильва не была в восторге, пыталась вернуться и идти вам обоим на выручку. Однако я сумел ее отговорить. А Лютик — о, диво! — вместо того чтобы радоваться предоставившемуся убежищу, каковое дают границы княжества, был явно готов в любую минуту сбежать. Чего он так боится в Туссенте, ты, случайно, не знаешь?

— Не знаю, но догадываюсь, — кисло ответил Геральт. — Потому что это далеко не первый город, где наш друг нашкодничал. Теперь-то он малость остепенился, поскольку пребывает в приличном обществе, но в юности для него не было ничего святого. Я бы сказал, что при виде него чувствовать себя в безопасности могли разве что ежи да те женщины, которым удавалось влезть на самую макушку высокого дерева. А мужья женщин частенько обижались на трубадура неведомо почему. В Туссенте наверняка проживает чей-нибудь муж, которому лицеизрение Лютика может оживить воспоминания... Но к сути дела это отношения не имеет. Вернемся к конкретным вопросам. Как там с преследователями? Надеюсь, что...

— Не думаю, — усмехнулся Регис, — чтобы они перешли за нами в Туссент. Граница кишмя кишит странствующими рыцарями, которые скучают невероятно и только и ждут оказии с кем-нибудь сразиться. Кроме того, мы вместе с группой встреченных на границе пилигримов сразу же попали в священную рошу Мырквид. А место это нагоняет страх. Даже пилигримы и больные, которые из самых дальних краев направляются в Мырквид на излечение, останавливаются в поселке неподалеку от края леса, не смея заходить вглубь. Ибо ходят слухи, будто тот, кто отважится пройти к священным дубам, окончит жизнь на медленном огне в Ивовой Бабе.

Геральт глубоко вздохнул.

— Неужели...

— Конечно. — Вампир снова не дал ему докончить. — В роше Мырквид проживают друиды. Те, которые раньше обитали в Ангрене, в Казд Дху, потом перебрались к озеру Мондуирн и, наконец, в Мырквид в Туссенте. Нам было предназначено попасть к ним. Я помню, говорил ли я, что это нам предназначено?

Геральт глубоко вздохнул. Сидящий у него за спиной Кагыр тоже.

— Среди тех друидов есть твой знакомый?

Вампир снова улыбнулся.

— Не знакомый, а знакомая, — пояснил он. — Да, она там. И даже возвысилась. Руководит всем Кругом.

— Иерофантка?

— Фламиника. Так называется высший друидский титул, если его носит женщина. Иерофантами бывают только мужчины.

— Да, верно, забыл. Я так понимаю, что Мильва и остальные...

— Сейчас находятся под покровительством фламиники и Круга. — Вампир по своему обыкновению ответил на вопрос, не дослушав его до конца, затем незамедлительно приступил к ответу на вопросы, вообще еще не заданные. — Я же поспешил вам на встречу. Поскольку произошло нечто загадочное. Фламиника, которой я начал было излагать наше дело, не дала мне докончить. Сказала, что знает обо всем. Что уже с какого-то времени ожидала нашего прибытия...

— Что-что-о?

— Я тоже не мог сдержать удивления. — Вампир придержал мула, поднялся на стременах, осмотрелся.

— Ищешь кого-то или что-то? — спросил Кагыр.

— Уже не ищу. Нашел. Слезает.

— Я хотел бы как можно скорее.

— Слезает. Я все объясню.

Чтобы расслышать друг друга в шуме падающего с большой высоты по отвесной скале водного потока, им приходилось говорить громко. Внизу, там, где водопад выдолбил солидное озерко, в скале зияло отверстие пещеры.

— Да, именно там. — Регис подтвердил догадку ведьмака. — Я выехал тебе навстречу, поскольку мне посоветовали направить тебя сюда. Тебе придется войти в пещеру. Дело в том, что друиды знали о тебе, о Цири, о нашей миссии. А узнали они это от особы, которая, понимаешь ли, обитает именно здесь. Особа эта, если верить друидке, жаждет с тобой пообщаться.

— Если верить друидке... — едко повторил Геральт. — Я бывал в здешних местах. Знаю, кто обитает в глубоких пещерах под Горой Дьявола. Многие там... обитают. Но в подавляющем большинстве с ними пообщаться не удастся. Разве что с помощью меча. Что еще поведала твоя знакомая друидка? Во что мне еще следует поверить?

— Она совершенно явно, — вампир уставился на Геральта антрацитовыми глазами, — дала мне понять, что не очень-то жалует субъектов, уничтожающих и убивающих живую природу. То есть никого из них, а уж ведьмаков тем более. Я пояснил, что в данный момент ты ведьмак, так сказать, в основном по названию. Что ты абсолютно не досаждаешь в данный момент живой природе, ежели только вышеупомянутая природа не досаждает тебе. Фламиника, надобно тебе знать, женщина невероятно проницательная, сразу же заметила, что от ведьмачества ты отказался не в результате перемен в мировоззрении, но будучи принужден к тому обстоятельством. «Я точно знаю, — сказала она, — что с близкой ведьмаку особой приключилось несчастье. Ведьмак вынужден был бросить ведьмачьи занятия и поспешить ей на помощь...»

Геральт не комментировал, но его взгляд был столь многозначительным, что вампир поспешил дать разъяснения.

— Она сказала, цитирую: «Отказавшись от ведьмачества, ведьмак доказывает тем самым, что он способен на смирение и самопожертвование. Пусть он войдет в мрачное чрево земли. Безоружный. Оставив снаружи все оружие, все острое железо. Всякие острые мысли. Всякую агрессивность, гнев, злость, дерзость. Войдет смиренно. И тогда там, во чреве земли, смиренный не-ведьмак найдет ответы на мучающие его вопросы. На многие вопросы. Но если ведьмак останется ведьмаком, он не найдет ничего», — конец цитаты.

Геральт плюнул в сторону водопада и пещеры.

— Обычная игра, — отметил он. — Забава! Фокусы! Ясновидение, самопожертвование, таинственные встречи в гротах, ответы на вопросы... Такие заигранные приемчики можно встретить только у бродячих дедов-сказителей. Кто-то здесь издевается надо мной. В лучшем случае. А если это не издевка...

— Издевкой я бы это не назвал ни в коем случае, — решительно сказал Регис. — Ни в коем, Геральт из Ривии.

— Тогда что же? Одно из широко известных друидских чудачеств?

— Мы не узнаем ничего, — бросил Кагыр, — пока не убедимся. Пошли, Геральт, войдем туда вместе...

— Нет, — покачал головой вампир. — В этом фламиника была совершенно категорична. Ведьмак должен войти один. Без оружия. Дай сюда свой меч. Я присмотрю за ним во время твоего отсутствия.

— Чтоб меня черти... — начал было Геральт, но Регис быстро прервал его словоизвержение.

— Давай сюда меч, — протянул он руку. — А если есть и еще какое-то оружие, то и его оставь мне. Помни о словах фламиники. Никакой агрессивности. Самоотречение. Покорность. Самоотверженность.

— Ты-то хоть знаешь, кого я там встречу? Кто... или что ожидает меня в пещере?

— Не знаю. Самые различнейшие существа заселяют подземные коридоры под Горгоной.

— Чтоб меня черти забрали, — все-таки закончил Геральт.

Вампир тихо кашлянул.

— И этого исключить нельзя, — серьезно сказал он. — Но ты должен рискнуть. И я знаю, что рискнешь.

Геральт не ошибся. Да, как он и ожидал, вход в пещеру был завален внушительной кучей черепов, ребер, берцовых и прочих костей. Однако запаха тлена на ощущалось. Бренные останки были явно многовековыми и исполняли роль декорации, отваживающей возможных посетителей.

Во всяком случае, так ему подумалось.

Он ступил во тьму, под ногами захрустели кости.

Глаза быстро привыкли к темноте.

Он находился в гигантской пещере, каменной каверне, размеры которой глаз охватить был не в состоянии, поскольку пропорции нарушались и пропадали в кружеве сталактитов, свешивающихся с купола красочными фестонами. Из почвы, блестящей влагой и играющей разноцветным щебнем, вырастали белые и розовые сталагмиты, толстые и приземистые у основания, истончающиеся кверху. Некоторые вздымались гораздо выше головы ведьмака. Другие соединялись наверху со сталактитами, образуя колоннообразные сталагнаты. Никто его не окликнул. Единственным звуком, который удавалось услышать, было звонкое эхо плещущейся и капающей воды.

Он медленно шел, углубляясь в густеющий между колоннами сталагматов мрак. Он знал, что за ним наблюдают.

Отсутствие меча за спиной ощущалось сильно, навязчиво и отчетливо — как отсутствие недавно выкрошившегося зуба.

Он пошел медленнее.

То, что еще секунду назад он принимал за лежащие у основания сталагмитов округлые камни, теперь таранилось на него ог-

ромными горящими глазищами. В плотной массе серо-бурых, покрытых пылью патлов раскрывались огромные пасти и сверкали конусовидные зубы.

Барбегазы.

Он шел медленно, ступал осторожно — барбегазы были повсюду, большие, средние и маленькие, они лежали на его пути и не думали уступать дорогу. Пока что они вели себя на удивление спокойно, однако он не мог знать, что случится, если на кого-нибудь из них наступить.

Сталагмиты росли как лес. Невозможно было идти прямо, приходилось петлять. Сверху, с ошетилившегося иглами натеков купола, капала вода.

Барбегазы — их становилось все больше — сопровождали его, двигаясь следом и перекатываясь по почве. Он слышал их монотонную болтовню и сопение. Чувствовал их резкий кислый запах.

Необходимо было остановиться. Между двумя сталагмитами, в том месте, которое он обойти не мог, лежал крупный эхинопс, ошетилившийся массой длинных колючек. Геральт согнулся. Он слишком хорошо знал, что эхинопсы могут выстреливать своими колючками на расстояние до десяти футов. У колючек было особое свойство — воткнувшись в тело, они обламывались, а острые концы проникали вглубь и блуждали там до тех пор, пока не достигали какого-нибудь чувствительного органа.

— Ведьмак дурак, — услышал он из тьмы. — Ведьмак трус! Он боится, ха-ха!

Голос звучал необычно и чуждо, но Геральту уже не раз доводилось слышать такие голоса. Так говорили существа, не привыкшие общаться с помощью членораздельной речи и поэтому странно акцентировавшие и неестественно растягивавшие слоги.

— Ведьмак дурак! Ведьмак дурак!

Он удержался от ответа. Закусил губу и осторожно прошел рядом с эхинопсом. Колючки существа заколебались на манер щупалец актинии. Но это длилось всего лишь мгновение, потом эхинопс замер и снова превратился в огромную кучу болотной травы.

Два гигантских барбегаза пересекли ему дорогу, что-то бормоча и ворча. Сверху, из-под купола, долетало хлопанье перепончатых крыльев и шипящий хохот, безошибочно сигнализирующий о присутствии листоносов и веспертылей.

— Он пришел сюда, убийца, уничтожник! Ведьмак! — раздался во мраке тот же голос, который он слышал раньше. — Влез сюда! Осмелился! Но он без меча, уничтожник! Так как же он собирается убивать? Взглядом? Ха-ха!

— А может, — раздался другой голос, с еще менее естественной артикуляцией, — это мы его будем убивать? Ха-а-а?

Бормотание барбегазов слилось в громкий хор. Один, размером в зрелую тыкву, подкатился очень близко и щелкнул зубами у

самой ноги Геральта. Ведьмак сдержал так и рвущееся наружу ругательство. Пошел дальше. Со сталактитов капала вода, будя се ребристое эхо.

Что-то вцепилось ему в ногу. Он сдержался, чтобы не отбросить сразу.

Твореньице было небольшое, не больше собачки-пекинеса. Да и немного пекинеса напоминало. Мордочкой. Остальным было похоже на обезьянку. Геральт понятия не имел, что это такое. В жизни не видел ничего подобного.

— Ведь-мак! — визгливо, но вполне четко выговорил пекинесик, спазматически вцепившийся в сапог Геральта. — Ведь-мак! Ведь-мат! Сукин брат!

— Отцепись, — процедил ведьмак сквозь стиснутые зубы. — Отцепись от сапога или получишь под зад.

Барбегазы забормотали громче, резче и грознее. В темноте что-то зарычало. Геральт не знал, что это было, звук напоминал коровье мычание, но он мог побиться об заклад, что коровой это не было.

— Ведь-мат, сукин брат!

— Отпусти сапог, — повторил Геральт, с трудом сдерживаясь. — Я пришел сюда безоружный, с миром. Ты мне мешаешь...

Он осекся и задохнулся волной отвратительной вони, от которой глаза слезились, а волосы завивались в кудряшки.

Вцепившееся в лодыжку пекино-обезьянье творение вытаращило глаза и испражнилось прямо ему на сапог. Отвратительную вонь сопровождали еще более отвратительные звуки.

Он выругался соответственно ситуации и отпихнул ногой нахальное твореньице. Гораздо деликатнее, чем следовало. Но все равно произошло то, что он и ожидал.

— Он пнул малыша! — зарычало что-то в темноте, перекрывая прямо-таки ураганный рев и вой барбегазов. — Он пнул малыша! Он обидел маленького!

Ближайшие барбегазы подкатились к самым его ногам. Он почувствовал, как их сучковатые и твердые как камни лапищи хватают его и не дают пошевелиться. О мех самого большого и самого агрессивного он вытер обгаженный сапог. Они тянули его за одежду. Он сел.

Что-то большое спустилось по сталагнату, соскочило на землю. Он с первого же мгновения знал, что это такое. Стучак. Кряжистый, пузатый, косматый, кривоногий, шириной в плечах, пожалуй, с сажень, с рыжей бородой, которая была еще шире.

Приближение стукача сопровождало сотрясение почвы, словно приближался не стучак, а першерон. Ороговевшие широкие ступни чудища были по полтора фута длиной каждая.

Стучак наклонился над ним и пыхнул водкой. «Шельмы гонят здесь самогон», — машинально подумал Геральт.

— Ты ударил меньшого, вѣдьмак, — провонял ему в лицо сту- чак. — Без основания напал и обидел маленькое, нежное, невин- ное существо. Мы знали, что тебе нельзя доверять. Ты агрессивен. У тебя инстинкт убийцы. Сколько наших ты убил, мерзавец?

Геральт не счел нужным отвечать.

— О-о-о-о-о! — Стучак еще крепче дыхнул на него водочным перегаром. — С детства мечтал об этом! С детства! Наконец-то исполнилась моя мечта. Глянь влево.

Геральт словно дурак какой глянул. И тут же получил зуботы- чину правым кулаком. Да так, что увидел яркий свет.

— О-о-о-о-о! — Стучак выставил из путаницы вонючей боро- ды огромные кривые зубищи. — С детства об этом мечтал. А ну, глянь вправо.

— Довольно! — раздался где-то в глубине пещеры громкий и звучный приказ. — Довольно игр и шуточек. Отпустите его.

Геральт сплюнул кровь с рассеченной губы. Обмыл сапог в струйке стекающей по камню воды. Скунс с мордой пекинеса на- смешливо, но с безопасного расстояния шерился на него. Стучак тоже лыбился, массируя ладонь.

— Иди, вѣдьмак, — проворчал он. — Иди к нему, коли тебя вызывают. Я погоду. Потому как ты по этой дорожке вертаться будешь.

Пещера, в которую он вошел — о, диво! — была наполнена светом. Через пролом в ошетилившемся сталактитовыми сосуль- ками куполе проникали перекрещивающиеся столбы света, выры- вающие из камня и натеков феерию разблесков и красок. Кроме того, в воздухе висел горящий огнем магический шар, свет кото- рого усиливался бликами кварца в стенах. Несмотря на всю эту иллюминацию, противоположная стена пещеры тонула во мраке, а где-то в конце колоннады сталагнатов затаилась черная тьма.

На стене, которую природа как бы специально подготовила для этого, возникала огромная наскальная картина. Художником оказался высокий светловолосый эльф в испачканной краской епан- че. В волшебном-естественном свете его голову, казалось, охваты- вал сияющий ореол.

— Присядь. — Эльф, не отрываясь от картины, движением кисти указал Геральту на камень. — Они не обидели тебя?

— Нет. Пожалуй, нет.

— Ты должен их простить.

— Конечно. Должен.

— Они немного похожи на детей. Страшно обрадовались тво- ему приходу.

— Я это заметил.

Только теперь эльф взглянул на него.

— Присядь, — повторил он. — Еще немного, и я — в твоём распоряжении. Я уже заканчиваю.

То, что заканчивал изображать эльф, оказалось стилизованным животным, скорее всего бизоном. Однако пока что готов был лишь его контур — от внушительных рогов до не менее изумительного хвоста. Геральт присел на предложенный камень и поклялся себе быть терпеливым и смирным — по мере возможности.

Эльф, тоненько посвистывая через сжатые зубы, погрузил кисточку в плошку с краской и быстрыми движениями выкрасил своего бизона в фиолетовый цвет. После недолгого раздумья намалевал на боку тигриные полосы.

Геральт молча смотрел.

Наконец эльф отступил на шаг, рассматривая наскальную фреску, уже полностью изображавшую охотничью сцену. Фиолетово-полосатого бизона дикими прыжками преследовали тощие, нанесённые неряшливыми мазками кисти фигурки людей с луками и копьями.

— И что это должно изображать? — не выдержал Геральт.

Эльф мимолетно глянул на него, сунув чистый конец кисточки в зубы.

— Это, — известил он, — доисторическая картина, выполненная первобытными людьми, обитавшими в сей пещере тысячи лет назад и занимавшимися в основном охотой на теперь уже давно вымерших фиолетовых бизонов. Некоторые из доисторических ловчих были художниками, ощущали неодолимую потребность адекватного отображения действительности. Увековечения того, что у них в душах играло. В меру сил и способностей, конечно.

— Захватывающее зрелище.

— Именно что так, — согласился эльф. — Ваши ученые годами ползают по пещерам в поисках следов первобытного человека. И всякий раз, когда находят таковые, аж прыгают от восторга, поскольку находят доказательство тому, что на этой земле и в этом мире вы никакие не приبلуды. Доказательство тому, что ваши предки якобы обитали здесь от начала времен, а стало быть, этот мир принадлежит их наследникам, то бишь вам. Ну что ж, каждая раса имеет право на какие-нибудь корни. Даже ваша, человеческая, корни которой, что бы кто ни говорил, искать следует на верхушках деревьев. Хо, смешной каламбур, не считаешь? Достоин быть эпиграммой. Ты любишь легкую поэзию? Как думаешь, что бы тут еще дорисовать?

— Дорисуй прачеловеческим ловцам большие торчащие фаллосы.

— Это мысль. — Эльф обмакнул кисточку в краску. — Фаллический культ был типичен для примитивных цивилизаций. Это тоже может послужить возникновению теории, что человеческая раса подверглась фаллической, прости, физической деградации. У

предков фаллосы были как палицы, у потомков остались смешные, зародышевые хреновинки... Благодарю, ведьмак.

— Не за что. Так, понимаешь, заиграло в душе. Краска выглядит очень свежей для доисторической-то.

— Через три, четыре дня цвета поблекнут под влиянием соли, выделяемой стеной, и картина сделается такой доисторической, что хоть стой, хоть падай. Ваши ученые описаются от радости, когда ее увидят. Ни один, даю голову на отсечение, не разберется в моей проделке.

— Разберется.

— Это как же?

— Ты же не удержишься, чтобы не подписать свой шедевр?

Эльф сухо рассмеялся.

— Это уж верно! Ты расколол меня с ходу. О огонь тщеславия, как же трудно артисту погасить в себе его пламя. Я уже подписал картину. Вот здесь.

— А разве это не стрекоза?

— Нет. Идеограмма, означающая мое имя. Меня зовут Crevan Espane aep Caomhan Macha. Для удобства я пользуюсь другим, сокращенным именем Аваллак'х. Так и можешь обращаться ко мне.

— Не премину.

— Ты — Геральт из Ривии. Ведьмак. Однако в данный момент ты не преследуешь чудовищ и чудищ, будучи занят поисками затерявшихся девиц.

— Поразительно быстро расходятся вести. Поразительно далеко. И поразительно глубоко. Похоже, ты предвидел, что я сюда явлюсь. Получается, что ты умеешь предсказывать будущее, насколько я понимаю?

— Предсказывать будущее, — Аваллак'х протер руки тряпочкой, — может каждый. Может и предсказывает, ибо это очень даже просто. Нет ничего особенного в том, чтобы предсказывать. Искусство в том, чтобы предсказывать точно.

— Вывод изящный и достойный быть эпиграммой. Ты, естественно, умеешь предсказывать точно.

— И очень даже часто. Я, дорогой Геральт, умею многое и знаю немало. Впрочем, на это указывает, как сказали бы вы, люди, мое ученое звание. В полном звучании: Aep Saevherne.

— Ведун. Знающий.

— Верно.

— Надеюсь, ведун поделится своими знаниями будущего с ведьмаком?

Аваллак'х помолчал.

— Поделиться? — наконец протянул он. — Поделиться с тобой? Знание, дорогой мой, это привилегия, а привилегиями делятся только с равными себе. И чего бы ради мне, эльфу, Ведуну, члену элиты, делиться чем бы то ни было с потомком существа,

которое появилось во вселенной едва пять миллионов лет назад, эволюционировав из обезьяны, крысы, шакала или другого млекопитающего? Существа, которому потребовалось около миллиона лет на то, чтобы открыть, что с помощью двух мохнатых лап можно производить какие-то действия, используя обглоданную кость? После чего это существо засунуло себе оную кость в задницу и завизжало от радости.

Эльф замолчал, отвернулся и уставился на свою картину.

— На основании чего, — повторил он, — ты осмелился подумывать, будто я поделюсь с тобой каким бы то ни было знанием, человек? Ну, скажи мне?

Геральт очистил сапог от остатков экскрементов.

— Может, на основании того, — ответил он сухо, — что это неизбежно?

Эльф резко повернулся.

— Что? — спросил он сухо. — Что неизбежно?

— Может, то, — Геральту не хотелось повышать голоса, — что пройдет еще какое-то количество лет и люди просто заберут себе любое знание, независимо от желания или нежелания тех, кто им владеет, делиться с ними, разве не так? В том числе и знание того, что ты, эльф и Ведун, ловко прячешь за наскальными фресками, думая, будто люди не пожелают раздолбать кирками стену, закрашенную ложным доказательством дочеловеческого существования? Ну? Ответь, дорогой ты мой огонь тщеславия?

Эльф фыркнул. Вполне весело.

— О да, — сказал он, — тщеславием, доведенным до глупости, было бы считать, что вы чего-нибудь не раздолбаете! Вы раздолбаете все! Ну и что? Ну и что, человек?

— Не знаю. Скажи мне. А если не считаешь нужным, так я пойду. Желательно другим выходом, потому что при том, которым я вошел, меня ожидают твои своевольные дружки, жаждущие поломать мне ребра.

— Изволь. — Эльф резким движением раскинул руки, а каменная стена раскрылась со скрежетом и треском, грубо разделив фиолетового бизона пополам. — Выйди здесь. Иди на свет. В переносном или буквальном смысле слова — это, как правило, верный путь.

— Жаль немного, — буркнул Геральт. — Я имею в виду фреску.

— Да ты, никак, шутикуешь, — сказал после недолгого молчания эльф, поразительно мягко и дружелюбно. — С фреской ничего не случится, таким же заклинанием я закрою скалу, даже следа от щели не останется. Иди. Я выйду за тобой, провожу. Я решил, что мне все-таки есть что сказать тебе. И показать.

Кругом стояла тьма, но ведьмак сразу понял, что пещера огромна. Это стало ясно по температуре и движению воздуха. Щель, по которому они шли, был влажным.

Аваллак'х вычаровал свет — по эльфьей моде одним только жестом, не произнеся вслух заклинания. Светящийся шар взлетел к куполу, друзья горного хрусталя в стенах пещеры разгорелись мириадами разблесков, заплясали тени. Ведьмак невольно вздохнул.

Не впервой он видел эльфы барельефы и статуи, но всякий раз ощущения были одинаковыми: застывшие на полудвижении, на полувздохе фигуры эльфов и эльфок, выполненные не резцом и долотом скульптора, а возникшие в результате могущественного волшебства, способного превратить живую ткань в белый амелльский мрамор.

Ближайшая статуя изображала эльфку, сидящую, подогнув ноги, на базальтовой плите. Эльфка повернула голову так, словно ее встревожил шорох приближающихся шагов. На ней не было ничего. Белый, отполированный до млечного блеска мрамор заставлял прямо-таки почувствовать излучаемое статуей тепло.

Аваллак'х остановился и оперся об одну из колонн, ограничивающих проход вдоль аллей скульптур.

— Второй раз, — тихо проговорил он, — ты меня раскрываешь, Геральт. Ты был прав, изображение бизоньей охоты на скале — камуфляж. Его цель — отбить желание разрушать стену. Защитить все это от разграбления и разорения. Любая раса, эльфья тоже, имеет право на свои корни. Двигайся, пожалуйста, осторожнее. По сути дела, это — кладбище.

Пляшущие на гранях горного хрусталя блики выхватывали из мрака очередные детали — за аллеей статуй проступали колоннады, ступени, амфитеатры галерей, аркад и перистилей. Все из белого мрамора.

— Я хочу, — заговорил Аваллак'х, останавливаясь и обводя вокруг себя рукой, — чтобы это сохранилось. Даже когда мы уйдем, когда весь континент со всем здешним миром покроется многими слоем льда и снега, Tir na Bia Aagainne сохранится. Мы отсюда уйдем, но когда-нибудь возвратимся. Мы, эльфы. Так предсказывает Aen Ithlinnespeath, пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien.

— И вы действительно верите в предсказание? Настолько глубоко ваш фанатизм?

— Все было предсказано и напрогночено. — Эльф смотрел не на него, а на мраморные колонны, покрытые тонкими, как паутинка, барельефами. — Ваше прибытие на континент, войны, потоки эльфьей и человеческой крови. Возвышение вашей расы, упадок нашей. Борьба владык Севера и Юга. «И поднимется король Юга против королей Севера, и зальет их земли могучим потоком; и будут они разбиты, а народы их уничтожены... И так начнется гибель мира». Помнишь текст Итлины, ведьмак? «Кто далеко — умрет от болезни, кто близко — падет от меча, кто останется; умрет с голоду, кто выживет, того погубит мороз... Ибо наступит Tedd Deireadh, Час Конца, Век Меча и Топора, Час Презрения, Час Белого Хлада и Волчьей Пурги...»

— Поэзия.

— Желашь не столь поэтично? Пожалуйста. Изменится угол падения солнечных лучей, значительно сместится граница вечной мерзлоты. Надвигающиеся с севера ледники сомнут и сдвинут далеко к югу эти горы. Все заметет белым снегом слоем толщиной более мили. И наступят жесточайшие морозы.

— Ну что ж, станем носить кальсоны на меху, — без всяких эмоций пообещал Геральт. — Кожухи. И меховые шапки.

— Ну, прямо мои слова. Слово в слово, — спокойно согласился эльф. — И в этих теплых подштанниках и шапках вы пересидите катастрофу, чтобы в один прекрасный день вернуться сюда копать ямы и буйствовать в этих пещерах, уничтожать и разворовывать. Пророчество Итлины об этом не говорит, но я знаю. Людей, как и тараканов, полностью уничтожить невозможно, всегда хоть парочка да останется. Что касается эльфов, то Итлины тут более категорична: уцелеют лишь те, что пойдут за Ласточкой. Ласточка — символ весны, избавительница. Она отворит запретные двери, укажет путь спасения. И возвестит возрождение мира. Ласточка, Дитя Старшей Крови.

— То есть Цири? — не выдержал Геральт. — Либо ребенок Цири? Как? Каким образом? И почему?

Аваллак'х, казалось, не расслышал.

— Ласточка принадлежит Старшей Крови, — повторил он. — Ее крови. Иди и взгляни.

Даже среди других, совершенно реалистичных, пойманных в движении изваяний выделялось то, на которое указал Аваллак'х. Белая мраморная эльфка, полулежащая на плите, выглядела так, словно — разбуженная — вот-вот поднимется и сядет. Лицо ее было обращено к пустому месту рядом, а поднятая рука, казалось, прикасается там к чему-то невидимому.

Лицо эльфки выражало покой и счастье.

Много времени прошло, прежде чем Аваллак'х прервал тишину.

— Это Лара Доррен аэп Шиададь. Разумеется, здесь не могила, а лишь кенотаф. Тебя удивляет поза статуи? Ну что ж, большинство не поддержало предложения изваять в мраморе обоих легендарных любовников: Лару и Крегеннана из Лёда. Крегеннан был человеком, и решили, что было бы святотатством тратить амеллский мрамор на его статую. Кошунством — помещать изваяние человека здесь, в *Tir na Bia Againne*. С другой стороны, не менее преступно было бы умышленно и преднамеренно предавать забвению память об их чувствах. Поэтому выбрали золотую середину. Формально... Крегеннана здесь нет. И все же он есть. Во взгляде и позе Лары. Любовники — вместе. Ничто не смогло их разлучить. Ни смерть, ни забвение... Ни ненависть.

Ведьмаку показалось, что бесцветный голос эльфа на мгновение изменился. Но, пожалуй, это было не так.

Аваллак'х подошел к статуе, осторожным, мягким движением погладил мраморную руку. Потом отвернулся, а на его треугольном лице снова застыла привычная, немного насмешливая улыбка.

— Знаешь ли ты, ведьмак, что есть самый большой минус долголетия?

— Нет.

— Секс.

— Что?

— Ты правильно расслышал. Секс. Проходят неполных сто лет, и он становится скучным. В нем уже нет ничего, что могло бы увлечь и возбуждать, несло бы в себе призывную прелесть новизны. Все уже было... Так или иначе, но было. И тут вдруг происходит сопряжение сфер и появляетесь вы, сюда проникает горстка людей, прибывших из иного мира, из вашего древнего мира, который вам удалось-таки тотально уничтожить своими же собственными, все еще мохнатыми руками. Уничтожить спустя едва пять миллионов лет после вашего становления как вида. Вас горстка, средняя продолжительность жизни у вас до смешного мизерна, поэтому ваше выживание зависит от темпа рождаемости, потому что неумная похоть никогда вас не покидает, секс управляет вами тотально, это влечение сильнее даже, чем инстинкт самосохранения. Умереть? А почему бы и нет, если предварительно удастся, прости, но я выражусь по-вашему, оттрахать. Вот в сжатом ракурсе вся ваша философия.

Геральт не прерывал и не комментировал, хоть желание было огромное.

— И что же вдруг оказалось? — продолжал Аваллак'х. — Эльфы, пресытившись пресыщенными эльфками, берут в жены всегда готовых к этому человеческих женщин, а пресытившихся эльфов извращенное любопытство толкает ко всегда полным пыла и темперамента человеческим самцам. И происходит нечто такое, что объяснить не может никто: эльфки, у которых нормально овуляция случается один раз в десять—двадцать лет, сочетаясь с людьми, начинают овулировать при каждом сильном оргазме. Пробуждается какой-то скрытый доселе гормон, может быть, комбинация гормонов. Эльфки понимают, что практически могут иметь детей только с людьми. Именно эльфки повинны в том, что мы не уничтожили вас, когда мы еще были сильнее. А потом уже сильнее стали вы и тут же принялись уничтожать нас. Но в лице эльфа вы все время имели союзников. Именно они были заступниками сожительства, сотрудничества и сосуществования. И не хотели признаться, что по сути дела речь шла о совместной постели.

— Что у всего этого, — кашлянул Геральт, — общего со мной?

— С тобой? Абсолютно ничего. Но с Цири — многое. Ведь Цири — потомок Лары Доррен аэп Шиадаль, а Лара Доррен была сторонницей сосуществования с людьми. В основном — с одним

человеком. С Крегеннаном из Лёда... Человеческим чародеем. Лара Доррен сосуществовала с этим Крегеннаном часто и эффективно. Говоря проще — забеременела.

Ведьмак и на этот раз хранил молчание.

— Проблема состояла в том, что Лара Доррен не была обычной эльфкой. Она была генетическим зарядом. Специально пре-парированным. Плодом многолетних трудов. В соединении с другим зарядом, эльфим, разумеется, ей предстояло родить еще более специализированного ребенка. Начиная с семени человека она похоронила эту возможность, свела на нет результаты сотен лет планирования и подготовки. Так по крайней мере думали тогда. Никто не предполагал, что рожденный Крегеннаном метис мог унаследовать от полноценной матери что-либо положительное. Нет, такой мезальянс не мог дать ничего хорошего.

— И поэтому, — вставил Геральт, — он был сурово наказан.

— Но не так, как ты думаешь. — Аваллак'х быстро глянул на него. — Хотя связь Лары и Крегеннана принесла неисчислимые беды эльфам, а людям могла обернуться только добром, однако именно люди, а не эльфы прикончили Крегеннана. Люди, а не эльфы погубили Лару. Именно так и случилось, несмотря на то что у многих эльфов были причины ненавидеть любовников. В том числе и личные.

Геральта уже второй раз заставило задуматься незначительное изменение в голосе эльфа.

— Так или иначе, — продолжал Аваллак'х, — сосуществование лопнуло как мыльный пузырь, две расы кинулись перегрызать друг другу глотки. Началась война, которая длится до сих пор. А тем временем генетический материал Лары... продолжал существовать, как ты уже, несомненно, догадываешься. И даже развиваться. К сожалению, он мутировал. Да, да. Твоя Цири — мутант.

И на этот раз эльф не дождался комментария.

— Разумеется, к этому руку приложили ваши чародеи, хитроумно соединяя выращиваемых индивидуумов в пары, но и у них это тоже вышло из-под контроля. Мало кто догадывается, каким чудом генетический материал Лары Доррен так мощно возродился в Цири. Что послужило толчком. Я думаю, это знает Вильгефорц, тот самый, что на Танедде пересчитал тебе косточки. Чародеи, экспериментировавшие с потомками Лары и Рианнон, какое-то время осуществлявшие регулярное выращивание потомства, не дождались ожидаемых результатов, устали и пустили дело на самотек. Но эксперимент продолжался, правда, теперь уже самостоятельно. Цири, дочь Паветты, внучка Калантэ, прапраправнучка Рианнон, была истинным потомком Лары Доррен. Вильгефорц узнал об этом скорее всего случайно. Знает об этом также Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда.

— И ты.

— Я знаю даже больше, чем они оба, вместе взятые. Но это не имеет значения. Жернова предназначения действуют, мельница судьбы работает... Предначертанному суждено сбыться.

— А что должно сбыться?

— Что было предопределено свыше, в переносном смысле, разумеется. То, что предопределено действием безотказно функционирующего механизма, в основе которого лежат Цель, План и Результат.

— Все это либо поэзия, либо метафизика. Либо и то и другое, ибо порой их трудно разграничить. Возможно ли привести хоть что-либо конкретное? Пусть минимальное? Я охотно подискутировал бы с тобой о том о сем, но так получилось, что у меня срочное дело.

Аваллак'х долго смотрел на него.

— И куда ты так спешишь? Ах, прости... Ты, мне кажется, ничего не понял из сказанного. Так скажу прямо: твой великий спасательный поход уже лишен смысла. Потерял его полностью. Причин тут несколько, — продолжал эльф, глядя на каменное лицо ведьмака. — Во-первых, уже слишком поздно: основное зло совершилось, ты не в состоянии уберечь ее. Во-вторых, сейчас, уже ступив на соответствующий путь, Ласточка прекрасно управится сама, слишком большую силу она носит в себе, чтобы опасаться чего-либо. Твоя помощь ей не нужна. А в-третьих, хм...

— Я слушаю тебя, Аваллак'х. Все время. Внимательно.

— В-третьих... В-третьих, теперь ей поможет кто-то другой. Полагаю, ты не настолько нахален, чтобы думать, будто эту девушку предназначение связало только и исключительно с тобой.

— Это все?

— Да.

— Тогда до свидания.

— Подожди.

— Я же сказал: я спешу.

— Предположим на минутку, — спокойно сказал эльф, — что я действительно знаю, что случится, что я вижу будущее. Ежели я скажу тебе, что то, чему суждено случиться, произойдет независимо от твоих усилий? От твоих шагов и решений? Если сообщу, что ты мог бы подыскать себе какое-нибудь спокойное место на земле и сидеть там, ничего не делая, а только ожидая неизбежных последствий хода событий, решишься ли ты на что-нибудь подобное?

— Нет.

— А если я скажу, что твоя активность, свидетельствующая о неверии в непоколебимые механизмы Цели, Плана и Результата, может, хотя вероятность этого исчезающе мала, все же действительно кое-что изменить, но исключительно в худшую сторону? Продумаешь ли ты эту проблему заново? Ах, я уже вижу по выражению твоего лица, что нет. Тогда спрошу напрямую: почему нет?

— Ты действительно хочешь знать?

— Да.

— Потому что просто-напросто не верю в твои метафизические баналы о целях, планах и идущих откуда-то сверху замыслах творцов. Не верю также в ваше знаменитое предсказание Итлины и другие пророчества. Я считаю их, представь себе, точно такой же ерундой и мистификацией, как твоя наскальная картина. Фиолетовый бизон, Аваллак'х. Ничего больше. Не знаю, то ли ты не можешь, то ли не хочешь мне помочь. Однако я на тебя не в обиде...

— Говоришь, не могу или не хочу помочь? А как можно это сделать?

Геральт на мгновение задумался, прекрасно понимая, что от соответствующей формулировки вопроса зависит многое.

— Я найду Цири?

Ответ был дан незамедлительно.

— Найдешь, но только для того, чтобы тут же потерять. Насовсем, безвозвратно. Одного из своих спутников ты потеряешь в ближайшие же недели, возможно, дни. Может быть, даже часы.

— Благодарю.

— Я еще не кончил. Непосредственным и скорым результатом твоего вмешательства в перемалывающие жернова Цели и Плана будет смерть нескольких десятков тысяч людей. Что, впрочем, не имеет особого значения, поскольку вскоре после этого с жизнью расстанутся десятки миллионов человек. Мир, каким ты его знаешь, просто исчезнет, перестанет существовать, чтобы после определенного времени возродиться в совершенно ином виде. Но на этот-то раз никто не имеет и не будет иметь никакого влияния, никто не в состоянии этого предотвратить или повернуть пути свершений. Ни ты, ни я, ни чародеи, ни Знающие, Ведуны. Ни даже Цири. Никто. Что скажешь на это?

— Фиолетовый бизон. Тем не менее благодарю тебя, Аваллак'х.

— Однако же, — пожал плечами эльф, — меня интересует, что может сделать камушек, попадающий в жернова... Могу ли я еще что-то для тебя сделать?

— Пожалуй, нет. Ведь показать мне Цири, думается, ты не можешь?

— Кто тебе сказал?

Геральт затаил дыхание.

Аваллак'х быстро направился к стене пещеры, дав знак ведьмаку следовать за ним.

— Стены *Tír ná Béa Aíainne*, — указал он на искрящиеся друзы горного хрусталя, — обладают особыми свойствами. А я, без ложной скромности, обладаю особым искусством. Положи сюда руку. Вглядишься. Думай интенсивно. О том, как сильно ты сейчас ей нужен. И прояви, я так скажу, максимальное желание помочь. Думай о том, что хочешь мчаться ей на выручку, быть рядом, что-то

в этом роде. Изображение должно возникнуть само. И быть четким. Смотри, но воздержись от бурных реакций. И ничего не говори. Это будет изображение, а не связь.

Геральт так и сделал.

Первые картинки, вопреки заверению, не были четкими. Они были размытыми, но при этом столь неожиданными, что он невольно отпрянул. Отрубленная рука на крышке стола... Кровь, разбрызганная по стеклянной плите... Скелеты людей на скелетах лошадей... Йеннифэр, закованная в цепи.

Башня. Черная Башня. А за ней, в глубине... Полярное сияние?

И вдруг, совершенно неожиданно, без предупреждения изображение стало четким, даже слишком четким.

— Лютик! Мильва! — крикнул Геральт. — Ангулема!

— Что? — заинтересовался Аваллак'х. — Ах, да. Сдается мне, ты все испортил.

Геральт отскочил от стены. Чуть не перевернулся, задев за базальтовый постамент.

— Не важно, черт поберит! — крикнул он. — Слушай, Аваллак'х, мне необходимо как можно скорее добраться до друидского леса...

— Казд Мырквида?

— Кажется, так! Моим друзьям грозит смертельная опасность! Они борются за жизнь! Под угрозой и другие люди... Как можно скорее. Ах, дьяволище! Я возвращаюсь за мечом и конем...

— Ни один конь, — спокойно прервал эльф, — не сумеет донести тебя до леса Мырквид до наступления сумерек...

— Но я...

— Я еще не закончил. Иди за своим знаменитым мечом, а я тем временем подыщу тебе носителя. Прекрасного носителя по горным тропам. Это будет носитель, я бы сказал, немного нетипичный... Но благодаря ему ты будешь в Казд Мырквиде через неполных полчас.

От стука неслось лошадей — но на этом и кончалось подобие. Геральт когда-то присутствовал в Махакаме на краснолюдских состязаниях по объезде горных муфлонов, и это показалось ему тогда совершенно изумительным спортом. Но лишь теперь, сидя на спине мчащегося как ветер стука, он понимал, что такое истинная изумительность!

Чтобы не свалиться, он конвульсивно впивался пальцами в жесткие патлы и стискивал бедрами косматые бока чудища. Стукач вонял конским потом, мочой и водочным перегаром. Гнал, как сумасшедший, от ударов его гигантских ступней земля гудела так, словно подошвы у стукача были из бронзы. Чуть-чуть притормаживая, он взмывал на склоны, а спускался с них так быстро, что воздух завывал в ушах. Мчался по граням, крутым горным тропинкам и полкам таким узким, что Геральт зажмурился, чтобы

не глядеть вниз. Он перелетел через водопады, каскады, пропасти и расщелины, через которые не перепрыгнул бы муфлон, а каждый удачный прыжок сопровождался диким оглушительным ревом. То есть еще более диким и еще более оглушительным, чем обычно — потому что практически стучак ревел непрерывно.

— Не гони так! — Встречный ветер вгонял слова ведьмаку обратно в глотку.

— Почему ж?

— Ты же пил!

— Уууууаааааааа!

Дикая гонка продолжалась. В ушах свистело.

Стучак вонял.

Грохот огромных стоп о камень оборвался, загудели пролысины и щебень. Потом грунт сделался не таким каменистым, мигнуло что-то зеленым, это могли быть горные сосны. Потом мелькнуло зеленым и коричневым — это стучак в смертоубийственных прыжках мчался сквозь еловый лес. Запах смолы перемешивался с вонью чудища, создавая неповторимый букет.

— Уаааааааа!

Кончились ели, зашумела опавшая листва. Теперь кругом было красно, бордово, охрово и желто.

— Меееелеееннееей!

— Уааааахахахаха!

Стучак длинным прыжком перелетел через груды поваленных деревьев. Геральт чуть было не откусил себе язык.

Дикая скачка окончилась так же бесцеремонно, как и началась. Стучак врылся ступнями в землю, зарычал и скинул ведьмака на устланную листьями почву. Геральт какое-то время лежал, не в состоянии даже выругаться. Потом встал, шипя, и принялся массировать колено, в котором снова заговорила боль.

— Глянь-ка, ты так и не свалился, — удивленно отметил факт стучак. — Ну, ну.

Геральт промолчал.

— А ведь мы на месте. — Стучак указал косматой лапой. — Вот Казд Мырквид.

Внизу, под ними, раскинулась котловина, плотно забитая туманом, сквозь который просвечивали верхушки больших деревьев.

— Этот туман, — опередил вопрос стучак, принохиваясь, — не естественный. Кроме того, оттуда несет дымом. На твоём месте я б поспешил. Ийэ-э-эх, пошел бы я с тобой. Меня аж мутит, так хочется подраться! Я уж с дитячьих времен мечтал напасть на людей, да еще с ведьмаком на хребте! Но Аваллак'х запретил мне показываться. Тут дело в безопасности всего нашего общества.

— Знаю.

— Не обижайся, что я дал тебе по зубам.

- А я и не обижаюсь.
- Ты мужик что надо.
- Спасибо. За то, что подвез, — тоже.

Стучак выдвинул зубы из рыжей бороды идохнул водочным перегаром. Раз, но крепко.

- За то, что ехал на мне, — тоже благодарствую.

Туман, затягивающий лес Мырквид, был плотным и имел неправильную форму, напоминавшую грудку взбитой сметаны, которую наляпала на торт полудурная кухарка. Этот туман напомнил Геральту Брокилон — лес дриад частенько затягивало таким же плотным защитным и камуфлирующим магическим испарением. Наподобие брокилонской была и благородная и грозная атмосфера пуши, здесь, на опушке, состоящей в основном из ольхи и буков.

И совсем уж как в Брокилоне, на опушке леса, на устланной листьями дороге, Геральт почти споткнулся о трупы.

Зверски изрубленные люди были не друидами, не нильфгаардцами, наверняка не входили в банду Соловья и Ширру. Еще прежде чем Геральт рассмотрел в тумане контуры телег, он вспомнил, что Регис упоминал о пилигримах. Получалось, что для некоторых из них паломничество окончилось не очень счастливо.

Все ошутимее становился запах дыма и гари, неприятный во влажном воздухе. Он указывал путь. Вскоре к нему присоединились и голоса. Окрики. И фальшивая мяукающая музыка гуслей.

Геральт пошел быстрее.

На раскисшей от дождей дороге стоял воз. Рядом с колесами валялись очередные трупы.

В телеге шерудил один из бандитов, вываливая на дорогу груз и инструменты. Другой держал выпяженных лошадей, третий сдирал с убитого пилигрима шубу из чернобурки. Четвертый перепиливал смычком найденные, видимо, среди трупов гусли. Ему никак не удавалось извлечь из инструмента хотя бы один чистый звук.

Какофония помогла — приглушила шаги Геральта.

Музыка оборвалась резко, струны гуслей душераздирающе застонали, разбойник рухнул на листья и оросил их кровью. Державший лошадей бандит не смог даже крикнуть, сигилль перерезал ему горло. Третий не успел прыгнуть с воза, повалился рыча, с рассеченной бедренной артерией. Последний сумел выхватить меч из ножен. Но поднять его уже не успел.

Геральт стряхнул большим пальцем кровь со щеки.

— Да, сынки, — бросил он в сторону леса и запаха дыма. — Неумно вы поступили. Не надо было слушать Соловья и Ширру. Надо было оставаться дома.

* * *

Вскоре он наткнулся на новые телеги и новых убитых. Среди множества порубленных и зарезанных пилигримов лежали друиды в заляпанных кровью белых одеяниях. Дым уже недалекого пожара стался низко над землей.

На сей раз разбойники были бдительнее. Ему удалось захватить врасплох только одного, занятого стягиванием дешевеньких колечек и браслетов с окровавленных рук убитой женщины. Геральт не раздумывая рубанул бандита. Тотчас зарычали остальные — разбойники и нильфгаардцы — и с криком кинулись на него.

Он отскочил к лесу, под ближайшее дерево, так, чтобы ствол защищал спину. Однако не успели разбойники подбежать, как загудели копыта, и из кустов и мглы выдвинулся огромный конь, покрытый попоной в красно-золотые шашечки, расположенные по диагонали. Конь нес наездника в полном вооружении, снежно-белом плаще и шлеме с клювообразным решетчатым забралом. Прежде чем бандиты успели остыть, рыцарь уже рубил мечом налево и направо. Кровь лилась фонтанами. Зрелище было изумительное.

Однако Геральту некогда было любоваться роскошными картинками, у него у самого на шее сидели двое — разбойник в вишневой куртке и черный нильфгаардец. Разбойника, который открылся при выпаде, он хлопбыстнул по морде. Нильфгаардец, увидев, как у напарника вылетели зубы, взял, как говорится, ноги в руки и скрылся в тумане.

Геральта чуть было не истоптал конь в клетчатой попоне, бегущий без седока.

Он немедленно кинулся к тому месту, откуда доносились крики, ругань и грохот.

Три бандита стащили рыцаря в белом плаще с седла и теперь пытались прикончить. Один, расставив ноги на ширину плеч, дубасил топором, второй рубил мечом, третий, маленький и рыжий, зайцем скакал вокруг, поджидая возможности отыскать незащищенное место, в которое можно было бы всадить рогатину. Поваленный на землю рыцарь что-то нечленораздельно гудел внутри шлема и отбивал удары щитом, который держал обеими руками. После каждого удара топора щит опускался все ниже. Было ясно: еще один-два таких удара — и рыцарские внутренности полезут из всех щелей лат.

Геральт тремя прыжками пробился внутрь клубка дерущихся, ткнул в шею подпрыгивающего рыжика с рогатиной, широко хлестнул по брюху бандюгу, орудующего топором. Рыцарь, несмотря на явно мешающие ему латы, изловчился и треснул третьего разбойника по колену краем щита, потом трижды съездил по лицу так, что кровь забрызгала щит. Кое-как поднялся на колени и принялся шарить по

папоротникам в поисках меча, гудя при этом не хуже гигантского жестяного трутня. Вдруг увидел Геральта и замер.

— В чьих же я руках? — прогудел он из глубин шлема.

— Ни в чьих. Все, кто здесь лежит, — это и мои враги.

— Ага... — Рыцарь пытался поднять забрало, но металл был погнут и шарниры заблокировало. — Слово чести! Стократно благодарю за помощь.

— Что вы, что вы? Как можно? Ведь именно вы пришли на помощь мне.

— Серьезно? И когда же?

«Он ничего не видел, — подумал Геральт. — Он меня даже не заметил сквозь дырки в своем железном горшке».

— Как ваше имя? — спросил рыцарь.

— Геральт. Из Ривии.

— Ваш герб?

— Сейчас не время для геральдики, милсдарь рыцарь.

— Слово чести, вы правы, мужественный кавалер Геральт. — Рыцарь наконец отыскал свой меч и встал. Его погнутый щит, как и попона лошади, был украшен красно-золотыми шашечками. По полям щит обрамляли попеременно расположенные буквы *A* и *G*.

— Это не мой родовой герб, — загудел он, поясняя. — Это инициалы моей сюзеренки, княгини госпожи Анны-Генриетты. Меня зовут Рыцарем Шахматной Доски... Я — странствующий рыцарь. Имени своего и герба я не могу открывать. Я дал рыцарский обет. Слово чести, еще раз благодарю за помощь, кавалер.

— Полная взаимность. Полнейшая, Рыцарь без имени и герба!

Один из поваленных бандитов застонал и зашебурился в листве. Шашечно-шахматный рыцарь подскочил и мощным тычком пригвоздил его к земле. Разбойник задергал руками и ногами как приколотый булавкой паука.

— Поспешим, — сказал рыцарь. — Банда все еще здесь свирепствует. Слово чести, еще не время отдыхать!

— Верно, — согласился Геральт. — Банда буйствует в лесу, убивает пилигримов и друидов. Мои друзья в опасности...

— Простите, — перебил рыцарь. — Я отвлекусь на минуточку.

Другой разбойник еще подавал признаки жизни. И тоже был с размаху пригвожден, а задранными сверху ногами выкручивал такие кренделя, что у него даже сапоги слетели.

— Слово чести. — Шашечный рыцарь вытер меч куском меха. — Тяжко этим сволочам расставаться с жизнью! Не удивляйтесь, кавалер, что я раненых добиваю. Слово чести, давно так не поступал. Но эти мерзавцы приходят в себя так быстро, что порядочный человек только позавидовать может. С тех пор, как с одной такой шельмой мне довелось иметь дело три раза подряд, я взял за правило приканчивать их тщательнее. В смысле — так, чтобы уж наглухо.

— Понимаю, понимаю.

— Я, видите ли, рыцарь странствующий. Но, слово чести, не странный! О, вот и моя лошадь. Иди сюда, Буцефал!

Лес сделался просторнее и светлее. Основное место в нем стали занимать огромные дубы с раскидистыми, но редкими кронами. Геральт и рыцарь уже издалека почувствовали дым и вонь пожара. А через минуту и увидели.

Горели крытые камышом хаты, из которых состоял весь небольшой поселок. Горели тенты телег. Между телегами валялись трупы — многие в издалека заметных белых друидских одеждах.

Бандиты и нильфгаардцы, придавая себе храбрости ревом и скрываясь за телегами, которые толкали перед собой, атаковали большой, стоящий на сваях дом, привалившийся к стволу гигантского дуба. Дом был сложен из толстых бревен и крыт крутым гонтом, по которому без вреда для дома скатывались забрасываемые бандитами факелы. Осажденный дом защищался и успешно огрызался — на глазах Геральта один из бандитов неосторожно высунулся из-за телеги и рухнул, словно громом пораженный, со стрелой в черепе.

— Твои друзья, — проявил сообразительность шахматно-шашечный рыцарь, — должны быть в этом доме! Слово чести, крепко их осадили! Вперед, поспешим на помощь!

Геральт услышал скрипящие выкрики и приказы, узнал разбойника Соловья с перевязанной харей. Какое-то мгновение видел и полуэльфа Ширру, прячущегося за спины нильфгаардцев в черных плащах.

Неожиданно взревели рога, да так, что листья посыпались с дубов. Загудели копыта боевых коней, заблестели латы и мечи атакующего рыцарства. Бандиты с криками разбежались в разные стороны.

— Клянусь честью! — рявкнул Шахматный Рыцарь, подгоняя коня. — Это мои друзья! Нас опередили! Вперед, чтобы и нам немного хвалы досталось! Бей-убивай!

Пустив Буцефала в галоп, Шахматный Рыцарь налетел на разбегающихся бандитов первым, мгновенно зарубил двоих, остальных разогнал не хуже, чем ястреб воробьев. Двое свернули в сторону подбежавшего Геральта, ведьмак тут же расправился с ними.

А третий выстрелил в него из «гавриила». Миниатюрные самострелы избрал и запатентовал некий Гавриил, ремесленник из Вердэна. Рекламировал он их словами: «Защити себя сам. Вокруг тебя махровым цветом цветут бандитизм и насилие. Закон бессилен и неповоротлив. Защити себя сам! Не выходи из дома без карманного самострела марки «Гавриил». Гавриил — твой защитник. Гавриил защитит тебя и твоих близких».

Распродавались мини-самострелы в рекордных количествах. Вскоре исключительно удобными при нападении «гавриилами» вооружились все бандиты.

Геральт был ведьмаком, умел уклоняться от стрелы. Но он забыл о больном колене, вольт запоздал на дюйм, листовидный наконечник разорвал ему ухо. Боль ослепила, но всего лишь на мгновение. Бандит не успел натянуть тетиву и «защитить себя сам». Разъяренный Геральт рубанул его по рукам, а потом выпустил из него кишки широким ударом сигилля.

Он даже не успел стереть кровь с уха и шеи, когда на него налетел маленький и шустрый как ласка типус с неестественно пылающим взором, вооруженный кривой зерриканской саблей, которую он крутил с поразительной ловкостью. Он уже парировал два удара Геральта. Отменная сталь клинков звенела, рассыпая искры.

Ласкотипус был быстр и внимателен — моментально заметил, что ведьмак прихрамывает, и тут же начал обходить его и нападать с удобной для себя стороны. Да, он был невероятно быстр, острие саберры прямо-таки выло при взмахах, выполняемых очень опасными перекрестными движениями. Геральту все труднее было уходить от ударов. И он все сильнее припадал на больную ногу, вынужденный опираться на нее.

Неожиданно Ласка пригнулся, прыгнул, проделал ловкий финт и ударил с размаху. От уха. Геральт парировал наискось и отбил. Бандит ловко вывернулся и уже шел согнувшись, чтобы ударить снизу, очень опасно, но тут вдруг выпучил глаза, могуче чихнул и пустил соплю, на мгновение ослабив защиту. Ведьмак молниеносно секанул его по шее. Острие дошло до позвонков.

— Ну и пусть кто-нибудь скажет, — тяжело вздохнул он, глядя на дергающийся труп, — что пользоваться фисстехом не вредно.

Налетевший на него с поднятой палицей бандит споткнулся и рухнул носом в грязь. Из затылка у него торчала стрела.

— Я иду, ведьм! — крикнула Мильва. — Иду! Держись!

Геральт обернулся, но рубить уже было некого. Мильва застрелила единственного оставшегося рядом бандита. Остальные сбегали в лес, преследуемые разномастным рыцарством. Нескольких гонял на Буцефале Рыцарь Шахматной Доски. Видимо, догнал, потому что было слышно, как зверски он сквернословит в лесу.

Один из черных нильфгаардцев, не до конца убитый, вдруг вскочил и кинулся бежать. Мильва мгновенно подняла и натянула лук, завыли перья, нильфгаардец ткнулся лицом в опавшую листву. Между лопаток торчала стрела.

Лучница тяжело вздохнула.

— Повесят.

— Чего ради?

— Нильфгаардец же. А здесь Нильфгаард. И я уж второй месяц как стреляю в основном в имперских.

— Туссент здесь, а не Нильфгаард. — Геральт пощупал голову, отнял руку. Вся в крови.

— Черт! Глянь-ка, Мильва, что там такое?

Лучница глянула внимательно и критически, потом сказала:

— Просто тебе ухо оторвало. Ничего страшного.

— Тебе легко говорить. Я, понимаешь ли, любил это ухо. Помоги чем-нибудь обмотать, а то кровь за ворот течет. Где Лютик и Ангулема?

— В халупе, с пилигримами... А, зараза...

Затопали копыта, из тумана галопом вынеслись три наездника на боевых конях. Развелись плащи, трепыхались флажки на пиках. Еще не умолк их боевой клич, а Геральт уже ухватил Мильву за руку и затащил под телегу. Не следует шутить с теми, кто нападет, вооруженный четырнадцатифутовыми копьями, позволяющими эффективно поражать противника в десяти футах перед головой коня.

— Вылазь! — Кони рыцарей рыли подковами землю рядом с телегой. — Бросай оружие и вылезай!

— Повесят! — буркнула Мильва. И вполне могла быть права.

— Эй, голодранцы! — звонко рыкнул один из рыцарей, у которого на щите была нарисована черная бычья голова на серебряном поле. — Эй, шелупонь, повесим, слово чести!

— Слово чести, — подхватил юношеским голосом другой, вооруженный одноцветным голубым щитом. — На месте иссечем!

— Эге-гей! Хватит! Стоять!

Из тумана возник на Буцефале Рыцарь Шахматной Доски. Ему наконец-то удалось поднять искореженное забрало шлема, из-за которого теперь торчали буйные светлые усы.

— Освободить их, да поживее! — крикнул он. — Это не грабители, а честные и порядочные люди! Девушка мужественно встала на защиту пилигримов, а этот кавалер — прекрасный рыцарь!

— Прекрасный рыцарь? — Бычья Голова поднял забрало шлема, весьма недоверчиво пригляделся к Геральту. — Слово чести! Быть не может!

— Слово чести! — Шахматный Рыцарь ударил себя кулаком по нагруднику лат. — Быть может! Даю слово! Этот мужественный кавалер жизнь мне спас, когда я оказался в тяжелейшем положении, поваленный на землю бандюгами. Его зовут Геральт из Ривии.

— Герб?

— Я не могу выдавать, — проворчал ведьмак. — Ни настоящего имени, ни герба. Дал рыцарский обет. Я — странствующий Геральт.

— О-о-о-о! — завопил вдруг знакомый нахальный голос. — Гляньте-ка, кого кот принес! Ну, говорила ж я тебе, тетечка, что ведьмак наверняка придет нам на помощь!

— И в самую пору! — крикнул подходящий с Ангулемой и группой перепуганных пилигримов Лютик, несущий лютню и свою неразлучную тубу. — Ни на секунду раньше! У тебя изумительное чувство драматизма, Геральт. Ты должен писать пьесы для театров!

Он вдруг умолк. Бычья Голова наклонился в седле, глаза у него загорелись.

— Виконт Юлиан?

— Барон де Пейрак-Пейран?

Из-за дубов выехали еще два рыцаря. Один, в горшкообразном шлеме, украшенном очень удачно выполненным чучелом белого лебедя с раскинутыми крыльями, вел на аркане двух пленных. Второй рыцарь, странствующий, но практичный, готовил веревки и подыскивал соответствующий сук.

— И не Соловей. — Ангулема заметила взгляд ведьмака. — И не Ширру. Жаль.

— Угу, — согласился Геральт. — Но попытаемся исправить дело. Милсдарь рыцарь...

Но Бычья Голова — он же барон де Пейрак-Пейран — не обращал на него внимания. Видел он, казалось, одного только Лютика.

— Слово чести, — протянул он. — Да уж не подводит ли меня зрение? Это ж милостивый государь виконт Юлиан собственной персоной! Хо! Ну, вот государыня-то княгиня обрадуется!

— Что еще за виконт Юлиан? Кто таков? — полюбопытствовал ведьмак.

— Это я, — вполголоса сказал Лютик. — Не вмешивайся, Геральт.

— Да уж, вот обрадуется госпожа Анарьетта, — повторил барон де Пейрак-Пейран. — О, уж да. Слово чести! Всех вас забираем в замок Боклер. Только без отговорок, виконт, никакие отговорки и слушать не стану!

— Часть разбойников сбежала. — Геральт позволил себе довольно холодный тон. — Для начала предлагаю их выловить. Потом подумаем, как продолжить столь увлекательно начавшийся день. Как вы на это, милостивый государь барон?

— Слово чести, — сказал Бычья Голова. — Ничего из этого не получится. Погоня невозможна. Преступники сбежали за ручей, а нам за ручей даже ногой ступить нельзя, даже краешком копыта. Тамошняя часть леса Мырквид — неприкосновенное святилище, святая святых в соответствии с компактатами*, заключенными с друидами милостиво правящей в Туссенте ее высочеством княгиней Анной-Генриеттой...

— Но туда сбежали разбойники, черт побери, — в бешенстве прервал Геральт, — и теперь начнут в этой святой святых людей мордовать и убивать! А мы тут о каких-то компактатах чушь несем...

— Мы дали рыцарское слово! — Похоже, барону де Пейрак-Пейрану подходила бы на щите не бычья, а баранья голова. — Нельзя никак! Компактаты! Ни шагу на друидскую территорию!

— Кому нельзя, тому не можно, — фыркнула Ангулема, таща за трензеля двух бандитских лошадей. — Кончай пустой треп, ведь-

* Компактат (от лат. Compactum) — договор, соглашение.

мак. Едем. У меня еще не закончены расчеты с Соловьем, а ты, если не ошибаюсь, хотел бы малость потолковать с полуэльфом.

— Я с вами! — сказала Мильва. — Подыщу только какую-нибудь кобылу.

— Я тоже, — пробормотал Лютик. — Я тоже с вами...

— О, что нет, то уж нет! — воскликнул бычьеголовый барон. — Слово чести, милсдарь виконт Юлиан поедет с нами в замок Боклер. Княгиня не простит нам, если мы его встретим, да не приведем. Вас не задерживаем, вы свободны в своих планах и свершениях. Как друзей виконта Юлиана ее высочество госпожа Анарьетта с удовольствием достойно приняла бы в замке и знатно угостила, но ничего не поделаешь, если вы брезгуете приглашением...

— Мы не брезгем, — прервал Геральт, грозным взглядом удерживая Ангулему, которая за спиной барона выделявала согнутой в локте рукой всяческие паскудные и обидные жесты. — Мы далеки от того, чтобы брезговать. Мы не преминем поклониться княгине и воздать ей соответствующие почести. Однако вначале dokonчим то, что докончить обязаны. Мы тоже дали слово, можно даже сказать, тоже заключили кое с кем компактаты. Как только мы с ними разделаемся, незамедлительно направимся в замок Боклер. Прибудем туда тотчас и в обязательном порядке.

— Хотя бы только ради того, — добавил он многозначительно и с нажимом, — чтобы присмотреть, дабы никакой вред и неуважение не были нанесены там нашему другу Лютику. То бишь, тьфу ты, Юлиану. Виконту, значит.

— Слово чести! — рассмеялся вдруг барон. — Никакого вреда или неуважения не будет проявлено виконту Юлиану, готов поклясться! О, кстати, совсем забыл сказать, виконт: князь-то Раймунд скончался два года назад от апоплексического удара. Увы нам!

— Хо-хо! — воскликнул Лютик, бурно расцветая. — Князек-то чебурахнулся, стало быть! Вот так шикарная и радостная новость... То есть, я хотел сказать, какая жалость и печаль, какое несчастье и утрата... Пусть ему земля будет прахом, в смысле — пухом... Однако, если все обстоит именно так, то едемте в Боклер поскорее, господа рыцари! Геральт, Мильва, Ангулема — до встречи в замке!

Они перешли вброд ручей, загнали лошадей в лес, меж раскидистых дубов, в доходящие до стремян папоротники. Мильва просто нашла след убегающей шайки. Поехали с максимально возможной скоростью. Геральт опасался за друидов. Боялся, что остатки недобитой банды, почувствовав себя в безопасности, решат отыгаться на друидах за разгром, учиненный им странствующим рыцарем из Туссента.

— Ну, лафа Лютику, — неожиданно сказала Ангулема. — Когда нас соловьи окружили в халупе, он признался мне, чего боится в Туссенте. Повезло поэту.

— Я догадывался, — отозвался ведьмак. — Только не думал, что он так высок! нацелился. Госпожа княгиня, ничего себе!

— Это было несколько лет назад, а князь Раймунд, тот, что чебурахнулся, вроде бы поклялся вырвать у поэта сердце, запечь его и подать неверной благоверной княгине на ужин. И заставить съесть. Подфартило нашему цветику, что не попал он князю в лапы, когда тот еще в силе был. Нам тоже повезло...

— Это еще бабка надвое сказала.

— Лютик утверждает, что княгиня Анарьетта влюблена в него до умопомрачения.

— Обычное Лютиково бахвальство.

— Заткнитесь, — буркнула Мильва, натягивая поводья и взявшись за лук.

Перебегая от дуба к дубу, в их сторону мчался разбойник, без шапки, без оружия. Ничего не видя и не замечая вокруг, он бежал и падал, вставал, снова бежал и снова падал. И при этом орал. Тонко, пронзительно, жутко.

— В чем дело? Что такое? — удивилась Ангулема.

Мильва молча натянула лук. Но стрелять не стала, ждала, пока бандит приблизится, а тот бежал прямо на них, словно их не видя. Пробежал между конями ведьмака и Ангулемы. Они видели его лицо, белое как сметана и искривленное ужасом, видели выпученные глаза.

— Какого черта? — повторила Ангулема.

Мильва отряхнулась от оцепенения, повернулась в седле и послала стрелу беглецу в крестец. Разбойник зарычал и рухнул в папоротники.

Земля содрогнулась. С ближнего дуба посыпались желуди.

— Интересно, — сказала Ангулема, — от чего он так драпал...

Земля задрожала снова. Зашелестели кусты, затрещали ветви.

— Да что ж это такое-то? — чуть не простонала Мильва, поднимаясь на стременах. — Что, говорю, такое, ведьмак?

Геральт поднял глаза, увидел и громко вздохнул. Ангулема тоже увидела. И побледнела.

— А, курва...

Конь Мильвы тоже увидел, панически заржал, поднялся на дыбы, а потом поддал крупом. Лучница вылетела из седла и тяжело повалилась на землю. Конь помчался в лес. Кобыла ведьмака, не раздумывая, бросилась за ним следом, неудачно выбрав дорогу под низко свисающей веткой дуба. Ветка смела ведьмака с седла. От удара и боли в колене он едва не потерял сознание.

Ангулеме дольше других удавалось удерживать разбушевавшегося коня, но в конце концов и она оказалась на земле, а конь сбежал, чуть не растоптав поднимающуюся с земли Мильву.

И тогда они четко увидели то, что на них надвигалось. И совершенно, то есть абсолютно, перестали удивляться панике животных.

Существо напоминало гигантское дерево, раскидистый вековой дуб, а может, оно и было дубом. Но очень уж дубом нетипичным. Вместо того чтобы позволять бегать по себе белочкам и гадить на себя коноплинкам, этот дуб резво вышагивал по лесу, мерно топал толстыми корнями и размахивал ветвями. Толстый ствол — или туловище? — чудища на глаз был саженей двух в диаметре, а зияющее в нем дупло было, пожалуй, не дуплом, а пастью, потому что чавкало со звуком, напоминающим хлопанье тяжелых дверей.

Хоть под его гигантским весом земля дрожала так, что было трудно удержать равновесие, существо мчалось по выбоинам и колдобинам удивительно ловко. И делало это не без цели.

На их глазах оно замахало ветками, свистнуло веточками и выловило из ямы спрятавшегося бандита так же ловко, как аист вылавливает из травы притаившуюся там лягушку. Оплетенный ветвями мерзавец повис в кроне, воя так пронзительно, что аж зубы ныли. Геральт увидел, что в кроне чудовища уже висят три таким же образом схваченных разбойника. И один нильфгаардец.

— Бегите... — прошептал он, тщетно пытаясь встать. Ощущение было такое, будто в колено кто-то ритмично вколачивал раскаленный добела гвоздь. — Мильва, Ангулема... Бегите...

— Мы тебя не оставим!

Дубочуд услышал, радостно притопнул корнями и направился в их сторону. Ангулема, напрасно пытаясь поднять Геральта, выругалась особо цветисто и мерзопакостно. Мильва дрожжащими руками пробовала поставить стрелу на тетиву. Это было бессмысленно и глупо.

— Бегите!

Поздно. Дубочуд был уже рядом. Парализованные ужасом, они теперь отчетливо видели его добычу — четырех разбойников, висевших в оглетающих их ветках. Двое были явно живы, потому что издавали хриплые стоны и дрыгали ногами. Третий, кажется, потерявший сознание, висел безвольно. Чудовище явно старалось хватать их живыми. Но с четвертым пойманным ему не повезло, вероятно, по невнимательности оно слишком сильно его сдавило, что было видно по вытаращенным глазам жертвы и языку, вывалившемуся далеко, аж на испачканный кровью и рвотой подбородок.

В следующую секунду они тоже висели в воздухе, оплетенные ветками, и все трое орало во весь голос.

— Вылавливай, — услышали они снизу, со стороны корней, — Деревушко, вылавливай.

За дубочудом, легонько подгоняя его прутиком, бежала молодая друидка в белой одежде и веночке из цветов.

— Не обижай их, Деревушко, не стискивай. Нежненько. Вылавливай...

— Мы не бандиты... — простонал сверху Геральт, едва выжимая голос из стиснутой ветками груди. — Вели ему нас отпустить. Мы ни в чем не виноваты...

— Все так говорят. — Друидка отогнала бабочку, кружащую у нее над бровью. — Вылавливай, вылавливай, вылавливай, Деревушко...

— Я обоссалась... — застонала Ангулема. — Хрен вас побери, обоссалась.

Мильва только закашлялась. Голова упала у нее на грудь. Геральт грязно выругался. Это было единственное, что он мог сделать.

Подгоняемый друидкой дубочуд резво бежал по лесу. Все — кто еще был в сознании — шелкали зубами в ритм подскокам существа. Так что аж эхо разливалось.

Спустя немного они оказались на просторной поляне. Геральт увидел группу одетых в белое друидов, а рядом второго дубочуда. У этого улов был пожиже — с его веток свисали всего три бандита, из них в живых был, пожалуй, только один.

— Преступники, разбойники, бесчестные, подлые, низкие людишки, — проговорил снизу один из друидов, старец, опирающийся на длинный посох. — Присмотритесь к ним как следует. Посмотрите, какое наказание ждет в лесу Мырквид преступников и негодяев. Посмотрите и запомните. Мы отпустим вас, чтобы обо всем сейчас увиденном вы смогли рассказать другим. Как предостережение.

В самом центре поляны вздымалась огромная куча бревен и хвороста, а на куче, подпертая слегами, стояла сплетенная из ивовых прутьев клетка в форме огромной неуклюжей куклы. Клетка была забита орущими и дергающимися людьми. Ведьмак четко слышал лягушачьи вопли, хриплые, скрипучие стоны Соловья-разбойника. Видел белое как полотно, искривленное паническим страхом лицо полуэльфа Ширру, прижатое к ивовой плетенке.

— Друиды! — заорал Геральт, вкладывая в крик все силы. — Госпожа фламиника! Я — ведьмак Геральт!

— Не поняла, — отозвалась снизу высокая худощавая женщина с прихваченными на лбу венком из омелы волосами цвета серой стали, ниспадающими на спину.

— Я Геральт... Ведьмак... Друг Эмиеля Региса...

— Повтори, я не расслышала.

— Гера-а-альт! Друг вампира!

— Ах! Ну, так и надо было сразу же!

По данному стальноволосой друидкой знаку дубочуд опустил их на землю. Не очень нежно. Они упали, не в силах подняться. Мильва была без сознания, кровь текла у нее из носа. Геральт с трудом встал на колени, наклонился к ней.

Стальноволосая фламиника, стоявшая рядом, кашлянула. Лицо у нее было очень худощавое и даже костлявое. Неприятно напоминавшее череп, обтянутый кожей. Ее васильковые глаза смотрели добро и мягко.

— У нее, кажется, сломаны ребра, — сказала она, глядя на Мильву. — Но мы сейчас это подправим. Наши целители незамедлительно окажут ей помощь. Я сожалею о случившемся. Но откуда было знать, кто вы такие? Я не приглашала вас в Саег Myrkvid и не давала согласия войти в наши владения. Правда, Эмиель Регис поручился за вас, но присутствие в нашем лесу ведьмака, платного убийцы живых созданий...

— Я немедленно уйду, уважаемая фламиника, — заверил Геральт, — как только...

Он осекая, видя друидов с горящими лучинами, подходящих к костру и забитой людьми ивовой кукле.

— Нет! — крикнул он, сжимая кулаки. — Стойте!

— Эта клетка, — сказала фламиника, словно и не слыша его, — должна была служить зимней кормушкой для голодающих животных и стоять в лесу, заполненная сеном. Но когда мы схватили этих мерзавцев, я вспомнила о гнусных сплетнях и наветах, которые распространяют о нас люди. Хорошо, подумала я, вы получите вашу Ивовую Бабу. Вы сами придумали этот вызывающий ужас кошмар, ну, так я вам его обеспечу...

— Прикажи им остановиться, — выдохнул ведьмак, — почтенная фламиника... Не поджигайте... У одного из бандитов есть важные для меня сведения...

Фламиника скрестила руки на груди. Ее васильковые глаза по-прежнему были мягкими и добрыми.

— О нет, — сказала она сухо. — Нет и нет. Я не верю в институт коронного свидетеля. Избежать кары — ненормально.

— Стойте! — рявкнул ведьмак. — Не подкладываете огонь. Стой...

Фламиника сделала рукой короткий жест, а дубочуд, все еще стоявший поблизости, затопал корнями и положил ведьмаку ветку на плечо. Геральт с размаху сел.

— Подкладываете огонь! — приказала фламиника. — Досадно, ведьмак, но так должно быть. Мы, друиды, ценим и почитаем жизнь в любом ее проявлении. Но даровать жизнь преступникам — обычная глупость. Преступников отпугивает только ужас. Поэтому я покажу им пример ужаса. Очень надеюсь на то, что мне не придется этот пример повторять.

Хворост занялся мгновенно, костер вспыхнул, забился пламенем. Вырывающиеся из Ивовой Бабы рев и вопли поднимали волосы на голове. Разумеется, это невозможно было услышать в усиливающемся треске огня и какофонии, но Геральту почудилось, что он различает отчаянный хрип Соловья и высокие, полные боли крики полуэльфа Ширру.

«Он был прав, — подумал ведьмак, — смерть не всегда бывает одинаковой».

А потом — далеко не сразу — костер и Ивовая Баба наконец милостиво вспыхнули адом гудящего огня, в котором не могло выжить ничто.

— Твой медальон, Геральт, — сказала стоявшая рядом с Геральтом Ангулема.

— Не расслышал, — откашлялся он, прочищая стиснутое кошмаром горло. — Что ты сказала?

— Твой серебряный медальон с волком. Он был у Ширру. Теперь ты его потерял насовсем. Он расплавился в этом жару.

— Что делать, — ответил ведьмак после короткого молчания, глядя в васильковые глаза фламиники. — Я больше не ведьмак. Я перестал быть ведьмаком. На Танедде, в Башне Чайки, в Брокилоне, на мосту через Яругу. В пещере под Горгоной. И здесь, в лесу Мырквид... Нет, теперь я уже не ведьмак. Придется, видно, обходиться без ведьмачьего медальона.

Король безгранично любил свою супругу, а она всем сердцем любила его. Такая любовь просто не могла не окончиться трагически.

Флоуренс Деланной.
«Сказки и предания»

ДЕЛАННОЙ Флоуренс, языковед и историк, родился в 1432 году в Виковаро, в 1460—1475 годах — секретарь и библиотекарь при императорском дворе. Неутомимый исследователь народных легенд и сказаний, автор множества трактатов, считающихся памятниками древнего языка и литературы северных регионов Империи. Из его произведений самыми значительными являются: «Мифы и легенды народов Севера», «Сказки и предания», «Неожиданность, или Миф Старшей Крови», «Сага о ведьмаке», а также «Ведьмак и ведьмачка, или Неустанные поиски». С 1476 года — профессор академии в Кастель Граупиане, где скончался в 1510 году.

Эффенберг и Тальбот.
Encyclopedia Maxima Mundi, том IV

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

С моря дул сильный ветер, хлопал парусами; мелкий дождь, будто мелкий град, колот лицо. Вода в Большом Канале была свинцовая, изморщенная ветром, исклеванная оспинками дождя.

— Сюда, милсдарь. Извольте сюда. Лодка ждет.

Дийкстра тяжело вздохнул. Он уже по горлышко был сыт морским переходом, облегчение принесли те несколько минут, когда он чувствовал под ногами твердый и неколебимый камень набережной, и теперь ему делалось дурно при одной только мысли о необходимости снова подниматься на покачивающуюся палубу. Но делать было нечего — Лан Эксетер, зимняя столица Ковира, принципиально отличалась от других столиц мира. В порту Лан Эксетера прибывшие морем путешественники высаживались с кораблей на каменные набережные только для того, чтобы тут же пересесть на очередное плавсредство — изящную многовесельную лодку с высоко задранном носом и лишь чуть менее задранной кормой. Лан Эксетер стоял на воде в широком устье реки Танго. Роль улиц здесь выполняли каналы, и все городское сообщение осуществлялось на лодках.

Он вошел в лодку, поздоровавшись с реданским послом, ожидавшим у трапа. Отвалили от набережной, весла размеренно ударили по воде, лодка двинулась, набрала скорость. Реданский посол молчал.

«Посол, — машинально подумал Дийкстра. — Уж сколько лет Редания посылает в Ковир послов? Сто двадцать, не меньше. Уже сто двадцать лет Ковир и Повисс считаются в Редании зарубежьем. А ведь так было не всегда».

Территории, лежащие к северу, вдоль залива Пракседы, Редания издавна считала своими ленами. Ковир и Повисс были — как говорили при третогорском дворе — апанажем* в коронной опра-

* Апанаж — земельное владение, предоставлявшееся некоронованным членам королевской семьи.

ве. Очередные правящие там апанаж-графы именовались Тройден-нидами, поскольку вели свое происхождение — или же утверждали, что вели — от общего предка, Тройдена. Означенный принц Тройден был родным братом короля Редании Радовида Первого, того, которого впоследствии прозвали Великим. Уже в юности этот Тройден был типом сластолюбивым и исключительно вредным. Страшно было подумать, во что с годами он разовьется. Король Радовид — который в этом случае не был исключением — брата ненавидел как моровую язву. Поэтому, чтобы отделаться, отодвинуть его как можно дальше от себя, назначил апанаж-графом Ковира. Однако отодвинуть дальше Ковира не удалось.

Апанаж-граф Тройден формально считался вассалом Редании, но вассалом нетипичным: не имел никаких ленных обязанностей и тягот. Да что там, ему не надо было даже приносить чисто церемониальной ленной присяги, от него требовали только так называемого обязательства не вредить. Одни утверждали, что Радовид просто-напросто смилился, зная, что ковирского «камня в коронной оправе» не хватит ни на дань, ни на сервитуты. Другие же полагали, что Радовид просто-напросто на дух не переносил апанаж-графа и его начинало тошнить при одной только мысли, что братец может лично явиться в Третогор за деньгами либо военной помощью. Как было в действительности, не знал никто. Но как оно было, так и осталось. Долгие годы после смерти Радовид Первого в Редании по-прежнему действовал закон, введенный во времена великого короля. Во-первых, графство Ковир является вассалом, но не обязано ни платить дани, ни служить. Во-вторых, ковирский апанаж является выморочным поместьем и наследование идет исключительно по линии дома Тройденидов. В-третьих, Третогор не вмешивается в дела дома Тройденидов. В-четвертых, членов дома Тройденидов не приглашают в Третогор на торжества, связанные с проведением государственных праздников. В-пятых — и на другие празднования тоже.

О том, что творится на Севере, в принципе мало кто знал, да и мало кого это интересовало. До Редании доходили — в основном окольными путями, через Каздвен — сведения о конфликтах ковирского графства с северными владыками рангом поменьше. О перемириях и войнах — с Хенгфорсом, Маллеорой, Крейденем, Тальгаром и другими государствишками с трудно запоминающимися названиями. Кто-то там кого-то покорил и поглотил, вот-вот с кем-то объединится в результате династических союзов, кто-то кого-то раздолбал и изничтожил — в общем-то не шибко было известно кто, кого, когда и почему.

Однако просачивающиеся известия о войнах и драчках привлекали на Север массу всяческих забияк, авантюристов, любителей приключений и других беспокойных духом людей, мотающихся по свету в поисках добычи и возможности выжить. Таковые

тянулись со всех сторон света, даже из столь удаленных, казалось бы, стран, как Цинтра или Ривия. Однако в основном шли обитатели Редании и Каздвена. И прежде всего именно из Каздвена двигались в Ковир конные отряды, правда, без обозов — разнесся даже слух, что во главе одного отряда ехала знаменитейшая Аиде-ен, взбунтовавшаяся против отца внебрачная дочь каздвенского монарха. В Редании поговаривали, что при дворе в Ард Каррайге вынашивают замыслы аннексии северного графства и отделения его от королевства Реданского. Кто-то даже начал вещать о необходимости вооруженной интервенции.

Однако Третого демонстративно известил, что Север его нисколько не интересует. Как заявили королевские юристы, существует принцип взаимности: у ковирского апанажа нет никаких обязанностей и повинностей перед короной, а посему корона не уделяет помощи Ковиру. Тем более что Ковир ни о какой помощи никогда и не просил.

Тем временем из ведущихся на Севере войн Ковир и Повисс выходили все более сильными и могущественными. Мало кто в то время об этом знал. Самым очевидным сигналом растущего могущества Севера был все более интенсивный экспорт.

О Ковире десятки лет говорили, что единственное его богатство — песок и морская вода. Шуточку вспомнили, когда ковирские фабрики и солеварни фактически монополизировали всемирный рынок стекла и соли.

Но хоть сотни людей пили из стаканов со знаками ковирских фабрик и солили супы повисской солью, в человеческом сознании эта страна оставалась невероятно далекой, недоступной, суровой и недружественной. А прежде всего — иной.

В Редании и Каздвене вместо «иди ты ко всем чертям» говорили «отправляйся в Повисс». «Если вам у нас не нравится, — говаривал мастер своим строптивым челядникам, — можете проваливать в Ковир». «Здесь вы ковирских порядков не дождетесь!» — кричал профессор разболтавшимся жакам. «Иди в Повисс умничать!» — орал кмет на сына, критикующего прадедовское орало и подсечно-огневую систему земледелия.

Короче: тот, кому не нравятся теперешние порядки, может отправляться в Ковир.

Адресаты таких высказываний мало-помалу начали задумываться и вскоре заметили, что ведь и верно, дорогу в Ковир и Повисс никто, то есть совершенно никто и ничто, не заграждает. На Север двинулась вторая волна эмиграции. Как и предыдущая, эта в основном состояла из недовольных чудаков, которые отличались от других и желали другого. Но на сей раз это были уже не разругавшиеся с жизнью и ни к чему не пригодные авантюристы. Во всяком случае, не только они одни.

На Север потянулись ученые, которые верили в свои теории, хотя «люди здравомыслящие» объявляли эти теории вздорными, сумасшедшими и нереальными. Техники и конструкторы, убежденные, что вопреки всеобщему мнению все же возможно построить придуманные ими машины и устройства. Чародеи, для которых применение магии для установки волноломов не было святотатственным преступлением. Купцы, которым перспектива развития оборота способна была распахнуть жесткие, статичные и близорукие границы риска. Землепашцы и животноводы, убежденные, что даже самые отвратительные почвы возможно превратить в урожайные поля, что путем селекции всегда можно вырастить такие разновидности животных, для которых данный климат будет родным.

На Север потянулись горняки и геологи, для которых суровость диких гор и скал Ковира была безошибочным сигналом, что если поверх земли раскинулась такая скудость, то, значит, под землей должно скрываться богатство. Ибо природа обожает равновесие.

Да, под землей были богатства.

Прошло четверть века, и Ковир добывал столько полезных ископаемых, сколько Редания, Аэдирн и Каэдвен, вместе взятые. Добычей и переработкой железных руд Ковир уступал только Махакаму, но в Махакам шли из Ковира металлы, используемые для изготовления сплавов. На Ковир и Повисс приходилась четверть всемирной добычи руд серебра, никеля, олова, свинца и цинка, половина добычи медной руды и самородной меди, три четверти добычи марганцевой руды, хрома, титана и вольфрама, столько же добычи металлов, выступающих только в самородной форме: платины, самородного феррита, криобелита, двумерита.

И свыше восьмидесяти процентов мировой добычи золота.

Того самого золота, на которое Ковир и Повисс закупали то, что на Севере не росло и не выращивалось. И то, чего Ковир и Повисс не изготавливали. Не потому, что не могли или не умели. Просто это было невыгодно. Ремесленник из Ковира или Повисса, сын либо внук прибывшего с мешком на спине эмигранта, зарабатывал теперь в четыре раза больше, чем его собрат в Редании или Темерии.

Ковир хотел бы торговать со всем миром все шире и шире. Но не мог.

Королем Редании стал Радовид Третий, которого с Радовидом Великим, его прадедом, объединяло имя, а также хитрость и скупость. Король сей, которого прихвостни и агиографы нарекли Смелым, а все остальные — Рыжим, заметил то, чего до него никто как-то замечать не хотел. Почему от гигантской торговли, которую ведет Ковир, Редания не имеет ни шелонга? Ведь Ковир — это ж всего-навсего ничего не значащее графство, всего лишь незначительная драгоценность в реданской короне. Пришла пора кови́рскому вассалу начать служить сюзерену.

Приключилась к тому соответствующая оказия — у Редания был пограничный спор с Азирном. Речь, как всегда, шла о долине Понтара. Радовид Третий решил на вооруженное выступление и начал к нему готовиться. Ввел специальный налог на военные цели, который назвал «Понтарской десятиной». Налог обязан был платить каждый подданный и вассал. То есть все. Ковирский апанаж тоже. Рыжий потирал руки: десять процентов с доходов Ковира — это было что-то!

В Понт Ванис, который слыл незначительным городишкой с деревянным частоколом, отправились реданские послы. Вернувшись, принесли Рыжему потрясающее известие: Понт Ванис никакой не городишко. Это гигантский город, летняя столица королевства Ковир, владыка которого король Гедовиус настоящим шлет королю Радовиду нижеприведенный ответ.

Королевство Ковир не является ничьим вассалом. Все претензии и притязания Третогоора безосновательны и исходят из мертвой буквы закона, коий никогда не имел силы. Короли Третогоора никогда не были суверенами властителей Ковира, ибо властители Ковира — что легко проверить в анналах — никогда не платили Третогоору дани, никогда не несли воинской повинности и — что самое главное — никогда не приглашались на торжества, связанные с проведением государственных праздников. И на другие торжества — тоже.

Гедовиус, король Ковира, передали послы, сожалеет, но не может признать короля Радовида своим сеньором и сюзереном... и уж тем более не намерен выплачивать ему десятину. Не может этого проделывать также никто из ковирских вассалов или арьервассалов, подпадающих исключительно под ковирский сеньорат.

Одним словом: пусть Третогор бережет собственный нос и не сует его в дела Ковира, независимого королевства.

Рыжий вскипел холодным гневом. Что такое? Независимое королевство? Зарубежье? Дальнее? Хорошо! Поступим с Ковиром как с зарубежным королевством!

Редания и наущенные Рыжим Каэдвен и Темерия применили к Ковиру реторсионные пошлины и абсолютный закон склада. Купец из Ковира, направляющийся на юг, должен был, хошь не хошь, весь свой товар выставлять на продажу в одном из реданских городов и продать его либо возвратиться. То же самое принуждение встречало купца с дальнего Севера, направлявшегося в Ковир.

С товаров, которые Ковир транспортировал транзитом, не заворачивая в реданские либо темерские порты, Редания потребовала грабительских пошлин. Ковирские корабли, само собой, платить не хотели — платили только те, которым не удавалось сбежать. В начавшейся на море игре в кошки-мышки очень скоро дело дошло

до инцидентов. Реданский патруль попытался арестовать ковирского купца, тогда явились два ковирских фрегата, и патрульный корабль сгорел. Были жертвы.

Чаша переполнилась. Смелый Радовид Рыжий решил приструнить непослушного «вассала». Сорокатысячная армия Редании форсировала реку Браа, а экспедиционный корпус из Каэдвена вступил в Каингорн.

Спустя неделю две тысячи уцелевших реданцев форсировали Браа в обратном направлении, а жалкие остатки каэдвенского корпуса ташились домой по перевалам Пустульских гор. Выявилась еще одна цель, коей служило золото северных гор. Регулярная армия Ковира состояла из двадцати пяти тысяч закаленных в боях — и разбоях! — профессионалов, привлеченных из самых дальних уголков света кондотьеров, беспрдельно верных ковирской короне за небывало щедрую плату и гарантированную контрактом пенсию. Готовых на любой риск ради невероятно щедрых наград, выплачиваемых за каждый боевой поход. Таких богатых солдат вели в бой опытнейшие, способнейшие — и в данный момент еще более богатые — командиры, которых Рыжий и король Каэдвена Бенда прекрасно знали: они-то и были теми, что не так давно служили в их собственных армиях, но неожиданно ушли на заслуженный отдых и выехали за границу.

Рыжий не был идиотом и умел учиться на ошибках. Он утихомирил спесивых генералов, настаивавших на крестовом походе, не стал слушаться купцов, требовавших голодной блокады, обласкал Бенду из Каэдвена, жаждущего крови и мести за гибель своего элитного подразделения. Рыжий предложил переговоры. Его не сдержало даже унижение — горькая пилюля, которую пришлось заглотить: Ковир соглашался на переговоры, но у себя в Лан Эксете. Голод не тетка, захочешь есть — придешь!

«И поплыли они в Лан Эксетер как просители, — подумал Дийкстра, укутываясь плащом. — Как униженные. И челобитчики. Совсем так, как я сейчас».

Реданская эскадра вошла в залив Пракседы и направилась к ковирскому берегу. С борта флагманского корабля «Алата» Радовид Рыжий, Бенда Каэдвенский и сопровождавший их в роли посредника иерарх Нограда с изумлением рассматривали уходящий далеко в море волнолом, за которым возвышались стены и крепкие бастионы крепости, стерегущей доступ в город Понт Ванис. А плывя от Понт Ваниса на север, в сторону устья реки Танго, король видели ряды причалов, ряды верфей, ряды пристаней. Видели лес мачт, режущую глаза белизну парусов. У Ковира, оказывается, было уже припасено лекарство против блокады, реторсий и таможенной войны. Ковир был явно готов стать владыкой морей.

«Алата» вошла в широкое устье Танго и бросила якорь в каменных челюстях аванпортов. Но королей, к их изумлению, еще

ожидал долгий путь водой. В городе Лан Эксетере вместо улиц были каналы. Причем основную артерию и ось метрополии образовывал Большой Канал, который вел от порта прямо и непосредственно к резиденции монарха. Короли пересели на галеру, украшенную пурпурно-золотыми гирляндами и гербом, на котором Рыжий и Бенда с изумлением распознавали реданского орла и каэдвенского единорога.

Плывя по Большому Каналу, короли и их свита присматривались и хранили молчание. Вернее, следовало бы сказать — просто онемели. Они ошибались, думая, будто знают, что есть богатство и роскошь, полагая, что их не удивит проявлениями достатка и какой-либо демонстрацией роскоши.

Они плыли по Большому Каналу, мимо величественного здания Адмиралтейства и резиденции Купеческой гильдии. Плыли вдоль променадов, заполненных ярко и богато одетой толпой. Плыли сквозь строй изумительных магнатских дворцов и купеческих каменных домов, отражающихся в водах Канала радужной роскошных, но непривычно узких фасадов. В Лан Эксетере платили налог за ширину дома — чем шире фасад, тем налог прогрессивно выше.

На спускающихся к самой воде ступенях дворца Энсената, монаршей зимней резиденции, единственного здания с широким фасадом, их уже ожидали торжественный караул и королевская чета: Гедовиус, властитель Ковира, и его супруга, Гемма. Чета приветствовала прибывших учтиво и с достоинством. И... нетипично. «Дорогой дядюшка», — обратился Гедовиус к Радовиду. «Милый дедушка», — улыбнулась Бенде Гемма. Как-никак Гедовиус был Тройденидом, Гемма же, как оказалось, вела свой род от сбежавшей в Каэдвен взбунтовавшейся Аидеены, в жилах которой текла кровь королей из Ард Каррайга.

Подтвержденное родство улучшило настроение и возбудило симпатии, но переговорам не помогло. В принципе то, что произошло, было никакими не переговорами. «Дети» кратко изложили, чего они желают. «Деды» выслушали. И подписали документ, который потомки окрестили «Первым Эксетерским Трактатом». Чтобы отличить его от заключенных позже. Первый Трактат еще носил название, соответствующее первым словам его преамбулы: *Mare Liberum Apertum**.

Море свободно и открыто. Торговля — свободна. Прибыль — священна. Полюби торговлю и прибыль ближнего своего, как свои собственные. Усложнение кому бы то ни было торговли и получения дохода есть нарушение законов природы. А Ковир — ничей не вассал. Он — независимое, самоуправляемое и нейтральное королевство.

Никто не ожидал, что Гедовиус и Гемма сделают — просто из вежливости — хотя бы минимальную уступку. Нечто такое, что спас-

* Море открыто для всех (*лат.*).

ло бы честь Радовиды и Бенды. Однако они это сделали. Они согласились на то, чтобы Радовид Рыжий пожизненно использовал в официальных документах титул короля Ковира и Повисса, а Бенда — пожизненно же — титул короля Каингорна и Маллеоры.

Разумеется, с условием *de non preiudicando* *.

Гедовиус и Гемма царствовали двадцать пять лет; на их сыне, Герарде, оборвалась королевская линия Тройденидов. На ковирский престол взошел Эстериль Тиссен. Основатель дома Тиссенидов.

Соединившиеся вскоре кровными узами почти со всеми остальными династиями мира, короли Ковира неотступно следовали Экстерским Трактатам. Никогда не вмешивались в дела соседей. Никогда не поднимали вопросов совместного владения — хотя не раз повороты истории приводили к тому, что ковирский принц имел достаточно оснований считать себя законным наследником престола Редании, Аэдиерна, Каздвена, Цидариса либо даже Вердэна или Ривии. Никогда могущественный Ковир не предпринимал территориальных аннексий либо завоеваний, не направлял вооруженных катапультами или баллистами канонерок в чужие территориальные воды. Никогда не узурпировал в свою пользу привилегии «править морями». Ковиру вполне хватало «*Mare Liberum Apertum*», моря вольного и открытого для торговли. Ковир признавал святость торговли и доходов. В смысле — барыша.

И абсолютного, ненарушаемого нейтралитета!

Дийкстра поднял бобровый воротник плаща, прикрывая шею от ветра и секущих капель дождя. Осмотрелся, вырванный из раздумий. Вода в Большом Канале казалась черной. В слякоти и тумане даже гордость Лан Экстера Адмиралтейство походило на казарму. Даже купеческие дома утратили свою обычную роскошь — их узкие фасады казались еще уже, чем обычно. «А может, и верно, черт побери, — подумал Дийкстра, — они стали уже: если король Эстерад повысил налог, хитрецы владельцы могли и заузить дома».

— И давно у вас такая чумная погода, ваше превосходительство? — спросил он, лишь бы прервать нервную тишину.

— Такая неприятная погода, граф, у нас стоит с середины сентября, — ответил посол. — С новолуния. Зима обещает быть ранней. В Тальгаре уже выпал снег.

— Я думал, — сказал Дийкстра, — что в Тальгаре снега вообще никогда не тают.

Посол взглянул на него, будто удостоверяясь, что это шутка, а не проявление невежества.

— В Тальгаре, — решил пошутить и он, — зима начинается в сентябре, а кончается в мае. Остальные времена года — весна и осень. Есть, правда, еще и лето... обычно оно приходится на первый вторник после августовского новолуния. И длится аж до утра среды.

* без права передачи по наследству (лат.).

Дийкстра не засмеялся.

— Но даже там, — насутился посол, — снег в конце октября является событием.

Посол, как и большинство реданской аристократии, терпеть не мог Дийкстры. Необходимость принимать архишпиона он рассматривал как личное оскорбление, а тот факт, что Регентский Совет поручил переговоры с Ковиром Дийкстре, а не ему, считал смертельной обидой. Его корежило то, что он, де Руйтер, из славнейшей ветви рода де Руйтеров, графов в девяти поколениях, вынужден именовать графом этого хама и парвеню. Но, будучи идеальным дипломатом, он мастерски скрывал свою неприязнь.

Весла поднимались и мерно опускались, лодка быстро двигалась по Каналу. Они как раз миновали небольшой, но весьма изысканный дворец Культуры и Искусства.

— Мы плывем в Энсенаду?

— Да, граф, — подтвердил посол. — Министр иностранных дел однозначно дал понять, что желает увидеться с вами тотчас по прибытии, поэтому я сопровождаю вас прямо до Энсенеды. Вечером же пришло ко дворцу лодку, поскольку желал бы пригласить вас на ужин...

— Ваше превосходительство соизволит простить меня, — прервал Дийкстра, — но обязанности не позволяют мне воспользоваться приглашением. У меня масса ждущих решения вопросов, времени мало, приходится заниматься делами в ущерб удовольствиям. Поужинаем как-нибудь в другой раз. В более счастливые, более спокойные времена.

Посол поклонился и украдкой облегченно вздохнул.

В Энсенаду они, конечно же, прошли задним входом. Чему Дийкстра был весьма рад. К парадному входу монаршей резиденции, к изумительному, опирающемуся на стройные колонны фронтона прямо от Большого Канала вела широкая, но дьявольски длинная лестница из белого мрамора. Лестница, ведущая к одному из многочисленных задних входов, была несравнимо менее эффектна, но и более доступна для преодоления. Несмотря на это, Дийкстра, шагая, кусал губы и втихую ругался под нос, так, чтобы не слышали эскортирующие его гвардейцы, лакеи и мажордом.

Во дворце его ожидали новые лестницы и новый подъем. Дийкстра снова выругался вполголоса. Вероятно, влажность, холод и неудобное положение в лодке привели к тому, что нога в поломанной и магически вылеченной шиколотке начала напоминать о себе тупой, злостной болью. И скверными воспоминаниями. Дийкстра скрежетнул зубами. Он знал, что виновному в его страданиях ведьмаку тоже поломали кости. И глубоко надеялся, что ведьмака тоже дерет, и желал ему от всей души, чтобы драло и рвало как можно дольше и как можно чувствительнее.

Снаружи уже опускались сумерки, коридоры Энсенеды были темны. Дорогу, по которой Дийкстра шел за молчаливым мажордомом, освещал редкий ряд светильников в руках лакеев, расставленных вдоль коридоров. А перед дверьми комнаты, в которую его провел мажордом, по стойке «смирно» стояли гвардейцы с алебардами, такие прямые и неподвижные, словно им в зады воткнули дополнительные ратовища. Лакеи со светильниками стояли здесь погуше, свет прямо-таки резал глаза. Дийкстра несколько удивился помпе, с которой его встречали.

Войдя в комнату, он мгновенно перестал удивляться. И низко поклонился.

— Приветствую тебя, Дийкстра, — сказал Эстерад Тиссен, король Ковира, Повисса, Нарока, Вельгада и Тальгара. — Не стой в дверях, изволь подойти ближе. Отбросим этикет, это аудиенция неофициальная.

— Светлейшая госпожа.

Супруга Эстерада, королева Зулейка, несколько рассеянным кивком ответила на почтеннейший поклон Дийкстры, ни на мгновение не бросая вязания.

Кроме королевской четы, в огромном покое не было ни души.

— Именно, именно. — Эстерад заметил взгляд. — Поболтаем в четыре, прошу прощения, в шесть глаз. Что-то мне, понимаешь ли, кажется — так будет лучше.

Дийкстра присел на указанном карле напротив Эстерада. На короле была кармазиновая, отороченная горностаями мантия, на голове, в тон мантии, бархатная шапо. Как все мужчины клана Тиссенидов, он был высок, могуче сложен и бандитски красив. Выглядел всегда крепким и здоровым; словно моряк, только что вернувшийся с моря, он прямо-таки излучал аромат морской воды и соленого ветра. Как у всех Тиссенидов, точный возраст короля определить было трудно. Судя по волосам, коже и рукам — местам, наиболее ярко свидетельствующим о возрасте, Эстераду можно было дать сорок пять лет. Дийкстра знал, что королю пятьдесят шесть.

— Зулейка, — наклонился король к жене. — Взгляни на него. Если б ты не знала, что это шпион, ты б поверила?

Королева Зулейка была невысока ростом, скорее полновата, нежели худощава, и симпатично неуклюжа. Одевалась она характерным для женщин такого типа образом, заключающимся в таком подборе элементов одежды, чтобы никто не мог угадать, что она не собственная бабушка. Такого эффекта Зулейка достигала свободным, не выделяющимся покроем выдержанных в серо-коричневых тонах платьев. На волосы надевала унаследованный от предков чепец. Не пользовалась никакой косметикой и не носила никаких украшений.

— Хорошая Книга, — проговорила она тихим, мелодичным голоском, — учит нас быть сдержанными в оценке ближних на-

ших. Ибо, говорит она, и вас тоже когда-то оценят. И хорошо бы, если не по внешности.

Эстерад Тиссен одарил супругу теплым взглядом. Повсюду было ведомо, что любил он ее безгранично, любовью, которая за двадцать девять лет супружества нисколько не остыла, а, наоборот, горела все ярче и горячее. Эстерад, как утверждали, ни разу не изменил Зулейке. Дийкстра не очень-то верил в нечто столь неправдоподобное. Он сам трижды пытался подставлять — а точнее, подкладывать — королю эффектных агентов, кандидатов в фаворитки, незаменимые источники информации. Ничего не получалось. И все же...

— Не люблю ходить вокруг да около, — сказал король, — поэтому сразу же поясню тебе, Дийкстра, почему я решил поговорить с тобою лично, а не доверять это министрам. Причин тому несколько. Во-первых, я знаю, что ты не прочь подкупать людей. В принципе я уверен в своих чиновниках, но к чему подвергать их тяжким испытаниям, вводить в искушение? Какую взятку ты намеревался предложить министру иностранных дел?

— Тысячу новиградских крон, — глазом не моргнув ответил шпик. — А если б он заартачился, то дошел бы до полутора.

— Вот за это я тебя и люблю, — после краткого молчания сказал Эстерад Тиссен. — Кошмарный же ты сукин сын, милостивый государь Дийкстра. Ты напоминаешь мне меня в юности. Гляжу я на тебя и вижу себя в этом возрасте.

Дийкстра поблагодарил поклоном. Он был моложе короля всего на восемь лет. И был уверен, что Эстерад прекрасно это знает.

— Да, кошмарный ты сукин сын, — повторил король, посерьезнев. — Сукин сын. Но порядочный и с хорошими манерами. А это большая редкость в наше паршивое время.

Дийкстра снова поклонился.

— Понимаешь, — продолжал Эстерад, — в любом государстве найдутся люди, которых можно назвать слепыми фанатиками идеи общественного согласия. Преданные этой идее, они ради нее готовы на все. На преступление тоже, поскольку цель, по их мнению, оправдывает средства и изменяет соотношения и значимости понятий. Они не убивают, нет, они спасают порядок. Они не истязают, не шантажируют — они обеспечивают интересы государства и дерутся за эти интересы. Жизнь единицы, если единица нарушает догму установленного порядка, для таких людей шелонга ломаного не стоит. А того, что общество, которому они служат, состоит именно из единиц, такие люди во внимание не принимают. Такие люди обладают так называемыми широкими взглядами... а широкие взгляды — это вернейший способ не замечать других людей.

— Никодемус де Боот, — не выдержал Дийкстра.

— Близо, но не точно. — Король Ковира продемонстрировал алебастрово-белые зубы. — Это Высогота из Корво. Менее извест-

ный, но тоже хороший этик и философ. Почитай, советую. Возможно, у вас осталась еще какая-нибудь его книга, может, не все спалили? Но к делу, к делу. Ты, Дийкстра, тоже без зазрения совести пользуешься интригами, подкупам, шантажом и пытками. Ты и глазом не моргнешь, посылая кого-либо на смерть или приказывая убить тайно. То, что все это ты творишь, исходя из блага королевства, которому служишь, не оправдывает тебя и не делает в моих глазах более симпатичным. Отнюдь. Знай об этом.

Шпион кивнул в знак того, что знает.

— Однако ты, — продолжал Эстерад, — представляешь собою, как уже сказано, сукина сына благородного характера. И поэтому я тебя люблю и уважаю, поэтому даю тебе приватную аудиенцию. Потому что ты, Дийкстра, имея к тому миллион возможностей, ни разу в жизни не сделал ничего для себя лично и не украл из государственной казны. Даже полшелонга. Зулейка, взгляни! Он покраснел или мне только показалось?

Королева подняла глаза, не отрываясь от вязанья.

— По скромности их познаете правоту их, — процитировала она стих из Хорошей Книги, хоть не могла не видеть, что на лице шпиона не проступило даже следа румянца.

— Хорошо, — сказал Эстерад. — Ближе к делу. Время перейти к государственным проблемам. Он, Зулейка, пересек море, движимый патриотическим долгом. Редания, его отчизна, под угрозой. После трагической смерти короля Визимира там царит хаос. Реданией правит банда аристократических идиотов, именующих себя Регентским Советом. Эта банда, моя Зулейка, не сделает для Редании ничего. Почувяв угрозу, сбежит или же примется по-собачьи ластиться к обшittyм жемчугами туфлям нильфгаардского императора.

Эта банда презирает Дийкстру, потому что он — шпион, убийца, парвеню и хам. Но именно Дийкстра переплыл море, чтобы спасти Реданию. Продемонстрировав тем самым, кто действительно болеет за Реданию.

Эстерад Тиссен замолчал, засопел, утомленный долгой речью, поправил кармазиново-горностаевую шапо, которая слегка сползла ему на нос.

— Ну, Дийкстра, — продолжил он. — Чем больно твое королевство? Кроме отсутствия денег, разумеется?

— Если не считать отсутствия денег, — лицо шпиона было словно высечено из камня, — благодарствую, ваше величество, все здоровы.

— Ага, — кивнул король и при этом шапо снова сползла ему на нос и ее снова пришлось поправлять. — Ага. Так. Понимаю. Я понимаю, — продолжал он. — И аплодирую идее. Когда имеешь деньги, можешь прикупить себе лекарство от любого другого недомогания. Секрет в том, чтобы эти деньги иметь. У вас их нет. Если б они были, то здесь не было бы тебя. Я рассуждаю логично?

— Несомненно.

— И сколько же вам надо, любопытно было бы узнать?

— Немного. Миллион бизантов.

— Немного? — Эстерад Тиссен преувеличенным жестом схватился обеими руками за шапо... — И это ты называешь — «немного»? Ай-яй-яй.

— Для вашего королевского величества... — проворчал шпион, — такая сумма — явная мелочь...

— Мелочь? — Король отпустил шапо и воздел руки к плафону. — Ай-яй! Миллион бизантов — это мелочь, ты слышишь, Зулейка, что он говорит? А знаешь ли ты, Дийкстра, что иметь миллион и не иметь миллиона — это вместе два миллиона? Я понимаю и чувствую, что ты и Филиппа Эйльхарт бурно и лихорадочно ищете средство для защиты от Нильфгаарда, но что вы хотите — весь Нильфгаард закупить или как?

Дийкстра не ответил.

Зулейка ожесточенно вязала. Эстерад несколько мгновений делал вид, что любитесь обнаженными нимфами на плафоне.

— Иди сюда. — Он неожиданно встал, подозвал шпиика.

Они подошли к огромной картине, изображающей короля Гедовиуса на сивом коне, скипетром указующего армии нечто, на полотне не уместившееся, — вероятно, нужное направление. Эстерад извлек из кармана малюсенькую позолоченную палочку, коснулся ею рамы картины, вполголоса проговорил заклинание. Гедовиус и сивый конь исчезли, появилась рельефная карта известного мира. Король коснулся палочкой серебряной кнопочки в углу картины и магически изменил масштаб, сводя видимую часть мира до границ долины Яруги и Четырех Королевств.

— Голубое — Нильфгаард, — пояснил он. — Красное — вы. Куда ты глазеешь? Смотри сюда!

Дийкстра оторвал взгляд от других изображений — в основном морских битв и сцен. Задумался, которая из них была волшебным камуфляжем для другой знаменитой карты Эстерада, той, что изображала военную и торговую разведку Ковира, полную сеть перекупленных информаторов и шантажируемых людей, секретных сотрудников, оперативных контактов, диверсантов, наемных убийц, «спящих» шпионов и действующих резидентов. Он знал, что такая картина существует, и давно, и столь же безуспешно пытался до нее добраться.

— Красное — вы, — повторил Эстерад Тиссен. — Скверно это выглядит, верно?

«Скверно», — мысленно согласился Дийкстра. Последнее время он беспрерывно рассматривал стратегические карты, но сейчас, на рельефной карте Эстерада, положение представлялось еще хуже. Голубые квадраты складывались в жуткие драконы челюсти, готовые в любой момент сцапать и раздробить зубищами несчастные красные квадратики.

Эстерад Тиссен поискал что-нибудь такое, что можно было бы использовать в качестве указки, наконец вытянул изящную рапиру из ножен, украшавших наряду с другим оружием настенный ковер.

— Нильфгаард, — начал он лекцию, указывая рапирой соответствующее место на карте, — напал на Лирию и Аэдирн, использовав в качестве *casus belli** нападение на пограничный форт Глевицинген. Сейчас не важно, кто и в кого переодетый в действительности напал на Глевицинген. Я считаю совершенно бессмысленными также любого рода домыслы относительно того, на сколько дней или часов вооруженные действия Эмгыра опередили аналогичные действия Аэдирна и Темерии. Предоставляю это делать историкам. Меня гораздо больше интересует нынешняя ситуация и то, что случится завтра. В данный момент Нильфгаард стоит в Доле Анг्रे и Аэдирне; прикрытый буфером в виде эльфьего доминиона в Доле Блатанна, граничащего с той частью Аэдирна, которую король Хенсельт из Кадвина, образно выражаясь, вырвал из пасти Эмгыра и сожрал сам.

Дийкстра не комментировал.

— Моральную оценку акций короля Хенсельта я также оставляю историкам, — продолжал Эстерад. — Но одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть: аннексировав Северную Мархию, Хенсельт загородил Эмгыру путь к долине Понтара. Оградил темерские фланги. А также ваши и реданские. Вам следовало бы его поблагодарить.

— Я поблагодарил, — проворчал Дийкстра. — Но втихую. Мы в Трегогоре принимаем короля Демавенда из Аэдирна. А Демавенд дал достаточно точную моральную оценку поступку Хенсельта. Он взял за правило выражать ее кратко и звучно.

— Догадываюсь, — кивнул король Ковира. — Временно оставим это, взглянем на юг, за реку Яругу. Ведя наступление в Доль Ангра, Эмгыр одновременно прикрыл фланги, заключив сепаратное соглашение с Фольтестом из Темерии. Но как только окончились боевые действия в Аэдирне, император беспардонно нарушил пакт и ударил на Бругге и Содден. Своими трусоватыми переговорами Фольтест выгадал две недели мира. Точнее — шестнадцать дней. А сегодня у нас двадцать шестое октября.

— Именно.

— Положение же на двадцать шестое октября видится следующим: Бругге и Содден заняты. Крепости Разван и Майена пали. Армия Темерии разбита в боях под Марибором, отогнана на север, Марибор осажден. Сегодня утром он еще держался. Но сейчас уже поздний вечер, Дийкстра.

— Марибор устоит. Нильфгаардцы не сумели замкнуть вокруг него кольцо.

* повода к войне (лат.).

— Это верно. Они зашли слишком далеко, чрезмерно растянули коммуникации, опасно приоткрыв фланги. К зиме они прекратят осаду, отступят к близкой Яруге, сократят фронт. Но что будет весной, Дийкстра? Что будет, когда травка выглянет из-под снега? Подойди, глянь на карту.

Дийкстра глядел.

— Глянь на карту, — повторил король. — Я скажу тебе, что сделает Эмгыр вар Эмрейс весной.

— Весной начнется наступление невероятных масштабов, — сообщила Картия ван Кантен, поправляя перед зеркалом свои золотистые локоны. — Знаю, знаю, в этой информации как таковой нет ничего сенсационного, у каждого городского колодца бабы разнообразят себе стирку болтовней о весеннем наступлении.

Ассирэ вар Анагьд, сегодня исключительно раздражительная и нетерпеливая, сумела, однако, удержаться от вопроса, почему же в таком случае ей забивают голову столь нелюбопытными сообщениями. Но она знала Кантареллу. Если Кантарелла начинала о чем-то говорить, значит, у нее была к тому причина. А все сказанное она, как правило, завершала выводами.

— Однако я знаю немного больше, чем все остальное общество, — сказала Кантарелла. — Ваттье рассказал мне все, раскрыл весь ход совещания у императора. К тому же приволок целую кипу карт, а когда уснул, я их просмотрела... Продолжать?

— А как же, — прищурилась Ассирэ. — Обязательно, милая.

— Направление главного удара — разумеется, Темерия. Рубеж реки Понтар, линия Новиград—Вызима—Элландер. Наступает группа войск «Центр» под командованием Мэнно Коегоорна. Фланги прикрывает группа войск «Восток», наступающая из Аэдиры на долину Понтара и Каэдвен...

— Каэдвен? — подняла брови Ассирэ. — Получается: конец хрупкому миру, заключенному при дележе добычи?

— Каэдвен угрожает правому флангу. — Картия ван Кантен слегка надула полные губки. Ее кукольная мордашка страшно контрастировала изрекаемым премудростям стратегии. — Наступление имеет превентивный характер. Перед отборными частями группы войск «Восход» поставлена задача связать армию короля Хенсельта и выбить у него из головы мысли о предполагаемой помощи Темерии.

— На западе, — продолжала блондинка, — ударит специальная оперативная группа «Вердэн», которая должна захватить Цидарис и плотно замкнуть кольцо осады Новиграда, Горс Велена и Вызимы. Генеральный штаб считает необходимым блокировать эти три крепости.

— Ты не назвала имен командующих обеих групп войск.

— Группа «Восток» — Ардаль аэп Даги, — слегка улыбнулась Кантарелла. — Группа «Вердэн» — Йоахим де Ветт.

Ассирэ высоко подняла брови.

— Любопытно. Два князя, оскорбленные тем, что их дочерей вычеркнули из матримониальных планов Эмгыра. Наш император либо очень уж наивен, либо чертовски хитер.

— Если Эмгыр что-то и знает о заговоре князей, — сказала Кантарелла, — то не от Ваттье. Ваттье ему ничего не сказал.

— Продолжай.

— Наступление будет иметь невиданные до сих пор масштабы. В сумме, считая линейные подразделения, резервы, вспомогательные и тыловые службы, в операции примет участие свыше трехсот тысяч человек. И эльфов, разумеется.

— Дата начала?

— Не установлена. Все упирается в снабжение, снабжение же — в проходимость дорог, а никто не в состоянии сказать, когда окончится зима.

— О чем еще поведал Ваттье?

— Плакался, бедняжка, — сверкнула зубками Кантарелла. — Император опять его облял и изругал. Принародно. Причиной опять было таинственное исчезновение Стефана Скеллена и его отряда. Эмгыр публично обозвал Ваттье недотепой, начальником служб, которые вместо того, чтобы беззвучно и бесследно изымать людей, сами оказываются захваченными врасплох такими исчезновениями. При этом он произнес какой-то ехидный каламбур, который, однако, Ваттье не сумел точно повторить. Потом император шутливо спросил Ваттье, а не означает ли это, что возникла какая-то другая секретная организация, укрытая даже от него? Умен наш император. Почти по цели бьет.

— Почти, — проворчала Ассирэ. — Что еще, Картия?

— Агента, которого Ваттье держал в отряде Скеллена и который тоже исчез, звали Нератин Цека. Ваттье его, видимо, очень ценил, потому что сильно удручен его исчезновением.

«Я тоже, — подумала Ассирэ, — удручена исчезновением Йедии Мекессера. Но в отличие от Ваттье де Ридо я скоро буду знать, что случилось».

— А Риенс? Ваттье больше с ним не встречался?

— Нет. Не говорил.

Обе долго молчали. Кот на коленях Ассирэ громко мурлыкал.

— Госпожа Ассирэ?

— Да, Картия?

— И долго мне еще играть роль глупой любовницы? Хотелось бы вернуться к занятиям. Посвятить себя научной работе...

— Недолго, — прервала Ассирэ. — Но еще и не очень скоро. Держись, дитя мое.

Кантарелла вздохнула.

Они окончили беседу и попрощались. Ассирэ вар Анагьд согнала кота с коленей, еще раз прочитала письмо Фрингильи Виго, отды-

хавшей в Туссенте, и задумалась, поскольку письмо беспокоило. Между строк в нем угадывались какие-то мысли, которые Ассирэ улавливала, но не понимала. Уже миновала полночь, когда Ассирэ вар Анагид, нильфгаардская чародейка, привела в действие мегаскоп и установила телесвязь с замком Монтекальво в Редании.

На Филиппе Эйльхарт была коротюсенькая ночная рубашечка на тонюсеньких бретелечках, а на щеках и в вырезе декольте — следы губной помады. Ассирэ величайшим усилием воли сдержала гримасу отвращения. «Никогда-приникогда я не смогу этого понять, — подумала она, — и понимать не хочу. Этого».

— Мы можем говорить свободно?

Филиппа сделала рукой широкий жест, укрывая себя магической сферой тайны.

— Теперь да.

— У меня есть сведения, — сухо начала Ассирэ. — Сами по себе они ничего сенсационного не представляют, об этом болтают даже бабы у колодцев. Тем не менее...

— Редания, — сказал Эстерад Тиссен, глядя на карту, — в данный момент может выставить пять тысяч линейных бойцов, из них четыре тысячи — тяжелой конницы. Округляя, разумеется.

Дийкстра кивнул. Подсчет был абсолютно точным.

— У Демавенда и Мэвы была такая же армия. Эмгыр разгромил ее за двадцать шесть дней. То же случится и с войсками Редании и Темерии, если вы их не укрепите. Я поддерживаю вашу идею, Дийкстра, твою и Филиппы Эйльхарт. Вам нужны войска. Вам необходима боевая; хорошо обученная и прекрасно экипированная конница. И такую конницу вы хотите получить за какой-то жалкий миллион бизантов.

Шпион наклоном головы подтвердил, что и против такого расчета ему возразить нечего.

— Однако, как тебе, несомненно, известно, — сухо продолжал король, — Ковир всегда был, есть и будет нейтральным. С Нильфгаардской империей нас связывает трактат, подписанный еще моим дедом, Эстерилем Тиссенем, и императором Фергусом вар Эмрейсом. Буква данного трактата не разрешает Ковиру поддерживать врагов Нильфгаарда военной силой. Либо деньгами на... военную силу.

— Когда Эмгыр вар Эмрейс задушит Темерию и Реданию, — откашлялся Дийкстра, — тогда он обратит взор свой на Север. Эмгыр никогда не насытится. Может статься, что ваш трактат мгновенно перестанет стоять чего-либо. Только что мы говорили о Фольтесте Темерийском, который договорами с Нильфгаардом сумел купить себе всего-навсего шестнадцать дней мира...

— О, дорогой мой, — отмахнулся Эстерад. — Это, знаешь ли, не аргумент. С договорами о мире дела обстоят так же, как с супружескими пактами — их не заключают с мыслью об измене, а коли уж

заклучают, то не подозревают в измене противную сторону. А кому это не нравится, тот пусть не женится. Ибо нельзя стать рогаком, не будучи женатым, но, согласись, страх перед рогами — обидное и довольно смешное оправдание вынужденного celibата. А рога в семейной жизни не должны быть темой для рассуждений типа «что было б, если бы?». До тех пор, пока рога не выросли, и говорить не о чем... Кстати, о рогах: как чувствует себя супруг прелестной Мари, маркизы де Мерсей, реданский министр финансов?

— Ваше королевское величество, — натянуто поклонился Дийкстра, — располагает достойными зависти информаторами.

— А и верно, располагаю, — согласился король. — Ты удивился бы, узнав, сколькими и сколь хорошими. Но и тебе нечего стыдиться своих. Тех, которые отираются при моих дворах здесь и в Понт Ванисе. О, слово даю, любой из них достоин высочайшей похвалы.

Дийкстра даже бровью не повел.

— Эмгыр вар Эмрейс тоже не испытывает недостатка в хороших и удачно пристроенных агентах. Поэтому повторяю: государственные интересы Ковира — нейтралитет и принцип *pacta sunt servanda**. Ковир не нарушает заключенных договоров. Ковир не нарушает договоров даже ради того, чтобы опередить нарушение договоров противной стороной.

— Осмелюсь заметить, — сказал Дийкстра, — что Редания не предлагает Ковиру нарушать пакты. Редания ни в коей мере не стремится заключить союз либо заполучить военную помощь Ковира против Нильфгаарда. Редания хотела бы... одолжить небольшую сумму, которую мы вернем...

— Мне известно, — прервал король, — как вы возвращаете. Но все это чисто академические рассуждения, ибо я не одолжу вам ни шелонга. А дурной казуистикой меня потчевать незачем, Дийкстра, поскольку она идет тебе, как волку слюнявчик. Есть у тебя какие-нибудь другие, более серьезные, умные и удачные аргументы?

— Нет.

— Твое счастье, — после недолгого молчания сказал Эстерад Тиссен, — что ты стал шпионом. В торговле б ты не преуспел.

Испокон веков у всех коронованных пар были отдельные опочивальни. Короли — с весьма различной регулярностью — посещали спальни королей, случалось и королевам наносить неожиданные визиты королям. Затем супруги расходились по собственным комнатам и ломам.

Монаршья чета Ковира и в этом отношении была исключением. Эстерад Тиссен и Зулейка всегда почивали вместе — в одной спальне, на одном гигантском ложе под огромным балдахином.

* договора следует выполнять (лат.).

Перед тем как уснуть, Зулейка, нацепив очки, в которых стыдлась показываться подданным, обычно почитывала свою Хорошую Книгу. Эстерад Тиссен обычно болтал.

В ту ночь тоже все было как обычно. Эстерад натянул ночной колпак и взял в руки скипетр. Он обожал держать скипетр и поигрывать им, но не делал этого на людях, ибо опасался, как бы подданные не сочли его претенциозным.

— Знаешь, Зулейка, — болтал он, — преудивительнейшие меня последнее время посещают сны. Уж которую ночь кряду мне снится та ведьма, моя матушка. Встанет надо мной и долдонит: «Есть у меня жена для Танкреда, есть жена для Танкреда». И показывает симпатичную, но очень уж юную девочку. И знаешь, Зулейка, что это за девочка? Цири, внучка Калантэ. Ты помнишь Калантэ, Зулейка?

— Помню, супруг мой.

— Цири, — продолжал Эстерад, поигрывая скипетром, — это та, на которой якобы хочет жениться Эмгыр вар Эмрейс. Странный марьяж, поразительный... Так каким же, черт побери, образом она может стать женой Танкреда?

— Танкреду, — голос у Зулейки немного изменился, как всегда, когда она говорила о сыне, — не помешала бы жена. Может, остепенится...

— Возможно, — вздохнул Эстерад. — Хоть сомневаюсь, но возможно... Во всяком случае, супружество дает какой-то шанс. Хм-м-м... Интересно! Цири... Ковир и Цинтра... Устье Яруги! Недурно звучит, недурно. Удачный был бы союз... Удачное родство... Однако если эту малышку присмотрел для себя Эмгыр... Только вот чего ради именно она является мне в снах? И почему, черт побери, мне вообще снится такая ересь? Во время Эквинокция, помнишь, когда я тебя тоже разбудил... Бр-р-р, какой же это был кошмар, чертовски рад, что не могу вспомнить подробностей... Хм-м-м... А может, призвать какого-нибудь астролога? Ворожея? Медиума?

— Сейчас в Лан Эксетере пребывает госпожа Шеала де Танкарвилль.

— Нет, — поморщился король. — Этой чародейки я не хочу. Она слишком уж мудра. У меня под боком вырастает вторая Филиппа Эйльхарт. Мудрых баб слишком влечет аромат власти, их нельзя раззадоривать ласками и доверием.

— Ты, дорогой супруг, как всегда, прав.

— Хм-м-м... Но эти сны...

— Хорошая Книга, — Зулейка перелистнула несколько страниц, — говорит, что, когда человек засыпает, боги открывают ему уши и говорят к нему... А вот пророк Лебеда учит, что, видя сон, видишь либо великую мудрость, либо великую глупость... Искусство состоит в том, чтобы распознать, что именно.

— Женитьбу Танкреда на возможной невесте Эмгыра вряд ли можно считать великой мудростью! — вздохнул Эстерад. — А если уж говорить о мудрости, то я б хотел, чтобы таковая снизошла на меня во сне. Речь о деле, с которым сюда прибыл Дийкстра. Очень сложное дело. Потому что, видишь ли, дражайшая моя Зулейка, рассудок не позволяет мне ликовать, когда Нильфгаард безостановочно прет на север и в любой момент может занять Новиград, ибо из Новиграда все, в том числе и наш нейтралитет, выглядит иначе, нежели с дальнего юга. Так что хорошо было бы, если б Редания и Темерия остановили натиск Нильфгаарда и прогнали агрессора вновь за Яругу. Но будет ли хорошо, ежели они сделают это за наши деньги? Ты слушаешь меня, о любимая супруга?

— Я слушаю тебя, любезный супруг мой.

— И что ты на это скажешь?

— Всяческую мудрость вмещает в себя Хорошая Книга.

— А не говорит ли твоя Хорошая Книга, что делать, когда приходит этакий Дийкстра и домогается от тебя миллиона?

— Книга, — заморгала поверх очков Зулейка, — ничего не говорит о бесчестных деньгах. Но в одном из стихов сказано: давать есть большее счастье, нежели брать, а поддерживать убогого милостыней есть благородство. Сказано: раздай все, и это облагородит душу твою.

— Ну да, а мешок и брюхо — выпотрошит, — проворчал Эстерад Тиссен. — А что, Зулейка, кроме стихов о благородном одарении и раздаче милостыни, не содержит ли Книга каких-либо мудростей, касающихся интереса? К примеру, что Книга говорит об эквивалентном обмене?

Королева поправила очки и принялась быстро листать инкунабулу.

— Как Иаков богам, так и боги Иакову, — прочитала она.

Эстерад долго молчал, наконец медленно проговорил:

— А еще что-нибудь?

Зулейка снова принялась терзать Книгу.

— Нашла, — наконец сказала она, — кое-что в премудрости пророка Лебеды. Прочесть?

— Сделай милость.

— Пророк Лебеда учит: воистину убогого подаванием поддержи. Но вместо того чтобы дать убогому целый арбуз, дай ему пол-арбуза, ибо иначе убогий может свихнуться от счастья.

— Пол-арбуза, — фыркнул Эстерад Тиссен. — Стало быть, полмиллиона бизантов? А ведомо ли тебе, Зулейка, что иметь полмиллиона и не иметь полмиллиона — это в сумме получается целый миллион?

— Ты не дал мне закончить, — окинула Зулейка супруга сердитым взглядом поверх очков. — Далее пророк говорит: еще лучше дать убогому четверть арбуза. И вовсе уж хорошо сделать так, чтобы кто-то другой дал убогому арбуз. Поскольку, истинно говорю

вам, всегда отыщется тот, у кого есть арбуз и кто склонен им одарить убогого, ежели не из благородства чувств своих, то по расчету либо иному поводу.

— У! — хватанул король Ковира скипетром по ночному столу. — А ведь и верно, головастый был мужик этот твой пророк Лебеда! Вместо того чтобы дать, постараться заставить это сделать другого? Это мне нравится, вот они, слова истинно медоточивые. Нет, ты поищи-ка еще в премудростях твоего пророка, любезная моя Зулейка. Уверен, обнаружишь там что-нибудь такое, что позволит мне без ущерба решить проблему Редании и армии, которую Редания намерена создать за мои деньги.

Зулейка долго-долго листала Книгу, прежде чем принялась читать.

— Сказал однажды пророку Лебеде ученик его: «Научи меня, учитель, как мне поступить? Возжелал, понимаешь ли, ближний мой моего любимого пса. Если отдам любезное мне животное, сердце мое разорвется от жалости. Если же не отдам, буду несчастлив, ибо обижу ближнего своего отказом. Что делать?» «А нет ли у тебя, — спросил пророк, — чего-нибудь такого, что бы ты любил менее, нежели любимого своего пса?» «Есть, учитель, — отвечивал ученик, — кот озорной, шкодник неумный. И я вообще его не люблю». И сказал тогда пророк Лебеда: «Возьми одного кота — шкодника неумного, озорника — и подари его ближнему твоему. Тем самым ощутишь ты двойное счастье — отделаешься от кота и ближнего порадуешь. Поскольку чаще всего ближний не подарка самого жаждет, но просто быть одаренным желает».

Эстерад какое-то время молчал, наморщив лоб. Наконец спросил:

— Зулейка? А это что же, один и тот же пророк-то был?

— Возьми одного кота — шкодника неумного, озорника...

— Слышал уже, слышал! — воскликнул король, но тут же помягчал: — Прости, возлюбленнойшей. Дело в том, что я никак в толк не возьму, какая связь у кота с...

Он замолчал. И надолго задумался.

Спустя восемьдесят пять лет, когда ситуация изменилась настолько, что о некоторых проблемах и людях уже можно было говорить без опаски, заговорил Гвискар Вермуллен, герцог Крейденский, внук Эстерада Тиссена, сын его старшей дочери Гудемунды. Герцог Гвискар к тому времени уже был ветхим годами старцем, но события, свидетелем которых ему довелось быть, помнил хорошо. Именно герцог Гвискар раскрыл, откуда взялся миллион бизантов, с помощью которых Редания экипировала конную армию для войны с Нильфгаардом. Миллион этот был взят, как предполагали, не из казны Ковира, а из богатств Новиграда. Эстерад Тиссен, выдал тайну Гвискар, получил новиградские деньги за участие в создании компаний по заморской торговле. Парадоксально то, что компании эти создавались при активном участии нильфгаардских купцов. Из откровений

престарелого герцога следовало, значит, что сам Нильфгаард — в определенной степени — оплатил организацию враждебной себе реданской армии.

— Дедушка, — вспомнил Гвискар Вермуллен, — говорил что-то об арбузах и при этом шельмовски улыбался. Говорил, что всегда отыщется такой, кто пожелает одарить бедного, хотя бы и по расчету. Говорил также, что коли сам Нильфгаард присовокупляется к увеличению силы и боеспособности реданского войска, то не может за то же самое иметь претензий к другим.

— А потом, — продолжал старец, — дедушка призвал к себе моего отца, который в то время руководил разведкой, и министра внутренних дел. Те, узнав, какие приказы им предстоит выполнять, впали в панику. Ибо речь шла о том, чтобы выпустить из тюрем и вернуть из ссылки свыше трех тысяч человек. Больше чем сотне предстояло отменить домашние аресты.

Нет, речь шла не только о бандитах, обычных преступниках и наемных кондотьерах. Помилованию подлежали прежде всего диссиденты. Среди помилованных оказались и сторонники сверженного короля Рыда, и люди узурпатора Иди, их преданнейшие партизаны. К тому же не только такие, которые поддерживали словами: большинство сидели за диверсии, покушения, вооруженные бунты. Министр внутренних дел был в шоке, папаша сильно обеспокоен.

— Дедушка же, — рассказывал герцог, — смеялся так, словно это была лучшая шутка из лучших. А потом сказал, помню каждое слово: «Величайшее ваше упущение, господа, состоит в том, что вы не читаете на ночь Хорошую Книгу. Если б читали, то понимали бы идеи своего монарха. А так — будете выполнять приказы, не понимая их. Но не отчаивайтесь напрасно и про запас, ваш монарх знает, что делает. А теперь идите и выпустите всех моих проказников, котов — шкодников неумных».

Именно так он и сказал: проказников, котов — шкодников неумных. А речь-то шла — о чем тогда никто и подумать не мог — о будущих героях, командирах, покрывших себя честью и славой. Этими дедушкиными «котами» были известные позже кондотьеры: Адам «Адьо» Пангратт, Лоренцо Молла, Хуан «Фронтино» Гуттьерес... и Джулия Абатемарко, которая прослыла в Редании как «Сладкая Ветреница»... Вы, молодые, этого не помните, но в мои времена, когда мы играли в войну, любой парень хотел быть «Адьо» Панграттом, а каждая девчонка — Джулией «Сладкой Ветреницей»... А для дедушки все они были «котами-шкодниками», хе-хе...

Позже же, — мямлил Гвискар Вермуллен, — дедушка взял меня за руку и вывел на террасу, с которой бабушка Зулейка кормила чаек. Дедушка сказал ей... он ей сказал...

Старик медленно и с огромным напряжением пытался вспомнить слова, которые тогда, восемьдесят пять лет назад, король Эстерад Тиссен сказал жене, королеве Зулейке, на нависшей над Большим Каналом террасе дворца Энсенада.

— ...сказал, — вспомнил наконец герцог: — «Знаешь ли ты, любимейшая моя супруга, что я обнаружил еще одну премудрость среди множества премудростей пророка Лебеды? Таковую, которая даст мне еще одну выгоду при одарении Редании котами-шходниками? Коты, дорогая моя Зулейка, возвращаются домой. Коты всегда возвращаются домой. Ну а когда мои коты вернутся, когда принесут добычу, свое жалованье, богатства... Вот тогда я обложу этих котов налогами...»

Последний раз король Эстерад Тиссен беседовал с Дийкстрой один на один, даже без Зулейки. Правда, на полу гигантского зала играл десятилетний мальчик, но на него не обращали внимания, да кроме того он был так занят своими оловянными солдатиками, что совершенно не интересовался разговорами взрослых.

— Это Гвискар, — пояснил Эстерад, указывая на мальчика головой. — Мой внук, сын моей Гудемунды и того шалопая, князя Вермуллена. Но этот малыш, Гвискар, единственная надежда Ковира, если Танкред Тиссен вдруг окажется... Ну, если с Танкредом что-нибудь приключится...

Дийкстре была не чужда проблема Ковира. И лично проблема Эстерада. Он знал, что с Танкредом уже кое-что приключилось. У парня если и были вообще данные стать королем, то только королем очень скверным.

— Твой вопрос, — проговорил Эстерад, — в принципе уже решен, ты можешь начинать думать, как наиболее эффективно использовать миллион бизантов, который вскоре окажется в третогорской казне.

Он наклонился и украдкой поднял одного из оловянных солдатиков Гвискара, кавалериста с занесенным палахом.

— Возьми и как следует спрячь. Тот, кто покажет второго такого же воина, будет моим посланцем. Учти это, даже если он будет выглядеть так, что ты не поверишь, будто это мой человек, знающий проблемы нашего миллиона. Любой другой будет провокатором, и отнесись к нему соответственно.

— Редания, — поклонился Дийкстра, — не забудет этого вашему королевскому величеству. Я же от собственного имени хочу заверить ваше королевское величество в моей личной благодарности.

— Не заверяй, а давай сюда ту тысячу, с помощью которой намеревался завоевать благосклонность моего министра. Что ж, по-твоему, благосклонность короля не заслуживает взятки?

— И ваше королевское величество снизойдет...

— Снизойдет, снизойдет. Давай деньги, Дийкстра. Иметь тысячу и не иметь тысячи...

— Это в сумме дает две тысячи. Знаю.

В дальнем крыле Энсенеды, в комнате значительно меньших размеров, чародейка Шеала де Танкарвилль сосредоточенно и серьезно выслушала сообщение королевы Зулейки.

— Прелестно, — кивнула она. — Прелестно, ваше королевское величество.

— Я сделала все так, как ты посоветовала, госпожа Шеала.

— Благодарю. И еще раз уверяю вас — мы действуем в общих интересах. Ради блага страны. И династии.

Королева Зулейка кашлянула, голос у нее слегка изменился.

— А... А Танкред, госпожа Шеала?

— Я дала слово, — холодно сказала Шеала де Танкарвилль. — Я дала свое слово, что за помощь отплачу помощью. Ваше королевское величество может спать спокойно.

— Очень бы хотелось, — вздохнула Зулейка. — Очень. Кстати, коли уж разговор зашел о снах... Король начинает что-то подозревать. Эти сны удивляют его, а король, когда его что-то удивляет, становится подозрительным.

— Значит, на некоторое время я перестану насыщать на короля сны, — пообещала чародейка. — Относительно же сна вашего величества повторяю, вы можете спать спокойно. Принц Танкред расстанется с дурным обществом. Перестанет посещать замок барона Суркратасса, бывать у госпожи де Байсемур. И у жены реданского посла тоже.

— Он никогда не станет бывать у этих персон? Никогда?

— Персоны, о которых идет речь, — в темных глазах Шеалы де Танкарвилль вспыхнул странный огонек, — уже не отважатся приглашать и совращать с праведного пути принца Танкреда. Не отважатся никогда. Ибо будут знать о последствиях таких шагов. Я ручаюсь за то, что говорю. Ручаюсь также за то, что принц Танкред возобновит учебу и будет прилежным учеником, серьезным и уравновешенным юношей, перестанет гоняться за юбками. Успокоится... до того момента, когда мы представим ему Цирилу, княжну Цинтры.

— Ах, если б я могла в это поверить! — Зулейка заломила руки, возвела очи горе. — Если б могла поверить!

— В могущество магии, — Шеала де Танкарвилль улыбнулась даже неожиданно для себя самой, — порой трудно поверить, ваше королевское величество. Впрочем, так оно и должно быть.

Филиппа Эйльхарт поправила тонюсенькие как паутинка бретельки прозрачной ночной рубашки, стерла последние следы губной помады. «Такая умная женщина, — недовольно подумала Шеала де Танкарвилль, — а не может удержать свои гормоны в узде».

— Можно говорить?

Филиппа окружила себя сферой секретности.

— Теперь да.

— В Ковире все сделано. Положительно.

— Благодарю. Дийкстра уже уехал?

— Еще нет.

— В чем задержка?

— Он ведет переговоры с Эстерадом Тиссенем, — скривила губы Шеала же Танкарвилль. — Как-то странно они пришлились друг другу по вкусу, король и шпион.

* * *

— Ты знаешь шуточки о нашей погоде, Дийкстра? О том, что в Ковире есть только две поры года...

— Зима и осень. Знаю.

— А знаешь ли ты признаки, позволяющие установить, что в Ковире уже наступило лето?

— Нет. Какие?

— Дождь становится чуточку теплее.

— Ха-ха!

— Шутки шутками, — серьезно сказал Эстерад Тиссен, — но все более ранние и долгие зимы меня немного беспокоят. Это было предсказано. Ты, полагаю, читал пророчества Итлины? Там говорится, что настанут десятки лет непрекращающегося холода. Некоторые утверждают, что это не более чем аллегория, но я немного побаиваюсь. В Ковире однажды уже случились четыре года подряд холода, непогоды и неурожая. Если б не мощный поток продуктов питания из Нильфгаарда, люди начали бы массами умирать от голода... Ты представляешь себе это?

— Честно говоря, нет.

— А я — да. Охлаждение климата может всех нас погубить. Голод — это враг, с которым чертовски трудно бороться.

Шпик задумчиво кивнул.

— Дийкстра?

— Ваше королевское величество?

— У тебя в стране уже наступил мир и покой?

— Не вполне. Но я стараюсь... установить...

— Знаю. Об этом говорят громко. Из тех, что совершили предательство на Танедде, в живых остался только Вильгефорц.

— После смерти Йеннифэр — да. Знаешь, король, что Йеннифэр скончалась? Погибла в последний день августа при загадочных обстоятельствах на пресловутой Седниной Бездне между Островами Скеллиге и полуостровом Пейкс де Мар.

— Йеннифэр из Венгерберга, — медленно проговорил Эстерад, — не была предательницей. Она не была сообщницей Вильгефорца. Если хочешь, я представлю тебе доказательства.

— Не хочу, — после недолгого молчания ответил Дийкстра. — А может, захочу, но не теперь. Сейчас мне удобнее видеть в ней предательницу.

— Понимаю. Не доверяй чародейкам, Дийкстра. Особенно Филиппе.

— Я никогда ей не доверял. Но мы вынуждены сотрудничать. Без нее Редания погрязнет в хаосе и погибнет.

— Это верно. Но если позволишь тебе посоветовать — отпусти немного поводья. Ты знаешь, о чем я. Эшафоты и пыточные дома по всей стране, изуверства, чинимые на эльфах... И этот страшный форт Дракенборг. Я знаю, тобою руководит чувство патриотизма. Но ты оставляешь после себя скверную легенду, в которой выглядишь оборотнем, лакающим невинно пролитую кровь.

— Кто-то должен это делать.

— И на ком-то это должно отыграться. Я знаю, ты пытаешься быть справедливым, но ведь ошибок не избежать, ибо избежать их невозможно. Невозможно также остаться чистым, валяясь в крови. Знаю, ты ни разу не обидел никого ради собственного удовольствия, но кто в это поверит? В тот день, когда удача от тебя отвернется, тебе припишут небескорыстное умерщвление невинных. А лож липнет к человеку как смола.

— Знаю.

— Тебе не дадут возможности защищаться. Таким, как ты, никогда не дают шансов обелиться. Тебя вываляют в смоле... позже. Постфактум. Стерегись, Дийкстра.

— Стерегусь. Они меня не получат.

— Они получили твоего короля, Визимира. Я слышал — стilet в бок по самую гарду...

— В короля легче попасть, чем в шпиона. Меня не достанут. Никогда не достанут меня.

— И не должны. А знаешь почему, Дийкстра? Потому что должна же быть, язви её, хоть какая-то справедливость на этом свете.

И пришел день, когда они вспомнили этот разговор. Оба. Король и шпион. Дийкстра вспомнил слова Эстерада в Третогоре, когда прислушивался к шагам убийц, приближающихся со всех сторон, по всем коридорам замка. Эстерад вспомнил слова Дийкстры на широких ступенях мраморной лестницы, ведущей из Энсенады к Большому Каналу.

— Он мог бороться. — Затуманившиеся, невидящие глаза Гвискара Вермуллена глядели в бездну воспоминаний. — Убийц было только трое, дедушка был мужчиной сильным. Он мог бороться, защищаться до того момента, пока не подросла бы стража. Он мог просто-напросто убежать. Но там была бабушка Зулейка. Дедушка прикрывал и защищал Зулейку, только Зулейку, о себе он не думал. Когда наконец подросла помощь, на Зулейке не было даже царапины. Эстерад получил больше двадцати ударов. Он умер через три часа, не приходя в сознание.

— Ты когда-нибудь читал Хорошую Книгу, Дийкстра?

— Нет, ваше королевское величество. Но знаю, что в ней написано.

— Представь себе, я вчера наугад раскрыл ее. И натолкнулся на такую вот фразу: «На пути к вечности каждый будет идти по своим собственным ступеням, неся свое собственное бремя». Что ты об этом думаешь?

— Мне пора, король Эстерад. Пришел час нести собственное бремя.

— Ну что ж, будь здоров, шпион.

— Будь здоров, король.

От града древнего и зело славного Ассенгарда удалилися мы не менее как на шесть сотен стает к югу, аж до краю, Стоозерьем именуемого. Ежели в сповеху на край оный глянуть, узреть можно неисчислимое множество озер, воистину искусною рукою в фигуры разнообразнейшие уложенных. Всреде фигур тех провожатый наш, эльф Аваллак'х, повелел таковую выискивать, коя листу трифолии подобна есть. И истинно, таковая выискалася. При том казалось, что не троица, а четверица озер там раскинулася, ибо одно, продолговатое, с полудня на полночь тянущееся, суть якобы оного листу ножица. Озерцо это, Тарн Мира именуемое, лесом черным околено, а у полуночного его конца башня оная таинственная вздыматься должна была якобы; Башнею Ласточки именуемая, в эльфьей же речи — Tor Zireael. Однако ж поначалу не зрели мы ничего, окромя мглы единой. Уж способился я о той башенке эльфа Аваллак'ха запытать, однако ж сам оный эльф Аваллак'х таковы слова рек: «Надо ждать и надеяться. Надежда вернется со светом и с добрыми чарами. Вглядитесь в безмер вод, там увидите посланников доброй вести.

Буйвид Бэкуйзен.

«Странствования по тропам и
местам магическим»

Книга эта от первой до последней страницы есть блеф и надувательство. Руины у озера Тарн Мира исследовались неоднократно. Развалины эти, вопреки декларации Б. Бэкуйзена, никакой магии в себе не содержат, а следовательно, не могут быть развалинами легендарной Башни Ласточки.

Ars Magica, изд. XIV

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Плывут! Плывут!

Йеннифэр, обеими руками придерживая волосы, которые трепал насыщенный влагой ветер, остановилась у перил лестницы, отстранив с пути сбегающих на набережную женщин. Прибой, которому вдобавок помогал западный ветер, с грохотом разбивал о берег волны, из расщелин между скалами то и дело взметались белые султаны пены.

— Плывут! Плывут!

С верхних террас цитадели Каэр Трольда, главной твердыни Ард Скеллиге, был виден почти весь архипелаг. Прямо за тесниной лежала Ан Скеллиг, плоская и низкая с южной стороны, обрывистая и изрезанная фиордами с невидимой северной. Далеко слева острыми клыками рифов разрезала волны высокая и зеленая Спикероога, горы и вершины которой тонули в облаках. Справа были видны крутые обрывы острова Ундвик, кишашие чайками, глупышами, бакланами и олушами. Из-за Ундвика выглядывал лесистый конус Хиндарсфьялла, самого маленького островка архипелага. Если же подняться на вершину одной из башен Каэр Трольда и посмотреть на юг, то можно было увидеть одинокий, как бы отброшенный от остальных остров Фаро, торчащий из воды словно спина огромной рыбы, для которой океан слишком мелок.

Йеннифэр спустилась террасой ниже и остановилась около группы женщин, которым гордость и общественное положение не позволяли со всех ног помчаться на набережную и смешаться с взбудораженной толпой. Внизу, под террасой, раскинулся портовый город, черный и бесформенный, будто выброшенное волнами на берег огромное морское ракообразное.

Из теснины между Ан Скеллиг и Спикероогой одии за другим выплывали драккары. Паруса загорелись на солнце белым и красным, засверкали бронзой умбоны висящих по бортам щитов.

— «Рингхорн» идет первым, — сказала одна из женщин. — За ним «Фенрис»...

— «Тригля», — возбужденно выкрикнула другая. — Следом «Драк»... Позади них «Хавфруа»...

— «Анигра»... «Тамара»... «Дария»... Нет, это «Скорпена»... Нет «Дарии». «Дарии» нет...

Молодая женщина с толстой светлой косой, поддерживавшая руками уже довольно большой животик, глухо охнула, побледнела и потеряла сознание, опустившись на плиты террасы, словно сорванный с колец занавес. Йеннифэр тут же подскочила к ней, бросилась на колени, уперлась пальцами в живот женщины и выкрикнула заклинание, прерывая спазмы и сильно и уверенно связывая грозящую разорваться связь матки с детским местом. Для надежности бросила еще успокаивающее и защитное заклинание на дитя, движения которого чувствовала рукой.

Женщину, чтобы не терять напрасно магической энергии, она привела в чувство шлепком по щеке.

— Заберите ее, осторожнее.

— Глупышка... — сказала одна из пожилых женщин. — Еще бы немного...

— Запаниковала... Может, ее Нильс жив, может, он на другом драккаре...

— Благодарим вас за помощь, госпожа магичка.

— Заберите ее, — повторила Йеннифэр, поднимаясь и проглотив ругательство: платье, когда она опускалась на колени, разошлось по шву.

Она спустилась еще на одну террасу. Даккары по одному подходили к берегу, воины спускались на набережную. Бородатые, увешанные оружием берсеркеры со Скеллиге. Многие выделялись белизной повязок. Многие идти самостоятельно не могли и вынуждены были воспользоваться помощью товарищей. Некоторых приходилось нести.

Столпившиеся на набережной женщины со Скеллиге узнавали своих мужей, кричали и плакали от счастья — если счастье им улыбалось. Если ж нет — теряли сознание. Либо отходили, медленно, тихо, не произнося ни слова жалобы. Иногда оглядывались, надеясь, что в проливе блеснет белым и красным парус «Дарии».

«Дарии» не было.

Йеннифэр заметила возвышающуюся над другими рыжую шевелюру Краха ан Крайта, ярла Скеллиге, одним из последних спускавшегося с палубы «Рингхорна». Ярл выкрикивал приказы, отдавал распоряжения, проверял, заботился. Две не отрывавшие от него глаз женщины, одна светловолосая, вторая темная, плакали. От счастья. Ярл, удостоверившись наконец, что обо всем позаботился и ничего не упустил, подошел к женщинам, обхватил обеих медвежьим объятием, расцеловал. А потом поднял голову и увидел Йеннифэр. Его глаза вспыхнули, загорелое лицо застыло как камень рифа, как бронзовый умбон шита.

«Знает, — подумала чародейка. — Вести расходятся быстро. Ярл знал еще в плавании о том, что позавчера меня выловили сетью в зунде за Спикероогой. Знал, что застанет меня в Каэд Трольде. Магия или почтовые голуби?»

Он не спеша подошел к ней. Он весь пропах морем, солью, силой, усталостью. Она глянула в его светлые глаза, и тут же у нее в ушах загрелись боевые кличи берсеркеров, грохот щитов, звон мечей и топоров, вопли убиваемых, крики людей, прыгающих в море с пылающей «Дарии».

— Йеннифэр из Венгерберга.

— Крах ан Крайт, ярл Скеллиге. — Она слегка наклонила голову.

Он поклоном не ответил. «Плохо», — подумала она.

Он тут же заметил синяк, памятку от удара веслом, его лицо снова застыло, губы дрогнули, на мгновение приоткрыв зубы.

— Тот, кто тебя бил, ответит за это.

— Никто меня не бил. Я споткнулась на ступенях.

Он внимательно глянул на нее, пожал плечами.

— Не хочешь жаловаться, воля твоя. Мне расследованиями заниматься некогда. А теперь послушай, что я тебе скажу. Послушай внимательно, потому что это будут единственные слова, которые ты от меня услышишь.

— Слушаю.

— Завтра тебя посадят на драккар и отвезут в Новиград. Там передадут городским властям, а потом — темерским или реданским в зависимости от того, кто обратится первым. А я знаю, что и те, и другие одинаково хотели бы тебя заполучить.

— Это все?

— Почти. Еще небольшое пояснение. Достаточно часто случилось, что Острова Скеллиге давали укрытие людям, преследуемым законом. Нет у нас и недостатка возможностей искупить вину тяжелой работой, мужеством, самопожертвованием, кровью. Но не для тебя, Йеннифэр. Тебе я убежища не предоставлю. Если ты на это рассчитывала, то просчиталась. Я ненавижу таких, как ты, ненавижу людей, которые ради власти бунтуют, ставят личное выше общественного, вступают в сговор с врагом и предают тех, кому обязаны не только послушанием, но и благодарностью. Я ненавижу тебя, Йеннифэр, потому что именно в то время, когда ты вместе со своими друзьями-бунтарями по нильфаардскому наущению подняла мятеж на Танедде, мои драккары были под Аттре, мои парни шли на помощь тамошним повстанцам. Триста моих парней встали против двух тысяч Черных! Должна же быть какая-то награда за мужество и верность, должна же быть кара за подлость и предательство! Чем я могу наградить павших? Кенотафами? Надписями, выбитыми на обелисках? Нет! Награды и почести павшим будут иными. За их кровь, впитавшуюся в дюны Аттре, твоя кровь, Йеннифэр, потечет сквозь щели в досках эшафота.

— Я не виновна. Я не участвовала в заговоре Вильгефорца.

— Доказательства тому ты представишь судьям. Я тебя судить не стану.

— Ты не только не станешь судить, ты уже вынес приговор.

— Довольно болтовни! Я сказал, завтра на восходе солнца ты в кандалах отправишься в Новиград, чтобы предстать перед королевским судом, который определит тебе должное и справедливое наказание. А сейчас дай мне слово, что не попытаешься воспользоваться магией.

— А если не дам?

— Марквар, наш чародей, погиб на Танедде, сейчас здесь нет мага, который мог бы взять тебя под контроль. Но знай, что ты будешь находиться под неусыпным надзором самых лучших лучников Скеллиге. Если ты хотя бы пальцем шевельнешь подозрительно, ты будешь немедленно застрелена.

— Ясно, — кивнула она. — Значит, даю слово.

— Прекрасно. Благодарю. Прощай, Йеннифэр. Я не стану тебя завтра провожать.

— Крах.

Он развернулся на пятках.

— Слушаю.

— У меня нет ни малейшего желания садиться на корабль, плывущий в Новиград. У меня нет времени доказывать Дийкстре свою невиновность. Я не могу рисковать тем, что вскоре после ареста умру от внезапного кровоизлияния в мозг или же каким-нибудь эффектным образом покончу в камере самоубийством. Я не могу терять времени и идти на такой риск. Я не могу объяснить тебе, почему для меня это так рискованно. Я не намерена и не поплыву в Новиград.

Он долго смотрел на нее.

— Не поплывешь? Что, интересно, позволяет тебе так думать? Неужто то, что некогда нас связывали любовные сопереживания? На это не рассчитывай, Йеннифэр. Что было, то быльем поросло.

— Знаю и не рассчитываю. Но я не поплыву в Новиград, ярл, потому, что мне необходимо срочно отправиться на помощь особе, которую я поклялась никогда не оставлять одну и без помощи. А ты, Крах ан Крайт, ярл Скеллиге, поможешь мне в этом. Потому что и ты дал такую же клятву. Десять лет назад, ровно на том месте, где мы сейчас стоим, на этой набережной. Той же самой особе, Цири, внучке Калантэ, Львенку из Цинтры. Я, Йеннифэр из Венгерберга, считаю Цири своей дочерью. Поэтому от ее имени требую, чтобы ты сдержал свою клятву. Сдержи ее, Крах ан Крайт, ярл Скеллиге.

— Серьезно? — еще раз удостоверился Крах ан Крайт. — Даже не отведаешь? Ни одного из этих яств?

— Серьезно.

Ярл не настаивал, сам снял с тарелки омара, положил на доску, сильным и точным ударом тесака разрубил вдоль. Обильно окропив лимоном и чесночным соусом, принялся выковыривать мясо из панциря. Пальцами.

Йеннифэр ела благословитно, серебряным ножом и вилкой, а ела она баранью отбивную со шпинатом, специально для нее приготовленную изумленным и, кажется, немного обиженным поваром. Ибо чародейка не пожелала ни устриц, ни мули, ни маринованного в собственном соку лосося, ни супа из триглей и раковин-сердциков, ни тушеного хвоста морской лягушки, ни запеченной меч-рыбы, ни жареной мурены, ни осьминогов, ни крабов, ни омаров, ни морских ежей. Ни — тем более — свежих водорослей.

Все, что хоть чуточку отдавало морем, ассоциировалось у нее с Фрингильей Виго и Филиппой Эйльхарт, с дьявольски рискованной телепортацией, падением в волны морские, морской водой, которую приходилось глотать против воли, и с накинутой на нее сетью, к которой, кстати, прицепились водоросли, причем ни дать ни взять — точно такие, какие расположились на тарелке. Водоросли, которые у нее на голове и спине превращали в кашу парализующими волю болезненными ударами соснового весла скеллиговские рыбачки.

— Итак, — продолжал беседу Крах, высасывая мясо из переламываемых в суставах лапок омара, — я решил поверить тебе, Йеннифэр. Однако знай, делаю это не ради тебя. Блоэдгеас, клятва на крови, которой я поклялся Калантэ, действительно связывает мне руки. Поэтому, если твое намерение помочь Цири не ложно и искренне — а я исхожу из того, что так оно и есть, — то у меня нет выхода: я должен помочь тебе исполнить твое намерение...

— Благодарю. Но, пожалуйста, отбрось патетический тон. Повторяю, я не принимала участия в заговоре на Танедде. Поверь.

— Так ли уж важно, — отмахнулся он, — во что верю я? Скорее бы уж следовало начать с королей, с Дийкстры, агенты которого разыскивают тебя по всему свету. С Филиппы Эйльхарт и верных королям чародеев, от которых, как ты призналась сама, ты сбежала сюда, на Скеллиге. Это им надо представить доказательства...

— У меня нет доказательств, — прервала она, пытаясь подхватить вилкой кочанчик брюссельской капусты, которую изумленный повар подал к бараньей отбивной. — А если б и были, мне не позволяют их представить. Я не могу тебе этого объяснить, я связана словом. И все же поверь мне, Крах. Пожалуйста.

— Я же сказал...

— Сказал, — прервала она. — Ты пообещал помочь. Благодарю. Но ты по-прежнему не веришь в мою невиновность. Так поверь же.

Крах отбросил высосанные скорлупки омара, пододвинул к себе тарелку мулей. Долго с грохотом копался, отыскивая ту, что покрупнее, наконец сказал, вытирая руки о скатерть:

— Согласен. Верю. Ибо верить хочу. Но убежища и укрытия тебе не дам. Не могу. Однако ты можешь покинуть Скеллиге, когда пожелаешь, и отправиться, куда хочешь. Я советовал бы поспешить. Ты прибыла, я бы так сказал, на крыльях магии. Другие тоже могут последовать за тобой. Им тоже известны заклинания.

— Я не ишу убежища или безопасного укрытия, ярл. Я должна идти спасать Цири.

— Цири, — повторил он задумчиво. — Львенок... Станный это был ребенок.

— Был?

— А. — Он снова махнул рукой. — Я неверно выразился. Был, потому что теперь она уже не ребенок. Это я имел в виду. Только это. Цирилла, Львенок из Цинтры... она проводила на Скеллиге лета и зимы. Иногда такое накуролесит, что ого-го! Чертенюк это был, а не Львенок... А, черт, уже второй раз сказал «был»... Йеннифэр, разные слухи доходят до нас с материка... Одни говорят, что Цири в Нильфгаарде...

— Нет ее в Нильфгаарде.

— Другие утверждают, что девочка умерла.

Йеннифэр молча кусала губы.

— Но второй слух, — твердо сказал ярл, — отрицаю я. Цири жива. В этом я уверен. Не было никаких знамений... Она жива!

Йеннифэр подняла брови. Но ничего не спросила. Они молчали долго, вслушиваясь в рев волн, обрушивающихся на скалы Ард Скеллиг.

— Йеннифэр, — сказал наконец Крах. — Дошли до меня с континента еще и другие вести. Мне известно, что твой ведьмак, который после драчки на Танедде скрывался в Брокилоне, вышел оттуда, намереваясь добраться до Нильфгаарда и высвободить Цири.

— Повторяю, Цири нет в Нильфгаарде. Что намерен делать мой, как ты пожелал это назвать, ведьмак, я не знаю. Но он... Крах, ни для кого не секрет, что я... симпатизирую ему. Но знаю, что он Цири не спасет, не добьется ничего. Я его знаю. Он расхнычется, растеряется, начнет философствовать и сокрушаться над своей судьбиной. Потом разрядит гнев, размахивая мечом налево и направо, разя что и кого попало. Потом, в порядке искупления содеянного, совершит что-нибудь благородное, но бессмысленное. А в конце концов будет убит по-дурному, без толку, скорее всего ударом в спину...

— Говорят, — быстро вставил Крах, испуганный зловеще изменившимся, странно вибрирующим голосом чародейки. — Говорят, что Цири ему предназначена. Я сам видел, тогда, в Цинтре, во время обручения Паветты...

— Предназначение, — резко оборвала Йеннифэр, — можно интерпретировать очень по-разному. Очень. Впрочем, жаль терять время на рассуждения. Повторяю, я не знаю, что намерен делать Геральт и намерен ли что-либо делать вообще. Я же намерена при-

няться за дело лично. Своими методами. И активно, Крах, активно. Я не привыкла сидеть и нюни распускать, ухватившись обеими руками за голову. Я действую!

Ярл поднял брови, но ничего не сказал.

— Я буду действовать, — повторила чародейка. — План уже продуман. А ты, Крах, поможешь мне, выполняя данную тобою клятву.

— Я готов, — твердо заявил Крах. — На все. Драккары стоят в порту. Приказывай, Йеннифэр.

Она не удержалась от смеха.

— Ты всегда одинаков. Нет, Крах, не надо никаких доказательств мужества и мужественности. Не понадобится плыть в Нильфгаард и дубасить топором по запорам врат Города Золотых Башен. Мне нужна менее эффектная помощь. Но более эффективная... Как у тебя дела с финансами?

— Не понял?

— Ярл Крах ан Крайт! Помощь, которая мне нужна, пересчитывается на валюту.

Началось через день, с рассвета. В отданных в распоряжение Йеннифэр покоях воцарился дикий хаос, с которым с величайшим трудом управлялся приданный чародейке сенешаль Гутлаф.

Йеннифэр сидела за столом, почти не поднимая головы от бумаг. Считала, подводила итоги, продельвала расчеты, с которыми тут же гонцы мчались к министру финансов и в островной филиал банка Чианфанелли. Рисовала и чертила. Рисунки и чертежи немедленно попадали в руки мастеров — алхимиков, золотильщиков, стекольщиков, ювелиров.

Некоторое время все шло как по маслу, потом начались сложности.

— Сожалею, милсдарыня чародейка, — процедил сенешаль Гутлаф, — но чего нет, того нет. Мы дали все, что имели. Чудеса и чары творить не научены! А позволю себе заметить, то, что лежит перед вами, это бриллианты общей стоимостью...

— Мне чихать на их общую стоимость! — фыркнула Йеннифэр. — Мне нужен один, но соответствующих размеров. Какой величины, мэтр?

Шлифовальщик камней еще раз глянул на рисунок.

— Чтобы исполнить такой шлиф и такие фасетки? Минимум тридцать каратов.

— Такого камня, — категорично заявил Гутлаф, — нет во всем Скеллиге.

— Неправда, — возразил ювелир. — Есть.

— Как ты себе это представляешь, Йеннифэр? — насупил брови Крах ан Крайт. — Послать солдат, чтобы они штурмом взяли и ограбили храм? Пригрозить монахиням своим гневом, если они не

выдадут бриллиант? Так не пройдет! Не то чтобы я был слишком уж религиозен, но храм есть храм, а жрицы — это жрицы. Я могу лишь вежливо просить. Дать им понять, насколько это для меня важно и сколь велика будет моя благодарность. Но в любом случае это может быть только просьба.

— В которой можно отказать?

— Именно. Но — попытка не пытка. Чем мы рискуем? Сплываем вдвоем на Хиндарсфьялл, выскажем свою просьбу. Я разъясню жрицам положение вещей, дальше — все в твоих руках. Договаривайся. Аргументируй. Пытайся подкупить. Жми на амбиции. Обращайся к высшим силам. Заламывай руки, плачь, дергайся в конвульсиях, бери их на жалость. Дьяволы морские, да неужто мне тебя учить, Йеннифэр?

— Все это впустую, Крах. Чародейка никогда не договорится со жрицами. Слишком велики различия в наших... мировоззрениях. А уж чтобы позволить чародейке воспользоваться «священной» реликвией или артефактом...

— Зачем тебе, собственно, нужен такой бриллиант?

— Чтобы создать «окно», то есть телекоммуникационный мегаскоп. Мне необходимо связаться с несколькими людьми.

— Магически? На расстоянии?

— Если бы достаточно было подняться на вершину Каэр Трольда и орать оттуда, я бы не забивала тебе голову.

Кричали кружащие над водой чайки и глупыши. Пронзительно пищали гнездившиеся на отвесных скалах и рифах Хиндарсфьялла красноногие устричники, хрипло скрипели и гоготали желтоголовые олущи. Черные чубатые морские бакланы внимательно наблюдали за проплывающим баркасом своими отдающими в зелень глазами.

— Вон та нависшая над водой скала, — указал опирающийся о релинг Крах ан Крайт, — это Каэр Хеймдалль, Страж Хеймдалль. Хеймдалль — наш мифологический герой. Легенда гласит, что, когда наступит *Tedd Deiradh*, Час Конца, Час Белого Хлада и Волчьей Пурги, Хеймдалль встанет против злых сил из страны Морхёгг, против демонов и призраков Хаоса. Он встанет на Радужном Мосту и затрубит в рог, подавая знак, что время братья за оружие и строиться в ряды. Для *Rad nar Roog*, Последней Битвы, в которой решится, опустится ли ночь или настанет рассвет.

Баркас ловко проскочил по волне, выйдя на спокойные воды залива между Стражем и другой скалой со столь же фантастическими формами.

— Скала поменьше — Камби, — пояснил ярл. — В наших мифах имя Камби носит волшебный золотой петух, который своим пением предупредит Хеймдалля, что приближается Нагльфар, драккар ада, везущий воинство Тьмы — демонов и призраков из Мор-

хёгга. Нагельфар построен из ногтей трупов. Ты не поверишь, Йеннифэр, но на Скеллиге все еще есть люди, которые, прежде чем предать покойников земле, обстригают им ногти, чтобы не поставлять призракам и упырям Морхёгга строительного материала.

— Поверю. Я знаю силу легенд и мифов.

Фиорд немного заслонил их от ветра, парус захлопал.

— Трубите в рог, — приказал экипажу Крах. — Подходим к берегу, надо упредить благочестивых дамочек, что мы прибываем в гости.

Возведенное на вершине длинной каменной лестницы здание напоминало гигантского ежа — так сильно оно обросло мхом, плющом и кустарником. Йеннифэр заметила, что на его крыше растут не только кусты, но даже небольшие деревья.

— Вот и храм, — сказал Крах. — Окружающая его рощица называется Гиндар и тоже является местом отправления культа. Отсюда берут священную омелу, а на Скеллиге, как ты знаешь, омелой украшают все, от колыбели и до гроба. Осторожнее, ступени скользкие... Религия, хе-хе, сильно обрастает мхом... Позволь взять тебя под руку... Все те же духи... Йенна...

— Крах, прошу тебя... Пожалуйста. Что было — то бывшем поросло...

— Прости. Идем.

Перед храмом ожидали несколько молодых и молчаливых жриц. Ярл вежливо поздоровался и выразил желание поговорить с Верховной Жрицей, которую называл Модрон Сигдрифа. Вошли в помещение, внутрь здания, освещенного столбами света, падающими из высоко расположенных витражей. Один из таких столбов освещал алтарь.

— Сто морских дьяволов! — буркнул Крах ан Крайт. — Совершенно забыл, какой он огромный, этот Брисингамен. Не бывал тут с детства. За то, что тут есть, можно бы скупить все верфи в Цидарисе. Вместе с рабочими и годовой продукцией.

Ярл преувеличивал. Но не сильно.

Над огромным мраморным алтарем, над изваяниями котов и соколов, над каменной чашей для благодарственных подношений возвышалась статуя Модрон Фрейи, Великой Матери, в привычно материнском воплощении — женщина в свободных одеждах, выдающих нарочито подчеркнутую беременность. Голова опущена, лицо скрыто покрывалом. Над сложенными на груди руками богини сверкал бриллиант, элемент золотого ожерелья. Отдающий в голубизну. Чистейшей воды. Огромный.

На глаз — около ста пятидесяти каратов.

— Его даже не пришлось бы резать, — шепнула Йеннифэр. — У него шлиф в розетку, точно такой, какой нужен. Аккуратные фаски для дифракции света...

— Значит, нам повезло.

— Сомневаюсь. Сейчас явятся жрицы, а я, как безбожница, буду оскорблена и с позором выдворена отсюда.

— Преувеличиваешь.

— Нисколько.

— Приветствую тебя, ярл, в храме Матери. Приветствую и тебя, уважаемая Йеннифэр из Венгерберга.

Крах ан Крайт поклонился.

— Будь благословенна, почтенная мать Сигдрифа.

Жрица была высокая, почти с Краха ростом, а значит — на голову выше Йеннифэр. У нее были светлые волосы и глаза, продолговатое, не очень красивое и не очень женственное лицо.

«Где-то я ее уже видела, — подумала Йеннифэр. — Недавно. Где?»

— На лестнице Каэр Трольда, ведущей к порту, — с улыбкой напомнила жрица. — Когда драккары выходили из пролива. Я стояла выше тебя, когда ты оказывала помощь уже начинавшей рожать беременной женщине, не заботясь о платье из очень дорогого камлота. Я это видела. И уже никогда не поверю байкам о бесчувственных и расчетливых чародейках.

Йеннифэр откашлялась, наклонила голову в поклоне.

— Ты стоишь пред алтарем Матери, Йеннифэр. Да снизойдет на тебя милость ее.

— Почтенная, я... Я хотела смиренно просить...

— Молчи. Ярл, у тебя наверняка достаточно много дел. Оставь нас одних здесь, на Хиндарсфьялле. Мы сумеем понять друг друга. Мы — женщины. Не важно, чем мы занимаемся, не важно — кто мы; мы всегда служим той, которая одновременно и Дева, и Матерь, и Старуха. Опустись рядом со мной на колени, Йеннифэр. Склони голову пред Матерью.

— Снять у богини с шеи Брисингамен? — повторила Сигдрифа, и в ее голосе было больше недоверия, чем праведного гнева. — Нет, Йеннифэр. Это просто невозможно. Дело даже не в том, что я не осмелюсь. Даже если б я отважилась, Брисингамен снять невозможно. У ожерелья нет застежки. Оно намертво сплавлено с изваянием.

Йеннифэр долго молчала, спокойно изучая жрицу.

— Если б я знала, — сказала она наконец холодно, — я сразу же отплыла бы с ярлом на Ард Скеллиг. Нет-нет, я вовсе не считаю потерянным время, проведенное в беседе с тобой. Но у меня его очень мало. Поверь мне, очень. Признаюсь, меня обманули твои доброжелательность и сердечность...

— Я доброжелательна, — спокойно сказала Сигдрифа. — Твоим планам я тоже сочувствую всем сердцем. Я знала Цири, я любила эту девочку, меня волнует ее судьба. Я восхищаюсь тобой и той решительностью, с которой ты собираешься идти на помощь ре-

бенку. Я выполняю любое твоё желание. Но не Брисингамен, Йеннифэр. Не Брисингамен. Об этом не проси.

— Сигдрифа, чтобы отправиться на помощь Цири, мне необходимо получить некоторые сведения. Кой-какую информацию. Без этого я бессильна. Знания и информацию я могу получить только путем телекоммуникации. Чтобы связываться на расстоянии, мне нужно построить при помощи магии магический артефакт — мегаскоп.

— Устройство вроде вашего знаменитого хрустального шара?

— Гораздо более сложное. Шар обеспечивает телесвязь исключительно с другим, сочетающимся с ним шаром. Даже у местного краснолюдского банка есть такой шар, используемый им для связи с центральным банком. У мегаскопа намного больше возможности... Впрочем, к чему теоретизировать. Без бриллианта все равно ничего не получится. Ну что ж, давай прощаться...

— Не спеши так...

Сигдрифа встала, прошла через неф, остановилась перед алтарем и изваянием Модрон Фрейи.

— Богиня, — сказала она, — покровительствует также вещуньям, ясновидящим, телепаткам. Это символизируют ее священные животные: кот, который слышит и видит укрытое, и сокол, который видит сверху. Это символизирует драгоценность богини — Брисингамен, ожерелье ясновидения. Зачем строить какие-то видящие и слышащие приборы, Йеннифэр? Не проще ли обратиться за помощью к богине?

В последний момент Йеннифэр удержалась, чтобы не выругаться. Как ни говори, а это было место культа.

— Подходит время вечерней молитвы, — продолжила Сигдрифа. — Вместе с другими жрицами я посвящу себя медитации. Буду просить богиню помочь Цири. Той Цири, которая не раз бывала здесь, в храме, не раз глядела на Брисингамен на шее Великой Матери. Пожертвуй еще часом или двумя твоего бесценного времени, Йеннифэр. Останься здесь, с нами, на время молитвы. Поддержи меня, когда я буду молиться. Поддержи мыслью и присутствием.

— Сигдрифа...

— Я прошу. Сделай это для меня. И для Цири.

Драгоценность Брисингамен. На шее богини.

Йеннифэр сдержала зевоту.

«Хоть какое-нибудь бы пение, — подумала она, — какие-нибудь заклинания, какие-нибудь мистерии... Какой-нибудь мистический фольклор... Было бы не так нудно, не так бы клонило в сон. Но они просто стоят на коленях, склонив головы. Неподвижные, молчаливые...

А однако могут, когда хотят, оперировать Силой, и порой — не хуже нас, чародеек. И по-прежнему остается загадкой, как они

это делают. Никакой подготовки, никакого обучения, никаких занятий... Только медитация и молитва. Вдохновение? Разновидность самогипноза? Так утверждала Тиссая де Врие... Они черпают энергию бессознательно, в трансе, и в трансе обретают способность ее преобразовывать подобно тому, как делаем мы нашими заклинаниями. Трансформируют энергию, трактуя это как дар и милость божества. Вера дает им силу.

Почему нам, чародейкам, никогда не удавалось ничего подобного?

А что, если попытаться? Воспользоваться атмосферой и аурой этого места? Ведь я могла бы сама погрузить себя в транс... Ну, вот хотя бы глядя на этот бриллиант... Брисингамен... Интенсивно размышляя о том, как изумительно он выполнял бы свою роль в моем мегаскопе...

Брисингамен... Он горит, как утренняя звезда там, во мраке, в дыме кадил и коптящих свечей...»

— Йеннифэр!

Она подняла голову.

В храме было темно. Сильно пахло дымом.

— Я уснула? Прости...

— Прощать нечего. Иди за мной.

Снаружи ночное небо горело мерцающим, меняющимся как в калейдоскопе светом. Полярное сияние? Йеннифэр протерла глаза, пораженная увиденным. *Aurora borealis*? В августе?

— Чем ты можешь пожертвовать, Йеннифэр?

— Не поняла.

— Готова ли ты пожертвовать собой? Своей бесценной магией?

— Сигдрифа, — зло ответила она. — Не испытывай на мне свои вдохновенные штучки. Мне девяносто четыре года. Но прими это как тайну исповеди. Я открываюсь тебе только для того, чтобы ты поняла, что нельзя относиться ко мне, как к ребенку.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— И не собираюсь. Ибо это мистицизм, который я не принимаю. Я уснула во время вашего моления. Меня оно утомило. Поэтому что я не верю в твою богиню.

Сигдрифа отвернулась, а Йеннифэр помимо воли вздохнула. Очень глубоко.

— Не скажу, что твое неверие мне льстит, — сказала женщина с глазами, заполненными расплавленным золотом. — Но разве твое неверие что-нибудь изменит?

Единственное, что Йеннифэр была в состоянии сделать, это выдохнуть.

— Придет время, — сказала златоглазая женщина, — когда абсолютно никто, включая детей, не будет верить в чародейку. Я говорю тебе это намеренно зло. В виде реванша. Пошли.

* Северное сияние (лат.).

— Нет. — Йеннифэр наконец удалось переломить пассивные вдохи и выдохи. — Нет! Никуда я не пойду! Довольно! Это наговор или гипноз. Иллюзия! Транс! У меня выработаны защитные механизмы... Все это я могу развеять одним-единственным заклинанием, вот так! А, дьявол...

Златоглазая подошла ближе. Бриллиант в ее ожерелье горел как утренняя звезда.

— Ваша речь постепенно перестает служить взаимопониманию, — сказала она. — Она превращается в искусство ради искусства, чем менее она понятна, тем считается более глубокой и мудрой. А ведь я призывала вас уже тогда, когда вы только и умели, что «Э-э-э-э» да «Гу-гу». Идем.

— Это иллюзия, транс... Никуда я не пойду!

— Я не собираюсь тебя принуждать. Это было бы позорно. Ведь ты разумная и гордая девушка. С характером.

Равнина. Море трав. Вересковые заросли. Камень, выступающий из вересков, будто спина притаившегося хищника.

— Ты возжелала обладать драгоценностью, Йеннифэр. Я не могу ее тебе дать, предварительно не уверившись кое в чем. Я хочу проверить, что в тебе сокрыто. Поэтому я привела тебя сюда, на то место, которое с незапамятных времен было и осталось местом Силы и Могуущества. Утверждают, что твоя бесценная магия действует всюду. Кажется, стоит протянуть руку. Ты не боишься ее протянуть?

У Йеннифэр пресеклось дыхание. Она молчала, не в состоянии произнести ни единого слова.

— Сила, способная преобразовывать мир, — сказала женщина, которую нельзя было называть по имени, — есть, по-твоему, Хаос, искусство и наука? Проклятие, благословение и прогресс. А случайно, не есть ли она Вера? Любовь? Жертвенность?

Слышишь? Поет петух Камби. Волна бьет о берег. Волна, которую разрезает нос Нагльфара. Поет рог Хеймдалля, стоящего лицом к врагу на радужной дуге Бифроста. Подступает Белый Хлад, надвигаются Вьюга и Пурга... Земля дрожит от содроганий Змея...

Волк пожирает Солнце. Луна чернеет. Есть только холод и тьма. Ненависть, месть и кровь...

На чью сторону ты встанешь, Йеннифэр? Где ты будешь — на восточном или же на западном краю Бифроста? Будешь с Хеймдаллем или против него?

Поет петух Камби.

Решай, Йеннифэр. Выбирай. Ибо только для того вернули тебе некогда жизнь, чтобы ты в нужный момент могла свершить выбор.

Свет или Тьма?

— Добро и Зло, Свет и Тьма, Порядок и Хаос? Все это лишь символы, в действительности такой полярности не существует! Свет и Тьма есть в каждом, немного того, немного другого. Это бессмысленный разговор. Бессмысленный. Я не принимаю мистицизм.

Ты и Сигдрифа считаешь, что Волк пожирает Солнце. Я же знаю, что это — затмение. И пусть так оно и останется.

Останется? Что?

Она почувствовала, как земля уходит из-под ног, как какая-то чудовищная сила выкручивает ей руки, ломает суставы в плечах и локтях, натягивает позвонки, словно при пытке страппадо. Она крикнула от боли, рванулась, открыла глаза. Нет, это не был сон. Это не мог быть сон. Она висела на дереве, распятая на ветвях огромного ясеня. Высоко над ней кружил сокол, под ней, внизу, во мраке, слышалось шипение змея, шелест трущихся одна о другую чешуек.

Что-то пошевелилось рядом. По ее напряженному, измученному болью плечу пробежала белочка.

— Ты готова? — спросила белочка. — Готова ли ты к самопожертвованию? Чем ты готова пожертвовать?

— У меня нет ничего! — Боль ослепляла и парализовывала. — И даже если б было, я не верю в смысл такого самопожертвования! Я не хочу страдать ни за какие миллионы! Я не хочу страдать вообще! Ни за кого и ни ради кого!

— Страдать не хочет никто. А ведь это — удел каждого. Просто некоторые страдают сильнее. Не обязательно по собственному выбору. Дело не в том, что ты терпишь страдания. Дело в том, как ты их терпишь.

Янка! Яночка!

Забери от меня это горбатое уродище! Я не хочу ее видеть!

Это твоя дочка, точно так же, как и моя.

Да? Мои дети — нормальные!

Как ты смеешь... Как ты смеешь намекать...

Это в твоей эльфьей родне были чаровницы. Это ты прервала первую беременность. Вот все из-за чего. У тебя порченная эльфья кровь и лоно, женщина. Поэтому ты рождаешь уродов.

Это несчастное дитя... Такова была воля богов! Это твоя дочь, точно так же, как и моя! Что мне было делать? Удушить ее? Не перевязывать пуповину? Что мне делать теперь? Вывезти ее в лес и оставить там? Чего ты, о боги, от меня хочешь?

Папа! Мама!

Вон, чудовище!

Как ты смеешь! Как ты смеешь бить ребенка! Стой! Куда ты? Куда? К ней, да? К ней?

Да, женщина. Я — мужчина, мне вольно удовлетворять желание, где хочу и когда хочу. Это мое естественное право. А ты мне отвратительна. Ты и плод твоей вырожденной матки. Не жди меня к ужину. Я не приду ночевать.

Мама...

Почему ты плачешь?

Зачем ты бьешь меня и отталкиваешь? Ведь я была послушной.

Мама! Мамочка!

- Способна ли ты прощать?
- Я уже давно простила.
- Насытившись первой мстью?
- Да.
- Ты сожалеешь?
- Нет.

Боль. Чудовищная боль истязаемых рук и пальцев.

— Да, я виновна! Ты это хотела услышать? Признание и раскаяние? Ты хотела увидеть, как Йеннифэр из Венгерберга кается и бьет себя в грудь? Нет, такого удовольствия я тебе не доставлю. Вину признаю и жду кары. Но моего раскаяния ты не дождешься!

Боль доходит до предела.

— Ты перечисляешь мне преданных, обманутых, использованных, ты обвиняешь меня от имени тех, кто умер от моей ли руки, или из-за меня покончивших с собой? То, что когда-то я подняла руку на самое себя? Значит, были основания! И я не жалею ни о чем! Даже если б могла повернуть время вспять... Я не жалею ни о чем.

На ее плечо опустился сокол.

*Башня Ласточки. Башня Ласточки. Спешу к Башне Ласточки.
Доченька.*

Поет петух Камби.

Цири мчится галопом на вороной кобыле, пепельные волосы разметал ветер. С лица льется и брызжет кровь, яркая, живая... Вороная кобыла взвивается птицей, гладко перемахивает над воротами. Цири качается в седле, но не падает...

Цири среди ночи, в каменисто-песчаной пустыне, с поднятой рукой, из руки вырывается светящийся шар... Единорог, разгребающий копытом щебень... Много единорогов... Огонь... Огонь...

Геральт на мосту. В битве. В огне. Пламя отражается в острие меча.

Фрингиля Виго, ее зеленые глаза широко раскрыты от удовольствия, ее темная стриженная головка лежит на раскрытой книге, на фронтисписе... Видна часть заглавия: «Заметки о смерти неминуемой»...

В глазах Фрингили отражаются глаза Геральта.

Бездна. Дым. Лестница, ведущая вниз. Лестница, по которой надо пройти. Что-то кончается. Надвигается *Tedd Deireadh*, Час Конца...

Тьма. Сырость. Пронизывающий холод каменных стен. Холод на запястьях, на шиколотках. Боль, пульсирующая в изуродованных руках, разрывающая разможенные пальцы...

Цири держит ее за руку. Длинный, темный коридор, каменные колонны, а может, статуи... Мрак. В нем шепоты, тихие, как шум ветра.

Двери. Бесконечное множество дверей с гигантскими тяжелыми створками беззвучно отворяются перед ними. А на конце, в непроглядной тьме, те, которые не откроются сами. Которых открывать нельзя.

Если боишься, вернись.

Эти двери отворять нельзя. Об этом ты знаешь.

Знаю.

И все-таки ведешь меня туда.

Если боишься — вернись. Еще не поздно. Есть еще время возвратиться.

А ты?

Мне — поздно.

Поет нетух Камби.

Пришел Tedd Deireadh.

Aurora borealis.

Рассвет.

— Йеннифэр, проснись.

Она подняла голову. Посмотрела на руки. Обе на месте. Целые.

— Сигрдрифа? Я уснула...

— Идем.

— Куда? — шепнула она. — Куда теперь?

— Я тебя не понимаю. Идем. Ты должна это увидеть. Случилось нечто... Нечто поразительное... Никто из нас не знает, как и чем это объяснить. Но я догадываюсь. Милостью... Снизойшла на тебя милость богини, Йеннифэр.

— О чем ты, Сигрдрифа?

— Взгляни.

Она взглянула. И громко вздохнула.

Брисингамен, священная драгоценность Модрон Фрейи, уже не висел на шее богини. Он лежал у ее ног.

— Я верно понял? — удостоверился Крах ан Крайт. — Ты отправляешься с этим магическим устройством на Хиндарсфьялл? Жрицы отдают тебе священный бриллиант? Позволяют использовать в твоей адской машине?

— Да.

— Ну-ну, Йеннифэр. Уж не обратили ли тебя жрицы в свою веру? Что там произошло, на острове?

— Не важно. Я возвращаюсь в храм, вот и все.

— А финансовая поддержка, о которой ты просила? Понадобится?

— Вероятно, да.

— Сенешаль Гутлаф выполнил все твои поручения. Но, Йеннифэр, потрать деньги побыстрее. Я получил новые сведения. Поспеши.

— Чертовщина! Этого я и опасалась. Они уже знают, где я?

— Пока еще нет. Однако меня предупредили, что ты можешь появиться на Скеллиге, и, если это случится, посоветовали немедленно арестовать. Велено также брать во время экспедиций пленных и выжимать из них информацию или хотя бы обрывки касающихся тебя сведений. О твоём пребывании в Нильфгаарде либо в провинциях. Йеннифэр, поспеши. Если они тебя выследят и доберутся сюда, на Скеллиге, я окажусь в несколько щекотливом положении.

— Сделаю все, что в моих силах. Постараюсь тебя не скомпрометировать. Не бойся.

Крах оскалился.

— Я сказал: «в несколько». Я не боюсь. Ни королей, ни чародеев. Они ничего не могут мне сделать, ибо я им нужен. А оказывать тебе помощь я обязан в силу ленной присяги. Да, да, ты верно поняла. Формально я остаюсь вассалом короны Цинтры. А Цирилла имеет формальные права на эту корону. Представляя Цириллу в качестве ее единственного опекуна, ты имеешь формальное право приказывать мне, требуя послушания и сервитутов.

— Казуистические софизмы.

— Конечно, — фыркнул он. — Я сам заявлю об этом во весь голос, если, несмотря ни на что, окажется, что Эмгыр вар Эмрейс принудил девушку к замужеству. А также в том случае, если с помощью каких-либо юридических выкрутасов и крючкотворства Цири лишили права на престол и возвели на него кого-нибудь другого, например, балбеса Виссегерда. Тогда я незамедлительно отрежусь от послушания и ленной присяги.

— А если, — прищурилась Йеннифэр, — несмотря ни на что, окажется, что Цири... мертва?

— Она жива, — твердо заявил Крах. — Я знаю это наверняка.

— Откуда бы?

— Ты не захочешь поверить.

— А ты попробуй.

— Королевская кровь Цинтры, — начал Крах, — удивительнейшим образом связана с морем. Когда умирает кто-либо из женщин этой крови, море начинает безумствовать. Тогда люди говорят, что Ард Скеллиг оплакивает дочерей Рианнон. Потому что в этих случаях шторм бывает таким зловещим, что бьющие с запада волны продаются сквозь расщелины и пещеры на восточную сторону острова и из скал неожиданно вырываются соленые потоки. А весь остров дрожит. Простой народ говорит: это рыдает Ард Скеллиг. Опять кто-то умер. Умерла кровь Рианнон. Старшая Кровь.

Йеннифэр молчала.

— И это не сказки, — продолжал Крах. — Я видел сам, собственными глазами. Трижды. После смерти Адалии Ворожейки, после смерти Калантэ... И после смерти Паветты, матери Цири.

— Паветта, — заметила Йеннифэр, — погибла именно из-за шторма, так что трудно говорить о...

— Паветта, — прервал Крах, по-прежнему задумчиво, — не погибла из-за шторма. Шторм разыгрался после ее смерти, море, как всегда, отреагировало на гибель представительницы цинтрийской королевской крови. Я достаточно долго изучал это явление. И уверен в своем.

— Интересно б знать, в чем именно?

— Корабль, на котором плыли Паветта и Дани, пропал на знаменитой Седниной Бездне. Это был не первый корабль, исчезнувший там. Ты наверняка знаешь.

— Сказки. Корабли терпят крушения, дело вполне естественное...

— На Скеллиге, — резко прервал Крах, — мы достаточно много знаем о кораблях и мореходстве, чтобы уметь отличить естественные катастрофы от противоестественных. На Седниной Бездне корабли погибают неестественно. И не случайно. То же относится и к кораблю, на котором плыли Паветта и Дани.

— Не стану спорить, — вздохнула чародейка. — Да и какое это имеет значение? Спустя без малого пятнадцать-то лет?

— Для меня имеет, — стиснул зубы ярл. — Я объясню. Все упирается во время. Но я докопаюсь... Я найду объяснение. Найду объяснение всем этим загадкам. И той, во время цинтрийской бойни...

— Что еще за очередная загадка?

— Когда нильфгаардцы ворвались в Цинтру, — проворчал он, глядя в окно, — Калантэ приказала тайно вывезти Цири из города. Дело в том, что город уже горел. Черные были повсюду, шансы выбраться из окружения были минимальными. Королеву отговаривали от рискованного мероприятия. Советовали Цири формально сдаться гетману Нильфгаарда и тем самым спасти жизнь себе и самостоятельность Цинтре. А на пылающих улицах она неизбежно и бессмысленно погибла бы от рук солдатни. Но Львица... Знаешь ли ты, что, по словам очевидцев, она ответила?

— Нет.

— «Уж лучше пусть кровь девочки прольется на брусчатку Цинтры, чем подвергнется осквернению». Осквернению чем?

— Супружеством с императором Эмгыром. Мерзким и скверным нильфгаардцем, ярл. Уже поздно. Завтра на заре я начинаю... Я буду держать тебя в курсе...

— Надеюсь... Спокойной ночи, Йенна... Хм-м...

— Что еще, Крах?

— А у тебя нет, хм-м-м, желания...

— Нет, ярл. Что было, то было да быльем поросло. Спокойной ночи.

* * *

— Это ж надо! — Крах ан Крайт поглядел на гостью, наклонив голову. — Трисс Меригольд собственной персоной. Ах, какое прелестное платье. А шубка... Шиншилла, не так ли? Я б спросил, что привело тебя на Скеллиге... Если б не знал что. Но знаю.

— Ну и прелестно. — Трисс обольстительно улыбнулась, поправила изумительные каштановые волосы. — Как славно, что знаешь, ярл. Это избавит нас от вступлений и предварительных выяснений и позволит сразу же перейти к делам.

— К каким делам? — Крах скрестил руки на груди и окинул чародейку холодным взглядом. — Что именно нам надо было бы предварять вступлениями, на какие пояснения ты рассчитываешь? Кого ты представляешь, Трисс? По чьему поручению прибыла? Король Фольтест, которому ты служила верой и правдой, отблагодарил тебя за службу изгнанием. Хоть ты ни в чем не провинилась. Тебя выгнали из Темерии. Я слышал — тебя взяла под крыло Филиппа Эйльхарт, в данное время фактически правящая в Редании на пару с Дийкстрой. Похоже, ты отрабатываешь право на убежище со всяческим старанием. Не колеблешься даже взять на себя роль тайного агента, чтобы следить за своей бывшей подругой.

— Ошибаешься, ярл.

— Смиренно извиняюсь. Если ошибся. А я ошибся?

Они долго молчали, недоверчиво разглядывая друг друга. Наконец Трисс махнула рукой, выруталась, топнула каблучком.

— А, к чертям собачьим! Хватит водить друг друга за нос! Какое теперь имеет значение, кто кому служит, кто за кого держится, кто кому верит и почему? Йеннифэр мертва. По-прежнему не известно, где и в чьей власти находится Цири... Какой смысл играть в прятки? Я приплыла сюда не как шпион, Крах. Я прибыла по собственной воле как частное лицо. Гонимая заботой о Цири.

— Все только и знают, что заботятся о Цири. Везет девочке.

У Трисс заблестели глаза.

— Я б не стала смеяться. На твоем месте — особенно.

— Прости.

Они помолчали, глядя в окно на красный шар солнца, заходящего за лесистые вершины Спикерооги.

— Трисс Меригольд...

— Слушаю тебя, ярл.

— Приглашаю отужинать. Да, повар велел спросить, все ли чародейки брезгут хорошо приготовленными дарами моря?

Трисс не брезговала дарами моря. Совсем наоборот — съела их в два раза больше, чем собиралась, и теперь серьезно опасалась за талию — за те двадцать два дюйма, которыми так гордилась. Решила вспомоществовать пищеварительному процессу белым вином, знаменитым эст-эст из Туссента. Как и Крах, она пила его из рога.

— Значит, так, — заговорила она, осушив рог. — Йеннифэр явилась сюда девятнадцатого августа, эффектно сверзившись с неба в рыбацкие сети. Ты как верный ленник Цинтры предоставил ей убежище. Помог построить мегаскоп... С кем и о чем она разговаривала, ты, разумеется, не знаешь.

— Не знаю, — хитро усмехнулся Крах. — Ну, разумеется, не знаю. Откуда мне, бедному и простому моряку, что-то знать о действиях могущественных чародей?

Сигдрифа, жрица Модрон Фрейи, низко опустила голову, словно вопрос Краха ан Крайта придавил ее тысяchefунтовым грузом.

— Она мне доверилась, ярл, — еле слышно прошептала жрица. — Нет, не требовала, чтобы я поклялась молчать, ей просто нужно было сохранить все в тайне. Я, поверь, не знаю...

— Модрон Сигдрифа, — серьезно прервал Крах ан Крайт. — То, о чем я тебя прошу, — не доносительство. Как и ты, я симпатизирую Йеннифэр, как и ты, я хочу, чтобы она отыскала и защитила Цири. Больше того, я дал клятву блоэдгеас, клятву крови! Так что по отношению к Йеннифэр мною руководит забота о ней. Это невероятно гордая женщина. Даже идя на очень большой риск, она не унижится до просьб. Поэтому я не исключаю, что придется прийти ей на помощь непрошеными. Но для этого мне нужна информация.

Сигдрифа откашлялась, и хоть лицо у нее было словно вырезанное из камня, голос, когда она заговорила, слегка дрожал.

— Она построила свою машину... Вообще-то никакая это не машина, там нет ни одного механизма, ни одной подвижной части, просто два зеркала, черная бархатная занавеска, ящик, две линзы, четыре светильника, ну и, конечно, Брисингамен... Когда она произносит заклинание, свет от двух светильников падает...

— Оставим в стороне детали. С кем она связывалась?

— С несколькими людьми. С чародеями... Ярл, я не уловила всего, но то, что слышала... Среди них были люди действительно мерзостные. Никто не хотел помогать бескорыстно... Требовал денег... Все требовали денег...

— Знаю, — проворчал Крах. — Банк сообщил мне об отправленных переводах. В солидную, ох, солидную суммочку обходится мне моя клятва! Но деньги — дело наживное. То, что я потерял на Йеннифэр и Цири, возьму с нильфгаардских провинций. Но продолжай, мать Сигдрифа.

— Некоторых, — жрица опустила голову, — она откровенно шантажировала. Давала им понять, что обладает компрометирующими сведениями и в случае отказа сотрудничать откроет их всему миру... Ярл... Это мудрая и вообще-то добрая женщина... Но моральных принципов у нее нет и в помине... Она беспощадна. И жестока.

— Это-то как раз я прекрасно знаю. А вот подробности шантажа знать не хочу, да и тебе советую поскорее забыть. Слишком опасные знания. С таким огнем посторонним играть не следует.

— Знаю, ярл. Я обязана быть послушной тебе... И верю, что твои цели оправдывают средства. Никто другой не узнает от меня ничего. Ни друзья за дружеской беседой, ни враги на пытках.

— Хорошо. Модрон Сигрдрифа. Очень хорошо... Чего касались вопросы Йеннифэр, помнишь?

— Не всегда и не все я понимала, ярл. Они пользовались жаргоном, который трудно уразуметь... Часто речь шла о каком-то Вильгефорце...

— А как же иначе-то! — Крах громко скрежетнул зубами. Жрица испуганно взглянула на него.

— Много говорилось также об эльфах и ведунах, — продолжала она. — И о магических порталах. Шла речь даже о Бездне Седны... Однако, как мне кажется, в основном о башнях.

— Башнях?

— Да. О двух. Башне Чайки и Башне Ласточки.

— Так я и думала, — сказала Трисс. — Йеннифэр начала с того, что раздобыла секретный доклад комиссии Радклиффа, изучавшей события на Танедде. Не знаю, какие сведения об этой афере дошли сюда, на Скеллиге... Ты слышал о телепорте Башни Чайки? И о комиссии Радклиффа?

Крах ан Крайт подозрительно глянул на чародейку.

— К нам, на острова, — поморщился он, — не доходят ни политика, ни культура. Мы таки здорово поотстали.

— Комиссия Радклиффа, — Трисс решила, что лучше не обращать внимания ни на его тон, ни на его мину, — особенно детально изучала ведущие с Танедда телепортные следы. Расположенный на острове портал, Тор Лара, пока существовал, сводил на нет любые попытки телепортационной магии на значительном расстоянии от себя. Но, как ты, несомненно, знаешь, Башня Чайки взорвалась и развалилась, разблокировав тем самым телепортацию. Большинство участников событий на Танедде выбрались с острова при помощи открывшихся порталов.

— Верно, — улыбнулся ярл. — К примеру, ты, Трисс, полетела напрямую в Брокилон. С ведьмаком на загривке.

— Ну вот, извольте, — взглянула ему в глаза Трисс. — Политика не доходит, культура не доходит, а сплетни, видите ли, доходят. Но временно оставим это в покое, вернемся к комиссии Радклиффа. Комиссия намеревалась установить точно, кто и куда телепортировался с Танедда. Использовали так называемые синопсы, чары, способные восстановить картину прошлых событий и сопоставить обнаруженные телепортационные следы с их направлениями. И в результате привязать к конкретным особам, открывшим порталы. Это удалось практически во всех случаях. Кроме одного. Один телепортал не вел никуда. Точнее — в море. На Бездну Седны.

— Кто-то, — с ходу догадался ярл, — телепортировался на ожидавший в условленном месте корабль. Интересно только, за-

чем так далеко? И в место с такой дурной славой? Но, когда топор висит над головой...

— Именно. Комиссия тоже так рассудила. И сделала вывод: сам Вильгефорц, схватив Цири и не имея иного выхода, воспользовался резервным путем — вместе с девушкой телепортировался на Бездну Седны, где его ожидал нильфгаардский корабль. По мнению комиссии, так можно объяснить тот факт, что Цири была представлена императорскому двору в Лок Криме уже десятого июля, то есть всего лишь через десять дней после событий на Танедде.

— Ну да, — прищурился ярл. — Это многое объясняет. Разумеется, при условии, что комиссия не ошиблась.

— Конечно. — Чародейка выдержала взгляд и даже позволила себе насмешливо улыбнуться. — В Лок Криме, надо понимать, мог с таким же успехом быть представлен двойник, а не истинная Цири. И это тоже может многое объяснить. Однако не объясняет еще одного факта, установленного комиссией Радклиффа. Факта столь удивительного, что в первом варианте доклада его упустили как слишком уж неправдоподобный. Однако во втором, строго секретном варианте доклада этот факт привели. В качестве гипотезы.

— Я уже давно сгораю от нетерпения, Трисс.

— Гипотеза комиссии такова: телепорт Башни Чайки сработал, через него кто-то прошел, причем энергия прохода была столь велика, что после этого телепорт взорвался и развалился.

— Йеннифер, — помолчав, добавила Трисс, — стало известно то, что комиссия Радклиффа вначале скрyla, а затем упомянула в секретном докладе. Имеется возможность... Тень возможности... Что Цири удалось безопасно пройти порталом Тор Лара. Что она сбежала от Нильфгаарда и Вильгефорца...

— Тогда где же она находится?

— Я б тоже хотела знать.

Было чертовски темно, скрывающийся за тучами месяц вообще не давал света. Однако по сравнению с предыдущей ночь была исключительно безветренна и благодаря этому не так холодна. Лодчонка лишь слабо покачивалась на водной ряби. Пахло болотом. Прелыми листьями. И угорьей слизью.

Где-то у берега бобер шлепнул хвостом по воде, да так, что оба они подскочили. Цири была уверена, что Высогота задремал, а бобер его разбудил.

— Продолжай, — сказала она, утирая нос чистой, еще не покрывшейся слизью частью рукава. — Не спи. Когда ты засыпаешь, у меня глаза тоже начинают слипаться, того и гляди течение снесет нас и проснемся мы в открытом море! Рассказывай дальше, что там, с порталами этими?

— Сбегая с Танедда, — начал старик, — ты прошла через портал Башни Чайки, Тор Лара. А Джооффри Монк, автор труда «Ма-

гия Старшего Народа», представляющего собой *Opus magnum** знаний об эльфьих телепортах, пишет, что портал *Tor Lara* ведет к Башне Ласточки...

— Телепорт из Танедда действовал искаженно, — прервала Цири. — Может, раньше, прежде чем испортиться, он и вел к какой-то ласточке. Но теперь ведет в пустыню. Это называется: «хаотический портал». Я учила.

— Представь себе, я тоже, — хмыкнул старик. — Много из того, что изучал, помню. Именно поэтому меня так поразил твой рассказ... Некоторые его фрагменты. Именно те, которые касаются телепортации...

— Ты можешь говорить яснее?

— Могу, Цири. Могу. Но сейчас уже самая пора вытаскивать вентерь. Он наверняка полон угрей. Готова?

— Готова. — Цири поплевала на руки и ухватилась за багор. Высогота уцепился за уходящую в воду веревку.

— Тянем. Раз, два, три! И в лодку! Лови их, Цири, лови! В корзину, иначе сбегут!

Уже вторую ночь они выплывали на долбленке на болотистый разлив реки, ставили вентеря и верши на угрей, которые массой тянулись к морю. Возвращались в хату далеко за полночь, учуханные слизью с головы до ног, мокрые и умученные как дьяволы.

Но сразу же спать не укладывались. Улов, предназначенный для бартера, надо было поместить в корзины и как следует прикрыть — отыщи угорь малейшую щелочку, и утром в корзине не останется ни одного. После работы Высогота сдирал кожу с двух либо трех самых толстых угрей, резал их на кружочки, обваливал в муке и жарил на огромной сковороде. Потом они ели и разговаривали.

— Понимашь, Цири, мне все время не дает покоя одна штука. Я не могу забыть, как сразу после твоего выздоровления мы не могли никак сговориться относительно дат, при этом рана на твоей щеке была точнейшим из возможных календарей. Этой ране не могло быть больше десяти часов, а ты упорно твердила, что тебя ранили четыре дня назад. Хотя я и был уверен, что это обычная ошибка, но думать об этом не переставал, все время спрашивал себя — куда подевались потерянные четыре дня?

— Ну и что? Куда они, по-твоему, завалились?

— Не знаю.

— Изумительно!

Кот проделал рекордный прыжок в длину, схваченная когтями мышь тоненько пискнула. Котяра неспешно перегрыз ей шею, выпотрошил и принялся с аппетитом ужинать. Цири безразлично смотрела на него.

— Телепорт Башни Чайки, — снова затянул Высогота, — ведет к Башне Ласточки. А Башня Ласточки...

* Основной труд (*лат.*).

Кот закончил мышь. Хвост оставил на десерт.

— Телепорт Tor Lara, — сказала Цири, зевая во весь рот, — нарушен и ведет в пустыню. Я тебе уже говорила сто раз.

— Не о том речь, а о том, что существует связь между двумя этими телепортами. Портал Tor Lara был искажен, согласен. Но существует еще телепортал Tor Zireael. Если б ты добралась до Башни Ласточки, то могла бы телепортироваться обратно на остров Танедд. Оказалась бы далеко от грозящей тебе опасности, вне досягаемости твоих врагов.

— Ха! Это б меня устроило. Однако есть один пустячок: я не знаю, где находится Башня Ласточки.

— Против этого мы, пожалуй, найдем средство. Знаешь, Цири, что дает человеку университетское образование?

— Нет. Что?

— Умение пользоваться источниками.

— Я знал, — гордо заявил Высогота, — что найду. Я искал, искал и... А, черт побери...

Кипа тяжелых книг вырвалась у него из рук, инкунабулы рухнули на глинобитный пол, листы вылетели из истлевших корочек и рассыпались в беспорядке.

— Что ты нашел? — Цири приткнулась рядом, помогая ему собрать разлетевшиеся страницы.

— Башню Ласточки! — Отшельник отогнал кота, который нахально уселся на одной из страниц. — Tor Zireael. Помоги мне.

— Господи, все заросло пылью! Аж липнет! Высогота! Что это? Здесь, на картинке? Человек, висящий на дереве?

— Это? — Высогота присмотрелся к выскользнувшей странице. — Сцена из легенды о Хеймдалле. Герой Хеймдалль девять дней и девять ночей провисел на Мировом Ясене, чтобы через боль и самопожертвование обрести знание и силу.

— Мне, — потерла лоб Цири, — несколько раз снилось нечто подобное. Человек, висящий на дереве...

— Гравюра вылетела из той вон книги. Если хочешь, можешь посмотреть. Однако сейчас важнее... О, вот оно, нашел. «Странствования по тропам и магическим местам» Буйвида Бэкуйзена, книга, которую многие считают апокрифом...

— То есть ерундистикой?

— Более или менее. Но были и такие, что книгу оценили... Вот послушай... Дьявол, как тут темно...

— Света вполне достаточно, это ты от старости слепнешь, — сказала Цири со свойственной молодости беспощадной жестокостью. — Дай я сама почитаю. Откуда?

— Отсюда. — Он указал костлявым пальцем. — Читай вслух.

— Станным языком писал твой Буйвид. Если не ошибаюсь, Ассенгард был вроде бы какой-то замок. А что за страна «Стоозерье»? Никогда о такой не слышала. И что такое трифолиум?

— Клевер. А об Ассенгарде и Стоозерье я тебе расскажу после, когда кончишь читать.

«Живенько же, едва эльф Аваллак'х оные слова произнес, выбегли из-под вод озерных пташулечки малые и чернявые, кои на дне пучины цельную зиму от холода хоронились. Ибо ласточка, как то ученым людям ведомо, по обычаю иных птицев во теплые краины не летит и по весне не возвращается, но, коготками в зело большие клубки со другими сцепившись, на дно вод западает и токмо по весне из-под вод *de profundis** вылетает. Однако ж птах сей не токмо весны и надежды символом является, но и чистоты идеальной образчиком, поелику на землю никогда не опускается и с земною грязью и мерзостью столкновенности никакой не имеет.

Возвернемся, однако ж, к озеру нашему: кружащие пташки, я бы сказал, крылышками своими распростили туман, ибо *tandem*** нежданно возникнула из мглы башенка прерасчудесная, чернокнижнецкая, мы же единым изумления гласом выдохнули, ибо была та башенка как бы из опаров соткана, на туман, яко на *fundamentum****, опирающаяся, а при вершине блеском зари увенчана, чернокнижнецкой *aurora borealis*. Истинно могущественности магическим кунштом**** могла быть оная башенка воздвигнута, свыше разумения человеческого.

Оборотил внимание на наше восхищение эльф Аваллак'х и говорил такие слова: «Вот *Tor Zireael*, Башня Ласточки. Вот Врата Миров и Врата Времен. Натешь, человече, очи свои видом сим, ибо не каждому и не всегда бывает он дан!»

Будучи вопрошаем, можно ли приблизиться и из близи на оную Башню взглянуть, либо *propria manu****** коснуться, рассмеялся Аваллак'х. «*Tor Zireael*, — сказал он, — это для вас видение сонное, а коснуться видения никакой возможности нет. И сие есть благо, — добавил он, — ибо Башня лишь Ведунам служит и многим Избранным, для коих Врата Времен суть врата надежды и возрождения. А для непосвященных это врата кошмара».

Едва он сии слова произнес, опустились вновь туманы и лепоты оной оглядеть нашим очам не дозволили...»

— Страна Стоозерье, — пояснил Высогота, — теперь называется Миль Трахта. Это довольно обширный, перерезанный рекой Йеленой озерный край в южной части Метинны, близ границы с Назаиром и Мак Тургой. Буйвид Бэкуйзен пишет, что они шли к озеру с юга, со стороны Ассенгарда... Сегодня уже Ассенгарда нет, остались одни развалины, самый ближний город — Нойнройт.

* из глубины (лат.).

** наконец (лат.).

*** фундамент (лат.).

**** искусством (искаж. нем.).

***** собственной рукой (лат.).

Буйвид насчитал от Ассенгарда шестьсот стае. Разные стае были в употреблении, но в данном случае прием самый популярный счет, в соответствии с которым шестьсот стае дают около пятидесяти миль. Счет шел на юг от Ассенгарда, который от нас, то есть от Переплута, удален примерно на триста пятьдесят миль. Иначе говоря, от нас до Башни Ласточки около трехсот миль. На твоей Кэльпи это что-то порядка двух недель пути, разумеется, весной. Не сейчас, когда через день-другой могут ударить морозы.

— От Ассенгарда, о котором я читала, — буркнула Цири, задумчиво морща нос, — от тех времен остались руины. А я собственными глазами видела эльфий город Шаэрраведд в Каэдвене, я там была. Поручусь, что от вашей Башни Ласточки тоже остались одни камни, причем только те, что покрупнее, потому как маленькие наверняка растащили. А если вдобавок там был портал...

— Тот Zireael была башней магической. Не всем дано было ее видеть. А телепорты вообще всегда невидимы.

— Верно, — согласилась она и задумалась. — Тот, что на Танедде, виден не был. Он неожиданно открылся на голой стене... Впрочем, случилось это точно как по заказу, потому что чаровник, который за мной гнался, уже был близко... Я его уже слышала. И тут-то появился портал.

— Уверен, — тихо сказал Высогота, — что, если ты попадешь к Тот Zireael, тамошний телепорт тоже тебе откроется. Даже в руинах, среди голых камней. Убежден, что тебе удалось бы его активировать. А он, несомненно, послушался бы твоего приказа. Потому что, я думаю, Цири, ты — Избранная.

— Твои волосы, Трисс, как огонь при пламени свечей. Твои глаза, как ляпис-лазурь. Губы твои, как кораллы...

— Прекрати, Крах. Ты что, упился? Налей мне еще вина. И рассказывай.

— Это о чем же?

— Не прикидывайся дурнем. О том, как Йеннифэр решила плыть на Бездну Седны.

— Как идут дела, Йеннифэр? Расскажи.

— Нет, сначала ты ответь мне: кто такие те две женщины, которых я постоянно встречаю, когда иду к тебе? И которые смотрят на меня так, как обычно смотрят на наваленное на ковре кошачье дерьмо? Кто они такие?

— Тебя интересует формально-юридический или фактический аспект?

— Второй.

— В таком случае — это мои жены.

— Понимаю. Тогда при случае разъясни им, что то, что было между нами, былшем поросло. И к тому же давно.

— Уже пояснял. Но бабы есть бабы. Давай не будем об этом. Рассказывай, Йеннифэр. Меня интересует, как идет твоя работа.

— Увы. — Чародейка закусил губу. — Еле-еле. А время бежит.

— Бежит, — кивнул ярл. — И постоянно приносит новые неожиданности. Я получил известия с континента, они должны тебя заинтересовать. Источник — в корпусе Виссегерда. Надеюсь, ты знаешь, кто такой Виссегерд?

— Генерал из Цинтры?

— Маршал. Командует корпусом цинтрийских эмигрантов и волонтеров, входящим в состав темерской армии. Там служит довольно много добровольцев с островов, поэтому сведения я получаю из первых рук.

— И что же ты получил?

— Ты попала к нам, на Скеллиге, девятнадцатого августа, через два дня после полнолуния. В тот же день, девятнадцатого, значит, корпус Виссегерда во время боя у Ины захватил группу беженцев, среди которых оказались Геральт и его знакомый трубадур.

— Лютик?

— Именно. Виссегерд обвинил обоих в шпионаже, арестовал и, кажется, намеревался казнить, но они сбежали и навели на Виссегерда нильфгаардцев, с которыми якобы были в сговоре.

— Брехня.

— По-моему, тоже. Но что-то мнится мне, что ведьмак, вопреки тому, что об этом думаешь ты, реализует какой-то хитрый план. Чтобы спасти Цири, он вкручивается в милость к Нильфгаарду...

— Цири нет в Нильфгаарде. А Геральт не реализует никакого плана. Планирование — не самая сильная сторона его натуры. Кончим с этим. Важно, что у нас сегодня двадцать шестое августа, а я по-прежнему знаю слишком мало. Слишком мало, чтобы начать действовать... Разве что...

Она умолкла, уставившись в окно и поигрывая прищипленной к черной бархотке обсидиановой звездой.

— Что «разве»? — не выдержал Крах ан Крайт.

— Вместо того чтобы посмеиваться над Геральтом, использовать его методы.

— Не понимаю.

— Похоже, готовность к самопожертвованию может принести проценты, дать хорошие результаты... Хотя бы в виде благосклонности богини, которая любит и ценит жертвующих собою и страдающих во имя правого дела.

— Все еще не понимаю, — нахмурился ярл. — Но то, что ты говоришь, мне не нравится.

— Знаю. Мне тоже. Однако я и без того зашла слишком далеко... Волк мог услышать бление козленка...

— Этого я и опасалась, — шепнула Трисс. — Именно этого...

— Следовательно, я тогда верно понял. — Желваки на скулах Краха ан Крайта заходили сильнее. — Йеннифэр знала, что либо

кто-то подслушивает разговоры, которые она вела при помощи своей изумительной машины, либо же кто-то из собеседников подло предал ее...

— Либо и то, и другое.

— Она знала, — скрежетнул зубами Крах. — И продолжала делать свое. Потому что это должно было сыграть роль приманки? Она сама должна была стать приманкой? Чтобы спровоцировать врагов? Она прикидывалась, будто знает больше, чем знала в действительности. И поплыла на Седнину Бездну...

— Бросив вызов. Провоцируя. Она страшно рисковала, Крах.

— Знаю. Она не хотела подвергать риску никого из нас. Кроме добровольцев. Поэтому просила дать ей два драккара.

— Ты просила два драккара. Они готовы. «Алкиона» и «Тамара». Разумеется, с экипажами. «Алкионой» будет командовать Гутлаф, сын Свена, он просил оказать ему такую честь, ты пришлась ему по душе, Йеннифер. «Тамарой» командует Аса Тъязи, капитан, которому я доверяю абсолютно. Да, чуть не забыл. В экипаже «Тамары» будет мой сын, Яльмар Кривоустый.

— Твой сын? Сколько же ему лет?

— Девятнадцать!

— Рановато ты начинал!

— Чья бы корова мычала, а твоя б... Яльмар просил включить его в команду из личных соображений. Я не мог отказать.

— Личных?

— Ты что, действительно не знаешь этой истории?

— Нет. Расскажи.

Крах ан Крайт опрокинул рог, улыбнулся своим воспоминаниям.

— Ребятишки с Ард Скеллиг, — начал он, — любят зимой кататься на коньках, дожидаться не могут морозов. Первыми вылезают на лед, едва скует озеро, на такой тонкий лед, что взрослых не удержит. Конечно, самая лучшая игра — гонки. Разогнаться и... вперед, что есть сил, от одного берега озера до другого. А мальчишки обожали соревноваться в так называемом «прыжке лосося». Надо на коньках перескакивать через прибрежные камни, торчащие из льда на манер акульих зубов. То есть прыгать, как лосось, когда он перелетает через пороги водопадов. Выбираешь соответственно длинный ряд таких камней, разгоняешься... Ха, я и сам прыгал так, еще сопляком...

Крах ан Крайт задумался, чуть улыбнулся.

— Конечно, такие состязания выигрывал, а потом распускал павлином хвост тот, кто перепрыгивал через самый длинный ряд камней. В свое время, Йеннифер, такая честь частенько доставалась твоему покорному слуге и теперешнему собеседнику, хе-хе. В те времена, которые нас больше интересуют, чемпионом бывал мой сын, Яльмар. Он перепрыгивал через такие камни, через ко-

торые ни один из мальчишек прыгать не решался. И ходил, задрав нос, призывая всех попробовать его, как он любил говорить, «перепрыгнуть». И его вызов приняли. Цири, дочка Павеиты из Цинтры. Даже не островитянка, хоть и считала себя таковой, поскольку проводила здесь больше времени, чем в Цинтре.

— Даже после несчастного случая с Павеитой? Я думала, Калантэ запретила ей бывать здесь.

— И ты знаешь об этом? — быстро глянул он на нее. — Ну да, ты многое знаешь, Йеннифер. Многое. Гнева и запретов Калантэ хватило на полгода, потом Цири снова начала проводить здесь лета и зимы... На коньках носилась как черт, но чтобы прыгать «лососем» на соревновании с мальчишками? И вызвать Яльмара? Это в голове не укладывалось!

— Ясно. Прыгнула, — догадалась чародейка.

— Прыгнула. Этот маленький цинтрийский полудьяволенок прыгнул. Истинный Львенок Львиной крови. А Яльмар, чтобы не вызывать насмешек, вынужден был рискнуть, прыгнув через еще более длинный ряд камней. И он рискнул. Сломал ногу, руку, четыре ребра и разорвал лицо. До конца жизни у него останется шрам. Яльмар Кривоустый! И его знаменитая невеста! Хе-хе!

— Невеста?

— А ты об этом не знала? Столько всего знаешь, а этого — нет? Она приходила к нему, когда после «великолепного» прыжка он лежал и лечился. Читала ему, рассказывала сказки, держала за ручку... А стоило кому-нибудь войти в комнату, оба краснели как два мака. Ну и наконец Яльмар известил меня, что они обручились. Меня чуть удар не хватил. Я тебе, сопляку, отвечаю, покажу обручение, ага, плетью из сыромятной кожи. Но, честное слово, я немного испугался, поверь, потому что понимал, что у Львенка горячая кровь, что ей все трын-трава, потому как она бесстрашная, чтобы не сказать — психованная... К счастью, Яльмар весь был в лубках и перевязках, так что глупостей они наделать не успели, да и не могли...

— Сколько же им тогда было лет?

— Ему пятнадцать, ей — неполных двенадцать.

— Пожалуй, ты малость переусердствовал со своими опасениями.

— Разве что самую малость. Именно. Но Калантэ, которой я вынужден был обо всем рассказать, не отмахнулась от проблемы. Я знаю, что у нее были матримониальные планы касательно Цири, кажется, имелся в виду Танкред Тиссен из Ковира, а может, реданский Радовид, точно не знаю. Но слухи могли нарушить проекты марьяжа, даже слухи о невинных поцелуйчиках или полуневинных ласках. Калантэ незамедлительно забрала Цири в Цинтру. Девочка скандалила, кричала, захлебывалась соплями, но все впустую. С Львицей из Цинтры не спорят. Яльмар потом два дня лежал, отвернувшись лицом к стене, и не произносил ни слова. А

как только выздоровел, вознамерился украсть скиф и в одиночку плыть в Цинтру. Получил ремнем и успокоился. А потом...

Крах ан Крайт замолчал. Задумался.

— Потом наступило лето, затем осень, и уже вся нильфгаардская рать пёрла на Цинтру с южной стороны, через Марнадальские ступени. А Яльмар нашел другую оказию стать мужчиной. В Марнадале, под Цинтрой, под Содденем он мужественно кидался на Черных. Потом тоже, когда драккары ходили к нильфгаардским берегам, Яльмар с мечом в руках мстил за якобы невесту, о которой тогда ходили слухи, будто она погибла. Я не верил, потому что не было феноменов, о которых я тебе рассказывал... Ну а теперь, когда Яльмар узнал о возможной спасательной экспедиции, он вызвался добровольцем.

— Спасибо за рассказ, Крах. Я передохнула, слушая тебя. И забыла о... заботах.

— Когда отправляешься, Йеннифэр?

— В ближайшие дни. Возможно, завтра. Осталась еще одна последняя телесвязь.

Глаза Краха ан Крайта были словно глаза ястреба. Свербили глубоко, до самого дна.

— А ты случаем не знаешь, Трисс Меригольд, с кем беседовала Йеннифэр в последний раз, перед тем как размонтировать дьявольскую машину? В ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое августа? С кем? И о чем?

Трисс прикрыла глаза ресницами.

Преломленный бриллиантом луч света оживил разблеском поверхность зеркала. Йеннифэр протянула обе руки, произнесла заклинание. Ослепительная вспышка превратилась в клубящийся туман, туман стал быстро сгущаться. Появилось изображение комнаты с затянутыми яркими тканями стенами.

Движение в окне. И беспокойный голос:

— Кто? Кто там?

— Трисс, это я.

— Йеннифэр? Ты? О боги! Откуда... Где ты?

— Не имеет значения, не блокируй, изображение неустойчивое. И убери светильник, он слепит.

— Готово. Конечно.

Хотя пора была поздняя, Трисс Меригольд была не в неглиже, но и не в рабочем костюме. На ней было выходное платье. Как обычно, застегнутое до самого верха.

— Мы можем разговаривать свободно?

— Конечно.

— Ты одна?

— Да.

— Лжешь.

— Йеннифэр...

— Меня не обманешь, девчонка. Я знаю твою улыбочку, насмотрелась... У тебя такая была, когда ты взялась у меня за спину спать с Геральтом. Тогда ты тоже натягивала маску невинности, как и теперь. И сейчас она означает то же самое, что и тогда!

Трисс покраснела. А рядом с ней в окне появилась Филиппа Эйльхарт в темно-синем мужском ватсе с серебряным шитьем.

— Браво, — сказала она. — Ты, как всегда, проницательна, как всегда, мудра. Как всегда, тебя трудно понять. Рада видеть тебя в здравии, Йеннифэр. Рада, что безумная телепортация из Монтекальво не окончилась трагически.

— Ладно, предположим, что тебя это действительно радует, — скривилась Йеннифэр. — Хотя это слишком уж смелое предположение. Но бог с ним. Кто меня предал?

— А разве это важно? — пожала плечами Филиппа. — Уже четыре дня, как ты контактируешь с предателями. С такими, для которых продажность и предательство — вторая натура. И с такими, которых ты сама принудила к предательству. Один из них предал тебя. Нормальное дело. Не говори, что ты этого не ожидала.

— Конечно, ожидала, — фыркнула Йеннифэр. — Лучшее тому доказательство, что я контактирую с вами. А ведь не следовало бы.

— Не следовало. Но раз контактируешь, значит, тебе это необходимо.

— Браво. Как всегда, мудра, как всегда, проницательна. Я связалась с вами, чтобы подтвердить, что тайна вашей ложи, если говорить обо мне, вне опасности. Я вас не предаю.

Филиппа глядела на нее из-под опущенных ресниц.

— Если ты рассчитывала, — сказала она наконец, — что таким образом купишь себе время, покой и безопасность, то просчиталась. К чему обманывать себя, Йеннифэр? Убегая из Монтекальво, ты сделала выбор, поставила себя по определенную сторону баррикады. Кто не с тобой, тот против тебя. Сейчас ты пытаешься опередить нас в поисках Цири, а мотивы, которыми ты руководишься, противоположны нашим. Ты действуешь против нас. Не хочешь допустить, чтобы мы использовали Цири в наших политических целях. Так знай: мы сделаем все, чтобы ты не успела воспользоваться ею в своих — сентиментальных.

— Значит, война?

— Состязание, — ядовито усмехнулась Филиппа. — Только состязание, Йеннифэр.

— Честное и благородное?

— Ты шутишь!

— Ага. Ясно. Тем не менее определенную проблему я хотела бы поставить честно и однозначно. Впрочем, надеюсь кое-что получить взамен.

— Ставь.

— В течение ближайших дней, возможно, даже завтра, произойдут события, последствия которых я не в состоянии предсказать. Может случиться, что наше состязание и соперничество вдруг потеряет смысл. По простой причине. Не будет состязающегося.

Филиппа Эйльхарт прищурила подведенные голубыми тенями глаза.

— Понимаю.

— Постарайтесь тогда восстановить мою репутацию и доброе имя. Посмертно. Чтобы меня не считали предательницей и сообщницей Вильгефорца. Я прошу об этом ложу. Прошу лично тебя.

Филиппа молчала.

— Просьбу отклоняю, — сказала она наконец. — Прискорбно, но твоя реабилитация не в интересах ложи. Если ты умрешь, то умрешь как предательница. Ты будешь предательницей и преступницей в глазах Цири, потому что так нам будет легче девочкой манипулировать.

— Прежде чем ты предпримешь что-либо, что грозит смертью, — неожиданно выдала Трисс, — оставь нам...

— Завешание?

— Что-нибудь, что позволит нам... Продолжать... Пойти по твоим следам. Отыскать Цири. Ведь речь прежде всего идет о ее благе! О ее жизни. Йеннифэр, Дийкстра отыскал... определенные следы. Если Цири у Вильгефорца, то ей грозит страшная смерть.

— Молчи, Трисс! — рявкнула Филиппа Эйльхарт. — Никакого торга и переговоров...

— Я оставляю вам указания, — медленно сказала Йеннифэр. — Информацию о том, что узнала, и о том, что предприняла. Оставляю вам след, по которому вы сможете пойти. Но не даром. Вы не хотите реабилитировать меня в глазах мира, ну, так к чертовой матери и вас, и ваш мир. Но реабилитируйте меня хотя бы в глазах одного ведьмака.

— Нет, — почти тут же ответила Филиппа. — Это тоже не в интересах ложи. И для своего ведьмака ты останешься предательницей и продажной чародейкой. Не в интересах ложи, чтобы он скандалил и мучил воду, пытаясь отомстить, а если будет тебя презирать, то мстить не захочет. Впрочем, он скорее всего тоже мертв. Либо вот-вот умрет.

— Информацию, — глухо сказала Йеннифэр. — За его жизнь. Спаси его, Филиппа.

— Нет, Йеннифэр.

— Поскольку это не в интересах ложи. — Глаза чародейки полыхнули фиолетовым пламенем. — Ты слышала, Трисс. Вот она — твоя ложа. Вот оно — ее истинное обличье, вот они, ее истинные интересы. Ну и что скажешь? Ты была девочке наставницей, почти как ты сама сказала, старшей сестрой. А Геральт...

— Не бери Трисс на романтику. — Филиппа ответила огнем в глазах. — Девочку мы найдем и спасем без твоей помощи. А если повезет тебе, то мы будем только рады и благодарны, поскольку ты выручишь нас, сэкономишь нам время и деньги. Ты вырвешь девочку из рук Вильгефорца, мы вырвем ее из твоих. А Геральт? Что такое Геральт?

— Ты слышала, Трисс?

— Прости меня, — глухо сказала Трисс Меригольд. — Прости, Йеннифэр.

— О нет, Трисс. Никогда.

Трисс устала в пол. Глаза Краха ан Крайта были острее глаз ястреба.

— На следующее утро после секретной связи, — медленно проговорил ярл Островов Скеллиге, — той, о которой ты, Трисс Меригольд, ничего не знаешь, Йеннифэр отплыла со Скеллиге, взяв курс на Седнову Бездну. Когда я спросил, почему она плывет именно туда, она взглянула мне в глаза и ответила, что намерена установить, чем катастрофы естественные отличаются от неестественных. Отплыла она на двух драккарах, «Тамаре» и «Алкионе», с экипажами, составленными исключительно из добровольцев. Это случилось двадцать восьмого августа, две недели тому назад. Больше я ее не видел.

— Когда ты узнал...

— Спустя пять дней, — прервал он довольно грубо. — Через три дня после сентябрьского новолуния.

Сидевший перед ярлом капитан Аса Тъязи чувствовал себя беспокойно. Облизывал губы, крутился на лавке, заламывал пальцы так, что хрустели суставы.

Красное солнце, вырвавшееся наконец из затянувших небо туч, медленно опускалось за Спикероогу.

— Говори, Аса, — приказал Крах ан Крайт.

Аса Тъязи сильно откашлялся.

— Мы шли быстро, — начал он, — ветер благоприятствовал, мы делали не меньше двенадцати узлов. Тогда же, двадцать девятого, увидели ночью свет маяка на Пейкс де Маре. Мы немного отклонились к востоку, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь нильфа... А за день до сентябрьского новолуния на рассвете вышли в районе Бездны Седны. И тогда чародейка вызвала меня и Гутлафа...

— Мне нужны добровольцы, — сказала Йеннифэр. — Только добровольцы. Не больше, чем требуется, чтобы недолгое время управлять драккаром. Не знаю, сколько человек, я в этом не сильна. Но прошу не оставлять на «Алкионе» ни одного лишнего человека. И повторяю — только добровольцы. То, что я намерена сделать, очень опасно. Гораздо опаснее, чем морской бой.

— Понимаю, — кивнул старый сенешаль. — И вызываюсь первым. Я, Гутлаф, сын Свена, прошу вас оказать мне эту честь.

Йеннифэр долго смотрела ему в глаза.

— Хорошо, — сказала она. — Но честь оказали мне вы.

— Я тоже вызвался, — сказал Аса Тъязи. — Но Гутлаф не согласился. Кто-то, сказал он, должен держать команду на «Тамаре». В результате вызвалось пятнадцать. В том числе Яльмар...

Крах ан Крайт поднял брови.

— Сколько нужно человек, Гутлаф? — повторила чародейка. — Сколько необходимо? Пожалуйста, подсчитай точно.

Сенешаль какое-то время размышлял, наконец сказал:

— Вдвядтером управимся. Если не очень долго... Но ведь здесь только добровольцы, так что нет нужды...

— Назначь восьмерых из этих пятнадцати, — резко оборвала она. — Назначь сам. И вели выбранным перейти на «Алкиону». Остальные останутся на «Тамаре». Да, одного, который останется, назначу я. Яльмар!

— Нет, госпожа! Ты не можешь так поступить! Я вызвался и буду рядом с тобой. Я хочу быть...

— Замолчи! Ты останешься на «Тамаре»! Это приказ! Еще одно слово, и я прикажу привязать тебя к мачте!

— Продолжай, Аса.

— Магичка, Гутлаф и восьмерка добровольцев поднялись на «Алкиону» и пошли на Бездну. Мы, на «Тамаре», как было приказано, держались в стороне, но так, чтобы не очень отставать. С погодой же, которая до того на удивление сопутствовала нам, вдруг начала твориться какая-то дьявольщина. Да, я верно говорю, именно дьявольщина, потому что нечистая это была сила, ярл... Пусть меня под килем проташат, ежели лгу...

— Рассказывай.

— Там, где были мы, «Тамара», значит, было спокойно. Хотя ветер немного посвистывал и небосклон потемнел от туч так, что день почти в ночь обратился. А вот там, где была «Алкиона», там разбушевался ад. Неожиданно. Истинный ад.

Парус «Алкионы» захлопал вдруг так бурно, что это было слышно даже на «Тамаре». Небо почернело, за клубились тучи. Море, которое вокруг «Тамары» казалось вполне спокойным, взбурлило и вскипело гривастыми волнами у бортов «Алкионы». Кто-то вдруг крикнул, кто-то подхватил, и через минуту кричали все.

Под нацеленным на «Алкиону» конусом черных туч корабль пробкой плясал на волнах, крутясь, вертясь и подсакивая. Зарываясь в волны то носом, то кормой. Порой драккар на несколько

мгновений почти полностью скрывался из глаз, и виден был только полосатый парус.

— Это чары! — крикнул кто-то за спиной Асы. — Это чертова магия!

Водоворот крутил «Алкиону» все быстрее и быстрее. Щиты, которые центробежной силой отрывало от бортов, полетели в воздух, словно диски; рванулись направо и налево переломанные весла.

— Рифьте парус! — рявкнул Аса Тъязи. — И за весла! Плыдем туда, к ним. Надо спасать!

Однако было уже поздно.

Небо над «Алкионой» сделалось черным, тьму разорвали зигзаги молний, которые оплели драккар словно щупальца медузы. Собравшиеся в фантастические фигуры тучи закрутились в гигантскую воронку. Драккар помчался по кругу с немыслимой быстротой. Мачта переломилась как соломинка, сорванный парус взлетел над гривами волн огромным альбатросом.

— Гребите, ребята!

Однако сквозь собственный крик, сквозь оглушительный рев стихии они все-таки услышали вопли людей с «Алкионы». Вопли настолько чудовищные, что волосы встали у них дыбом. У них, старых морских волков, кровавых берсеркеров, моряков, которые многое видели и слышали на своем веку.

Они опустили весла, видя свое полное бессилие. Одурели, перестали даже кричать.

«Алкиона», продолжая вращаться, медленно поднялась над волнами. И поднималась все выше и выше. Они увидели истекающий водой, обросший ракушками и водорослями киль. Увидели черную фигуру, падающее в воду тело. Потом второе. И третье.

— Они прыгают! — заревел Аса Тъязи. — Грести, парни, не прекращать! Что есть сил! Плыдем на помощь!

«Алкиона» поднялась еще выше, не меньше чем на сто локтей над бурлящей как кипяток поверхностью моря. И продолжала вращаться. Огромное, истекающее водой, оплетенное огненной паутиной молний веретено невидимая сила затягивала в клубящиеся тучи.

Неожиданно воздух прорезал разрывающий ушные перепонки взрыв. Подгоняемая вперед пятнадцатью парами весел «Тамара» подпрыгнула, словно от таранного удара, и помчалась назад. У Тъязи палуба ушла из-под ног. Он упал, ударившись виском о борт.

Подняться своими силами он не смог, его подняли. Он был оглушен, крутил и тряс головой, качался на ногах, нечленораздельно кричал что-то. Крики экипажа он слышал как из-за стены. С трудом подошел к борту, покачиваясь как пьяный, вцепился пальцами в релинг.

Вихрь утих, волны успокоились. Но небо по-прежнему было черным от клубящихся туч.

От «Алкионы» не осталось и следа.

* * *

— Даже следа не осталось, ярл. Так, обломки такелажа, какие-то обрывки... Больше ничего.

Аса Тъязи умолк, глядя на солнце, исчезающее за лесистыми вершинами Спикерооги. Крах ан Крайт, задумавшись, не торопил его.

— Неизвестно, — заговорил наконец Аса Тъязи, — сколько успели выскочить, прежде чем «Алкиону» втянуло в эту чертову тучу. Однако ж, сколь бы ни выскочили, ни один не выжил. А нам, хотя ж мы ни времени не щадили, ни сил, удалось выловить всего два трупа. Два тела, водой несомые. Всего два.

— Чародейки, — изменившимся голосом спросил ярл, — не было среди них?

— Нет.

Крах ан Крайт долго молчал. Солнце уже совсем ушло за Спикероогу.

— Пропал старый Гутлаф, сын Свена, — снова заговорил Аса Тъязи. — До последней косточки его уже обглодали, видать, крабы на дне Седны. — Пропала с концом и магичка... Ярл, люди начинают болтать... Что все это ейная вина. И ейная кара за преступления...

— Дурная болтовня!

— Сгинула, — буркнул Аса, — на Бездне Седны. В том же самом месте, где тогда Паветта и Дани... Вот, понимаешь, совпадение-то какое...

— Это не была случайность, нет, — убежденно сказал Крах ан Крайт. — Ни тогда, ни теперь это наверняка не была случайность.

...Страдания и унижения несчастных, мучения их подчиняются закономерностям природы, оставаясь существенными элементами общего замысла, подобно тому, как и относящееся к этому замыслу счастье угнетателей. Означенная истина должна устранить у тиранов и злодеев все угрызения совести, ведь злодеи, не зная себе предела, слепо совершают любую жестокость, мысль о которой может появиться в их голове, и здесь они следуют советам природы, становясь послушным инструментом проведения в жизнь ее законов.

Подобные тайны природа внушает злодеям, толкая их на совершение преступлений, только в том случае, когда необходимость зла становится очевидной...

Донсьен-Альфонс-Франсуа де Сад

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Грохот открываемых, а затем замыкаемых дверей камеры разбудил младшую из сестер Скарра. Старшая сидела за столом и методично выскребала кашу, присохшую ко дну оловянной миски.

— Ну, что там было, в суде-то, Веда?

Жоанна Сельборн по прозвищу Веда молча уселась на нары, уперев локти в колени и положив голову на руки.

Младшая Скарра зевнула, отрыгнула и громко пустила ветры. Пристроившийся на противоположных нарах Петюх что-то невнятно буркнул и отвернулся. Он был обижен на Веду, на сестер и на весь белый свет.

В обычных тюрьмах по установившейся традиции арестантов разделяли по полу. В армейских же крепостях было иначе. Уже император Фергус вар Эмрейс, вводя специальным декретом равноправие женщин в имперской армии, постановил, что уж ежели эмансипация, так до конца, равноправие должно быть полным и абсолютным, без всяких исключений или поблажек для какого-либо из полов. С того времени в крепостях и цитаделях Империи арестанты сидели вместе.

— Ну, так как? — повторила старшая Скарра. — Выпускают тебя?

— Жди! — горько отозвалась Веда, по-прежнему не поднимая головы от рук. — Считаю, повезет, если не повесят. Холера! Выдавала всю правду, ничего не скрывала, то есть почти ничего. А эти сукины дети, когда принялись меня допрашивать, так для начала идиоткой перед всеми выставили, потом оказалось, что я личность, не заслуживающая доверия, и преступный элемент, а под конец вышло мне соучастие в заговоре, ставящем целью низвержение.

— В низ, стало быть, свержение, — покачала головой старшая Скарра, словно понимала, о чем речь. — Ага, ну ежели в низ... то держи жопу шире, Веда.

— Будто я не знаю.

Младшая Скарра потянулась, снова зевнула широко и громко, словно леопардиха соскочила с верхних нар, энергичным пинком

отшвырнула мешающий ей табурет Петюха, плюнула рядом с табуретом. Петюх заворчал, но ни на что большее не осмелился.

Петюх был на Веду смертельно обижен. А сестер вдобавок и боялся.

Когда три дня назад ему в камеру подкинули Веду, то очень скоро оказалось, что Петюх, если в принципе и допускает эмансипацию и равноправие женщин, то имеет на сей счет свое собственное мнение. Посреди ночи он накинул Веде одеяло на верхнюю половину тела и намеревался воспользоваться нижней, что, возможно, ему бы и удалось, если б не то, что Петюх взвыл оборотнем и заплясал по камере, словно укушенный тарантулом. Веда же из чистой мстительности телепатически принудила его опуститься на четвереньки и ритмично колотиться головой в обитые железом двери камеры. Когда потревоженные страшным грохотом стражники отворили дверь, Петюх ткнулся макушкой в одного из них, за что немедленно получил пять ударов окованной железом палкой и столько же пинков. В итоге в ту ночь Петюх не испытал того блаженства, на которое рассчитывал. И обиделся на Веду. О реванше он даже не помышлял, так как наутро в камеру попали сестры Скарра, таким образом прекрасный пол оказался в большинстве, и к тому же вскоре выяснилось, что точка зрения сестер Скарра на равноправие почти совпадает с Петюховой, только с точностью до наоборот, если говорить о предначертанных полам ролях. Младшая Скарра хищно поглядывала на мужчину и изрекала недвусмысленные замечания, а старшая хохотала, потирая руки. Эффект был таков, что Петюх спал с табуреткой в руках, которой в случае чего намеревался защищать свою честь и достоинство. Однако шансы и перспективы у него были ничтожны — обе Скарры служили в линейных частях и были ветераншами многих сражений, так что табуретки б не испугались, когда хотели насиловать — насиловали, даже если мужчина был вооружен бердышом. Однако Веда была уверена, что сестры просто шутят. Ну, почти уверена. Скажем так.

Сестры Скарра сидели за избивание офицера, по делу же провиант-мастера Петюха велось следствие, связанное с большой, громкой и захватывающей все более широкие круги аферой — кражей армейских луков.

— Да, держи жопу шире, Веда, — повторила старшая Скарра. — В хорошее дерьмо ты вляпалась, думаю. А вернее — тебя вляпали. И как же ты, ядрена вошь, сразу-то не сообразила, что это политическая игра!

— Ха-а! — только и ответила Веда.

Скарра взглянула на нее, не очень понимая, как следует разуметь односложное замечание. Веда отвела глаза.

«Не стану же я рассказывать вам то, о чем промолчала перед судьями, — подумала она. — То есть что знала, в какое дерьмо вляпалась. И то, когда и каким образом об этом узнала».

— Хорошенького ты себе пивка наварила, — мудро отметила младшая Скарра, менее сообразительная, которая — Веда была в этом убеждена — вообще не понимала, о чем идет речь.

— Ну а как все-таки было с цинтрийской княжной-то? — не отступала старшая Скарра. — Ведь ее вы в конце концов сцапали, а?

— Сцапали. Если так можно выразиться. У нас сегодня которое?

— Двадцать второе сентября. Завтра Эквинокций.

— Ну да! Вот удивительное совпадение. Стало быть, завтра тем событиям будет точно год... Уже год!..

Веда растянулась на нарах, подложив сплетенные пальцы рук под голову. Сестры молчали, надеясь, что это было вступление к рассказу.

«Ничего не получится, сестренки, — подумала Веда, глядя на выцарапанные на досках верхних нар грязные картинки и еще более грязные надписи. — Не будет никаких рассказов. Даже не в том дело, что от вонючего Петюха несет обосравшейся подсадной уткой или каким другим коронным свидетелем. Я попросту не хочу об этом вспоминать. О том, что было год назад, после того как Бонарт ушел от нас в Клармоне.

Мы прибыли туда с опозданием в два дня, — все-таки принялась она вспоминать. — Следы уже успели остыть. Куда охотник поехал, никто не знал. Никто, кроме купца Хувенагеля, конечно. Но купец Хувенагель со Скелленом разговаривать не пожелал и даже под крышу к себе не пустил. Передал через слуг, что у него, нет времени и аудиенции он не даст. Филин раздувался и тощал, но сделать ничего не мог. Ведь мы были в Эббинге, а там у него никаких прав не было. А по-другому, нашими методами, за Хувенагеля браться было невозможно, потому что у него там, в Клармоне, личное войско, а ведь войну начинать было нельзя.

Ну, Бореас Мун вынюхивал, Дакре Силифант и Оль Харшейм занимались подкупами, Тиль Эхрад — эльфьей магией, а я учуивала и слушала мысли, но это мало что дало. Вроде бы узнали мы, что Бонарт выехал из города южными воротами. А прежде чем выехать...

Был в Клармоне храмик, маленький такой, лиственничный... Рядом с южными воротами, у торговой площадки. Перед отъездом из Клармона Бонарт истязал Фальку арапником. На глазах у всех, в том числе и у жрецов, на той площадке у храма... Выкрикивал, что покажет ей, кто тут ее господин и повелитель. Что сейчас он ее боготом поучит, как хочет, а то и насмерть заучит, потому как никто за нее не встанет, никто не заступится — ни люди, ни боги».

Младшая Скарра выглядывала в оконце, уцепившись за решетку. Старшая выедала кашу из миски. Петюх взял табурет, лег и укрылся одеялом.

Из кордегардии доносился звон, перекликались стражи на стенах.

Веда повернулась лицом к стене.

«Спустя несколько дней мы встретились, — подумала она. — Я и Бонарт. Лицом к лицу. Я смотрела в его нечеловечески рыбы глаза, думая только об одном — как он ту девушку избивал. И в мысли ему заглянула... На мгновение. И было это так, словно сунула голову в разрытую могилу...

Было это в Эквинокций.

А днем раньше, двадцать второго сентября, я сообразила, что промеж нас втерся невидимка».

Стефан Скеллен, имперский коронер, выслушал, не перебивая. Но Веда видела, как у него изменяется лицо.

— Повтори, Сельборн, — процедил он. — Повтори, ибо я ушам своим не верю.

— Осторожнее, господин коронер, — проворчала она. — Прикидывайтесь злым... Так, словно бы я к вам с просьбой, а вы не разрешаете... Для видимости, значит. Я не ошибаюсь, я уверена. Уже два дня, как ошивается при нас какой-то невидимка. Невидимый шпион.

Филин — у него этого не отнимешь — был умен, улавливал влет.

— Нет, Сельборн, не разрешаю! — сказал он громко, не сдержав актерского пафоса и в тоне, и в мимике. — Дисциплина обязательна для всех. Никаких исключений. Я согласия не даю!

— Но хотя бы сообразовите выслушать, господин коронер. — У Веды не было таланта Филина, она не смогла скрыть неестественности в голосе, но в разыгрываемой сценке натянутость и обеспокоенность просительницы были оправданны. — Соболагово-лите хотя бы выслушать...

— Говори, Сельборн. Только кратко и четко.

— Он шпионит за нами два дня, — пробурчала она, делая вид, что смиренно излагает свои соображения. — С самого Клармона. Едет за нами тайно, а на биваках приходит невидимый, крутится меж людей, слушает.

— Слушает, шпик чертов. — Скеллену не требовалось притворяться суровым и разгневанным, в его голосе прямо-таки вибрировало бешенство. — Как ты его обнаружила?

— Когда вы позавчера перед корчмой отдавали приказы господину Силифанту, кот, что на лавке спал, зашипел и уши прижал. Это показалось мне подозрительным, потому что никого в той стороне не было... А потом я что-то вычуяла, вроде бы мысль, чужую мысль, и волю. Обычно-то для меня такая чужая мысль, господин коронер, это как будто кто-то крикнул громко... Ну, начала я чуять, крепко, вдвойне, и вычуяла его.

— Ты можешь его почуять всегда?

— Нет, не всегда. У него какая-то магическая защита. Я чую его только очень близко, да и то не всякий раз. Поэтому надо

притворяться, потому как не известно, не кроется ли он аккурат поблизости.

— Только б не спугнуть, — процедил Филин. — Только б не спугнуть. Он мне нужен живым, Сельборн. Что предлагаешь?

— Заставить его ошибиться.

— Ошибиться?

— Тише, господин коронер.

— Но... а, не важно. Хорошо. Даю тебе полную свободу.

— Завтра сделайте так, чтобы мы остановились в какой-нибудь деревушке. Остальное — мое дело. А теперь для видимости отругайте меня как следует, и я уйду.

— Не могу я отругать, — улыбнулся он ей глазами и слегка подмигнул, немедленно сделав мину грозного начальника. — Я доволен вами, госпожа Сельборн.

«Он сказал — госпожа. Госпожа Сельборн. Как офицеру».

Скеллен снова подмигнул, одновременно махнул рукой.

— Нет! В просьбе отказываю! Кругом, марш!

— Слушаюсь, господин коронер.

Скеллен прекрасно сыграл свою роль.

На следующий день, ближе к вечеру, Скеллен объявил постой в деревушке у реки Леты. Деревня была богатая. Обнесена частоколом, въезжали в нее через изящные вращающиеся ворота из свежих сосновых бревен. Называлась деревня Говорог, а название это пошло от маленькой часовенки, в которой стояла сплетенная из соломы куколка, изображающая единорога.

«Помню, — вспоминала Веда, — как мы хохотали над этим соломенным божком, а солтыс с важной миной объяснял, что покровительствующий селу священный говорог многие годы назад был золотым, потом стал серебряным, был медным, было несколько костяных вариантов и несколько из благородной древесины. Но их постоянно крали. Приезжали издалека, специально, чтобы своровать. Так что гораздо спокойнее, если говорог сделан из соломы.

Ну, расположились мы в селе лагерь. Скеллен, как было условлено, занял чистую светелку.

Спустя неполный час поймали мы невидимого шпики. Классически».

— Прошу подойти, — громко потребовал Филин. — Прошу подойти и глянуть на этот документ... Минутку? Что, все уже на месте? Чтобы не пришлось разьяснять дважды.

Оль Харшейм, который только что выпил из подойника немного разведенной кислым молоком сметаны, облизнул губы и испачканные сметаной усы, отставил сосуд, осмотрелся, подсчитал. Дакре Силифант. Нератин Цека. Тиль Эхрад. Жоанна Сельборн...

— Нет Дуффицея.

— Позвать.

— Крель! Дуффи Крель! К командиру на совещание! За важными приказами. Бегом!

Дуффицей Крель, задыхаясь, вбежал в комнату.

— Все на месте, господин коронер, — доложил Оль Харшейм.

— Не закрывайте окна. Чесноком тут несет, подохнуть можно.

Двери тоже отворите, устройте сквозняк.

Бригден и Крель быстро отворили окна и дверь, Веда же в который раз удостоверилась, что из Филина получился бы шикарный актер.

— Прошу подойти, господа. Я получил от императора вот этот документ. Секретный и чрезвычайно важный. Прошу внимания...

— Давай! — взвизгнула Веда, одновременно высывая сильный направленный импульс, который по своему воздействию на органы чувств был равносильным близкому удару молнии.

Оль Харшейм и Дакре Силифант схватили подойники и одновременно плеснули разведенной сметаной в указанном Ведой направлении. Тиль Эхрад размахнулся спрятым под столом ковшом муки. На полу комнаты материализовалась сметанно-мучная фигура, вначале бесформенная. Но Берт Бригден не зевал. Безошибочно оценив, где может быть голова еще не испеченного, но уже вываленного в муке «жаворонка», он изо всей силы саданул по этому месту железной сковородой.

Потом все скопом накинлись на облепленного сметаной и мукой шпика, содрали с него шапку-невидимку, схватили за руки и ноги. Перевернув стол крышкой вниз, привязали конечности пойманного к ножкам стола. Сташили с него сапоги и онучи, одну из онучей засунули в распахнутый в крике рот.

Чтобы увенчать дело, Дуффицей Крель с размаха дал пойманному по ребрам, а остальные с удовольствием наблюдали за тем, как у шпиона глаза вылазят из орбит.

— Прекрасная работа, — похвалил Филин, который все это небывало короткое время не пошевелившись стоял со скрещенными на груди руками. — Bravo! Поздравляю. Прежде всего вас, госпожа Сельборн.

«Черт побери, — подумала Веда. — Если так и дальше пойдет, я и взаправду могу стать офицером».

— Господин Бригден, — холодно сказал Стефан Скеллен, стоя над разведенными между ножками стола ногами пленника. — Пожалуйста, суньте железо в угли. Господин Эхрад, извольте присмотреть, чтобы вблизи светлицы не крутились дети.

Он наклонился, заглянул пленнику в глаза.

— Давненько же ты не показывался, Риенс. Я уж подумал, не приключилось ли с тобой какое-нибудь несчастье.

Ударил кордегардский колокол, сигнал смены вахты. Сестры Скарра мелодично храпели. Петюх чмокал сквозь сон, обнимая табуретку.

«Разыгрывал из себя бодрячка, — вспоминала Веда, — прикидывался храбрецом. Риенс-то. Чародей Риенс, превращенный в свежеиспеченного «жаворонка» и привязанный к ножкам стола.

Изображал из себя храбреца, но никого не обманул, а меня-то и подавно. Филин предупреждал, что это чародей, поэтому я перемешивала ему мысли, чтобы он ни чародействовать, ни призывать магическую помощь не мог. Попутно читала его. Он защищал доступ, но как только учуял запах дыма от углей камина, в которых раскаляли железо, его магические защиты и блокады лопнули по всем швам словно старые штаны, а я могла читать его сколько угодно. Его мысли ничем не отличались от мыслей других людей, которых я читала в подобных ситуациях, людей, которых вот-вот начнут истязать. Мысли разбросанные, несобранные, полные страха и отчаяния. Мысли холодные, склизкие, мокрые и вонючие. Как внутренности труп.

И все же, когда у него изо рта вытащили кляп, чародей Риенс продолжал разыгрывать из себя храбреца. Во всяком случае — пытался».

— Ну, хорошо, Скеклен! Вы меня поймали, ваша взяла. Поздравляю! Низко склоняю голову перед техникой, профессионализмом и специализацией! Отлично вышколенные люди, можно позавидовать. А теперь прошу меня освободить. Уж очень неудобная поза.

Филин пододвинул себе стул, уселся на него верхом, опершись сплетенными руками и подбородком на спинку. Глядел на пленника сверху. И молчал.

— Прикажи меня освободить, Скеклен, — повторил Риенс. — А потом попроси подчиненных удалиться. То, что я имею сказать, предназначено исключительно для тебя.

— Господин Бригден, — спросил Филин, не поворачивая головы, — каков цвет железки?

— Еще минутку, господин коронер.

— Госпожа Сельборн?

— Трудновато его сейчас читать, — пожала плечами Веда. — Он слишком трусит, страх застит все другие мысли. А мыслей этих с избытком! В том числе несколько таких, которые он пытается скрыть. За магическими покровами. Но для меня это не сложно, я могу...

— В этом не будет необходимости. Испытаем классически, каленым железом.

— К чертям собачьим! — взвыл шпион. — Скеклен! Уж не собираешься ли ты...

Филин наклонился, лицо у него немного изменилось.

— Во-первых, господин Скеллен, — процедил он. — Во-вторых, да, абсолютно верно, я намерен припечь тебе пятки, Риенс. И проделаю это с неизъяснимым удовольствием. Ибо буду рассматривать сие действие как восстановление исторической справедливости. Могу поспорить, что ты не понимаешь.

Риенс молчал, поэтому Скеллен продолжал:

— Видишь ли, Риенс, я советовал Ваттье де Ридо прижечь тебе пятки уже тогда, семь лет назад, когда ты ползал в имперской разведке, скуля как пес о милости и согласии стать предателем и двойным агентом. Я повторил совет четыре года назад, когда ты без мыла лез в задницу Эмгыру, посредничая в контактах с Вильгефорцем. Когда ты по случаю охоты за цинтрийкой вдруг вырос из обычного маленького сексота в почти первого резидента. Я бился об заклад с Ваттье, что, если тебя поджарить, ты скажешь, кому служишь... Нет, я неточно выразился. Что ты перечислишь всех, кому служишь. И тогда, сказал я, ты, Ваттье, увидишь и удивишься, в каком количестве пунктов совпадут эти перечни. Что делать, Ваттье де Ридо меня не послушался. И теперь наверняка сожалеет. Но еще не все потеряно. Я припеку тебя всего малость, а когда узнаю все, что хочу знать, передам в распоряжение Ваттье. А уж он-то шкуру с тебя сдерет, помаленьку, маленькими кусочками.

Филин вынул из кармана платочек и флакончик духов. Обильно смочил платочек и приложил к носу. Духи приятно пахли муксусом, однако Веду потянуло рвать.

— Железо, господин Бридген.

— Я слежу за вами по поручению Вильгефорца! — завыл Риенс. — Дело в девочке! Следя за вашим подразделением, я надеялся опередить вас, добраться раньше вас до охотника за наградами! Я должен был попытаться выторговать у него девуку! У него, а не у вас! Потому что вы собирались ее убить, а Вильгефорцу она нужна живой! Что еще вы хотите знать? Я скажу. Скажу все!

— Ну-ну! — воскликнул Филин. — Не так споро, Риенс, этак и голова может разболеться от шума и избытка информации. Вы представляете себе, господа, что будет, когда его припечет? Он заорёт всех нас до могилы!

Крель и Силифант громко расхохотались, Веда и Нератин Цека не присоединились к веселью. Не присоединился к ним и Берт Бригден, который в этот момент критически рассматривал вынутый из угля прут. Железо было накалено так, что казалось, будто это не железо вовсе, а заполненная жидким огнем стеклянная трубка.

Риенс увидел это и визгливо закричал:

— Я знаю, как отыскать охотника и девушку! Я знаю, знаю! Я скажу!

— Само собой, скажешь.

Веда, продолжавшая читать в его мыслях, поморщилась, восприняв волны отчаянного, бессильного бешенства. В мозгу Риенса

снова что-то лопнуло, какая-то очередная перегородка. «Со страха он скажет все, — подумала Веда, — все, что собирался держать до конца, как козырную карту, туза, которым мог перешибить остальных тузов при последней решающей раздаче на самую высокую ставку. Сейчас, от обычного отвратительного страха перед болью, он выкинет этого туза на фоски».

Вдруг что-то щелкнуло у нее в голове, она почувствовала в висках жар, потом неожиданный холод.

Теперь она знала скрытую мысль Риенса.

«О боги, — подумала она. — Ну и вляпалась же я в дельце...»

— Я скажу, — взвыл чародей, краснея и впиваясь вытаращенными глазами в лицо коронера. — Скажу нечто действительно важное. Скеллен! Ваттье де Ридо...

Веда вдруг услышала другую, чужую мысль. Увидела, как Нератин Цека двигается к двери, держа руку на рукояти кинжала.

Загудели шаги, в комнату влетел Бореас Мун.

— Господин коронер! Быстрее, господин коронер! Они приехали... Вы не поверите, кто!

Скеллен жестом остановил Бригдена, уже поднесшего было железо к пяткам шпиона.

— Тебе надо играть в лотерею, Риенс, — сказал коронер, глядя в окно. — В жизни своей не встречал такого везунчика!

В окне была видна толпа, в центре толпы пара конных. Веда с первого же взгляда знала, кто это. Знала, кто тот худой мужчина с белыми рыбьими глазами, что сидел на раслом гнедом коне. И кто — пепельноволосая девушка на прекрасной вороной кобыле. Руки у девушки были связаны, на шее — ошейник. И синяки на распухших губах.

Высогота вернулся в хату в отвратительном настроении, угнетенный, молчаливый, даже злой. Это было следствие разговора с кметом, приплывшим на лодке забрать шкуры. Возможно, последний раз до весны, сказал кмет. Погода портится со дня на день. Слякоть и ветер такие, что страх на воду выходить. По утрам на лужах лед, того и гляди снег повалит, а после него — морозы, вот-вот река станет и заливы, тогда прячь лодку в сарай, сани вытаскивай. Но на Переплют, сам знаешь, даже на санях нельзя, разводье тут на разводье...

Парень был прав. Под вечер набежали тучи, с темно-синего неба посыпались белые хлопья. Порывистый ветер положил сухие камыши, белыми гривками загулял по поверхности разлива. Стало пронизывающе, чувствительно холодно.

«Послезавтра, — подумал Высогота, — праздник Саовины. По эльфьему календарю через три дня новый год. По человеческому нового года надо подождать еще два месяца».

Кэльпи, вороная кобыла Цири, топотала и фыркала в овчарне.

Войдя в халупу, он застал Цири копающейся в сундуке. Он позволял ей это, даже одобрял. Во-первых, совсем новое занятие после поездок на Кэльпи и листания книг. Во-вторых, в сундуках было множество вещей его дочерей, а девочке нужна была теплая одежда. Несколько смен одежды, потому что в холоде и влаге требовался не один день, прежде чем выстиранные тряпки наконец высохали.

Цири выбирала, примеряла, отбрасывала, откладывала. Высогота уселся за стол, съел две вареные картофелины и обглодал куриное крылышко. Молчал.

— Хорошая работа, — показала Цири вещи, которых Высогота не видел многие годы и даже забыл об их существовании. — Тоже дочкины? Она любила бегать на коньках?

— Обожала. Зимы дождаться не могла.

— Можно взять?

— Бери что хочешь, — пожал он плечами. — Мне от этого никакой пользы. Если тебе пригодятся и башмаки подходят... Да ты никак упаковываешься, Цири? К отъезду готовишься?

Она уставилась на кучу одежды. Потом, помолчав, сказала:

— Да, Высогота. Так я решила. Видишь ли... Нельзя терять ни минуты.

— Сны?

— Да. Я видела очень неприятные вещи. Не уверена, случилось ли уже это, или случится лишь в будущем. Понятия не имею, смогу ли предотвратить... Но ехать должна. Понимаешь, я в детстве обижалась на своих близких за то, что они не пришли мне на помощь. Бросили на произвол судьбы... А теперь я думаю, что, пожалуй, им самим нужна моя помощь. Я должна ехать.

— Зима на носу.

— Поэтому-то и надо ехать. Если останусь — проторчу тут до весны... И до самой весны буду маяться от безделья и неуверенности, мучимая кошмарами. Нет, я должна ехать, ехать немедленно, попытаться отыскать Башню Ласточки. Телепорт. Ты сам подсчитывал, что до озера пятнадцать дней пути. Значит, я буду на месте перед ноябрьским полнолунием...

— Тебе нельзя сейчас покидать убежища, — с трудом проговорил он. — Сейчас — нельзя. Тебя схватят... Твои преследователи... очень близко. Сейчас тебе никак нельзя...

Она кинула на пол блузку, вскочила, словно подкинутая пружиной.

— Ты что-то узнал, — резко бросила она. — От кмета, который взял шкурки. Говори.

— Цири...

— Пожалуйста, скажи!

И он сказал. А позже пожалел о сказанном.

— Не иначе, как их дьявол подослал, добрый господин отшельник, — проворчал кмет, на минуту отрываясь от шкурок. —

Не иначе — дьявол. С самого Равноночия по лесам гоняли, какую-то девку искали. Пугали, кричали, грозились, но тут же снова ехали дальше, не успевали нигде избытно напугать. Но теперьча другую дружость придумали: оставили по деревням и селам каких-то, ну, как их там... ну, посты какие-то... Постятся, стало быть, по деревням-то. И никакие энто не посты, добрый человек, потому как жрут они тама в три горла, а стоят там по три, а то и по четыре мерзавца разом. Разорение сплошное... Посты... Горе одно. Наверное бы будут так цельну зиму нас объезжать, пока девка, которую поджидают, не выглянет откеда бы нибудь с укрытия и в село не заглянет. Тута уж ихний пост кончится, девку они схватют, а нам вроде волю дадут.

— У вас тоже... постятся?

Парень погрузился, скрежетнул зубами.

— У нас — нет. Повезло нам. Но в Дун Даре, в полудне от нас, сидят вчетвером... В корчме, на выселках квартируют. Жрут и пьют. За девок брались, а када им парни воспротивились, дак убили, господин хороший, без жалости. Насмерть...

— Людей убили?

— Двоих. Солтыса и еще одного. Ну и как, есть кара Божья на таких обалдуев, добрый человек? Нету ни кары, ни права! Один колесник, что к нам с женой и дочкой из Дун Дара сбега, говаривал, мол, были ране на свете ведьмаки... Они порядок со всякими беспорядками учиняли. И-эх, призвать бы в Дун Дар ведьмака, штоб энтих стервецов под корень.

— Ведьмаки убивали чудовищ, а не людей.

— Энто мерзопакостники, господин отшельник, а никакие не люди. Мерзостники, что из пекла повылазили. Ведьмак на них нужен, верно говорю, ведьмак... Ну, мне в путь сам час, добрый господин отшельник... Уж холодина идет! Скоро лодку прячь, а сани вытягивай... А супротив мерзавцев из Дун Дара ведьмак нужен. Ох, нужен...

— И верно, — повторила сквозь зубы Цири. — Святая правда. Нужен ведьмак... Или ведьмачка. Четверо их, да? В Дун Даре, да? А где он находится, этот Дун Дар? Вверх по реке? Туда сквозь рощи проехать можно?

— Ради богов, — прервал Цири Высогота. — Уж не думаешь ли ты всерьез...

— Не призывай богов, если в них не веришь. А я знаю, что не веришь.

— Оставим в покое мое мировоззрение! Цири, что за адские мысли приходят тебе в голову? Как ты вообще можешь...

— А вот теперь ты оставь в покое мое мировоззрение, Высогота. Я знаю, что мне положено! Я — ведьмачка!

— Ты — личность юная и неуравновешенная! — взорвался Высогота. — Ты — ребенок, перенесший травмирующее воздей-

ствие извне, ты — ребенок обиженный, невротический и близкий к нервному срыву. И сверх всего ты одержима жадой мести! Ослеплена жадой реванша! Неужели ты этого не понимаешь?

— Понимаю лучше, чем ты! — воскликнула она. — Потому что ты понятия не имеешь о мести, потому что ты никогда не испытывал того, что досталось мне. Потому что ты знать не знаешь, что такое настоящее зло!

Она выбежала, хлопнув дверь, через которую тут же ворвался в сени и комнату пронизывающий зимний вихрь. Спустя несколько секунд Высогота услышал цокот копыт и ржание.

Возбужденный, он хватил оловянной тарелкой о стол. «Пусть едет, — подумал он. — Пусть вытрясет из себя злобу». Бояться за нее он не боялся, она одна ездила по болотам часто и днем, и ночью, знала тропки, островки и заросшие лесом топи. Однако, если б и впрямь заблудилась, достаточно было отпустить поводья, и ворона Кэльпи нашла бы дорогу домой, к овчарне. Эту дорогу она знала.

Спустя какое-то время, когда уже здорово стемнело, он вышел, повесил на столб фонарь. Постоял у живой изгороди, прислушался к стуку копыт, к плеску воды. Однако ветер и шум камешей приглушали все звуки, фонарь на столбе раскачивался как бешеный и наконец погас.

И тогда он услышал. Далеко. Нет, не оттуда, куда поехала Цири. С другой стороны, противоположной. От болот.

Дикий, нечеловеческий, протяжный воющий крик. Стон.

Минута тишины.

И снова.

Beann'shie. Беанн'ши.

Эльфья упырица. Предвестница смерти.

Высогота задрожал от холода и страха. Быстро вернулся в хату, бормоча и приговаривая себе под нос, чтобы не услышать, чтобы не слушать.

Прежде чем он снова разжег фонарь, из тьмы появилась Кэльпи.

— Войди в дом, — сказала Цири ласково и мягко. — И не выходи. Отвратная ночь.

За ужином они снова начали пререкаться.

— Такое впечатление, будто ты очень много знаешь о проблемах добра и зла!

— Да, знаю! И вовсе не из университетских книжек!

— Конечно, нет. Ты все изучила на собственном опыте. На практике. Как-никак у тебя же гигантский опыт в твои-то долгие шестнадцать лет.

— Вполне достаточный! Достаточно большой!

— Поздравляю, коллега ученая.

— Ехидничаешь, — сжала она губы, — даже понятия не имея, как много недоброго наделали миру вы, трухлявые ученые, теоре-

тики, с вашими книгами, со столетним опытом просиживания над моральными трактатами, да еще с таким прилежанием, что вам некогда было даже в окно глянуть, чтобы увидеть, как выглядит мир в действительности. Вы, философы, искусственно поддерживающие придуманные вами же философии, чтобы получать денежки в университетских кассах. А поскольку ни одна хромая собака не заплатила бы вам за неприглядную правду о мире, вы напридумывали этику и моралистику, красивые и оптимистические науки. Беда только в том, что... лживые и шарлатанские!

— Нет ничего более шарлатанского, чем непродуманное осуждение, соплячка! Чем поспешные и непродуманные суждения!

— Вы не нашли противоядие от зла! А я, сопливая ведьмачка, нашла! Безотказное противоядие!

Он не ответил, но лицо выдало его, потому что Цири стрелой вылетела из-за стола.

— Ты считаешь, что я несу дурь? Бросаю слова на ветер?

— Я считаю, — ответил он спокойно, — что в тебе говорит раздражение. Считаю, что ты намерена мстить от раздражения, и горячо советую успокоиться.

— Я спокойна. А месть? Ответь мне: почему бы и нет? Почему я должна отказаться от мысли о мести? Во имя чего? Высших соображений? А что может быть выше наказания скверных дел и поступков? Для тебя, философ и этик, месть — деяние дурное, нехорошее, неэтичное, незаконное, наконец. А я спрашиваю: где кара за зло? Кто должен ее подтвердить, определить и отмерить? Кто? Боги, в которых ты не веришь? Великий творец-демиург, которым ты решил заменить богов? Или закон? А может, нильфгаардская юстиция, императорские суды, префекты? Наивный ты старик!

— Значит, око за око, зуб за зуб? Кровь за кровь? А за эту кровь, очередную кровь? Море крови? Ты хочешь утопить мир в крови? Наивная, обиженная девочка! Так ты намерена бороться со злом, ведьмачка?

— Да. Именно так! Потому что я знаю, чего Зло боится. Не этики твоей, Высогота, не проповедей, не моральных трактатов о порядочной жизни. Зло боли боится, боится быть покалеченным, страданий боится, смерти, наконец! Раненое Зло воет от боли как пес! Ползает по полу и визжит, видя, как кровь хлещет из вен и артерий, видя торчащие из обрубков рук кости, видя кишки, вываливающиеся из брюха, чувствуя, как вместе с холодом приходит смерть. Тогда, и только тогда, у Зла волосы встают дыбом на башке, и тогда скулит Зло: «Милосердия! Я раскаиваюсь в совершенных грехах! Я буду хорошим и порядочным, клянусь! Только спасите, остановите кровь, не дайте позорно умереть!»

Да, отшельник. Вот так борются со Злом! Если Зло собирается обидеть тебя, сделать тебе больно — опереди его, лучше всего в тот момент, когда Зло этого не ожидает. Если ж ты не сподобился Зло

опередить, если Зло успело обидеть тебя, то отплати ему. Напади, лучше всего когда оно уже забыло, когда чувствует себя в безопасности. Отплати ему вдвойне. Втройне. Око за око? Нет! Оба ока за око! Зуб за зуб? О нет! Все зубы за зуб! Отплати Злу! Сделай так, чтобы оно выло от боли, чтобы от этого воя лопались у него глазные яблоки! И вот тогда, поглядев на землю, ты можешь смело и определенно сказать: то, что здесь валяется, уже не обидит никого. Никому не опасно. Потому что как можно угрожать, не имея глаз? Не имея обеих рук? Как оно может обидеть, если его кишки волочатся по песку, а их содержимое впитывается в этот песок?

— А ты, — медленно проговорил отшельник, — стоишь рядом с окровавленным мечом в деснице, глядишь на кровь, впитывающуюся в песок, и имеешь наглость думать, будто разрешила извечную дилемму, что наконец-то обрела плоть мечта философов. Думаешь, что природа Зла изменилась?

— Да, — заносчиво ответила она. — Так как то, что валяется на земле и истекает кровью, — уже не Зло. Возможно, это еще не Добро, но уже наверняка и не Зло!

— Говорят, — медленно проговорил Высогота, — что природа не терпит пустоты. То, что лежит на земле, что истекает кровью, что пало от твоего меча, — уже не Зло? Тогда что же такое Зло? Ты когда-нибудь задумывалась об этом?

— Нет. Я — ведьмачка. Когда меня учили, я поклялась себе, что буду выступать против Зла. Всегда. И не раздумывая... Потому что стоит только начать задумываться, — добавила она глухо, — как уничтожение потеряет смысл. Месть потеряет смысл. А этого допустить нельзя.

Он покачал головой, но она жестом не дала ему заговорить.

— Мне пора уже докончить свой рассказ, Высогота. Я рассказывала тебе больше тридцати ночей, с Эквинокция до Саовины. А ведь не рассказала всего. Прежде чем я уеду, тебе следует узнать, что случилось в день Эквинокция в деревушке под названием Говорог.

Она застонала, когда ее стаскивали с седла. Бедро, по которому он ее вчера бил ногой, болело.

Он дернул за цепь, пристегнутую к ошейнику, потащил ее к дому.

В дверях стояли несколько вооруженных мужчин. И одна высокая женщина.

— Бонарт, — сказал один из мужчин, худощавый брюнет с тощим лицом, державший в руке окованную бронзой нагайку. — Должен признать, ты умеешь застигать врасплох.

— Здравствуй, Скеллен.

Человек, названный Скелленом, какое-то время глядел ей прямо в глаза. Она вздрогнула под его взглядом.

— Ну, так как? — снова обратился он к Бонарту. — Объяснишь сразу или, может, помаленьку?

— Не люблю объяснять на базаре, потому как мухи в рот летят. В дом войти можно?

— Прошу.

Бонарт дернул за цепь.

В доме ждал еще один мужчина, растрепанный и бледный, вероятно, повар, потому что занимался чисткой одежды от следов муки и сметаны. Увидев Цири, он сверкнул глазами. И подошел.

Это не был повар.

Она узнала его, помнила эти паскудные глаза и пятно на морде. Это был тот, кто вместе с белками преследовал их на Танедде, именно от него она сбежала, выскочив в окно, а он велел эльфам прыгать следом. Как тот эльф его назвал? Ренс?

— Это ж надо! — сказал он язвительно, сильно и болезненно тыкнув ее пальцем в грудь. — Мазель Цири! С самого Танедда не виделись. Долго, долго я мазельку искал. И наконец нашел!

— Не знаю, милсдарь, кто вы такой, — холодно бросил Бонарт, — но то, что вы якобы нашли, принадлежит мне, а посему держите лапы подальше, ежели цените свои пальчики.

— Меня зовут Риенс, — нехорошо блеснул глазами чародей. — Соболаговолите это милостиво запомнить, господин охотник за наградами. А кто я, сейчас станет ясно. И ясно также станет, кому будет принадлежать эта мазель. Но зачем опережать события? Сейчас я просто хочу передать поздравления и сделать некое признание. Надеюсь, вы не имеете ничего против?

— Надеемся. Никто вам не запрещает.

Риенс приблизился к Цири, заглянул ей в глаза.

— Твоя покровительница, ведьма Йеннифэр, — ядовито процедил он, — однажды обидела меня. Когда же впоследствии она попала мне в руки, я, Риенс, показал ей, что такое боль. Вот этими руками, вот этими пальцами. И пообещал, что когда мне в руки попадешь ты, королевна, то и тебя я тоже научу боли. Этими вот руками, этими вот пальцами...

— Рискованное дело, — тихо сказал Бонарт. — Очень даже рискованное, господин Риенс, — дразнить мою девочку и угрожать ей. Она мстительна и запомнит это. Держите, повторяю, подальше от нее ваши руки, пальцы и прочие части тела.

— Довольно, — обрезал Скллен, не спуская с Цири любопытного взгляда. — Перестань, Бонарт. Ты, Риенс, тоже помягче. Я отнесся к тебе снисходительно, но еще могу раздумать и велю снова привязать к ножкам стола. Садитесь оба. Поговорим как люди культурные. Втроем, в три пары глаз. Потому как, что-то мне кажется, поговорить есть о чем. А предмет нашей беседы временно отдадим под охрану. Господин Силифант!

— Только стерегите ее как следует. — Бонарт вручил Силифанту конец цепи. — Как зеницу ока.

* * *

Веда держалась в сторонке. Нет, конечно, ей хотелось присмотреться к девушке, о которой так много разговоров шло в последнее время, но она чувствовала странное нежелание лезть в толпу, окружающую Харшейма и Силифанта, которые вели загадочную пленницу к столбу на майдане.

Все пытались пробиться поближе, разглядывали девушку, пробовали даже пощупать, толкнуть, дернуть. Она шла с трудом, немного прихрамывая, но голову держала высоко. «Он ее бил, — подумала Веда. — Но не сломил...»

— Значицца энто и есть та самая Фалька...

— Едва-едва из девчонок вылезла...

— Девчонка! Тьфу! Резака!

— Шестерых парней, говорят, рубанула, зверюга, на арене в Клармоне...

— А сколькерых еще ране-то! Дьяволица!

— Волчица!

— А кобыла, гляньте, какова кобыла-то? Чудных кровей лошадь... А вона, при Бонартовых-то тебеньках какой меч. Хо... Чудо чудное!

— Прекратить! — буркнул Дакре Силифант. — Не прикасаться! Куда ты со своими лапами в чужое добро? Девушку тоже не трогать, не щупать, не оскорблять и не клеветать! Побольше уважения. Неизвестно, может, еще будем ее на рассвете казнить. Так пусть хоть до того времени в мире побудет.

— Ежели девке на смерть идтить, — ощерился Киприан Фрипп Младший, — то, может, остаток жизни-то ей маленько усладить и отодрать как следоват? Взять на сенцо и прочистить?

— Ну! — загрохотал Каберник Турент. — А чего, можно бы! Спросим Филина, нельзя ль...

— Говорю вам, нельзя! — отрезал Дакре. — У вас только одно на уме, трахательники дурные! Сказал же, оставить девушку в покое. Андрес, Стигварт, а ну, станьте-ка с ней рядышком. И глаз не спускать, ни на шаг не отходить. А тех, что полезут, палкой!

— Ого! — сказал Фрипп. — Ну, нет так нет, нам все едино. Айда, парни, к скирдам, к местным, они там барана и поросенка запекают. Ведь нонче Равноночие, Эквинокций, праздник, стало быть. Пока господа советываются, мы можем повеселиться.

— Пошли! Достань-ка, Деде, какой-нито кувшинок из переметов. Выпьем. Можно, господин Силифант? Господин Харшейм? Праздник ноне, да и без того никуда не поедем на ночь-то глядя.

— Тоже мне — толковая мысль, — поморщился Силифант. — Выпивки у них одни в головах да трахты! А кто тут останется, чтобы помогать девку стеречь и к господину Стефану бечь, ежели что?

— Я останусь, — вызвался Нератин Цека.

— И я, — поддержала Веда.

Дакре Силифант внимательно взглянул на них. Потом махнул рукой. Оставайтесь, мол. Фрипп и компания поблагодарили нестройным ревом.

— Но смотреть в оба, повнимательнее быть на том празднике, — предупредил Оль Харшейм. — Девочек не лапать, как бы еще кого мужики вилами в промежность не ткнули!

— Хе! Идешь с нами, Хлоя? А ты, Веда? Не надумала?

— Нет. Остаюсь.

— Они оставили меня у столба на цепи, со связанными руками. Охраняли двое. А двое стоявших поодаль непрерывно зыркали, наблюдали. Высокая и интересная женщина и мужчина с какой-то вроде бы женственной внешностью и движениями. Станный такой.

Кот, сидевший на середине комнаты, широко зевнул, заскукав, потому что замученная мышь перестала его забавлять. Высогота молчал.

— Бонарт, Риенс и Скеллен-Филин продолжали совещаться в светлице. Я не знала о чем. Ждать могла самого худшего, но мне было как-то все равно. Ну, еще одна арена? Или просто убьют? А, да не все ль равно, лишь бы поскорее кончилось.

Высогота молчал.

Бонарт вздохнул.

— Не гляди волком, Скеллен, — повторил он. — Я просто хотел заработать. Мне, понимаешь, на отдых пора. На заслуженный. На веранде посидеть, на голубочков поглядеть. Ты давал мне за Крысиху сто флоренов и обязательно хотел получить мертвой. Меня это озадачило. Сколько же эта девица может стоить в натуре? — подумал я. И сообразил, что если ее продать или отдать, то она наверняка будет не такой ценной, как если попридержать. Древний закон экономии и торговли. Такой товар, как она, постоянно растет в цене. Можно и поторговаться.

Филин сморщил нос, словно неподалеку что-то завоняло.

— А ты откровенен, Бонарт, до боли. Но переходи к делу. К пояснениям. Ты убегаешь с девчонкой через весь Эббинг и вдруг появляешься и растолковываешь нам принципы экономики. Объясни, что случилось?

— А что тут объяснять, — лстиво усмехнулся Риенс. — Господин Бонарт просто наконец-то понял, кто такая в действительно-сти эта девка. И чего стоит.

Скеллен не удостоил его взглядом. Он смотрел на Бонарта, в его рыбы, ничего не выражающие глаза.

— И эту драгоценную девицу, — процедил он сквозь зубы, — эту ценнейшую добычу, которая может обеспечить ему приличную старость, он выталкивает в Клармоне на арену и заставляет драться не на жизнь, а на смерть. Рискует ее жизнью, хотя, по его мне-

нию, живая она так много стоит. Как это понимать, Бонарт? Что-то у меня тут не вытанцовывается.

— Если б она погибла на арене, — Бонарт не опускал глаз, — это означало бы, что она вообще ничего не стоит.

— Понимаю. — Филин слегка насупился. — Но вместо того чтобы отвезти девку на очередную арену, ты привез ее ко мне. Почему, позволь спросить?

— Повторяю, — поморщился Риенс, — он понял, кто она такая.

— Прыткий вы типчик, господин Риенс. — Бонарт потянулся так, что хрустнули суставы. — Угадали. Да, правда, с этой выученной в Каэр Морхене ведьмачкой была связана еще одна загадка. В Гесо, во время нападения на благородную девицу, девка распустила язычок. Мол, она такая важная, знатная и титулованная, что баронесса перед ней — чепуховина и кукиш с маслом и вообще пониже кланяться должна. Получалось, подумал я, Фалька — самое меньшее — графиня. Интересно. Ведьмачка — раз. Часто мы встречаем ведьмачек? В банде Крыс состоит — два. Имперский коронер собственной персоной гоняется за ней от Кората до Эббинга, приказывая прикончить, — три. А ко всему тому... дворянка вроде бы высокого рода. Ну, думаю, надо будет девку наконец спросить, кто же она в действительности такая.

Он на минуту замолчал.

— Ну, вначале, — он вытер нос манжетом, — она говорить не хотела. Хотя я и просил. Рукой, ногой, кнутом просил. Калечить не хотел... Но надо ж было так случиться, что рядом оказался цирюльник. С прибором для вырывания зубов. Привязал я ее к стулу...

Скеллен громко сглотнул. Риенс усмехнулся. Бонарт осмотрел манжет.

— Все сказала, прежде чем... Как только увидела инструменты. Ну, клещи зубные, козиножки. Сразу разговорчивой стала. Оказалось, что это...

— Княжна Цинтры, — сказал Риенс, глядя на Филина. — Наследница престола. Кандидатка в жены императору Эмгыру.

— Чего господин Скеллен сказать мне не соизволил, — поморщился охотник за наградами. — А поручил просто пришить. Несколько раз повторил: убить на месте, и безжалостно! Как же так, господин Скеллен? Убить королевну? Будущую супругу вашего императора? С которой, если верить слухам, император того и гляди пойдет под венец, после чего будет объявлена крупная амнистия.

Произнося свою речь, Бонарт сверлил Скеллена взглядом. Но имперский коронер глаз не опустил.

— М-да, — продолжал охотник. — Вот и получается весьма неприятная история. И тогда, хоть и не без сожаления, но от своих планов в отношении ведьмачки я отказался. Привез эту «весьма неприятную историю» сюда, к вам, господин Скеллен. Чтобы поболтать, значит, договориться... Потому как этих неприятностей вроде бы многовато для одного Бонарта...

— Очень верный вывод, — скрипуче проговорил кто-то из-за пазухи Риенса. — Весьма, весьма верный вывод, господин Бонарт. То, что вы, господа, поймали, чуточку многовато для вас обоих. К вашему счастью, у вас есть еще я.

— Это что такое? — вскочил Скеллен со стула. — Что это такое, черт вас поберит?

— Мой мэтр, чародей Вильгефорц. — Риенс вынул из-за пазухи малюсенькую серебряную коробочку. — Точнее говоря, голос моего мэтра. Идущий из этого вот приспособления, именуемого ксеноглозом.

— Приветствую всех присутствующих, — проговорила коробочка. — Сожалею, что могу вас только слышать, но осуществить телепроекцию либо телепортацию не позволяют мне срочные дела.

— Этого, хрен с маслом, еще не хватало, — проворчал Филин. — Но можно было догадаться. Риенс слишком глуп, чтобы действовать в одиночку и по своему разумению. Можно было догадаться, что ты все время таишься где-то во мраке, Вильгефорц. Как старый, ожиревший паук, прячешься в темноте, поджидая, когда дрогнет паутинка.

— Ах, какое образное сравнение!

Скеллен фыркнул.

— И не вешай нам лапшу на уши, Вильгефорц. Ты пользуешься Риенсом и его шкатулкой не из-за навала занятий, а из страха перед армией чародеев, твоих бывших дружков по Капитулу, сканирующих весь мир в поисках следов магии с твоим алгоритмом. Если б ты попытался телепортироваться, они б тебя засеки мгновенно.

— Ах, какие поразительные знания!

— Мы не были представлены друг другу. — Бонарт достаточно театрально склонился перед серебряной коробочкой. — Но получается, что по вашему поручению и получив от вас соответствующие полномочия, господин чернокнижник милсдарь Риенс обещает девушке мученичество? Я не ошибаюсь? Даю слово, эта девица с каждой секундой становится все значительнее. Оказывается, она потребна всем.

— Мы не были представлены, — сказал из коробочки Вильгефорц, — но я знаю вас, Бонарт, Лео Бонарт, и вы удивитесь, насколько хорошо. А девушка действительно важна. Как ни говори, она — Львенок из Цинтры, Старшая Кровь. В соответствии с предсказаниями Итлины ее потомкам предстоит править миром.

— Поэтому она вам так нужна?

— Мне нужна только ее плацента, детское место. Когда я извлеку из нее детское место, остальное можете взять себе. Что это я там слышу? Какое-то ворчание? Какие-то отвратительные вздохи и сопение? Чьи? Уж не ваши ли, Бонарт, человека, который ежедневно изуверски истязает девушку и физически, и психически? Или Стефана Скеллена, который по приказу предателей и заговорщиков собирается девушку убить? Э?

* * *

«Я подслушивала их, — вспоминала Веда, лежа на нарах с подложенными под голову руками. — Стояла за углом и чуяла. И волосы у меня шевелились. На всем теле. Наконец-то я поняла, в какое дерьмо вляпалась».

— Да, да, — донеслось из ксеноглоза, — ты предал своего императора, Скеклен. Не колеблясь, при первой же возможности.

Филин пренебрежительно фыркнул.

— Получить обвинения в предательстве из уст такого супер-предателя, как ты, Вильгефорц, воистину что-то да значит. Я почувствовал бы себя польщенным, если бы от твоих слов не несло базарной хохмой.

— Я не обвиняю тебя в предательстве, Скеклен, я смеюсь над твоей наивностью и неспособностью предавать. Ради кого ты предаешь своего хозяина? Ради Ардаля аэп Даги и де Ветта, князей с оскорбленной болезненной гордостью, обиженных тем, что их дочерей император отверг, намереваясь жениться на цинтрийке. А они-то рассчитывали на то, что именно с их родов начнется новая династия, что именно их роды станут в Империи первыми, быстро подымутся даже выше трона. Эмгыр одним мановением руки лишил их этих надежд, и тогда они решили изменить ход истории. К вооруженному восстанию они еще не готовы, но ведь можно умертвить девушку, которую Эмгыр предпочел их чадам. Собственные аристократические ручки, естественно, пачкать не хочется, и они находят наемного убийцу, Стефана Скеклена, страдающего избытком амбиций. Как это было, Скеклен? Не поведаешь ли?

— Зачем?! — крикнул Филин. — И кому? Ты, как всегда, знаешь все, великий маг! Риенс, как всегда, не знает ничего, так оно и должно остаться, а Бонарта это не интересует...

— А тебе, как я уже сказал, похвастаться нечем. Князья подкупили тебя обещаниями, но ты, как ни говори, достаточно умен, чтобы не понимать, что тебе с князьками не по пути. Сегодня ты им нужен как орудие уничтожения цинтрийки, завтра они отделаются от тебя, потому что ты — низкорожденный парвеню. Тебе в новой империи пообещали должность Ваттье де Ридо? Да ты, пожалуй, и сам в это не веришь, Скеклен. Ваттье им нужнее, потому что перевороты переворотами, но секретные службы остаются. Твоими руками они хотят только убивать, Ваттье же им потребен, чтобы овладеть аппаратом государственной безопасности и сыска. Кроме того, Ваттье — виконт, а ты никто.

— Действительно, — надул губы Филин. — Я чересчур разумен, чтобы не заметить этого, следовательно, сейчас я должен, в свою очередь, предать Ардаля аэп Даги и присоединиться к тебе, Вильгефорц? На это ты намекаешь? Но я не флюгер-петушок на башне! Если я поддерживаю идею революции, то по убеждению и

идеологии. Необходимо кончать с самодержавной тиранией, ввести конституционную монархию, а после нее — демократию...

— Что?!

— Власть народа. Систему, в которой править будет народ. Все граждане всех сословий и состояний через избранных в честных выборах наиболее достойных и наиболее порядочных представителей...

Риенс расхохотался. Дико засмеялся Бонарт. Искренне, хоть и немного со скрипом засмеялся из ксеноглоза чародей Вильгефорц. Все трое долго хохотали, горохом рассыпая слезы.

— Хорошо, — прервал веселье Бонарт. — Мы тут не на кукольное представление пришли, а на торг. Девушка пока что не входит в число порядочных граждан всех сословий, а принадлежит мне. Но я могу ее уступить. Что можете предложить, господин чародей?

— Власть над миром тебя устроит?

— Нет.

— Значит, могу предложить, — медленно проговорил Вильгефорц, — присутствовать при том, что я буду делать с девушкой. Сможешь посмотреть. Я знаю, такие спектакли ты предпочитаешь всем другим удовольствиям.

Глаза Бонарта полыхнули белым пламенем. Но он был спокоен.

— А если конкретнее?

— А если конкретнее: я готов выплатить тебе твою двадцатикратную ставку. Две тысячи флоренов. Поразмысли, Бонарт, это ведь мешок денег, которого ты не поднимешь, понадобится выючный мул. Тебе этого хватит на «заслуженный отдых», веранду, голубков и даже на водку и девок, если согласишься разумную умеренность.

— Согласен, господин магик, — внешне беззаботно рассмеялся охотник. — Этой водкой и девками вы поразили меня прямо-таки в сердце. Что ж, dokonчим торг. Но на предложенную обсервацию я б тоже согласился. Правда, предпочитал бы видеть, как она подышает на арене, но и на вашу работу ножичком тоже охотно кину взгляд. Добавьте в виде довеска.

— Уговор — железо.

— Быстренько у вас пошло, — терпко оценил Филин. — И верно, Вильгефорц, быстро и гладко заключили вы с Бонартом союз. Союз, который, однако, есть и будет *societas leonina* *. А вы ни о чем, случайно, не забыли? Светлицу, в которой сидите вы и цинтрийка, коей торгуете, окружают два десятка вооруженных людей. Моих людей, заметьте.

— Дорогой коронер Скеллен, — прозвучал из коробочки голос Вильгефорца. — Вы оскорбляете меня, думая, будто при обмене я намерен вас обидеть. Совсем наоборот. Я намерен быть невероятно щедрым. Правда, не смогу обеспечить вам достижения той, как вы изволили выразиться, демократии, но гарантирую материаль-

* львиное сообщество, то есть такое, от которого одна сторона получает все выгоды, а другая несет все тяготы (лат.).

ную помощь, логистическую поддержку и доступ к информации, благодаря чему вы перестанете быть для заговорщиков оружием и халявшиком, а станете партнером. Таким, с личностью и мнением которого будет считаться князь Йоахимм де Ветт, герцог Ардаль аэп Даги, граф Бруанне, граф д'Арви и остальные заговорщики голубой крови. И что с того, что это *societas leonina*? Разумеется, если добычей оказывается Цирилла, то львиную долю добычи получу я, как мне, кстати, кажется, законно. И тебя это так трогает? Ведь и у тебя выгоды будут немалые. Если отдашь мне цинтрийку, считай, что место Ваттье де Ридо у тебя в кармане. А став шефом секретных служб, Стефан Скеллен, можно реализовать любые, даже самые бредовые идеи, к примеру, демократию и честные выборы. Так что, видишь, одна тощая пятнадцатилетняя девчонка обеспечивает тебе исполнение жизненной мечты и амбиций. Ты это видишь? Видишь, а?

— Нет, — покрутил головой Филин. — Исключительно слышу.

— Риенс.

— Да, мэтр?

— Покажи господину Скеллену образец качества нашей информации. Скажи, что выжал из Ваттье.

— В этом отряде, — сказал Риенс, — есть подсадная утка.

— Что?!

— То, что слышишь. У Ваттье де Ридо здесь есть свой человек. Он знает обо всем, что ты делаешь, знает, зачем делаешь, и знает, для кого делаешь. Ваттье вернул к вам своего агента.

Он подошел тихо, так, что она почти не слышала.

— Веда.

— Нератин.

— Ты чуяла мои мысли. Там, в светлице. Ты знаешь, о чем я думал. Значит, знаешь, кто я.

— Послушай, Нератин...

— Нет, послушай ты, Жоанна Сельборн. Стефан Скеллен пре-
дает страну и императора. Он — заговорщик. Все, кто его держит-
ся, кончат на эшафоте. Их станут разрывать лошадьми на площа-
ди Тысячелетия.

— Я ничего не знаю, Нератин. Я исполняю приказы... Чего ты от меня хочешь? Я служу коронеру... А кому служишь ты?

— Императору... Господину де Ридо.

— Повторяю: чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты проявила разумность.

— Отойди. Я не выдам тебя, не скажу... Но отойди, пожалуй-
ста. Я не могу, Нератин. Я — простая женщина. Не для моего все
это ума.

«Не знаю, что делать. Скеллен называет меня «госпожа Сель-
борн». Как офицера. Кому я служу? Ему? Императору? Империи?
Откуда мне знать».

Веда оттолкнулась спиной от угла домика, прутиком и грозным ворчанием отогнала деревенских ребятишек, с любопытством рассматривавших сидящую у столба Фальку.

«Ох, в хорошую заварушку я попала. Ох, запахло в воздухе веревкой. И конским навозом на площади Тысячелетия.

Не знаю, чем это кончится, — подумала Веда. — Но я должна в нее войти. В эту Фальку. Хочу на минутку почувствовать ее мысли. Знать то, что знает она.

Понять».

— Она подошла, — сказала Цири, поглаживая кота. — Высокая, опрятная, сильно отличающаяся от всей остальной шпани... На свой лад даже красивая. И вызывающая уважение. Те двое, что меня стерегли, вульгарные простолюдины, перестали ругаться, когда она подошла.

Высогота молчал.

— А она, — продолжила Цири, — наклонилась, заглянула мне в глаза. Я сразу что-то почувствовала. Что-то странное. У меня что-то вроде бы хрустнуло в затылке, заболело. Зашумело в ушах. В глазах сделалось на мгновение очень светло... Что-то в меня проникло, отвратительное и скользкое... Я это знала. Йеннифэр показывала мне в храме... Но этой женщине я не хотела позволить... Поэтому просто отторгла то, чем она меня изучала, оттолкнула и выбросила из себя изо всей силы, на какую была способна. А высокая женщина изогнулась и покачнулась, словно получила удар кулаком, сделала два шага назад... И кровь потекла у нее из носа. Из обеих ноздрей.

Высогота молчал.

— А я, — Цири подняла голову, — поняла, что произошло. Я вдруг почувствовала в себе Силу, которую потеряла там, в пустыне Корат. Отреклась от нее. Не могла потом черпать, не могла пользоваться. А она, эта женщина, дала мне Силу, прямо-таки вложила оружие в руку. Это был мой шанс.

Веда отшатнулась и тяжело опустилась на песок, покачиваясь и ощупывая почву около себя, словно пьяная. Кровь текла у нее из носа на губы и подбородок.

— В чем дело?.. — Андрес Верный вскочил, но тут же обеими руками схватился за голову, раскрыл рот, из горла у него вырвался хрип. Широко раскрытыми глазами он глядел на Стигварда, но из носа и ушей пирата тоже проступала кровь, а глаза заволакивал туман. Андрес упал на колени, глядя на Нератина Цеку, стоявшего сбоку и спокойно глядевшего на них.

— Нера... тин... Помоги...

Цека не пошевелился. Он смотрел на девушку. Она повернула голову, и он покачнулся.

— Не надо. Я на твоей стороне, — быстро предупредил он. — Я хочу тебе помочь. Давай я перережу веревки... На, возьми нож, ошейник разрежешь сама. Я приведу коней.

— Цека... — с трудом выдавил Андрес Верный. — Ах ты, предатель...

Девушка ударила его взглядом, он упал на лежащего неподвижно Стигварда и скрючился, словно плод в лоне матери. Веда все еще не могла подняться. Кровь густыми каплями падала на грудь и живот.

— Тревога! — крикнула вдруг появившаяся из-за домов Хлоя Штиц, упуская из руки баранье ребро. — Тре-е-е-евога!.. Силифант! Скеллен! Девчонка сбегает!

Цири уже была в седле. В руке — меч.

— Йа-а-а-а, Кэльпи! Йа-а-а-а-а!!!

Веда скребла пальцами песок. Встать не могла. Ноги не слушались, были словно деревянные. «Псионичка, — подумала она. — Я налетела на суперпсионичку. Девушка в десятки раз сильнее меня... Хорошо, что не убила... Каким чудом я все еще не потеряла сознания?»

От домов уже бежали люди, в голове — Оль Харшейм, Берт Бригден и Тиль Эхрад. Спешили на майдан также и стражники от ворот, Дакре Силифант, Бореас Мун. Цири развернулась, взвизгнула, помчалась галопом к реке. Но и оттуда уже бежали вооруженные люди.

Скеллен и Бонарт выскочили из светлицы. У Бонарта в руке был меч. Нератин Цека крикнул, налетел на них конем и повалил обоих. Потом прямо с седла кинулся на Бонарта и прижал его к земле. Риенс выскочил на порог и глядел на все это дурными глазами.

— Хватайте ее! — рявкнул Скеллен, поднимаясь с земли. — Хватайте или убейте!

— Живую! — взвыл Риенс. — Живу-у-у-ю!

Веда видела, как Цири оттеснили от частокола, идущего вдоль реки, как она развернула вороную кобылу и помчалась к воротам. Видела, как Каберник Турент подпрыгнул и хотел стащить ее с седла, видела, как сверкнул меч, видела, как из шеи Турента вырвалась карминовая струя. Деде Варгас и Фрипп Младший видели это тоже и, не решившись загородить девушке дорогу, скрылись за домами.

Бонарт вскочил, эфесом меча оттолкнул от себя Нератина Цека и рубанул страшно, наискось через грудь. И тут же прыгнул вслед за Цири. Разрубленный и истекающий кровью Нератин еще сумел схватить его за ноги и отпустил только тогда, когда Бонарт пригвоздил его острием меча к земле. Но этих нескольких мгновений было достаточно.

Девушка толкнула кобылу, уходя от Силифанта и Муна. Скеллен, наклонившись словно волк, забежал слева, махнул рукой. Веда видела, как что-то блеснуло в полете, видела, как девушка дерну-

лась и покачнулась в седле, а из ее лица фонтаном хлестнула кровь. Она отклонилась назад так, что минуту почти лежала спиной на крупе кобылы. Но не упала, выпрямилась, удержалась в седле, прижалась к лошадиной шее. Вороная кобыла раскидала вооруженных людей по сторонам и мчалась прямо на ворота. За ней бежали Мун, Силифант и Хлоя Штиц с арбалетом.

— Не перескочит! Она наша! — торжествующе крикнул Мун. — Семь футов не возьмет ни один конь!

— Не стреляй, Хлоя!

Хлоя Штиц не расслышала в общем гуле. Остановилась. Приложила самострел к щеке. Все знали, что Хлоя никогда не мажет.

— Труп! — крикнула она. — Труп!

Веда видела, как незнакомый ей по имени невысокий мужчина подбежал, поднял свой арбалет и выстрелил Хлою в спину. Бельт прошел навывлет, исторгнув из спины женщины фонтан крови. Хлоя упала, не издав ни звука.

Вороная кобыла домчалась до ворот, чуть отвела назад голову, прыгнула, взметнулась над воротами, красиво подогнув передние ноги, перелетела через них как черная шелковая лента! Поджатые задние копыта даже не лизнули верхней перекладины.

— О боги! — возопил Дакре Силифант. — Боги, что за лошады! Она стоит золота по своему весу!

— Кобыла тому, кто ее поймает! — крикнул Скеллен. — По коням! По коням и за ней!

Через открытые наконец ворота карьером рванулась погоня, взбивая пыль. Впереди всех, в голове, неслись Бонарт и Бореас Мун.

Веда с трудом приподнялась, тут же покачнулась и снова тяжело опустилась на землю. По ногам болезненно бегали мурашки.

Каберник Турент не двигался, лежа в красной луже, широко раскинув руки и ноги. Андрес Верный пытался поднять все еще валящегося в обмороке Стигварда.

Скорчившаяся на песке Хлоя Штиц казалась маленькой, как ребенок.

Оль Харшейм и Берт Бригден приволокли к Скеллену невысокого мужчину, убившего Хлою. Филин тяжело дышал и прямо-таки дрожал от ярости. Из перевешенной через грудь бандольеры вынул вторую стальную звезду, такую же, какой только что ранил в лицо девушку.

— Чтоб тебя ад поглотил, Скеллен, — сказал невысокий мужчина.

Веда вспомнила, как его зовут. Мекессер. Йедия Мекессер, геммериец. Она узнала его еще в Рокаине.

Филин сгорбился, резко махнул рукой. Шестиконечная звезда взвыла в воздухе и глубоко врезалась в лицо Мекессера между глазом и носом. Мекессер даже не крикнул, только начал сильно и спазматически дергаться в руках Харшейма и Бригдена. Дергался

он долго, а зубы выставил так по-звериному, что все отвернулись. Все, кроме Филина.

— Вырви из него мой орион, Оль, — приказал Стефан Скеллен, когда наконец труп бессильно повис в державших его руках. — И закопайте эту падаль вместе с той другой падлой, с тем гермафродитом. Чтобы следа от паршивых предателей не осталось.

Неожиданно завыл ветер, налетели тучи, и сразу стало темно.

Часовые перекликались на стенах цитадели, храпели дуэтом сестры Скарра, Петюх громко отливал в пустую парашу.

Веда натянула одеяло под подбородок. Вспоминала.

«Они не догнали девушку. Она исчезла. Просто-напросто исчезла.

Бореас Мун — невероятно! — потерял след вороной кобылы через каких-то три мили. Неожиданно, без предупреждения, сделалось темно, вихрь пригнул деревья почти до земли. Хлынул дождь, загрел гром, засверкали молнии.

Бонарт не успокоился. Вернулся в Говорог. Орали друг на друга все: Бонарт, Филин, Риенс и тот четвертый, загадочный, нечеловеческий, скрипящий голос. Потом подняли на седла всю ганзу, кроме тех, которые вроде меня не в состоянии были ехать. Создали кметов с факелами, помчались в леса. Вернулись поутру.

Ни с чем. Если не считать ярости, горевшей в глазах.

Разговоры, — вспоминала Веда, — начались лишь через несколько дней. Вначале все слишком боялись Филина и Бонарта, которые так бесились, что лучше было не попадаться им на глаза. За какое-то неловкое слово даже Берт Бригден, офицер, получил покаянную нагайку по лбу.

Но потом разговоры пошли о том, что творилось во время погоны. О маленьком соломенном единороге из часовенки, который вдруг вырос до размеров дракона и напугал коней так, что седоки свалились с седел, чудом не переломав шеи. О мчащейся по небу кавалькаде огненноглазых призраков на конских скелетах, которых вел страшный король-скелет, приказывавший своим слугам-упырям затирать следы копыт черной кобылы рваными плащами. Об ужасном хоре козодоев, орущих «Лиик'йорр, лиик'йорр из крови». О наводящем ужас вое призрачной беанн'ши, вестницы смерти.

Ветер, дождь, тучи, кусты и деревья фантастических форм, добавок страх, у которого глаза велики, разъяснял Бореас Мун, побывавший там лично. Вот и все объяснение. А козодой? Ну что, козодой как козодой, эти, добавлял он, завсегда кричат.

А тропа, следы копыт, которые вдруг исчезают, словно лошадь в небеса улетела?

Лицо Бореаса Муна, следопыта, умеющего выследить рыбу в воде, при таком вопросе становилось унылым. Ветер, отвечал он, ветер засыпал следы песком и листьями. Другого объяснения нет.

Некоторые даже верили, — вспоминала Веда, — некоторые даже поверили, что все это были естественные явления либо миражи. И даже смеялись над ними.

Но смеяться перестали. После Дун Дара. После Дун Дара уже не смеялся никто».

Когда он ее увидел, то невольно попятился, втянув воздух.

Она смешала гусиный смалец с печной сажей и получившейся густой краской зачернила глазные впадины и веки, растянув их длинными линиями до самых ушей и висков.

Выглядела она не хуже дьявола.

— От четвертого островка на высокий лес, самым краем, — повторил он. — Потом вдоль реки до трех усохших деревьев, от них грабами по болоту напрямик на запад. Как появятся сосны, поезжай краем и считай просеки. Свернешь в девятую и потом уж не сворачивай никуда. Потом будет поселок Дун Дар, с его северной стороны — выселки. Несколько халуп. А за ними, на развилке, корчма.

— Запомнила. Не беспокойся.

— Особенно осторожной будь на излучинах реки. Остерегайся мест, где камыши реже. Мест, поросших горецом. А если все-таки еще до сосняка тебя застанут сумерки, остановись и пережди до утра. Ни в коем случае не едь по болотам ночью. Уже почти новолуние, к тому же тучи...

— Знаю.

— Теперь относительно Страны Озер... Направляйся на север через горы. Избегай главных трактов, там всегда полно солдат. Когда доберешься до реки, большой реки, которая называется Сильта, — это будет больше половины пути.

— Знаю. У меня есть карта, которую ты начертил.

— Ах да, конечно.

Цири в который раз проверила упряжь и вьюки. Механически. Не зная, что сказать. Оттягивая то, что наконец сказать следовало.

— Мне приятно было принимать тебя здесь, — опередил он. — Серьезно. Прощай, ведьмачка.

— Прощай, отшельник. Благодарю тебя за все.

Она уже была в седле, уже приготовилась тронуть Кэльпи, когда он подошел и схватил ее за руку.

— Цири, останься, пережди зиму...

— К озеру я доберусь до морозов. А потом, если все будет так, как ты сказал, то уже ни тракты, ни морозы не будут иметь значения. Я возвращусь телепортом на Танедд. В школу в Аретузе. К госпоже Рите... Как давно это было, Высогота. Как давно...

— Башня Ласточки — легенда. По мне, это всего лишь легенда.

— Я тоже всего лишь легенда, — сказала она с горечью. — С рождения. Zigeael, Ласточка, дитя-неожиданность. Избранница.

Дитя Предназначения. Дитя Старшей Крови. Я еду, Высогота. Будь здоров.

— Будь здорова, Цири.

Корчма на развилке за выселками была пуста. Киприан Фрипп Младший и три его дружка запретили входить местным жителям и прогоняли приезжих. А сами пиршествовали и пили целыми днями напролет, высиживая в мрачном кабаке, смердящем так, как обычно смердит корчма зимой, когда не отворяют ни окон, ни дверей, — кошками, мышами, потом, онучами, сосняком, жиром, чем-то горелым и мокрой сохнувшей одеждой.

— Собачья доля, — повторил, пожалуй, в сотый раз Юз Йанновиц, геммериец, махнув рукой прислуживавшим девкам, чтобы те принесли водки. — Чтоб перекрутило этого Филю! В такой паршивой дыре заставил портки просиживать! Уж лучше б по лесам с патрулями ездить!

— Дурак, — ответствовал Деде Варгас. — На дворе чертовский зяб. Нет, уж лучше в тепле. Да с девкой!

Он с размаху шлепнул девушку по ягодицам. Девушка пискнула, не очень убедительно и с явно видимым равнодушием. Правду сказать, глуповата была. Работа в корчме научила ее только тому, что, когда шлепают или шиплют, надобно пищать.

Киприан Фрипп и его компания взялись за обеих девок на другой же день по приезде. Корчмарь боялся слова молвить, а девки были не настолько резвы, чтобы думать о протестах. Жизнь уже успела научить их, что ежели девка протестует, то ее бьют. Потому разумней погодить, пока «желателям» наскучит.

— Энта Фалька, — притомившийся Риспат Ля Пуант завел очередной стандартный разговор поднадоевших вечерних бесед, — сгинула где-то в лесах, говорю вам. Я видал, как тогда ее Скеллен орионом в морду секанул, как из ее кровушка фонтаном рвалася! Из этого, говорю вам, она очухаться не могла!

— Филя промахнулся, — заявил Юз Йанновиц. — Едва скользнул орионом-то. Морду, верно, недурственно ей разделал, сам видел. А помешало это девке перескочить через ворота? А? Свалилась она с коня? А? Аккурат! А ворота я опосля измерил: семь футов и два дюйма, тютелька в тютельку. Ну и что? Прыгнула! Да еще как! Промеж седла и жопы лезвие ножа не воткнешь!

— Кровь из ее лилась как из ведра, — возразил Риспат Ля Пуант. — Ехала, говорю вам, ехала, а опосля свалилась и подохла в какой-нито яме, волки и птицы падаль сожрали, куницы докончили, а муравцы дочистили следы. Конец, *deireadh*! Стал-быть, мы тута, говорю вам, понапрасну портки просиживаем и денежки пропиваем. К тому ж лафы никакой не видать!

— Не может так быть, чтобы опосля трупа ни следу, ни знаку не осталось, — убежденно проговорил Деде Варгас. — Завсегда

чегой-то да остается: череп, таз, кость какая потолще. Риенс, тот чаровник, остатки Фалькины наконец отыщет. Вот тогда будет делу конец.

— И может, тогда нас в такие места погонят, что с любовью тепершнее безделье и паршивый этот хлев вспомним. — Киприан Фрипп Младший окинул утомленным взглядом стены корчмы, на которых знал уже каждый гвоздь и каждый подтек. — И эту водяру паскудную. И этих вона двух, от которых луком несет, а когда их прочишаешь, то лежат ровно телки, в потолок зыркают и в зубах ковыряют.

— Все лучше, чем скукотища эта, — проговорил Юз Йанновиц. — Выть хочца! Давайте сотворим хоть чего-то! Что угодно! Деревню подпалим или еще чего сделаем?

Скрипнула дверь. Звук был такой необычный, что все четверо сорвались с мест.

— Вон! — зарычал Деде Варгас. — Выметайся отседова, дед! Попрошайка хренов! Вонючка! Пшел во двор! Ну!

— Оставь, — махнул рукой утомленный Фрипп. — Видишь, дудку вытягивает. Небось нищенствует, видать, старый солдат, что дудкой да пением по постоянным дворам промышляется. На дворе слякоть и зяб. Пусть посидит...

— Только подальше от нас. — Юз Йанновиц указал деду, где тому можно сесть. — Нито нас воши закрут. Отседова видать, какие по ему быки ползают. Подумать можно — не воши, а черепахи.

— Дай ему, — скомандовал Фрипп Младший, — какой-нито жратвы, хозяин. А нам водяры!

Дед стащил с головы огромный валяный колпак и уважительно разогнал вокруг себя вонь.

— Благодарствуйте, благородники, — промямлил он. — Ноне ведь сочевник Саовины, праздник. В праздник негоже никого гонять, чтоб под дождем мок и мерз. В праздник годится почествовать...

— Верно, — хлопнул себя по лбу Риспат Ля Пуант. — И верно, ведь сочевник Саовины нынче! Конец октября!

— Ночь чар. — Дед отхлебнул принесенного ему жидкого супа. — Ночь духов и страхов!

— Ого! — сказал Юз Йанновиц. — Дедок-то, гляньте, сейчас нас тут нищенской повестью порадует!

— Пусть радуется, — зевнул Деде Варгас. — Все лучше, чем нуда эта!

— Саовина, — повторил загрустевший Киприан Фрипп Младший. — Уж пять недель после Говорога. И две — как здесь сидим. Битых две недели! Саовина, ха!

— Ночь чудес. — Дед облизнул ложку, пальцами выбрал что-то со дна миски и сшамкал. — Ночь страхов и чар!

— Ну, не говорил я? — ощерился Юз Йанновиц. — Будет дедовская сказка!

Дед выпрямился, почесался и икнул.

— Сочевник Саовины, — начал он напыщенно, — последняя ночь перед ноябрьским новолунием, у эльфов — последняя ночь старого года. Когда новый день наступит, то это у эльфов уже новый год. И тут у эльфов есть обычай, чтоб в ночь Саовины все огни в доме и окрест от одной щепы смолистой зажечь, а остаток щепы спрятать как следует, аж до мая, и той же самую огонь Беллетэйна распалить, в новолуние. Тогда будет везенье и даренье. Так не токмо эльфы, но и также наши некоторые делают. Чтобы от духов злых ухраниться...

— Духов, — фыркнул Юз. — Послушайте только, что этот старпер болтает!

— Это ночь Саовины! — продолжал дед торжественным тоном. — В такую ночь духи ходят по земле! Души покойных стучат в окна, впустите нас, впустите. Тогда им надобно меду дать и каши и все это водкой окропить...

— Водкой-то я себе самому предпочитаю горло кропить, — захохотал Риспат Ля Пуант. — А твои духи, старик, могут меня вот сюда поцеловать!

— Ох, милсдарь, не шуткуйте над духами, мстивые они ибо! Сегодня сочевник Саовины, ночь страхов и чар. Наставьте уши, слышите, как вокруг шуршит и постукивает? Это мертвые приходят с того света, хотят вкрасться в дом, чтобы отогреться при огне и сыто поесть. Там, по голым полям и облысевшим лесам, гуляет ветер и заморозь. Заблудшие душ зябнут, тянутся к жилью, где тепло и огонь. Тут не след забыть им выставить еды в мисочке на порог или где на гумне, потому как если там мертвецы ничего не съедут, то по полночи сами в халупу войдут, чтобы пошукать...

— О Господи, помилуй! — громко шепнула одна из девок и тут же пискнула, потому что Фрипп ушипнул ее в ягодицу.

— Недурная повестушка, — сказал он. — Но до совсем доброй ей далеко! Налей-ка, хозяин, старику кружку пивка теплого для сугреву! Может, добрую расскажет! Добрую повесть о духах, парни, вы по тому узнаете, что заслушавшихся девок можно как следует ушипнуть, они и не заметят!

Мужчины захохотали, послышался писк обеих девушек, на которых проверялось качество повествования. Дед отхлебнул теплого пива, громко шмыгая носом и отрываясь.

— Гляди мне не упейся да не усни! — грозно предостерег Деде Варгас. — Не задаром тебя поим! Давай говори, пой, на дуде играй! Веселье должно быть.

Дед раскрыл рот, в котором одинокий зуб белел словно верстовой столб среди темной степи.

— Так это ж, милсдарь, Саовина! Какая тут музыка, какая игра? Не можно. Музыка для Саовины — это вон тот за окном ветер. Это оборотни воют и вомперы, мамыны стонут и стенают, гули

зубами скрежещут! Беанн'ши скулит и кричит, а кто тот крик услышит, тому, это уж точно, скорая смерть писана. Все злые духи покидают свои укрытия, ведьмы летят на последний их предзимний шабаш! Саовина — ночь страхов, чудес и волшебства! В лес не ходить, потому как леший загрызет! Через жальник не ходить, потому как мертвяк уцепит! Вообще лучше из хаты не выходить, а для верности в порог вбить новый нож железный, над таковым зло переступить не осмелится. Бабам же надобно особливо детей стечерь, потому как в ночь Саовины дитятю может русалка либо слезливица скрасть, а обмерзлого найденыша подкинуть. А которая баба на сносях, та пусть лучше не выходит на двор, потому как ночница может плод в лоне попортить! Заместо ребенка родится упырь с железными зубами...

— О Господи!

— С железными зубами! Для почину матери грудь отгрызет. Потом руки. Лицо обглаживает... Ух, чтой-то я оголодал...

— Возьми кость, на ней еще осталось малость мяса. Старичкам много есть не здорово, запор может сделаться и — конец, ха-ха! А, хрен с ним, принеси ему еще пива, девка. Ну, старый, давай о духах еще!

— Саовина, милостивые государи мои, для упырей последняя ночь, чтобы посвоевольничать. Позже заморозь силы у них отбирает, потому собираются оне в Бездне, под землей, откуда уж цельную зиму носа не кажут. Потому от Саовины и до февраля, до праздника Имбаэлк, до Почкования, значицца, самое лучшее время для походов в места волшебные, чтобы сокровищ там искать. Ежели в теплый час, для примеру, в негодайшиковой могиле копать, то выскочит оттедова негодайщик разозленный и копальщика сожрет. А от Саовины до Имбаэлка — копай и гребь, сколь сил достанет, негодайщик, ровно старый медведь, крепко спит!

— Во наплел, старый хрыч!

— Правду я говорю, милсдарь. Да, да. Чародейская это ночь, Саовина, страшная, но одновременно и наилучшая для ворожбы и предвещаний всяких разных. В такую ночь гадать надо и по костям ворожить, и по руке, и по белому петуху, и по луковице, и по сыру, и по кроличьей требухе, и по дохлому нетопырю...

— Тьфу на тебя!

— Ночь Саовины — ночь страха и упырей... Лучше по домам сидеть. Всей родней... У огня...

— Всей родней, говоришь? — повторил Киприан Фрипп, неожиданно хищно ощерившись на дружков. — Всей, значит, родней, чуете? Вместе с той бабой, которая вот уж неделю от нас хитро по каким-то камышам кроется!

— Кузнечиха! — тут же сообразил Юз Йованновиц. — Златоволосая красotka! Ну у тебя башка, Фрипп! Сегодня можно ее в халупе придыбать! Ну, парни! Налетим на кузнечихин домишко?

— У-у-у, да хоть сейчас. — Деде Варгас крепко потянулся. — Пряма как вот вас вижу кузнечиху эту, через деревню идущую, ей-ные сиськи подпрыгивающие, ейный задок вертлявый... Надо было ее тогда сразу брать, не ждать, да вот Дакре Силифант, дурной служака... Но нонче нет здесь Силифанта, а кузнечиха в хате! Ждет!

— Разделали мы уже в здешней дыре солтыса чеканом, — скривился Риспат. — Разделали хама, который ему на помощь пёр. Нам что, мертвяков мало? Кузнец и сын его — парни что твои дубы. Страхом их не возьмешь. Надо их будет...

— Покалечить, — спокойно закончил Фрипп. — Только малость покалечить, ничего боле. Кончайте пиво, собираемся и — в село. Устроим себе Саовину! Натянем кожухи шерстью наверх, рычать станем и орать, хамы подумают, это дьяволы либо кобольды.

— Ага. Заташим кузнечиху сюда, на квартиру, или позабавимся по-нашему, по-геммерски, у семейки на глазах?

— Одно другому не мешает. — Фрипп Младший выглянул в ночь сквозь оконную пленку. — Ну и выюга зачалась, мать-перемать! Аж тополя клонит!

— О-хо-хо! — вздохнул по-над кружкой старик. — Это не ветер, милостивцы, не выюга это! Это чаровницы мчатся — одни верхом на метлах, другие в ступах, следы за собой метлами замечают. Не ведомо, когда такая человеку в лесу дорогу перекроет и от заду зайдет, не ведомо, когда нападет! А зубы-то у нее — во-о-она какие!

— Детишек тебе, дед, чаровницами пугать...

— Не скажите, господа, в недобрый час! Потому как я еще вам скажу, что самые страшные ведьмы — это ведьмовского сословия графини и княгини, о-хо-хо, так те не на метлах, не на кочергах, не в ступах ездют! Эти галопируют на своих черных котах!

— Хе-хе, хе-хе!

— Истинно говорю! Потому как в сочевник Саовины, в эту единственную ночь в году, коты ведьмовы оборачиваются черными как смоль кобылами. И беда тому, кто в такую тьму тьмушую услышит стук копыт и увидит ведьму на вороной кобыле. Кто с такой ведьмой встренется, не избежит смерти. Завертит им ведьма как выюга листьями, унесет на тот свет!

— Ладно. Когда вернемся — закончишь. Да получше чего-нибудь придумай и дудку наладь. Вернемся, будет тут гулянка! Будем плясать и девку кузнецову лапать... В чем дело, Риспат?

Риспат Ля Пуант, вышедший на двор облегчить пузырь, вернулся бегом, лицо у него было блее снега. Он бурно жестикулировал, указывая на дверь. Заговорить не успел, да и нужды в том не было. Во дворе громко заржал конь.

— Вороная кобыла, — проговорил Фрипп, чуть не прилепившись лицом к окну. — Та самая вороная кобыла. Это она.

— Чаровница?

— Фалька, дурень!

— Это ее дух! — Риспат резко втянул воздух. — Привидение! Она не могла выжить! Умерла и возвращается упырем. В ночь Сао-вины...

— Придет ночью, как траур черной, — забормотал дед, прижимая к животу пустую кружку. — А кто с ней встретется, тому смерти не миновать...

— Оружие! Хватай оружие! — лихорадочно крикнул Фрипп. — Быстрее! Дверь обставить с обеих сторон! Не понимаете? Посчастливилось нам! Фалька не знает о нас, захала обогреться, мороз и голод выгнали из укрытия! Прямоком нам в руки! Филин и Риенс золотом нас обсыпят! Хватайте оружие...

Скрипнула дверь.

Дед сгорбился над крышкой стола, прищурился. Он видел плохо. Глаза были старые, попорченные глаукомой и хроническим воспалением спаяк. К тому же в корчме было мрачно и дымно. Поэтому дед едва разглядел вошедшую в избу из сеней худенькую фигурку в курточке из ондатровых шкурок, капюшоне и шарфе, заслоняющих лицо. Однако слух у старика был хороший. Он слышал тихий вскрик одной из прислужниц, стук сабо-другой, тихое ругательство корчмаря. Слышал скрип мечей в ножнах. И тихий, злобный голос Киприана Фриппа:

— Поймали мы тебя, Фалька! Небось не ожидала нас здесь увидеть?

— Ожидала, — услышал дед. И вздрогнул при звуке этого голоса.

Он увидел движение шуплой фигурки. И услышал вздох ужаса. Приглушенный крик одной из девок. Он не мог видеть, что девушка, которую называли Фалькой, скинула капюшон и шарф. Не мог видеть чудовищно изуродованного лица. И глаз, обведенных краской из сажи и жира так, что они казались глазами демона.

— Я не Фалька, — сказала девушка. Дед снова увидел ее быстрое размазанное движение, увидел, как что-то огненно сверкнуло в свете каганков. — Я Цири из Каэр Морхена. Я — ведьмачка! Я пришла, чтобы убивать.

Дед, которому в жизни довелось быть свидетелем не одной пьяной драки, уже давно разработал прекрасный способ избежать повреждений: дал нырка под стол и крепко вцепился руками в ножки. Из такой позиции видеть, ясное дело, он ничего не мог. Да вовсе и не стремился. Он судорожно держался стола, а стол уже ездил по избе вместе с остальной мебелью в гуле, стуке, треске и скрежете, в топоте тяжело обутых ног, ругательствах, криках, ударах и звоне стали.

Одна из девок дико и непрерывно вопила.

Кто-то рухнул на стол, передвинув его вместе с уцепившимся за ножки дедом, и тут же свалился рядом с ним на пол. Дед заурчал, чувствуя, как на него хлынула горячая кровь. Деде Варгас,

тот, что сначала хотел его вытурить — дед узнал его по латунным пуговицам на куртке, — жутко хрипел, рвался, разбрызгивал кровь, молотил вокруг себя руками. Один из беспорядочных ударов угодил деду в глаз. Дед уже совсем перестал видеть что-либо. Орущая девка захлебнулась, утихла, вздохнула и принялась вопить снова, правда, взяв более высокую тональность.

Кто-то с грохотом шмякнулся на пол, снова на свежевывмытые сосновые доски хлынула кровь. Дед не разглядел, что теперь умирал Риспат Ля Пуант, которого Цири рубанула в шею. Он не видел, как Цири проделала пируэт перед самым носом Фриппа и Йанновица, как проскользнула сквозь их барьер словно тень, словно серый дым. Йанновиц вывернулся за ней следом, быстрым, мягким, кошачьим разворотом. Он был прекрасным фехтовальщиком. Уверенно стоя на правой ноге, ударил длинной, протяжной прямой, метаясь в лицо девушки, прямо в ее мерзкий шрам. Он должен был попасть.

И не попал.

Заслониться тоже не успел. Цири рубанула его из выпада, вблизи, обеими руками, через грудь и живот. И тут же отскочила, закружилась, уходя от удара Фриппа, хлестнула согнувшегося Йанновица по шее. Йанновиц врезался лбом в лавку. Фрипп перепрыгнул над лавкой и трупом, ударил с размаху, широко. Цири парировала укосом, крутанула полупируэт и коротко ткнула его в бок над бедром. Фрипп закачался, повалился на стол, пытаясь удержать равновесие, инстинктивно протянул вперед руку. Когда он уперся пятерней в крышку стола, Цири быстрым ударом обрубила ему кисть.

Фрипп поднял брызжащий кровью обрубок, сосредоточенно взглянул на него, потом посмотрел на лежащую на столе кисть. И вдруг упал — резко, с размаху сел задом на пол, совсем так, словно поскользнулся на мыле. Сидя он зарывал, а потом принялся выть диким, высоким, протяжным волчьим воем.

Скорчившийся под столом, залитый чужой кровью дед слышал, как несколько секунд тянулся этот жуткий дуэт — монотонно кричащая девка и дико воющий Фрипп.

Девка умолкла первой, закончив визг нечеловеческим, давящимся стоном. Фрипп просто утих.

— Мама... — неожиданно проговорил он совершенно четко и осознанно. — Mamochka... Как же так... Как же... Что со мной... случилось? Что... со мной?

— Ты умираешь, — ответила изувеченная девушка.

У деда остатки волос встали на голове дыбом. Чтобы сдержать крик, он прикусил единственным зубом рукав серяги.

Киприан Фрипп Младший издал такой звук, будто что-то с трудом проглотил. Больше никаких звуков он уже не издавал. Никаких.

Стало совершенно тихо.

— Что ж ты сотворила... — прозвучал в тишине дрожащий голос корчмаря. — Что ж ты наделала, девушка...

— Я — ведьмачка. Я убиваю чудовищ.

— Нас повесят... Деревню и корчму спалят.

— Я убиваю чудовищ, — повторила она, и в ее голосе вдруг появилось что-то вроде удивления. Как бы сомнения. Неуверенность.

Корчмарь застонал, заныл. И зарыдал.

Дед понемногу выкарабкался из-под стола, сторонясь трупа Деде Варгаса, его жутко разрубленного лица.

— На черной кобыле едешь... — пробормотал он. — Ночью, черной как траур... Следы за собой заметаешь...

Девушка повернулась, взглянула на него. Она уже успела обернуть лицо шарфом, а поверх шарфа глядели обведенные черными кругами глаза упырихи.

— Кто с тобой встретется, — пробормотал дед, — тот не избежит смерти... Ибо ты сама есть смерть.

Девушка смотрела на него. Долго. И довольно спокойно.

— Ты прав, — сказала она наконец.

Где-то на болотах, далеко, но значительно ближе, чем раньше, второй раз послышался плачущий вой беанн'ши.

Высогота лежал на полу, на который упал, слезая с постели. С удивлением обнаружил, что не может встать. Сердце колотилось, подсказывало к горлу, давило.

Он уже знал, чью смерть вешает ночной крик эльфьего призрака.

«Жизнь была прекрасна. Несмотря ни на что», — подумал он и прошептал:

— Боги... Я не верю в вас... Но если вы все-таки существуете...

Чудовищная боль неожиданно стиснула ему грудь. Где-то на трясинах, далеко, но еще ближе, чем до того, беанн'ши дико завывала в третий раз.

— Если вы существуете — сберегите ведьмачку на стезе ее...

— У меня большие глаза, чтобы тебя лучше видеть, — рявкнул железный волчище. — У меня огромные лапы, чтобы ими схватить тебя и обнять! Все у меня большое, все, сейчас ты в этом сама убедишься. Почему ты так странно смотришь на меня, маленькая девочка? Почему не отвечаешь?

Ведьмачка улыбнулась.

— А у меня для тебя сюрприз.

Флоуренс Деланной. «Сюрприз».

Из книги «Сказки и предания»

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Монахини стояли перед Верховной Жрицей неподвижно, напряженные как струна, немые, слегка побледневшие. Они были готовы в путь. Полностью собраны. Мужские серые дорожные одежды, теплые, но не связывающие движений колушки, удобные эльфы башмаки. Волосы острижены так, чтобы их легко было содержать в чистоте в лагерях и во время переходов. И чтобы они не мешали работать. Плотные маленькие узелки, в которых была только пища на дорогу и необходимые медицинские инструменты. Остальное им должна была дать армия. Армия, в которую они отправлялись.

Лица обеих девушек были спокойны. Внешне. Трисс Меригольд знала, что у обеих чуть-чуть дрожат руки и губы.

Ветер рванул голые ветви деревьев храмового парка, погнал по плитам двора пожухшие листья. Небо было темно-синим. Чувствовалось, что надвигается метель.

— Вы уже получили назначение? — прервала молчание Нэннеке.

— Я — нет, — ответила Эурнэйд. — Пока буду на зимней базе, в лагере под Вызимой. Вербовщик говорил, что весной там останутся подразделения кондотьеров с Севера... Мне предстоит быть фельдшерницей в одном из отрядов.

— А я, — слабо улыбнулась Иоля Вторая, — уже получила. В полевую хирургию к господину Мило Вандербеку.

— Только не опозорьте меня. — Нэннеке окинула девушек грозным взглядом. — Не опозорьте меня, храм и имя Великой Мелитэлы.

— Ни за что не опозорим, матушка.

— И следите за собой.

— Да, матушка.

— Ухаживая за ранеными, вы будете валиться с ног, не зная сна. Вы будете бояться, будете сомневаться, глядя на боль, и страдания, и смерть. А в таких случаях легко пристраститься к наркотику или возбуждающему снадобью. Будьте осторожнее с этим.

— Знаем, матушка.

— Война, страх, смерть и кровь, — Верховная Жрица сверлила обеих взглядом, — это страшное ослабление нравов, а для некоторых — чрезвычайно сильная афродизия. Сейчас вы не знаете и знать не можете, как это подействует на вас, девочки. Будьте осторожны. А в крайних случаях, когда уже ничего больше сделать будет нельзя, применяйте предохранительные средства. Если все же, несмотря на это, одна из вас забеременеет, тогда сторонитесь знахарей и деревенских бабок! Поищите храм, а лучше всего — чародейку!

— Знаем, матушка.

— Это все. Теперь можете подойти под благословение.

Она поочередно возлагала им руки на голову, поочередно обнимала и целовала. Эурнэйд откровенно хлюпала носом. Июля Вторая, как всегда, разревелась. Нэннеке, хоть и у нее самой чуть ярче, чем всегда, блестели глаза, фыркнула.

— Без сцен, без сцен, — сказала она, как могло показаться — гневно и резко. — Вы идете на самую обыкновенную войну. Оттуда возвращаются. Ну, забирайте вещички, и до встречи.

— До встречи, матушка.

Девушки быстро, не оглядываясь, шли к храмовым воротам, сопровождаемые взглядами Верховной Жрицы Нэннеке, чародейки Трисс Меригольд и писаря Ярре.

Юноша настойчиво покашливал, чтобы обратить на себя внимание.

— В чем дело? — покосилась на него Нэннеке.

— Им ты разрешила! — горько воскликнул Ярре. — Им, девушкам, разрешила завербоваться! А я? Почему мне нельзя? Мне что, продолжать за этими стенами корпеть над пересохшими пергаменами? Я не калека и не трус! Позор — сидеть в храме, когда даже девушки...

— Эти девушки, — прервала священнослужительница, — всю свою молодую жизнь обучались медицине, лечению и уходу за больными и ранеными. Они идут на войну не из патриотизма или жажды приключений, а потому, что там будет бесчисленное множество раненых и больных. Завал работы днем и ночью. Эурнэйд и Июля Вторая, Мирра, Катье, Пруна, Дебора и другие девочки — вклад храма в эту войну. Храм как часть общества расплачивается с общественными долгами. Наш вклад — обученные специалистки. Это ты понимаешь, Ярре? Специалистки! Не мясо для резников!

— Все вступают в армию! Только трусы остаются дома!

— Глупости, Ярре, — резко сказала Трисс. — Ничего ты не понял.

— Я хочу на войну... — Голос юноши надломился. — Хочу спасти... Цири...

— Ну вот, извольте, — насмешливо проговорила Нэннеке. — Странствующий рыцарь рвется спасти даму своего сердца. На белом коне...

Она замолчала под взглядом чародейки.

— Впрочем, хватит об этом, Ярре, — бросила она на мальчика гневный взгляд. — Я сказала — не позволю. Возвращайся к книгам. Учись. Твое будущее — наука. Пошли, Трисс. Не будем терять времени.

На разложенном перед алтарем куске полотна лежали костяной гребень, дешевенькое колечко, книжка в потрепанном переплете,стиранный-перестиранный голубой шарфик. Склонившись над этими предметами, стояла на коленях Иоля Первая, жрица-ясновидящая.

— Не спеши, Иоля, — предупредила стоящая рядом Нэннеке. — Концентрируйся понемногу. Нам ни к чему молниеносное пророчество, нам не нужна энига, допускающая тысячи решений. Нам нужна картина. Четкая картина. Возьми ауру от этих предметов, они принадлежали Цири... Цири к ним прикасалась. Возьми ауру. Постепенно. Спешка нам ни к чему.

Снаружи буйствовала пурга. Крыши и двор храма быстро покрылись снегом. Был девятнадцатый день ноября. Полнолуние.

— Я готова, матушка, — сказала мелодичным голосом Иоля Первая.

— Начинай.

— Одну минутку. — Трисс Меригольд вскочила с лавки, словно ее подбросила пружина, скинула с плеч шубу из шиншиллы. — Минуточку, Нэннеке. Я хочу войти в транс вместе с нею.

— Это небезопасно.

— Знаю. Но я хочу видеть. Собственными глазами. Я обязана... Я люблю Цири, как младшую сестру. В Каэдвене она спасла мне жизнь, рискуя собственной... — Голос чародейки неожиданно надломился.

— Ну, совсем как Ярре, — покачала головой Верховная Жрица. — Мчаться на выручку, вслепую, очертя голову, не ведая, куда и зачем. Но Ярре — наивный мальчишка, а ты — зрелая и умная магичка. Ты должна знать, что своим погружением в транс ты Цири не поможешь. А себе можешь навредить.

— Я хочу войти в транс вместе с Иолей, — повторила Трисс, кусая губы. — Позволь мне, Нэннеке. Да и чем я рискую? Эпилептическим припадком? Даже если и так, ты ведь вытащишь меня из него.

— Ты рискуешь, — медленно проговорила Нэннеке, — увидеть то, чего видеть не должна.

«Холм, — с ужасом подумала Трисс, — Содденский холм. На котором я когда-то умерла. На котором меня похоронили и выби-

ли мое имя на надгробном обелиске. Холм и могила, которые когда-нибудь напомнят обо мне.

Я знаю. Когда-то мне это уже показывали!»

— Я уже решила, — сказала она холодно и торжественно, выпрямляясь и обеими руками отбрасывая на спину свои роскошные волосы. — Начинаем.

Нэннеке опустилась на колени, оперлась лбом на сложенные вместе ладони.

— Начинаем, — сказала она тихо. — Приготовься, Иоля. Опустись рядом со мной, Трисс. Возьми Иолю за руку.

Снаружи была ночь. Выл ветер. Мела метель.

На юге, далеко за горами Амелл, в Метинне, в крае, именуемом Стоозерье, в пятистах милях полета ворона от города Элландер и храма Мелитэле рыбак Госта вдруг проснулся от ночного кошмара. Проснувшись, Госта никак не мог вспомнить содержание сна, но странное волнение долго не давало ему уснуть.

Каждый владеющий своим ремеслом рыбак знает, что если ловить окуня, то только по первому льду.

Неожиданно ранняя зима этого года устраивала фокусы, а уж капризной была, как красивая и пользующаяся успехом девица. Первым морозом и метелью она, словно разбойник, выскакивающий из засады, застигла врасплох в начале ноября, сразу после Саовины, когда никто еще снегов и мороза не ожидал, а работы было навалом. Уже примерно в середине ноября озеро покрылось тонюсеньким, блестящим на солнце ледком, который, казалось, еще немного и выдержит человека, но тут зима-капризница вдруг отступила, возвратилась осень, хлынул дождь, а теплый южный ветер отогнал от берега и растопил размытый дождем ледок.

«Какого черта? — поражались селяне. — Так быть зиме или не быть?»

Не прошло и трех дней, как зима вернулась. На сей раз обошлось без снега, без метели, зато мороз схватил будто кузнец клещами. Так, что аж затрещало. Истекающие водой стрехи крыш за одну ночь покрылись острыми зубьями сосулек, а захваченные врасплох утки чуть не примерзли к утиным лужам.

Озера Миль Трахта вздохнули и затянулись льдом.

Госта для уверенности переждал еще день, потом стянул с чердака ящик с ремнем, который носил на плече и в котором держал рыбацкую снасть. Как следует набил сапоги соломой, натянул кожу, взял пешню, мешок и поспешил на озеро.

Известно, ежели на окуня, то лучше всего по первому льду.

Лед был крепкий. Правда, немного прогибался под человеком, немного потрескивал, но держал. Госта дошел до плеса, вырубил первую лунку, сел на ящик, размотал леску из конского волоса,

прикрепленную к короткому листовничному пруту, нацепил оловянную рыбку с крючком, закинул в воду. Первый окунь в поллоктя схватил приманку еще до того, как она опустилась и натянула леску.

Не прошло и часа, а вокруг лунки уже лежало больше полусотни зелено-полосатых рыб с красными как кровь плавниками. Госта наловил окуней больше, чем ему требовалось, но рыбачий азарт не позволял прекратить лов. Рыбу, в конце концов, всегда можно раздать соседям.

Тут он услышал протяжное фырканье и поднял голову над лункой. На берегу озера стоял красивейший черный конь, пар валил у него из ноздрей. Лицо наездника в ондатровой шубке прикрывал шарф.

Госта сглотнул. Бежать было поздно. Однако он втихую надеялся, что ездок не отважится спуститься с лошастью на тонкий лед.

Машинально он продолжал подергивать удочку, очередной окунь дернул леску. Рыбак вытянул его, отцепил, кинул на лед. Краем глаза видел, как наездник спрыгивает с седла, закидывает вожжи на голый куст и идет к нему, осторожно ступая по скользкому льду. Окунь трепыхался, напрягая колючие плавники, шевелил жабрами. Госта встал, наклонился за пешней: в случае нужды она могла сойти за оружие защиты.

— Не бойся.

Это была девушка. Теперь, когда она сняла шарф, он увидел ее лицо, изуродованное чудовищным шрамом. На спине у нее был меч, над плечом выступала прекрасной работы рукоять.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — тихо сказала девушка. — Хочу только спросить дорогу.

«Как же, — подумал Госта. — Аккурат. Сейчас, зимой-то? В мороз? Кто путешествует или едет по так себе? Только разбойники. Или курьеры».

— Здешняя местность называется Миль Трахта?

— Ну... — буркнул он, глядя в черную воду, плещущуюся в лунке. — Миль Трахта. Только мы-то говорим — Стоозерье.

— А озеро Тарн Мира? Слышал о таком?

— Все знают. — Он взглянул на девушку, испуганный. — Хоть мы его тута называем Бездна. Заколдованное озеро. Жуткой глупизны. Свитезянки тамой живут. И упыри живут в старожитних заговоренных развалинах.

Он увидел, как блеснули ее зеленые глаза.

— Там есть руины? Может, башня?

— Какая там ишшо башня? — не сумел он сдержать усмешки. — Камень на камне, камнем приваленный, травой зарослый. Груда обломков...

Окунь перестал трепыхаться, лежал, шевеля жабрами, среди своей цветасто-полосатой братии. Девушка смотрела, задумавшись.

— Смерть на льду, — сказала она наконец, — есть в ней что-то завораживающее.

— Э?

— И далеко до озера с руинами? В которую сторону ехать?

Он сказал. Показал. Даже выцарапал на льду острым концом пещни. Она кивала, запоминая. Кобыла на берегу озера была копытами о замерзшую землю, фыркала, гнала пар из ноздрей.

Он смотрел, как девушка удаляется вдоль западного берега озера, как галопом идет по краю откоса на фоне безлистных ольх и берез, через изумительный, сказочный лес, который мороз изукрасил глазурью инея. Вороная кобыла шла с неописуемым изяществом, грацией, быстро и в то же время легко, едва слышны были удары копыт о смерзшийся грунт, едва порошился серебристый снежок на задетых ею ветках. Как будто по глазурованному и застывшему на морозе лесу из сказки летел не обычный, а сказочный конь, конь-призрак.

А может, это и вправду был призрак?

Демон на призрачном коне, демон, принявший обличье девушки с огромными зелеными глазами и изуродованным лицом?

Кто же, ежели не демон, путешествует зимой? Расспрашивает о дороге к залятым руинам?

Когда она отъехала, Госта быстро собрал свое рыбацкое немудреное имущество. До дома шел лесом. Сделал крюк, но разум и инстинкт предупреждали, что не надо идти просеками, не надо быть на виду. Девушка, подсказывали разум и инстинкт, наперекор всему привидением не была, а была человеком. Вороная кобыла не была привидением, а была лошастью. А за такими, что в одиночку на коне носят по безлюдью, вдобавок зимой, очень даже часто следует погоня.

Часом позже по просеке пронеслись четырнадцать лошадей с седоками. Погоня.

Риенс еще раз тряхнул серебряной коробочкой, выругался, в бешенстве ударил ею по луке седла. Но ксеноглоз молчал. Как заколдованный.

— Магическое дерьмо, — холодно отметил Бонарт. — Заело побрякушку с ярмарки.

— Или же Вильгефорц демонстрирует нам свое к нам отношение, — добавил Стефан Скеллен.

Риенс поднял голову, окинул обоих злым взглядом.

— Благодаря побрякушке с ярмарки, — ядовито заметил он, — мы напали на след и его уже не потеряем. Благодаря господину Вильгефорцу мы знаем, куда направляется девушка. Мы знаем, куда идем и что нам предстоит сделать. Я считаю, что это много. По сравнению с вашими действиями месячной давности.

— Не болтай лишнего. Эй, Бореас? Что говорят следы?

Бореас Мун выпрямился, закашлялся.

— Она была здесь за час до нас. Когда может, старается ехать быстро. Но это местность сложная. Даже на своей сказочной кобыле она опередила нас не больше чем на пять-шесть миль.

— Значит, все-таки она лезет между озерами, — буркнул Скеллен. — Вильгефорц был прав. А ведь я не верил ему...

— Я тоже, — признался Бонарт. — Но только до того момента, когда вчера кметы подтвердили, что около озера Тарн Мира действительно есть какое-то магическое сооружение.

Кони фыркали, из ноздрей валил пар. Филин кинул взгляд через левое плечо на Жоанну Сельборн. Вот уже несколько дней не нравилось ему выражение лица телепатки. «Я становлюсь нервным, — подумал он. — Эта гонка всех нас измочала и физически, и психически. Пора кончать. Самое время!»

Холодная дрожь пробежала у него по спине. Он вспомнил сон, который посетил его предыдущей ночью.

— Ладно! — встряхнулся он. — Довольно рассуждений. По коням!

Бореас Мун свешивался с седла, высматривал следы. Дело шло с трудом. Землю сковало как железом, образовались замерзшие комья, и быстро сдуваемый с них ветром снег удерживался только в бороздках и впадинах. Именно там-то Бореас и выискивал отпечатки подков вороной кобылы. Требовалась большая внимательность, чтобы не потерять след, особенно теперь, когда шедший из серебряной коробочки голос перестал давать советы и указания.

Он зверски устал. И волновался. Они преследовали девушку уже почти три недели, с самой Саовины, после резни в Дун Даре. Почти три недели в седлах, все время в погоне. И все это время ни вороная кобыла, ни едущая на ней девушка не слабели, не снижали темпа.

Бореас Мун высматривал следы.

И не мог перестать думать о сне, который посетил его в последнюю ночь. В этом сне он тонул, захлебываясь водой. Черная тонь замкнулась у него над головой, а он шел ко дну, в горло и легкие врывалась ледяная вода. Он проснулся вспотевший, мокрый, горячий — хотя кругом стоял прямо-таки собачий холод.

«Довольно уж, — думал он, свешиваясь с седла и высматривая следы, — самое время с этим кончать».

— Мэтр! Вы меня слышите? Мэтр?!

Ксеноглоз молчал, как проклятый.

Риенс энергично подвигал руками, дунул на замерзшие пальцы. Шею и спину кусал мороз, крестец и поясница болели, каждое резкое движение коня напоминало об этой боли. Даже ругаться уже не хотелось.

Почти три недели в седлах, в постоянной погоне. В пронизывающем холоде, а последние несколько дней — трескучем морозе.

А Вильгефорц молчит.

«Мы тоже молчим и глядим друг на друга волками!»

Риенс растер руки, натянул перчатки.

«Когда Скеллен на меня смотрит, — подумал он, — у него такой странный взгляд. Неужели хочет предать? Что-то слишком уж быстро и чересчур легко он тогда согласился с Вильгефорцем... А этот отряд, варнаки, ведь они ему верны, выполняют его приказы. Когда мы схватим девушку, он, несмотря на уговор, либо убьет ее, либо отвезет к своим заговорщикам, чтобы воплощать в жизнь идиотские идеи о демократии и гражданском правлении.

А может, Скеллен уже отказался от заговора? Родившийся конформистом и конъюнктурщиком, он сейчас, возможно, уже подумывает о том, чтобы доставить девчонку императору Эмгыру?

Нет, странно он как-то на меня поглядывает, этот Филин. Да и вся его банда. И Веда Сельборн...

А Бонарт? Бонарт — непредсказуемый садист. Когда он говорит о Цири, голос у него дрожит от ярости. В зависимости от минутного каприза он готов прикончить девушку либо украсть, чтобы заставить драться на аренах. Договор с Вильгефорцем? Плевал он на этот договор. Тем более теперь, когда Вильгефорц...»

Риенс вытащил ксеноглоз из-за пазухи.

— Мэтр! Вы меня слышите? Это Риенс...

Прибор молчал. Риенсу даже расхотелось злиться.

«Вильгефорц молчит. Скеллен и Бонарт заключили с ним пакт. А через день-другой, как только догоним девчонку, может оказаться, что пакт-то пшик! И тогда я могу получить ножом по горлу. Или отправиться в путях в Нильфгаард в качестве доказательства Филиновой лояльности...

Дьявольщина!

Вильгефорц молчит. Ничего не советует. Пути не указывает. Не рассеивает сомнения своим спокойным, логичным, проникающим до глубины души голосом. Молчит.

Ксеноглоз испортился. Может, из-за холода? А может...

Может, Скеллен был прав? Может, Вильгефорц действительно занялся чем-то другим и его не интересуем ни мы, ни наша судьба?

К чертовой матери, вот уж не думал, что так может случиться. Если б предполагал, не ухватился бы как последний дурак за это задание... Поехал бы прикончить ведьмака. Вместо Ширу. К чертям собачьим! Я тут мерзну, а Ширу, наверно, греется в тепле...

Подумать только, ведь я сам напросился на то, чтобы именно мне поручили Цири, а Ширу — ведьмака. Сам ведь просил.

Тогда, в сентябре, когда нам в руки попала Йеннифэр».

Мир, который еще минуту назад был нереальной, мягкой и тягучей тьмой, вдруг обрел твердые поверхности и контуры. Посветлел. Стал реальным.

Сотрясаемая конвульсиями Йеннифэр раскрыла глаза. Она лежала на камнях, среди трупов и закопченных досок, приваленная остатками такелажа драккара «Алкиона». Кругом нее виднелись ноги. Ноги в тяжелых сапогах. Один из сапог только что ударил ее, заставил очнуться.

— Вставай, ведьма!

Снова удар, отозвавшийся болью в корнях зубов. Она увидела склонившееся над нею лицо.

— Вставай, сказал! На ноги! Ты меня не узнаешь?

Она заморгала. И узнала. Это был тип, которого она однажды припалила, когда он сбегал от нее по телепорту. Риенс.

— Посчитаемся, — пообещал он. — Рассчитаемся за все, девка! Я покажу тебе, что такое боль. Этими вот руками и этими вот пальцами покажу.

Она напряглась, сжала и разжала кулаки, готовая бросить заклинание. И тут же свернулась в клубок, давась, хрипя и дергаясь. Риенс захохотал.

— Не получается, да? — услышала она. — В тебе не осталось ни крупицы Силы! Тебе с Вильгефорцем не тягаться! Он выдавил из тебя все до последней капельки, как молочную сыворотку из творога. Ты не сумеешь даже...

Он не закончил. Йеннифэр выхватила кинжал из ножен, пристегнутых с внутренней стороны бедер, вскочила как кошка и ткнула вслепую. Но не попала. Лезвие лишь царапнуло цель, разорвало материал брюк. Риенс отскочил и повернулся.

Тут же на нее посыпался град ударов и пинков. Она взвыла, когда тяжелый сапог ударил в низ живота. Чародейка свернулась, хрипя. Ее сорвали с земли, заломив руки за спину, она увидела летящий в ее сторону кулак. Мир вдруг разгорелся искрами, лицо прямо-таки взорвалось от боли. Боль волной спустилась вниз, до живота и промежности, превратила колени в кисель. Она повисла в удерживающих ее руках. Кто-то схватил ее сзади за волосы, поднял голову. Она получила еще удар. В глаз. Снова все исчезло и расплылось в ослепительном блеске.

Сознания она не потеряла. Чувствовала все. Ее били сильно, жестоко, как бьют мужчину. Ударами, которые должны не только принести боль и сломить, но выбить из нее все силы, всю волю к сопротивлению. Ее били, дергающуюся в стальных тисках рук.

Она рада была бы потерять сознание, но не могла. Она чувствовала все.

— Достаточно, — вдруг услышала она издалека, из-за завесы боли. — Ты спятил, Риенс. Хочешь ее убить? Она нужна мне живая.

— Я обещал ей, мэтр, — буркнула маячившая перед ней тень, постепенно принимавшая очертания тела и лица Риенса. — Я обещал ей отплатить... Этими вот руками...

— Меня не интересует, что ты ей обещал. Повторяю, она нужна мне живая и способная к членораздельной речи.

— Из кошки и ведьмы не так-то просто выбить жизнь, — засмеялся тот, кто держал ее за волосы.

— Не умничай, Ширру. Я сказал: прекратить избиение. Поднимите ее. Как ты себя чувствуешь, Йеннифэр?

Чародейка сплунула красным, подняла распухшее лицо. В первый момент не узнала его. На нем было что-то вроде маски, закрывавшей всю левую часть головы. Но она знала, кто это.

— Иди к дьяволу, Вильгефорц, — с трудом выговорила она, осторожно прикасаясь языком к передним зубам и искалеченным губам.

— Как расцениваешь мое заклинание? Тебе понравилось, как я поднял тебя с моря вместе с лодчонкой? Понравился полет? Какими заклинаниями ты защитилась, что сумела выжить при падении?

— Иди к дьяволу.

— Сорвите с нее звезду. И в лабораторию ее. Не теряйте времени.

Ее тащили, тянули, иногда несли. Каменистая равнина, на ней разбитая «Алкиона». И еще многочисленные остовы, торчащими ребрами шпангоутов напоминающие скелеты морских чудовищ. «Крах был прав, — подумала она. — Корабли, которые без вести пропадали на Бездне Седны, не попали в естественные катастрофы. О боги... Паветта и Дани...»

Над равниной, далеко, врезались в затянутое тучами небо горные вершины.

Потом были стены, ворота, галереи, паркет, лестница. Все какое-то странное, неестественно большое... и слишком мало деталей, чтобы можно было понять, где находишься, куда попал, куда занесло тебя заклинание. Лицо распухало, дополнительно затрудняя наблюдения. Единственным поставщиком информации было обоняние — она моментально почувствовала запах формалина, эфира, спирта. И магии. Запахи лаборатории.

Ее грубо усадили на стальное кресло, на запястьях и щиколотках защелкнулись тесные захваты. Прежде чем стальные челюсти держателя сжали виски и зафиксировали голову, она успела осмотреть обширный, ярко освещенный зал. Увидела еще одно кресло, странную стальную конструкцию на каменном подиуме.

— Верно-верно, — услышала она голос стоявшего позади Вильгефорца. — Это креслице для твоей Цири. Давно уже ждет, все дожидаться не может. Я тоже.

Она слышала его близко, почти чувствовала его дыхание. Он вводил ей иглы в кожу головы, пристегивал что-то к ушным раковинам. Потом встал перед ней и снял маску. Йеннифэр невольно вздохнула.

— Работа твоей Цири, — сказал он, открыв некогда классически прекрасное, а теперь жутко изувеченное лицо, усеянное золо-

тыми клеммами и зажимами, поддерживавшими многофасеточный кристалл в левой глазной впадине.

— Я пытался ее схватить, когда она вбегала в телепорт Башни Чайки, — спокойно пояснил чародей. — Хотел спасти ей жизнь, будучи уверен, что телепорт убьет ее. Наивный! Она прошла гладко, с такой силой, что портал взорвался и все обломки полетели мне прямо в лицо. Я потерял глаз и левую щеку, а также много кожи на лице, шее и груди. Очень печально, очень неприятно, очень усложняет жизнь. И очень некрасиво, верно? Да, надо было видеть меня до того, как я начал магическую регенерацию.

Если б я верил в такие штуки, — продолжал он, засовывая ей в нос загнутую медную трубку, — то подумал бы, что это месть Лидии ван Бреденвоорт. Из могилы. Я регенерируюсь, но постепенно. Это требует массу времени и идет с трудом. Особые сложности с регенерацией глазного яблока... Кристалл прекрасно выполняет свою роль, я вижу трехмерно, но, как ни говори, это чуждое тело, отсутствие естественного глазного яблока порой доводит меня до бешенства. Тогда, охваченный, как там ни говори, иррациональной злостью, я кланусь себе, что когда схвачу Цири, то первым делом прикажу Риенсу вырвать у нее один из ее огромных зеленых глазищ. Пальцами. «Этими вот пальцами», — как он любит говорить. Молчишь, Йеннифэр? А знаешь, что и у тебя мне тоже хочется вырвать глаз? А то и оба?

Он воткнул ей толстую иглу в вену на руке, он никогда не промахивался. Йеннифэр стиснула зубы.

— Наделала ты мне хлопот. Заставила оторваться от работы. Ты шла на большой риск, отправившись на лодке на Бездну Седны под мой насос... Эхо нашего краткого поединка было сильным и далеким, могло дойти до любопытных и нежелательных ушей. Но я не мог сдержаться. Возможность заполучить тебя, подключить к моему сканеру была чертовски искусительной. Думаю, ты не предполагаешь, — он воткнул очередную иглу, — что я клюнул на твою провокацию? Заглотал приманку? Нет, Йеннифэр, если ты так думаешь, то путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности озера. Ты преследовала меня, я же преследовал тебя. Отправившись на Бездну Седны, ты просто облегчила мне задачу. Потому что я, видишь ли, сам нащупать Цири не могу даже с помощью вот этого не имеющего себе равных сканера. У девушек сильные врожденные защитные механизмы, сильно собственная антимагическая и глушащая аура, и в конце концов это ведь Старшая Кровь... Но все равно мои суперсканеры должны были бы ее обнаружить. Однако не обнаруживают.

Йеннифэр уже вся была обмотана сетью серебряных и медных проводков, окружена системой серебряных и фарфоровых трубочек. На приставленном к креслу столике покачивались стеклянные сосуды с бесцветными жидкостями.

— Тогда я подумал, — Вильгефорц всунул ей в нос другую трубку, на этот раз стеклянную, — что единственный способ отыскать Цири сканированием — это применить эмпатический зонд. Однако для этого мне нужен был человек, у которого имелся с девушкой достаточно сильный эмоциональный контакт и образовалась эмпатическая матрица, этакий, воспользуемся неологизмом, алгоритм взаимных чувств и симпатии. Я подумал о ведьмаке, но ведьмак исчез, кроме того, ведьмаки скверные медиумы. Я намеревался приказать выкрасть Трисс Меригольд, нашу Четырнадцатую с Холма. Подумывал, не увести ли Нэннеке из Элландера... Но когда оказалось, что ты, Йеннифэр из Венгерберга, прямо-таки сама лезешь мне в руки... Честное слово, ничего лучшего и придумать было невозможно... Если тебя подключить к аппаратуре, ты нащупаешь мне Цири. Правда, операция требует сотрудничества с твоей стороны... Но, как тебе известно, существуют методы принудить к сотрудничеству.

Конечно, — продолжал он, вытирая руки, — должен тебе кое-что пояснить. Например — откуда и как я узнал о Старшей Крови. О наследии Лары Доррен. Что, собственно говоря, такое этот ген. Как случилось, что он попал к Цири. Кто его ей передал. Каким образом я его у нее отберу и для чего использую. Как действует насос Седны, кого я им уже всосал, что и зачем сделал с ними. Правда ведь, масса вопросов? Просто жаль, что нет времени обо всем тебе рассказать, все объяснить. И даже просто удивить, потому что, я уверен, Йеннифэр, некоторые факты тебя удивили бы... Но, как сказано, на это нет времени. Эликсиры начинают действовать. Тебе уже пора начать сосредоточиваться.

Чародейка стиснула зубы, задыхаясь от глубокого, рвущегося изнутри стоны.

— Я знаю, — кивнул Вильгефорц, придвигая ближе большой профессиональный мегаскоп, экран и огромный хрустальный шар на треноге, окутанный паутиной серебряных проволочек. — Знаю, это очень неприятно. И весьма болезненно. Поэтому чем скорее ты приступишь к сканированию, тем меньше времени на него уйдет. Ну, Йеннифэр! Здесь, на этом вот экране, я хочу видеть Цири. Где она, с кем, что делает, что ест, с кем и где спит?

Йеннифэр пронзительно, дико и отчаянно закричала.

— Больно? — догадался Вильгефорц, впиваясь в нее живым глазом и мертвым кристаллом. — Ну конечно же, больно. Сканируй, Йеннифэр, не упирайся. Не разыгрывай из себя героиню. Ты прекрасно знаешь, что этого выдержать нельзя. Последствия упрямства могут быть плачевными: кровоизлияние, параплексия, или же ты вообще превратишься в бессмысленное существо и будешь вести растительное существование. Если, конечно, выживешь!

Она стиснула челюсти так, что хрустнули зубы.

— Ну, Йеннифэр, — мягко сказал чародей. — Ну, хотя бы из любопытства! Ведь тебе наверняка интересно, как поживает твоя воспитанница. А вдруг ей угрожает опасность? Может, она бедствует? Ты же знаешь, сколько людей желают Цири зла и жаждут ее гибели. Сканируй. Когда я буду знать, где находится девушка, я притащу ее сюда. Тут она будет в безопасности... Тут ее не найдет никто.

Голос у Вильгефорца был бархатный и теплый.

— Сканируй, Йеннифэр, сканируй. Пожалуйста. Даю тебе слово: я возьму у Цири только то, что мне необходимо. А потом обеим вам верну свободу. Клянусь.

Йеннифэр еще крепче стиснула зубы. Струйка крови потекла у нее по подбородку. Вильгефорц резко встал, махнул рукой.

— Риенс!

Йеннифэр почувствовала, как пальцы ее рук стискивают какие-то приспособления.

— Порой, — сказал Вильгефорц, наклоняясь к ней, — там, где бессильна магия, эликсиры и наркотики, дает результат обычная, старая, добрая классическая боль. Не принуждай меня к этому. Сканируй.

— Иди к черту, Вильгефорц!

— Подкручивай винты, Риенс. Понемногу.

Вильгефорц взглянул на безжизненное тело, которое ташили по полу к лестнице, ведущей в подполье. Потом поднял глаз на Риенса и Ширу.

— Всегда существует риск, — сказал он, — что кто-нибудь из вас попадет в руки моих врагов и будет подвергнут допросу с пристрастием. Хотелось бы верить, что вы проявите не меньшую стойкость тела и духа. Да, хотелось бы в это верить. Очень. Но я не верю.

Риенс и Ширу молчали. Вильгефорц вновь включил мегаскоп, спроецировав на экран изображение, генерируемое огромным кристаллом.

— Вот все, чего я добился. Я хотел получить Цири, а она дала мне ведьмака. Интересно. Не позволила вырвать из себя эмпатическую матрицу девушки, но на Геральте сломалась. А о каких-либо ее чувствах к этому Геральту я вовсе и не подозревал... Ну, для начала удовольствуемся достигнутым. Ведьмак, Кагыр аэп Келлах, бард Лютик, какая-то женщина? Хм-м-м... Кто возьмется за окончательное решение ведьмачьей проблемы?

«Согласился Ширу, — вспоминал Риенс, приподнимаясь на стременах, чтобы хоть немного облегчить болящие от седла ягодицы. — Ширу взялся убить ведьмака. Он знал местность, в которой Йеннифэр высканировала Геральта и его компанию, у него там были знакомые или даже родня. Меня же Вильгефорц послал

переговорить с Ваттье де Ридо, а затем следить за Скелленом и Бонартом...

А я, идиот, тогда радовался, уверенный, что мне в удел досталась задача гораздо более легкая и приятная. И такая, с которой я управлюсь быстро, без труда и с удовольствием...»

— Если кметы не лгали, — Стефан Скеллен поднялся на стременах, — то озеро должно быть за этой возвышенностью, в котловине.

— Туда и следы ведут, — подтвердил Бореас Мун.

— Тогда почему же мы стоим? — Риенс потер озябшее ухо. — Шпоры коням и вперед!

— Не шебуршись, — придержал его Бонарт. — Надо разделиться и окружить котловину. Неизвестно, по какому берегу она поехала. Если выберем неверное направление, озеро может отрезать ее от нас.

— Истинная правда, — поддакнул Бореас Мун.

— Озеро сковал лед, — бросил Риенс.

— Лед может оказаться слишком слабым для лошадей. Бонарт прав, надо разделиться.

Скеллен быстро отдал нужные распоряжения. Группа, которую вели Бонарт, Риенс и Оль Харшейм, насчитывавшая в общей сложности семь лошадей, помчалась по восточному берегу и быстро скрылась в черном лесу.

— Хорошо, — скомандовал Филин. — Едем. Силифант... — И тут же сообразив, что что-то не в порядке, развернул коня, хлестнул его нагайкой, наехал на Жоанну Сельборн.

Веда оттянула назад своего коня. Лицо у нее было каменное.

— Впустую, господин коронер, — сказала она хрипло. — И не пытайтесь даже. Мы не поедем. Мы возвращаемся. С нас довольно.

— Мы?! — рявкнул Дакре Силифант. — Кто — мы? Это что, бунт?

Скеллен наклонился в седле, сплюнул на мерзлую землю. За Ведой стояли Андрес Верный и Тиль Эхрад, светловолосый эльф.

— Госпожа Сельборн, — протяжно и ядовито проговорил Филин. — Не в том дело, что вы теряете виды на многообещающую карьеру, что растрчиваете и превращаете в ничто выпавший вам в жизни шанс. Дело в том, что вас отдадут палачу. Вместе с теми дурнями, которые вас послушались.

— Чему суждено висеть, то не утонет, — философически ответила Веда. — А палачом нас не надо пугать, господин коронер, ибо неизвестно еще, кому ближе к эшафоту, вам или нам.

— Ты так считаешь? — Глаза Филина сверкнули. — Подслушала где-то чьи-то хитрые мысли. Я считал тебя умнее. А ты оказалась обыкновенной глупой бабой. Тот, кто со мной, — всегда выигрывает, кто против — всегда проигрывает! Запомни! Хотя ты меня уже за утопленника считаешь, я еще успею отправить тебя на

эшафот. Слышите, вы? Раскаленными крючьями прикажу срывать у вас мясо с костей!

— Раз мать родила, господин коронер, — мягко сказал Тиль Эхрад. — Вы выбрали свой путь, мы — свой. Оба пути ненадежны и рискованны. И неизвестно, кому что судьба уготовила.

— Вам не удастся, — гордо подняла голову Веда, — нас, как псов каких, натравливать на девушку, господин Скеллен. И мы не позволим, словно псы, убить себя, как это случилось с Нератином Цекой. А, хватит болтать. Мы возвращаемся. Бореас, поехали с нами!

— Нет, — покачал головой следопыт, отирая лоб меховой шапкой. — Дай вам счастья, не желаю вам зла. Но я остаюсь. Служба! Я присягнул.

— Кому? — поморщилась Веда. — Императору или Филину? А может, чародею, треплющемуся из коробочки?

— Я солдат, Веда. Служба.

— Постойте, — крикнул ДUFFицей Крель, выезжая из-за спины Дакре Силифанта. — Я с вами. Мне тоже надоело. Вчера ночью мне приснилась моя смерть. Я не хочу подыхать за паршивое и подозрительное дело!

— Предатели! — крикнул Дакре, краснея как вишня. Казалось, черная кровь вот-вот брызнет у него с лица. — Отступники! Подлые псы!

— Замолчи. — Филин продолжал смотреть на Веду, а глаза у него были такие же мерзкие, как у птицы, давшей ему прозвище. — Они выбрали путь, ты же слышал. Чего же кричать и брызгать слюной. Но мы еще когда-нибудь встретимся. Обещаю.

— Может, даже на одном эшафоте, — без всякого ехидства сказала Веда. — Потому что вас, Скеллен, не вместе с их светлостями, князьями, казнить будут, а с нами, хамами. Но вы правы, нечего слюной брызгать. Мы едем. Бывай, Бореас. Бывайте, господин Силифант.

Дакре сплюнул между ушами коня.

— И сверх того, что я уже рассказала, — Жоанна Сельборн гордо подняла голову, отбросила со лба темную прядку волос, — ничего добавить не могу, Высокий трибунал.

Председатель трибунала глядел на нее сверху. Лицо у него было непроницаемое. Глаза серые. И добрые.

«А, да что там, — подумала Веда, — попытаюсь. Двум смертям не бывать. Как говорится, раз козе смерть! Не стану я гнить в цитадели и ожидать смерти. Филин слов на ветер не бросал, он даже из могилы готов мстить...

Подумаешь! А вдруг не заметят. Раз козе смерть!»

Она приложила ладонь к носу, словно утиралась. Взглянула прямо в серые глаза председателя трибунала.

— Стража! — сказал председатель трибунал. — Отведите свидетельницу Жоанну Сельборо обратно в...

Он осекся, закашлялся. Неожиданно на лбу у него проступила испарина.

— В канцелярию! — закончил он, сильно засопев. — Выписать соответствующие документы. И освободить. Свидетельница Сельборн Жоанна трибуналу более не нужна.

Веда украдкой стерла капли крови, выступившие из носа. Обольстительно улыбнулась и поблагодарила вежливым поклоном.

— Дезертировали? — недоверчиво повторил Бонарт. — Обыкновенно так дезертировали? Взяли, понимаешь, и просто так уехали? Скеллен! И ты позволил?

— Если они нас сыпанут... — начал Риенс, но Филин тут же прервал его:

— Не «сыпанут», потому что им жизнь дорога! Да, впрочем, что я мог сделать? Когда Крель к ним присоединился, со мной остались только Берт и Мун, а их было четверо...

— Четверо, — зловеще проговорил Бонарт, — вовсе не так много. Дайте только догнать девчонку, я двинусь за ними. И накормлю ими ворон. Во имя определенных принципов.

— Сначала еще догнать надо, — бросил Филин, нагайкой подхлестывая своего сивку. — Бореас! Гляди за следами!

Котловину наполнял плотный туман, но они знали, что внизу лежит озеро, потому что здесь, в Миль Трахте, в каждой котловине лежало озеро. А то, к которому вел след копыт вороной кобылы, несомненно, было тем, которое они искали, тем, которое им велел искать Вильгефорц. Тем, которое он подробно им описал и сообщил название.

Тарн Мира.

Озеро было узкое, не шире полета стрелы, втиснутое слегка изогнутым полумесяцем между высокими отвесными склонами, поросшими черным ельником, красиво присыпанным белой снежной пудрой. Склоны покрывала тишина, такая, что аж в ушах звенело. Замолчали даже вороны, зловещее карканье которых сопровождало их в пути несколько дней.

— Это южный конец, — сказал Бонарт. — Если чаровник не испоганил дела и не напутал, то магическая башня лежит на северном конце. Гляди за следом, Бореас. Если потеряем след, озеро отгородит нас от нее.

— Следы четкие! — крикнул снизу Бореас Мун. — И свежие. Ведут к озеру!

— Вперед! — Скеллен сдержал сторонящегося крутизны сивку. — Вниз.

Спустились по склону, осторожно, сдерживая фыркающих лошадей. Продрались сквозь черные, голые, обледеневшие кусты, закрывающие доступ к берегу.

Гнедой Бонарта мягко ступил на лед, с хрустом ломая торчащие словно из стеклянной плиты сухие камышины. Лед затрещал, из-под копыт разбежались звездочкой длинные стрелки трещин.

— Назад! — Бонарт натянул поводья, завернул храпящего коня к берегу. — С коней! Лед тонкий.

— Только у берега, в камышах, — оценил Дакре Силифант, ударив по ледяной скорлупе каблуком. — Но даже и здесь дюйма полтора. Удержит лошадей запросто, бояться нечего...

Его слова заглушила ругань Скеллена. Лошадь заржала, просела на зад, ноги под ней разъехались. Скеллен ударил лошадь шпорами, выругался снова, на этот раз ругательству вторил хруст ломающегося льда. Сивка заколотил передними копытами, задние, увязшие, дергались в пробоине, круша лед и взбивая в пену вырывающуюся из-под него темную воду. Филин спрыгнул с седла, дернул за поводья, но поскользнулся и свалился всем телом, чудом не попав под копыта собственного коня. Два геммерийца, тоже спешившиеся, помогли ему подняться. Оль Харшейм и Берт Бригден выволокли ржущего сивку на берег.

— С коней, парни, — повторил Бонарт, уставившись в туман, затягивающий озеро. — Незачем рисковать. Догоним девку пёхом. Она тоже слезла, тоже идет пешком.

— Истинная правда, — подтвердил Бореас Мун, указывая на озеро. — Это видать.

Только у самого берега, под крышей еловых ветвей, ледяная скорлупа была гладкой и полупрозрачной, как темное бутылочное стекло, под ней был виден камыш и побуревшие водоросли. Дальше, на плесе, лед покрывал тоненький слой влажного снега. А на снегу, докуда позволял видеть туман, темнели следы ног.

— Возьмем! — запальчиво крикнул Риенс, закидывая вожжи на сук. — Не такая уж она хитрая, как казалось! Пошла по льду, серединой озера. Если б выбрала один из берегов или лес, нелегко было бы догнать!

— Серединой озера... — задумчиво повторил Бонарт. — Именно серединой озера ведет самая короткая и самая прямая дорога к той якобы магической башне, о которой говорил Вильгефорц. Она об этом знает. Мун, на сколько она опережает нас?

Бореас, который уже был на озере, низко наклонился над следом сапога. Присмотрелся.

— Не больше чем на полчаса. Теплеет, а след не размытый, каждый гвоздь в каблуке видать.

— Озеро, — буркнул Бонарт, напрасно пытаясь пробить взглядом туман, — тянется к северу больше чем на пять миль. Так говорил Вильгефорц. Если у девчонки полчаса перевеса, значит, она в какой-нибудь полумиле перед нами.

— На скользком льду? — покрутил головой Мун. — И того нет. Шесть-семь стae, не больше.

— Тем лучше. Вперед!

— Вперед, — повторил Филин. — На лед, и вперед, быстро!

Они шли, тяжело дыша. Близость жертвы взбадривала, возбуждала, наполняла эйфорией словно наркотик.

— Не уйдет!

— Только б след не потерять...

— И только б она нас не обжегорила в тумане... Бело, как в молоке... В двадцати шагах не видать, мать ее...

— Шевелите лаптями, — буркнул Риенс. — Быстрей, быстрей! Пока снежок на льду, идем по следам...

— Следы совсем свежие, — неожиданно забормотал Бореас Мун, останавливаясь и наклоняясь. — Свеженькие... Каждый гвоздь оттиснулся... Она перед нами... Совсем близко! Почему ж мы ее не видим?!

— И почему не слышим?! — задумался Оль Харшейм. — Наши шаги по льду дуднят, снег поскрипывает! Так почему ж ее-то не слышно?

— Потому что болтаете много, — резко отрезал Риенс. — Дальше, марш!

Бореас Мун стащил шапку, утер вспотевший лоб.

— Она тут, в тумане, — сказал он тихо. — Где-то тут, в тумане... Но не видно где... Не видать, откедова ударит... Как там... В Дун Даре... В ночь Саовины...

Он принялся дрожащей рукой извлекать меч из ножен. Филин подскочил к нему, схватил за плечи, рванул.

— Заткни хлебало, старый дурень, — зашипел он.

Однако было уже поздно. Остальным передался страх. Они тоже вытащили мечи, инстинктивно становясь так, чтобы за спиной был кто-нибудь из спутников.

— Она не привидение! — громко прошипел Риенс. — Она даже не магичка! А нас — десятеро! В Дун Даре было четверо и все пьяные в дымину!

— Расступиться, — неожиданно сказал Бонарт, — влево и вправо, в линию. И идти цепью! Но так, чтобы друг друга из глаз не выпускать.

— И ты туда же? — скривился Риенс. — И тебя тоже забрало, Бонарт? Я считал тебя не таким... — Он осекся.

Охотник за наградами глянул на него взглядом холодней, чем лед.

— Растянуться в цепь, — повторил он, не обращая внимания на чародея. — Держать дистанцию. Я возвращаюсь за лошадью.

— Что?

Бонарт и на этот раз не удостоил Риенса ответом. Риенс выругался, но Филин быстро положил ему руку на плечо.

— Перестань, — буркнул он, — пусть идет. А мы давайте не будем терять времени! Люди, в цепь! Берг и Стигварт — налево, Оль — направо...

— Зачем все это, Скеллен?

— Под идущими кучей, — буркнул Бореас Мун, — лед скорее проломится, чем под растянувшимися в цепь. Кроме того, ежели цепью пойдем, будет меньше риск, что девка у нас как-нито бочком ускользнет.

— Бочком? — фыркнул Риенс. — Это каким же манером? Следы перед нами как на ладони. Девчонка идет прямо как по струнке; если попытается хоть на шаг в сторону двинуться, следы выдадут!

— Хватит трепаться, — обрезал Филин, глядя назад, в туман, в котором исчез Бонарт. — Вперед!

Они пошли.

— Теплее становится, — шепнул Бореас Мун. — Лед поверху тает, наледь образуется...

— Туман густеет...

— Но следы все время видны, — отметил Дакре Силифант. — Кроме того, мне кажется, девчонка пошла медленнее. Устает.

— Как и мы. — Риенс сорвал шапку и обмахнулся.

— Тише. — Силифант вдруг остановился. — Вы слышали? Что такое?

— Я ничего не слышал.

— А я — да... Как бы скрип... Скрип по льду... Но не оттуда. — Бореас Мун указал в туман, в который уходили следы. — Как бы слева, сбоку...

— Я тоже слышал, — подтвердил Филин, беспокойно оглядываясь. — Но теперь стихло. Черт побери, не нравится мне это. Мне это не нравится!

— Следы, — утомленно, но настойчиво повторил Риенс. — Мы видим ее следы! Что, у вас глаз нет? Она идет прямо как стрела. Если б свернула хоть на шаг, хоть на полшага, мы увидели бы по следам! Марш быстрее, через минуту-другую мы ее возьмем! Ручаюсь, через минуту увидим...

Он осекся. Бореас Мун вздохнул так, что у него заиграло в легких. Филин выругался.

В десяти шагах перед ними, на самой границе видимости, обозначенной плотным туманом, следы обрывались. Исчезали.

— Чума на тебя...

— В чем дело?

— Улетела, что ли?

— Нет, — покрутил головой Бореас Мун. — Не улетела. Хуже.

Риенс грязно выругался, указывая на появившиеся на ледовой скорлупе черточки.

— Коньки, — буркнул он, машинально сжимая кулаки. — У нее были коньки, и она их надела... Теперь помчится по льду как ветер... Мы ее не догоним! Куда, чума на его морду, подевался Бонарт? Не догнать девку без лошадей!

Бореас Мун громко кашлянул, вздохнул. Скеллен медленно расстегнул кобушюк, открыв пересекающую наискось грудь бандольеру с рядом орионов.

— Нам не придется ее догонять, — сказал он холодно. — Это она догонит нас. Боюсь, очень даже скоро!

— Ты спятил?

— Бонарт это предвидел. Поэтому и вернулся за лошадьми. Он знал, что девка заманивает нас в ловушку. Внимание! Ловите скрип коньков по льду!

Дакре Силифант побледнел, это было видно, даже несмотря на покрасневшие от мороза щеки.

— Парни! — крикнул он. — Внимание! Будьте настороже! И в кучку, в кучку. Не потеряйтесь в тумане.

— Заткнись! — рявкнул Филин. — Соблюдать тишину! Полную тишину, иначе не услышим...

Они слышали. С левого, самого дальнего, края цепи из тумана до них долетел короткий, тут же оборвавшийся крик. И резкий, хриплый скрип коньков, от которого сводило скулы, как от скрипа железом по стеклу!

— Берт! — крикнул Филин. — Берт! В чем там дело?

Они слышали непонятный крик, а через мгновение из тумана выскочил мчащийся во весь опор Берт Бригден. Уже оказавшись близко, он поскользнулся, упал, поехал животом по льду.

— Она достала... Стигварта, — выдохнул он, с трудом поднимаясь. — Зарезала... проносясь мимо... Так быстро... что я едва ее увидел... Чаровница...

Скеллен выругался. Силифант и Мун, оба с мечами в руках, вертелись, таращась во мглу.

Скрип. Скрип. Скрип. Быстрый. Ритмичный. И все более четкий. Все более четкий...

— Откуда? — зарычал Бореас Мун, поворачиваясь и водя в воздухе острием меча, который держал обеими руками. — Откуда?

— Тихо! — крикнул Филин, держа орион в поднятой руке. — Кажется, справа! Да, справа! Она подъезжает справа! Внимание!

Идущий на правом фланге геммериец неожиданно выругался, развернулся и помчался вслепую в туман, шлепая по слою тающего льда. Далеко ему убежать не удалось. Не удалось даже скрыться из глаз. Они слышали резкий скрип коньков, заметили расплывчатую, подвижную тень. И блеск меча. Геммериец взвыл. Они видели, как он упал, видели широкий веер крови на льду. Раненый дергался, извивался, кричал, выл, потом утих и замер.

Но пока он выл, он заглушил своим воем скрип коньков. Они не ожидали, что девушка сумеет так быстро развернуться.

Она влетела между ними, в самую середину. Оля Харшейма рубанула на лету, низко, под колено, переломив его как складной ножичек. Закружилась в пируэте, засыпав Бореаса Муна градом колких крошек льда. Скеллен отскочил, поскользнулся, ухватил за

рукав Риенса. Оба упали. Коньки закрипели совсем рядом с ними, острые холодные осколки покусали им лица. Один из геммерийцев вскрикнул, вопль оборвался диким всхлипом. Филин знал, что случилось. Он слышал многих людей, которым перерезали глотки.

Оль Харшейм кричал, дергаясь на льду.

Скрип. Скрип. Скрип.

Тишина.

— Господин Скеллен, — выдавил Дакре Силифант. — На тебя вся надежда... Спасай... Не дай пропасть...

— Ногу мне подсекла, курва-а-а-а! — выл Оль Харшейм. — Помогите, мать вашу... Помогите вста-а-а-ать-то!

— Бонарт! — заорал в туман Скеллен. — Бонарт! На помощь! Где ты, сукин ты сын! Бонарт!!!

— Она обходит нас, — выдохнул Бореас Мун, разворачиваясь и прислушиваясь. — Ездит по кругу в тумане... Ударит неведомо откуда... Смерть! Эта девка — сама смерть! Все подождем тут! Будет резня, как в Дун Даре в ночь Саовины...

— Держитесь вместе, — простонал Скеллен. — Держитесь кучей, она охотится за одиночками... Как только увидите, что приближается, не теряйте головы... Бросайте ей под ноги мечи, пояса, мешки... Что угодно, лишь бы ее...

Он не закончил. На этот раз они даже не услышали скрипа коньков. Дакре Силифант и Риенс спасли себе жизнь, упав плашмя на лед. Бореас Мун успел отскочить, поскользнулся, упал, перевернул Берта Бригдена. Когда девушка пронеслась мимо, Скеллен размахнулся и запустил орион. И попал. Но не в того, в кого собирался. Оль Харшейм, которому в этот момент только-только удалось подняться, рухнул в судорогах на окровавленный лед, его широко раскрытые глаза, казалось, косили на стальную звезду, торчащую из основания носа.

Последний из геммерийцев бросил меч и принялся коротко, отрывисто всхлипывать. Скеллен подлетел к нему и изо всей силы ударил по лицу.

— Возьми себя в руки! — зарычал он. — Возьми себя в руки, парень! Это всего-навсего одна девчонка! Одна девчонка!

— Как в Дун Даре в ночь Саовины, — тихо сказал Бореас Мун. — Нам уже не уйти с этого льда, с этого озера. Слушайте! Слушайте! И вы услышите, как надвигается на нас смерть!

Скеллен поднял меч геммерийца и попробовал сунуть всхлипывающему мужчине оружие в руку, но напрасно. Сотрясаемый конвульсиями геммериец глядел на него невидящим взором. Филин бросил меч, подскочил к Риенсу.

— Сделай же что-нибудь, чародей! — рывкнул он, рванув того за руки. Ужас удвоил его силы, и Риенс, хоть был выше, тяжелее и мощнее, дергался в хватке Филина как тряпичная кукла. — Сделай что-нибудь! Вызывай своего могущественного Вильгефорца! Иди чародейничай сам! Чародейничай, выкрикивай заклинания, вызы-

вай духов, созывай демонов! Делай что угодно, ты, паршивый поскребыш, ты, дерьмо поганое! Сделай что-нибудь, пока упыриха всех нас не поубивала!

Эхо его крика прокатилось по покрытым лесом склонам. Прежде чем оно умолкло, закрипели коньки. Всхлипывающий геммериец упал на колени и закрыл лицо руками. Берт Бригден завыл, бросил меч и кинулся бежать. Поскользнулся, перевернулся, какое-то время карабкался на четвереньках, словно пес.

— Ну, Риенс!

Чародей выругался, поднял руку. Когда произносил заклинание, рука у него дрожала, голос тоже. Но получилось. Правда, не все.

Вырвавшаяся из пальцев тоненькая огненная молния прорезала лед. Ледяная плита лопнула. Но не поперек, как должна была бы, чтобы загородить приближающейся девушке дорогу. Лопнула вдоль. Ледяная скорлупа с громким хрустом раскрылась, вырвалась и загудела черная вода, быстро расширяющаяся щель помчалась в сторону тупо глядевшего на нее Дакре Силифанта.

— Бегите! — взвизгнул Скеллен. — Бегите-е-е-е!

Поздно. Щель прошла между ногами Силифанта и резко расширилась, лед изломался как стекло, образовав большие куски. Дакре потерял равновесие, вода приглушила его крик. В образовавшуюся полынью свалился Бореас Мун, исчез под водой ползавший на четвереньках геммериец, исчез труп Оля Харшейма. За ними плюхнулся в черную глубину Риенс, а тут же следом Скеллен, в последний момент успевший уцепиться за край льдины... А девушка, сильно оттолкнувшись, перелетела над образовавшейся щелью, опустилась так, что брызнул тающий лед, помчалась за убегающим Бригденом. Через секунду до слуха висевшего на краю разлома Филина долетел дикий, свинячий визг.

Догнала.

— Господи... — простонал Бореас Мун, которому неведомо как удалось выкарабкаться на лед. — Дайте руку... Господин коронер...

Вытянутый из воды Скеллен посинел. Его била дрожь. Под пытавшимся вылезти Силифантом обломился край льдины. Дакре снова ушел под воду. Но тут же вынырнул, кашляя и отплеиваясь, нечеловеческим усилием выбрался на лед. Выкарабкался и упал, совершенно выбившись из сил. Рядом с ним образовалась лужа.

Бореас стонал, прикрыв глаза. Скеллен дрожал.

— Спасите... Мун... Помогите...

На краю ледяного поля, погрузившись по пах, висел Риенс. Мокрые волосы облепили череп. Зубы стучали не хуже кастаньет. Это походило на призрачную увертюру к какой-то inferнальной *dance macabre* *.

Заскрипели коньки. Бореас не шелохнулся. Ждал. Скеллен дрожал.

* пляска смерти (фр.).

Она приближалась. Медленно. С ее меча стекала кровь, помечая лед пунктиром капель. Бореас слотнул слюну. Хоть он до последней нитки промок в ледяной воде, ему вдруг сделалось чудовищно жарко.

Но девушка не смотрела на него. Она смотрела на Риенса, напрасно пытавшегося выбраться на лед.

— Помоги... — Риенс пересилил стук зубов. — Спаси...

Девушка притормозила, развернувшись на коньках с грацией танцовщицы. Остановилась, слегка расставив ноги и держа меч низко, поперек бедер.

— Спаси меня, — заскулил Риенс, впиваясь в лед деревенеющими пальцами. — Спаси... Я скажу тебе... Где сейчас Йеннифэр... Клянусь.

Девушка медленно стянула шарф с лица. И улыбнулась. Бореас Мун увидел жуткий шрам и с трудом сдержал крик.

— Риенс, — сказала Цири, продолжая улыбаться. — Ведь ты собирался научить меня боли. Помнишь? Этими вот руками. Этими вот пальцами. Этими. Теми, которыми сейчас вцепился в лед.

Риенс ответил. Бореас не разобрал, что, так как зубы чародея стучали и клацали, существенно затрудняя членораздельную речь. Цири развернулась на коньках и подняла руку с мечом. Бореас стиснул зубы, убежденный, что она сейчас зарубит Риенса, но девушка только приготовилась к бегу. К величайшему изумлению следопыта, она отъехала, быстро разгоняясь резкими взмахами рук. Исчезла в тумане, через мгновение утих и ритмичный скрип коньков.

— Мун... Вы-вы-вы... выта-а-а-ащи... ме-е-е-е-е... — прогавкал Риенс, лежа подбородком на льду. Он выбросил обе руки на лед, пытаясь уцепиться ногтями, но все ногти уже были сорваны. Он растопырил пальцы, пытаясь ухватиться за окровавленный лед ладонями и подушечками пальцев. Бореас Мун смотрел на него и чувствовал уверенность, ужасающую уверенность...

Скрип коньков они услышали в последний момент. Девушка приближалась с невероятной быстротой, прямо-таки расплываясь в глазах. Она подъезжала по самому краю льда, мчалась уже по обрезу трещины.

Риенс вскрикнул. И захлебнулся плотной, свинцовой водой.

И исчез.

На льду, точно на ровненьком следу коньков, осталась кровь. И пальцы. Восемь пальцев.

Бореаса Муна с потрохами вывернуло на лед.

Бонарт мчался галопом по краю приозерного склона, гнал как сумасшедший, не думая о том, что конь в любой момент может переломать ноги на припорошенных снегом расщелинах. Покрытые инеем ветви елей хлестали его по лицу, били по рукам, сыпали за воротник ледяную пыль.

Озера он не видел — всю котловину, будто кипящий ведьмин котел, заполняла белая мгла.

Но Бонарт знал, что девушка — там.

Чувствовал.

* * *

Подо льдом, глубоко, стайка полосатых окуньков с интересом провожала на дно озера мерцающую серебряную коробочку, выскользнувшую из кармана плавающего в пучине труп. Прежде чем коробочка, подняв облачко пыли, упала на дно, самые смелые из окуньков попытались ее даже тронуть мордочками. Но вдруг отшмыгнули, испуганные.

Коробочка излучала странные, пугающие колебания.

— Риенс? Ты меня слышишь? Что с вами? Почему два дня не отвечали? Докладывай! Что с девушкой? Нельзя допустить, чтобы она вошла в Башню Ласточки... Риенс! Отвечай, дьявол тебя побери! Риенс!

Риенс, естественно, ответить не мог.

Откос кончился, берег сделался плоским. «Конец озера, — подумал Бонарт, — я на конце. Обошел девку. Где она? И где эта чертова башня?»

Завеса тумана неожиданно лопнула, поднялась. И тогда он увидел ее. Она была прямо перед ним на своей вороной кобыле. «Чародейка, — подумал он, — общается со своей зверюгой. Послала ее на конец озера и велела ожидать себя.

Но ничто ей не поможет.

Я должен ее убить. Пусть провалится к черту в ад Вильгефорц. Я должен ее убить. Для начала заставлю молить о пощаде, о жизни... А потом убью».

Он крикнул, пришпорил лошадь и послал ее в галоп.

И вдруг понял, что проиграл. Что все-таки она обвела его.

Его отделяло от нее не больше полстае — но по тонкому льду. Она была по другую сторону озера. Больше того, полумесяц плеса теперь изгибался в противоположную сторону — девушка, едущая по тетиве лука, была гораздо ближе к краю озера.

Бонарт выругался, рванул поводья и направил лошадь на лед.

— Гони, Кэльпи!

Из-под копыт вороной кобылы задрбила замерзшая земля.

Цири прижалась к лошадиной шее. Вид преследующего ее Бонарта пронзил ее ужасом. Она боялась этого человека. При мысли о возможности сопротивления невидимая рука стиснула ей желудок.

Нет, бороться с ним она не могла. Пока еще не могла.

Башня. Спасти ее могла только Башня. И портал. Как на Танеде, когда чародей Вильгефорц был уже совсем рядом, уже протянул к ней руку...

Единственное спасение — Башня Ласточки.

Туман поднялся.

Цири натянула поводья, чувствуя, как ее вдруг охватывает чудовищный жар. Она не могла поверить в то, что видела. Что было перед ней.

* * *

Бонарт тоже увидел. И торжествующе крикнул.

На краю озера башни не было. Не было даже ее развалин, не было попросту ничего. Только едва заметный, едва различимый холмик, только покрытая голыми промерзшими стеблями травы кучка камней.

— Вот она, твоя башня! — рявкнул он. — Вот твоя волшебная башня! Вот оно — твоё спасение! Куча камней!

Девушка, казалось, не слышит и не видит. Она подвела кобылу ближе к холмику, на каменную насыпь. Воздела обе руки к небу, словно проклинала небеса за все то, что ее здесь встретило.

— Я говорил тебе, — рычал Бонарт, прищипывая гнедого, — что ты моя! Что я сделаю с тобой все, что захочу! Что никто мне не помещает! Ни люди, ни боги, ни дьяволы, ни демоны! Ни волшебные башни! Ты моя, ведьмачка!

Подковы гнедой лошади зацокали по ледяной глади.

Туман вдруг за клубился, закипел под ударами вихря, свалившегося неведомо откуда. Гнедой заржал и заплясал, оскалив зубы. Бонарт откинулся в седле, натянул поводья изо всей силы, потому что лошадь прямо-таки сбесилась, мотала головой, топала, скользила по льду.

Впереди, между ним и берегом, на котором стояла Цири, танцевал на льду снежно-белый единорог, вставал на дыбы, принимая позу, знакомую по гербовым шитам.

— Со мной такие фокусы не проходят! — рявкнул охотник, сдерживая лошадь. — Меня чарами не возьмешь! Я догоню тебя, Цирилла! На этот раз я тебя убью! Ведьмачка! Ты — моя!

Туман снова пошел клубами. Закипел, принял странные очертания. Эти очертания становились все более четкими. Наездники! Кошмарные фигуры призрачных наездников.

Бонарт вытарашил глаза.

На скелетах коней сидели скелеты наездников, одетых в прожжавшие латы и кольчуги, обрывки плащей, погнутые и искорверканные шлемы с буйволиными рогами, остатками султанов из страусовых и павлиньих перьев. Из-под обрезов шлемов глаза привидений светились синеватым пламенем. Полоскались разодранные полотнища знамен.

В голове демонической кавалькады мчался вооруженный призрак с короной на черепе, с нашейником, бьющимся о проржавевшую кирасу.

Прочь! — загудело в голове Бонарта. — Прочь отсюда, смертный! Она не твоя! Она наша! Прочь!

В одном нельзя было отказать Бонарту: в отваге. Он не испугался призраков. Он переборол страх, не запаниковал.

Но его конь оказался не таким храбрым.

Гнедой жеребец встал на дыбы, заплясал, словно в балете, на задних ногах, дико заржал, рванулся и подскочил. Под ударами

его подков лед с ужасающим скрежетом треснул, плиты встали отвесно, вырвалась вода. Жеребец завизжал, ударил о край льда передними копытами, разломил его. Бонарт вырвал ноги из стремня, прыгнул на лед.

Слишком поздно.

Вода сомкнулась над его головой. В ушах загудело и зазвенело словно в колокольне. Легкие готовы были вот-вот разорваться.

Ему повезло. Его перемешивающие воду ноги нащупали что-то — вероятно, идущего ко дну коня. Он оттолкнулся, вынырнул, отплеываясь и сопя. Ухватился за край образовавшейся полыньи. Не поддаваясь панике, выхватил нож, вбил его в лед, вытянул себя. Он лежал, тяжело дыша, с него с плеском стекала вода.

Озеро, лед, заснеженные склоны, белый глазурованный еловый лес — все вдруг залил неестественный мертвенный свет.

Бонарт с огромным трудом поднялся на колени.

Темно-синее небо над горизонтом запылало ослепительной короной, светящимся куполом, из которого вдруг выросли огненные столбы и спирали, вырвались пляшущие колонны и вихри света. На небосклоне повисли переливающиеся, подвижные, быстро меняющие форму ленты и полотнища.

Бонарт захрипел. Ему показалось, что на горло надет стальной обруч гарроты.

Там, где только что был лишь голый холмик и груда камней, вздымалась башня.

Величественная, стрельчатая и изящная, черная, гладкая, блестящая, словно высеченная из цельной глыбы базальта. Огонь мерцал в немногочисленных окнах, в зубчатых остриях вершины горела *aurora borealis*.

Он видел девушку, повернувшуюся к нему в седле. Видел ее горящие глаза и уродующий лицо шрам, пересекающий щеку. Видел, как девушка подгоняет вороную кобылу, как не спеша въезжает в черный провал, под каменный свод входа.

Как исчезает.

Aurora borealis вспыхнула ослепительными водоворотами огней.

Когда Бонарт снова стал видеть, башни уже не было. Был покрытый снегом холмик, груда камней, засохшие, черные стебли травы.

Ползая на коленях по льду, в луже стекающей с него воды, охотник за наградами жутко закричал. Жутко и дико. Воздев руки к небу, не вставая с колен, он кричал, выл, богохульствовал и проклинал — людей, богов и демонов.

Эхо его крика катилось по поросшим елями склонам, несло по замерзшему зеркалу озера Тарн Мира.

То, что она увидела внутри башни, в первый момент напомнило ей Каэр Морхен — такой же длинный коридор за аркадами, точно такое же бесконечное пространство уходящих вдаль то ли колонн, то ли скульптур. Было непонятно, каким образом эта без-

дна может уместиться в стройном обелиске башни. Но ведь Цири знала, что бессмысленно пытаться анализировать — ибо башня эта выросла из ничего, возникла там, где ее раньше не было. В такой башне могло быть все что угодно, и ничему не следовало удивляться. Она оглянулась, не веря, что Бонарт осмелится и войдет следом. Но предпочитала удостовериться.

Аркада, через которую она въехала, сияла неестественным светом.

Копыта Кэльпи зазвенели по полу, под копытами что-то захрустело. Черепа, берцовые кости, грудные клетки, бедренные, тазовые кости. Она ехала по гигантскому склепу. «Каэр Морхен, — вспомнила она. — Умерших следует предавать земле... Как же давно это было... Тогда я еще верила в нечто подобное... В величии смерти, в почтении к умершим... А смерть — это просто-напросто смерть. И умерший — всего-навсего холодный труп. Не имеет значения, где лежат, где превращаются в прах его кости».

Она въехала во мрак под аркадами, между колоннами и статуями. Тьма заколебалась как дым, уши наполнились настойчивыми шепотками, вздохами, тихими стенаниями. Впереди неожиданно вспыхнул свет, распахнулись гигантские двери. Они раскрывались одни за другими. Двери. Бесчисленное множество дверей с тяжелыми створками беззвучно раскрывалось перед нею.

Кэльпи шла, звеня подковами по каменному полу.

Геометрия окружающих стен, арок и колонн нарушилась так внезапно и резко, что Цири почувствовала головокружение. Ей показалось, что она внутри какой-то невероятной многогранной глыбы, какого-то гигантского октаэдра.

Двери продолжали раскрываться. Но уже не указывали одного-единственного направления. Они открывались в бесконечное множество направлений и возможностей.

И Цири начала видеть.

Черноволосая женщина ведет за руку пепельноволосую девочку. Девочка трусит, боится света, боится усиливающихся во тьме шептков, ее пугает звон подков, который она слышит. Черноволосая женщина с искрящейся бриллиантами звездой на шее тоже боится. Но не показывает виду. Она ведет девочку дальше. К ее предназначению.

Кэльпи идет. Следующие двери.

Иоля Вторая и Эурнэйд в колушках, с узелками, шагают по замерзшему, покрытому снегом тракту. Небо — темно-синее.

Следующие двери.

Иоля Первая стоит на коленях перед алтарем. Рядом с нею матушка Нэннеке. Обе смотрят, лица их искажены гримасами ужаса. Что они видят? Прошлое или будущее? Правду или ложь?

Над ними обеими, над Нэннеке и Иолей, — руки. Протянутые в жесте благословения руки женщины с золотыми глазами. В ожерелье женщины — бриллиант, светящаяся утренняя звезда. На руках у женщины кот. Над ее головой — сокол.

Следующие двери.

Трисс Меригольд поддерживает свои роскошные каштановые волосы, которые путает ветер. От ветра невозможно укрыться, от ветра ничто не заслонит.

Не здесь, не на вершине холма.

На холм поднимается долгая, бесконечная череда теней, фигур. Они идут медленно. Некоторые поворачиваются к ней лицами. Знакомые лица. Весемир, Эскель, Ламберт, Койон, Ярпен Зигрин и Пауль Дальберг. Фабио Сакс... Ярре... Тиссая де Врие...

Мистле...

Геральт?

Следующие двери.

Йеннифэр в цепях, прикованная к покрытой влагой стене подземелья. Ее руки — сплошная масса застывшей крови. Черные волосы растрепаны и спутаны... Губы разбиты и распухли... Но в фиолетовых глазах неугасающая воля к борьбе и сопротивлению.

Мамочка! Держись! Выдержи! Я иду к тебе на помощь! Держись!

Следующие двери. Цири отворачивается. С обидой и смущением.

Геральт. И зеленоглазая женщина с черными, коротко стриженными волосами. Оба нагие. Заняты, поглощены друг другом. Удовольствием, которое доставляют друг другу.

Цири сдерживает стискивающие горло эмоции, подгоняет Кэльпи. Стучат копыта. В темноте пульсируют шепотки.

Следующие двери.

Здравствуй, Цири.

— Высогота?

Я знал, что у тебя все получится, храбрая девочка. Моя мужественная Ласточка. Ты не пострадала?

— Я победила их. На льду. У меня был для них сюрприз. Коньки твоей дочери...

Я имел в виду моральные страдания.

— Я остановилась... Не стала убивать всех. Не убила Филина... Хотя именно он меня ранил и изуродовал. Я сдержалась.

Я знал, что ты победишь, Zireael. И войдешь в башню. Ведь я читал об этом. Потому что это уже описано... Все это уже было описано. Знаешь, что дает учеба? Умение пользоваться источниками.

— Как получается, что мы можем разговаривать... Высогота...

Или ты...

Да, Цири. Умер. А, не важно! Гораздо важнее то, что я узнал. На что наткнулся... Теперь я знаю, куда девались потерянные дни. Знаю, что произошло в пустыне Корат. Знаю, каким образом ты скрылась от погони...

— И каким образом вошла сюда, в башню, да?

Старшая Кровь, текущая в твоих жилах, дает тебе власть над временем. И над пространством. Над измерениями и сферами. Теперь ты — Владычица Миров, Цири. Ты обладаешь могущественной Силой. Не позволяй ее у себя отнять и использовать в собственных целях преступникам и негодяям...

— Не позволю.

Прощай, Цири. Прощай, Ласточка.

— Прощай, Старый Ворон.

Следующие двери. Свет, ослепительный свет.

И пронзительный аромат цветов.

На озере лежал туман, легчайшая как пух мгла, быстро разгоняемая ветром. Гладкая как зеркало поверхность воды, на зеленых коврах плоских листьев кувшинок белеют цветы.

Берега утопают в зелени и цветах.

Тепло.

Весна:

Цири не удивлялась. Да и как можно было удивляться? Ведь теперь все стало возможным. Ноябрь, лед, снег, мерзлая почва, куча камней на ошетилившемся замерзшими стеблями холмике — все это было там. А здесь есть здесь, здесь — стрельчатая базальтовая башня с зубчатыми башенками на вершине отражается в зеленой, усеянной белыми кувшинками воде озера. Здесь — май, потому что именно в мае цветут дикая роза и черемуха.

Кто-то поблизости играет на флейте или свирели, выводя веселую, задорную мелодийку.

На берегу озера, передними ногами в воде, стояли два снежно-белых коня. Кэльпи фыркнула, ударила копытом о камень. Тогда кони подняли морды и влажные от воды ноздри, а Цири громко вздохнула.

Это были не кони, а единороги.

Цири не удивилась. Вздыхала она от восхищения, а не от удивления.

Мелодия звучала все громче, долетая из-за кустов черемухи, увешенных белыми гирляндами цветов. Кэльпи направилась туда сама, не понукаемая никем. Цири сглотнула. Оба единорога, теперь неподвижные как статуи, глядели на нее, отражаясь в гладкой как зеркало поверхности вод.

За кустом черемухи сидел на округлом камне светловолосый эльф с треугольным лицом и огромными миндалевидными глазами. Он играл, ловко перебирая пальцами по отверстиям флейты. Он видел Цири и Кэльпи, глядел на них, но играть не переставал.

Белые цветочки черемухи пахли так сильно, как никогда не пахла та черемуха, которую Цири встречала когда-либо в жизни. «И ничего удивительного, — подумала она совершенно спокойно. — В том мире, где я жила до сих пор, черемуха просто пахнет иначе.

Потому что в том мире вообще все иначе».

Эльф закончил мелодию протяжной высокой трелью, отнял флейту от губ, встал.

— Почему так долго? — спросил он, улыбнувшись. — Что задержало тебя?

Содержание

Крещение огнем	5
Башня Ласточки	269

Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

*Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семи Королевств».*

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

. Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.

Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.

Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.

2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге:
Невский проспект, д. 72, магазин № 49. Тел. 272-9031.

Оптовая торговля:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Поклонники таланта Стивена Kinga, —
ЭТО ДЛЯ ВАС!

Поклонники цикла
«Темная башня», —
НЕ ПРОПУСТИТЕ!

Мы предлагаем вам
НОВОЕ
произведение «короля ужасов»,
повествующее о **НОВЫХ** приключениях
Роланда и его друзей на пути
к таинственной Темной Башне, —
повесть «Смиренные сестры Элური»,
в антологии «Легенды»
(Золотая Серия Фэнтези).

Помимо Стивена Kinga, специально для этой
антологии написали повести *Терри Гудкайнд*,
Роберт Джордан, *Орсон Скотт Кард* и другие
знаменитые «творцы миров».

Антологию «Легенды» и другие книги издатель-
ства АСТ можно купить в наших фирменных
магазинах или заказать по почте по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте»

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии
«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужасника Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирических» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Поклонники Орсона Скотта Карда, это для Вас!

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман *«Дети разума»* — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман *«Тень Эндера»* — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте *«Сагу о Вортинге»* — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии
«НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггином: читайте *«Советника по инвестициям»* в антологии *«Далекие горизонты»*, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

**«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ»**

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

**Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невозможные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Kinga и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайда, Г.Кука, К.Шашефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжонки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник обитурента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Луганская, д.7. Тел. 522-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31; проспект Просвещения, д.76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46. Издательство «Фоллио»

Литературно-художественное издание

Сапковский Андрей

**Крещение огнем
Башня Ласточки**

Фантастические романы

**Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.К. Чернова**

Подписано в печать 28.08.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 32,76.
Тираж 13000 экз. Заказ № 1624.

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru**

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Сапковский А.

- С19** Крещение огнем. Башня Ласточки: Фантастические романы / Пер. с польского Е.П. Вайсброта. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 624 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-003145-9

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогającego его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогającego его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

ISBN 5-17-003145-9

9 785170 031450